ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»

На правах рукописи

Кометчиков Игорь Вячеславович

Повседневные взаимоотношения власти и сельского социума Центрального Нечерноземья в 1945 — начале 1960-х гг.

Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук

Специальность 5.6.1 — Отечественная история

Научный консультант —
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
Михаил Алексеевич Безнин

Вологда — 2025

Оглавление

Введение …… 4

Глава I. Повседневные взаимоотношения власти и сельского социума в хозяйственной сфере

1.1. Власть и производительные силы деревни ……. 83

1.2. Власть и сельский социум в системе поземельных отношений …… 115

1.3. Власть и сельский социум в сфере трудовых отношений ……. 143

1.4. Финансовая политика власти и сельский социум …….. 185

Глава II. Повседневные взаимоотношения власти и сельского социума в политической сфере

2.1. Районное звено управления как уровень политической власти надпроизводственного менеджмента и сельский социум ……. 210

2.2. Политическая власть сельской протобуржуазии и деревня …….. 244

2.3. Низовые советские органы как инструмент политической власти в деревне ……... 259

2.4. Первичные парторганизации как инструмент политической власти в деревне …… 277

Глава III. Повседневные взаимоотношения власти и сельского социума в сфере культуры

3.1. Сельские культпросветучреждения как база советской культуры ... 303

3.2. Живое слово на службе власти: функционирование на селе лекционной пропаганды ……..... 328

3.3. «Из всех искусств для нас важнейшим является кино»: кинофикация в деревне……..... 344

3.4. «Не только коллективный пропагандист и агитатор»: функционирование СМИ в деревне……. 356

Глава IV. Повседневные взаимоотношения власти и сельского социума в сфере религиозности

4.1. Установление и поддержание рамок религиозности ……. 382

4.2. Формы легальной религиозности сельского социума …… 410

4.3. Формы религиозности сельского социума за рамками легальности 439

4.4. Метаморфозы культа региональных и местных святынь …….. 458

Заключение……... 470

Условные сокращения …….. 482

Источники и литература ……... 485

Введение

Особенности советского аграрного строя в послевоенные годы, в частности взаимоотношения власти и сельского социума, остаются одной из наиболее актуальных проблем новейшей отечественной истории. Сложилось несколько основных подходов к ее осмыслению: на основе концепции «морально-политического единства», «тоталитарной модели» и теории индустриализма. Их классические версии постулировали консенсус между властью и обществом по ключевым вопросам. В современной литературе она часто анализируется как социально-политический конфликт на почве модернизаторской политики тоталитарного государства и попыток сопротивления ей деревни. Представляется, что такой взгляд не в полной мере учитывает многообразие источников, ставших доступными в последние годы (часто это только вид «сверху», со стороны власти), а также не позволяет более отчетливо рассмотреть, как именно менялись взаимоотношения власти и сельского социума, как они им воспринимались, отражали ли они этот консенсус, что было за его рамками?

Настоящее исследование **методологически** базируется на парадигме, исходящей из антагонистического характера советского строя. Уже Л. Д. Троцкий в своих поздних работах полагал, что в СССР формируется строй, где бюрократия попирает завоевания Октября[1]. Х. Сетон-Уотсон в опубликованной в 1956 г. статье «Советский руководящий класс» называл «государственной буржуазией» высший слой советской интеллигенции, полагал, что ее сознание противоречит первоначальным большевистским принципам и является следствием промышленной революции в СССР[2]. Б. Майснер называл КПСС «представительницей интересов советской государственной буржуазии». М. Пелетье писал о появлении в СССР «новых буржуа», «новых

[1] *Троцкий Л. Д.* Преданная революция : Что такое СССР и куда он идет. [Б. м.], 1936.
[2] Зарубежная литература по истории советского общества : информационный бюллетень. М., 1958. № 2. С. 24.

кулаков», против которых протестуют советские люди[3]. Концептуально о партийной бюрократии как новом господствующем классе высказывались М. Джилас, Т. Клифф, М. С. Восленский, М. Николаус[4], хотя каждый из них осмысливал его роль в формировании советского строя по-разному[5]. В России подобные идеи начинают публиковаться с начала 1990-х гг. Так, А. А. Здоров определял в качестве господствующего класса СССР номенклатуру — «государственную буржуазию», которую он видел хозяином коллективной госсобственности, а ее утверждение в качестве гегемона — в процессе первоначального накопления (коллективизации)[6]. Е. И. Шоль размышлял о «прослойке» — новом господствующем классе СССР, занимавшей, по его мнению, господствующее положение в советском монопольном корпоративном (государственном) капитализме[7]. А. В. Радченко пишет о государственном военном монополистическом капитализме в СССР[8]. А. В. Соловьев полагал, что в СССР сложилась смешанная экономика с преобладанием госкапитализма в мелкобуржуазном исполнении, а капиталистические отношения персонифицировались в фигуре «красного директора», возвышавшегося над партократом по мере сосредоточения в своих руках прав собственника[9].

Значимыми в рамках этого подхода являются новейшие исследования М. А. Безнина и Т. М. Димони, в которых советский социально-экономический строй рассматривается как государственно-капиталистический (в литературе существует не вполне корректное, как

---

[3] Зарубежная литература по истории советского общества : информационный бюллетень. М., 1959. № 5. С. 46, 55.

[4] *Джилас М.* Новый класс. Нью-Йорк, 1961 ; *Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991 ; *Клифф Т.* Государственный капитализм в России. [Б. м.], 1991 ; *Nicolaus M.* Restoration of Capitalism in the USSR. Chicago, 1975.

[5] Подробный обзор зарубежной марксистской литературы см.: *Bellis P.* Marxism and the USSR : The Theory of Proletarian Dictatorship and Marxist Analysis of Soviet Society. New York, 1979.

[6] *Здоров А. А.* Государственный капитализм и модернизация Советского Союза (к вопросу о классовой природе советского общества). Одесса, 1998 [Электронный ресурс]. URL: http://www.skunksworks.net/doc/politik/zdorov-goscapsu.php (дата обращения: 15.08.2023).

[7] *Шоль Е. И.* «Прослойка», или Истоки революций и перестроек. М., 1996.

[8] *Радченко А. В.* Государственный военный монополистический капитализм в СССР: Ленин, Сталин, Хрущев, Горбачев и другие. М., 2003. С. 62—82, 83—84.

[9] *Соловьев А. В.*: 1) Общественный строй России — вчера, сегодня, завтра : (Короткие ответы на острые вопросы). Кострома, 1994 ; 2) Советский директор: собственник или наемный работник? [Б. м.], 2010 ; 3) На чем «погорела» советская власть? [Б. м.], 2010 ; 4) Еще раз об общественном строе СССР. [Б. м.], 2010.

представляется, мнение о подходе авторов как классовом[10]). Их концепция не избежала некоторого влияния теории модернизации. Однако, по их мнению, суть модернизации — в происходившей в 1930—1980-х гг. капитализации советского аграрного строя (в превращении овеществленного труда (капитала) в решающий фактор экономики, денатурализации средств производства, утверждении господства крупных форм товарного производства, замене крестьянской семейной кооперации труда ее узкопрофессиональной специализацией и др.). В процессе капитализации на смену структуре традиционного общества приходит капиталистическая классовая структура из протобуржуа, надпроизводственных менеджеров и менеджеров, обслуживавших непосредственное производство, интеллектуалов, рабочей аристократии и сельхозпролетариата. Капитализация «сверху» обусловила использование механизмов аграрного (феодального) общества, применявшихся в 1930—1950-е гг., для мобилизации ресурсов деревни в неаграрные секторы в ходе коллективизации, ставшей частью первоначального накопления. С конца 1950-х гг. им на смену приходят экономические механизмы, обеспечившие резкий рост товаризации сельского хозяйства. В 1950—1960-е гг., по мнению авторов, в советском сельском хозяйстве утверждается госкапитализм. В результате капитализации, сопровождавшейся раскрестьяниванием и формированием новых социальных страт деревни, складывается система взаимодействия между антагонистическими социальными образованиями, пришедшая на смену отношениям между самостоятельными крестьянами доколхозной поры. Отношения по поводу власти анализируются М. А. Безниным и Т. М. Димони как часть нового комплекса взаимодействий в обществе, включающего также отношения собственности (производственные отношения) и экономические отношения в целом, отношения по поводу правопорядка, нравственных норм, духовных ценностей[11].

---

[10] *Кедров Н. Г.* М. А. Безнин в галерее историков-марксистов // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 261—281.

[11] *Безнин М. А., Димони Т. М.*: 1) Аграрный строй России 1930—1980-х годов. М., 2014. С. 26—30, 559 ; 2) Аграрный строй России в 1930—1980-е годы : тезисы научного доклада. Вологда, 2003 ; 3) Советская протобуржуазия: генезис высшего класса российского общества // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 2. С.

Другой важный для настоящего исследования подход – рассмотрение взаимоотношений власти и общества с точки зрения повседневности. Еще М. Вебер обосновал понятие «рутинизации» как процесса приспособления харизматического господства, господства экстраординарного, «могучего исторического носителя коммунизма», к условиям повседневного существования. Сутью рутинизации он считал выработку и следование правилам апроприации власти харизматического господина и возможностей получения дохода его последователями при упорядочении рекрутирования новых членов, а ее предпосылкой и главным мотивом — необходимость устранения «антихозяйственного характера» харизмы, адаптацию ее «штаба управления» к повседневным условиям хозяйствования на основе «налогов и отчислений». Результатом рутинизации назывался переход к одной из «форм повседневного господства» с более или менее стабильными правилами — патримониальной или бюрократической. Бюрократизация любого господства, по мысли Вебера, способствует развитию рациональной деловой направленности, профессионализации и специализации. Однажды возникая на основе «капиталистического хозяйственного оборота», «прочной налоговой системы», роста управленческих задач, современных средств коммуникации, она становится одним из самых трудноразрушаемых социальных образований[12].

В работах М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя повседневность выступала частью макроконтекста жизни людей наряду с экономическими, демографическими, производственно-техническими и другими процессами. Ф. Бродель относил к «структурам повседневности» психологию и «каждодневные практики». К. Гинзбург применял т. н. «уликовую парадигму», предполагающую

437—453 ; 4) «Надпроизводственный» менеджмент в советской экономике (1930—1980-е гг.) // Вопросы истории. 2020. № 10 (2). С. 42—60 ; 5) К вопросу о подходах в изучении основных этапов социально-экономической трансформации Советской России от аграрного к капитализированному обществу // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 13—21 ; 6) Первоначальное накопление капитала в Советской России: приглашение к научной дискуссии // Вопросы истории. 2020. № 7. С. 22—42 ; 7) Коллективная капиталистическая собственность в институциональном устройстве России 1930—1980-х гг. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 186—201 ; *Безнин М. А., Димони Т. М., Гулин К. А*. Экономический строй России 1950—1980-х годов. Вологда, 2021. С. 10—15, 44—45.

[12] *Вебер М.* Хозяйство и общество : очерки понимающей социологии : в 4 т. Т. 1 : Социология / пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. М., 2016. С. 256—265, 281—284, 289—290, 385; Т. 4 : Господство. М., 2019. С. 37—46, 58, 68, 178, 180—181, 188—191, 203, 412.

акцент на второстепенных деталях, дешифровка которых позволяет понять весь объект исследования, благодаря чему ему удалось реконструировать картину мира казавшегося безмолвным «маленького человека» итальянского средневековья[13]. В Германии Х. Медик и А. Людтке практиковали «историю снизу», понимаемую как микроистория личностей и небольших групп. А. Людтке считал, что история повседневности фокусируется на анализе поведения тех, кого называют «рядовыми людьми». Главное, по его мнению, — «изучение человека в труде и вне его»[14]. Сходное понимание истории повседневности существует в итальянской и американской историографии[15].

Нет единства в определении предмета истории повседневности и в отечественной историографии. Л. В. Лебедева понимает под ней сферу социокультурной реальности, основанную на повторяемости смыслов во всех сферах бытия[16]. По мнению В. А. Бердинских, история повседневности — это, прежде всего, «история личной, приватной жизни»[17]. Подход «феноменологии повседневности», состоящий в реконструкции комплекса метальных установок и «структур повседневности» крестьянского двора, направленный на понимание логики крестьянской жизни, реализован в ряде работ отечественных социологов и этнографов[18]. Сходного понимания повседневности придерживалась Н. Н. Козлова, изучавшая ее «советский вариант вхождения в модерн» через «эго-документы» как «игры идентичности» на микроуровне

---

[13] *Гинзбург К.*: 1) Сыр и черви : Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000 ; 2) Мифы-эмблемы-приметы: морфология и история / пер. с итал. и послесл. С. Л. Козлова. М., 2004.

[14] См., например: *Людтке А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история : ежегодник, 1998/1999 / отв. ред. К. М. Андерсон, Л. И. Бородкин. М., 1999. С. 77—100.

[15] *Пушкарева Н. Л.* «История повседневности» как направление исторических исследований. URL: http://www.perspektivy.info/misl/koncept/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskih_issledovanij_2010-03-16.htm (дата обращения: 09.07.2015).

[16] *Лебедева Л. В.* Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены. М., 2009. С. 3.

[17] *Бердинских В. А.*: 1) Речи немых : Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. М., 2011. С. 6—7 ; 2) Русская деревня: быт и нравы. М., 2013.

[18] *Виноградский В. Г.*: 1) «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. Саратов, 2009 ; 2) Протоколы колхозной эпохи. Саратов, 2012 ; 3) «Голоса снизу»: дискурсы сельской повседневности. М., 2017 ; Русская деревня в рассказах её жителей / под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2009 ; *Нахимовский А. Д.* Устная история снизу : Материалы к устной истории русских крестьян в XX веке // Крестьяноведение. 2021. Т. 6. № 1. С. 91—125.

социальной организации[19]. Е. Ю. Зубкова разделяет историю на «большую», профессиональную, и «малую», обыденную, подразумевая под последней способ изучения механизма их взаимодействия[20]. Е. Ф. Кринко, И. Г. Тажидинова, Т. П. Хлынина подразумевают под повседневностью «совокупность жизненных укладов, привычных социальных взаимодействий», «поведенческие и речевые практики, стратегии выживания и адаптации людей к менявшимся условиям социальной и природной среды», смыслы, который люди вкладывали во все это[21]. Н. Б. Лебина видит в категории «повседневность» прежде всего, синтез элементов материальной и духовной культуры, выражением которого является бытовая сторона, скрывающая своеобразный «культурный код»[22]. И. Б. Орлов называет повседневным то, что происходит изо дня в день и «не удивляет»: «быт, среду, культурный фон, языковую лексику»[23].

Множественность значений понятия «повседневность», разное понимание подхода приводит к разным определениям предметного поля в конкретно-исторических исследованиях[24]. Одна из наиболее продуктивных, на наш взгляд, точек зрения принадлежит И. В. Нарскому, который трактует историю повседневности как подход и развитие социальной истории, что предполагает изучение и социальных структур, и их восприятия современниками[25].

---

[19] *Козлова Н. Н.* Советские люди : Сцены из истории / предисл. Г. О. Павловского, послесл. В. Л. Глазычева. М., 2005. С. 53—57.

[20] *Зубкова Е. Ю.* О «детской литературе» и других проблемах нашей исторической памяти. // Исторические исследования в России : Тенденции последних лет / под ред. Г. А. Бордюгова. М., 1996. С. 156—161.

[21] *Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П.* Повседневный мир советского человека 1920—1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д., 2011. С. 18, 20.

[22] *Лебина Н. Б., Чистиков А. Н.* Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003. С. 7 ; *Лебина Н. Б.*: 1) Энциклопедия банальностей : Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб., 2006. С. 13—14 ; 2) Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля: Ленинград, 1950—1960-е годы. СПб., 2015. С. 18—19.

[23] *Орлов И. Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. С. 11—12.

[24] *Дашкова Т.* Брак и сервис, сыр и черви… : Советская повседневность и все, все, все… // НЛО. 2011. № 4. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2011/4 (дата обращения: 01.09.2023). Ср., например: *Хасянов О. Р.* Повседневная жизнь советского крестьянства периода позднего сталинизма. 1945—1953 гг.: на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей. М., 2018 ; *Костяшов Ю. В.* Повседневность послевоенной деревни: из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946—1953 гг. М., 2015.

[25] *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе : Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001. С. 12—21.

Какие сферы жизни послевоенного советского общества наиболее важны для понимания повседневных взаимоотношений власти и сельскогосоциума в послевоенные годы? Следует учесть, что не все сферы, к контролю которых стремилась власть, были равнозначными. По справедливому замечанию М. Эделе, сталинизм был в большей степени диктатурой не над умами, а над потребностями, так как можно было уклоняться от индоктринации, но не от участия в плотно опекаемой государством экономической деятельности[26]. Сторонники теории модернизации размышляют об универсальности и системности изменений взаимоотношений в обществе под действием индустриализма, но также признают доминирование сферы экономики[27].

Н. Элиас и Б. Вальденфельс писали о повседневности, существующей только в институтах, а не в качестве обособленной социальной реальности, предостерегая от ее превращения в универсальную категорию и рассмотрения отдельно от общества с его структурами власти[28]. Осмысливая повседневное, Вальденфельс обратил внимание на существование этой сферы на пересечении процессов «рутинизации», «оповседневнивания» и «преодоления повседневности», под которым понималось сталкивание, взаимопроникновение, «сплавление» устоявшихся правил («привычного, упорядоченного, близкого») и новаций («непривычного, находящегося вне обычного порядка, далекого»). Повседневность выступала как фермент, позволяющий зарождаться новому, а ее костенение отождествлялось с остановкой в развитии. Оповседневнивание — освоение традиций и закрепление норм — Вальденфельс именовал сферой, где «собираются и хранятся своего рода смысловые

---

[26] *Edele M*. Stalinist Society 1928—1953. New York, 2011. P. 200.

[27] *Лейбович О. Л.* Модернизация в России (к методологии изучения современной отечественной истории). Пермь, 1996. С. 23—27, 58 ; *Побережников И. В*. Переход от традиционного к индустриальному обществу. М., 2006. С. 61—62, 64—65.

[28] *Вальденфельс Б*. Повседневность как плавильный тигль рациональности // СОЦИО-ЛОГОС : Социология, антропология, метафизика. Вып. 1 : Общество и сферы смысла : пер. с англ., нем., фр. / сост., общ. ред. и предисл. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова. М., 1991. С. 40, 42, 46—47 ; *Элиас Н*.: 1) Придворное общество : Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история / пер. с нем. А. П. Кухтенкова, К. А. Левинсона, А. М. Перлова, Е. А. Прудниковой, А. К. Судакова. М., 2002 ; 2) О процессе цивилизации : Социогенетические и психогенетические исследования : в 2 т. Т. 1 : Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада / пер. А. М. Руткевич. М. ; СПб., 2001.

осадки»[29]. В русском языке синонимы слова «повседневность» — будничность, ежедневность, обыденность — указывают на то, что все, относимое к повседневному, привычно, «ничем не примечательно, имеет место изо дня в день». Ключевым в определении повседневного является регулярно повторяемое[30]. А. Щюц называл повседневность «миром естественной установки» — интерсубъективным миром, который интерпретируется людьми на основе переданного им знания и собственного опыта, исходя из «в наивысшей степени практического интереса». Правда, в отличие от Н. Элиаса и Б. Вальденфельса, Щюц отделял повседневность от других «конечных областей смысла» — мира воображаемого (области игры, литературы, сказок, мифов, шуток и др.), сновидений, религиозных переживаний, научного теоретизирования, каждый из которых отличался своим специфическим когнитивным стилем, но выступал лишь модификацией «верховной реальности» повседневности[31]. Можно согласиться с В. Н. Сыровым, что базисные компоненты обыденного концентрируются вокруг вопроса «как», а не «что», позволяя рассматривать повседневность как некую упорядочивающую действительность структуру. Тем самым повседневность предстает в виде своеобразной машины по производству значений, по созданию и преобразованию всевозможных объектов. Такой способ ее действия можно назвать кодом[32]. О скрытом за вещами, бытом культурном коде, позволявшем понять общественную позицию человека, мотивы его поступков, писал Ю. М. Лотман[33].

Таким образом, данные подходы можно рассматривать в качестве методологических предпосылок для изучения повседневных взаимоотношений

---

[29] *Вальденфельс Б.* Повседневность как плавильный тигль рациональности. С. 41—42, 46—50.

[30] *Пушкарева Н. Л.* «История повседневности» как направление исторических исследований [Электронный ресурс] : сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы «Перспективы». URL: http://www.perspektivy.info/misl/koncept/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskih_issledovanij_2010-03-16.htm (дата обращения: 09.07.2015).

[31] *Щюц А.* О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2. С. 3, 4, 17—18, 20, 26—29, 34.

[32] *Сыров В. Н.* О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты) URL: http://xn--90agtfjot8f.xn--p1ai/index.php/stati/155-o-statuse-i-strukture-povsednevnosti-metodologicheskie-aspekty (дата обращения: 10.07.2015).

[33] *Лотман Ю. М.*: 1) Беседы о русской культуре : Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). Изд. 2-е. СПб., 2011. С. 9, 13 ; 2) Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // *Лотман Ю. М.* История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 233.

власти и деревни как таковых, не только политики и институтов власти, но и того воздействия, которое оказывал на них сельский социум.

По нашему мнению, ключевыми для понимания повседневных взаимоотношений власти и сельского социума Центрального Нечерноземья 1945 — начала 1960-х гг. являлись хозяйственная сфера, сфера политической власти, а также связанные с ними сферы культуры и религиозности[34]. Рассмотрение их на таком конкретно-историческом материале сквозь призму, во-первых, повседневности институтов власти, во-вторых, стабилизации этих институтов, в-третьих, с учетом таких черт повседневного, как «привычное, упорядоченное, близкое», в-четвертых, интерсубъективности и утилитарности опыта людей, требует обращения к институтам власти, посредством и в которых происходили ее более или менее непосредственные регулярные контакты с деревней. По нашему мнению, в хозяйственной сфере к таковым можно отнести институты, нацеленные на контроль производительных сил, системы поземельных отношений, сфер труда и финансовых отношений как пространств циркуляции ключевых хозяйственных ресурсов. В сфере политической власти следует изучить ее наиболее массовые институты на селе: учреждения районного центра, в которых сосредоточивалась значительная доля непосредственной власти над селом, политическую власть колхозно-совхозного руководства как непосредственного распорядителя хозяйственных и прочих ресурсов деревни, роль в политическом властвовании над деревней низовых советских органов и первичных парторганизаций. В сфере культуры внимание должно быть направлено на институты массовой советской культуры, к каковым относились сельские культпросветучреждения и библиотеки, система лекционной пропаганды, представленные в деревне средства массовой информации и система кинофикации. В сфере религиозности в исследовательском фокусе будут находиться так называемая черта

[34] *Бурдье П.*: 1) Социальное пространство и символическая власть // THESIS. 1993. № 2. С. 147 ; 2) Практический смысл / пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко ; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. М. ; СПб., 2001. С. 219—237 ; 3) Социология политики : пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М., 1993. С. 72 ; 4) Социальное пространство и генезис «классов» // Социология социального пространства : пер. с фр. / отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М. ; СПб., 2007. С. 15—16, 25—32, 35—36.

легальности — основной в интересующий период институт контроля религиозности — и производные от нее институты.

Обозначенный подход реализуется в ряде общеисторических и специальных методов исследования. Так, историко-генетический метод позволил установить причинно-следственные связи в процессах «оповседневнивания» власти и ее преодоления, описать и охарактеризовать происходившие изменения. Историко-сравнительный метод применялся при изучении динамики контроля власти в разных сферах жизни деревни, а также разных институтов внутри каждой из сфер. Историко-типологический метод позволил выявить качественные изменения образа повседневных взаимоотношений власти и деревни. Историко-системный метод обеспечил возможность классификации институтов власти, комплексный взгляд на происходившие в них перемены. Статистические методы позволили систематизировать первичный материал, рассчитывать и группировать показатели, вычислять средние и относительные величины, выстраивать их динамические ряды.

Объект исследования — советский аграрный строй — организация и функционирование сельского хозяйства в 1945 — начале 1960-х гг., **предмет** — повседневные взаимоотношения власти и сельского социума Центрального Нечерноземья в 1945 — начале 1960-х гг.

Цель исследования — изучить повседневные взаимоотношения власти и деревни как вызов аграрного курса власти и ответ на него сельского социума на материале Центрального Нечерноземья РСФСР 1945 — начале 1960-х гг.

Задачи исследования:

1. Охарактеризовать основные подходы к изучению взаимоотношений власти и сельского социума Центрального Нечерноземья 1945 — начала 1960-х гг. в историографии.

2. Выявить и систематизировать источники, отразившие повседневные взаимоотношения власти и сельского социума, разработать методику их исследования.

3. Выявить и описать складывание формальных правил, в которых выразился аграрный курс применительно к хозяйственной, политической жизни, сферам культуры и религиозности деревни.

4. Рассмотреть эволюцию, результаты применения формальных правил, в которых выразился аграрный курс власти в указанных сферах.

5. Исследовать масштабы и формы повседневного ответа деревни на аграрный курс власти в указанных сферах.

6. Охарактеризовать образ повседневных взаимоотношений власти и сельского социума в указанных сферах в 1945 — начале 1960-х гг.

Территориальные рамки исследования — Центральное Нечерноземье РСФСР (Брянская, Владимирская, Ивановская, Калининская, Калужская, Костромская, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тульская, Ярославская области)[35] — староосвоенная аграрная территория, обладавшая общностью исторических, географических, экономических, социокультурных, демографических характеристик, самый густонаселенный район РСФСР (на 1 января 1965 г. плотность населения на 1 км^2 — 54,7 чел.[36]), для которого были типичными низкое естественное плодородие почв, многоотраслевое сельское хозяйство с преобладанием отраслей растениеводства (выращивание зерновых, картофеля, овощей, льна) и животноводства (преимущественно мясо-молочного), мелкоселенность как основной тип расселения, неразвитость дорожной сети[37], преобладание в этноконфессиональном составе русских, православие как основа религиозности и традиционной культуры. Спецификой Центрального Нечерноземья также является чередование даже в пределах одного региона урбанизированных и неурбанизированных территорий (например, во Владимирской области)[38].

---

[35] Состав областей Центрального Нечерноземья РСФСР приводится согласно постановлению ЦК КПСС и СМ СССР от 19 сентября 1963 г. «Об уточнении состава экономических районов СССР» (Брянская, Владимирская, Ивановская, Калининская, Калужская, Костромская, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тульская, Ярославская области). См.: Справочник партийного работника. Вып. 5 / редкол. В. Н. Малин и др. М., 1964. С. 161—162.

[36] Народное хозяйство РСФСР в 1964 году : статистический ежегодник. М., 1965. С. 12.

[37] *Горбачев О. В.* На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946—1985 гг.) и советская модель урбанизации. М., 2002. С. 26, 31—32, 34, 39—43.

[38] Там же. С. 27.

Хронологические рамки исследования — 1945 — начало 1960-х гг. По завершении Великой Отечественной войны продолжилась реализация аграрной политики власти в рамках перемен, стартовавших в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Они характеризовались масштабным использованием механизмов аграрного общества (структура производительных сил, характерная для аграрного общества, дефицит капиталовложений в сельском хозяйстве, компенсировавшее его жесткое управление с опорой на харизму вождей, высокую степень идеологизации общественной жизни, относительно слабая регламентация норм и процедур власти при высоком уровне внеэкономического принуждения, чрезвычайных властных практик, актуальность общинного начала, в целом слабо развитые институты советской культуры, значительный уровень религиозности — базис традиционной культуры деревни). Прогресс капитализации советского сельского хозяйства конца 1950-х — начала 1960-х гг. меняет повседневные взаимоотношения власти и деревни. Так, нарастание индустриального компонента в структуре производительных сил деревни сопровождается сворачиванием наиболее одиозных проявлений внеэкономического принуждения и, соответственно, девальвацией существенной части опыта приспособления к нему деревни. Децентрализация власти, передача ряда полномочий региональному и районному звеньям, плотный охват деревни сетью первичных парторганизаций, налаживание формальной стороны функционирования низовых советских органов и других официальных структур сопровождают сворачивание чрезвычайщины и репрессий в арсенале методов управления, постепенную деидеологизацию рутины власти. Мирская традиция решения проблем крестьянской жизни угасает, ей на смену приходит дифференциация интересов социальных страт в зависимости от их места в укрупненном колхозно-совхозном производстве. Широкое распространение получают институты массовой советской культуры, нацеленные на монополизацию легитимного символического насилия, усиливается рецепция деревней ее ценностей, окончательно размывается целостность традиционного крестьянского мировоззрения, основанного на религиозной

картине мира. Уровень религиозности сельского социума в целом понижается, традиционная культура угасает, ее былое многообразие нивелируется.

Отсюда важнейшими критериями перемен в повседневных взаимоотношениях власти и деревни Центрального Нечерноземья в 1945 — начале 1960-х гг. будут считаться, во-первых, изменения в составе, структуре и функционировании институтов, контролировавших производительные силы деревни вследствие прогресса капитализации сельского хозяйства, обусловленные этим перемены в институтах, оформлявших поземельные отношения, сферы труда и финансовых отношений, а также изменения масштабов и форм преодоления деревней повседневности власти в хозяйственной сфере; во-вторых, перемены в составе, структуре, функционировании низовых институтов власти, изменение отношения к этому самой деревни, проявлявшееся как в восприятии власти, вовлеченности в деятельность ее структур, так и в поведении, преодолевающем повседневность власти в политической сфере; в-третьих, изменение соотношения между официальным и традиционным пластами культуры села под влиянием прогресса институтов массовой культуры, степени усвоения деревней ее ценностей; в-четвертых, изменения в составе, структуре и функционировании институтов религиозности деревни, масштабы и формы преодоления деревней повседневности власти в этой сфере.

Историография проблемы. Советскую литературу о взаимоотношениях власти и деревни в 1945 — начале 1960-х гг. можно подразделить на три периода: 1) вторая половина 1940-х — середина 1950-х гг.; 2) середина 1950-х — середина 1960-х гг.; 3) с середины 1960-х гг. до конца 1980-х гг., различавшиеся главным образом степенью детализации рассматриваемых сюжетов. Советские историки осуществляли периодизацию истории изучения советского села в зависимости от перемен аграрного курса КПСС[39].

---

[39] *Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос : в 2 т. Т. 2 : Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. М., 1967 ; *Волков И. М.* Сельское хозяйство и крестьянство СССР в послевоенные годы в работах советских историков // Проблемы истории советской деревни 1946—1973 гг. / отв. ред. М. П. Ким, зам. отв. ред. И. М. Волков. М., 1975. С. 105 ; *Данилов В. П.* Изучение аграрной истории советского общества // Очерки истории исторической науки в СССР : в 5 т. Т. 5 / отв. ред.

Подходы к изложению истории послевоенного общества, в том числе взаимоотношениям власти и деревни, были сформулированы в партийных документах, выступлениях вождей еще до войны. Сталинские суждения о результатах преобразований в стране к концу 1930-х гг., дополненные заявлениями военных и послевоенных лет, составили каркас истории страны и деревни. Провозглашалось, что вследствие торжества «диктатуры пролетариата» — «государственной власти победившего рабочего класса в переходный период от капитализма к коммунизму» — и посредством нее на основе создания социалистической индустрии, колхозно-совхозной системы и ликвидации кулачества как класса был обеспечен опережающий рост производства средств производства, уничтожена эксплуатация, стирались различия между рабочими и колхозным крестьянством — «новыми социалистическими классами». Квинтэссенцией «диктатуры пролетариата», инициатором и проводником всех важнейших перемен объявлялась КПСС — «передовой отряд трудящихся», «руководящее ядро всех организаций»[40]. Движущими силами нового общества считались постоянно крепнущие «морально-политическое единство», «советский патриотизм» и «дружба народов СССР». Ведущая из них — «морально-политическое единство» — определялась как «общность экономических и политических интересов всех социальных групп, из которых состоит советское общество, и осознание ими этой общности интересов, единый моральный, духовный облик рабочих, крестьян и интеллигенции», заинтересованность их в победе коммунизма, укреплении советского государства как выражающего интересы всего народа. Следствиями морально-политического единства объявлялись трудовой героизм деревни, рост «коммунистической сознательности», нетерпимость к пережиткам прошлого и т. д. Усиливавшееся по мере успехов социализма сопротивление «враждебных элементов» и «остатков отживающих классов», наличие у «отсталой части населения» «пережитков» обусловило выполнение государством функции

М. В. Нечкина, зам. гл. ред. Е. Н. Городецкий. М., 1985. С. 515 ; Советская деревня в первые послевоенные годы. 1946—1950 / отв. ред. И. М. Волков. М., 1978. С. 4.

[40] Справочник районного прокурора / под общ. ред. В. М. Бочкова. М., 1942. С. 12.

«охраны социалистической собственности от воров и расхитителей». В условиях социализма она называлась «основной формой классовой борьбы». Преодоление религиозности и других «пережитков» происходило как закономерный результат прогрессирующего «коммунистического воспитания масс», в авангарде которого шли партия, государственные органы и общественные организации. Преодоление «старого» «новым» в целом признавалось уже в довоенные годы[41]. Трактовка характера взаимоотношений власти и общества как нарастающего тождества их интересов стала основой идеологизированного подхода к их освещению в советской литературе.

До середины 1950-х гг. выходили пропагандистские и популярные издания, нацеленные на разъяснение значения правительственных постановлений и задач по их осуществлению[42]. Публиковалась масса методических брошюр по организации работы сельских Советов, учреждений культуры и других низовых официальных структур. Шла теоретическая проработка сквозных для последующей советской историографии тем «социалистического перевоспитания» крестьянства, «стирания классовых различий между рабочим классом, крестьянством и интеллигенцией», «преодоления противоположности» между городом и деревней[43]. Систематическое изложение всего их круга содержалось в труде «Исторический материализм», а также в учебнике по политэкономии (1954 г.). Относительно быстрое возрождение дерев-

---

[41] История ВКП(б) : краткий курс. М., 1938. С. 327—329, 336 ; Развитие советской экономики / под ред. А. А. Арутиняна, Б. Л. Маркуса. М., 1940. С. 419—450, 452—458, 502—526 ; Политический словарь / под ред. Г. Александрова, В. Гальянова и Н. Рубинштейна. М., 1940. С. 175 ; *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М., 1947. С. 231—232, 589, 606 ; О советском социалистическом обществе / под ред. Ф. Константинова, М. Каммара, Г. Глезермана. М., 1948 ; Исторический материализм / под общ. ред. В. Ф. Константинова. М., 1950. С. 160—162, 364, 698, 654—655, 657—658, 726—727 ; Политическая экономия / под ред. К. В. Островитянинова, Д. Т. Шепилова, Л. А. Леонтьева, И. Д. Лаптева. М., 1954. С. 366—371 ; Диалектический материализм / под общ. ред. Г. Ф. Александрова. М., 1953. С. 221—229.

[42] *Абросенко К. П.* О социалистическом перевоспитании крестьянства. М., 1949 ; *Анисимов Н. И.*: 1) Развитие сельского хозяйства в первой послевоенной пятилетке. М., 1952 ; 2) Советское крестьянство. Изд. 2-е. М., 1947 ; *Бенедиктов И. А.* Развитие сельского хозяйства в послевоенный период. М., 1947 ; *Сергеев С. С.* Организационно-хозяйственное укрепление колхозов и укрепление мелких сельскохозяйственных артелей. Изд. 2-е, доп. и испр. М., 1951 ; Вопросы колхозного строительства / под ред. И. Д. Лаптева, В. П. Дьяченко, А. А. Караваева. М., 1951 ; *Оболенский К. П.* Государственные заготовки сельскохозяйственных продуктов в СССР. М., 1951 ; *Краев М. А.* Победа колхозного строя в СССР. М., 1954 ; *Куропаткин А. И.* Вопросы экономики и сельскохозяйственного труда в СССР. М., 1952 ; *Теряева А. П.* Вопросы организации и оплаты труда в колхозах. М., 1954 ; *Исаченко С.* Несокрушимый союз рабочего класса и колхозного крестьянства. М., 1954 ; и др.

[43] *Глезерман Г. Е.* Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР. М., 1949 ; *Абросенко К. П.* О социалистическом перевоспитании крестьянства ; и др.

ни, преодоление материальной разрухи и трудовой героизм крестьянства рассматривались как следствие «морально-политического единства», сплочения вокруг партии широких слоев деревни, их «высокой сознательности» и т. п.

С середины 1950-х по середину 1960-х гг. основой публикаций стало видение положения сельского хозяйства, изложенное в выступлениях Н. С. Хрущева на сентябрьском (1953 г.) и последующих пленумах ЦК КПСС, на XX, XXI и XXII съездах партии, собраниях, совещаниях партийно-хозяйственного актива страны[44]. Теперь основное внимание уделялось прогрессивности инициатив Н.С. Хрущева — распашке целины, увеличению посевов кукурузы и производства продукции животноводства, новым формам стимулирования труда, оптимизации сочетания интересов государства и колхозов при реформировании системы заготовок, техническому обслуживанию колхозов, социально-экономическим последствиям роста уровня материально-технического оснащения сельского хозяйства, путям сближения государственной и колхозно-кооперативной собственности, повышению благосостояния на селе, передаче общественным организациям ряда функций органов власти и т. д.

Наиболее фундированными являлись публикации экономистов, социологов, анализировавших развитие сельского хозяйства в 1945—1950-х гг. (часто — в сравнении с состоянием до 1953 г.) с точки зрения решений сентябрьского (1953 г.) и последующих пленумов ЦК КПСС и съездов партии[45].

---

[44] *Хрущев Н. С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства : в 8 т. М., 1962—1964 ; XX съезд КПСС 14—25 февраля 1956 г. : стенографический отчет : в 2 т. М., 1956. Т. 1. С. 55—72 ; XXI съезд КПСС 27 января — 5 февраля 1959 г. : стенографический отчет : в 2 т. М., 1959. Т. 1. С. 15—17, 24—38 ; XXII съезд КПСС 17—31 октября 1961 г. : стенографический отчет : в 3 т. М., 1962. Т. 1. С. 67—84 ; КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986) : в 16 т. 9-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. А. Г. Егорова и К. М. Боголюбова. М., 1986. Т. 8 : 1946—1955. С. 303—308 ; Т. 9 : 1956—1960. С. 16—17.

[45] *Александров П.* О путях постепенного перехода от социализма к коммунизму. М., 1954. С. 21—30 ; *Окладной Г. М.* Рост культурно-технического уровня колхозного крестьянства. Харьков, 1958. С. 68—253 ; *Викентьев А. И.* Очерк развития народного хозяйства СССР (1951—1958 гг.). М., 1959 ; *Арутюнян Ю. В.* Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929—1957 гг. : (Формирование кадров массовых квалификаций). М., 1960 ; *Фуров В. Г.* Забота КПСС о повышении благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства (1953—1959 гг.) : На материалах Алтайского края, Новосибирской и Омской областей. М., 1960 ; *Прозоров П. А.* Новое и старое в сознании колхозного крестьянства. М., 1960; С. 4—20 ; *Лапшина Г. Е., Пикин А. С.* Торжество колхозного строя. М., 1960. С. 101—273 ; *Шуклецов В. Т.* Организационно-хозяйственное укрепление колхозов и подъем материального состояния колхозного крестьянства в 1953—1957 годах (по материалам Новосибирской области). М., 1960 ; *Ядов А. Г.* Укрепление союза рабочего класса и колхозного крестьянства на современном этапе (1953—1960 гг.). Л., 1960 ; *Борисов Ю. С., Вылцан М. А., Зеленин И. Е.*

Источниковая база публикаций расширилась за счет новых статистических сборников, привлечения материалов текущих архивов хозяйственных органов, колхозов, МТС. Однако многие публикации по-прежнему продолжали носить пропагандистский характер, часто сводились к комментированию директив[46]. В исторической литературе преобладали пособия для сети политпросвещения, посвященные политике КПСС в социально-экономической сфере[47]. Провалы в сельском хозяйстве, особенно его кризисное положение к 1953 г., объяснялись «субъективными» факторами — «нарушениями принципа материальной заинтересованности работников в развитии производства», «неправильным сочетанием общественного и личного в колхозах», «неудовлетворительным использованием новой техники», ошибками в руководстве деревней со стороны местных органов власти, низкой трудовой дисциплиной в колхозах и совхозах и др. В последующем к этому добавились «влияние культа личности Сталина» и «действия антипартийной группы». Правильность курса на создание высокомеханизированного сельского хозяйства не оспаривалась, подчеркивалась «роль субъективного фактора в условиях планомерно развивающейся социалистической экономики»[48]. Некоторые авторы приходили к выводу, что в первое послевоенное восьмилетие «проводилась линия на свертывание колхозно-кооперативной собственно-

---

Колхозное крестьянство в строительстве коммунизма : Материал для обсуждения на сессии по истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1961 ; *Чупрынин И. М.* Повышение культурно-технического уровня колхозного крестьянства. Томск, 1962 ; *Арутюнян Ю. В.* Особенности и значение нового этапа развития сельского хозяйства СССР // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР : Материалы научной сессии, состоявшейся 18—21 апреля 1961 г. в Москве / отв. ред. М. П. Ким ; редкол.: Ю. В. Арутюнян, В. П. Данилов, И. Е. Зеленин. М., 1963. С. 392—426 ; *Венжер В. Г.* Исторические закономерности развития колхозного строя при социализме и в период развернутого строительства коммунизма // Там же. С. 370—390 ; *Турсунбаев А. Б.* Освоение целинных и залежных земель и их роль в подъеме сельского хозяйства СССР // Там же. С. 427—434 ; Развитие социалистической экономики СССР в послевоенный период / ред. И. А. Гладков. М., 1965. С. 253—261.

[46] См., например: За крутой подъем социалистического сельского хозяйства / под ред. Н. В. Васильева. М., 1954. С. 115—129, 133—134, 195—202.

[47] *Костецкий М., Федосеева Н.* Борьба Коммунистической партии за восстановление и развитие социалистического народного хозяйства в послевоенный период. 1945—1953 гг. М., 1961 ; *Каторгин И. И.* Борьба Коммунистической партии за восстановление и развитие социалистического народного хозяйства в послевоенные годы. (1945—1953 гг.). М., 1960 ; *Морехина Г. Г.* Борьба Коммунистической партии за восстановление и развитие социалистического народного хозяйства в послевоенный период. 1945—1953 гг. М., 1955.

[48] *Бромберг Л. М., Широков В. Г.* Борьба партии за восстановление и развитие социалистического народного хозяйства в послевоенный период (1945—1953 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1963. № 1. С. 80—81 ; *Лактионов И. Д.* КПСС в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов в послевоенный период. Челябинск, 1962. С. 25, 27, 38—41, 43 ; *Люшин С. А.* Обеспечение материального благосостояния колхозного крестьянства СССР : дис. … канд. экон. наук. М., 1955. С. 56—59.

сти», в сельском хозяйстве царил застой[49]. Несмотря на такие оценки, навеянные выступлениями Н. С. Хрущева, в партийной литературе проводилась мысль о соблюдении в партии «ленинских принципов внутрипартийной жизни», «коллективности руководства на местах», что позволило коммунистам мобилизовать население на дальнейшее укрепление колхозного строя[50]. Заметным исследованием деятельности региональных парторганизаций по осуществлению аграрного курса стала монография А. В. Лосева. Кризис сельского хозяйства начала 1950-х гг. в ней также объяснялся в основном «субъективными» причинами[51]. К подобным работам примыкали диссертации, систематизировавшие опыт региональных парторганизаций по борьбе с «капиталистическим пережитками», политпросвещению крестьянства и т. д.[52]

Достоинством историко-партийной литературы этого периода стало привлечение документов центрального и региональных партархивов. Кроме экономических и историко-партийных работ продолжали выходить научно-популярные. Появились первые очерки и исследования, посвященные положению и мерам подъема сельского хозяйства отдельных областей, деятельности учреждений культуры на селе в годы четвертой и пятой пятилеток, семилетки. Их авторы стремились показать рост экономики и культуры села как результат целенаправленных усилий власти при широкой поддержке населения[53].

---

[49] *Окороков В. Н.* Деятельность КПСС по укреплению союза рабочего класса и колхозного крестьянства. Горький, 1966. С. 7, 85—86 ; *Тишков И. А*. Борьба Коммунистической партии за восстановление и развитие социалистического сельского хозяйства в послевоенный период (1945—1953 гг.). М., 1960. С. 63.

[50] *Лактионов И. Д.* КПСС в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов в послевоенный период. С. 8, 13, 20, 50 ; *Култышев С. С*. Рост рядов партии в 1945—1950 гг. // Вопросы истории КПСС. 1958. № 2. С. 72.

[51] *Лосев А. В*. Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за развитие сельского хозяйства (1946—1964 гг.). Воронеж, 1965. С. 4.

[52] *Лаптенок В. Д*. О преодолении пережитков капитализма в сознании колхозного крестьянства : дис. … канд. филос. наук. Минск, 1958 ; *Шустов А. К.* Политическое просвещение колхозного крестьянства (Из опыта работы Костромской партийной организации в 1959—1962 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Л., 1963.

[53] *Белов В.* Сельское хозяйство на пути подъема // Калужская область за сорок лет / ред. колл.: А. К. Сургаков, В. М. Косачев, В. В. Соловьев, Н. А. Рыбин и др. Калуга, 1957. С. 167—171 ; *Герасимов Н. В*. Культпросветработа в Ярославской области в годы 4-й пятилетки // Краеведческие записки. Ярославль, 1957. Вып. 2. С. 135—153 ; Смоленщина советская / П. С. Степанов, С. К. Магидов и др. М., 1967. С. 85—197 ; Смоленская область : очерки экономической географии / А. И. Антоненков, Г. Я. Дралюк, В. И. Коровин, В. Д. Смирнов, М. Я. Степанова. Смоленск, 1959. С. 164—222 ; и др.

Во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. изменения в культуре, быте, традициях деревни Центрального Нечерноземья становятся предметом интереса этнографов и социологов. Выводы их исследований подтверждали тезис о преодолении сохранявшихся элементов традиционной культуры, росте социальной и политической активности крестьянства в результате прогресса общественного хозяйства, усилий государства по формированию «нового» духовного облика колхозников, его сближения с «культурным уровнем трудящихся города»[54]. Одним из первых социологических центров страны — Институтом общественного мнения газеты «Комсомольская правда» — в 1960—1967 гг. было проведено 27 опросов читателей газеты, в том числе — ее сельской аудитории. И хотя в 1967 г. ИОН «Комсомольской правды» был закрыт из-за несоответствия результатов опросов идеологическим установкам[55], социологические исследования колхозной деревни продолжались. К началу 1960-х гг. результаты осмысления истории советской деревни послевоенных лет, главным из которых считалась фиксация перемен в облике колхозного крестьянства, преодоления классовых различий между ним и рабочим классом в ходе коммунистического строительства, назывались только началом ее изучения[56].

Начало наполнения документальными материалами сформулированной в сталинскую эпоху схемы советской истории, а в ее рамках и изучение взаимоотношений власти и деревни, приходится на вторую половину 1960-х гг. Особенностью этого периода стал, помимо изучения аграрной политики пар-

---

[54] Рязанское село Кораблино : (История, экономика, быт, культура, люди села) / отв. ред. и рук. авт. колл. проф. В. И. Селиванов. Рязань, 1957. (Ученые записки РГПУ ; т. 18). С. 406—410, 425—437 ; Кораблино — село русское / отв. ред. и рук. авт. колл. проф. В. И. Селиванов. М., 1961. С. 173—175 ; *Чижикова Л. Н.* Социалистические преобразования в культуре и быту колхозного крестьянства Кубани. М., 1961 ; Село Вирятино в прошлом и настоящем : Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М., 1958 ; *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964. С. 342—343, 350—353 ; *Тамбовцев И. В.* О качественных изменениях в жизни и психологии крестьянства в ходе коммунистического строительства // Новое в жизни колхозного крестьянства : Материалы научно-теоретической конференции в Старожиловском районе / под ред. И. В. Тамбовцева. М., 1967. С. 6—30.

[55] *Грушин Б. А.*: 1) Институт общественного мнения «Комсомольской правды» // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 1. С. 60—74 ; 2) Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения : Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина : в 4 кн. Кн. 1 : Эпоха Хрущева. М., 2001. С. 41—68.

[56] *Данилов В. П.* Изучение истории советского крестьянства // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. [Ч. 1] : История СССР / гл. ред. Н. М. Дружинин. М., 1962. С. 451, 483.

тии на местах, анализ социально-экономических процессов, порожденных ими изменений в социальной структуре села[57]. На «комплексное изучение социально-политических проблем развития социализма и перерастания его в коммунизм», «исследование путей и форм сближения условий труда, быта и культурного развития города и деревни», «обобщение опыта укрепления союза рабочего класса и крестьянства» историков ориентировало постановление ЦК КПСС от 14 августа 1967 г.[58] Оценки и отбор сюжетов также определялись решениями октябрьского (1964 г.), ноябрьского (1964 г.) и последующих пленумов ЦК КПСС, тезисами ЦК КПСС, работами Л. И. Брежнева[59]. На первый план выдвигалось наполнение конкретными фактами схемы об «объективном характере» переживавшихся страной трудностей, созидательной роли партии, трудовом героизме и «политическом подъеме» деревни — следствии «морально-политического единства». «Ошибки» в руководстве деревней, зафиксированные в решениях сентябрьского (1953 г.) пленума, теперь трактовались более сглаженно, по-прежнему проводилась мысль о преемственности аграрной политики до и после сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС[60].

Одной из первых крупных работ, посвященной социально-экономическим отношениям и изменениям в классовой структуре крестьянства в 1932—1964 гг., была монография В. Б. Островского. Изложение аграрной политики в ней совмещалось с изучением ее результатов применительно к колхозам и подворьям, изменениям в быту и духовном облике колхозного крестьянства. Впервые на конкретном материале автор обозначил вопрос о роли подсобного хозяйства колхозников в экономике колхозного двора, отстаивая тезис о том, что «отмирание ЛПХ» — объективный процесс, который, однако, не следует форсировать[61]. В число самых авторитетных совет-

---

[57] *Данилов В. П.* Изучение аграрной истории советского общества. С. 520.
[58] КПСС в резолюциях … Т. 8. С. 244—245.
[59] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом : речи, приветствия, статьи, воспоминания : в 9 т. М., 1970—1982.
[60] *Волков И. М.* Некоторые вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства в первые послевоенные годы // История СССР. 1973. № 1. С. 9—10.
[61] *Островский В. Б.* Колхозное крестьянство СССР : Политика партии в деревне и ее результаты. Саратов, 1967. С. 92.

ских специалистов по истории послевоенной деревни выдвинулся И. М. Волков[62]. Появляются исследования о совхозах послевоенных лет[63]. Ускорение совхозного строительства в 1950-е гг. называлось в них особенностью развития советского сельского хозяйства, обусловленной необходимостью наиболее эффективно реализовать большой объем средств, направленный на село, быстрее поднять экономику слабых колхозов, улучшить жизнь их членов[64]. Изучаются отдельные категории сельского населения, в частности, кадры механизаторов, руководителей колхозного производства, рабочих, ИТР, руководителей совхозов[65]. Активизировалось изучение сферы взаимоотношений власти и сельского населения. В 1967 г. были опубликованы две работы, содержавшие данные о деятельности местных Советов в послевоенный период[66].

Тема послевоенного восстановления села, роль в нем коммунистов продолжала разрабатываться историками партии в контексте создания историй региональных парторганизаций. Большое влияние на структуру и содержание этой литературы оказал второй том книги С. П. Трапезникова (ее первое издание вышло в 1965 г., в 1967 г. — второе, в котором изложение было доведено до середины 1960-х гг.), излагавший теоретический каркас истории аграрной политики КПСС конца 1920-х — середины 1960-х гг.[67] Однако большинство историко-партийных работ было посвящено не процессам в областных организациях КПСС, а их руководству «хозяйственно-культурным

---

[62] *Волков И. М.*: 1) Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946—1950 гг. М., 1972 ; 2) Некоторые вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства в послевоенные годы (1946—1950 гг.) // Вопросы истории. 1970. № 6. С. 3—19 ; 3) Сельское хозяйство и крестьянство СССР в послевоенные годы в работах советских историков. С. 102—129.

[63] *Зеленин И. Е.* Совхозы СССР в 1941—1950 гг. М., 1969 ; *Богденко М. Л.* Совхозы СССР, 1951—1958. М., 1972.

[64] *Богденко М. Л.* Совхозы СССР, 1951—1958. С. 366—367.

[65] *Вылцан М. А.* Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945—1958 гг.). М., 1976. С. 45—71, 144—183 ; *Чистяков В. Б.* Подготовка кадров руководителей колхозного производства в 1946—1950 гг. // Проблемы истории современной советской деревни. С. 371—379 ; *Денисов Ю. П.* Кадры председателей колхозов в 1950—1958 гг. // История СССР. 1971. № 1. С. 38—57 ; *Тюрина А. П.* Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства. 1946—1958. М., 1973 ; *Зеленин И. Е.* Совхозы СССР в 1941—1950 гг. М., 1969. С. 185—194, 219—234; *Богденко М. Л.* Совхозы СССР, 1951—1958. С. 184—254 ; *Дергунов В. А.* О главной производительной силе деревни. Горький, 1972 ; и др.

[66] Советы за 50 лет / гл. ред. С. Ф. Найда. М., 1967 ; *Лепешкин А. И.* Советы — власть народа. 1936—1967 гг. М., 1967.

[67] *Трапезников С. П.*: 1) Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. М., 1965 ; 2) Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 2.

строительством», сюжеты о «внутрипартийной» и «массово-политической работе» занимали периферийное положение[68]. Значительным был удельный вес сюжетов идеологической, историко-партийной тематики и в работах о колхозах[69]. Переиздания «Очерков» в 1970—1980-х гг. были дополнены параграфами о «партийно-организационной» и идеологической работе[70].

Со второй половины 1960-х гг. деревня нечерноземного Центра послевоенных лет, реализация в ней аграрной политики становятся объектом диссертационных исследований, что не в последнюю очередь обусловливалось поворотом центральной власти к проблемам Нечерноземья[71]. Наиболее содержательные работы были выполнены в Институте истории СССР. В 1981 г. О. М. Вербицкой под руководством М. А. Вылцана была защищена кандидатская диссертация, посвященная численности, составу и трудовой активности колхозного крестьянства первых послевоенных лет. Несмотря на следование канве официальной концепции истории деревни и страны, автор пришла к значимым выводам о соотношении факторов, определивших динамику

---

[68] *Лаврентьев Д. М.* Развитие союза рабочего класса и колхозного крестьянства в условиях строительства коммунизма. М., 1967 ; Деятельность КПСС по развитию союза рабочего класса и колхозного крестьянства на современной этапе (по материалам партийных организаций Северного Кавказа) / отв. ред. В. В. Криводед. Краснодар, 1970 ; *Дубоносов Д. И.* Деятельность Коммунистической партии по восстановлению и развитию сельского хозяйства (1945—1950 гг.) / отв. ред. В. М. Резванов. Ростов н/Д., 1970 ; *Ковалевский Б. П.* Укрепление союза рабочего класса и колхозного крестьянства в период строительства коммунизма (1959—1970 гг.) (на материалах Украинской ССР). Киев, 1972 ; *Коркоценко Д. И., Куликов В. И.* Коммунистическая партия в борьбе за дальнейшее развитие сельского хозяйства. (1948—1958 гг.). М., 1974 ; *Криводед В. В.* КПСС и колхозное крестьянство в 1945—1959 гг. / отв. ред. И. И. Алексеенко. Ростов н/Д., 1984 ; Борьба КПСС за укреплению союза рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции (1941—1985 гг.) / под ред. В. Т. Анискова. Ярославль, 1987.

[69] *Толмачева Р. П.*: 1) Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946—1950 гг.) / под ред. И. М. Волкова. Томск, 1979 ; 2) Колхозы Урала в 50-е годы / под ред. И. М. Волкова. Томск, 1981.

[70] Очерки истории Брянской организации КПСС. Тула, 1968. С. 281—341 ; Очерки истории Тульской организации КПСС. Тула, 1967. С. 484—560 ; Очерки истории Тульской организации КПСС : в 2 кн. Изд. 2-е, перераб. и доп. / отв. ред. И. Х. Юнак, зам. отв. ред., рук. авт. колл. Н. Т. Марков. Кн. 2 : 1937—1983. Тула, 1984. С. 80—106 ; Очерки истории Калужской организации КПСС / общ. ред. А. Ф. Сладкова. Тула, 1967. С. 288—319 ; История Калужской партийной организации : (иллюстрированный очерк) / предисл. и общ. ред. А. П. Бекасова. Тула, 1978. С. 166—195 ; Очерки истории Костромской организации КПСС / отв. ред. М. И. Синяжников, зам. отв. ред. Б. А. Миловидов. Ярославль, 1967. С. 304—331 ; Очерки истории Московской организации КПСС. М., 1966 ; Очерки истории Рязанской организации КПСС / гл. ред. Н. С. Приезжев. М., 1974. С. 369—380 ; Очерки истории Ярославской организации КПСС. 1938—1965 гг. / науч. ред. В. Т. Анисков. Ярославль, 1990. С. 112—132 ; Очерки истории Смоленской организации КПСС / пред. ред. колл. Н. И. Калмык, науч. ред. И. Д. Красильников. М., 1970. С. 370—398 ; Очерки истории Владимирской организации КПСС. Ярославль, 1967. С. 332—353 ; Очерки истории Владимирской организации КПСС / отв. ред. С. И. Сурниченко. Изд. 2-е, доп. М., 1972. С. 350—377 ; Очерки истории Калининской организации КПСС / пред. ред. колл. В. И. Смирнов. М., 1971. С. 512—551 ; Очерки истории Орловской организации КПСС / отв. ред. Н. Е. Афанасьев. Тула, 1967. С. 269—304.

[71] КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986) : в 16 т. 9-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. А. Г. Егорова и К. М. Боголюбова. М., 1986. Т. 12 : 1971—1975. М., 1986. С. 394—409.

численности рабочей силы в колхозах РСФСР в 1946—1950 гг., восстановлении к 1950 г. социально-профессиональной структуры колхозного крестьянства, его дифференциации на группы полеводов, животноводов, механизаторов, специалистов и руководителей под действием специализации, роста механизации колхозного производства[72]. В 1982 г. В. П. Поповым и в 1983 г. Н. С. Ивановым под руководством И. М. Волкова были защищены кандидатские диссертации, посвященные колхозному крестьянству Центрального Нечерноземья в 1959—1970 и 1951—1958 гг. соответственно. Диссертации имели одинаковую структуру: их первые главы были посвящены изменению численности и социально-профессиональной структуры колхозников, вторые — культурно-бытовому строительству на селе и материальному положению, третьи — общественно-политической и производственной активности (стоит отметить, что аналогичную структуру имели диссертации на ту же тему, выполненные на материале других регионов[73]). Как и О. М. Вербицкая, авторы впервые на материале Центрального Нечерноземья акцентировали внимание на экономических и демографических проблемах деревни. Так, В. П. Попов проследил снижение темпов роста сельского хозяйства в годы семилетки, обусловленное, по его мнению, в том числе медленным ростом капиталовложений, показал связь этого фактора с падением темпов экономического роста и с оттоком трудоспособного населения. Одним из способов решения проблемы центрально-нечерноземных областей с большим количеством экономически слабых колхозов он называл их совхозизацию, рассматривая ее как «меру государственной помощи» селу. Им также был сделан важный для настоящего исследования вывод о том, что в 1959—1970 гг. темпы сокращения трудовых ресурсов колхозов опережали темпы механизации сельхозпроизводства, о нарастающей депопуляции деревни. Социально-политическая сфера деревни рассматривалась сквозь призму участия колхозников в деятельности формальных структур — первичных партийных и комсомольских

[72] *Вербицкая О. М.* Колхозное крестьянство РСФСР в 1946—1950 гг. : (Численность, состав, трудовая активность) : дис. … канд. ист. наук. М., 1981. С. 185—190.

[73] См., например: *Акифьева Н. В.* Колхозное крестьянство Урала (1959—1970 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Свердловск, 1987. С. 2.

организаций, профсоюзных комитетов, низовых Советов[74]. Н. С. Иванов также пришел к выводу о недостаточности капиталовложений в сельское хозяйство Центрального Нечерноземья как факторе, не позволившем решить многие его проблемы. Он объяснял это потребностью государства в создании базы зернового производства в районах целинных и залежных земель. Как и В. П. Попов, он констатировал опережающее рост механизации сокращение трудовых ресурсов деревни. Иванов полагал, что ЛПХ компенсировали разницу в доходах колхозников и рабочих, но, однако, подчеркивал, что с конца 1950-х гг. в бюджете колхозной семьи сокращается доля дохода от ЛПХ, а от колхоза — растет[75]. Защищенная в 1994 г. кандидатская диссертация Е. Б. Никитаевой методологически и содержательно продолжала линии исследования, реализованные в работах В. П. Попова и Н. С. Иванова. Автор также пришла к заключению об «ущемлении экономических интересов крестьянства», отчуждении его от результатов труда как основных причинах кризиса деревни Центрального Нечерноземья, низкой экономической эффективности сельского хозяйства. Главным выводом, который было уже можно сделать в начале 1990-х гг., стало заключение о прогрессирующем раскрестьянивании села 1960—1970-х гг. экономическими мерами[76].

Отдельным вопросам послевоенной истории деревни Нечерноземья (в том числе и его центральных областей) было посвящено несколько сообщений в научной периодике и на конференциях историков-аграрников[77].

Итогом «преодоления» негативных оценок истории послевоенного восьмилетия, обозначившихся в литературе эпохи Н. С. Хрущева, накопления исследований, посвященных региональным парторганизациям, трудово-

---

[74] *Попов В. П.* Колхозное крестьянство Центральных областей Нечерноземной зоны РСФСР в 1959—1970 гг. : дис. … канд. ист. наук. М., 1982. С. 2, 171—183.

[75] *Иванов Н. С.* Колхозное крестьянство центральных областей Нечерноземной зоны РСФСР в 1951—1958 гг. : дис. … канд. ист. наук. М., 1983. С. 2, 157—165.

[76] *Никитаева Е. Б.* Социальные проблемы села в 1960—70-е гг. (на материалах Центрального района России) : дис. … канд. ист. наук. М., 1994. С. 124—129.

[77] *Будаев Д. И., Рябков Г. Т.* История сельского хозяйства и крестьянства Западного региона РСФСР. Конференция в Смоленске // История СССР. 1978. № 5. С. 221 ; *Чигринов Г. А.* Некоторые вопросы развития сельскохозяйственного производства Нечерноземной зоны РСФСР во второй половине 40—50-х годов // История СССР. 1982. № 4. С. 116—124 ; *Иванов Н. С.* Численность и состав крестьянства центральных областей нечерноземной зоны РСФСР (1951—1958 гг.) // Проблемы истории советского крестьянства / отв. ред. М. П. Ким, зам. отв. ред. И. М. Волков. М., 1981. С. 205—213.

му героизму, политической активности сельского населения и его отдельных групп в целом и по регионам, стало создание к началу 1980-х гг. «героизованной» панорамы первых послевоенных лет[78]. В связи с подготовкой к III Всесоюзному съезду колхозников и принятием нового Примерного Устава сельхозартели (1969 г.) получило импульс исследование «колхозной демократии» — истории формирования «колхозного права» и практики участия колхозников в управлении делами сельхозартели[79], причем формы, масштабы активности колхозников изучались меньше, особенно на протяжении первого послевоенного восьмилетия[80].

С конца 1960-х гг. начинается публикация обобщающих работ по истории культпросветработы, которая определялась как область идеологической деятельности, «внешкольная образовательная и воспитательная работа среди широких слоев населения» в целях их «коммунистического воспитания», часть «культурно-организаторской и культурно-воспитательной функции советского государства». Периодизация истории культпросветработы совпадала с вехами истории советского общества[81].

Середину 1960-х гг. следует выделить как рубеж, с которого в СССР начинается обсуждение проблем социальной психологии, в том числе колхозного крестьянства. Главным направлением становится анализ общественного сознания, определение содержания и взаимосвязи его основных элементов и социально-психологических феноменов, таких как «общественное мнение», «общественные настроения», «общественно-психологическая атмосфе-

---

[78] История КПСС : в 6 т. / пред. ред. колл. П. Н. Федосеев. Т. 5, кн. 2 : Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества. 1938—1959 гг. / рук. ред. колл. тома А. Д. Педосов. М., 1980.

[79] *Денисов Ю. П.* Развитие колхозной демократии (1946—1970). Ростов н/Д., 1975 ; *Денисов Ю. П., Ивницкий Н. А*. Развитие колхозной демократии (1917—1977 гг.) // Проблемы истории советского крестьянства. С. 226—239.

[80] Советская деревня в первые послевоенные годы. 1946—1950 / отв. ред. И. М. Волков. М., 1978. С. 158—159, 163.

[81] Культурно-просветительная работа в СССР / под ред. Т. А. Ремизовой. М., 1974. С. 3—5, 184—223, 257 ; Культурное обслуживание трудящихся Нечерноземной зоны. Вопросы теории и практики / сост. Л. С. Лаптева. М., 1981 ; *Красильников Ю. Д.* Культурно-просветительная деятельность развитого социалистического общества. М., 1983 ; *Пиналов С. А., Чернявский Г. И., Виноградов А. П.* История культпросветработы в СССР. Киев, 1983. С. 4, 6, 177—204 ; и др.

ра», «традиции», «обычаи», «социальные нормы» и т. п.[82] Однако конкретно-исторические исследования массового сознания советской деревни 1945—1950-х гг. не были созданы, что вполне понятно, так как вплоть до конца 1980-х гг. ученые не имели доступа к релевантным архивным документам, невозможно было провести и опубликовать неподцензурное социологическое, социально-психологическое исследование.

Хотя выводы этих работ не выходили за рамки тезиса о тождестве интересов власти и села и о прогрессивном движении деревни к новому образу жизни, в них подчас фиксировались важные изменения в быте, духовном облике сельского населения, предлагались новаторские для того времени подходы к их изучению. Так, в диссертации Р. М. Горбачевой обосновывалось применение категории быта как «образа повседневной жизни колхозной деревни» «вне производственной и общественно-политической деятельности», состоящего из материально-экономической, духовной и моральной сторон, был сделан вывод о сдвиге в содержании материальных потребностей колхозной семьи от хозяйственных нужд к личным интересам ее членов, становлении ее «демократической структуры». Было зафиксировано и наличие «старого традиционного распределения домашнего труда», обусловленного сохранением значения личного подсобного хозяйства, зависимости быта семей от внутриклассовых различий, характера выполняемого колхозниками труда[83]. Ю. Н. Тарасов, оперируя категорией «сельский образ жизни», составляющим которой, по его мнению, выступали «трудовая активность, быт и благосостояние, культурная и общественно-политическая деятельность», пришел к выводу, что «совершенствование различных сфер жизнедеятельно-

---

[82] *Парыгин Б. Д.*: 1) Что такое социальная психология. Л., 1965 ; 2) Общественное настроение. М., 1966 ; 3) Социальная психология как наука. Изд. 2-е. Л., 1967 ; *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1966 ; *Грушин Б. А.* Мнения о мире и мир мнений. Проблемы методологии исследования общественного мнения. М., 1967 ; *Левыкин И. Т.*: 1) Теоретические и методологические проблемы психологии колхозного крестьянства. М., 1975 ; 2) Некоторые методологические проблемы изучения психологии крестьянства. Орел, 1970 ; *Уледов А. К.*: 1) Структура общественного сознания. Теоретико-социологическое исследование. М., 1968 ; 2) Актуальные проблемы социальной психологии. М., 1981 ; *Вдовин А. И., Дробижев В. З.* Социальная психология и некоторые вопросы истории советского общества // История СССР. 1971. № 5. С. 24—41.

[83] *Горбачева Р. М.* Формирование новых черт быта колхозного крестьянства (по материалам социологических исследований в Ставропольском крае) : дис. … канд. филос. наук. М., 1967. С. 9—19, 209—215.

сти… и есть совершенствование социалистического образа жизни». Им была установлена зависимость различий в образе жизни колхозников от их принадлежности к внутриклассовым группам с учетом того, что главным критерием их выделения были различия в характере и содержании труда[84]. Сходные идеи высказывал и его научный руководитель В. И. Староверов.

Результаты социологических обследований отдельных сел, изучения социальных слоев и социальной структуры деревни в целом свидетельствовали об уходе в прошлое традиционной культуры по мере прогресса советской культуры и быта, что рассматривалось как закономерное «стирание различий между городом и деревней» — одно из проявлений «перехода к развернутому строительству коммунизма» и формирования «нового советского крестьянина-коллективиста»[85]. В то же время социальная эволюция деревни начинает осмысливаться как более сложный процесс, идущий на классовом и внутриклассовом уровнях. Развивается мысль о несовпадении классовой и социальной структур деревни: в связи со стиранием классовых различий на первый план выходят внутриклассовые, определявшиеся характером, содержанием труда и образом жизни. Путь деревни к социальной интеграции мыслился через урбанизацию и профессиональную дифференциацию, которая должна была принять характер технологического разделения труда, равного труду индустриальных рабочих по своей социальной значимости[86] (такой

---

[84] *Тарасов Ю. Н.* Основные черты образа жизни колхозного крестьянства на этапе развитого социализма : дис. … канд. филос. наук. М., 1979. С. 133—140.

[85] Опыт историко-социологического изучения села «Молдино» / под ред. В. Г. Карцова. М, 1968. С. 253—406 ; Социально-экономические преобразования в Воронежской деревне (I9I7—I967). Воронеж, 1967 ; Сельская молодежь : социологический очерк / сост. И. Т. Левыкин. М., 1970 ; *Арутюнян Ю. В*. Опыт социологического изучения села. М., 1968 ; *Новиков Н. Н.* Основные факторы формирования коллективизма у колхозного крестьянства : (На материале конкретного социально-психологического исследования, проведенного в Ярославской, Костромской и Рязанской областях) : дис. … канд. пед. наук. Ярославль, 1967. С. 171—179 ; Коллектив колхозников : социально-психологическое исследование / под ред. В. Н. Колобановского ; рук. авт. колл. И. Т. Левыкин. М., 1970 ; Социальный облик колхозной молодежи : По материалам социологических обследований 1938 и 1969 гг. / отв. ред. В. Е. Полетаев ; колл. авт.: А. В. Безруков, Г. Т. Журавлев, В. Е. Полетаев, Л. В. Рутес, В. А. Устинов. М., 1976 ; Деятельность КПСС по повышению культурно-технического уровня тружеников села / под ред. проф. В. Б. Островского. Саратов, 1979. С. 256—258 ; Изменение образа жизни колхозного крестьянства в условиях развитого социализма / науч. ред. В. И. Бовш. Минск, 1983 ; и др.

[86] *Амвросов А. А*. От классовой дифференциации к социальной однородности общества. М., 1972 ; *Староверов В. И.*: 1) Город или деревня : Наше общество сегодня и завтра. М., 1972 ; 2 *Староверов В. И.* Социально-демографические проблемы деревни: методология, методика, опыт анализа миграции сельского населения. М., 1975 ; 3) Советская деревня на этапе развитого социализма. М., 1976 ; 4) Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма. М., 1978 ; *Арутюнян Ю. В*. Социальная структура сель-

подход, например, был реализован в кандидатских диссертациях О. М. Вербицкой, В. П. Попова, Н. С. Иванова).

К работам этнографов и социологов о послевоенной деревне примыкали исследования организации досуга, формирования новых советских обычаев и традиций, значительное количество которых стало публиковаться в 1960—1970-е гг. Распространение советских обрядов с конца 1950-х гг. рассматривалось как закономерное приведение обрядности в соответствие с уровнем развития социалистической экономики, ростом благосостояния и культуры, обусловливавшее изживание религиозных праздников и обрядов[87].

Изучение массовой религиозности было подчинено задаче прояснения ее факторов, динамики и особенностей этого процесса. Исходным пунктом исследований был тезис о тотальном кризисе религии и закономерном успехе секуляризации при социализме в ходе устранения корней массовой религиозности. Ее ликвидация мыслилась по мере развития социализма, а сохранение «остаточной религиозности» объяснялось действием «неблагоприятно складывавшихся обстоятельств общественной и личной жизни», привлекательностью ее обрядовой стороны. Декларировалось пунктуальное соблюдение прав верующих, отсутствие их дискриминации[88]. Анализировалось распространение атеистических взглядов[89].

ского населения СССР. М., 1971 ; *Венжер В. Г.* Гармоническое соединение земледелия и промышленности — условие окончательного устранения классовых отношений между городом и деревней // Стирание классовых различий в условиях развитого социализма / под ред. В. Г. Венжера. М., 1980. С. 10—25 ; *Яковлева Е. Н.* Основные направления изменений социальной структуры советского общества на этапе развитого социализма // Там же. С. 26—38 ; *Костыгова О. В.* Участие трудящихся в управлении общественным производством и стирание классово-социальных различий // Там же. С. 60—80 ; *Сенявский С. Л.* Социальная структура советского общества в условиях развитого социализма (1961—1980 гг.). М., 1982. С. 149—186, 241—266 ; *Зубкова Е. Ю.* К вопросу о развитии процессов сближения социально-классовых структур города и села в условиях зрелого социализма // Социально-классовые отношения в советском обществе / редкол. Ю. А. Поляков (отв. ред.), В. П. Дмитренко, Е. И. Пивовар. М., 1984. С. 50—74.

[87] *Долгих Ф. И.* Коммунистическое воспитание и преодоление религиозных пережитков. М., 1961 ; *Геродник Г. И.* Дорогами новых традиций. М., 1964 ; *Горбачева Р. М.* Быт колхозного крестьянства. Ставрополь, 1969 ; *Закович Н. М.* Советская обрядность и духовная культура / отв. ред. Е. К. Дулуман. Киев, 1980 ; Социалистическая обрядность и атеистическое воспитание (Опыт работы по внедрению соц. обрядности в Одесской обл.) / подгот. В. Брудный. М., 1985 ; и др.

[88] Исторический материализм. С. 590—591 ; *Куроедов В. А.* Религия и церковь в Советском государстве. М., 1981 ; *Гордиенко Н. С.* Основы научного атеизма. М., 1988. С. 125—137 ; *Угринович Д. М.* Введение в религиоведение. Изд. 2-е, доп. М., 1985. С. 192—203 ; *Арсенкин В. К.* Кризис религиозности и молодежь : Методологические аспекты исследования / отв. ред. В. Д. Тимофеев. М., 1984. С. 65—67, 78—80 ; *Гордиенко Н. С., Курочкин П. К.* Основные особенности эволюции религии и церкви в условиях социалистического общества // Вопросы научного атеизма. Вып. 25 : Атеизм, религия, церковь и история СССР / отв. ред. П. К. Курочкин. М., 1980. С. 235—238 ; *Коновалов Б. Н.* Атеизм в социалистическом обществе // Там же. С. 246—

Увеличение числа конкретно-исторических, социологических, этнографических исследований становится предпосылкой разработки понятия «социалистический образ жизни» («совокупности существенных черт, характеризующих деятельность социальных общностей в условиях социалистической формации»), в числе которых отмечались коллективизм, гуманизм, демократизм, интернационализм, социальный оптимизм, основой которого считались социалистический способ производства и советский общественно-политический строй. Утверждалось, что по мере преодоления пережитков в быту и сознании людей, изживания антисоциальных явлений «социалистический образ жизни» распространится на все общество. Проводилась мысль о постепенном сближении и унификации сельского и городского образа жизни на основе ценностей и достижений социализма[90].

Связанной с этим проблемой являлось определение границ социально-политической сферы. В. Б. Островский ввел понятие «духовного облика» колхозного крестьянства, которое, по его мнению, включало его общеобразовательный уровень, кругозор и познавательные интересы, духовные запросы, вытеснение религиозного мировоззрения материалистическим, развитие социалистического сознания и коллективистской психологии и т. д. Изменение духовного облика изображалось им не лишенным трудностей, но в целом

---

253 ; Религия и церковь в современную эпоху / редкол. Л. Н. Великович, В. И. Гараджа и др. М., 1976. С. 92—93 ; *Яблоков И. Н*. Социология религии. М., 1979. С. 137—146, 160—168 ; *Демьянов А. И.* Истинно православное христианство / науч. ред. А. И. Клибанов. Воронеж, 1977 ; *Клибанов А. И*. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973. С. 250—254 ; *Миловидов В. Ф*. Современное старообрядчество. М., 1979 ; *Островский В. Б.* Колхозное крестьянство СССР … С. 271, 279 ; *Горбачева Р. М.* Быт колхозного крестьянства. С. 72—73.

[89] *Москаленко А. Т., Квардаков А. И*. Секуляризация сознания и быта крестьянства в процессе строительства социализма в Сибири // Культурное развитие сибирской деревни / отв. ред. Н. Я. Гущин. Новосибирск, 1980. С. 315—317 ; *Зоц В. А*. Культура. Религия. Атеизм. М., 1982. С. 79 ; *Островский В. Б*. Колхозное крестьянство СССР … С. 281—290 ; История крестьянства СССР : в 5 т. Т. 4 : Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945 — конец 1950-х гг. / отв. ред. и автор предисл. И. Е. Зеленин. М., 1988. С. 346—347 ; и др.

[90] *Симуш П. И.* Некоторые проблемы изучения образа жизни советской деревни // История СССР. 1983. № 3. С. 3, 4, 6, 8, 10 ; *Поляков Ю. А., Писаренко Э. И.* Исторические аспекты изучения советского образа жизни (к постановке вопроса) // Вопросы истории. 1978. № 6. С. 3—14 ; *Касьяненко В. И.*: 1) Роль КПСС в формировании социалистического образа жизни. М., 1979 ; 2) Советский образ жизни. История и современность. М., 1985 ; Социалистический образ жизни : политико-экономический справочник / под общ. ред. С. С. Вишневского, сост. В. В. Пошатаев. М., 1986 ; Социалистический образ жизни и новый человек / под общ. ред. А. И. Арнольдова, Э. А. Орловой. М., 1978 ; *Ефимов Н. И.* Советский образ жизни. М. 1983 ; Советский образ жизни: сегодня и завтра / сост. В. И. Добрынина. М. 1976 ; *Рывкина Р. В*. Образ жизни сельского населения. Новосибирск, 1979 ; Социалистический образ жизни / ред. М. Н. Руткевич, Г. Е. Глезерман, С. С. Вишневский. М., 1980.

успешным преодолением традиционных черт мировоззрения и духовности. Основными его результатами к началу 1960-х гг. Островский считал формирование у крестьянства основ материалистического мировоззрения, сознательной общественной и политической позиции и стирания существенных классовых отличий между ним и рабочим классом[91]. Классическое для советской историографии понимание социально-политической сферы сформулировал И. Е. Зеленин, в которой выделялись: 1) развитие и деятельность КПСС, ее низовых ячеек, Советов, массовых общественных организаций; 2) различные проявления социалистической демократии; 3) рост политической активности, политические настроения, общественное мнение сельского населения[92]. Такой подход был реализован в исследованиях социально-политического развития послевоенного села[93].

Таким образом, в рамках советской историографии проблема взаимоотношений власти и деревни рассматривалась идеологизировано, на однообразной документальной базе, что нивелировало сложный характер этих отношений, представляло их как закономерный процесс нарастания «морально-политического единства» при доминирующей позиции «верхов», реализовывающих по отношению к деревне «педагогические» амбиции.

В западной литературе с 1950-х гг. канвой исследований проблемы власти и общества в СССР стала выработанная политологами тоталитарная модель (К. Фридрих, З. Бжезинский, Х. Аренд). Тоталитаризм определялся как появившаяся в XX в. самовоспроизводящаяся политическая система, характеризующаяся «тоталитарным синдромом» — максимально возможным контролем государства над обществом посредством репрессий, террора и пропаганды, опеки над экономикой. Общество изображалось в целом пассивным объектом манипуляций, а политика — определяющей прочие сферы.

---

[91] *Островский В. Б.* Колхозное крестьянство СССР … С. 324—325.

[92] *Зеленин И. Е.* Общественно-политическая жизнь советской деревни 1948—1958 гг. М., 1978. С. 237—241.

[93] Там же ; *Зеленин И. Е.*: 1) Общественно-политическая жизнь крестьянства // История крестьянства СССР : в 5 т. Т. 4 : Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945 — конец 1950-х гг. / отв. ред. и автор предисл. И. Е. Зеленин. М., 1988. С. 158—174 ; 2) Общественно-политическая активность советского крестьянства // Там же. С. 307—324 ; Советская деревня в первые послевоенные годы. 1946—1950. С. 407—448.

Определенная автономия признавалась за семьей, религиозной верой, университетами и «другими центрами технического знания», творческой интеллигенцией, национально-этническим самосознанием, которые именовались «островами обособленности». «Злым гением» коммунистического тоталитаризма назывался советский крестьянин, так как «в силу самого характера крестьянского труда» коллективизированное сельское хозяйство не могло показать той же эффективности, что «независимая фермерская жизнь», вынуждая партию постоянно опекать деревню. К. Фридрих и З. Бжезинский считали тоталитарные режимы автократиями, адаптированными к индустриальному обществу XX в., возникшими на основе современных технологий в вооружениях и массовой коммуникации, а также массовой демократии. Важной чертой советского тоталитаризма называлось достижение согласия власти и общества по ключевым вопросам[94]. Эти идеи получили развитие в работах М. Фейнсода, в «Гарвардском проекте», в рамках которого было подготовлено одно из первых исследований повседневности сталинского общества, других советологических исследованиях[95]. А. Инкелес и Р. Бауэр пришли к выводу об огромном масштабе перемен, произошедших в советском обществе, в частности, в деревне, за годы сталинского правления, когда «ценности крестьянской семьи» заменялись «ценностями индустриального уклада». В сфере экономики «главным фактором, определяющим жизненные шансы человека», стали возможность заработка, удовольствие от работы,

---

[94] *Brzezinski Z. K.* The Permanent Purge : Politics in Soviet Totalitarianism. Cambridge (Mass.), 1956. P. 2—13, 168—175 ; *Friedrich C. J., Brzezizinski Z. K.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. 2nd ed. / revised by C. J. Friedrich. Cambridge (Mass.), 1965. P. 22—27, 268, 279—280 ; *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю. Б. Мишкенене, Л. А. Седова : послесл. Ю. Н. Давыдова ; под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Попова. М., 1996 ; Тоталитаризм, что это такое? : Исследования зарубежных политологов : сборник статей, обзоров, рефератов, переводов : в 2 ч. Ч. 2 / Л. Н. Верченов, Ю. И. Игрицкий. М., 1993. С. 90—91 ; *Меньковский В. И., Уль К., Шабасова М. А.* Советский Союз 1930-х годов в англоязычной историографии. Сыктывкар, 2013. С. 21—27 ; *Меньковский В. И.* История и историография : Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов. Минск, 2007. С. 48—61.

[95] *Inkeles A.* Public opinion in Soviet Russia. A Study in mass Persuasion. Cambridge (Mass.), 1951. P. 20, 24, 55, 58—59, 118, 135—136, 141, 172, 173, 317—324 ; *Moore B.*, Jr. Terror and Progress USSR : Some Sources of Change and Stability in the Soviet Dictatorship. Cambridge (Mass.), 1954. P. 170—173, 176—231 ; *Фейнсод М.* Смоленск под властью Советов / пер. с англ. Л. А. Кузьмина, вступ. статья и ред. Е. В. Кодина. Смоленск, 1995 ; *Кодин Е. В.* «Гарвардский проект». М., 2003 ; Гарвардский проект: рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне / сост., общ. ред. и вступ. статья О. В. Будницкого и Л. Г. Новиковой. М., 2018.

«успехи детей», «оценка своей жизненной ситуации». Была отмечена секуляризация религиозных настроений и распространение «этики потребления», которой были подвержены и общества других индустриальных стран. В политической сфере отмечалось наличие «консенсуса» власти и населения по поводу наиболее важных вопросов и самого строя. Перспективы его изменения под действием социального протеста отрицались, напротив, констатировалось его самосовершенствование. Инкелес и Бауэр прежде всего исходили из индустриального характера советской экономики и общества, а не только из его тоталитарных черт. Тоталитаризм представлялся им формой индустриального рывка СССР[96].

На позициях тоталитарной модели при анализе советского общества, прежде всего его экономики, стояли Ф. А. фон Хайек, Л. фон Мизес, Р. Арон[97], а А. Улам называл Хрущева бенефициаром созданной Сталиным модели тоталитаризма[98]. В литературе справедливо отмечается абстрактный характер тоталитарного подхода, некоторый субъективизм трактовок динамики советского строя[99]. Следует также отметить выраженную политическую ангажированность тоталитарного концепта, акцентирование им якобы особенных черт советского политического режима, относительно узкую источниковую базу, состоящую из немногочисленных советских документов и материалов интервью эмигрантов из СССР.

Близким тоталитарной модели, но менее распространенным был институциональный подход, приверженцы которого анализировали сталинский режим как систему личной власти, основанную не на бюрократических правилах, а на произвольно применявшемся вождем терроре. Хрущевская эпоха интерпретировалась как попытка вывода сталинского порядка из кризиса, ее

---

[96] *Inkeles A., Bauer R. A*. The Soviet Citizen. Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge (Mass.), 1959. P. VII—VIII, XI, 380—389, 391—392, 394, 397 ; *Bauer R. A*. The New Man in Soviet Psychology. Cambridge (Mass.), 1952. P. XV, 177—178, 181—182, 185, 187—188, 191—196.

[97] *Хайек Ф. А*., фон. Дорога к рабству : пер. с англ. М., 2005. С. 80—89, 103—113 ; *Мизес Л*., фон. Социализм : Экономический и социологический анализ : пер. с англ. М., 1994. С. 359—363, 372—373 ; *Арон Р*. Демократия и тоталитаризм / пер. с фр. Г. И. Семенова. М., 1993.

[98] *Ulam A. B*. The New Face of Soviet Totalitarianism. Cambridge, 1963. P. 93, 99, 102—104, 183, 193.

[99] *Масловский М. В*. Теории исторической макросоциологии и социально-политические трансформации в России и СССР в первой половине XX века. Н. Новгород, 2003. С. 90.

чертами назывались неопределенность функционирования власти, отсутствие в ней доверия, застой. Хрущева называли лидером переходного типа, зависимым от окружения и тяготевшим к «системе доминирования лидера», однако потребность институционализации бюрократических структур перевесила, что привело к его смещению[100].

С рубежа 1960—1970-х гг. формируется «ревизионистское» направление в изучении истории СССР. Предшественники ревизионизма С. Коэн, М. Левин, И. Дойчер и другие отталкивались от признания конфликтного, а не монолитного характера советского общества, стремились исследовать эти конфликты на разных уровнях[101]. «Младшее поколение» ревизионистов (Ш. Фицпатрик, Дж. Гетти, Р. Мэннинг, Л. Виола, Г. Риттершпорн и др.) перенесло акцент в изучении власти и общества на общество и результаты политики, утверждало, что контроль государства был слабее, чем утверждала тоталитарная школа, система власти на местах находилась в хаотическом состоянии, режим пользовался поддержкой части населения, рассчитывавшего на повышение своего статуса, был вынужден учитывать импульсы «снизу», которые меняли власть в той же степени, в какой она меняла общество[102].

Другим влиятельным направлением, развивавшимся в западной советологии с конца 1950-х гг., становится теория индустриализма (модернизации). Ее ключевые идеи были сформулированы Р. Ароном, Дж. Гэлбрейтом, А. Гершенкроном, У. Ростоу, Т. Парсонсом, Э. Шилзом и др.[103] Общество рассматривалось как социум, двигающийся от традиционного состояния (низкая специализация и взаимозависимость организаций, аграрная экономи-

---

[100] *Gill G.* Khrushchev and Systemic Development // Khrushchev and khrushchevism. Ed. by M. Mccauley. London, 1987. P. 30—45.

[101] *Некрасов А. А.* Становление и этапы развития англо-американской советологии : дис. … канд. ист. наук. Ярославль, 2001. С. 124—140.

[102] *Маннинг Т. Р.* Бельский район, 1937 год / пер. с англ., общ. ред. и сост. Е. В. Кодина. Смоленск, 1998 ; *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня : пер. с англ. М., 2001 ; *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина : Коллективизация и культура крестьянского сопротивления : пер. с англ. М., 2010 ; *Некрасов А. А.* Становление и этапы развития англо-американской советологии. С. 140—157 ; *Меньковский В. И.* История и историография … С. 124—169 ; *Кодин Е. В.* Смоленщина как объект исторических исследований в послевоенной американской советологии // Сталинизм и российская провинция: смоленские архивные документы в прочтении зарубежных и российских историков / под общ. ред. Е. В. Кодина. Смоленск, 1999. С. 27—41.

[103] *Парсонс Т.* Система современных обществ ; *Ростоу В. В.* Стадии экономического роста ; *Гэлбрейт Дж. К.* Новое индустриальное общество : избранное. С. 25—344.

ка, неразвитость рынка, сословное общество в виде иерархии локальных общин, деспотические формы правления, обычное право как основной социальный регулятор, сервильность как психологический стереотип, непотизм и др.) к индустриальной фазе (развитие промышленных технологий на основе рационального знания, рынков ресурсов, самоподдерживающийся рост экономики, растущая индустриализация, повышение уровня жизни, автономизация социальных сфер, дифференциация социальных ролей, возрастание социальной мобильности, рациональный бюрократический аппарат, рациональные и светские процедуры политических решений, «диффузия политической власти» к широким массам, ее легитимность на основе закона, рационализация поведения, вера в науку и технологию, секуляризация и др.)[104] Они делили мир на прогрессивные демократические страны, к которым относили, прежде всего, страны Запада, преуспевшие благодаря демократическому устройству, и отсталые традиционные. Изменения трактовались как однолинейные, эволюционные, последовательные и необратимые вследствие универсальности капитализма западного образца.

По обоснованному мнению Ю. П. Бокарева, теория модернизации артикулировала задачу стран Запада по приведению отсталых традиционных стран (прежде всего — «третьего мира») в современность, преодоления ими экономической отсталости и достижения благополучия по западному образцу, что сулило закрепление обретенного США по итогам Второй мировой войны господства, несостоятельность выполнения которой была показана еще в 1960—70-е гг.[105]

Одна из идей индустриализма — абсолютизация производственно-технического фактора как детерминанты перемен в других сферах — легла в основу теории конвергенции капитализма и социализма, получившей развитие в работах У. Ростоу, Дж. К. Гэлбрейта, Я. Тинбергена, П. Сорокина, Ж.

---

[104] *Лейбович О. Л.* Модернизация в России … С. 23—27, 58 ; *Побережников И. В*. Переход от традиционного к индустриальному обществу. С. 61—62, 64—65.

[105] *Бокарев Ю. П.*: 1) Теория модернизации и экономические реформы в России // Информационно-аналитический бюллетень. 2009. № 7. С. 7—8 ; 2) Теория модернизации и экономическое развитие // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 25—29.

Фурастье, Фр. Перру, Р. Арона, Г. Шельского, Р. Лилиенштерна и др.[106] Исходя из представлений о крупном индустриальном производстве как единой для капитализма и социализма технико-экономической основе, о социальном развитии как сближении разных систем, об обществе будущего как их синтезе, сторонники теории конвергенции делали вывод о прогрессирующем взаимопроникновении капитализма и социализма (особенно явно — в экономике). Различия в отношениях собственности либо элиминировались, либо трактовались как эволюционирующие в направлении «демократизации капитала», «обезличенной собственности», «революции управляющих». Подчеркивалось падение значения политической идеологии, на смену которой шла «идеология технократического сознания», формирование культуры массового потребления. Перспективы конвергенции капитализма и социализма отвергали З. Бжезинский, Г. Фляйшер, П. Дракер[107]. А. Д. Сахаров, напротив, видел в этом решение глобальных проблем[108].

Теория конвергенции находила своих сторонников и среди историков. Позицию между тоталитарным и ревизионистским направлением в исследовании сталинского общества занимает С. Коткин, говорящий о неизбежной вовлеченности СССР в общие для США, стран Западной Европы, Японии процессы современности и видящий в нем вариант общества модерна и особую цивилизацию[109]. Н. Лэмперт пришел к выводу, что «социализм в классическом марксистском понимании “не работает”», поэтому СССР «должен извлечь некоторые уроки из опыта капитализма и демократии»: допустить ры-

---

[106] *Ростоу В. В.* Стадии экономического роста ; *Гэлбрейт Дж. К.* Новое индустриальное общество. С. 25—344 ; *Иванов Г. И.* Социальная сущность теории конвергенции. М., 1975. С. 9—42, 125—127 ; Современные буржуазные теории о слиянии капитализма и социализма (критический анализ) / отв. ред. М. Б. Митин. М., 1970. С. 19—36, 62—72, 97—107, 120—131, 139.

[107] *Зайцев Н. А., Пучнина О. Е.* Концепт «конвергенции» в истории мысли и в политике // Наука в современном мире: взгляд молодых ученых : Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Грозный, 2022. С. 234—238.

[108] *Сахаров А. Д.*: 1) Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе // *Сахаров А. Д.* Тревога и надежда : статьи, письма, выступления, интервью : в 2 т. Т. 1 : 1958—1986. М., 2006. С. 67—120 ; 2) Конвергенция, мирное сосуществование // 50/50 : Опыт словаря нового мышления / под общ. ред. М. Ферро, Ю. Н. Афанасьева. М., 1989. С. 13—19.

[109] *Коткин С.* Новые времена : Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте // Мишель Фуко и Россия : сборник статей / под ред. О. Хархордина. СПб., М., 2001. С. 238—214 ; *Масловский М. В.* Советская модель модерна в современной исторической социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 6. С. 81.

нок, децентрализовать планирование, не отказываясь при этом от нацеленного на достижение приоритетов «политического руководства»[110]. Сторонником конвергенции называл себя эмигрировавший в США советский экономист И. Я. Бирман[111].

В эмигрантской историографии центральной идеей, объясняющей проблему власти и общества в послевоенном СССР, стала тоталитарная модель. Она получила распространение в деятельности опекаемого ЦРУ Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР, с 1950 г. претендовавшего на статус европейского центра советологии. За два десятилетия институт подготовил 179 книг, провел 16 научных конференций, выпускал несколько периодических изданий. По мнению Е. В. Кодина, существенная часть этой продукции была нацелена не на получение объективного знания об СССР, а на поддержание образа врага[112]. Уже в 1948 г. в работе В. С. Мерцалова колхозная система характеризовалась как «второе крепостное право», позволяющая КПСС и советскому государству проводить любое мероприятие, расценивая всякое сопротивление как угрозу[113]. В работах М. С. Восленского, А. Г. Авторханова, М. Я. Геллера, А. М. Некрича и других механизм власти в СССР характеризовался как тоталитарный с ядром в виде партаппарата, правившего террором и ложью[114]. А. А. Зиновьев, признавая в СССР наличие многих черт тоталитаризма, считал их не навязанными обществу, а идущими от него самого и адекватными его структуре[115].

---

[110] *Лэмперт Н.* Сигналы снизу : Жалобы населения и злоупотребления при государственном социализме. М., 1988. С. 203—204.

[111] *Бирман И. Я.* Экономика недостач. New York, 1983. С. 168.

[112] *Кодин Е. В.* Поздний сталинизм в оценках российской политической эмиграции (на примере Мюнхенского института по изучению СССР: 1950—1972 гг.) // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945—1953 гг. : Материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4—6 декабря 2014 г. М., 2015. С. 36—44.

[113] *Мерцалов В. С.* Трагедия российского крестьянства (анализ колхозной системы). [Frankfurt a/M, 1948]. С. 95, 115.

[114] *Восленский М. С.* Номенклатура : Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 102—103, 170, 354, 613 ; *Геллер М. Я.* Машина и винтики : История формирования советского человека. М., 1994 ; *Геллер М. Я., Некрич А. М.* История России 1917—1995 : в 4 т. Т. 1 : Утопия у власти 1917—1945. М., 1996 ; *Авторханов А. Г.* Технология власти [Электронный ресурс] : сайт «Библиотека Максима Мошкова». URL: http://www.lib.ru/POLITOLOG/AWTORHANOW/tehnologiq.txt (дата обращения: 10.07.2015).

[115] *Зиновьев А. А.* Коммунизм как реальность [Электронный ресурс] : сайт, посвященный А. А. Зиновьеву. URL: http://www.zinoviev.ru/ru/zinoviev/zinoviev-kommunism.pdf (дата обращения: 10.07.2015).

К началу 1990-х гг. базировавшаяся на концепции «морально-политического единства советского общества» литература стала считаться неактуальной вследствие девальвации коммунистической идеологии. На Западе пошатнулась вера в потенциал тоталитарной модели и советологии вообще, не спрогнозировавших крах СССР. Испытала шок и теория конвергенции, наиболее ярким выражением чего стали идеи безальтернативности либерализма[116].

Поиск путей реформирования России в начале 1990-х гг. обусловил актуальность осмысления советского опыта. В отечественной науке это обострило внимание к концепциям, сформировавшимся на Западе до 1991 г. Пожалуй, самой популярной из них стала теория модернизации, к началу 1990-х гг. уже в значительной степени раскритикованная в гуманитарных науках за рубежом. По справедливому заключению Ю. П. Бокарева, всплеск ее популярности в России был обусловлен надеждами тогдашнего российского руководства на быструю и успешную рецепцию институтов рыночной экономики и западной демократии[117]. При этом многие продуктивные идеи, высказанные в последние годы советской эпохи по поводу социально-экономической эволюции советской деревни в 1940—1960-е гг. (такие, как влияние дефицита капиталовложений в сельском хозяйстве Центрального Нечерноземья в 1945 — 1960-х гг. на социальную эволюцию крестьянства, анализ его социальной структуры на внутриклассовом уровне и др.) большинством историков были оставлены как не вписывавшиеся в новую социально-политическую и историографическую ситуацию.

К настоящему времени идеи теории модернизации выступают в отечественной историографии наиболее распространенной парадигмой осмысления проблем стабилизации советского строя, власти и деревни в послевоенные годы. Попытки доказать, что советское общество проходило те же стадии, что и страны Запада, обнаружили его специфику и вылились в создание

---

[116] *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 84—118.
[117] *Бокарев Ю. П.*: 1) Теория модернизации и экономические реформы в России. С. 11—16 ; 2) Теория модернизации и экономическое развитие. С. 28—33.

множества концепций модернизации СССР[118]. В большинстве из них власть признается главным инициатором и проводником преобразований, многие из которых сводились к заимствованию западных индустриальных технологий и не приводили к самоподдерживающемуся развитию общества.

С начала 1990-х гг. защищены десятки диссертаций, опубликовано множество статей и монографий по проблемам истории СССР, власти и общества, деревни 1945 — начала 1960-х гг., теоретической основой и основным выводом которых стал тезис о модернизации СССР. Следует отметить, что многие их авторы обращались не к классической теории модернизации, изложенной в работах Р. Арона, У. Ростоу, Дж. Гэлбрейта и др., а к ее вариантам, адаптированным для осмысления истории СССР отечественными учеными. Важным их отличием и конкретно-исторических исследований на их основе стало придание гипертрофированного значения власти и политической сфере для истолкования предпосылок, сути, характера, проявлений и последствий советского модерна (в классической теории локомотивом перемен определяется сфера рыночной экономики, утверждение крупного машинного производства). Применительно к изучаемой проблеме такое про-

---

[118] *Лейбович О. Л.* Реформа и модернизация в 1953—1964 гг. Пермь, 1993. С. 17 ; *Красильщиков В. А.* Вдогонку за прошедшим веком : Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998 ; *Миронов Б. Н.*: 1) Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) : в 2 т. 2-е изд., испр. СПб., 2000. Т. 2. С. 332—334 ; 2) История СССР с социологической точки зрения: о книге А. Г. Вишневского «Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР» // Социальная история : ежегодник, 2000 / отв. ред. К. М. Андерсон, Л. И. Бородкин, А. К. Соколов. М., 2000. С. 333 ; *Васильев Ю. А., Лельчук В. С.* Сталинизм и социальная модернизация // 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века : Материалы круглого стола 4 марта 2003 г. / отв. ред. А. С. Сенявский. М., 2005. С. 169—182 ; *Вишневский А. Г.* Серп и рубль : Консервативная модернизация в СССР. 2-е изд. М., 2010. С. 416—421 ; *Согрин В. В.* Клиотерапия и историческая реальность: тест на совместимость : Размышление над монографией Б. Н. Миронова «Социальная история России периода империи» // Общественные науки и современность. 2002. № 1. С. 160 ; Опыт российских модернизаций XVIII—XX века / отв. ред. В. В. Алексеев. М., 2000. С. 69, 71 ; *Скорик А. П., Бондарев В. А.* Теория фрагментарной модернизации: постулаты и исторический ландшафт [Электронный ресурс]. URL: http://pandia.org/text/78/214/92989.php (дата обращения: 16.08.2015) ; *Бондарев В. А.* Фрагментарная модернизация послеоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х — начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья / отв. ред. А. П. Скорик. Ростов н/Д., 2005. С. 97—98, 566—568, 576 ; *Мазур Л. Н.*: 1) Политика интенсификации сельскохозяйственного производства в СССР в 1960—1980-е гг. специфика советского опыта // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок : Материалы XXIX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Орел, 2006. С. 499 ; 2) Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX—XX век) / науч. ред. О. В. Горбачев. Екатеринбург, 2012. С. 438—440 ; Колхозная жизнь на Урале. 1935—1953 / сост. Х. Кесслер, Г. Е. Корнилов. М., 2006. С. 7 ; *Корнилов Г. Е.* Трансформации аграрной сферы Урала в первой половине XX века // XX век и сельская Россия / под ред. Х. Окуда. Токио, 2005. С. 286.

чтение теории модернизации актуализирует логику ее изучения «от идеологии».

До середины 2000-х гг. в литературе по проблемам аграрной истории СССР послевоенных лет модернизационные идеи нередко высказывались в форме заочного сравнения черт советского государства и общества и таких западных ценностей, как рыночная экономика, парламентаризм, свобода личности, слова, массовая демократия и т. д. Так, В. А. Ломшин, явно находясь под влиянием пафоса работ В. Ф. Зимы[119], анализируя взаимоотношения мордовского крестьянства и власти в 1946 — середине 1950-х гг., подчеркивал «полувоенные» методы руководства деревней, определял действия власти как «усмирение голодом», на которые крестьянство отвечало «экономическим саботажем» и бегством в города[120]. Такой подход подспудно предполагал своеобразную поверку сталинской аграрной политики на соответствие ценностям рыночной экономики и западной демократии (следует отметить, что влияние подобных идей в середине 2000-х гг. испытал и автор этих строк[121]). В. Л. Дрындин, осмысливая итоги и значение хрущевских преобразований в экономике и управлении, пришел к заключению, что в послевоенные годы «тип советского экономически несвободного человека оказался неспособным решать более сложные задачи, выдвинутые научно-технической революцией», что обусловило застой в советской экономике и предопределило ее крах[122]. О. Ю. Ельчинанинова констатировала завершение хрущевскими аграрными реформами начатого еще в 1930-е гг. раскрестьянивания деревни — следствия создания в СССР индустриального общества в форме социа-

---

[119] *Зима В. Ф.*: 1) Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия / отв. ред. В. П. Дмитренко. М., 1996 ; 2) «Второе раскулачивание» (аграрная политика конца 40-х — начала 50-х гг.) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 109—125.

[120] *Ломшин В. А.*: 1) Крестьянство и власть Мордовии в послевоенный период (1946 — середина 1950-х годов) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Саранск, 2003. С. 13—26 ; 2) Крестьянство и власть Мордовии в послевоенный период (1946 — середина 1950-х годов). Саранск, 2008. С. 169—173.

[121] См., например: *Кометчиков И. В.* Крестьянство и власть в 1945—1953 гг. (на материалах областей Центрального Нечерноземья РСФСР) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Калуга, 2005.

[122] *Дрындин В. Л.* Попытки реформирования аграрной и промышленной сфер РФ (1953—1964 гг.) в контексте специфики отечественной истории : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Оренбург, 2004. С. 48.

лизма[123]. Э. К. Арутюнов подчеркивал ограниченность советской модели модернизации аграрного строя как основанной на внеэкономическом принуждении и не учитывавшей интересов крестьянства[124]. Т. Д. Надькин писал об отношениях «господства и подчинения», которые установились в мордовской деревне в результате коллективизации, против которых она совершенствовала пассивный протест. Советское государство автор анализировал как «административно-командную систему»[125]. Анализ повседневности крестьянства Приангарья в 1945—1953 гг. позволил С. В. Ковригиной сделать вывод о медленных темпах модернизации повседневности села региона, что, по ее мнению, было обусловлено частичным его охватом индустриализацией, неоднозначности ее влияния на традиционные формы повседневности[126].

С начала 2010-х гг. историки стали подходить более системно к характеристике аграрной политики и повседневности деревни как прошедших модернизацию. Так, по мнению Е. Н. Бикейкина, развитие аграрного производства Среднего Поволжья в 1953—1991 гг. представляло собой его модернизацию, в которой периоды кризисов преодолевались инициированными властью «антикризисными программами», прерванными в рамках «социалистического способа хозяйствования» внешними по отношению к аграрной сфере факторами[127]. О. Р. Хасянов определяет суть происходивших в советской деревне с 1930-х гг. процессов как насильственную «социалистическую модернизацию», приведшую к ликвидации крестьянства как «особого слоя советского общества». Государство, по его мнению, рассматривало село как «внутреннюю колонию», действуя насилием, индоктринацией, а деревня от-

---

[123] *Ельчанинова О. Ю.*: 1) Сельское население Среднего Поволжья в период реформ 1953—1964 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Самара, 2004. С. 20—22 ; 2) Сельское население Среднего Поволжья в период реформ 1953—1964 гг. Самара, 2006.

[124] *Арутюнов Э. К.* Российская деревня на завершающем этапе индустриальной модернизации (1953—1985 гг.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2006. С. 1.

[125] *Надькин Т. Д.* Аграрная политика советского государства и крестьянство в конце 1920-х — начале 1950-х гг. (по материалам Мордовии) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Саранск, 2007. С. 4, 42.

[126] *Ковригина С. В.* Повседневная жизнь крестьянства Восточной Сибири в 1945—1953 гг. (на материалах Приангарья) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2009. С. 20—24, 27—30.

[127] *Бикейкин Е. Н.*: 1) Аграрная модернизация и развитие сельского хозяйства Среднего Поволжья: 1953—1991 гг. (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Саранск, 2017. С. 40 ; 2). Аграрная модернизация и развитие сельского хозяйства Среднего Поволжья: 1953—1991 гг. (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР) / науч. ред. В. А. Юрченков. Саранск, 2017. С. 386—396.

вечала на это бегством в города, работой спустя рукава, двоемыслием[128]. Подобный подход реализован в исследованиях Д. А. Пинаевой, С. В. Филатова, О. В. Шлыковой, Д. А. Сафонова, С. В. Яхновской, Д. А. Субботина и других историков-аграрников[129].

Основой многих выводов об эволюции советского аграрного строя, сделанных в рамках парадигмы модернизации, стали исследования социальных изменений в крестьянстве, особенно выяснение динамики и результатов процесса «раскрестьянивания». Под этим углом зрения рассматривалась и проблема взаимоотношений власти и деревни. О. М. Вербицкая писала о прогрессирующем раскрестьянивании села в середине 1940-х — начале 1960-х гг. вследствие непродуманной аграрной политики, выразившемся в сокращении численности, ухудшении половозрастной структуры населения, потере им «генетически присущих» крестьянству черт, в результате чего деревня пролетаризировалась. К сходным выводам пришли Н. С. Иванов, Е. Б. Никитаева[130]. Л. Н. Денисова трактовала кризис села в 1960—1980-е гг. как результат выкачивания из него ресурсов и концентрации сельхозпроизводства[131]. Сходные взгляды высказывали С. Г. Масалимов, М. Б. Ямалов, Н. В.

---

[128] *Хасянов О. Р.*: 1) Повседневная жизнь советского крестьянства в послевоенное время. 1945—1953 гг. : (На материалах Ульяновской и Куйбышевской областей) : дис. … д-ра ист. наук. Самара, 2017. С. 377—395 ; 2) Повседневная жизнь советского крестьянства периода позднего сталинизма. 1945—1953 гг.: на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей. М., 2018. С. 296—310.

[129] *Филатов С. В.* Партийно-государственная аграрная политика и уровень жизни колхозного крестьянства в 1950-е — начале 1960-х гг. (по материалам бюджетных обследований крестьянства Ростовской области и Краснодарского края) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2006. С. 16—17 ; *Пинаева Д. А.* Колхозное крестьянство Чувашии в 1953—1985 гг.: исторический опыт и уроки : автореф. дис. … канд. ист. наук. Чебоксары, 2008. С. 13 ; *Шлыкова О. В.* Колхозы Нижнего Поволжья в период аграрных реформ в середине 1950-х — середине 1960-х годов : (На материалах Саратовской и Волгоградской областей) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Саратов, 2011. С. 13, 17—21 ; *Сафонов Д. А.* Личные приусадебные хозяйства сельского населения Дальнего Востока РСФСР (1945—1953 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Хабаровск, 2014. С. 23—25; *Яхновская С. В.* Государственные аграрные преобразования 1953—1964 гг. и личное подсобное хозяйство колхозного крестьянства (по материалам Московской области) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Коломна, 2015. С. 13, 15—16 ; *Субботин Д. А.* Реализация аграрной политики советского государства в 1953—1964 гг. на территории Среднего Поволжья (на материалах Ульяновской области) : дис. … канд. ист. наук. Ульяновск, 2023. С. 40—41 ; и др.

[130] *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву, середина 40-х — начало 60-х годов / отв. ред. И. Е. Зеленин. М., 1992 ; *Иванов Н. С.* Раскрестьянивание деревни (середина 40-х годов — 50-е годы) // Судьбы российского крестьянства / отв. ред. Ю. Н. Афанасьев. М., 1995. С. 416—435 ; *Никитаева Е. Б.* Исчезающая деревня // Там же. С. 436—462.

[131] *Денисова Л. Н.*: 1) Невосполнимые потери: кризис культуры села в 60—80-е годы. М., 1995. С. 163—164 ; 2) Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960—1980-е годы / отв. ред. В. В. Кабанов. М., 1996. С. 213—214.

Ахмадиева[132]. Л. Н. Мазур писала о внешней и внутренней сторонах раскрестьянивания. Под первым она понимала «физическое сокращение численности» крестьянства, под вторым — трансформацию традиционного крестьянского образа жизни в послевоенные годы[133]. «Прощание с уходящим крестьянским миром» в 1950—1980-х гг., по ее мнению, обусловило заказ власти на кино о деревне и его популярность[134]. О «директивном раскрестьянивании» татарской деревни пишет А. Г. Галлямова[135]. По мнению В. А. Ильиных, исследовавшего «социалистическое раскрестьянивание» Сибири, в 1930—1970-е гг. произошло окончательное уничтожение общинного менталитета и традиционной крестьянской культуры. Крестьянство превратилось в сельхозрабочих[136]. Другое мнение высказал О. В. Горбачев, считающий сутью раскрестьянивания не подрыв самовоспроизводства крестьянского двора, а «уничтожение прежней системы отношений крестьянина с “миром”». Удары урбанизации по крестьянскому укладу означали не завершение его истории, а переход в новое качество[137]. Данную точку зрения разделяет и В. В. Наухацкий. Под раскрестьяниванием он понимает утрату традиционного сознания, приспособление крестьянских хозяйств к условиям модернизации, разрушение производственной составляющей жизненного уклада, изменение среды обитания и социально-демографических характеристик крестьянства. Однако переход традиционного общества к индустриальному, по его словам, не означал завершения раскрестьянивания как такового и исчезновения кре-

---

[132] *Масалимов С. Г., Ямалов М. Б., Ахмадиева Н. В.* Село Башкортостана в 1945—2000 годы / под общ. ред. М. Б. Ямалова. Уфа, 2003. С. 251.

[133] *Мазур Л. Н.* Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX — XX век) / науч. ред. О. В. Горбачев. Екатеринбург, 2012. С. 441.

[134] *Мазур Л. Н., Горбачев О. В.* Советские фильмы о деревне: опыт исторической интерпретации художественного образа. М., 2022. С. 255—256.

[135] *Галлямова А. Г.* Социальный мир в советской и постсоветской деревне: от открытой конфронтации к скрытому фрондерству (на примере Татарской АССР) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2020 год : Социальный мир деревни X—XXI вв.: земельные собственники / землевладельцы и земледельцы / отв. ред. А. А. Горский, В. В. Кондрашин. Воронеж, 2020. С. 141—153.

[136] *Ильиных В. А.* Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы // Российская история. 2012. № 1. С. 130—141.

[137] *Горбачев О. В.* На пути к городу … С. 20—21, 23.

стьянства[138]. Процессы раскрестьянивания фиксируют авторы микроисторических исследований послевоенной деревни[139].

Востребованным концептом осмысления проблемы власти и общества, власти и деревни, соотносимым с модернизационной парадигмой, остается теория тоталитаризма, на основе которой, однако, даются противоположные оценки. Одни ее сторонники признают тоталитаризм «порождением и формой модернизационных процессов»[140], модернизационную эффективность тоталитарных политических институтов в военные и первые послевоенные годы[141], а другие выступают против этого, поскольку, по их мнению, политика большевиков сопровождалась колоссальными жертвами, огосударствлением и милитаризацией экономики, отсутствием прогресса в управлении и социальных отношениях, формированием атомизированного «человека советского»[142]. Близким такому пониманию тоталитаризма в истолковании советского строя можно считать востребованный термин «административно-командная система»[143]. С этой точки зрения характеризует взаимоотношения

---

[138] *Наухацкий В. В.* Модернизация сельского хозяйства и российская деревня 1965—2000 гг. Ростов н/Д., 2003. С. 4—9, 189.

[139] *Рыбаков А. Г.* Судьба саратовской деревни. Исторический очерк села Тепловка. Саратов, 1994. С. 80—100 ; *Щевьев А. А.* Микроистория села: взаимодействие старообрядческой и «мирской» культур и социальные отношения (с. Коровка XVII—XX вв.) Рязань, 2014. С. 49—52 ; и др.

[140] Тоталитаризм в Европе XX века : Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / рук. авт. колл. Я. С. Драбкин, Н. П. Комолова. М., 1996. С. 41, 509—510 ; *Вишневский А. Г.* Серп и рубль … С. 175—215; *Карелин Е. Г.*: 1) Региональный механизм власти и управления Западной области Советской России (1917—1937 гг.). С. 10, 387—390, 393—394 ; 2) Исторический опыт инновационного регионального управления в России // Местное управление и самоуправление: прошлое и настоящее : Проблемы и перспективы развития (к 300-летию образования Смоленской губернии). Смоленск, 2010. С. 37—49.

[141] *Комаров Д. Е.* Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск, 2015. С. 331—332 ; История Коммунистической партии Советского Союза. С. 276—278, 293, 556.

[142] *Павлова И. В.* Механизм власти и строительство сталинского социализма ; *Давыдов Ю. Н.* Макс Вебер и современная теоретическая социология : Актуальные проблемы веберовского социологического учения. М., 1998. С. 439—462 ; *Бакунин А. В.* История советского тоталитаризма. Кн. 2. С. 19—29, 152—161 ; *Зеленин И. Е.* Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. С. 58, 275—276, 282 ; Советский простой человек : Опыт социального портрета на рубеже 90-х / авт. колл.: А. А. Голов, А. И. Гражданкин, Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, Н. А. Зоркая, А. Г. Левинсон, Л. А. Седов ; науч. рук. и отв. ред. Ю. А. Левада. М., 1993. С. 265—267.

[143] *Попов Г. Х.* Блеск и нищета административной системы : Экономика, политика, литература. М., 1990 ; *Попов В., Шмелев Н.* На развилке дорог : Была ли альтернатива сталинской модели развития? // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 314—317 ; *Гордон Л., Клопов Э.* Сталинизм и постсталинизм: необходимость преодоления // Там же. С. 462—463, 476—477, 480 ; *Бордюгов Г., Козлов В.* Время трудных вопросов : (История 20—30-х годов и современная общественная мысль) // Уроки дает история / под общ. ред. В. Г. Афанасьева ; сост. А. А. Ильин. М., 1989. С. 238—267 ; *Коржихина Т. П.* Советское государство и его учреждения. Ноябрь 1917 г. — декабрь 1991 г. М., 1994. С. 17—28, 245 ; Власть и оппозиция : Российский политический процесс XX столетия / рук. проекта В. В. Журавлев ; авт. колл.: Ю. В. Аксютин, О. В. Волобуев, А. А. Данилов, В. В. Журавлев, С. В. Кулешов и др. М., 1995. С. 177—179 ; *Ханин Г. И.* Экономическая история

государства и колхозов в 1946—1964 гг. В. Н. Томилин, считающий МТС «стержнем административно-командной системы в производственной сфере», благодаря которому было обеспечено огосударствление колхозов и включение их в систему государственного управления[144]. Автор называет колхозы «продуктом советской директивной экономической модели», которые функционировали в условиях командно-административной, нерыночной экономики. Это, по его мнению, обусловило незыблемость неэквивалентного обмена между государством и деревней и в эпоху Н. С. Хрущева, неудача реформ которого стала фактором разочарования общества в «модели государственного устройства», краха КПСС и Советского государства[145].

Приложение тоталитарной модели к истории советской деревни послевоенных лет усложнилось рассекречиванием архивных документов, что обусловило поиски новых объяснительных схем, при помощи которых приверженцы теории тоталитаризма стремятся согласовать ее исходные тезисы и новые факты. Тоталитарную модель пытаются использовать для объяснения нелояльного власти поведения сельского населения даже несмотря на то, что одной из ее ключевых идей является тезис о массовой поддержке тоталитарного государства[146]. Так, Ю. В. Костяшов видит главную цель своего исследования в «изучении феномена советского тоталитаризма», «механизмов его функционирования» и осмыслении «трансформации советского общества» в период позднего сталинизма, стремится доказать тоталитарный характер взаимоотношений власти и деревни. Однако основной материал его книги свидетельствует не о всеохватном тотальном контроле власти над калининградскими колхозами, а скорее, о поверхностном вникании в проблемы деревни, слабости официальных институтов, многие из которых, по словам самого автора, были «пятым колесом» в управлении и, существуя «незаметно», не

России в новейшее время : в 3 т. Т. 1 : Экономика СССР в конце 1930-х — 1987 год. Новосибирск, 2008 ; и др.

[144] *Томилин В. Н.* Наша крепость : Машинно-тракторные станции Черноземного центра России в послевоенный период: 1946—1958 гг. М., 2009. С. 122.

[145] *Томилин В. Н.*: 1) Наша крепость … С. 340 ; 2) Государство и колхозы 1946—1964 гг. / науч. ред. О. М. Вербицкая. М., 2021. С. 403—409.

[146] *Арендт Х. С*. Истоки тоталитаризма. С. 408—412, 414—433.

приносили «большого вреда», об индифферентном отношении сконцентрированного на выживании крестьянства к официальным ценностям, формализме пропаганды и агитации[147]. Изучая подобные феномены, ревизионистская историография еще в 1970—1980-е гг. пыталась опровергнуть аргументацию тоталитарной модели. Т. Ю. Задкова, утверждая, что в 1950—1960-е гг. «страна освободилась от тоталитаризма, культа личности и его последствий», тем не менее приходит к выводу о высокой актуальности «административно-командных методов» руководства деревней и в годы оттепели[148].

Иной взгляд на проблему власти и общества практикуют сторонники теории раздаточной экономики, признающие наличие в СССР в 1930—1980-е гг. «административного рынка», понимаемого как третий цикл раздаточной экономики — органичной для России хозяйственной системы, в которой роль распределительного механизма выполняет не рынок ресурсов, а институт «сдач-раздач» под управлением государства с институтом административных жалоб в качестве обратной связи между ним и обществом[149]. Подходу О. Э. Бессоновой близка разрабатываемая С. Г. Кирдиной «теория институциональных матриц», под которыми понимается «устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер — экономической, политической и идеологической». Автор называет их равноправными по отношению друг к другу, но подчеркивает определяющее для типа матрицы значение «материально-технологической среды». Мировая история содержит примеры матриц двух типов. В России и ряде других стран распространена «X-матрица», для которой характерны доминирование институтов редистрибутивной экономики, унитарное политическое устройство, коммунитарная (надличностная) идеология, в странах Запада — «Y-матрица» (институты

---

[147] *Костяшов Ю. В.* Повседневность послевоенной деревни : Из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946—1953 гг. М., 2015. С. 81—84, 105, 123, 152—165, 190—207, 240—243.

[148] *Задкова Т. Ю.* Колхозная деревня Мордовии в условиях «оттепели» (1953—1964) / науч. ред. В. А. Юрченков. Саранск, 2010. С. 246, 248.

[149] *Бессонова О. Э.*: 1) Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск, 1999 ; 2) Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск, 1997; *Кордонский С. Г.*: 1) Ресурсное государство. М., 2007 ; 2) Сословная структура постсоветской России. М., 2008. С. 41—72.

обменной рыночной экономики, федеративное политическое устройство, индивидуалистская идеология). Отечественная история представляется поиском «институционального баланса» — «соответствующего времени, возможностям государства и внешним вызовам приемлемого соотношения институциональных форм для реализации доминантных и комплементарных базовых институтов»[150]. Приложением данного подхода к аграрной истории советского общества являются новейшие исследования О. А. Суховой и ее коллег[151]. Ряд из них (Е. Н. Бикейкин, В. В. Наухацкий, О. А. Сухова[152]) ранее находились на позициях теории модернизации, многие наработки которой привлекаются для обоснования нового подхода.

Проблема взаимоотношений власти и деревни анализируется в контексте вышеуказанных подходов, преимущественно с точки зрения попыток деревни противостоять раскрестьянивающему курсу. Отдельные протестные проявления изучаются в связи с податной, репрессивной политикой[153]. В теоретическом отношении отправной точкой их анализа стала категория «выживания», обозначенная в трудах экономистов организационно-производственной школы (прежде всего А. В. Чаянова), а также в концепции «моральной экономики» Дж. Скотта[154]. «Выживание» трактуется не только как крестьянское понимание экономической справедливости и базирующиеся

---

[150] *Кирдина С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России. Изд. 3-е, перераб., расширен. и ил. М., 2014. С. 20—30, 337—344, 423—440.

[151] *Сухова О. А.* Аграрная политика и смена технологических укладов в СССР: проблемы соответствия // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 4. С. 9—19 ; СССР: аграрная политика и региональные особенности ее реализации (1922—1991) / отв. ред. О. А. Сухова. Пенза, 2022.

[152] *Сухова О. А.*: 1) Десять мифов крестьянского сознания : Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX века) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 617 ; 2) Колхозная система и рефеодализация колхозной экономики в 1930-е — начале 1950-х гг.: пределы и возможности источниковедческого анализа // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 1020—1037 ; 3) Итоги общинной революции и перспективы аграрной модернизации в СССР в конце 1920-х годов: стадия термидора или ребрендинг мобилизационных проектов? // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2019. № 1. С. 193—201.

[153] *Зима В. Ф.*: 1) «Второе раскулачивание» … С. 110—113, 119, 121 ; 2) Голод в СССР 1946—1947 годов … С. 208—209 ; *Попов В. П.*: 1) Крестьянство и государство (1945—1953) : сборник документов. Париж, 1992 ; 2) Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953 гг.) М., 1993 ; 3) Хлеб как объект государственной политики в СССР в 1940-е годы // Отечественная история. 2000. № 2. С. 59—60 ; *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство … С. 53.

[154] *Скотт Дж.*: 1) Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / сост. Т. Шанин, под ред. А. В. Гордона. М., 1992. С. 203—210 ; 2) Оружие слабых: повседневное сопротивление и его значение // Там же. С. 285—286 ; Современные концепции аграрного развития : теоретический семинар // Отечественная история. 1992. № 5. С. 4—16.

на нем социальные практики, но и как стремление защитить демографические, культурные, духовные устои жизненного уклада. Социальный протест определяется как реакция несогласия деревни на антикрестьянскую политику власти[155]. По мнению М. А. Безнина и Т. М. Димони, крестьянский протест можно подразделить на активный (покушения на представителей власти, порча общественной собственности, негативная оценка действий верхов, выраженная в слухах, листовках, частушках и т. п.) и пассивный (уход из деревни, уклонение от работ в общественном хозяйстве в пользу личного, письма во власть, отправление религиозных обрядов)[156]. Значение протеста они видят в его регулятивной функции по отношению к жизни советского общества[157]. В новейших исследованиях М. А. Безнин и Т. М. Димони подчеркивают различия в способах отстаивания своих интересов представителями разных страт деревни в процессе капитализации аграрного строя[158]. Пассивную и активную формы социального протеста деревни выделяют Д. В. Милохин и А. Ф. Сметанин. Наиболее массовой формой, по их мнению, был пассивный протест, который приносил государству огромный убыток и стал одной из причин смягчения аграрного курса в 1953 г.[159] К сходным выводам о детерминированности протеста политикой сверхэксплуатации, его пассивном характере пришли Н. В. Ахмадиева, С. Г. Масалимов, М. Б. Ямалов[160]. Распространена трактовка социального протеста (в широком смысле — про-

---

[155] *Безнин М. А., Димони Т. М.*: 1) Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х — 1960-е годы) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 81 ; 2) Крестьянство и власть в России в конце 1930-х — 1950-е годы // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.) : Материалы Международной конференции, Москва, 14—15 июня 1994 г. М., 1996. С. 160 ; 3) Социальный протест колхозного крестьянства. С. 81 ; *Безнин М. А.*: 1) Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. С. 227 ; 2) Классовая борьба в советской колхозной деревне (к постановке проблемы) // Крестьянское хозяйство: история и современность : Материалы к Всероссийской научной конференции. Вологда, октябрь 1992 г. Вологда, 1992. Ч. 2. С. 63—65.

[156] *Безнин М. А., Димони Т. М.*: 1) Социальный протест колхозного крестьянства. С. 85—95 ; 2) Крестьянство и власть в России. С. 160 ; *Димони Т. М.* Северное крестьянство и власть: формы противостояния в общественно-политическом конфликте (1945—1960 гг.) // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории / гл. ред. М. А. Безнин. . Вып. 2. Вологда, 2001. С. 108—124.

[157] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Социальный протест колхозного крестьянства. С. 96.

[158] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930—1980-х годов. С. 578—605.

[159] *Милохин Д. В., Сметанин А. Ф.* Коми колхозная деревня в послевоенные годы 1946—1958 : Социально-экономические аспекты развития / отв. ред. А. А. Попов. М., 2005. С. 181—183.

[160] *Ахмадиева Н. В*. Колхозное крестьянство Башкирской АССР в 1945—1965 гг. / Отв. ред. Р. Н. Сулейманова. Уфа, 2008. С. 168 ; *Масалимов С. Г., Ямалов М. Б., Ахмадиева Н. В*. Село Башкортостана в 1945—2000 годы / под общ. ред. М. Б. Ямалова. Уфа, 2003. С. 249.

блемы власти и общества) как сопротивления общества тоталитарному государству[161].

Гораздо меньше внимания уделяется проблеме политического участия крестьянства в функционировании советского социально-политического строя. Размышляющие об этом авторы приходят к выводу о полном отсутствии у крестьян политической субъектности вследствие антикрестьянской сути Советского государства, отношению к ним как к «второстепенным» участникам строительства нового общества[162].

Противоречие между признанием тоталитарного характера власти и констатацией неравномерности воздействия на население его институтов ощущается также и в исследованиях культуры послевоенной деревни. Так, О. М. Вербицкая пришла к выводу о невысокой отдаче клубных учреждений вследствие недофинансирования, неготовности многих на селе воспринять продвигаемую ими культуру, дефицита свободного времени, распространенности неорганизованного досуга[163]. Е. М. Клюско, отметив прогресс материальной базы и форм взаимодействия учреждений культуры с аудиторией, подчеркнула кризисные явления в их деятельности, спад посещаемости, в чем, по ее мнению, проявился протест людей против идеологизации культурно-досуговой деятельности в послевоенные годы[164]. К сходным выводам пришел и Е. В. Литовкин[165]. О серьезных противоречиях между задачами СМИ «в условиях тоталитарного режима» и их реализацией пишет Р. П.

---

[161] *Макаров А. А*. Молодежное сопротивление тоталитарному режиму, 1945—1953 гг. // История сталинизма: репрессированная российская провинция : Материалы международной научной конференции. Смоленск, 9—11 октября 2011 г. / под ред. Е. В. Кодина. М., 2011. С. 511—519 ; *Проценко П. Г*. Опыт сопротивления советскому тоталитаризму «человека Церкви» // Там же. С. 329—337 ; Общество и власть : Российская провинция. Июнь 1941 г. — 1953 г. Т. 3 / сост. А. А. Кулаков, В. В. Смирнов, Л. П. Колодникова. М., 2005. С. 12—13 ; *Костяшов Ю. В*. Повседневность послевоенной деревни : Из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946—1953 гг. М., 2015.

[162] *Ташпеков Г. А*. Российское крестьянство как субъект политики в XX веке. Саратов, 2007. С. 224—227.

[163] *Вербицкая О. М*. Российское крестьянство … С. 13, 178—191.

[164] *Клюско Е. М*. Культурно-досуговая деятельность населения России (май 1945 —1985 гг.) : Теоретико-методологический и исторический аспекты. 3-е изд. М., 2007. С. 23—24, 26, 48—50, 61—89, 154.

[165] *Литовкин Е. В*.: 1) Культурно-просветительная работа России послевоенного периода в историко-педагогическом контексте. М., 2004. С. 54—57, 141—142, 300—306 ; 2) Восстановление и развитие культурно-просветительной работы Рязанской области в послевоенный период. Рязань, 2004. С. 11—12, 179, 180, 181.

Овсепян[166]. О. Н. Маркова размышляет о «детотализации» официальной советской культуры в эпоху оттепели при определяющей роли культуры повседневности[167].

Активно разрабатывались проблемы аграрной политики, обстоятельные исследования которой были выполнены В. П. Поповым, В. А. Шестаковым, И. Е. Зелениным, В. Н. Томилиным[168]. В монографии О. В. Хлевнюка и Й. Горлицкого затронут вопрос о попытках И. В. Сталина повысить налоговый пресс на деревню в последние месяцы своего правления, о работе комиссии правительства по вопросам животноводства[169]. В литературе 1990-х гг. особое значение придавалось выяснению причин масштаба и последствий голода 1946—1947 гг., в числе которых на первый план выдвигается политика по продолжению индустриализации любой ценой[170]. Вопрос функционирования системы партийно-государственного управления обществом и деревней затронут О. М. Вербицкой, Н. В. Романовским, И. Е. Зелениным, О. В. Хлевнюком, П. А. Меркуловым[171]. В исследованиях А. В. Пыжикова рефор-

---

[166] *Овсепян Р. П.* История новейшей отечественной журналистики / под ред. Я. Н. Засурского. М., 1999.

[167] *Маркова О. Н.* Сфера официального досуга советских людей в 1960-е гг.: дихотомия коллективного и индивидуального (на материалах Саратовской области) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2020. Т. 20. Вып. 2. С. 277.

[168] *Попов В. П.*: 1) Экономическая политика Советского государства 1946—1950 гг. Тамбов, 2000 ; 2) Хлеб как объект государственной политики. С. 49—66 ; 3) Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. № 3. С. 61—76 ; 4) «Второй и важнейший этап» (об укреплении колхозов в 50-е — начале 60-х годов) // Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 27—50 ; 5) Большая ничья. СССР от Победы до распада. М., 2005. С. 87—91, 112—118 ; 6) Сталин и проблемы экономической политики после Великой Отечественной войны (1946—1953). Изд. 2-е, испр. М., 2002. С. 34—111, 115—124, 131—151 ; *Шестаков В. А.*: 1) Социально-экономическая политика советского государства в 50-е — середине 60-х годов. М., 2006. С. 207—246 ; 2) Политика Н. С. Хрущева в аграрной сфере: преемственность и новации // Отечественная история. 2006. № 6. С. 106—119 ; *Зеленин И. Е.* Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001 ; *Томилин В. Н.* Кампания по освоению целинных и залежных земель в 1954—1959 гг. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 81—93 ; *Данилов А. А., Пыжиков А. В.* Рождение сверхдержавы : СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 128—145 ; *Пихоя Р. Г.* Москва. Кремль. Власть. 1945—2005 : в 3 т. Т. 1 : 1945—1964. М., 2009. С. 58—75, 345—359.

[169] *Хлевнюк О. В., Горлицкий Й.* Холодный мир : Сталин и завершение сталинской диктатуры : пер с англ. М., 2011. С. 183—191.

[170] *Волков И. М.*: 1) Засуха, голод 1946—1947 годов // История СССР. 1991. № 4. С. 4—5 ; 2) Деревня СССР в 1945—1953 годах в новейших исследованиях историков (конец 1980-х — 1990-е годы) // Отечественная история. 2000. № 6. С. 116—117 ; *Зима В. Ф.*: 1) Голод в СССР 1946—1947 годов … С. 6, 9, 236 ; 2) Голод, медицина, власть: 1946—1947 годы // Отечественная история. 2008. № 1. С. 119, 125 ; *Попов В. П.*: 1) Голод и государственная политика (1946—1947) // Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 36 ; 2) Экономическая политика Советского государства. С. 208—209.

[171] *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство … С. 18—36 ; *Романовский Н. В.* Лики сталинизма. М., 1995. С. 134—138, 151—160 ; *Зеленин И. Е.* Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство ; *Хлевнюк О. В.* Центр и регионы в советской политической системе : Позднесталинская и хрущевская модели регионализации // Власть и общество в условиях диктатуры: исторический опыт СССР и ГДР / сост. Р. Ю. Болды-

мы Н. С. Хрущева характеризуются как противоречивая попытка модернизации социалистического строя при сохранении неизменными его основ[172]. В ликвидации «крайностей тоталитарного режима», модернизации аграрного сектора экономики видел значение реформ Н. С. Хрущева И. Е. Зеленин[173]. В. А. Ильиных находит итог реформ Н. С. Хрущева в сельском хозяйстве в ликвидации «агрогулага» — системы дискриминации крестьянства, ее замене крупными госхозами и появлении у крестьян выбора — работать в них за плату или мигрировать в города[174]. Л. И. Вавулинская приходит к выводу о прекращении многовековой истории российского крестьянства в результате хрущевских аграрных реформ, которые не привели к изменению модели взаимоотношений государства и деревни[175]. По мнению В. Н. Мамяченкова, именно к началу 1960-х гг. раскрестьянивание прошло точку невозврата из-за приверженности власти грабительской политике в отношении деревни[176]. Вывод о пагубности для ярославского села последствий форсированного выкачивания материальных и людских ресурсов в 1946—1951 гг. делает Л. Д. Руденко[177]. В современных дискуссиях о сути аграрной политики в послевоенные годы ставится вопрос о применимости концепта теории модернизации к ее анализу[178].

Активно ведутся исследования аграрной политики власти с точки зрения реализации на местах общегосударственных кампаний, выяснения их разрушительного влияния на МТС, колхозно-совхозный сектор, крестьянские

рев, Б. Бонвеч, отв. ред. Р. Ю. Болдырев. Архангельск, 2009. С. 224—232 ; *Меркулов А. В.* Советская политическая система в оковах культа личности / под общ. ред. В. А. Родионова. М., 1998. С. 3—29.

[172] *Пыжиков А. В.*: 1) Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 315—324 ; 2) Политические преобразования в СССР (50—60-е гг.). М., 1999. С. 294, 299—300, 302—303.

[173] *Зеленин И. Е.* Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. С. 282.

[174] Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке / отв. ред. В. А. Ильиных. Новосибирск, 2008. С. 304.

[175] *Вавулинская Л. И.* Колхозное крестьянство и государственная политика в середине 1940-х — конце 1950-х годов (на материалах Карелии). Петрозаводск, 2010. С. 192—195.

[176] *Мамяченков В. Н.* Доходы, расходы и потребление колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946—1950 гг.) Екатеринбург, 2020. С. 189—195.

[177] *Руденко Л. Д.* Социально-демографические процессы в деревне: 1946—1951 гг. (на материалах Ярославской области). Ярославль, 2005. С. 142—145.

[178] *Афанасенков В. О.* Модернизация животноводства в послесталинский период: противоречия и дилеммы аграрной политики Н. С. Хрущева // Крестьяноведение. 2021. Т. 6. № 2. С. 171.

подворья[179]. С начала 1990-х гг. изучаются репрессии против населения, в том числе сельского[180]. Представляется продуктивной разработанная П. М. Поляном классификация принудительных миграций на основе их разделения на репрессивные и нерепрессивные[181].

Работы последних лет акцентируют внимание на социальной политике государства в отношении деревни. Обоснован вывод о противоречивом воплощении многих инициатив в эпоху Н. С. Хрущева вследствие пробуксовки перевода советской экономики на экстенсивный путь, второстепенности социальной политики по сравнению с реформированием производственной сферы[182]. Но основной идеей, которой отечественные авторы стремятся объ-

---

[179] *Агарев А. Ф.* Трагическая авантюра : Сельское хозяйство и крестьянство Рязанской области в 1937—1970 гг. : документы, события, факты. Рязань, 2010 ; Общество и власть : Российская провинция. 1917—1980-е годы : в 5 т. Т. 3 : Июнь 1941 г. — 1953 г. / сост. А. А. Кулаков, В. В. Смирнов, Л. П. Колодникова. М. ; Н. Новгород, 2005; Т. 4, ч. 1 : Региональная власть и реализация политики «оттепели» / сост. А. А. Кулаков, В. В. Смирнов, Л. П. Колодникова. М. ; Н. Новгород, 2007; Т. 4, ч. 2 : Ожидание перемен и политические настроения общества, отношение к власти / сост. А. А. Кулаков, В. В. Смирнов, Л. П. Колодникова. М. ; Н. Новгород, 2007 ; *Новосельцева Т. И.* Деятельность региональной власти по решению экономических проблем Смоленской области в период хрущевских преобразований // Местное управление и самоуправление: прошлое и настоящее : Проблемы и перспективы (к 300-летию образования Смоленской губернии) : сборник статей. Смоленск, 2010. С. 50—55 ; Руководители Смоленской области (1917—1991 годы) : биографический справочник / Н. Г. Емельянова, Г. Н. Мозгунова, А. В. Баркова и др. Смоленск, 2008. С. 110—120, 152—168 ; *Томилин В. Н.* Машинно-тракторные станции и колхозы Центрального Черноземья в 1946—1958 годах: неравномерное партнерство // Отечественная история. 2006. № 5. С. 103—108.

[180] *Зима В. Ф.*: 1) «Второе раскулачивание» … С. 109—115 ; 2) Послевоенное общество: голод и преступность (1946—1947 гг.) // Отечественная история. 1995. № 5. С. 45—59 ; *Попов В. П.*: 1) Крестьянство и государство (1945—1953) ; 2) Неизвестная инициатива Хрущева (о подготовке указа 1948 г. о выселении крестьян) // Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 31—38 ; 3) Государственный террор в Советской России 1923—1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 20—31 ; *Бугай Н. Ф.* 20—40-е гг.: депортация населения с территории Европейской России // Отечественная история. 1992. № 4. С. 37—49 ; *Земсков В. Н.*: 1) Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151—165 ; 2) Судьба «кулацкой ссылки» (1930—1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 118—147 ; 3) Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960. М., 2005 ; 4) К вопросу о репатриации советских граждан 1944—1951 гг. // История СССР. 1990. № 4. С. 26—41 ; *Полян П. М.* Жертвы двух диктатур : Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002 ; *Мозохин О. Б.* Право на репрессии : Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918—1953). Жуковский ; М., 2006 ; *Козлов А. В.* Неизвестный СССР : Противостояние народа и власти 1953—1985 гг. М., 2006. С. 95—126 ; Крамола : Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953—1982 : Рассекреченные документы Верховного Суда и Прокуратуры СССР / под ред. В. А. Козлова и С. В. Мироненко ; отв. сост. О. В. Эдельман при участии Э. Ю. Завадской. М., 2005 ; *Филатов С. В.* Реализация Указа 1948 г. о выселении крестьян на Дону // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 8 (147). С. 58—61.

[181] *Полян П. М.* Не по своей воле… : История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 46, 47, 138.

[182] *Иванова Г. М.*: 1) На пороге «государства всеобщего благосостояния» : Социальная политика в СССР (середина 1950-х — начало 1970-х гг.) М., 2011 ; 2) Советская школа в 1950—1960-е годы. М., 2018 ; *Филатов С. В.* О проблеме реализации права на отдых колхозных крестьян СССР // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 8 (135). С. 51—53 ; *Романченко В. Я., Ножкина И. А., Шмыгина О. Н.* О некоторых методологических подходах к определению сущности и содержания советской социальной политики в деревне (период реформ 1950—1980-х гг.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. 2019. № 2 (50). С. 71—83 ; *Томилин В. Н.* Государство и колхозы: 1946—1964 гг. М., 2021. С. 365—402.

яснить специфику взаимоотношений власти и деревни, продолжает оставаться концепт тоталитаризма[183].

Актуальной в контексте изучения раскрестьянивания советской деревни 1945—1960-х гг., почти не разрабатывавшейся ранее, стала проблема крестьянских повинностей[184]. Исследования В. П. Попова и В. Ф. Зимы вскрыли механизм расчета норм налогообложения крестьянского хозяйства, рост которых в послевоенные годы опережал рост его доходности[185]. Изучается также заготовительная и налоговая политика в отношении колхозов[186].

Как часть проблемы стабилизации советского строя в 1940—1950-е гг. исследуется политика в отношении религиозности — важнейшего фактора роста национального самосознания, свидетельства тщетности насильственной атеизации 1920—1930-х гг. и пространства противостояния верующих и государства[187]. Параллельно с изучением официальных государственно-

---

[183] «По решению правительства Союза ССР…» : [Депортация народов : документы и материалы] / [сост., авторы введ., коммент. Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов]. Нальчик, 2003. С. 3 ; *Мозохин О. Б.* Право на репрессии : Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918—1953 гг.). М. ; Жуковоский, 2006. С. 16 ; *Гудков Л. Д.* Амнезия или стерилизация больного прошлого? : Образ сталинизма в общественном мнении России // История сталинизма: жизнь в терроре : Социальные аспекты репрессий : Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18—20 октября 2012 г. / сост. А. Сорокин, А. Кобак, О. Кувалдина. М., 2013. С. 6—20 ; *Папков С. А.* «Поздний сталинизм» и крестьянство: репрессивные кампании 1946—1953 годов в Сибири // История сталинизма: репрессированная российская провинция : Материалы международной научной конференции. Смоленск, 9—11 октября 2009 г. / под ред. Е. В. Кодина. М., 2011. С. 237—245 ; *Бердинских В. А., Бердинских И. В., Веремьев В. И.* Система спецпоселений в Советском Союзе 1930—1950-х годов / науч. ред. И. Л. Жеребцов. Сыктывкар, 2015. С. 181.

[184] *Зима В. Ф.* «Второе раскулачивание» … С. 115—119 ; *Безнин М. А., Димони Т. М.* Повинности российских колхозников в 1930—1960-е годы // Отечественная история. 2002. № 2. С. 96—111 ; *Глумная М. Н., Изюмова П. В.* Денежные платежи северного крестьянства в 1930-х — начале 1950-х гг. // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории / отв. ред. М. А. Безнин. [Вып. 1]. Вологда, 2000. С. 52—77 ; *Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В.* Повинности российского крестьянства в 1930—1960-х гг. Вологда, 2001 ; *Попов В. П.*: 1) Крестьянские налоги в 40-е годы // Социологические исследования. 1997. № 2. С. 95—114 ; 2) Экономическая политика Советского государства. С. 183—206 ; 3) Российская деревня после войны. С. 123—125 ; 4) Крестьянство и государство (1945—1953). С. 177—180 ; *Ильиных В. А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х — начало 1950-х гг. / отв. ред. А. А. Николаев. Новосибирск, 2004 ; *Полх П. П.* «Страсти по урожайности» (система организаций и учреждений, контролировавших сбор продуктов растениеводства в послевоенную эпоху, на региональном уровне: на материалах Калининградской области) // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11. №. 12. С. 159—168 ; *Томилин В. Н.* Государство и колхозы: 1946—1964 гг. М., 2021. С. 190—201, 328—335.

[185] *Попов В. П.* Крестьянские налоги в 40-е годы. С. 102—106 ; *Зима В. Ф.* «Второе раскулачивание» … С. 117.

[186] Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 3 : Налогово-податное обложение деревни. 1946—1952 гг. / отв. ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. Новосибирск, 2003 ; Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год : Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X—XXI вв. М. ; Самара, 2015.

[187] *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь и верующие. 1941—1961 гг. М., 1999 ; *Шкаровский М. В.*: 1) Нацистская Германия и Православная Церковь (нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР). М., 2000 ; 2) Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943—1964 годах : От «перемирия» к новой войне. СПб., 1995 ; 3)

церковных отношений привлекают внимание проблемы подпольной церковной жизни в СССР. Одним из первых исследователей, обратившимся к ним, стал А. Л. Беглов, пришедший к выводу о сохранении тесных связей между легальными и нелегальными общинами РПЦ, разделенными установленной властью границей легальности. По его мнению, в 1940-е гг. руководство РПЦ проводило политику по преодолению этого разделения и вовлечению в церковную жизнь подпольных общин и заштатного духовенства[188]. Е. Ю. Зубкова исследовала религиозность как часть палитры послевоенных общественных настроений и связала ее всплеск с тяготами и послевоенными надеждами населения[189]. О. М. Вербицкая констатировала отход от веры значительной части крестьянства вследствие секуляризации школы, разгрома религиозных учреждений и отсутствия изданий священных текстов. Результатами усилий по борьбе с религиозностью она считает искоренение из сознания крестьянства целостного религиозного мировоззрения, что тем не менее не привело к торжеству атеизма, поскольку церковь продемонстрировала способность к адаптации обрядности, а духовная традиция продолжала жить в крестьянах старших поколений. Религиозность российской деревни начала 1960-х гг. характеризовалась О. М. Вербицкой как «затухающая»[190]. А. Л. Беглов считает причинами спада подпольной религиозности на рубеже 1950—1960-х гг. не только гонения власти, но и рост урбанизации и окончательное угасание сельской общины — основы сельского прихода РПЦ[191]. Ю. В. Гераськин, напротив, пришел к выводу о всплеске религиозности в 1950-е гг.[192], формировании ее нового облика с доминированием горожан в качестве ее носите-

---

Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве : Государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 годах. М., 1999 ; *Одинцов М. И.* Хождение по мукам // Наука и религия. 1990. № 8. С. 19—20. 1991; № 7. С. 2—3 ; *Перелыгин А. И.* Русская Православная Церковь на Орловщине в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 1995. № 4. С. 126—136 ; и др.

[188] *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб» : Церковное подполье в СССР. М., 2008. С. 231—232.

[189] *Зубкова Е. Ю.*: 1) Послевоенное советское общество: политика и повседневность. М., 1999. С. 102—104 ; 2) Мир мнений советского человека, 1945—1948 годы : По материалам ЦК ВКП(б) // Отечественная история. 1998. № 3. С. 34—36.

[190] *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство … С. 191—202.

[191] *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб» … С. 239—246.

[192] *Марченко А.*, прот. Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР. М., 2010. С. 55—56.

лей[193]. Коллектив авторов во главе с А. В. Камкиным, проанализировав общественно-религиозную активность сельского православного населения Европейского Севера России в 1918 — начале 1950-х гг., выделил четыре «волны общественно-религиозной активности», связывая четвертую из них с массовым движением за открытие приходских храмов[194]. Т. М. Димони пришла к выводу о стремлении крестьянства Европейского Севера не только сохранить культурно-нравственные элементы образа жизни, базирующиеся на православии, но и вписать их в систему официальных ценностей[195]. По мнению П. Г. Чистякова, условием выживания церкви в хрущевскую эпоху стало участие клира в искоренении одной из «недопускаемых» форм религиозности — почитания местных святынь[196]. А. Ю. Михайловский подчеркивает существенную разницу в отношении к низовым структурам и духовенству РПЦ центральной и сельской власти в конце 1940-х гг., торможении сельской властью антицерковных импульсов центра[197].

Религиозность деревни в современных исследованиях рассматривается как свидетельство живучести духовной традиции, ее оживление и затухание ставятся в зависимость от активности борьбы с ней власти[198]. Основная же

---

[193] *Гераськин Ю. В.*: 1) Русская православная церковь, верующие, власть (конец 30-х — 70-е годы XX века). Рязань, 2007 [Электронный ресурс] : сайт «Бесплатная электронная библиотека (Авторефераты, диссертации, методички, учебные программы, монографии)». URL: http://www.diss.seluk.ru/monografiya/732803-1-yuv-geraskin-russkaya-pravoslavnaya-cerkov-veruyuschie-vlast-konec-30-h-70-e-godi-veka-monografiya-ryazan-2007-bbk-86372-g37-p.php (дата обращения: 11.07.2015) ; 2) К вопросу о поддержке Русской Православной Церкви населением в период «хрущевских гонений» (по материалам Рязанской области) // Отечественная история. 2007. № 4. С. 95—102.

[194] *Камкин А. В., Спасенкова И. В., Тимофеева Я. В., Бахтенков Е. В.* Общественно-религиозная активность сельского православного населения Европейского Севера в 1918 — начале 1950-х гг. // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории / отв. ред. М. А. Безнин. [Вып. 1]. Вологда, 2000. С. 36—51.

[195] *Димони Т. М.* Духовные традиции крестьянства Европейского Севера России в 1945—1960 гг. (проблема взаимоотношений с властью) // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории / отв. ред. М. А. Безнин. [Вып. 1]. Вологда, 2000. С. 78—94.

[196] *Чистяков П. Г.* Почитание местных святынь в советское время: паломничество к источнику в Курской Коренной пустыни в 1940—1950-е гг. // Религиоведение. 2006. № 1. С. 38—49.

[197] *Михайловский А. Ю.* Провинциальные церковные приходы во второй половине 1940-х гг. // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 143—145.

[198] *Димони Т. М., Безнин М. А.* Крестьянство и власть в России. С. 160—163 ; *Димони Т. М.* Духовные традиции крестьянства Европейского Севера России. С. 91 ; *Нечаев М. Г.* Место и роль религиозного фактора в сопротивлении тоталитарному режиму (1917 — начало 1980-х гг.) // Тоталитарное сопротивление : Тезисы докладов международной научно-практической конференции. Пермь, 12—14 июля, 1993 г. Пермь, 1994. С. 8—9 ; *Голубев А. В.* Тоталитаризм как феномен российской истории XX века // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20—40-е гг.) : сборник статей / под ред. В. П. Дмитренко, Г. Б. Куликова, Л. В. Ярушина. М., 1999. С. 24, 25, 28 ; *Гераськин Ю. В.* Борьба со «святыми источниками» в Рязанской области (1948—1970 гг.) // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 151 ; *Христофоров В. С.* К истории церковно-государственных отношений в годы Великой Отечественной войны // Российская история. 2011. № 4. С. 177.

дискуссия последних лет идет по вопросу о сути и проявлениях поворота власти к религии и церкви в середине 1940-х гг. Так, ряд авторов полагает, что этот поворот был обусловлен, главным образом, политическими резонами сталинского руководства, учетом патриотической позиции религиозных организаций и верующих в годы войны, желанием использовать авторитет церкви в качестве дополнительного инструмента легитимизации власти, что государство соблюдало им же установленное законодательство о религии и церкви[199]. Другие авторы обоснованно полагают, что этот поворот не только не означал «конкордат» власти и церкви, но был тактическим ходом власти в условиях активизации религиозной жизни на временно оккупированных территориях и не мог привести к либерализации государственно-церковных отношений из-за неизменности атеистической сути Советского государства[200].

Работы историков церкви хотя и содержат богатый фактический материал о религиозных настроениях населения, в основном затрагивают проблемы государственно-церковных отношений, статуса духовенства, попыток государства поставить церкви под более плотный контроль[201]. Таким образом, в отличие от истории государственно-церковных отношений, исследование религиозности сельского населения в 1940—1960-е гг. все еще затрагивает отдельные стороны этой важной грани взаимоотношений власти и об-

---

[199] *Одинцов М. И.* Власть и религия в годы войны (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.) [Электронный ресурс] : сайт «Российское Объединение Исследователей Религии». U|RL: https://rusoir.ru/03print/03print-03/03print-03-003/ (дата обращения: 22.06.2023) ; *Чумаченко Т. А.*: 1) Государство, православная церковь и верующие … С. 40, 74, 95—98, 228—234 ; 2) Совет по делам Русской православной церкви и его уполномоченные в условиях новой церковной политики власти (1958—1964 гг.) // Церковь и государство в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты : Опыт России и Европы / отв. ред. И. А. Филимонова. М., 2011. С. 9.

[200] *Курляндский И. А.*: 1) Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922—1953 гг.). М., 2011. С. 576—577 ; 2) Власть и религиозные организации в СССР (1939—1953 гг.) : исторические очерки. СПб., 2019. С. 310, 317, 326, 348.

[201] *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь и Советское государство в 1943—1964 годах. От «перемирия к новой войне». СПб., 1995. С. 19—58 ; *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке : пер. с англ. М., 1995. С. 256—279 ; *Семенко-Басин И. В.*: 1) Политика в отношении церкви и возвращение мощей верующим в 1940-е годы // Российская история. 2010. № 2. С. 170—175 ; 2) Святость в русской православной культуре XX века : История персонификации. М., 2010. С. 93—109 ; *Марченко А.*, прот. Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущева … ; *Белякова Н. А.* Власть и религиозные объединения в «позднем» СССР: проблема регистрации // Отечественная история. 2008. № 4. С. 124—130 ; *Болотов С. В.* Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е — 1950-е годы. М., 2011 ; *Курляндский И. А.* Сталин, власть, религия … ; *Гераськин Ю. В.* Взаимоотношения Русской Православной Церкви, общества и власти в конце 30-х — 1991 гг. (на материалах областей Центральной России). М., 2008 ; и др.

щества. Причем взаимоотношения с государством русских протестантов, старообрядчества изучены существенно меньше, чем православных[202].

Изучение взаимоотношений власти и общества в послевоенные годы сопровождается интересом к настроениям, ожиданиям, социальной памяти, духовным традициям отдельных слоев (сельчане, горожане, интеллигенция) или особых социумов (как, например, фронтовики), а в широком смысле — общественной атмосфере, духу времени. Развивается мысль о самостоятельном значении социально-психологического фактора в эволюции советского общества[203]. Подчеркивается наличие гораздо более мощного пласта «нелояльных» власти настроений «рядовых» людей, чем феномен диссидентства или инакомыслия узких социальных корпораций. В то же время лояльность власти и общества оценивается по-разному[204]. Изучая память крестьянства о XX веке, особенно о сталинской эпохе, И. Е. Кознова отмечает тенденцию индивидуализации воспоминаний, ухода в прошлое такого «регистра» крестьянской памяти, как ритуал (особенно в сфере хозяйственных работ), усиление влияния официальной памяти, в чем она справедливо усматривает

---

[202] *Мариничева (Оленева) Г. А.* История Рогожского поселка — центра старообрядчества : (воспоминания). М., 2021 ; *Мануил (Чибисов)*, игумен. Белокриницкая иерархия в 1846—1988 гг.: этапы истории. Кострома, 2017 ; История евангельских христиан-баптистов России : 145 лет крещения первого русского баптиста. 130 лет Российского Союза евангельских христиан-баптистов. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. М. В. Иванов, А. В. Синичкин. М., 2012 ; *Боченков В. В.* Старообрядчество советской эпохи : Епископы Русской Православной старообрядческой Церкви, советский период (1918—1991 гг.) : библиографический словарь. М., 2019 ; *Юхименко Е. М.* Старообрядчество : История и культура. М., 2016 ; *Зонтиков Н. А.* Старообрядческий епископ Геронтий (Лакомкин): крестный путь святителя / под ред. А. В. Соловьевой; Воспоминания; Духовное завещание / епископ Геронтий (Лакомкин) / подгот. к публ. А. В. Соловьевой. Кострома, 2015 ; *Савинский С. Н.* История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии : в 2 ч. Ч. 2 : (1917—1967 гг.). СПб., 2001 ; История баптизма : сборник. Вып. 1 / сост. и предисл. С. Н. Санников. Одесса, 1996 ; *Заватски В.* Евангелическое движение в СССР после Второй мировой войны. М., 1995 ; *Никольская Т. К.* Русский протестантизм и государственная власть в 1905—1991 годах. СПб., 2009 ; и др.

[203] *Зубкова Е. Ю.*: 1) Общество и реформы. 1945—1964 / под общ. ред. Г. А. Бордюгова. М., 1993. С. 3—4 ; 2) Мир мнений советского человека, 1945—1948 годы: по материалам ЦК ВКП(б) // Отечественная история. 1998. № 3. С. 26 ; 3) Послевоенное советское общество: политика и повседневность. М., 1999. С. 3—4 ; *Аксютин Ю. В.*: 1) Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР. М., 2004. С. 4—5, 484 ; 2) Отклики на XX съезд в стране и за рубежом // XX съезд КПСС в контексте российской истории / отв. ред. А. С. Сенявский. М., 2012. С. 43—69 ; Крамола : Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе … С. 4 ; Советская жизнь. 1945—1953 / сост. Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецова, А. И. Минюк, Л. А. Роговая. М., 2003. С. 5—14 ; *Фирсов Б. М.* Разномыслие в СССР. 1940—1960-е годы : История, теория и практики. СПб., 2008.

[204] *Аксютин Ю. В.* Хрущевская «оттепель» … С. 484 ; *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. С. 220—222.

расширение возможностей власти по манипулированию коллективной памятью[205].

Продолжаются исследования масштабов поддержки и преданности населения режиму, способов «вживания» людей в советский порядок, что делает актуальным изучение не только репрессий, но и неконфликтных или малоконфликтных форм взаимоотношений с властью. Одной из центральных тем являются поиски разными слоями населения новой идентичности, попытки вписаться в жизнь в условиях советского строя. Методологической основой многих исследований является подход истории повседневности.

С точки зрения предмета работы, выполненные с позиций истории повседневности, можно подразделить на несколько групп: анализ узловых понятий, символов, «культурного кода» советской эпохи (Б. М. Сарнов, Н. Б. Лебина, М. Столяр); исследования «мира вещей», производственной, бытовой и праздничной повседневности, в том числе в микромасштабе (С. В. Журавлев, Н. Б. Лебина, А. Н. Чистиков, В. С. Измозик, Л. Н. Мазур, А. А. Севастьянова, Ю. Гронов); осмысление поведенческих практик в период социально-политических катаклизмов (А. В. Апанасенок, Е. Л. Зберовская, Н. Б. Лебина, Н. А. Белякова, В. Г. Виноградский и др.); изучение ментальностей (Е. Ю. Зубкова, С. А. Шинкарук, Л. С. Тарасевич, Я. В. Соколов, Ю. В. Аксютин, В. Э. Багдасарян, А. А. Федулин. А. К. Мазин, Е. В. Суровцева, В. А. Бердинских, В. В. Божичко); проблемы частной жизни (Н. Н. Козлова, С. В. Журавлев, Е. Ю. Зубкова, Е. Ф. Кринко, И. Г. Тажидинова, Т. П. Хлынина и др.)[206]. Одной из целей поиска можно считать детальную реконструкцию

---

[205] *Кознова И. Е.*: 1) XX век в социальной памяти российского крестьянства / отв. ред. С. А. Никольский. М., 1999. С. 182—184 ; 2) Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. М., 2016. С. 446—452.

[206] *Сарнов Б. М.* Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. М., 2002 ; *Лебина Н. Б.*: 1) Повседневная жизнь советского города : Нормы и аномалии. 1920—1930 годы. СПб., 1999 ; 2) Энциклопедия банальностей … ; *Столяр М.* Советская смеховая культура. Киев, 2011 ; *Журавлев С. В.* «Маленькие люди» и «большая история» ; *Томилин В. Н.* Наша крепость … ; *Севастьянова А. А.* Советский райцентр 50-х—60-х годов XX века. М., 2008 ; *Лебина Н. Б., Чистиков А. Н.* Обыватель и реформы : Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003 ; *Бердинских В. А.* Речи немых … ; *Зубкова Е. Ю.*: 1) Послевоенное советское общество: политика и повседневность ; 2) Общество и реформы ; Российская повседневность 1921—1941 : Новые подходы. СПб., 1995 ; *Андреева И.* Частная жизнь при социализме : Отчет советского обывателя / предисл. Р. Кирсановой. М., 2009 ; *Козлова Н. Н.*: 1) Горизонты повседневности советской эпохи : Голоса из хора. М., 1996 ; 2) Советские люди : Сцены из истории. М., 2005 ; *Суровцева Е. В.* Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е — 1980-е гг.). М., 2010 ;

спектра поведенческих реакций, воздержанность от выделения факторов, редуцирующих их многообразие к универсальной детерминанте[207]. Однако, несмотря на выход многих работ о повседневности разных групп и слоев советского общества, проблема взаимодействия власти и деревни на протяжении 1945 — начала 1960-х гг. рассматривается, как уже говорилось, в основном с точки зрения реализации аграрной политики и реакции на нее деревни, в основном протестной (Л. И. Вавулинская, Ю. В. Костяшов, Р. Ю. Лысенко, А. В. Григорьев, Н. В. Кузнецова, Е. В. Русев, Т. П. Стрельцова, М. Р. Стругова, Ш. Н. Исянгулов, Н. В. Чиркова и др.). На основе подхода истории повседневности пока не создано концепции, могущей поколебать влияние в отечественной литературе тоталитарной модели.

В зарубежной историографии попытки осмыслить советскую повседневность предпринимаются на основе подходов, сложившихся в рамках советологии. Можно согласиться с мнением Д. Баратьери, М. Эделе и Дж. Финальди, что к началу 1990-х гг., когда американские историки втянулись в «ревизионистскую борьбу за советскую историю», она завершилась патовой ситуацией: «тоталитаристы» продолжали доминировать в публичном дис-

---

Лейбович О. Л. В городе М : Очерки социальной повседневности советской провинции в 40—50-х гг. 2-е изд., испр. М., 2008 ; *Журавлев С. В., Гронов Ю.* Мода по плану : История моды и моделирования одежды в СССР, 1917—1991. М., 2013 ; *Белякова Н. А., Добсон М.* Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР. 1940—1980-е гг. : исследование и источники. М., 2015 ; *Апанасенок А. В.* «И на демонстрацию ходили, и куличи святили»: пасха в СССР позднесталинского и хрущевского периодов // Провинциальные научные записки. 2021. № 2 (14). С. 5—12 ; *Зберовская Е. Л.* Юные колхозники советской деревни в конце 1940-х — начале 1950-х гг. (на примере Красноярского края) // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития : Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ. Красноярск, 2022. Ч. 2. С. 715—717 ; *Мазур Л. Н.* Вещи в материальной культуре советского крестьянства Среднего Урала 1920—1960-х гг.: опыт реконструкции пространства повседневности // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки / авт.-сост. Е. А. Воронцова ; отв. ред. Д. М. Бондаренко, Д. Н. Маслюженко. М., 2020. С. 421—441 ; *Божичко В. В.*: 1) Послевоенная повседневность колхозников Рязанской области по материалам жалоб во власть. 1945—1955 гг. // Вестник архивиста. 2019. № 1. С. 79—88 ; 2) Районные газеты как источник сведений о повседневной жизни колхозников в 1946—1948 гг. (на материалах Рязанской области) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект) : сборник материалов международной научной конференции / под общ. ред. В. А. Веременко, отв. ред. С. В. Степанов. СПб., 2018. С. 232—237 ; и др.

[207] *Журавлев С. В*. История повседневности — новая исследовательская программа для отечественной исторической науки // *Людтке А*. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти / пер. с нем. и англ. К. А. Левинсона и др. ; общ. ред. и предисл. С. В. Журавлева. М., 2010. С. 22—23 ; *Журавлев С. В., Соколов А. К.* Alltagsgeschichte и изучение рабочей истории в России // Там же. С. 30—31 ; *Репина Л. Р*. Историческая наука на рубеже XX—XXI века: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 165, 549.

курсе, а «ревизионисты» — в академическом[208]. Несмотря на критическое отношение историков к тоталитарной модели, взгляд на тоталитаризм как на теорию правления, а не теорию общества[209], западные авторы по-прежнему применяют этот концепт для осмысления сталинской эпохи. Так, М. Эделе называет свой подход к анализу сталинизма «неототалитарной политэкономией». Он образно определяет сталинизм как «хромого бегемота», «способного метаться, разрушать, сеять страх, но не управлять сложными социальными изменениями» из-за заведомой нереалистичности такой задачи. Фактором, объединявшим советских граждан, Эделе считает «экономику дефицита», «экономику одолжений»[210]. Более консервативной точки зрения, восходящей к Ф. А. фон Хайеку, придерживается П. Грегори, считающий, что основы командно-административной системы, сформировавшиеся при Сталине, оставались неизменными до конца советского строя и привели ее к краху[211]. М. Харрисон рассуждает о советском «полицейском государстве», базировавшемся в 1930—1970-е гг. на терроре. Более гибкими становились лишь методы его реализации[212].

По-прежнему в ходу и теория модернизации. Так, А. Хейл-Доррелл полагает, что, продвигая кукурузу, Н. С. Хрущев активизировал уже существующую приверженность индустриализму в сельском хозяйстве видению, что сталинские коллективизаторы применяли те же технологии управления, что и другие «модернизаторы». Аграрные реформы Хрущева совпали с всплеском модернизации села в мире и свидетельствуют об универсальности этого процесса, ставя под сомнение «бинарность» Запада и СССР[213]. К. Леонард, анализируя механизм проведения аграрных реформ в России как «путь от крепостного права», считает образцом эффективного сельского хозяйства уровень, достигнутый Западом. «Затухающий» характер аграрных реформ в Рос-

---

[208] Totalitarian Dictatorship : New Histories / ed. By D. Baratieri, M. Edele and G. Finaldi. New York, 2014. P. 3.
[209] Ibid. P. 6, 8.
[210] *Edele M*. Stalinist Society 1928—1953. New York, 2011. P. 5, 98—99, 119, 194—195, 200, 203, 209.
[211] *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма : пер. с англ. М., 2006. С. 338—343.
[212] *Harrison M*. One Day We Will Live without Fear. Everyday Lives under the Soviet Police State. Stanford, 2016.
[213] *Hale-Dorrell A*. Corn Crusade. Khrushchev's Farming Revolution in the Post- Stalin Soviet Union. New York, 2009. P. 3—6, 8—9, 231, 233.

сии, в том числе в советскую эпоху, он объясняет компромиссами власти при их проведении, неразвитостью в стране структур гражданского общества, «бюрократическим стилем управления», живучестью «рутинных» хозяйственных практик аграрного общества, иждивенческими настроениями села, неэффективностью местной власти, дефицитом бюджетных средств и др.[214]

Наибольшее же количество исследований повседневности эпох Сталина и Хрущева выполнено в русле ревизионистской историографии. Ключевой проблемой стало формирование идентичностей разных слоев общества, изучая которые, сторонники этого подхода стремятся понять их взаимоотношения с властью и специфику советского строя. Так, С. Коткин в своем новаторском исследовании о Магнитогорском комбинате заключил, что комбинат был прежде всего «политической ареной, на которой разыгрывались отношения власти, формировались новый опыт, новая идентичность». Коткин концентрирует внимание на «правилах игры» — «маленьких тактиках среды обитания, с помощью которых жизнь в Магнитогорске проживалась и обретала смысл», что, по его мнению, содержит ключ к разгадке того, «как жил социализм». Один из основных выводов, к которому приходит Коткин, состоит в том, что, несмотря на диктаторский характер режима, «поиск социализма» предоставлял «широкие возможности для обхода официальных предписаний»[215]. С. Харрис стремится показать, как результатом хрущевской кампании по строительству доступного жилья стало формирование в отсутствие гражданского общества новых «линий коммуникации», позволивших власти обрести дополнительную легитимность и динамизм, а людям — их «долю в социализме»[216]. Заимствуя термин Коткина, Т. Джонстон полагает, что «тактик среды обитания», применявшихся для встраивания в «среду обитания власти», было гораздо больше, чем нашли С. Коткин и Ш. Фицпатрик. По его мнению, советские люди «не жили как автоматы и не боролись с со-

---

[214] *Leonard C. S.* Agrarian Reform in Russia. The Road from Serfdom. New York, 2010. P. 4, 260, 265, 267, 270—271.
[215] *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995. P. 154, 198—201, 356.
[216] *Harris S. E.* Communism on Tomorrow Street : Mass Housing and Everyday Life after Stalin. Washington, D. C. ; Baltimore, 2012. P. 304—307.

ветской властью, а инновационно договаривались о своем пути в советском обществе, опираясь на «тактику среды обитания»[217]. К сходным выводам пришла В. Смолкин, изучавшая политику атеизма в СССР, которая, по ее мнению, менялась в зависимости от осознания властью степени угрозы от религии и религиозных организаций и перемен в идеологии[218]. Подобный подход реализован в исследованиях массовых праздников и обрядов, политических кампаний, кадровой политики, школьного образования, социальной поддержки, осмысления повседневности в женской прозе, и т. д.[219] Показать многомерность социальных практик во взаимоотношениях с властью стремятся и авторы пособий по истории повседневности советского общества, что свидетельствует о признании на Западе ревизионистского подхода[220].

Таким образом, можно заключить, что в современной отечественной литературе о взаимоотношениях власти и общества, власти и деревни 1945 — начала 1960-х гг. все еще доминирует идеологизированный подход, реализованный в вариантах теории модернизации с концептами тоталитаризма или «морально-политического единства». Зарубежные исследователи, как представляется, в большей степени продвинулись в синтезировании «жестких» концептов тоталитаризма и модернизации и «мягких» подходов истории повседневности, микроистории в изучении советского послевоенного общества. Но наиболее удачные попытки применения такого подхода, как представля-

---

[217] *Johnston T.* Being Soviet Identity, Rumour, and Everyday Life under Stalin 1939—1953. New York, 2011. P. XL—XLIII, 210—211.

[218] *Smolkin V.* A sacred Space Is Never Empty : A history of Soviet Atheism. Princeton, 2018. P. 239, 241, 244.

[219] *Фицпатрик Ш.*: 1) Повседневный сталинизм : Социальная история Советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. Л. Ю. Пантина. М., 2001 ; 2) Сталинские крестьяне ; 3) Срывайте маски! : Идентичность и самозванство в России XX века : пер. с англ. М., 2011 ; *Холмс Л.* Социальная история России: 1917—1941 / пер. с англ. Л. А. Вертоградовой, А. П. Захаровой ; отв. ред. А. В. Лубский, В. Н. Рябцев. Ростов н/Д., 1994 ; *Истер Дж.* М. Советское государственное строительство : Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России : пер. с англ. М., 2010 ; *Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России : Современная историография : пер. с англ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 63—138 ; *Браунинг К. Р., Сигельбаум Л. Х.* Социальная инженерия : Сталинский план создания «нового человека» и нацистское «народное сообщество» // За рамками тоталитаризма : Сравнительные исследования сталинизма и нацизма : пер. с англ. / под ред. М. Гейера и Ш. Фицпатрик. М., 2011. С. 301—348 ; *Фицпатрик Ш., Людтке А.* Заряжай энергией повседневность : Социальные связи при нацизме и сталинизме // Там же. С. 349—398 ; *Рольф М.*: 1) Советские массовые праздники : пер. с нем. М., 2009 ; 2) Изучение сталинского государства пропаганды: культурные представления, обычаи и заимствования при сталинизме // История сталинизма: итоги и перспективы изучения : Материалы международной научной конференции. Москва, 5—7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 407—421 ; *Sutcliffe B. M.* The Prose of Life Russian Women Writers from Khrushchev to Putin. Madison, 2009. P. 23 ; и др.

[220] *Eaton C. B.* Daily Life in the Soviet Union. Westport ; London, 2004. P. IX, 131—149.

ется, пока все же не выходят за рамки исследований, посвященных казусам, реконструкции отдельных поведенческих практик[221]. Без убедительного ответа остаются многие ключевые вопросы, в частности, о высокой значимости жестких форм внеэкономического принуждения, административного и идеологического диктата и обеспечивающих его структур, о борьбе власти с инакомыслием и религиозностью деревни, причинах изменений ее приспособительного поведения, подчас негативном или безразличном отношении ко многим инициативам «сверху», относительно малом количестве открытых выступлений против существующего порядка, и др., а главное — о формировании перемен в повседневных взаимоотношениях власти и деревни. Такая историографическая ситуация обусловливает актуальность изучения повседневных взаимоотношений власти и деревни Центрального Нечерноземья 1945 — начала 1960-х гг.[222]

Источниками, подходящими для изучения заявленной проблемы, являются законодательные материалы; выступления, доклады, сочинения лидеров партии и государства; периодическая печать; делопроизводство; источники личного происхождения (письма жителей деревни к вождям, в органы власти, прессу, а также мемуары населения и представителей власти); материалы этнографических и историко-социологических обследований деревни Центрального Нечерноземья.

Подлежащие обнародованию законодательные материалы, отразившие аграрную политику власти, публиковались в центральной и местной прессе,

---

[221] См., например: *Виноградский В. Г.*: 1) «Орудия слабых» … ; 2) «Голоса снизу»: дискурсы сельской повседневности. М., 2017 ; Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940—1985 / под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. М., 2008 ; *Лебина Н. Б.* Черно-белая красная свадьба // Теория моды: одежда, тело, культура. 2014. № 32. С. 212—232 ; *Белякова Н. А., Добсон М.* Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР. 1940—1980-е гг. : исследование и источники. М., 2015 ; *Смилянская Е. Б.* Женское служение в старообрядческой общине конца XX века (из наблюдений полевого археографа) // Одиссей: человек в истории, 2013 : Женщина в религиозной общине: Запад / Восток. М., 2014. С. 90—114 ; *Никифоров Ю. Н.* Комбайн «Ярославец» на «бюрократических полях» поздней советской эпохи // Российская история. 2021. № 3. С. 168—181 ; *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995 ; *Johnston T.* Being Soviet Identity, Rumour, and Everyday Life under Stalin 1939—1953. New York, 2011 ; *Harris S. E.* Communism on Tomorrow Street : Mass Housing and Everyday Life after Stalin. Washington, D. C. ; Baltimore, 2012 ; *Добсон М.* Холодное лето Хрущева : Возвращенцы из ГУЛАГа, преступность и трудная судьба реформ после Сталина : пер. с англ. М., 2014 ; и др.

[222] Обзор историографии проблемы см. также: *Кометчиков И. В.* Повседневные взаимоотношения власти и деревни Центрального Нечерноземья (1945 — начало 1960-х гг.) СПб., 2025. С. 12—73.

выходили в составе периодических выпусков для сведения и отдельными изданиями[223]. Законодательство сталинского и хрущевского времени было направлено на как можно более полную регламентацию деревенской жизни. Директивы центральной власти являлись «генеральной линией» для регионального руководства, последовательно воспроизводившего их букву и дух в своих резолюциях. Основным отличием местного нормотворчества можно

---

[223] Конституции и конституционные акты РСФСР (1918—1937 гг.) / под общ. ред. А. Я. Вышинского. М., 1940 ; XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии(б), 10—21 марта 1939 г. : стенографический отчет. М., 1939 ; Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза, 27 января — 5 февраля 1959 года : стенографический отчет : [в 2 т.]. М., 1959 ; XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза : 17—31 октября 1961 года : стенографический отчет : [в 3 т.]. М., 1962 ; КПСС в резолюциях … ; Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг. М., 1946 ; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917—1957 гг. : сборник документов : в 4 т. М., 1958 ; Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР : [6 т.]. М., 1949. Т. 1 : 1917—1927 гг. ; Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР : в 6 т. / сост. Л. И. Газиянц, И. О. Козлова, Ю. И. Мочек, Н. А. Ноткина и др. ; общ. рук. колл. сост. и отв. ред. В. А. Болдырев. М., 1959. Т. 1 : 1917—1928 гг.; Т. 2 : 1929—1939 гг.; Т. 3 : 1930—1934 гг.; Т. 5 : 1954—1956 гг.; Т. 6 : 1957 г. ; Сборник законов РСФСР и указов Президиума Верховного Совета РСФСР. 1938—1946 гг. М., 1946 ; Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941—1942 гг. / сост. Е. Прудинский, К. Кудрин, С. Виленский ; общ. ред. Н. И. Пономарева. Л., 1942 ; Справочник партийного работника / сост. Секретариатом ЦК РКП. [Вып. 1]. М., 1921; Вып. 2. М., 1922; Вып. 3. М., 1923; Вып. 5 : 1925 г. М. ; Л., 1926; Вып. 6 : 1927 г. Ч. 1. М. ; Л., 1928; Вып. 7. М. ; Л., 1930; Вып. 8. М., 1934 ; Справочник районного прокурора / под общ. ред. В. М. Бочкова. М., 1942 ; Справочник партийного работника. Вып. 1. М., 1957; Вып. 2. М., 1959; Вып. 3. М., 1961; Вып. 4. М., 1963 ; Постановление ВЦИК от 6 апреля 1928 г. «О введении в действие Положения о краевых (областных), окружных и районных съездах Советов и их исполнительных комитетах» [Электронный ресурс «КонсультантПлюс»]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 03.06.2022) ; Постановление ВЦИК от 16 октября 1924 г. «Положение о сельских Советах» [Электронный ресурс] : сайт «Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2207.htm (дата обращения: 16.06.2022) ; Закон РСФСР от 16 июля 1968 г. «О сельском, поселковом Совете депутатов трудящихся» [Электронный ресурс] : сайт «Библиотека правовых актов Союза Советских Социалистических Республик». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6855.htm (дата обращения: 16.06.2022) ; Справочник председателя исполкома сельского Совета депутатов трудящихся / сост. Я. М. Котов. Калуга, 1949 ; Положения о сельских Советах депутатов трудящихся : (Сборник официальных текстов). М., 1959 ; Постановление СМ РСФСР от 25 февраля 1966 г. № 197 «О мерах по устранению излишеств в отводе земель для строительства и других несельскохозяйственных целей» [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6376.htm (дата обращения: 24.09.2020) ; История колхозного права : Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917—1958 гг. : в 2 т. / рук. колл. сост. Н. Д. Казанцев. Т. 1. М., 1959; Т. 2. М., 1958 ; Справочная книга директора совхоза : в 2 т. 2-е изд., испр. / под ред. М. А. Абросимова. Т. 1. М., 1953 ; О бюджетных правах Союза ССР, союзных республик и местных Советов депутатов трудящихся / сост. А. В. Калитеевская, Н. А. Николаева, С. В. Поленина ; отв. ред. Ф. И. Калинычев. М., 1963 ; Сборник руководящих материалов по культпросветработе. М., 1947 ; Сборник руководящих материалов по клубной работе : В помощь сельским клубным работникам. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1951 ; История колхозного права … Т. 1 ; Сборник решений по сельскому хозяйству / сост. К. И. Орлянкин. М., 1963 ; Инструкция об учете членов и кандидатов ВКП(б) (Утверждена ЦК ВКП(б) 23 ноября 1939 г.). М., 1941 ; Инструкции ЦК ВКП(б) : О проведении выборов руководящих партийных органов. Об учете членов и кандидатов ВКП(б). О порядке передвижения членов и кандидатов в члены ВКП(б) из одной партийной организации в другую. О членских взносах членов и кандидатов партии. М., 1948 ; Инструкция об учете членов и кандидатов в члены КПСС (Утверждена ЦК КПСС 13 марта 1957 года). М., 1957 ; Инструкция об учете членов и кандидатов в члены КПСС (Утверждена ЦК КПСС 7 августа 1962 года). М., 1962 ; Инструкция об учете членов и кандидатов в члены КПСС (Утверждена ЦК КПСС 7 августа 1962 года, частичные изменения внесены 2 июля 1966 года). М., 1966 ; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917—1941 : документы и фотоматериалы / отв. ред. и автор вступ. статьи Я. Н. Щапов ; отв. сост. и автор статей перед разд. О. Ю. Васильева ; сост. А. С. Масальская, И. Н. Селезнева, М. Е. Алексашина. М., 1996 ; и др.

считать ее приспособление к местной специфике. Большинство постановлений местной власти не опубликованы и выявлены в региональных архивах (ГАВО, ГАНИСО, ГАСО, ГАДНИКО, ГАКО, ТЦДНИ ГАЯО, ГАОО, ГАРО, ТЦДНИ, ГАТО, ЦГА Москвы). В сочетании со стремлением центра не допустить «самотека» при проведении в жизнь его инициатив, закрытостью процесса принятия решений, «единообразие» законодательства определило такую его особенность, как «многослойность». Издания немалой части опубликованных подзаконных актов, решений высших парт- и госорганов носили ограничительные грифы и зачастую только начинают вводиться в научный оборот[224]. Наиболее полно опубликованы нормативные акты, посвященные заготовкам, налогообложению, бухгалтерскому учету, нормированию и оплате труда, бюджетному делу[225], наименее — выработке кадровой политики,

---

[224] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству: в 3 т. / под общ. ред. В. А. Болдырева. Т. 1. М., 1957; Т. 2. М., 1958; Т. 3. М., 1958 ; Законодательство о религиозных культах : (сборник материалов и документов). Изд. 2-е, доп. М., 1971 ; и др.

[225] Инструкция Наркомзема СССР и Центрального статистического управления Госплана СССР для составления документов и ведения книг по простой схеме счетоводства в колхозах. Утверждена СНК СССР 31 января 1939 г. Петрозаводск, 1939 ; Инструкция Наркомзема СССР и Центрального статистического управления Госплана СССР для составления документов и ведения книг по сокращенному колхозному счетоводству. Утверждена СНК СССР 31 января 1939 г. Вологда, 1941 ; Памятка налоговому агенту «О порядке проведения налоговыми агентами учета хозяйств, начисления налогов и ведения учета и отчетности». Молотов, 1941 ; Указания о порядке проведения инвентаризации и восстановления колхозного счетоводства в колхозах, освобожденных от немецко-фашистской оккупации (утверждены зам. Наркома земледелия СССР Пензиным 25 марта 1943 г.) / отв. за вып. И. Д. Бараночников. М., 1943 ; Заготовительные цены на сельскохозяйственные продукты. Изд. 2-е, перераб. М., 1945 ; Нормы выработки и оплата труда в колхозах : Сборник материалов для колхозов Смоленской и Орловской областей. М., 1943 ; Практические указания по анализу годовых отчетов колхозов за 1946 год отделениями и уполномоченными Сельхозбанка и отделениями Госбанка, выполняющими операции Сельхозбанка. М., 1947 ; Справочник агента по заготовкам сельскохозяйственных продуктов. Вып. 1 / сост. В. Я. Левин, З. Т. Чухарько ; под ред. В. В. Немыкина. М., 1949; Вып. 2 / ред. Н. И. Ключникова. М., 1950 ; Справочная книга директора совхоза : в 2 т. 2-е изд., испр. / под ред. М. А. Абросимова. Т. 1. М., 1953 ; Примерные нормы выработки и единые расценки в трудоднях основных сельскохозяйственных работ в колхозах. 2-е испр. и доп. изд. / сост. М. А. Гусев, Л. Г. Чекунова. Кострома. 1955 ; Примерные нормы выработки и расценки работ в трудоднях на новые работы в колхозах, не предусмотренные постановлением Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 года / отв. за вып. Н. Латышев. Брянск, 1955 ; Краткий справочник по примерным нормам выработки и расценкам в трудоднях на основные работы в колхозах Тульской области / отв. за вып. К. П. Медведева. Тула, 1959 ; Справочник по оплате труда в машинно-тракторных станциях / ред. Н. П. Трофимов. М., 1948 ; Организация труда и заработная плата в совхозах : сборник постановлений и приказов. М., 1948. Нормы выработки и оплата труда в совхозах. М., 1959 ; Справочник по оплате труда и нормированию в колхозах / отв. за вып. К. Слепцова. Орел, 1960 ; Положение о нормах выработки и оплате труда комбайнеров, помощников комбайнеров и трактористов на уборке зерновых культур комбайнами в совхозах и в других сельскохозяйственных предприятиях системы Министерства совхозов мясной и молочной промышленности, М., 1947 ; Действующие расчетные ставки и порядок оплаты на конно-ручных работах в растениеводстве в совхозах, конных заводах, селекционных и опытных станциях, питомниках, учебных и других хозяйствах Министерства сельского хозяйства Союза ССР / ред. М. С. Мансурова. М., 1950 ; Оплата труда в совхозах : сборник материалов по оплате труда и нормам выработки в совхозах / отв. ред. П. И. Федоров. М., 1960 ; Сборник ставок налога с оборота по товарам, вырабатываемым в РСФСР. М, 1961 ; Методическое пособие по исполнению бюджета района. М., 1962 ; Пенсионное обеспечение СССР : сборник официальных материалов. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 1960 ; Справочник

административным, хозяйственным реформам, регулированию религиозности, контролю за общественными настроениями и др. В сочетании с проектами постановлений ЦК ВКП(б), центральных органов госуправления, позволяющими проследить «борьбу мнений» по тому или иному вопросу, а в совокупности с комплексом сопроводительных документов — истинные мотивы принятия решений (РГАСПИ, ГАРФ, РГАЛИ), они представляют значительную ценность[226]. Кроме того, в оперативном управлении селом было распространено так называемое телефонное право — трансляция директив по телефону. В связи с низким уровнем телефонизации сельской местности вплоть до начала 1950-х гг. значительная их часть передавалась под запись в телефонизированные пункты и частично сохранилась в фондах обкомов и райкомов ВКП(б) (ГАДНИКО. Ф. 27, 30, 42, 55; ГАОО. Ф. П-52; ТЦДНИ. Ф. 147).

К законодательным материалам примыкают сочинения, выступления лидеров партии и государства (И. В. Сталина, Н. С. Хрущева, Г. М. Маленкова, Т. М. Зуевой, Н. А. Михайлова, А. Н. Шелепина и др.)[227], также являвшиеся директивными указаниями для нижестоящих уровней власти и населения.

для бухгалтеров совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий / сост. Д. К. Бондаренко, Д. Г. Васильев, Н. К. Никольский. М., 1961 ; и др.

[226] Русская Православная Церковь в советское время (1917—1991) : Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью / сост. Г. Штриккер : в 2 кн. М., 1995. Кн. 2 ; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство … ; На «краю» советского общества : Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945—1960-е гг. / авт.-сост. Е. Ю. Зубкова, Т. Ю. Жукова. М., 2010 ; Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. : сборник документов / сост. О. Ю. Васильева, И. И. Кудрявцев, Л. А. Лыкова / пред. редкол. серии И. Соловьев. М., 2009 ; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945—1953 / сост. О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, А. П. Кошелева, А. И. Минюк и др. М., 2002 ; Денежная реформа в СССР 1947 года : документы и материалы / сост. Л. Н. Доброхотов, В. Н. Колодежный, В. С. Пушкарев, В. Н. Шепелев. М., 2010 ; Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944—1952 : сборник документов : в 2 т. Т. 1 : 1944—1946 / отв. ред. О. В. Лавинская, В. В. Захаров ; сост. К. М. Гринько, Е. В. Полторацкая ; при участии С. Дальке и М. Уля. М., 2019 ; Социальная политика СССР в послевоенные годы 1947—1953 гг. : документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М., 2020.

[227] *Сталин И. В.*: 1) Сочинения : в 13 т. М., 1946—1952 ; 2) Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М., 1947 ; 3) О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М., 1950 ; Отчетный доклад ЦК ВКП(б) XIX съезду партии : Доклад секретаря ЦК ВКП(б) тов. Г. М. Маленкова // Правда. 1952. 6 окт. ; Сборник руководящих материалов по культурно-просветительной работе. М., 1947 ; Сборник руководящих материалов по клубной работе : В помощь сельским клубным работникам. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1951 ; *Хрущев Н. С.* Строительство коммунизма и развитие сельского хозяйства : в 8 т. М., 1962—1964 ; XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии(б) … ; XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза … ; XIV съезд ВЛКСМ 16—20 апреля 1962 года : стенографический отчет. М., 1962 ; О культе личности и его последствиях : Доклад первого секретаря ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущева XX съезду КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128—170 ; «Проявлять бдительность, своевременно пресекать антисоветские выпады духовенства». Доклад председателя Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР В. А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных. 1960 г. (публ. М. И. Одинцова) [Электронный ресурс] : сайт Обще-

В работе привлекаются материалы центральных партийных, государственных, профсоюзных периодических изданий («Правда», «Партийная жизнь», «Партийное строительство», «Культурно-просветительная работа», «Распространение печати»), ряда областных и районных газет. Их ценность заключается, прежде всего, в том, что в прессе отражались изменения в идеологии, публиковались важнейшие законы и постановления, содержались рекомендации по реализации директив.

В отличие от подчиненных задачам пропаганды периодических изданий делопроизводственная документация парт-, гос- и хозучреждений и организаций несравненно более полно отражала политику и положение населения. Часть привлеченных документов опубликована. По одной из предложенных классификаций делопроизводства их можно подразделить на: протокольную документацию; деловую переписку; информационные документы; отчетные материалы. Такая классификация до некоторой степени условна, так как границы групп являются размытыми. В процессе бюрократической обработки информации документы одной группы могли полностью или частично преобразовываться в документы другой.

Многие делопроизводственные документы были засекречены, что определялось политической доктриной ВКП(б). Прежде всего это касалось партийного делопроизводства, которое в полном объеме велось по правилам конспирации. Так как центром принятия ключевых решений были парторганы, сюда стекался большой объем делопроизводственной документации. В исследовании задействованы документы, хранящиеся в фондах подразделений аппарата ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, Бюро ЦК КПСС по РСФСР, Комитета партгосконтроля РСФСР, прокуратур РСФСР и СССР, СМ СССР, СМ РСФСР, Президиума ВС СССР, Президиума ВС РСФСР, Госплана СССР, ЦСУ СССР, ЦСУ РСФСР, Комитета по делам культпросветучреждений при СМ РСФСР, Министерства культуры РСФСР, Министерства культуры

российской общественной организации «Российское объединение исследователей религии». URL: http://rusoir.ru/president/president-works/president-works-118/ (дата обращения: 26.07.2015).

СССР, Министерства кинематографии РСФСР, Госкомтелерадио при СМ СССР, Министерства госконтроля РСФСР, Совета по делам религий при СМ СССР, Совета по делам колхозов при СМ СССР, Общества по распространению политических и научных знаний СССР (РГАСПИ, РГАНИ, ГАРФ, РГАЭ).

С точки зрения видового состава наибольший интерес представляют деловая переписка, информации и отчетные материалы. Часть из них направлялась в отраслевые отделы ЦК КПСС, аппараты СМ СССР и СМ РСФСР, министерства и ведомства обкомами партии и облисполкомами и содержала данные о положении на местах, просьбы, предложения регионального руководства. Другая часть исходила из центральных структур власти и ценна обследованиями ситуации на местах их работниками, содержит немало свидетельств реального положения, о котором регионы информировали центр дозированно. Делопроизводство отраслевых отделов центральных инстанций дополняется документацией местных (областных и районных) комитетов партии и комсомола, облисполкомов, обкомов партгосконтроля, УВД и УКГБ, областных прокуратур, уполномоченных СДРПЦ и СДРК, уполномоченных Совета по делам колхозов, выявленных в ГАБО, ГАДНИКО, ГАКО, ГАТО, ГАОО, ГАСО, ГАНИСО, ГАРО, ЦДНИ ГАЯО, ТЦДНИ, ЦГА Москвы. Наиболее информативной является документация обкомов КПСС: стенограммы активов, пленумов, партконференций, заседаний бюро, деловая переписка и информационные документы, особенно если они составлялись не на основе поступающих в обком информаций райкомов КПСС, а по итогам командировок работников обкома. Частью делопроизводства обкомов КПСС являются делопроизводственные документы информационного, делового и отчетного характера, поступавшие из органов МВД, МГБ, прокуратуры, суда, исполкомов Советов. Важной составляющей делопроизводства парторганов являлись документы кадрового учета, в первую очередь номенклатуры райкомов и обкомов КПСС, списки их актива (ГАТО, ГАДНИКО, ГАНИСО, ЦДНИ ГАЯО, ТЦДНИ).

Привлекается также значительный массив делопроизводства из фондов центральных и региональных органов госвласти и управления (ГАРФ, РГАЭ, РГАЛИ). Наиболее информативны отчеты о выполнении постановлений ЦК КПСС, постановлений союзного и республиканского правительства, указов Президиумов ВС СССР и РСФСР, отчеты, информации, докладные записки, характеризующие ситуацию в той или иной отрасли управления в целом по стране и в отдельных регионах. Делопроизводство местных органов власти и управления представлено документами из фондов исполкомов областных, районных исполкомов Советов депутатов трудящихся и их отделов (ГАБО, ГАКО, ГАОО, ГАСО, ГАРО, ГАТО), уполномоченных СДРПЦ, СДРК, уполномоченных Совета по делам колхозов (ГАКО, ГАДНИКО, ГАБО, ГАНИСО, ГАСО, ГАРО, ГАОО). Часть задействованной делопроизводственной документации центральных партийных и государственных органов опубликована[228].

Привлечен большой массив статистических материалов. Статистика КПСС представлена данными о численности, составе и распределении сельских первичных организаций, сети партпросвещения, составе и движении руководящих работников сельских районов, колхозов, совхозов и МТС. Данные о сельских первичных парторганизациях за 1945 — начало 1960-х гг. содержатся в статистических сборниках, выпускавшихся ограниченным тиражом для узкого круга партруководства (РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1), а также в документах организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122). Они дополнены сведениями из изданий по истории региональных парторганизаций Центрального Нечерноземья, увидевших свет в 1960—1980-е гг., материалами партстатистики из фондов обкомов КПСС. Основной объ-

[228] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945—1953 ; ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945—1953 / сост. В. В. Денисов, А. В. Квашонкин, Л. Н. Малашенко, А. И. Минюк, М. Ю. Прозумещиков, О. В. Хлевнюк. М., 2004 ; Региональная политика Н. С. Хрущева : ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953—1964 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, М. Ю. Прозуменщиков, В. Ю. Васильев, Й. Горлицкий, Т. Ю. Жукова, В. В. Кондрашин, Л. П. Кошелева, Р. А. Подкур, Е. В. Шевелева. М., 2009 ; Советская жизнь. 1945—1953 ; *Попов В. П.* Крестьянство и государство (1945—1953) ; Крамола : Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе … ; Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930—1953 / под общ. ред. А. Н. Яковлева ; сост. А. И. Кокурин, Ю. Н. Моруков. М., 2005 ; Кремлевский кинотеатр. 1928—1953 : документы. М., 2005 ; «Великая книга дня…» : Радио в СССР : документы и материалы / сост. Т. М. Горяева. М., 2007.

ем партотчетности о составе и сменяемости руководящих кадров на селе исследован в фондах обкомов КПСС (ГАДНИКО, ГАТО, ГАОО, ГАНИСО, ЦДНИ ГАЯО, ТЦДНИ). Сведения об этом также присутствуют в ряде делопроизводственных документов организационно-инструкторского отдела, Управления по проверке парторганов ЦК ВКП(б) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122), отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б)-КПСС (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15). Ряд привлеченных документов опубликован.

Задействованную статистику центральных и региональных госучреждений можно подразделить на статистику материально-технического оснащения и деятельности сельхозпредприятий[229], расселения и землепользования[230], бюджетов сельского населения и базарной торговли, занятости насе-

---

[229] Народное хозяйство Брянской области : статистический сборник. Орел, 1958 ; Народное хозяйство Брянской области (1966—1970 гг.) : статистический сборник / под ред. М. С. Нечаенко. Брянск, 1972 ; Народное хозяйство Владимирской области (1944—1988 гг.) : юбилейный статистический сборник / под общ. ред. В. Н. Охапкина. Ярославль, 1984 ; Калининская область за годы восьмой пятилетки (1966—1970 гг.) в цифрах : статистический сборник / под ред. И. А. Шлыкова, А. И. Деменкова, А. С. Мочалова. Вологда, 1971 ; 40 лет образования Калужской области : (юбилейный статистический сборник) / под ред. Б. А. Надзирателева. Калуга, 1984 ; Народное хозяйство Костромской области : статистический сборник. Иваново, 1969 ; Народное хозяйство Орловской области : статистический сборник / под ред. К. В. Бакиной. Орел, 1967 ; Народное хозяйство Рязанской области : статистический сборник / под ред. Г. И. Строгова. М., 1958 ; Народное хозяйство Рязанской области : статистический сборник / под ред. И. С. Мальцева. М., 1967 ; Народное хозяйство Смоленской области : статистический сборник / под ред. И. С. Мальцева. Смоленск, 1958 ; Народное хозяйство Смоленской области : статистический сборник / гл. ред. Д. Г. Артемьев. М., 1963 ; Народное хозяйство Смоленской области в 1970 году : статистический сборник. Смоленск, 1972 ; Народное хозяйство Тульской области : статистический сборник / под ред. П. М. Демина. Тула, 1958 ; Народное хозяйство Тульской области : статистический сборник / отв. ред. В. М. Кучеров. Тула, 1967 ; Ярославская область за 50 лет в цифрах : статистический сборник / под ред. М. С. Авдонина. Ярославль, 1967 ; Ярославская область : краткий статистический сборник. Ярославль, 1957 ; Сельское хозяйство СССР : статистический сборник. М., 1960 ; Сельское хозяйство СССР : статистический сборник. М., 1971 ; Великий подвиг партии и народа — массовое освоение целинных и залежных земель : сборник документов и материалов / отв. ред. И. М. Волков ; сост. С. Р. Левина, О. М. Слоним, З. А. Троицкая. М., 1979 ; Информационный бюллетень о предварительных итогах работы совхозов МСХ РСФСР за 1966 год. М., 1966 ; Основные экономические показатели по производительности и оплате труда колхозов РСФСР за 1961—1968 годы : в 3 ч. М., 1969 ; Основные экономические показатели колхозов и совхозов в 1961—1966 гг. М., 1967 ; Информационный бюллетень о предварительных итогах работы совхозов МСХ РСФСР за 1966 год. М., 1966 ; Основные технико-экономические показатели механизации и электрификации совхозов РСФСР за 1971 год. М., 1972 ; Финансы СССР : статистический сборник. М., 1959 ; Финансы СССР : статистический сборник. М., 1962 ; По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 9 : Балансы Государственного банка СССР (1922—1990 гг.) / сост. Ю. И. Кашин, В. В. Миков ; науч. ред. Ю. И. Кашин. М., 2010; Вып. 10 : Кредитование и расчеты в 1926—1951 годах (ведомственные материалы) / сост. Ю. И. Кашин, Т. В. Козлова ; отв. ред. Ю. И. Кашин. М., 2010; Вып. 13 : Госбанк СССР и Минфин СССР в процессе мобилизации и использования сбережений населения (ведомственные материалы) / сост. Ю. И. Кашин, Т. В. Козлова ; отв. ред. Ю. И. Кашин. М., 2012.

[230] Посевные площади СССР : в 2 т. : статистический сборник. М., 1957. Т. 1 : [Посевные площади зерновых культур по автономным республикам, краям и областям за 1950—1956 гг.]; Т. 2 : [Технические культуры, картофель, овоще-бахчевые и кормовые культуры] ; Земельный фонд Союза ССР по состоянию на 1 ноября 1959 года. Составлен по отчетам союзных республик. М., 1960 ; Земельный фонд Союза ССР по состоянию на 1 ноября 1965 года. Составлен по отчетам союзных республик. М., 1966 ; Сельские населенные пункты РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 года) : в 2 т. М., 1972. Т. 1 ; *Безнин М. А.* Хозяйство крестьянского двора в Российском Нечерноземье 1950—1965 гг. Вологда, 1989.

ления и его социального обеспечения[231], налоговую и бюджетную[232]; деятельности сельских учреждений культуры и средств массовой информации и связи[233]; данные о показателях религиозности на селе; социальных девиациях[234] (немалая ее часть содержится в некогда закрытых статистических сборниках). В 1953 г. объем собиравшейся статинформации был сокращен.

В связи с отсутствием многих необходимых показателей в открытых изданиях советского периода часть статданных выявлена в архивах. Так, сведения о нарушениях землепользования выявлены в фонде Совета по делам колхозов при СМ СССР (РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1, 2), прокуратуре РСФСР (ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 11), о кадровом составе и деятельности сельских и поселковых Советов изучены в фонде Верховного Совета РСФСР, фонде Калужского облисполкома. Данные о деятельности учреждений культуры на селе содержатся в фондах ЦСУ РСФСР, Министерства культуры РСФСР, Министерства кинематографии РСФСР, Комитета по делам культпросветучреждений при СМ РСФСР, МГК РСФСР, Обществ по распространению

---

[231] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР / отв. за вып. К. А. Орехов. М., 1963 ; Незанятое население РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.) : в 2 т. М., 1971. Т. 1 ; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 1 : Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М., 1972 ; Состав семей, доходы и жилищные условия рабочих и служащих РСФСР : статистический сборник по материалам единовременного выборочного обследования за сентябрь 1967 года / под ред. А. И. Парфеновой. М., 1969 ; Основные показатели развития органов социального обеспечения РСФСР за 1979 год : (Сборник статистических материалов). М., 1980 ; *Безнин М. А.*: 1) Материальное положение колхозников Российского Нечерноземья в 1950—1965 гг. Вологда, 1988 ; 2) Колхозное население в Российском Нечерноземье в 1950—1965 гг. Вологда, 1990 ; 3) Крестьянская торговля на рынках Нечерноземья в 1950-е — 1965 гг. : в 3 ч. Вологда, 1990 ; Советская жизнь. 1945—1953 ; Социальная политика СССР в послевоенные годы 1947—1953 гг. : документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М., 2020.

[232] Государственный бюджет СССР : статистический сборник : в 2 ч. Ч. 2 : 1938—1950 гг. / сост. С. А. Голованов ; под общ. ред. А. В. Бачурина. М., 1955 ; Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик : статистический сборник / сост. Г. В. Дарков, И. И. Горчев, В. Д. Пасекова, Н. А. Иванова ; общ. ред. Н. В. Гаретовского. М., 1966 ; Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик 1966—1970 гг. : (статистический сборник). М., 1972 ; Материалы к отчету исполкома Ярославского областного Совета депутатов трудящихся за 1940—1947 гг. Ярославль, 1947 ; Материалы к отчету о работе исполнительного комитета Ярославского областного Совета депутатов трудящихся за 1948 год на V сессии областного Совета депутатов трудящихся, март 1949 г. Ярославль, 1949.

[233] Социалистические страны и страны капитализма в 1960 году : статистический сборник / рук. колл. сост. Л. М. Цырлин. М., 1961 ; Социалистические страны и страны капитализма в 1961 году : статистический сборник / рук. колл. сост. Л. М. Цырлин. М., 1962 ; Социалистические страны и страны капитализма в 1965 году : статистический сборник / рук. колл. сост. Л. М. Цырлин. М., 1966 ; Народное образование, наука и культура: статистический сборник. М., 1970.

[234] Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги : сборник документов и материалов / сост. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков ; авторы коммент. В. Б. Жиромская, Я. Е. Володарский, И. Н. Киселев, Н. А. Араловец. М., 2007 ; История сталинского ГУЛАГа : Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов : в 7 т. Т. 1 : Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко ; отв. сост. И. А. Зюзина. М., 2004.

политических и научных знаний РСФСР и СССР, Гостелерадио при СМ СССР. Данные о тиражах центральной и местной прессы взяты из статистических сборников «Печать в СССР в … году», а также из фонда ЦСУ РСФСР (ГАРФ). Сведения о развитии на селе средств связи содержатся в фонде ЦСУ при СМ СССР, о количестве храмов РПЦ, других конфессий сел Центрального Нечерноземья, религиозности населения — в фонде Совета по делам религий при СМ СССР. Сведения о численности сельского населения, количестве колхозов, совхозов, МТС, сельсоветов, районов, сельских населенных пунктов, сельхозтехники, кадров колхозов, совхозов и МТС, учреждений культуры и т. д. в разрезе областей Центрального Нечерноземья, содержащиеся в фондах Верховного Совета РСФСР (ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46), ЦСУ РСФСР (ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 1, 10, 11, 30, 31), ЦСУ СССР (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11, 41, 324), дополнены материалами статистических сборников «Народное хозяйство РСФСР в 19… году» и справочников административно-территориального деления[235].

Важными для настоящего исследования являются данные сравнительного анализа абсолютных и относительных показателей развития сельхозпроизводства, социальной сферы и сферы культуры СССР и США, Канады, Западной Европы, а также ряда соцстран, выполнявшиеся в 1960—1970-е гг. в закрытом порядке сотрудниками НИЭИ Госплана, ЦСУ при СМ СССР и Института экономики мировой социалистической системы[236].

---

[235] Народное хозяйство РСФСР в 1956 году : статистический ежегодник. М., 1957 ; Народное хозяйство РСФСР в 1958 году : статистический ежегодник. М., 1959 ; Народное хозяйство РСФСР в 1959 году : статистический ежегодник. М., 1960 ; Народное хозяйство РСФСР в 1960 году : статистический ежегодник. М., 1961 ; Народное хозяйство РСФСР в 1961 году : статистический ежегодник. М., 1962 ; Народное хозяйство РСФСР в 1962 году : статистический ежегодник. М., 1963 ; Народное хозяйство РСФСР в 1963 году : статистический ежегодник. М., 1964 ; Народное хозяйство РСФСР в 1965 году : статистический ежегодник. М., 1966 ; Народное хозяйство РСФСР в 1967 году : статистический сборник. М., 1968 ; Народное хозяйство РСФСР в 1970 году : статистический сборник. М., 1971 ; Народное хозяйство РСФСР в 1980 году : статистический сборник. М., 1981 ; Административно-территориальное деление Союза ССР и список важнейших населенных пунктов с хронологическим перечнем постановлений об изменении границ губерний, областей и республик с 1917 г. по 1929 г. Изд. 8-е. М., 1929 ; РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 июля 1945 г. с приложением изменений с 1 июля по 31 декабря. Изд. 3-е. М., 1945 ; Административно-территориальное деление союзных республик на 1 января 1947 г. Изд. 5-е, доп. М., 1947 ; Административно-территориальное деление союзных республик. Январь 1965 г. М., 1965.

[236] Отчет советской сельскохозяйственной делегации о поездке в США и Канаду в 1955 г. М., 1955 ; Отчет советской сельскохозяйственной делегации о поездке в Англию и Швецию в 1956 году. М., 1957 ; Социалистические страны и страны капитализма в 1960 году : статистический сборник / рук. колл. сост. Л. М. Цырлин. М., 1961 ; Социалистические страны и страны капитализма в 1961 году : статистический сборник / рук.

Хотя известны многочисленные случаи фальсификации статотчетности[237], в целом оперативную статистику (особенно выраженную в натуральных показателях) можно признать адекватно отражавшей свой объект: власть использовала ее для управления и постоянно перепроверяла. В то же время высказываются обоснованные мнения о серьезном завышении макроэкономических показателей[238].

Анализируемые источники личного происхождения представлены письмами сельского населения и людей, наблюдавших жизнь деревни со стороны (будучи в отпуске, командировке и т. д.), во властные инстанции, вождям, региональному руководству, в СМИ и общественные организации. Хотя большинство ее населения не являлось носителями «книжной» культуры, склонными к рефлексии, деревня оставила богатое эпистолярное наследие. В работе над диссертацией было выявлено в архивах и проанализировано более пяти тысяч писем, затрагивающих разные стороны деревенской повседневности. Принципами их отбора выступали отказ от официальных подборок, горизонтальный просмотр, а не следование иерархической организации хранения; отбор писем, в центре которых обсуждение конкретного случая, прежде всего разовых обращений; выделение базовых архивных фондов, содержащих послания в разные органы, ряду партийных и государственных деятелей, дополнение их посланиями из других фондов; расширение выборки для достижения относительно полного понимания структуры заключенной в письмах многослойной информации; соблюдение при отборе хронологических и географических рамок исследования. Основной корпус задействованных писем исследован в региональных архивах, в основном в фондах Калуж-

---

колл. сост. Л. М. Цырлин. М., 1962 ; Социалистические страны и страны капитализма в 1965 году : статистический сборник / рук. колл. сост. Л. М. Цырлин. М., 1966 ; Современное состояние экономического состояния СССР и США / отв. за вып. В. М. Кудров. М., 1967 ; Сельское хозяйство европейских социалистических стран : бюллетень научной информации (экономико-статистический сборник) / редкол.: В. И. Сторожев, Е. В. Рудаков, С. А. Меллин. М., 1969 ; Северная Америка. США. Канада : экономико-статистический справочник / автор введ. и сост. Л. С. Демидова и В. А. Назаревский. М., 1969 ; Сельское хозяйство США : статистический сборник / отв. за вып. В. И. Назаренко. М., 1973.

[237] Региональная политика Н. С. Хрущева … С. 251—368 ; ГАТО. Ф. П-177. Оп. 12. Д. 14. Л. 98—99; Ф. Р-3421. Оп. 1. Д. 12. Л. 154, 158—162 ; ГАСО. Ф. Р-2637. Оп. 1. Д. 287. Л. 1, 12, 46; Д. 769. Л. 1, 2, 16—17.

[238] *Кудров В. М.* Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003. С. 12—14, 26, 28.

ского, Тульского, Орловского, Рязанского, Смоленского, Ярославского обкомов КПСС, Тверского обкома КП РСФСР, Калужского, Рязанского, Смоленского и Тульского сельских обкомов КПСС, ряда райкомов партии этих областей, фондах Калужского, Тульского и Смоленского обкомов ВЛКСМ, уполномоченного СДРПЦ по Калужской области, уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Ярославской области, уполномоченного Совета по делам колхозов при СМ СССР по Брянской области. Отдельные важные для исследования письма выявлены в фондах ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, Совета Министров СССР, Комитета по делам культпросветучреждений при СМ РСФСР, Совета по делам колхозов при СМ СССР, СДРПЦ. Некоторые привлеченные письма опубликованы[239].

В письмах жителей деревни отразились такие черты рутинизации власти, ее повседневных взаимоотношений с деревней, как постоянный дефицит материальных ресурсов, трудовые будни, проявления раскрестьянивающего курса власти, реалии организации и оплаты труда в колхозах и совхозах, чрезвычайщина в функционировании власти на местах, изнанка антирелигиозной политики и др. Мемуары жителей деревни и представителей власти (преимущественно — партийных и советских руководителей районного и областного масштаба) более сдержаны. Их ценность для настоящего исследования состоит, прежде всего, в возможности заглянуть за кулисы власти в конкретном районе, регионе, увидеть ее детали, которых нет в источниках других видов[240].

---

[239] *Попов В. П.* Крестьянство и государство (1945—1953) ; Советская жизнь. 1945—1953 ; Денежная реформа в СССР 1947 года : документы и материалы / сост. Л. Н. Доброхотов, В. Н. Колодежный, В. С. Пушкарев, В. Н. Шепелев. М., 2010 ; Последние письма Сталину. 1952—1953 гг. : Реконструкция документального комплекса / сост. Г. В. Горская, М. С. Астахова, В. Дённингхаус, Е. Е. Кириллова, А. С. Кочетова. М., 2015 ; Социальная политика СССР в послевоенные годы 1947—1953 гг. : документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М., 2020.

[240] Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / сост. и обраб. Е. М. Ковалев. М., 1996 ; *Абрамов И. Я.* Как это было. Смоленск, 2005 ; *Зайцев М. С.* О времени и о себе. Смоленск, 2009 ; *Федотов И. П.* Встать! Суд идет! М., 2006 ; *Мариничева (Оленева) Г. А.* История Рогожского поселка … ; *Горбацевич Д.* Два месяца в гостях у колхозников : (Заметки американского туриста). Нью-Йорк, 1967 ; *Шевелуха В. С.* С верой и надеждой : публицистические рассказы. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1995 ; *Размолодин М. Л.* Эпизоды из жизни и деятельности Ф. И. Лощенкова : интервью с бывшим первым секретарем Ярославского обкома КПСС. Ярославль, 1995 ; *Гришин В. В.* От Хрущева до Горбачева : Политические портреты пяти генсеков и А. Н. Косыгина : мемуары / ред.-сост. Ю. П. Изюмов. М., 1996 ; *Мазаев А. В.* Все в памяти моей… : воспоминания секретаря обкома по селу : История моя и наша. Рязань, 2011 ; *Торопов В. Ф.*

Важным источником для анализа изменений в образе повседневных взаимоотношений власти и деревни Центрального Нечерноземья являются материалы этнографических и историко-социологических обследований деревни Центрального Нечерноземья, выполненные в 1950—1960-х гг. и в недавнее время[241]. Несмотря на самоцензуру, произвольность отбора советскими этнографами колхозов для обследования, их работы представляют определенную ценность[242].

Акцентирование внимания на делопроизводственных документах, статистике регионального и местного уровня, источниках личного происхождения, привлечение материалов этнографических и социологических исследований деревни позволяет, как представляется, сформировать в целом репрезентативную источниковую базу исследования и обеспечивает изучение проблемы под избранным углом зрения.

Достижение цели и задач исследования потребовало выработки адекватной методики обработки источников. Каждая из четырех глав диссертации содержит четыре параграфа, каждый из которых посвящен функционированию определенного института власти и преодолению сельским социумом формируемого им контроля. Параграф предполагает ответы на три ключевых вопроса, составляющих в то же время три точки зрения на повседневные взаимоотношения института власти и деревни, о котором в нем идет речь: во-первых, выяснения и описания складывания сводов формальных

Незабываемое : записки председателя облисполкома. Ярославль, 2001 ; *Клименко И. Е*. Думы о былом : Размышления о времени, о людях, о себе. 6-е доп. изд. Смоленск, 2005 ; *Синицын И. Е*. Андропов вблизи : Воспоминания о временах «оттепели» и «застоя». М., 2004 ; Воспоминания о себе и о своей работе в годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы Д. И. Зайцева [Электронный ресурс] : сайт Чернского районного историко-краеведческого музея им. Н. А. Вознесенского. URL: https://rikm-chern.tls.muzkult.ru/news/90574681?ysclid=leock6opjo479851240 (дата обращения: 28.02.2023) ; *Эвельсон Е*. Судебные процессы по экономическим делам в СССР (шестидесятые годы). Лондон, 1986 ; *Игрунов Н. С*. И после нас зеленая трава : История моя и наша. Белгород, 2006 ; *Блынский А. С*. Далекое и близкое. Брянск, 2005 ; *Бородин М. Е*. Время, действия, лица : воспоминания. Белгород, 2011 ; *Кондрашов Д. И*. От прошлого к будущему : О времени и о себе. М., 2018 ; *Еремин А. Е*. От станка до Верховного Совета : (из воспоминаний) Кострома, 2003 ; *Черепанов И. М*. Моя судьба — в судьбе Отечества. М., 2001 ; *Карнаухов С. В*. Старая площадь : Наблюдения и раздумья бывшего работника аппарата ЦК КПСС. М., 2006.

[241] *Анохина Л. А., Шмелева М. Н*. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964 ; Рязанское село Кораблино … ; Село Вирятино в прошлом и настоящем: опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М., 1958 ; Опыт историко-социологического изучения села «Молдино» ; Русские Рязанского края : в 2 т. / отв. ред. С. А. Иникова. М., 2009. Т. 2.

[242] *Алымов С. С*. П. И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920—1950-е годы. М., 2006. С. 191—222.

правил, отразивших совершенствование контроля над сельским социумом (взгляд «сверху», позиция центральной власти, формировавшаяся с учетом изучения положения на местах); во-вторых, выявления и рассмотрения эволюции, результатов применения формальных правил (взгляд «сверху» и отчасти «снизу» и «изнутри», с точки зрения непосредственно управлявших деревней и подвластных); в-третьих, выявления и исследования масштаба и форм преодоления сельским социумом контроля конкретного института власти (взгляд «снизу» и «изнутри», глазами представителей разных страт сельского населения).

Такой подход к организации материала обусловил следующую методику обработки источников. Для выявления и описания формальных правил функционирования институтов власти были изучены законодательные материалы общегосударственного уровня, отраслевые нормативные акты, инструкции и положения, заявления вождей, на основе которых составлены своды основополагающих норм по каждому изучаемому институту. Эволюция, результаты применения формальных правил, зафиксировавшие динамику контроля власти над деревней, изучались на основе нормотворчества, делопроизводства, статистики региональной и районной власти, ходатайств в вышестоящие структуры власти местных руководителей, их мемуаров, материалов региональной периодической печати, а также касающегося этого сюжета делопроизводства и статистики центральных инстанций. Масштаб и формы преодоления контроля власти (взгляд «снизу» и «изнутри») анализировались посредством выявления спектра типичных реакций представителей основных страт деревни по письмам в структуры власти, СМИ, вождям, сводкам о настроениях, материалам этнографических и социологических обследований, «закрытой» статистике и делопроизводству. Контекстом для интерпретации смысла поведения сельского населения выступали примеры применения правил власти, а также (в меньшей степени) — своды формальных правил власти в той или иной сфере. Сравнение глубины и динамики контроля власти над деревней, а также способов, степени его преодоления

между изучаемыми сферами позволило сделать обобщения об эволюции повседневных взаимоотношений власти и деревни Центрального Нечерноземья к началу 1960-х гг.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые в отечественной историографии на материалах села Центрального Нечерноземья 1945 — начала 1960-х гг. ставится проблема повседневных взаимоотношений власти и деревни применительно к основным сферам ее жизни: хозяйственной, политической, культуры и религиозности, что позволяет взглянуть на их динамику, характер и особенности «сверху», «снизу» и «изнутри». Новым является акцент на изучении указанных сюжетов на низовом (районном и сельском) уровне. Это позволило осветить ряд недостаточно или вовсе не исследованных сторон: влияние контроля власти на развитие производительных сил деревни, эволюцию поведения представителей социальных страт села применительно к сфере поземельных отношений, труда, финансовых отношений как реакцию на процессы совершенствования контроля власти, оценить состояние и реформы районного звена управления в 1950-е — начале 1960-х гг. как часть этого процесса, их восприятие сельским социумом, объяснить высокую актуальность идеологизации, чрезвычайщины власти, причины их сворачивания в управлении деревней с рубежа 1950—1960-х гг., динамику доступности основных форм советской культуры, их роль и значение в контроле над деревней, взаимовлияние официального и традиционного пластов культуры села, контроль религиозности посредством черты легальности. Большинство задействованных в монографии источников более девяности фондов пяти федеральных и одиннадцати региональных архивов вводятся в научный оборот впервые. Источники обработаны по авторской методике.

Положения, выносимые на защиту:

1) Важной составляющей аграрного курса в деревне Центрального Нечерноземья 1945 — начала 1960-х гг. стало приспособление институтов власти к функционированию в условиях мирного времени.

2) Сопоставление прогресса институтов власти между изученными сферами повседневных взаимоотношений власти и сельского социума показало, что наиболее «оповседневненными» были политическая жизнь, сферы культуры и религиозности, а наименее — хозяйственная.

3) Развитие институтов власти в изученных сферах было обратно пропорционально успешности преодоления их контроля сельским социумом. Наибольшее преодоление отмечается в наименее «оповседневненной» властью хозяйственной жизни деревни.

4) Следствием неравномерности контроля институтов власти на селе стал переток энергии сельского социума в наименее регламентированную хозяйственную сферу на грани и за пределами сельского хозяйства, редукция былого многообразия взаимодействий деревни с властью к контактам в рамках рутины официальных институтов, снижение уровня доверия людей власти, рост социальной апатии, ускорение миграции в города и кризиса культуры деревни.

5) Главным направлением преодоления контроля власти в хозяйственной сфере стала адаптация к нему сельского социума в форме легального и нелегального использования ресурсов колхозов и госхозов (социального иммунитета), вынуждавшая власть корректировать аграрную политику, из-за чего часть социального иммунитета периодически устаревала, хотя сам он неизменно демонстрировал по отношению к аграрному курсу активный «наступательный» потенциал.

6) Противостояние социальному иммунитету отвлекало власть на поддержание в деревне хотя бы элементарного порядка (как она его понимала), понижало эффективность утверждения в аграрном строе государственного капитализма, было одной из главных причин неспособности решить копившиеся проблемы села.

7) Бóльший контроль власти в политической, чем хозяйственной сфере обусловил сравнительно небольшое распространение протеста деревни, делал его бесперспективным и опасным для протестующих.

8) По мере капитализации сельского хозяйства с конца 1950-х гг. значение политической сферы в повседневных взаимоотношениях власти и сельского социума понижается. Основанный на чрезвычайщине сталинский порядок заменяется «регулярным» контролем управленцев-специалистов, которых деревня воспринимает как собственников хозяйственных ресурсов.

9) Главным направлением аграрной политики в сфере культуры стало наращивание доступности и отладка форм воздействия на деревню ее наиболее продвинутых институтов — прежде всего СМИ и кино, а результатом — вытеснение деревенских традиций потреблением советской культуры. Элементы и приверженцы традиционной культуры деревни маргинализуются.

10) Главным рычагом контроля религиозности выступала черта легальности, посредством которой религиозная традиция деревни делилась на легальную и нелегальную. Вместилищем легальной становится религиозность легализованных конфессий, а нелегальной — запрещенных, а также вытесненная за рамки легальности легализованных.

11) Результатом приспособления сельского социума к такой системе контроля религиозности стала локализация религиозных общин, обрядоверие, профанация обрядности, уход в подполье, что приводит к угасанию ее неканоничных форм, нивелированию былого многообразия. К началу 1960-х гг. некогда цельная духовная культура деревни окончательно деформируется, заменяется контролируемой бюрократией массовой культурой.

12) «Сплавление» повседневности власти и ее преодоления сельским социумом создало образ их взаимоотношений, в котором к началу 1960-х гг. «разжижение» повседневности в хозяйственной сфере сосуществовало с «застоем» в прочих, где контроль власти достиг наибольшего прогресса.

Теоретическая значимость исследования заключается в рассмотрении проблемы формирования повседневных отношений власти и сельского социума в Центральном Нечерноземье в 1945 – начале 1960-х гг. как части более широкой проблемы государственно-капиталистической эволюции советского

аграрного строя с акцентом на их низовом уровне, в основных сферах жизни деревни и с учетом региональной специфики.

Практическая значимость заключается в возможности использования полученных выводов и системы аргументации при ведении курса новейшей истории России в учебных заведениях высшего образования, общеобразовательных учреждениях, при подготовке спецкурсов по социальной истории, истории повседневности советского общества и деревни послевоенных лет.

Выводы и положения диссертации были апробированы в выступлениях автора на научном семинаре «История советской эпохи» в Санкт-Петербургском Институте истории РАН, на методологических семинарах кафедры отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета, кафедры отечественной истории Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, на международных, всероссийских и региональных научных конференциях (2004—2025 гг.), в выступлениях на сессиях Симпозиума по аграрной истории стран Восточной Европы (2004, 2006, 2008, 2010, 2014 гг.), в рамках авторского спецкурса по истории советской деревни 1940—1960-х гг. на историческом факультете Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского в 2006—2025 гг., в двух монографиях (одной персональной и одной — в соавторстве[243]), исторических очерках[244], учебных пособиях[245] и научных статьях.

Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, перечня источников и литературы, условных сокращений.

---

[243] *Горбачев О. В., Кометчиков И. В., Филимонов В. Я.* История крестьянства Западного региона России (1941 — середина 1980-х годов) / под ред. докт. ист. наук В. Я. Филимонова. Калуга, 2017 ; *Кометчиков И. В.* Повседневные взаимоотношения власти и деревни Центрального Нечерноземья (1945 — начало 1960-х гг.) СПб., 2025.

[244] Калужский край в XX веке / И. Б. Белова и др.; редколл. М. А. Казак, В. Я. Филимонов, Д. Э. Миронов. Калуга, 2014. С. 311—396 ; Суровые сороковые… Калужский край в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. / И. В. Кометчиков и др. Редколл. : В. Я. Филимонов, К. В. Чеченков, Д. Э. Миронов. Калуга, 2015. С. 192—247.

[245] История Калужского края. 9—11 классы. Учебное пособие. В 2-х ч. Часть 2 / А. С. Аникеев, И. Б. Белова, И. Н. Берговская и др. М., 2023. И др.

Глава I. Повседневные взаимоотношения власти и сельского социума в хозяйственной сфере

1.1. Власть и производительные силы деревни

Исследование контроля власти над производительными силами деревни имеет основополагающее значение для понимания перемен в ее жизни и предполагает акцент на ключевых институтах этой сферы, их функционировании и преодолении сельским социумом контроля власти применительно, во-первых, к трудовым ресурсам (прежде всего — их численности и квалификации, производственным навыкам — человеческому капиталу[1]), а, во-вторых, к средствам производства сельхозпредприятий и подворий.

Рассмотрим сначала совершенствование контроля власти над трудовыми ресурсами. На протяжении исследуемого периода численность сельского населения Центрального Нечерноземья неравномерно сокращалась в основном вследствие понижения естественного прироста и увеличения миграции в города. До 1958 г. наиболее быстро городское население росло в Московской, Ярославской, Тульской и Ивановской областях, в последующее время — в южных и западных регионах, что связывается в том числе с влиянием поселенческого фактора: более плотно населенные области урбанизировались быстрее[2]. Однако, несмотря на достижение к 1964 г. в Центральном Нечерноземье 67%-й отметки численности городского населения, в Брянской, Калужской, Костромской, Орловской, Рязанской, Смоленской областях сельское еще преобладало[3]. Причинами неравномерности уменьшения численности сельских жителей были как объективные тенденции (урбанизация, индустриализация, повышение уровня технической оснащенности сельхозпроизводства), так и аграрная политика, направленная на обеспечение рабочей си-

---

[1] *Радаев В. В.* Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология : электронный журнал [сайт: www.ecsoc.hse.ru]. 2002. Т. 3. № 4. С. 25—26.

[2] *Горбачев О. В.* На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946—1985 гг.) и советская модель урбанизации. М., 2002. С. 41.

[3] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 416. Л. 34—35 ; Народное хозяйство РСФСР в 1964 году : статистический ежегодник. М., 1965. С. 12.

лой колхозов и совхозов путем их укрупнения, совхозизации, сселения т. н. неперспективных деревень.

На динамику восстановления численности населения села в первые послевоенные годы влияли последствия оккупации и боевых действий, а также тип воспроизводства населения и плотность расселения: неблагоприятная расселенческая ситуация ухудшала демографическое положение и усиливала негативные последствия оккупации[4]. В 1945—1947 гг. в стране отмечалась компенсаторная волна рождаемости, завершилась демобилизация, репатриация, однако в Центральном Нечерноземье ее эффект был менее значительным, чем в среднем по стране. Высокой была миграция из деревни, причем в первые послевоенные годы в основном — в ближайшие города «своих» регионов. При этом уже в это время в большинстве областей естественный прирост едва компенсировал отток в города и в дальнейшем продолжал снижаться. Замедлил миграцию эффект стабилизации экономического положения на селе в середине 1950-х гг. Фактор городского притяжения на короткое время уступил влиянию деревни, а городские ценности еще не стали определяющим мотивом миграции. Наибольшим сокращение населения деревни в 1950—1958 гг. оказалось в «трудоизбыточных» Рязанской и Орловской областях, где были заметными и последствия государственных переселений. Между 1939 и 1959 гг. в Рязанской и Ярославской областях численность сельских жителей уменьшилась более чем на 40 %, Орловской — на 37 %, Брянской, Владимирской и Ивановской — на 30 %. С 1958 г. миграция из села вновь ускоряется. Ее экономическими факторами становятся наступление на хозяйства подворий, общий упадок экономики деревни[5], несравненно более тяжелые, чем в городах, условия труда и жизни[6]. Уже к концу 1950-х гг. убыль сельского населения приобрела кризисные черты (с этого времени

[4] *Горбачев О. В.* На пути к городу … С. 48—49, 51.
[5] Там же. С. 107—111.
[6] *Никитаева Е. Б.* Исчезающая деревня (1960 — середина 80-х годов) // Судьбы российского крестьянства / отв. ред. Ю. Н. Афанасьев. М., 1995. С. 449—457 ; Население России в XX веке : исторические очерки : в 3 т. Т. 3, кн. 1 : 1960—1979 / отв. ред. Ю. А. Поляков. М., 2005. С. 45.

население многих районов себя не воспроизводило), а в 1970-е гг. здесь создалась угроза депопуляции[7].

Особенностью многих областей Центрального Нечерноземья был большой ущерб, нанесенный войной. Огромный масштаб разрушений и скромные ресурсы, на которые могло полагаться село, долго препятствовали возвращению жизни в мирное русло. Особенно сильно пострадали поселения, располагавшиеся у железных и шоссейных дорог, вблизи городов, аэродромов и военных городков. Многие же глубинные сельские ареалы война почти не затронула[8]. За время оккупации Калужской области ущерб промышленности, нанесенный войной, составил более 500 млн руб.[9], а общий ущерб — 16 млрд руб. Одной из наиболее пострадавших территорий являлась Смоленская область, в которой была уничтожена вся социально-экономическая инфраструктура. Сумма ущерба ее народному хозяйству составила более 40 млрд руб., народному хозяйству Калининской области — 27 млрд руб., Брянской — 23,5 млрд, Орловской — 17 млрд, Великолукской — 17 млрд, Тульской — 6 млрд, Московской — 30 млрд[10].

Все это обусловило длительность восстановления, напряженность выполнения плановых заданий, обыденность нажима на село и его приспособление к этому.

Население регионов, подвергавшихся оккупации, испытывало влияние нацистской пропаганды и поэтому считалось властью политически неустойчивыми наряду с советскими военнопленными, освобождавшими Европу фронтовиками. На 1 сентября 1945 г. в Брянскую область вернулись 70,3 тыс. репатриантов, Великолукскую — 54,3 тыс., Калининскую — 52,4 тыс., Калужскую — 150,4 тыс., Московскую — 26,2 тыс., Орловскую — 131,3 тыс.,

---

[7] Население России в XX веке : исторические очерки : в 3 т. Т. 2 : 1940—1959 / отв. ред. Ю. А. Поляков. М., 2001. С. 288—289 ; Население России в XX веке : исторические очерки. Т. 3, кн. 1. С. 47.
[8] Население России в XX веке : исторические очерки. Т. 3, кн. 1. С. 50.
[9] ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 66. Л. 114, 115.
[10] *Комаров Д. Е.* Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск, 2015. С. 302, 303.

Тульскую — 12,0[11]. Эти люди принесли с собой опыт и настроения, часть которых власть считала «враждебными»[12]. Среди репатриантов и переживших оккупацию было немало тех, кто по разным причинам сотрудничал с оккупантами и теперь рассматривался как «не прошедший проверку» на преданность советскому строю, хотя лишь немногие после войны занимали явно враждебную позицию[13]. Наличие «антисоветского элемента» в общей массе населения усложняло власти взаимоотношения с деревней. В то же время необходимость завершения восстановительных работ, возрождения официальных учреждений при дефиците кадров побуждала опираться и на оставшихся на оккупированной территории.

К окончанию войны трудовые ресурсы деревни Центрального Нечерноземья значительно сократились вследствие мобилизации на фронт, эвакуации, гибели, угона гитлеровцами и по другим причинам.

Положение с обеспеченностью рабочей силой оставалось напряженным. Так, в Центральном Нечерноземье 1945 г. по сравнению с 1940 г. наличное население колхозов сократилось на 15,3 % (1605,0 тыс. чел.)[14], особенно значительно — количество трудоспособных. Если до войны почти в каждом колхозном дворе был трудоспособный мужчина, то в 1944 г. он приходился в среднем на пять дворов, в 1945 г. — на два-три. Было немало хозяйств, вовсе лишенных трудоспособных[15].

---

[11] Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944—1952 : сборник документов : в 2. т. Т. 1 : 1944—1946 / отв. ред. О. В. Лавинская, В. В. Захаров ; сост. К. М. Гринько, Е. В. Полторацкая ; при участии С. Дальке и М. Уля. М., 2019. С. 383, 384.

[12] *Кометчиков И. В.* «Нам надо было оставаться в Германии…»: настроения репатриантов в западнорусской деревне середины 1940-х гг. // Studia internationalia : Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X—XX вв. (1—3 июля 2015 г.)» / редкол.: С. И. Михальченко, А. А. Чубур. Брянск, 2015. С. 306—307.

[13] *Кометчиков И. В.* Власть и общество в освобожденных районах Калужского края (конец 1941 — 1945 гг.) // Суровые сороковые… : Калужский край в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. / И. В. Кометчиков и др. ; редкол.: В. Я. Филимонов, К. В. Чеченков, Д. Э. Миронов. Калуга, 2015. С. 243 ; *Комаров Д. Е.* Смоленская область в огне Великой Отечественной … С. 364, 365 : *Мозохин О. Б.* Статистика репрессивной деятельности органов безопасности СССР. [Электронный ресурс] : сайт «Исторические материалы». URL: http://istmat.info/node/255 (дата обращения: 18.11.2015).

[14] Подсчитано по: *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 389—390.

[15] Подсчитано по: *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство … С. 320, 322.

Сокращалось и количество подростков, часть которых мобилизовали в школы ФЗО и ремесленные училища[16]. Большинство колхозных дворов к 1945 г. стали относительно малочисленными и состояли в среднем из трех человек. Если в 1945 г. в областях нечерноземного Центра насчитывалось 3360,1 тыс. чел. трудоспособных, то в 1953 г. — 2865 тыс. чел. (85 % от количества в 1945 г.), в 1965 г. — 1111 тыс. чел. (38 % от уровня 1953 г.). Всего за 1945—1965 гг. количество трудоспособных в колхозах сократилось на 2249 тыс. чел. (на 66 %)[17]. В 1951—1957 г. только по оргнабору из колхозов РСФСР выбыло 739 тыс. чел., из Центрального Нечерноземья в 1952—1958 гг. — 71,7 тыс. Много было тех, кто проживал на территории колхоза, но работал на предприятиях и в учреждениях. В конце 1950-х гг. таких колхозников было 39,2 % в Московской области, 28 % — во Владимирской, 17 % — в Тульской. Большой была самовольная миграция: в 1945—1958 гг. из колхозов Нечерноземной зоны выбыло 443 тыс. чел., что отмечалось и во многих письмах во власть[18].

Хотя в 1953—1958 гг. в колхозы нечерноземного Центра вернулось 1,5 млн чел.[19], это не переломило тенденции сокращения их населения: в 1945—1965 гг. оно уменьшилось с 9071 тыс. чел. до 2784 тыс. чел. (на 70 %)[20]. Сельское население за тот же срок уменьшилось с 14 527 тыс. чел. до 8717 тыс. чел. (на 40 %). Только за 1945—1955 гг. сельских жителей Центрального Нечерноземья стало меньше на 6,6 млн чел.[21]

---

[16] *Арутюнян Ю. В*. Советское крестьянство … С. 319 ; *Вылцан М. А*. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945—1958 гг.). М., 1976. С. 13.

[17] Подсчитано по: *Арутюнян Ю. В*. Советское крестьянство … С. 391—392 ; *Безнин М. А*. Колхозное население в Российском Нечерноземье в 1950—1965 гг. Вологда, 1990. С. 8—9.

[18] Последние письма Сталину. 1952—1953 гг. : Реконструкция документального комплекса / сост. Г. В. Горская, М. С. Астахова, В. Дённингхаус, Е. Е. Кириллова, А. С. Кочетова. М., 2015. С. 271, 336, 382, 386, 391, 407—408, 466—467 ; *Иванов Н. С.* Колхозное крестьянство центральных областей Нечерноземной зоны РСФСР в 1951—1958 гг. : дис. … канд. ист. наук. М., 1983. С. 37—40.

[19] *Иванов Н. С.* Раскрестьянивание деревни (середина 40-х — 50-е годы) // Судьбы российского крестьянства / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева ; науч. ред. Н. А. Ивницкий. М., 1995. С. 421—423.

[20] Подсчитано по: *Арутюнян Ю. В*. Советское крестьянство … С. 389—390 ; *Безнин М. А*. Колхозное население в Российском Нечерноземье в 1950—1965 гг. С. 7.

[21] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 1. Д. 6853. Л. 5, 42, 64, 70, 101, 147; Д. 6854. Л. 70, 98, 100, 117, 140, 144, 150; Оп. 11. Д. 332. Л. 8—10, 16, 22—23, 26, 35, 36, 41, 46, 53, 58 ; Народное хозяйство РСФСР в 1965 году : статистический ежегодник. М., 1966. С. 12.

Стабильно высоким оставалось количество нетрудоспособного населения в колхозах нечерноземного Центра: в 1945 г. оно равнялось 5710 тыс. чел. (63 %), в 1953 г. — 3259 тыс. чел. (50 %), в 1959 г. — 2517 тыс. чел. (47 %), в 1965 г. — 1353 тыс. чел. (48 %). Более быстрыми темпами сокращалось количество подростков 12—16 лет, что, как уже говорилось, было связано с относительно быстрым выбыванием этой возрастной категории в школы ФЗО и РУ, школы механизации и т. д. Например, колхозы Московской области ежегодно должны были направлять в РУ трудовых резервов 10 тыс. чел.[22] Если в 1953 г. подростков насчитывалось 791 тыс. чел. (12 % населения колхозных дворов), то в 1959 г. — 308 тыс. чел. (5,7 %), в 1965 г. — 243 тыс. чел. (8,7 %)[23]. Автор письма, наблюдавший жизнь и труд колхозников Свердловского района Орловской области, сообщал в 1950 г. в ЦК ВКП(б): «Из колхозов бегут как из зачумленных районов. Колхозная система дискредитирована. Убита инициатива, убита вера, убит дух. Люди, прожившие век на своей родине, едут по вербовке на Сахалин, едут, как говорится, не от добра…»[24] Автор письма Н. С. Хрущеву сообщал: «Недостаток рабочей силы в колхозах и особенно — молодежи — самый большой бич села. Дело дошло до того, что в некоторых колхозах нетрудоспособных престарелых и инвалидов, живущих на иждивении колхоза, в два-три раза больше работающих…»[25]

В 1950—1960-е гг. темпы сокращения трудовых ресурсов колхозов опережали темпы роста технической оснащенности колхозного производства[26], следствием чего в колхозах нечерноземного Центра стал рост трудовой нагрузки как в общественном, так и в личном хозяйстве. Если в 1945 г. на одного трудоспособного в колхозах Центрального Нечерноземья приходи-

---

[22] *Арутюнян Ю. В*. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929—1957 гг. : (Формирование кадров массовых квалификаций) / отв. ред. В. П. Данилов. М., 1960. С. 112.

[23] Подсчитано по: *Арутюнян Ю. В*. Советское крестьянство … С. 391—392 ; *Безнин М. А*. Колхозное население в Российском Нечерноземье в 1950—1965 гг. С. 7—13.

[24] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 5. Д. 221. Л. 29.

[25] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 488. Л. 127 об., 131—131 об.

[26] *Иванов Н. С*. Колхозное крестьянство центральных областей Нечерноземной зоны РСФСР в 1951—1958 гг. С. 48 ; *Попов В. П*. Колхозное крестьянство Центральных областей Нечерноземной зоны РСФСР в 1959—1970 гг. : дис. … канд. ист. наук. М., 1982. С. 70—71.

лось в среднем 2,1 га посевов зерновых и бобовых, то в 1953 г. — в среднем 5,4 га пашни, в 1965 г. — 6,2 га. В 1945—1965 гг. общественное поголовье крупного рогатого скота в расчете на одного трудоспособного в среднем увеличилось в 4 раза, свиней — в 7 раз, овец и коз — более чем на 30 %, птицы — в 3 раза только за 1945—1953 гг.[27] Если нагрузка площади сельхозугодий приусадебной земли на одного трудоспособного колхозника практически не изменилась (в 1953 г. она составила в среднем 0,26 га, в 1959 г. — 0,20 га, в 1965 г. — 0,25 га), то количество скота на подворье, приходящееся в среднем на одного трудоспособного, существенно возросло: крупного рогатого скота и свиней — в два с лишним раза, овец и коз — почти в два с половиной раза[28]. Из колхоза им. Ворошилова Орловской области жаловались в ЦК КПСС и СМ СССР весной 1956 г.: «Теперь инвалиды грузят зерно, умственно отсталые возят навоз, где их давят лошади… Только бедные вдовушки отдуваются за всех, да механизаторы трудятся честно…»[29] Несмотря на рост численности занятых в основном производстве совхозов Центрального Нечерноземья по мере совхозизации (только за 1953—1959 гг. — более чем в 2 раза[30]) в ряде регионов возрастала средняя нагрузка и на рабочего их основного производства (особенно значительно — площадь пашни)[31].

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. к миграции по причине высокой трудовой нагрузки, а также более низкой, чем в промышленности и на транспорте, оплаты труда, добавилась негативная реакция населения на реализацию программы сселения неперспективных деревень. Ее преддверием стало

---

[27] Подсчитано по: *Арутюнян Ю. В*. Советское крестьянство … С. 391, 392, 423, 424, 433, 434 ; *Безнин М. А*. Колхозное население в Российском Нечерноземье в 1950—1965 гг. С. 8—9 ; Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. С. 321 ; Основные экономические показатели по производительности и оплате труда колхозов РСФСР за 1961—1968 годы : в 3 ч. М., 1969. Ч. 1. С. 1, 25—26, 30—31, 35—36 ; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 112. Л. 32, 33, 116 об.—117, 122 об.—123, 125 об.—126, 130—130 об.

[28] Подсчитано по: *Безнин М. А*.: 1) Колхозное население в Российском Нечерноземье в 1950—1965 гг. С. 8—9 ; 2) Хозяйство крестьянского двора в Российском Нечерноземье 1950—1965 гг. Вологда, 1989. С. 12, 18, 24, 68—77.

[29] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 552. Л. 96 об.

[30] Подсчитано по: Сельское хозяйство СССР : статистический сборник. М., 1960. С. 454—455.

[31] Народное хозяйство Брянской области : статистический сборник. Орел, 1958. С. 98, 99 ; Народное хозяйство Рязанской области : статистический сборник / под ред. Г. И. Строгова. М., 1958 ; Народное хозяйство Рязанской области : статистический сборник / под ред. И. С. Мальцева. М., 1967. С. 80 ; Народное хозяйство Смоленской области : статистический сборник / под ред. И. С. Мальцева. Смоленск, 1958. С. 72 ; Народное хозяйство Смоленской области в 1970 году : статистический сборник. Смоленск, 1972. С. 109.

сселение хуторов, укрупнение и совхозизация колхозов. При определении оптимальных размеров сельхозпредприятий в 1961—1964 гг. констатировалось, что «в целях более рационального использования капвложений» населенные пункты по хозяйственному значению следует подразделить на три группы: 1) перспективные поселки, в которых возможно возведение зданий всех типов и благоустройство; 2) относительно крупные поселки при крупных фермах; 3) неперспективные поселки. Деление населенных пунктов на «перспективные» и «неперспективные» исходило из директив декабрьского (1959 г.) пленума ЦК КПСС и ряда последующих решений[32]. Следуя им, Стройбанк СССР прекратил в «неперспективных» деревнях финансирование не только строительства, но и капремонта[33]. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., в РСФСР насчитывалось 180,0 тыс. сельских населенных пунктов с числом жителей до 100 чел. (61,2 % общего количества)[34]. За период с 1959 по 1970 г. число сельских населенных пунктов в РСФСР уменьшилось на 26,3 %, а сельское население — на 10,7 %[35]. Сокращение произошло в основном вследствие ликвидации, объединения и присоединения мелких населенных пунктов к крупным и частично — за счет их преобразования в городские[36].

Однако даже после этого число сельских населенных пунктов с числом жителей до 100 чел. составляло в 1970 г. по РСФСР 58 %, в Центральном Нечерноземье — до 90 %[37]. При этом во многих регионах более половины из них не являлись ни административными, ни хозяйственными центрами[38], слабо охватывались сетью школ, культурно-бытовых и медицинских учреждений. Председатель колхоза «Заветная мечта» Дросковского района Ор-

---

[32] *Никитаева Е. Б.* Исчезающая деревня (1960 — середина 80-х годов). С. 441 ; Демографическая ситуация и расселение населения в сельской местности РСФСР. М., 1986. С. 58—59.
[33] *Никитаева Е. Б.* Исчезающая деревня (1960 — середина 80-х годов). С. 441—442.
[34] Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР : (сводный том). М., 1962. С. 44.
[35] Подсчитано по: Сельские населенные пункты РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 года) : в 2 т. М., 1972. Т. 1. С. 140, 170, 182, 234 ; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 97. Л. 109, 169, 175; Д. 98. Л. 127; Д. 6121. Л. 49, 60, 61, 90; Д. 3775. Л. 4—49 об.; Д. 3771. Л. 160—218 об.; Д. 3774. Л. 95—236 об.; Д. 3783. Л. 160—218 об.
[36] Сельские населенные пункты РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г.). Т. 1. С. 6.
[37] Подсчитано по: Там же. С. 6, 140, 170, 182, 234.
[38] Подсчитано по: Там же. С. 142, 172, 184, 236.

ловской области, объединявшего 11 населенных пунктов, сообщал Н. С. Хрущеву, что за 6 лет из колхоза уехало свыше 600 трудоспособных, в основном — молодежь. Хотя в колхозе велось большое капитальное строительство, была высока оплата трудодня, «за 1959—1960 годы была только одна свадьба, и то молодожены уехали в город…»[39]

В какой мере снижение численности трудовых ресурсов деревни компенсировалось увеличением их образования, производственного опыта? Для ответа следует вкратце рассмотреть динамику численности основных социальных страт деревни Центрального Нечерноземья 1945 — начала 1960-х гг. и оценить величину их человеческого капитала. Существует подход к социальной эволюции советской деревни 1930—1980-х гг. в контексте государственно-капиталистической трансформации советского строя. Согласно ему выделяются страты «протобуржуазии», «менеджеров», «интеллектуалов», «рабочей аристократии» и «сельскохозяйственного пролетариата»[40]. Сама власть обособила эти страты, наделив их представителей разными правами и обязанностями.

Подавляющее большинство трудоспособных деревни учитывалось статистикой как «занятые на конно-ручных работах». По данным годовых отчетов колхозов Центрального Нечерноземья, доля трудоспособных, непосредственно занятых в полеводстве и животноводстве, не являвшихся механизаторами и не входивших в число специалистов и административно-обслуживающего персонала, составляла в 1955 г. 90 %, в 1960 г. — 72 %[41]. Численность этой категории населения в деревне в 1959 г. оценивается в 87 %. Среди других социальных страт она отличалась выполнением преимущественно ручного труда, самым низким уровнем образования, усвоением опыта крестьянского семейного хозяйства как основным способом приобщения к труду и др.[42] Учет труда и управленческая практика выделяли категории колхозников, занятых непосредственно в производстве через указания на

[39] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 2030. Л. 7—10.
[40] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930—1980-х годов. М., 2014. С. 213—558.
[41] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 5714. Л. 5, 34; Д. 7126. Л. 8, 10, 12, 14, 16, 18, 20.
[42] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930—1980-х годов. С. 495—504.

отрасль хозяйства, где был занят тот или иной работник: полеводство, садоводство, животноводство, подсобные предприятия и т. д., за работу в которой начислялись трудодни. В статистике колхозного производства фигурировало несколько профессий животноводов, а прочие учитывались как занятые в бригадах и звеньях того или иного вида[43]. Подобным образом труд большинства рабочих совхозов учитывался по отраслям и видам работ[44]. Лишь с середины 1960-х гг. колхозникам, занятым в полеводстве и животноводстве, по аналогии с присвоением разрядов рабочих специальностей рекомендовалось присваивать звания «мастер овощеводства», «мастер-льновод» и т. д. с установлением надбавки к заработку в размере 10—20 %[45].

С точки зрения производственного опыта большинство сельских пролетариев являлись практиками без специальной подготовки. Несмотря на усилия власти, планы агро- и зоотехнической учебы часто не выполнялись[46], уровень образования большинства занятых ручным трудом был самым низким[47] и зачастую не вписывался в реалии индустриального колхозно-совхозного производства. В то же время отсутствие у многих среднего образования или специальности не отменяло наличия подчас солидного багажа практических навыков, о чем свидетельствовали урожайность и продуктивность скота в личных подворьях, превышавшие аналогичные показатели колхозов и совхозов[48].

Куда бóльшим объемом человеческого капитала на фоне «сельского пролетариата» обладали механизаторы сельхозпроизводства. Эта страта анализируется как сосредоточившая навыки управления сложной сельхозтехникой и определяется как «рабочая аристократия»[49].

---

[43] Основные экономические показатели по производительности и оплате труда колхозов РСФСР за 1961—1968 годы : в 3 ч. М., 1969. Ч. 3. С. 692—702.
[44] Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 452—453.
[45] Методическое пособие по упорядочению организации оплаты труда в колхозах / отв. за вып. З. К. Ерзина. М., 1965. С. 18—19.
[46] *Волков И. М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946—1950 годах. М., 1972. С. 244—246.
[47] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930—1980-х годов. С. 504.
[48] ГАТО. Ф. Р-2640. Оп. 6. Д. 70. Л. 121—122.
[49] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930—1980-х годов. С. 413.

Механизаторам, шоферам первым среди обладателей рабочих профессий на селе стали присваивать квалификационные разряды[50]. Динамика изменения численности рабочей аристократии, ее место и роль в сельхозпроизводстве зависели от прогресса его капитализации, изменения соотношения составляющих основных производственных фондов колхозов, МТС и совхозов. До 1958 г. большая часть механизаторов Центрального Нечерноземья концентрировалась в МТС. Сокращение количества сельского населения, в том числе трудоспособных, отражалось на комплектовании кадрами МТС, куда колхозы еще с 1930-х гг. были обязаны ежегодно направлять колхозников на курсы трактористов. С окончанием войны из МТС начался отток женщин-трактористок, который не компенсировался приходом на работу достаточного количества мужчин, часто предпочитавших работу в городе, на транспорте из-за лучшей оплаты. В МТС они находились на положении сезонных рабочих, которых колхоз не считал на это время «своими». Не были заинтересованы в их направлении на работу в МТС и многие колхозы, так как это сокращало их трудовые ресурсы. Хотя выпуск механизаторов курсами МТС и школами механизации из года в год рос, его планы ежегодно не выполнялись, высока была текучесть, доходившая до 20—25 % состава механизаторов[51]. Одним из следствий этого стал рост трудовой нагрузки на одного механизатора.

В то же время на протяжении изучаемого периода несколько вырос качественный уровень кадров механизаторов МТС. Так, в 1946 г. удельный вес трактористов первой категории составлял в нечерноземном Центре и Северо-Западе 18,7 %, в 1948 г. — 23,5 %, в 1950 г. — 29,3 %. Однако при этом только треть трактористов выполняла нормы выработки. В 1952 г. в срок, установленный договорами с колхозами, было выполнено только 83,3 % тракторных работ[52].

---

[50] Справочник по оплате труда в машинно-тракторных станциях / ред. Н. П. Трофимов. М., 1948. С. 18.
[51] *Арутюнян Ю. В.* Механизаторы сельского хозяйства СССР … С. 114—117, 120—122, 125—136, 142, 144.
[52] Там же. С. 161, 181.

По решению сентябрьского пленума ЦК КПСС работники тракторных бригад, а также машинисты экскаваторов и их помощники были включены в штаты МТС в качестве постоянных рабочих, а прицепщики и помощники комбайнеров — сезонных[53]. Предполагалось, что создание постоянных кадров механизаторов будет способствовать понижению их текучести и повышению квалификации. Несмотря на эти меры, а также повышение оплаты труда, обеспеченность механизаторскими кадрами многих МТС улучшалась медленно.

Не лучшим образом на составе механизаторских кадров отразилась кампания по освоению целинных и залежных земель, сопровождавшаяся вербовкой части механизаторов старопахотных районов на целину. Только из Московской области в 1954—1955 гг. их поехало 37 тыс. чел. Великолукская, Смоленская и другие области с дефицитом механизаторских кадров их не отправляли[54]. В 1954 г. обеспеченность трактористами МТС в центрально-нечерноземной зоне составляла 1,02 тракториста на один трактор, в 1957 г. — 1,15, обеспеченность комбайнерами — 1,07 и 1,45 соответственно[55]. К середине 1960-х гг. парк тракторов и комбайнов в сельском хозяйстве многих областей Центрального Нечерноземья сравнялся или даже превзошел по численности количество механизаторов[56].

Увеличение количества и усложнение техники в МТС в 1950-е гг. востребовали повышение уровня образования и производственного опыта механизаторов МТС. Ю. В. Арутюнян отмечал, что чем выше была квалификация рабочего — тем выше его образовательный уровень. Наиболее квалифициро-

---

[53] КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986) : в 16 т. 9-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. А. Г. Егорова и К. М. Боголюбова. Т. 8 : 1946—1955. М., 1986. С. 311.

[54] *Арутюнян Ю. В*. Механизаторы сельского хозяйства СССР … С. 197.

[55] Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1958 году : статистический ежегодник. М., 1959. С. 316, 318 ; Народное хозяйство РСФСР в 1959 году : статистический ежегодник. М., 1960. С. 353, 355 ; *Арутюнян Ю. В*. Механизаторы сельского хозяйства СССР … С. 305—306, 308—309.

[56] Народное хозяйство Владимирской области (1944—1988 гг.) : юбилейный статистический сборник / под общ. ред. В. Н. Охапкина. Ярославль, 1984. С. 39—40, 76 ; Калининская область за годы восьмой пятилетки (1966—1970 гг.) в цифрах : статистический сборник / под ред. И. А. Шлыкова, А. И. Деменкова, А. С. Мочалова. Вологда, 1971. С. 140, 187 ; Народное хозяйство Костромской области : статистический сборник. Иваново, 1969. С. 128, 123 ; Народное хозяйство Брянской области (1966—1970 гг.) : статистический сборник / под ред. М. С. Нечаенко. Брянск, 1972. С. 195—196, 244 ; Народное хозяйство Тульской области : статистический сборник / отв. ред. В. М. Кучеров. Тула, 1967. С. 189, 239.

ванными рабочими МТС являлись трактористы, комбайнеры и ремонтные рабочие. В 1953—1958 гг. перестраивается система подготовки механизаторских кадров МТС: сокращается число курсов при МТС, растет количество училищ механизации сельского хозяйства, которые за это время выпустили 870 тыс. трактористов и механиков-комбайнеров — около двух третей подготовленных механизаторов[57]. Тем не менее следует отметить, что в Центральном Нечерноземье к середине 1950-х гг. подавляющее большинство трактористов и бригадиров тракторных бригад не имели среднего специального или среднего общего образования, обладали невысоким стажем работы и квалификацией.

Так, в 1954 г. в Центральном Нечерноземье насчитывалось 22 % трактористов первого класса, 57 % общего числа трактористов проработали два и более года[58]. Социологические исследования позднеколхозного села фиксируют среди механизаторов большое количество самоучек, работавших на сельхозтехнике без прав, на что администрация хозяйств закрывала глаза[59].

Большое значение в структуре производительных сил деревни имел человеческий капитал специалистов сельского хозяйства (в литературе также употребляется термин «интеллектуальный капитал»[60]). Статистикой учитывались специалисты трех основных категорий: 1) счетоводов и бухгалтеров, 2) агрономов, зоотехников и ветработников и 3) инженеров механизации и электрификации сельского хозяйства. На протяжении изучаемого периода быстрее всего росло количество счетоводов и бухгалтеров, затем — агрономов, зоотехников и ветработников, медленнее всего — инженеров. По подсчетам М. А. Безнина и Т. М. Димони, в 1940 г. в колхозах РСФСР работало 179 тыс. бухгалтеров и счетоводов, в 1950 г. — 109 тыс., в 1953 г. в колхозах и МТС — 433 тыс. счетных работников, в 1959 г. — 428 тыс., в 1961 г. — 427 тыс. Агрономы-экономисты по планированию производства имелись в 1955

---

[57] *Арутюнян Ю. В.* Механизаторы сельского хозяйства СССР … С. 213—214.
[58] Подсчитано по: Там же. С. 204—205, 314—315.
[59] *Виноградский В. Г.* «Орудия слабых»: технология и социальная этика повседневного крестьянского существования. Саратов, 2009. С. 219.
[60] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930—1980-х годов. С. 342.

г. в 84 % МТС РСФСР. В 1961 г. в совхозах РСФСР насчитывалось около 7 тыс. экономистов. С начала 1960-х гг. они начали появляться и в колхозах (в 1962 г. — в 1,4 % колхозов РСФСР), в 1965 г. в колхозах и совхозах РСФСР насчитывалось 7,7 тыс. экономистов. Большая их часть к началу 1960-х гг. были практиками без образования[61].

Следующей по численности категорией специалистов являлись агрономы (в 1941 г. — 54 % всех специалистов в сельхозпроизводстве, в 1958 г. — 43 %, в 1965 г. — 32 %). В конце 1950-х гг. их численность в сельском хозяйстве РСФСР сравнялась с численностью зооветработников, зоотехников и ветеринаров. К середине 1950-х гг. в МТС РСФСР почти все агрономы имели специальное образование, к 1965 г. — почти все агрономы в колхозах и совхозах. Доля зоотехников, зооветработников, ветврачей и веттехников в 1941 г. составляла 38 %, в 1958 г. — 43 %, в 1965 г. — 45 % специалистов (без работников счетоводства). В 1954 г. почти все зоотехники и ветеринары МТС России имели специальное образование, однако в 1965 г. его не имели 12 % зоотехников и 65 % ветеринаров колхозов РСФСР, 13 % зоотехников и 65 % ветеринаров совхозов. К 1965 г. общее число специалистов в сельском хозяйстве возросло до 40,7 тыс. чел. (на 165 % от уровня 1955 г.), в том числе агрономов и зоотехников — до 29,2 тыс. чел (на 178 %)[62]. При этом в 1953 г. в результате реорганизации участкового обслуживания колхозов агрономы и зоотехники, состоявшие в штатах райзо, были сконцентрированы в МТС, в 1955 г. они переводились из МТС в колхозы, а при реорганизации МТС и совхозизации все специалисты стали концентрироваться в колхозах и совхозах[63].

В Центральном Нечерноземье к 1955 г. из общего количества 24,5 тыс. специалистов, работавших в колхозах и МТС, 16,4 тыс. агрономов и зоотехников обслуживали колхозы (в среднем, 1,2 специалиста на колхоз). На 1 ап-

---

[61] Там же. С. 336—338.
[62] Там же. С. 340—342.
[63] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : Сборник документов за 50 лет : в 16 т. / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. Т. 4 : 1953—1961 годы. М., 1968. С. 23, 52 ; Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 185.

реля 1959 г. из 6 тыс. агрономов в колхозах высшее, незаконченное высшее и среднее специальное образование имели 97 %, из 4,1 тыс. зоотехников — 94 %, из 2,7 тыс. ветврачей, ветфельдшеров и веттехников — 53 %[64]. К 1960 г. общее число специалистов возросло до 33,7 тыс. чел. (до 137 %), из них 13,5 тыс. работало в колхозах (в среднем 1,9 специалиста на колхоз), хотя число агрономов и зоотехников сократилось до 11,6 тыс. чел. (85 %)[65] вследствие нежелания некоторых переходить на постоянную работу в колхозы и совхозы.

Наименьший удельный вес среди специалистов сельского хозяйства занимал отряд инженеров и техников: в 1941 г. их было 8 % всех специалистов, в 1958 г. — 14 %, в 1965 г. — 18 %. В 1946 г. не имели специального образования 59 % инженеров и техников колхозов РСФСР, в 1965 г. — 62 % и 52 % инженеров и техников совхозов. В 1954 г. из 12,1 тыс. бригадиров МТС Центрального Нечерноземья лишь 109 чел. окончили техникумы механизации сельского хозяйства, а прочие являлись практиками. На 1 апреля 1959 г. из 1,4 тыс. инженеров и техников в колхозах лишь 37 % имели высшее, незаконченное высшее и среднее специальное образование. На 1 апреля 1961 г. среднее специальное образование в колхозах Центрального Нечерноземья имело 83 % агрономов, высшее — 15 %, зоотехников — 80 % и 13 %, ветработников — 45 % и 3 %, инженеров и техников — 35 % и 4 % соответственно. При этом лучше всего колхозы были обеспечены агрономами: их приходилось 103 на 100 хозяйств, зоотехников — 72 чел., ветеринарных работников — 58 чел., инженеров и техников — 42 чел.[66] К 1965 г. в сельском хозяйстве Центрального Нечерноземья было занято лишь 3,7 тыс. инженеров[67].

Динамика соотношения основных групп специалистов сельского хозяйства определялась как состоянием материально-технической базы колхозно-совхозного производства, так и задачами, которые ставились властью пе-

---

[64] Подсчитано по: Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 472—473.
[65] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 112. Л. 11 об., 12 об., 298, 298 об. ; Народное хозяйство РСФСР в 1960 году : статистический ежегодник. М., 1961. С. 311, 343.
[66] Подсчитано по: РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 334. Л. 76—77, 79—80, 82—83, 85—86.
[67] Подсчитано по: *Арутюнян Ю. В*. Механизаторы сельского хозяйства СССР … С. 319—320; Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. С. 345 ; Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 473.

ред селом[68]. Так, преобладание в 1940—1950-е гг. среди специалистов счетоводов, агрономов, а также зооветработников можно признать соответствующим структуре производственных основных фондов сельхозпроизводства: в 1955 г. оборудование, силовые установки, сельхозмашины, механизированный транспорт, трактора, комбайны составляли 44 % стоимости основных производственных фондов колхозов и МТС Центрального Нечерноземья, а производственные строения и сооружения, многолетние насаждения, рабочий, продуктивный скот, молодняк животных — 53 %[69]. В этих условиях интеллектуальный капитал специалистов нацеливался прежде всего на использование имевшихся факторов производства, среди которых преобладали слабо механизированный труд и создаваемый им капитал «простых» неиндустриальных форм. По мере увеличения доли машин, транспортных средств, передаточных устройств и т. п. в 1960—1980-е гг.[70] возрастало и количество специалистов, занятых их использованием.

Несоответствие уровня технического оснащения колхозно-совхозного производства и производственного опыта специалистов в определенной степени обесценивало их человеческий капитал. Агроном Большесельской МТС Ярославской области писал летом 1955 г. Н. А. Булганину: «В таких колхозах, в которых мне пришлось работать, хоть я, хоть кто другой мало даем пользы. Мы везде упираемся в нехватку рабочей силы, тягла и тракторов, в нехватку средств и т. д., в низкую трудовую активность колхозников и в безразличное отношение…»[71] В других случаях специалистов обвиняли в вопиющей некомпетентности: «Нет хозяйских глаз в совхозе: агрономов здесь 6 и завхозов, счетоводов разных всяких, щедро оплачиваемых государством прихлебателей — десятки, что-то в конторе пишут, днями ругаются с рабочими, гоняют десятки автомашин, а того, что надо делать — не делают, не

[68] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930—1980-х годов. С. 342.
[69] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 112. Л. 241 об., 243.
[70] См., например: Народное хозяйство РСФСР в 1967 году : статистический сборник. М., 1968. С. 168 ; Народное хозяйство РСФСР в 1970 году : статистический сборник. М., 1971. С. 163 ; Народное хозяйство РСФСР в 1980 году : статистический сборник. М., 1981. С. 128.
[71] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 63. Д. 6. Л. 51—52 об.

борются за урожай…» — писали из совхоза «Орловский» в редакцию газеты «Советская Россия»[72].

Управленческий персонал колхозно-совхозного производства и МТС («менеджеров») был представлен работниками восьми групп: 1) бригадирами производственных бригад; 2) счетоводами и бухгалтерами (главными специалистами); 3) зав. фермами; 4) звеньевыми в колхозах и совхозах; 5) управляющими отделениями совхозов; 6) учетчиками-заправщиками в МТС и совхозах; 7) зав. ремонтными мастерскими и 8) распорядителями ресурсов (кладовщиками, приемщиками, раздатчиками и т. п.). Численность работников ключевых 1—5-й групп на протяжении изучаемого периода сокращалась вследствие укрупнения колхозно-совхозного производства и изменения роли основных факторов производства, а уровень образования повышался[73]. Однако даже к концу 1950-х — началу 1960-х г. на селе Центрального Нечерноземья количество менеджеров с высшим или средним специальным образованием было относительно невелико. На 1 декабря 1956 г. из 12,1 тыс. бригадиров тракторных бригад МТС лишь 0,8 % имели образование механика сельского хозяйства, а прочие были практиками (0,7 % имели общее среднее образование, 22,2 % — 7—9-классное, 74 % — ниже 7 классов), причем около 20 % практиков имели стаж работы до 3 лет[74]. На 1 апреля 1959 г. высшее, незаконченное высшее и среднее специальное образование имели 1,8 % бригадиров колхозов, 3,4 % зав. фермами, в 1961 г. — 2,5 % и 3,9 % соответственно[75]. В 1954—1958 гг. в большинстве совхозов МСХ СССР во главе тракторно-полеводческих бригад стояли практики[76]. На 1 апреля 1961 г. практиками без специального образования являлись 97 % бригадиров колхозов Центрального Нечерноземья, 96 % зав. фермами[77].

---

[72] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 1829. Л. 14 об.—15.
[73] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930—1980-х годов. С. 251—256.
[74] Подсчитано по: *Арутюнян Ю. В*. Механизаторы сельского хозяйства СССР … С. 319—320.
[75] Подсчитано по: РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 334. Л. 88—89 ; Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 470—471.
[76] *Богденко М. Л.* Совхозы СССР, 1951—1958. М., 1972. С. 259.
[77] Подсчитано по: РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 334. Л. 88—89, 91—92.

Общая численность председателей колхозов и их заместителей, директоров совхозов и МТС («протобуржуазии») в изучаемый период также снижалась, а уровень образования и производственного опыта рос[78] вследствие их селекции на фоне укрупнения колхозно-совхозного производства (за 1945—1965 гг. в Центральном Нечерноземье количество колхозов и совхозов сократилось до 4763, на 90 %[79]), перераспределения этих кадров между видами сельхозпредприятий, переподготовки, периодических мобилизаций из парт- и госаппаратов, промышленности, транспорта[80]. В 1945 г. опыт работы на посту свыше 3 лет имели 28 % председателей колхозов Центрального Нечерноземья. На 1 апреля 1955 г. не более 30 % председателей имели высшее и среднее специальное образование, на 1 апреля 1959 г. — 44 % председателей и 12 % освобожденных зам. председателей; на 1 апреля 1960 г. — 46 % председателей, на 1 апреля 1961 г. — 48 % и 19 % зам. председателей, на 1 апреля 1964 г. — 55 % председателей, прочие были практиками без образования[81]. На 1 апреля 1961 г. 56,7 % председателей работали в своих должностях свыше 3 лет[82]. За 1950—1957 гг. доля директоров совхозов, имевших высшее и среднее образование, увеличилась с 24,7 до 41,9 %, а доля практиков сократилась более чем в 3 раза, однако стаж работы в должности более 5 лет имели лишь 22 %[83].

При том что статистически образование и опыт сельской протобуржуазии росли, в письмах в структуры власти деревня часто отмечала ее бесхозяйственность, в том числе и по причине некомпетентности. Член колхоза «Животновод» Касимовского района Рязанской области сообщал в письме Н. С. Хрущеву летом 1963 г.: «Прошлый год самочинно <председатель кол-

---

[78] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930—1980-х годов. С. 213—222.
[79] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2391. Л. 28, 29, 37, 38 ; Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. С. 320, 330.
[80] *Кометчиков И. В.* Мобилизации провинциальной бюрократии для работы на селе Центрального Нечерноземья в середине 1950-х — начале 1960-х гг. // Известия Смоленского государственного университета. 2014. № 2 (26). С. 183—191.
[81] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 112. Л. 296 об. ; Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 470—471 ; Народное хозяйство РСФСР в 1963 году. М., 1964. С. 345 ; *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство … С. 397—398 ; РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 334. Л. 67—68, 73—74.
[82] Подсчитано по: РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 334. Л. 67—68.
[83] *Богденко М. Л.* Совхозы СССР, 1951—1958. С. 217—219.

хоза> распахал около 700 га лучших лугов и стравлено скотом около 500 га. Это может делать только человек пьяный, которому море по колено…»[84] Из Касплянского района Смоленской области весной 1960 г. анонимные авторы сообщали в ЦК КПСС о первом секретаре РК КПСС: «Приехал в колхоз <…> как агроном, ввел сам нечто новое — выпустить телят на свободный выгул зимой, сам <…> разгородил и выпустил телят на снег, через три дня сразу пало 50 штук…»[85] Сама власть в начале 1960-х гг. полагала, что фонды оплаты труда административно-управленческого аппарата во многих колхозах и совхозах не оправдываются их экономическим показателям, а штаты — завышены[86].

Таким образом, в целом величина человеческого капитала, который сосредоточивался в сельском хозяйстве Центрального Нечерноземья, была относительно невелика и концентрировалась в руках социальных слоев, специализировавшихся на работе с капиталами индустриальных форм и финансовым капиталом, прежде всего — протобуржуазии, менеджеров, интеллектуалов. Величина человеческого капитала в экономике СССР была ощутимо ниже, чем в развитых странах Запада, особенно на селе. Так, к концу 1960-х гг. на 1 тыс. жителей старше 25 лет в СССР приходилось 32 чел. с высшим образованием, а в США — 77 чел., незаконченным высшим — 10 и 88 чел., средним — 94 и 245 чел. (в сельской местности РСФСР число лиц, имевших высшее и среднее образование, составляло в 1959 г. 248 чел. на 1000 чел., в Центральном Нечерноземье на 1000 колхозников таковых приходилось 173 чел.[87]). Советские эксперты связывали это с отставанием СССР от США по производительности и фондовооруженности труда[88]. В расчете на одного занятого в народном хозяйстве США инженера производилось национального дохода в 5,6 раза больше, чем в СССР, а его вклад в обеспечение уровня про-

[84] ГАРО. Ф. П-6589. Оп. 1. Д. 82. Л. 168.
[85] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1087. Л. 56 об.
[86] ГАРФ. Ф. А-420. Оп. 1. Д. 182. Л. 149, 157, 178, 183, 198, 205, 211; Д. 183. Л. 5, 8, 17, 20, 27, 37, 41, 57, 60—61.
[87] Подсчитано по: Сельское хозяйство СССР. М., 1971. С. 673 ; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР / отв. за вып. К. А. Орехов. М., 1963. С. 186.
[88] Современное состояние экономического состояния СССР и США / отв. за вып. В. М. Кудров. М., 1967. С. 35.

изводительности труда считался бóльшим в 8,3 раза[89]. По мнению министра машиностроения СССР Н. Н. Смелякова, посетившего США в начале 1960-х гг., американские инженеры «продумали, кому какую роль поручить, какой рукой что делать, как держать деталь и на какую кнопку нажимать», что в сочетании с высокой культурой производства обеспечивало и высокую экономическую эффективность[90].

Теперь следует рассмотреть, как сокращение количества сельского населения и, особенно — трудоспособных, относительно небольшая величина человеческого капитала соотносились с оснащением сельского хозяйства. В советской практике планирования и учета материальная составляющая производительных сил учитывалась в составе производственных основных фондов, ведущими компонентами которых являлись сельхозмашины и двигатели, оборудование и инвентарь, транспортные средства, рабочий и продуктивный скот. При этом распределение производительных сил по формам хозяйств было неравномерным. В результате коллективизации основная их часть оказалась в сельхозартелях и госхозах. С 1930-х по 1958 г. наиболее прогрессивные средства производства государство сосредоточило в МТС, используя их как рычаг перекачки значительной части создаваемого в колхозах общественного продукта в неаграрные секторы[91]. В 1945 г. 36 % производственных основных фондов сельского хозяйства СССР приходилось на колхозы, 20 % — на совхозы, 44 % — на подворья населения, в 1950 г. — 44, 22 и 35 %, в 1965 г. — 42, 44 и 14 % соответственно[92].

Оснащение колхозно-совхозного производства Центрального Нечерноземья было серьезно подорвано войной. Особенно большой урон понесли МТС, многие из которых были разрушены, техника частично уничтожена, частично передана в армию, эвакуирована в тыл, 1000 МТС РСФСР уничто-

---

[89] *Кудров В. М.* Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003. С. 197.

[90] *Смеляков Н. Н.* Деловая Америка : (Записки инженера). 2-е изд., доп. М., 1970. С. 199.

[91] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Коллективная капиталистическая собственность в институциональном устройстве России 1930—1980-х гг. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 191—192.

[92] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Личное подсобное хозяйство как индикатор отмирания аграрного общества в России // Вопросы истории. 2019. № 12 (1). С. 87—88.

жили гитлеровцы. На бывшей в оккупации территории оставалось 23 % довоенного поголовья лошадей. Огромной была убыль сельхозмашин, доходившая по отдельным категориям до 60—70 %[93]. Известно много примеров, когда в отсутствие тягла колхозники впрягались в плуги сами, вскапывали тысячи гектаров вручную[94].

Недостаточное количество сельхозтехники, ее изношенность препятствовали выполнению сельхозработ в оптимальные сроки. К 1946 г. в МТС имелось семь марок тракторов, в основном — довоенных американских конструкций, которые морально и технически устарели, имели невысокий коэффициент полезного действия, были на 25—30 % тяжелее аналогичных американских моделей. Выпускавшиеся в довоенные годы три типа комбайнов также устарели. Для быстрейшего пополнения парка было возобновлено в основном производство техники двоенных марок. В 1945 г. посевные работы в областях нечерноземного Центра были механизированы на 3—16 %, уборка зерновых на 1—6 %[95]. В период весенней посевной 1946 г. нагрузка на одну лошадиную силу мощности тракторного парка в РСФСР составила в среднем 8,3 га, а в Брянской области — 13,9 га, Смоленской — 13,5 га, Тульской — 13,3 га, Калужской — 10,9 га[96]. В 1950 г. в Центральном Нечерноземье весновспашка была механизирована на 60 %, подъем зяби — на 92 %, подъем пара — на 87 %, сев яровых — на 43 %, сев озимых — на 51 %, уборка зерновых комбайнами — на 15 %, прочими машинами — на 36 %[97]. При этом в 1946—1950 гг. Центральное Нечерноземье получало сложную сельхозтехнику в меньших размерах, чем зерновые районы РСФСР, хотя от планов финансирования МТС напрямую зависели производственные планы колхозов[98].

---

[93] *Вылцан М. А.* Восстановление и развитие материально-технической базы … С. 14—16.
[94] Там же. С. 15, 17, 20 ; *Абрамов И. Я.* Как это было. Смоленск, 2005. С. 61 ; *Зайцев М. С.* О времени и о себе. Смоленск, 2009. С. 69.
[95] *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 1960-х годов. М., 1992. С. 37.
[96] *Вылцан М. А.* Восстановление и развитие материально-технической базы … С. 17—19.
[97] *Арутюнян Ю. В.* Механизаторы сельского хозяйства СССР … С. 101.
[98] *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву … С. 22, 38.

Колхозы сами стремились приобретать технику, особенно грузовой автотранспорт, прицепы[99].

Материально-техническая база МТС в первые послевоенные годы была слабой, даже несмотря на рост капиталовложений на эти цели. Законом о пятилетнем плане на 1946—1950 гг. предусматривались восстановление и рост механизации полевых сельхозработ, на что выделялось 4,5 млрд руб., а также 8,8 млрд руб. — на восстановление и развитие МТС[100]. Недостаток средств побуждал региональные власти закреплять промышленные предприятия за МТС для децентрализованного снабжения ее техники запчастями[101]. Восстановление и строительство многих МТС велось силами рабочих и колхозников зоны МТС[102], их техническое оснащение до начала 1950-х гг. было скудным[103]. При том, что, по подсчетам М. А. Вылцана, около 20 % колхозов в годы четвертой пятилетки не обслуживались МТС, используя собственные конно-ручные орудия, число таких хозяйств не сократилось даже к 1950 г.[104] Не восстановилось и поголовье лошадей: если в 1940 г. их в колхозах Центрального Нечерноземья насчитывалось 1848 тыс. гол., то в 1950 г. — 1002 тыс. гол. (54 %), в 1955 г. — 916 тыс. гол. (49 %)[105].

К началу 1950-х гг. в большинстве регионов Центрального Нечерноземья был превзойден довоенный уровень механизации сельского хозяйства за счет увеличения количества техники[106], а также увеличения числа МТС. Так, в 1950 г. в Центральном Нечерноземье действовало 865 МТС (на 19 % больше, чем в 1940 г.), в 1955 г. — 927 (на 27 % больше)[107]. За 1940—1950 гг.

---

[99] ГАРО. Ф. Р-3251. Оп. 9. Д. 238. Л. 79; ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 2. Л. 36; Д. 6. Л. 95, 100.
[100] Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг. М., 1946. С. 38, 40—41.
[101] ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 69. Л. 165—167; Д. 71. Л. 6—7; Д. 560. Л. 16—17 ; ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 1462. Л. 20—22; Оп. 225. Д. 318. Л. 7; Д. 1353. Л. 8—9; Оп. 226. Д. 97. Л. 18—20; Д. 108. Л. 15—16; Д. 666. Л. 7—9 ; ГАТО. Ф. П-177. Оп. 11. Д. 7. Л. 61; Оп. 13. Д. 11. Л. 151; Д. 14. Л. 141 об.—146; Оп. 14. Д. 13. Л. 8; Д. 16. Л. 138—138 об.; Оп. 19. Д. 27. Л. 77—82 ; *Арутюнян Ю. В*. Механизаторы сельского хозяйства СССР … С. 103—105.
[102] *Арутюнян Ю. В*. Механизаторы сельского хозяйства СССР … С. 101—102.
[103] *Вылцан М. А*. Восстановление и развитие материально-технической базы … С. 37—38 ; *Абрамов И. Я.* Как это было. С. 76, 79; *Блынский А. С*. Далекое и близкое. Брянск, 2005. С. 80—83.
[104] *Вылцан М. А*. Восстановление и развитие материально-технической базы … С. 37.
[105] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 112. Л. 128 об.—129.
[106] *Вылцан М. А*. Восстановление и развитие материально-технической базы … С. 27.
[107] Народное хозяйство РСФСР в 1956 году : статистический ежегодник. М., 1957. С. 215.

прирост парка тракторов в сельском хозяйстве (в пересчете на условные 15-сильные) составил от 2 до 43 % (в Московской области — 103 %), грузовых автомобилей — от 18 до 106 %. В то же время в семи областях парк комбайнов (в пересчете на 15-футовые) был меньше довоенного от 11 до 58 %, в остальных прирост их парка составил от 7 до 35 %[108]. За сложную сельхозтехнику в слое регионального руководства боролись, она воспринималась как дефицит, которым было не принято делиться[109]. При этом во многих МТС образовался разрыв между числом тракторов, мощность которых в 1946—1950 гг. существенно выросла, и количеством подвесных орудий, что не позволяло в полной мере использовать парк тракторов и было исправлено только к началу 1950-х гг.[110]

В последующие годы количество основных видов техники в сельском хозяйстве Центрального Нечерноземья неравномерно нарастало: если в 1950 г. тракторов было 71,8 тыс. единиц (в пересчете на условные 15-сильные), что составило 136 % от уровня 1940 г., то в 1955 г. — 124,9 тыс. (237 %), в 1960 г. — 135,6 тыс. (260 %), в 1965 г. — 199,4 тыс. (380 %). Количество комбайнов (в пересчете на 15-футовые) составило в 1950 г. 7,7 тыс. единиц (97 % от уровня 1940 г.), в 1955 г. — 26,8 тыс. (340 %), в 1960 г. — 34,5 тыс. (436 %), в 1965 г. — 35 тыс. (440 %)[111]. В 1950 г. количество грузовых машин равнялось 21,8 тыс. шт. (154 % от уровня 1941 г.), в 1955 г. — 38,7 тыс. шт. (273 %)[112]. К 1965 г. количество грузовых машин в сельском хозяйстве РСФСР выросло почти в 3,5 раза от уровня 1941 г.[113]

Некоторое замедление темпов механизации сельского хозяйства Центрального Нечерноземья во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. можно объяснить переориентацией потока сельхозтехники, предназначав-

---

[108] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 112. Л. 210 об.—211, 212 об.—213, 214—214 об.
[109] *Ячменцева Е. И.* Воспоминания о времени и о себе. Рыбинск, 2017. С. 84—85 ; *Вылцан М. А.* Восстановление и развитие материально-технической базы … С. 33—34.
[110] *Арутюнян Ю. В.* Механизаторы сельского хозяйства СССР … С. 107—108.
[111] Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1956 году. С. 221 ; Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. С. 336, 338 ; Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. С. 321, 331.
[112] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 112. Л. 214, 214 об.
[113] Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. С. 341.

шейся старопахотным районам, на целину[114]. За 1954—1960 гг. только 87 созданных на целине совхозов получили 25,3 тыс. тракторов (в пересчете на условные 15-сильные), 9,9 тыс. комбайнов, что составляло 18 % тракторов и 28 % комбайнов в сельском хозяйстве центрально-нечерноземных областей в 1960 г.[115] За этот же период государство вложило на целине дополнительно сверх норматива 44 млрд руб.[116] Содержание же техники в МТС старопахотных районов зачастую оставляло желать лучшего. Побывавший в феврале 1957 г. в Новосильском районе Орловской области житель Москвы сообщал первому секретарю Орловского обкома КПСС: «Неубранные парки техники МТС, причем очень сложной техники: комбайнов, молотилок, тракторов, сеялок и т. п., производят впечатление кладбищ поломанной военной техники в годы войны и послевоенное время. Это же наш золотой фонд. Были приняты решения о постройках для этой техники, и под Москвой я с радостью любовался этими хозяйски оснащенными станциями, а здесь — увы и ах!..»[117] Продажа техники МТС колхозам в 1958 г. производилась форсированно, что усугубило и без того сложное финансовое положение экономически слабых сельхозартелей Центрального Нечерноземья[118], зачастую сопровождалась ухудшением условий ее обслуживания и ремонта, что подметили многие современники[119].

К началу 1960-х гг., несмотря на усилия власти, сельское хозяйство СССР, РСФСР и Центрального Нечерноземья по уровню оснащения существенно отставало от стран Запада. Летом 1955 г. делегация во главе с министром сельского хозяйства СССР В. В. Мацкевичем побывала в США и Канаде, в 1956 г. — в Англии и Швеции, ознакомилась с состоянием сельхоз-

---

[114] *Игнатовский П. А*. Социально-экономические изменения в советской деревне. М., 1966. С. 105 ; *Томилин В. Н*.: 1) Наша крепость : Машинно-тракторные станции Черноземного центра России в послевоенный период: 1946—1958 гг. М., 2009. С. 175—183 ; 2) Государство и колхозы: 1946—1964 гг. М., 2021. С. 163, 171—185.

[115] Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. С. 333.

[116] Великий подвиг партии и народа — массовое освоение целинных и залежных земель. Сборник документов и материалов / отв. ред. И. М. Волков ; сост. С. Р. Левина, О. М. Слоним, З. А. Троицкая. М., 1979. С. 413.

[117] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 845. Л. 52.

[118] *Томилин В. Н*. Государство и колхозы … С. 233—238, 245, 260—261, 318—321.

[119] *Арутюнян Ю. В*. Механизаторы сельского хозяйства СССР … С. 230.

машиностроения[120]. Его сравнение с советским было не в пользу последнего. В 1950—1953 гг. количество пашни, приходившееся в среднем на один трактор (физический), составляло: в Англии — 19 га, в Швейцарии — 22 га, в Западной Германии — 29 га, в Голландии — 37 га, в Швеции — 38 га, Канаде — 98 га, в США — 46 га (в 1940 г. в США — 125 га, в 1950 г. — 54 га)[121]. При этом за 1930—1954 гг. поголовье лошадей и мулов на фермах США сократилось в 4 раза, а количество тракторов увеличилось в 5 раз. В Англии к 1954 г. мощность живого тягла составляла 2,9 % от мощности механического, прирост количества тракторов всех типов за 1946—1954 гг. составил 220 %, тракторных прицепов — 380 %, комбайнов — 650 %, пресс-подборщиков — 485 %, сушилок для трав — 600 %. Активно развивались фирмы, выполнявшие своими машинами различные сельхозработы у фермеров по подрядам[122]. По оценке советских специалистов, для завершения комплексной механизации при условии проведения сельхозработ в оптимальные сроки следовало увеличить парк тракторов в сельском хозяйстве в 2,5 раза[123]. По расчетам работников Госплана СССР, к 1965 г. число условных 15-сильных тракторов на 1 тыс. га пашни в СССР составляло 13,6, а в США — 55,8 единиц, число условных 15-футовых комбайнов на 1 тыс. га зерновых — 3,8 и 15,7, число прессподборщиков на 1 тыс. га сенокосов и сеяных трав — 0,4 и 29,1, среднее потребление минеральных удобрений на гектар пашни в пересчете на 100%-е содержание питательных веществ — 28,5 и 76,4 кг соответственно[124]. Дефицит техники, удобрений, финансов назывался одной из причин перманентного кризиса советского сельского хозяйства в зарубежной литературе[125]. К 1965 г. по нагрузке пашни на один физический трактор сель-

---

[120] *Мацкевич В. В.* Что мы видели в США и Канаде. М., 1956. С. 183—217 ; Отчет советской сельскохозяйственной делегации о поездке в Англию и Швецию в 1956 году. М., 1957. С. 118, 121.

[121] Отчет советской сельскохозяйственной делегации о поездке в США и Канаду в 1955 г. М., 1955. С. 38, 39.

[122] Отчет советской сельскохозяйственной делегации о поездке в Англию и Швецию в 1956 году. С. 118, 119, 212.

[123] *Томилин В. Н.* Государство и колхозы … С. 291 ; Отчет советской сельскохозяйственной делегации о поездке в США и Канаду в 1955 г. С. 39—40.

[124] Современное состояние экономического соревнования СССР и США. С. 3, 62.

[125] *Strauss E.* Soviet Agriculture in Perspective A Study of its Successes and Failures. London, 1969. P. 196—200 ; *Volin l.* A Century of Russian Agriculture : From Alexander II to Khrushchev. Cambridge (Mass.), 1970. P. 568,

ское хозяйство СССР уступало всем соцстранам Европы, кроме СФРЮ, по нагрузке площади зерновых и бобовых культур (без кукурузы) на один комбайн — всем, кроме НРБ и ПНР, по количеству минеральных удобрений на 1 га пашни — всем, кроме НРА и СРР[126]. По темпам роста количества тракторов в 1950—1964 гг. РСФСР существенно отставала от всех остальных союзных республик[127]. Анонимный автор из Орловской области восклицал в середине 1950-х гг. в письме Н. С. Хрущеву: «Мне кажется, надо обгонять капиталистические страны не длиной дорог метро, а продуктивностью животных, механизацией трудоемких работ на селе. Эта дорога ближе к коммунизму…»[128]

Показатели технической вооруженности сельского хозяйства Центрального Нечерноземья отставали от уровня развитых стран Запада и даже ряда соцстран Европы. В 1950 г. нагрузка пашни на условный 15-сильный трактор колебалась (в зависимости от региона) от 100 до 249 га, в 1955 г. — от 74 до 153 га, в 1961 г. — от 60 до 129 га. Относительно высокой была нагрузка площади зерновых культур на один комбайн, составлявшая в 1950 г. от 584 до 6754 га, в 1955 г. — от 178 до 369 га, в 1961 г. — от 144 до 272 га[129]. В то же время в 1961 г. нагрузка пашни на один условный 15-сильный трактор составляла в сельском хозяйстве ГДР 42 га, ЧССР — 54 га[130]. В США в 1965 г. механизированной однофазной уборке подвергалось 83 % площадей пшеницы, в 1965 г. на 60 % была механизирована уборка овощей и картофеля[131]. Уровень механизации сельского хозяйства СССР оценивался как недостаточный и в середине 1970-х гг. из-за относительно низкой энерговооруженности труда, некомплектной поставки машин, высокой трудоемкости их обслуживания, недостатка погрузочно-разгрузочных средств, отставания

571 ; *Smith G. A. E.* Agriculture // Khrushchev and khrushchevism / ed. by M. Mccauley. London, 1987. P. 105—107.

[126] Сельское хозяйство европейских социалистических стран : бюллетень научной информации (экономико-статистический сборник) / редкол.: В. И. Сторожев, Е. В. Рудаков, С. А. Меллин. М., 1969. С. 100, 103, 119.

[127] *Игнатовский П. А*. Социально-экономические изменения в советской деревне. С. 102.

[128] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 488. Л. 130 об., 131.

[129] Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1961 году : статистический ежегодник. М., 1962. С. 165, 167, 221.

[130] Сельское хозяйство европейских социалистических стран … С. 100.

[131] Сельское хозяйство США : (статистический сборник) / отв. за вып. В. И. Назаренко. М., 1973. С. 68, 71.

отечественной сельхозтехники от образцов ведущих фирм, невыполнения планов поставки новой техники и др. Отставание советского сельского хозяйства по энерговооруженности на одного работника от США оценивалось в 5,6 раза. Ежегодные потери зерновых из-за недостаточной механизации в СССР оценивались в размере 30—35 млн т, овощей «в отдельных хозяйствах» — до 50 % урожая[132].

Если на Западе действовала программа налоговых льгот тем, кто избавлялся от морально устаревшей техники раньше ее износа (в США она действовала с 1942 г., неоднократно пересматриваясь в сторону ускоренного списания, в ФРГ — с 1948 г., во Франции — с 1960 г., в Великобритании — с 1962 г.), то в СССР руководство, списавшее оборудование, не прослужившее положенные 13 лет, подвергалось санкциям. СССР существенно отставал от развитых стран Запада не только в автоматизации, но и в механизации производства, которая там была завершена в 1950—1960-е гг., а в СССР продолжалась и в 1980-е гг.[133]

Хотя к первой половине 1960-х гг. в Центральном Нечерноземье были практически полностью механизированы сев, обработка и уборка зерновых, такие работы, как уборка и погрузка сахарной свеклы, погрузка зерна с тока, сенокошение, стогование и погрузка сена, уборка картофеля и другие были механизированы на 3—50 %[134]. Слабо было механизировано животноводство[135]. Для компенсации пиков нагрузки на технику региональные власти

---

[132] Обзор современного состояния и основные направления развития механизации сельского хозяйства в десятой пятилетке. М., 1974. С. 8—44.

[133] *Бокарев Ю. П.* СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970—1980-е годы. М., 2007. С. 171—172, 174, 180—181.

[134] Народное хозяйство Рязанской области. М., 1967. С. 84 ; Народное хозяйство Смоленской области : статистический сборник / гл. ред. Д. Г. Артемьев. М., 1963. С. 119 ; Калининская область за годы восьмой пятилетки (1966—1970 гг.) в цифрах : статистический сборник / под ред. И. А. Шлыкова, А. И. Деменкова, А. С. Мочалова. Вологда, 1971. С. 141 ; Ярославская область за 50 лет в цифрах : статистический сборник / под ред. М. С. Авдонина. Ярославль, 1967. С. 32 ; Народное хозяйство Орловской области : статистический сборник / под ред. К. В. Бакиной. Орел, 1967. С. 123.

[135] Народное хозяйство Смоленской области. М., 1963. С. 119 ; 40 лет образования Калужской области : (юбилейный статистический сборник) / под ред. Б. А. Надзирателева. Калуга, 1984. С. 39, 40 ; Калининская область за годы восьмой пятилетки … С. 141 ; Народное хозяйство Тульской области. Тула, 1967. С. 194 ; Ярославская область за 50 лет в цифрах : статистический сборник / под ред. М. С. Авдонина. Ярославль, 1967. С. 32 ; Обзор современного состояния и основные направления развития механизации сельского хозяйства в десятой пятилетке. С. 12.

проводили ее мобилизацию из других отраслей, особенно грузового автотранспорта[136].

Темпы сокращения трудовых ресурсов к концу 1950-х — началу 1960-х гг., как уже отмечалось, опережали рост механизации многих работ в колхозах[137]. Велика была роль ручного труда, выражением чего можно считать высокий удельный вес оплаты труда в себестоимости центнера продукции общественного хозяйства. Так, в 1965 г. в колхозах Центрального Нечерноземья ее удельный вес в себестоимости центнера озимых составлял в среднем 35,5 %, яровых — 36 %, картофеля — 37 %, овощей — 47,1 %, молока — 36 %, привеса крупного рогатого скота — 26,1 %, привеса свиней — 22,4 %, шерсти — 32,4 %, тысячи яиц — 20,3 %. Удельный вес оплаты труда занятых на конно-ручных работах в общем фонде оплаты труда составил в Центральном Нечерноземье в 1964 г. 37,7 %, в 1965 г. — 39,3 %[138].

Важной причиной недостаточной механизации труда, особенно в колхозах, были медленные темпы электрификации. Несмотря на ряд директив в 1945, 1948 гг. и позднее, строительство колхозных и межколхозных электростанций было для областных контор «Сельэлектро» и многих сельхозартелей неподъемной задачей, часто превращалось в долгострой[139]. К 1955 г. на 13,3 тыс. колхозов Центрального Нечерноземья приходилось 1083 колхозных и межколхозных электростанций[140], что было недостаточно. Электрификация шла неравномерно: к 1950 г. были электрифицированы 94 % МТС Московской области, но лишь 51 % — Ярославской, 34 % — Орловской, 27 % — Калужской[141]. Если в 1951 г. около 20 % колхозов Центрального Нечерноземья считались электрифицированными, в 1955 г. — 26 % (в это число включались

---

[136] ГАДНИКО. Ф. П-6878. Оп. 1. Д. 23. Л. 2: Ф. П-55. Оп. 10. Д. 514. Л. 147—148 ; ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 226. Д. 69. Л. 6—8; Оп. 227. Д. 20. Л. 110—111; Д. 150. Л. 127 ; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 54. Л. 57—58; Ф. П-240. Оп. 1. Д. 39. Л. 2.

[137] *Иванов Н. С.* Раскрестьянивание деревни (середина 40-х — 50-е годы). С. 426.

[138] Основные экономические показатели по производительности и оплате труда колхозов РСФСР за 1961—1968 годы : в 3 ч. М., 1969. Ч. 2. С. 285, 304, 316, 329, 337—338, 349, 357, 365, 373, 385.

[139] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 11. Д. 9. Л. 32 об.—33 об.; Оп. 15. Д. 20. Л. 24, 35—38 ; ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 1464. Л. 16—19; Оп. 225. Д. 18. Л. 13; Д. 1060. Л. 23; Оп. 226. Д. 378. Л. 3—6 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 321. Л. 103—106; Д. 560. Л. 135—138 ; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 781. Л. 42—49; Д. 971. Л. 89—96; Д. 1019. Л. 14—15, 53—60; Д. 1061. Л. 28—52 ; ГАРО. Ф. Р-3251. Оп. 9. Д. 271. Л. 35—44.

[140] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 4445. Л. 173, 174; Оп. 41. Д. 112. Л. 234 об., 235.

[141] *Арутюнян Ю. В.* Механизаторы сельского хозяйства СССР … С. 109—110.

и те хозяйства, что пользовались электроэнергией только для стрижки овец при помощи агрегатов МТС)[142]. К началу 1960-х гг. при почти повсеместной электрификации совхозов существенная часть колхозов все еще не была электрифицирована[143]. К 1966 г. в структуре энергетических мощностей села Центрального Нечерноземья доля электростанций составляла лишь 4,7 %, стационарных двигателей — 1,1 %[144]. По уровню электрификации сельского хозяйства СССР серьезно отставал от США и Канады[145]. По расчетам В. М. Кудрова, затраты энергии в сельском хозяйстве СССР в 1950 г. составляли 31,4 % от уровня США, в 1955 г. — 34,0 %, в 1960 г. — 44,1 %[146]. Даже в опубликованных в СССР книгах советских управленцев о поездках в США в начале 1960-х гг. отмечалось повсеместное проникновение американской промышленности в сельское хозяйство, высочайший уровень его механизации и электрификации[147]. Из стран Европы социалистической ориентации к 1964 г. по величине энергетических мощностей на 100 га угодий СССР превосходил только НРА и СРР, а прочим уступал, в том числе ЧССР — в 3,4 раза, НРБ — в 2, по потреблению электроэнергии на 1 га пашни СССР в 2,3 раза уступал ЧССР, в 4,2 раза — ГДР[148]. Отсутствие электроэнергии и зависящей от нее механизации — обычный мотив писем населения во власть[149].

В свою очередь базовой причиной недостаточной механизации и электрификации труда в колхозах и совхозах следует считать курс на фактическую заморозку капиталовложений в сельское хозяйство до начала 1950-х гг., вследствие чего величина основных капиталов оставалась на уровне конца

---

[142] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 4445. Л. 173, 174; Оп. 41. Д. 112. Л. 232, 232 об. ; Народное хозяйство РСФСР в 1956 году. С. 203.

[143] Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1961 году. С. 352, 364 ; Народное хозяйство Ивановской области : статистический сборник. Иваново, 1962. С. 136 ; Народное хозяйство Костромской области. С. 121 ; Народное хозяйство Рязанской области. М., 1967. С. 85 ; Народное хозяйство Орловской области. С. 121 ; Народное хозяйство Смоленской области. М., 1963. С. 115, 120 ; Калининская область за годы восьмой пятилетки … С. 139 ; Народное хозяйство Тульской области : статистический сборник / пред. редкол. А. А. Серегин. Тула, 1973. С. 152—154 ; Ярославская область : краткий статистический сборник. Ярославль, 1957. С. 36.

[144] Основные экономические показатели колхозов и совхозов в 1961—1966 гг. М., 1967. С. 112.

[145] Северная Америка. США. Канада : экономико-статистический справочник / автор введ. и сост. Л. С. Демидова и В. А. Назаревский. М., 1969. С. 116, 248—249.

[146] *Кудров В. М.* Советская экономика в ретроспективе. С. 271.

[147] *Смеляков Н. Н.* Деловая Америка : (Записки инженера). 2-е изд., доп. М., 1970. С. 186—199.

[148] Сельское хозяйство европейских социалистических стран … С. 106, 108.

[149] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 845. Л. 52; ГАТО. Ф. П-177. Оп. 32. Д. 80. Л. 9 об.

1920-х гг., хотя производственные основные фонды промышленности за это время выросли в 13 раз, транспорта — в 4[150]. В середине 1970-х гг. сельское хозяйство СССР отставало от промышленности по фондо- и энерговооруженности труда в 2 раза, а энергетические мощности сельского хозяйства США в расчете на работника превышали аналогичные показатели промышленности в 2,5 раза[151].

Какими были тенденции преодоления контроля власти над производственными силами? Относительно низкий уровень механизации ряда работ, особенно в животноводстве, воспринимался как препятствие росту производительности труда, объемов производства, а значит — доходов, что осознавалось как представителями власти на местах, так и тружениками. Начальник Тульского областного управления сельского хозяйства и заготовок М. А. Гордиенко заявлял на собрании актива области, обсуждавшего провал выполнения обязательств по продукции животноводства 1960 г.: «На одном энтузиазме потребного количества продуктов мы не произведем. Нам нужны машины. А их нет. Нам нужны доильные агрегаты для механизации ферм, для комплексной механизации труда в животноводстве. Их нет. Нам нужна землеройная и погрузочная техника. Ее нет. В период уборки урожая нам нужно иметь 5 тыс. автомашин при расширении площади кукурузы и свеклы, а мы имеем полторы тысячи…»[152] Об отсутствии механизации, о тяжелейших условиях работы в животноводстве вспоминали многие региональные руководители[153]. Находившийся на пенсии агроном А. Соболев из Орла сообщал в феврале 1960 г. в письме Н. С. Хрущеву: «В области 85 % колхозов

---

[150] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Первоначальное накопление в Советской России: приглашение к научной дискуссии // Вопросы истории. 2020. № 7. С. 30.

[151] Обзор современного состояния и основные направления развития механизации сельского хозяйства в десятой пятилетке. С. 10.

[152] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 31. Д. 15. Л. 153—154.

[153] *Мазаев А. В.* Все в памяти моей… : воспоминания секретаря обкома по селу : История моя и наша. Рязань, 2011. С. 106 ; *Торопов В. Ф.* Незабываемое. Записки председателя облисполкома. Ярославль, 2001. С. 71 ; *Шевелуха В. С.* С верой и надеждой : публицистические рассказы. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1995. С. 20—21 ; *Клименко И. Е.* Думы о былом : Размышления о времени, о людях, о себе. 6-е доп. изд. Смоленск, 2005. С. 33—43 ; *Размолодин М. Л.* Эпизоды из жизни и деятельности Ф. И. Лощенкова : интервью с бывшим первым секретарем Ярославского обкома КПСС. Ярославль, 1995. С. 81—82.

не имеют севооборотов, сеют, как попало, не удобряют и не смотрят на современную технику, собирают 8—9 центнеров…»[154]

Низкий уровень механизации животноводства в сочетании с другими факторами обусловливал высокий удельный вес хозяйств населения в производстве продукции земледелия и животноводства на всем протяжении изучаемого периода. Так, в 1950 г. стоимость продукции земледелия, произведенной колхозами и госхозами Нечерноземья РСФСР, составила 56 %, а хозяйствами населения — 44 %, продукции животноводства — 37 % и 62 % соответственно. В 1965 г. хозяйства населения произвели 47,3 % мяса, 38 % молока 57 % яиц, 65,9 % шерсти[155]. Важным показателем дефицита производительных сил в колхозно-совхозном производстве может считаться показатель затрат труда, приходящегося на единицу продукции. В 1956—1957 гг. на производство 1 цент. зерна в совхозах затрачивалось в 1,8 раза больше труда, чем на фермах США, в колхозах — в 7,3 раза, 1 цент. картофеля — в 4,2 и 5,1 раза, 1 цент. сахарной свеклы — в 4,2 и 6,2 раза, 1 цент. молока — 2,1 и 3, раза, 1 цент. привеса крупного рогатого скота — в 6,6 и 14,2 раза, 1 цент. привеса свиней — 6,8 и 16,3 раза[156].

Рост производительных сил колхозно-совхозного производства сопровождался их спадом в подворьях населения, который происходил как под действием политики ограничения «личного подсобного хозяйства» («внешнее раскрестьянивание»), так и вследствие осознания деревней нецелесообразности хозяйствования на личном подворье из-за постепенного разрушения способности двора к самовоспроизводству («внутреннее раскрестьянивание»)[157], невыгодности личного хозяйства по сравнению с городскими заработками. К середине 1930-х гг. в областях Нечерноземного Центра была завершена коллективизация, основная масса крестьянства сдала в колхозы лошадей и сложный сельхозинвентарь. Содержать лошадей могли единолични-

[154] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 1811. Л. 59.
[155] Подсчитано по: *Безнин М. А*. Хозяйство крестьянского двора в Российском Нечерноземье 1950—1965 гг. С. 83—89.
[156] Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 449.
[157] *Безнин М. А*. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье, 1950—1965 гг. М. ; Вологда, 1991. С. 224—226.

ки, уплачивавшие за них налог[158], а прочее население полностью зависело в вопросе тягловой силы от колхозов и госхозов. Сокращалось количество основных видов продуктивного скота, который для изучаемого периода можно считать ведущим видом экономического капитала подворий. Так, если в 1941 г. в хозяйствах населения Центрального Нечерноземья насчитывалось 2072 тыс. гол. крупного рогатого скота, то в 1951 г. — 99 % от уровня 1941 г., в 1956 г. — 100 %, в 1960 г. — 88 %, в 1965 г. — 76 %; свиней в 1941 г. насчитывалось 1584 тыс. гол., в 1951 г. — 59 %, в 1956 г. — 98 %, в 1960 г. — 81 %, в 1965 г. — 88 %; овец и коз в 1941 г. — 4661 тыс. гол., в 1951 г. — 59 %, в 1956 г. — 79 %, в 1960 г. — 76 %, в 1965 г. — 55 %[159].

Быт населения также свидетельствовал о дефиците средств у значительной части подворий и часто обескураживал посещавших деревню горожан. В первую очередь, это касалось жилья и надворных построек[160].

Особенно тяжелое положение наблюдалось на территориях, подвергавшихся оккупации. Так, на 1 января 1946 г. 72,2 тыс. семей в таких районах РСФСР проживало в землянках, 97,3 тыс. — на подселении, на 1 января 1947 г. — 42,2 тыс. и 92 тыс., на 1 января 1949 г. — 8,2 тыс. и 70 тыс.[161]

На 1 января 1952 г. только в Брянской, Калужской и Орловской областях таких семей насчитывалось 3,9 тыс., были примеры проживания колхозников в землянках с конца 1930-х по начало 1950-х гг.[162]

Причинами всего этого были преобладание в составе семьи нетрудоспособных над работниками, ограниченный размер кредита, выделяемого на восстановление жилья, установка государства на то, что оно должно восстанавливаться за счет колхозников[163].

Посетивший колхозы Володарского района Орловской области в конце 1940-х гг. сообщал в ЦК ВКП(б): «Первобытная ручная мельница, еще не

---

[158] *Ильиных В. А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х — начало 1950-х гг. / отв. ред. А. А. Николаев. Новосибирск, 2004. С. 35, 44.
[159] Подсчитано по: *Безнин М. А.* Хозяйство крестьянского двора в Российском Нечерноземье 1950—1965 гг. С. 68—75.
[160] Последние письма Сталину … С. 58.
[161] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 5672. Л. 27.
[162] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 1461. Л. 18.
[163] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 2618. Л. 20 об.—23 об.

изжита и землянка, не хватает к этому кремневого топора, тогда была бы в полном смысле первобытная коммуна…»[164]

К концу 1950-х — началу 1960-х гг. жилье многих на селе продолжало желать много лучшего, что подтверждается как наблюдениями авторов писем во власть[165], так и данными единовременного обследования доходов и жилищных условий рабочих и служащих Центрального района РСФСР[166].

Таким образом, совершенствование контроля власти над производительными силами деревни Центрального Нечерноземья на протяжении 1945 — начала 1960-х гг. происходило в условиях практически непрерывного сокращения численности трудоспособного населения, уменьшившегося в колхозах к 1965 г. на 66 %, что не компенсировалось ни ростом образования и производственного опыта представителей основных страт деревни, почти 70 % населения которой к началу 1960-х гг. были заняты конно-ручным трудом, ни ростом механизации сельхозпроизводства. Следствием всего этого был рост нагрузки в общественном и личном хозяйстве. Дефицит капиталовложений власть пыталась компенсировать системой внеэкономического принуждения, что оказало серьезное влияние на переустройство всех сфер жизни деревни, особенно хозяйственной.

1.2. Власть и сельский социум в системе поземельных отношений

Важнейшим направлением совершенствования контроля власти над хозяйственной повседневностью деревни стала сфера поземельных отношений, под которыми понимаются отношения между владельцами (собственниками) земли и землепользователями, возникающие в процессе и по поводу хозяй-

---

[164] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 5. Д. 221. Л. 30.
[165] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 845. Л. 51 ; *Синицын И. Е.* Андропов вблизи : Воспоминания о временах «оттепели» и «застоя». М., 2004. С. 163.
[166] Подсчитано по: Состав семей, доходы и жилищные условия рабочих и служащих РСФСР : статистический сборник по материалам единовременного выборочного обследования за сентябрь 1967 года / под ред. А. И. Парфеновой. М., 1969. С. 198—199, 204, 206—207, 210—211, 214, 224—225, 230, 234, 238, 240, 242, 244, 246, 248.

ственной деятельности, имеющие значимые для общества последствия[167]. В настоящем параграфе речь пойдет о поземельных отношениях в узком смысле слова.

Рассмотрим сначала перемены в институтах, оформлявших эту часть хозяйственной повседневности деревни, а также их функционирование. В основе поземельных отношений на селе Центрального Нечерноземья в 1945 — начале 1960-х гг. находилась собственность на землю, признававшаяся «исключительным правом социалистического государства», что было зафиксировано в основополагающих правовых актах[168]. В советском праве были закреплены следующие виды сельхозземлепользования: колхозное (общественное и приусадебное колхозных дворов), госхозов (совхозов, МТС (до 1958 г.), подсобных хозяйств), рабочих и служащих, «трудовое землепользование крестьян-единоличников»[169].

Как верховный собственник государство передавало землю «в бессрочное и бесплатное пользование» землепользователям, основными среди которых являлись колхозы и совхозы. В 1945 — начале 1960-х гг. колхозное землепользование сокращалось, а совхозное росло. Сокращалось и приусадебное землепользование колхозников и «трудовое» — единоличников. В результате первого массового укрупнения 1950 г. количество колхозов в Центральном Нечерноземье уменьшилось в 3 раза. До укрупнения каждый из них объединял в среднем 1,5 сельских населенных пункта, после — 4,7[170]. За 1954—1962 гг. количество сельхозартелей в Центральном Нечерноземье сократилось еще в 3,2 раза. Если в 1947—1953 гг. число совхозов сократилось с 540 до 521, то в 1954—1962 гг. возросло до 852. В 1947 г. на один совхоз приходилось 93,4 колхоза, в 1954 г. — 27,4, в 1962 г. — 4,9[171]. Если в 1955 г. в РСФСР из всей

---

[167] *Димони Т. М.* Эволюция поземельных отношений в России второй половины XX века // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. Вып. 3 / редкол.: О. В. Артемова, М. А. Безнин (главный редактор), М. Н. Глумная, Т. М. Димони, Л. В. Изюмова, Ф. Я. Коновалов. Вологда, 2002. С. 44.
[168] Земельное право / под ред. Н. Д. Казанцева, А. А. Рускола. М., 1949. С. 112—113.
[169] Там же ; *Аксененок Г. А.* Право государственной собственности на землю в СССР. М., 1950. С. 106—107.
[170] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 3745. Л. 138—139. Д. 4102. Л. 113—114.
[171] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2391. Л. 28—29, 37—38. Д. 4445. Л. 132—133 ; Народное хозяйство РСФСР в 1962 году : статистический ежегодник. М., 1963. С. 310, 330 ; Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. С. 330.

площади сельхозугодий 87 % находилось в пользовании колхозов, 11 % — совхозов и других госхозов, 0,5 % — под приусадебными участками колхозников, 0,1 % — участками рабочих и служащих, то в 1964 г., соответственно — 49, 50, 0,25 и 0,18 %[172].

Ключевыми институтами, обеспечивающими права государства как верховного собственника земли, являлись взаимосвязанные: система учета земли и землепользователей; принятая в колхозном и совхозном производстве система бухгалтерского учета; система обследований бюджетов сельского населения; система повинностей населения и сельхозпредприятий; паспортная система.

Основа учета земли и землепользований была создана по итогам коллективизации. Учет земель подразделялся на основной (первоначальный) и текущий (внесение изменений и уточнений) и проводился по районам, а в них — по землепользователям по карточной системе и в списочной форме. Учет земельного фонда и землепользователей суммировался в районном, региональном, республиканском и союзном масштабе. Земли учитывали и сельсоветы, отражая результаты в похозяйственных книгах и «Журнале учета основных производственных показателей колхоза»[173].

Примерный Устав сельхозартели, принятый в 1935 г., подтвердил принципы единства и неуменьшаемости их земельного массива, закрепил передачу земли колхозам в «бесплатное и бессрочное пользование». В 1935—1938 гг. колхозам были выданы акты на вечное пользование землей, при необходимости проведено межхозяйственное землеустройство[174].

В конце 1930-х гг. для «охраны земель колхоза от разбазаривания» была введена земельноучетная документация в колхозе — земельная шнуровая книга, а в райисполкоме — государственная земельная книга регистрации земель. В составе единого земельного фонда стало выделяться пять катего-

---

[172] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2391. Л. 28, 37 ; Народное хозяйство РСФСР в 1956 году. С. 127 ; Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. С. 167.

[173] *Дегтярев И. В*. Земельный кадастр. М., 1979. С. 61—64.

[174] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству : в 3 т. / под общ. ред. В. А. Болдырева. Т. 1. М., 1957. С. 716—720.

рий земель: сельхозназначения; промышленности, транспорта и спецназначения; городов и поселков; гослесфонда и государственного лесного запаса. Учет стал вестись по землепользователям и угодьям. Соответствие фактических размеров общественных земель колхозов и приусадебных участков записям в учетной документации проверялось[175].

За годы войны учет земли в районах, подвергавшихся оккупации, был нарушен, уничтожены или потеряны многие земельные книги, в остальных районах — ослаблен. На 1 января 1947 г. в Брянской, Великолукской, Калининской, Калужской, Орловской, Смоленской и Тульской областях около 10 тыс. колхозов не имели актов на вечное пользование землей, качество землеустроительных работ было низким. В ряде регионов документация колхозного землепользования восстанавливалась до конца 1940-х гг.[176] Незадолго до принятия постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 19 сентября 1946 г. НКЗ СССР утвердил указания по учету распределения земли по землепользователям и угодьям в районе, на основе которых составлялся земельный баланс по региону, республике и СССР. В декабре 1948 г. Министерство совхозов СССР утвердило форму книги регистрации посевов в полях севооборотов, которая должна была вестись в каждом отделении (ферме) совхоза и являлась основным документом по учету агротехники. Аналогичные книги были введены и в колхозах. 20 августа 1949 г. СМ СССР ввел книгу учета земель совхозов, в которой в частности указывались их общая площадь, число отделений и обособленных участков, время проведения землеустройства и т. д.[177] Учет земель колхозов был уточнен в результате их укрупнения в 1950 г. 31 декабря 1954 г. была введена единая система регистрации землепользований и учета земель в форме ведущейся в райисполкомах и горисполкомах книги их регистрации. Она содержала данные обо всех первичных землепользованиях и учитывала все пять категорий земель единого государственного земельного фонда. Переход на единый учет землепользований сопровождался

---

[175] *Дегтярев И. В*. Земельный кадастр. С. 66—68.
[176] РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 656. Л. 11—23, 50—55, 65—66, 73—77, 88—90, 107, 114—115, 119.
[177] *Дегтярев И. В*. Земельный кадастр. С. 69.

их ревизией (в 1956 г. МСХ СССР была утверждена соответствующая инструкция[178]).

С середины 1950-х гг. стали проводиться исследования оценки земель по их природным (бонитировка)[179] и экономическим показателям. В 1962 г. учет землепользований был еще более детализирован, утверждена новая форма книги регистрации землепользований[180]. Однако в интересующий период власть не вела практических работ по земельному кадастру, так как это могло связать руки при определении размера повинностей деревни. Нарушения землепользования влекли наказание вплоть до уголовной ответственности[181].

Принятая в СССР система бухучета в колхозах и госхозах была тесно связана с системой повинностей деревни и служила одним из главных источников статистики сельхозпроизводства. Постановлением СНК СССР от 31 января 1939 г. для колхозов были установлены три системы счетоводства: сокращенная (для колхозов размером не более 30 дворов и (или) с годовым денежным доходом не выше 30 тыс. руб.), простая (от 30 до 100 дворов и (или) с доходом не выше 100 тыс. руб.) и по двойной системе (свыше 100 дворов и (или) с доходом свыше 100 тыс. руб.) Сокращенное счетоводство предусматривало ведение книг учета членов колхоза и их семей, основных и оборотных средств, доходов и расходов, дебиторской и кредиторской задолженности, выполнения плановых заданий (всего восьми). Было предусмотрено пять форм учета и отчетности для бригадира, одиннадцать — для зав. фермой, две — для кладовщика, одна — для продавца колхоза, три — для зав. подсобными предприятиями, одна — для члена колхоза (трудовая книжка колхозника), а также девять форм первичных учетных документов, фиксировавших доходы и расходы, количество затраченного труда. Учет и отчетность строились на основе своевременного занесения в книги всех операций исходя из первичной отчетности. При простом счетоводстве велось восемь

[178] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 707—709, 767—768.
[179] *Гаврилюк Ф. Я.* Бонитировка почв. Изд. 3-е, перераб. и доп. Ростов н/Д., 1978. С. 37—38.
[180] *Дегтярев И. В.* Земельный кадастр. С. 71—77.
[181] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 564—568, 710—713.

учетных книг, по двойной системе — пятнадцать. Считалось, что каждая система учета позволяла составить баланс[182]. Колхоз был обязан регулярно предоставлять около 20 отчетов в МТС и райзо[183]. Следить за учетом посредством сличения его данных с первичными учетными документами и данными в натуре должна была ревизионная комиссия колхоза, инструкция о работе которой была утверждена НКЗ СССР 11 февраля 1940 г. 18 января 1960 г. было введено новое Примерное положение, расширившее ее полномочия[184].

В простой и сокращенной системах не был предусмотрен синтетический учет, не требовалась высокая счетоводческая квалификация. 25 марта 1943 г. НКЗ СССР были утверждены «Указания о порядке проведения инвентаризации и восстановления колхозного счетоводства в колхозах, освобожденных от немецко-фашистской оккупации», направленные на учет колхозного имущества, посевов, ущерба, уточнения расчетов с государством[185]. До укрупнения 1950 г. две трети колхозов вели бухучет по упрощенной и простой схемам[186]. К 1955 г., когда один колхоз в Центральном Нечерноземье объединял в среднем от 108 до 250 дворов, состоялся переход большинства сельхозартелей к двойному счету[187]. Простая и сокращенная системы создавали больше возможностей для злоупотреблений из-за неполного и несвоевременного занесения данных, погрешностей в вычислениях, чем система двойного счета, при которой каждое изменение состояния средств отража-

---

[182] Инструкция Наркомзема СССР и Центрального статистического управления Госплана СССР для составления документов и ведения книг по простой схеме счетоводства в колхозах. Утверждена СНК СССР 31 января 1939 г. Петрозаводск, 1939 ; Инструкция Наркомзема СССР и Центрального статистического управления Госплана СССР для составления документов и ведения книг по сокращенному колхозному счетоводству. Утверждена СНК СССР 31 января 1939 г. Вологда, 1941 ; Справочник председателя колхоза / рук. авт. колл. И. М. Ихтейман. М., 1941. С. 215—217.

[183] Справочник председателя колхоза. С. 217—218.

[184] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 583—590 ; Сборник решений по сельскому хозяйству / сост. К. И. Орлянкин. М., 1963. С. 400—402.

[185] Указания о порядке проведения инвентаризации и восстановления колхозного счетоводства в колхозах, освобожденных от немецко-фашистской оккупации (утверждены зам. Наркома земледелия СССР Пензиным 25 марта 1943 г.) / отв. за вып. И. Д. Бараночников. М., 1943.

[186] *Маздоров В. А.* История развития бухгалтерского учета в СССР (1917—1972 гг.). М., 1972. С. 215.

[187] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 112. Л. 11 об.

лось по крайней мере на двух счетах, присутствовала система синтетических показателей. Совхозы и МТС стали вести учет по двойной системе[188].

Следует отметить, что до конца 1950-х гг. бухучет в сельском хозяйстве был громоздок, в нем доминировали аналитические показатели, что требовало большого количества счетоводов и бухгалтеров и отражало пристальное внимание власти к колхозам и совхозам как к источникам ресурсов и рабочей силы. Так, составлявшийся в первой половине 1950-х гг. годовой отчет совхоза мог включать более 10 тыс. показателей, после некоторой оптимизации в 1955 г. — около 5 тыс.[189] Однако для оперативного контроля за ходом сельхозработ местная власть нередко вводила не предусмотренную законодательством статотчетность[190]. «Колхозный социализм — это сдельщина (из-за недоверия к крестьянам), мелочный учет вплоть до аптечных весов не только в торговле, но и в распределении кормов для скота…» — писал наблюдавший белорусскую деревню турист из США Д. Горбацевич[191].

Организация и методика ревизий финансово-хозяйственной деятельности колхозов и совхозов постоянно совершенствовались[192]. В колхозах проверки учета и отчетности предшествовали расчетам с государством. Плановыми были ревизии в совхозах[193]. Ревизии отчетности, как и проверки землепользования, при выявлении нарушений могли стать основанием для уголовных дел.

Изменения в хозяйствах населения власть анализировала посредством бюджетных обследований, по характеру собираемых данных близких фискальному учету[194]. В 1940 г. в РСФСР было обследовано более 12,9 тыс. се-

---

[188] *Маздоров В. А.* История развития бухгалтерского учета в СССР … С. 146—147, 219 ; *Никольский Н. К.* Бухгалтерский учет в совхозах. М., 1962. С. 9 ; Справочная книга директора совхоза : в 2 т. 2-е изд., испр. Т. 1 / под ред. М. А. Абросимова. М., 1953. С. 256.

[189] *Маздоров В. А.* История развития бухгалтерского учета в СССР … С. 219, 220.

[190] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 31. Д. 26. Л. 79—80.

[191] *Горбацевич Д.* Два месяца в гостях у колхозников : (Заметки американского туриста). Нью-Йорк, 1967. С. 97.

[192] ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 10. Д. 67. Л. 125 ; Практические указания по анализу годовых отчетов колхозов за 1946 год отделениями и уполномоченными Сельхозбанка и отделениями Госбанка, выполняющими операции Сельхозбанка. М., 1947.

[193] Информационный бюллетень о предварительных итогах работы совхозов МСХ РСФСР за 1966 год. М., 1966. С. 183.

[194] *Матюха И. Я.* Статистика бюджетов населения. М., 1967. С. 32—40.

мей колхозников, в 1946 г. — 8,6 тыс., в 1952 г. — 12,9 тыс., в 1955 г. — 12,8 тыс. В 1960 г. было организовано обследование семейных бюджетов рабочих совхозов, железнодорожного транспорта, строительства. К середине 1960-х гг. обследования охватывали более 51 тыс. семей, суммарно 200 тыс. чел. В областях Нечерноземья РСФСР обследовалось более 500 крестьянских хозяйств[195]. Так как процедура обследования состояла в фиксации изменений в хозяйстве, в том числе и самими хозяевами (корреспондентский способ[196]), их репрезентативность не признавалась властью как «точная по своим абсолютным размерам»[197]. Результаты бюджетных обследований перепроверялись переопросами глав хозяйств[198], сопоставлялись с данным учета земли и землепользований, статистикой колхозного и совхозного производства и др. Для власти, как представляется, бюджетные обследования были ценны данными о подвижках в экономике подворий, которые использовались для корректировки социально-экономической политики, в том числе в отношении них самих.

Паспортная система, введенная в 1932 г., оформила прикрепление колхозников к колхозам. Паспорта на селе выдавались только в совхозах и на территориях, объявленных режимными. Поступление на работу в предприятия, учреждения, на учебу без паспортов или временных удостоверений запрещалось. Правления колхозов должны были исключать из колхозов колхозников, которые уходили в отход без зарегистрированного в правлении договора о вербовке. В паспортизованных местностях предприятия могли принимать на работу отходников без договоров лишь при наличии у них паспортов и справки правления о согласии на отход[199]. Положение о паспортах 1932 г. связало паспорт и прописку с приемом на работу: без них невозможно бы-

[195] *Безнин М. А*. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье, 1950—1965 гг. С. 17.
[196] *Матюха И. Я*. Статистика бюджетов населения. С. 42.
[197] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 187. Л. 69; Д. 1768. Л. 203.
[198] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 11. Л. 51.
[199] *Попов В. П*. Паспортная система в СССР (1932—1976 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 8. С. 4, 6.

ло устроиться, прием и увольнение отмечались в паспорте[200]. Позднее получение паспортов даже для выезжающих из колхоза на короткий срок обставлялось большим количеством препон, так как отход сокращал скудные трудовые ресурсы. Во второй половине 1930-х гг. была создана система контроля за движением населения посредством паспортных столов и адресных бюро. На селе учетом населения занимались непосредственно сельсоветы. Важнейшим документом для получения паспорта была справка из сельсовета о месте постоянного жительства (форма № 1). В 1940 г. были паспортизованы районные центры и центральные усадьбы МТС. Положение о паспортах, введенное 21 октября 1953 г., исключило из числа обязанных иметь паспорта не имевших их к этому времени жителей центральных усадеб МТС и рабочих совхозов. В остальном новое Положение, просуществовавшее до 1974 г., не изменило для колхозников паспортные ограничения. Привлечение на работы сроком более месяца в пределах своего региона продолжало сопровождаться выдачей справки из сельсовета, удостоверяющей личность и цель выезда. Жители непаспортизованных местностей при выезде за пределы своего района на срок свыше месяца обязаны были получать паспорт в органах милиции по месту жительства[201]. В военные и послевоенные годы МВД выпустило более 20 ориентировок под названием «Осмотр и исследование паспортов». К 1953 г. достигает пика рост режимной территории[202], а органы МВД ежегодно задерживали сотни тысяч нарушителей паспортного режима[203].

Системы учета земли и землепользований, бухгалтерского учета в колхозах и совхозах, паспортная система обеспечивали функционирование архаичной системы повинностей деревни, которая в основном сложилась к концу 1930-х гг. и состояла из отработочной, натурально-продуктовой и денежной

---

[200] *Байбурин А. К.* Введение паспортной системы в СССР // Статус документа: окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? / под ред. И. М. Каспэ. М., 2013. С. 75—102.
[201] *Попов В. П.* Паспортная система в СССР (1932—1976 гг.). С. 6, 11—13.
[202] На «краю» советского общества : Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945—1960-е гг. / авт.-сост. Е. Ю. Зубкова, Т. Ю. Жукова. М., 2010. С. 676—678 ; *Байбурин А. К.* Введение паспортной системы в СССР // Статус документа: окончательная бумажка или отчужденное свиде-тельство? / под ред. И. М. Каспэ. М., 2013. С. 245, 249.
[203] На «краю» советского общества … С. 696—707 ; ГАДНИКО. Ф. П-1226. Оп. 1. Д. 142. Л. 3, 26, 27.

форм. В целом она подробно исследована[204], за исключением, как представляется, низового механизма реализации государством своего права верховного собственника на землю, без чего сложно понять как хозяйственное поведение населения, так и руководства колхозов и совхозов.

Основой отработок стало требование выработки трудоспособным колхозником введенного в 1939 г. распределенного по периодам работ годового минимума трудодней. В апреле 1942 г. он был повышен и распространен на членов семей колхозников — подростков 12—16 лет, в 1948 г. возрос до 150, для подростков — до 60 трудодней в год при повышении норм выработки на 12—25 %. В середине 1950-х гг. правительство рекомендовало колхозам установить минимум в размере 150 трудодней для женщин и 200 — для мужчин. Сельское население также было обязано нести повинность на лесозаготовках и торфоразработках, несколько дней в году строить и ремонтировать дороги и мосты местного значения. Отработки в колхозе РСФСР занимали в 1940 г. в среднем 70 %, в 1943 г. — 71 %, в 1945 г. — 67 %, в 1955 г. — 62 %, в 1961 г. — 68 % времени, затраченного на работу взрослыми трудоспособными мужчинами и женщинами во всех сферах труда[205]. Полное или частичное невыполнение отработочной повинности предусматривало ответственность вплоть до уголовной. Практиковалось также исключение из членов колхоза и изъятие приусадебного участка[206].

Продуктовая повинность заключалась в обязательствах подворий поставлять за символическую плату к определенному сроку основные виды сельхозпродуктов. Исчисление поставок производилось на основе регулярно обновлявшихся данных учета хозяйств населения (записей в похозяйственных книгах сельсоветов), а также учета земли и землепользований и фикси-

---

[204] *Попов В. П.* Крестьянские налоги в 40-е годы // Социологические исследования. 1997. № 2. С. 95—107 ; *Безнин М. А., Димони Т. М.*: 1) Повинности российских колхозников в 1930—1960-е гг. // Отечественная история. 2002. № 2. С. 96—111 ; 2) Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х — 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 81—99 ; *Ильиных В. А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни … ; Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 3 : Налогово-податное обложение деревни. 1946—1952 гг. / отв. ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. Новосибирск, 2003 ; и др.

[205] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Повинности российских колхозников в 1930—1960-е гг. С. 97—98.

[206] *Ильиных В. А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни … С. 134—135.

ровалось в списках хозяйств, привлекаемых к поставкам[207]. Недоимки по поставкам мяса, зерна и картофеля, как правило, не списывались и взыскивались в бесспорном порядке[208]. В 1945—1952 гг. размеры обязательных поставок хозяйствами населения росли. По подсчетам В. П. Попова, в 1940-е гг. до 35 % подворий, привлеченных к поставкам, не выполняли задания по сдаче мяса, до 37 % — молока, до 45 % яиц, до 40 % — шерсти[209].

На протяжении 1940—1953 гг. поставки колхозами продукции полеводства исчислялись в соответствии с погектарным принципом по утвержденным местной властью районным нормам со всей закрепленной за ним площади пашни, даже если она не обрабатывалась, животноводства — со всей закрепленной площади[210]. Погектарный принцип объясняет постоянные усилия по учету закрепленных за совхозами и колхозами земель, особенно пашни, так как запущенность этого учета могла привести к сокращению поступлений. Неизбежное укрывание части урожая, его неполный учет вследствие низкого уровня бухучета компенсировались видовой оценкой урожайности (на корню), на основе данных которой рассчитывались нормы поставок продукции растениеводства колхозами и населением. Такую же роль играло взимание натуроплаты за работы МТС по твердым ставкам в зависимости от группы урожайности без серьезного учета природно-климатических условий и экономики конкретных колхозов[211]. Нормы сдачи колхозами, не обслуживавшимися МТС, увеличивались на 25 %.

Хозяйства населения сдавали зерно по нормам с каждого гектара закрепленной за ними пашни (с 1948 г. — с площади фактического посева по

---

[207] *Иоффе Л. Г.* Техминимум для агентов по заготовкам мясомолочных продуктов. М., 1947. С. 21—22 ; *Корягин В. И., Иоффе Л. Г.* Техминимум для агента по организации и технике заготовок картофеля и овощей. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 1946. С. 4—6 ; *Бенензон В. И.* Техминимум для заведующего оперативным учетом райуполнаркомзага / под ред. Г. Г. Петрова. 3-е доп. изд. М., 1945. С. 14.

[208] *Попов В. П.* Крестьянские налоги в 40-е годы. С. 97—98.

[209] Там же. С. 98.

[210] Справочник агента по заготовкам сельскохозяйственных продуктов. Вып. 1 / сост. В. Я. Левин, З. Т. Чухарько ; под ред. В. В. Немыкина. М., 1949. С. 36, 41, 82, 84—85, 88, 106, 108; Вып. 2 / ред. Н. И. Ключникова. М., 1950. С. 17, 22, 26, 28, 31, 61, 82, 97, 113.

[211] *Попов В. П.* Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны (1946—1953 гг.) Изд. 2-е, испр. М., 2002. С. 76—78 ; *Полх П. П.* «Страсти по урожайности» (система организаций и учреждений, контролировавших сбор продуктов растениеводства в послевоенную эпоху, на региональном уровне: на материалах Калининградской области) // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11. №. 12. С. 159—168.

нормам для хозяйств единоличников), картофель — с гектара запланированного посева, прочие культуры — с площади фактического посева. Нормы обложения единоличников были, как правило, выше. Продукты животноводства сдавались по нормам в зависимости от разрешенного к содержанию количества скота и птицы[212]. Их отсутствие не избавляло от выполнения обязательств по поставкам мяса и яиц. Шерсть и овчины сдавались по фактическому поголовью на начало года[213]. С 1953 г. размер натуральных поставок хозяйствами населения понизился в 2—3 раза — до 30 кг мяса, 110 л молока, 50 шт. яиц, 300—400 г шерсти в среднем с хозяйства в год, поставки картофеля сокращены, ряда продуктов — отменены.

С урожая 1953 г. запрещались встречные планы, устанавливаются постоянные дифференцированные по районам погектарные нормы поставки колхозами зерна, сена, продуктов животноводства (пониженные в 1954 г. по сравнению с действовавшими в начале 1950-х гг.), с 1953 г. снижаются нормы поставки колхозами картофеля и овощей, с 1954 г. — масличных культур. С середины 1950-х гг. развивается контрактация продукции колхозов, на нее вводятся повышенные по сравнению с заготовительными закупочные цены[214]. С 1958 г. был осуществлен переход к заготовкам сельхозпродуктов в порядке закупок по единым ценам, более, чем прежде, дифференцированным по зонам страны. Обязательные поставки сельхозпродукции колхозами и хозяйствами населения отменялись, как и натуроплата за работы МТС[215].

Основу денежной повинности сельского населения составляла уплата сельхозналога, базой которого выступали доходы от ведения личного хозяйства. С 1939 по 1953 г. действовала шкала обложения в зависимости от раз-

---

[212] *Ильиных В. А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни … С. 143 ; *Иоффе Л. Г.* Техминимум для агентов по заготовкам мясомолочных продуктов. М., 1947. С. 9—11 ; Справочник агента по заготовкам сельскохозяйственных продуктов. Вып. 1. С. 58—60; Вып. 2. С. 43—44, 85, 98, 115 ; Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству : в 3 т. / под общ. ред. В. А. Болдырева. Т. 2. М., 1958. С. 768—769.

[213] *Попов В. П.* Крестьянские налоги в 40-е годы. С. 97.

[214] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 2. С. 402, 644—645, 696—697, 701—767, 774—778, 788—789; Т. 3. М., 1958. С. 458—460 ; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917—1957 гг. : сборник документов : в 4 т. Т. 4 : 1953—1957 гг. / сост. В. Н. Малин, А. В. Коробов. М., 1958. С. 69—70, 77—83.

[215] Сборник решений по сельскому хозяйству. С. 296—307.

мера дохода. Хозяйства выбывших из колхоза привлекались к его уплате по повышенным ставкам. Хозяйства рабочих и служащих — не членов колхоза — на тех же основаниях, что и колхозники, если трудоспособные члены хозяйств постоянно работали по найму или являлись членами промысловых артелей, а также, если количество скота в хозяйстве не превышало норм для колхозников. Неуплата влекла уголовную ответственность и взыскание недоимки и пени через суд. Средний размер сельхозналога по СССР за 1941—1952 гг. вырос в 2,7 раза, недоимки к июлю 1951 г. составили более 0,5 млрд руб.[216] С 1953 г. сельхозналог в сельской местности, в административном отношении подчиненной сельсоветам, взимался с хозяйств тех, кто имел приусадебные участки. В местностях, подчиненных Советам на правах городских, им облагались только хозяйства колхозников. Сельхозналог в РСФСР исчислялся по твердым ставкам с одной сотой гектара площади приусадебного участка в диапазоне от 30 коп. до 1 руб. 40 коп.[217] Сельское население уплачивало также ряд других денежных налогов, подписку на займы.

Исчисление сельхозналога производилось налоговыми агентами и опиралось на документацию первичного фискального учета, учета населения (данные похозяйственных книг сельсоветов), сведения из колхозных и совхозных земельных книг, справки колхозов и предприятий о неземледельческих доходах членов семьи, опросы членов семьи и односельчан. На основе всего этого к 1 июля составлялись списки плательщиков — основной документ налогового учета на селе. Учет поступления налогов велся по книгам лицевых счетов налогоплательщиков[218]. Для проверки и уточнения данных проводились ежегодные переписи скота, многолетних фруктовых насаждений, обмеры приусадебных участков, внеплановые ревизии и т. п. За укрытие объектов полагалась уголовная ответственность.

Колхозы уплачивали государству подоходный налог, размер которого вычислялся исходя из величины их денежных и натуральных в денежном вы-

---

[216] *Попов В. П.* Крестьянские налоги в 40-е годы. С. 101, 106.
[217] Финансово-кредитный словарь : в 2 т. / гл. ред. В. П. Дьяченко. М., 1964. Т. 2. С. 338.
[218] Памятка налоговому агенту «О порядке проведения налоговыми агентами учета хозяйств, начисления налогов и ведения учета и отчетности». Молотов, 1941. С. 2—4, 8—13.

ражении доходов по данным инвентаризации и составленного на основе бухгалтерского учета годового отчета, проверенного в МТС, утвержденного РИКом, проверенного налоговым инспектором по колхозной бухгалтерии. Полученные величины облагаемого дохода и исчисленного налога перепроверялись старшим налоговым инспектором и утверждались заведующим райфо[219]. Ставка подоходного налога с колхозов в течение 1941—1951 гг. возросла с 4—8 до 6—15 %, а в начале 1960-х гг. составляла 12,5 %[220]. Совхозы уплачивали отчисления от прибыли (не менее 10 % плановой прибыли и 50—75 % — из сверхплановой прибыли за вычетом отчислений в фонд предприятия, на строительство жилых домов и ряда других сумм), ряд других налогов и сборов, а также подвергались эксплуатации посредством разрыва между себестоимостью и государственными ценами на их продукцию. В 1940 г. ее коммерческая себестоимость была выше дохода от ее реализации на 16 %, в 1948 г. — на 35 %, в 1953 г. — на 4 %. И колхозы, и совхозы должны были исчислять суммы причитавшихся налогов сами. Контроль за этим финансовые органы осуществляли посредством их счетов налогоплательщиков, изучения бухгалтерских отчетов и балансов[221].

Разрушительное для колхозов и хозяйств населения значение повинностной системы усугублялось такой особенностью поземельных отношений в СССР 1928—1958 гг., как «разделенный» характер собственности. Сосредоточение пользования землей у колхозов, а сложной сельхозтехники — в МТС давало возможность максимизировать эксплуатацию колхозов и насе-

---

[219] *Цалкин Г.* Организация работы налогового инспектора. М., 1955. С. 43—51.

[220] Закон СССР от 1 марта 1941 г. «О подоходном налоге с колхозов». URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=17015 (дата обращения: 19.09.2014) ; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 августа 1948 г. «О подоходном налоге с колхозов». URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16234;fld=134;dst=100051;rnd=0.33350583693487146 (дата обращения: 19.09.2014) ; Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 — июль 1956 гг.). М., 1956. С. 349—350 ; Финансово-кредитный словарь. Т. 2. С. 171, 213—214.

[221] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Первоначальное накопление капитала в Советской России: приглашение к научной дискуссии. С. 29 ; Финансово-кредитный словарь. Т. 1. С. 637; Т. 2. С. 171, 214 ; Справочник для бухгалтеров совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий / сост. Д. К. Бондаренко, Д. Г. Васильев, Н. К. Никольский. М., 1961. С. 89 ; *Горбацевич Д.* Два месяца в гостях у колхозников … С. 102.

ления как хозяйственного уклада отсталого аграрного типа, опираясь на индустриальную часть сосредоточенных в МТС производительных сил[222].

Величина повинностей деревни, особенно в 1945—1953 гг., оценивается в литературе как наиболее высокая за всю ее историю[223]. Вплоть до конца 1950-х гг. налоги с сельского населения составляли важную статью доходной части бюджета[224], а изъятие из деревни значительной части произведенного продукта посредством неэквивалентного обмена, включавшего, наряду с повинностной составляющей, и «ножницы цен» на сельхозпродукцию, позволило государству направить в другие отрасли и сферы общественной жизни колоссальные средства.

Таким образом, планирование, расчет, учет, сбор натуральных и денежных платежей, ревизии землепользования становились сложнейшей задачей не только для заготовительных и финансовых органов, но и для всех структур власти на селе, заставляли в значительных масштабах использовать внеэкономическое принуждение. Деревня же, стремясь преодолеть рутину повторявшихся заготовительных, налоговых кампаний, подписок на займы, совершенствовала свой «социальный иммунитет»[225] — преодолевающее прессинг власти поведение, направленное на нивелирование разрушительных граней аграрной политики. Осознание такого положения стало важным фактором эволюции поземельных отношений: нарушая законы о землепользовании, деревня вела борьбу за социальную справедливость и самосохранение[226]. Обстоятельно изучены ее формы и масштабы, экономическая детер-

---

[222] *Димони Т. М.* Эволюция поземельных отношений в России второй половины XX века // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. С. 46—47 ; *Безнин М. А., Димони Т. М., Гулин К. А.* Экономический строй России 1950—1980-х годов. Вологда, 2021. С. 43—44.

[223] *Безнин М. А.* Аграрный строй России в 1930—1980-е годы // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. Вып. 3 / редкол.: О. В. Артемова, М. А. Безнин (главный редактор), М. Н. Глумная, Т. М. Димони, Л. В. Изюмова, Ф. Я. Коновалов. Вологда, 2002. С. 6.

[224] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Первоначальное накопление капитала в Советской России: приглашение к научной дискуссии. С. 31—32.

[225] Более подробно о концепции «социального иммунитета»: *Осокина Е. А.* О социальном иммунитете, или критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления // История сталинизма: итоги и проблемы изучения : Материалы международной научной конференции. Москва, 5—7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 387—406.

[226] *Безнин М. А., Димони Т. М.*: 1) Крестьянство и власть в России в конце 1930-х — 1950-е годы // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.) : Материалы Международной конференции, Москва, 14—15

минированность[227]. В то же время в «тяжбе за землю» важна мотивация деревни, формировавшаяся не только под действием раскрестьянивающей политики, но и местных особенностей и не совпадавших интересов разных страт ее населения.

Свои стратегии приспособительного поведения нащупывали колхозы и совхозы. Одной из самых распространенных стал перевод части закрепленной за ними пашни в земли других категорий, от чего зависел, например, размер поставок колхозами зерна и отчасти — продуктов животноводства. Это было невозможно без местной власти, которая, как правило, была осведомлена о нехватке в «своих» колхозах рабочей силы, слабой механизации работ, напряженности планов поставок государству. Так, постановлением СМ СССР № 2529 от 31 декабря 1954 г. СМ республик и облисполкомам было предоставлено право уменьшать площади колхозных земель (по каждому колхозу в отдельности), с которых исчислялись поставки государству сельхозпродуктов, если «это уменьшение связано с отводом земель в установленном порядке»[228]. Только за 1950—1959 гг. в Центральном Нечерноземье площадь пашни в колхозах и совхозах (без земель приусадебного фонда) сократилась с 17,2 до 13,8 млн га (на 20 %), а к 1965 г. составляла 14,6 млн га (85 % от площади 1950 г.)[229] Только в Калужской области в 1954—1960 гг. в законном порядке было выведено из сельхозоборота 251,4 тыс. га земель (18,6 % к их площади на 1 ноября 1963 г. и 15,6 % на 1 сентября 1953 г.).

июня 1994 г. М., 1996. С. 162 ; 2) Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х — 1960-е годы) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 88.

[227] *Безнин М. А*. Классовая борьба в советской колхозной деревне (к постановке проблемы) // Крестьянское хозяйство: история и современность : Материалы к Всероссийской научной конференции. Вологда, октябрь 1992 г. : в 2 ч. Вологда, 1992. Ч. 2. С. 63—65 ; *Безнин М. А., Димони Т. М*. Социальный протест колхозного крестьянства. С. 87—88, 96.

[228] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 709.

[229] Подсчитано по: Посевные площади СССР : в 2 т. : статистический сборник. М., 1957. Т. 1 : [Посевные площади зерновых культур по автономным республикам, краям и областям за 1950—1956 гг.]. С. 174—178; Т. 2 : [Технические культуры, картофель, овоще-бахчевые и кормовые культуры]. С. 6—10, 168—172, 310—314 ; Земельный фонд Союза ССР по состоянию на 1 ноября 1959 года. Составлен по отчетам союзных республик. М., 1960. С. 103, 104, 11, 112, 119, 120 ; Земельный фонд Союза ССР по состоянию на 1 ноября 1965 года. Составлен по отчетам союзных республик. М., 1966. С. 95.

Всего же в хозяйствах области с учетом ранее списанных площадей выбыло 377 тыс. га (23,6 % площади сельхозугодий на 1 сентября 1953 г.)[230].

Другим способом поддержания хозяйства на плаву были сделки по аренде и даже передаче земли другим хозяйственным агентам в обмен на помощь техникой, стройматериалами, финансами и т. п. В годы войны государство санкционировало создание на части колхозных земель подсобных хозяйств предприятий и учреждений. Однако и после отмены разрешавшей это нормы эта практика продолжалась. К августу 1949 г. колхозам Центрального Нечерноземья было возвращено 326,6 тыс. га из 383,2 тыс. га «расхищенной» земли[231].

Земельные угодья колхоза и земли государственного лесного фонда были тесно связаны с приусадебным землепользованием, так как без сена, дров, лесоматериала, пастбищ было невозможно вести личное хозяйство. Свидетельством этой связи являются многочисленные случаи передачи больших участков общественной земли в краткосрочную аренду, испольщина сенокосов и выпасов, распределение их в качестве оплаты на выработанные трудодни, под подсобные хозяйства учреждениям и предприятиям на условиях уплаты с них обязательных поставок, оказания материальной помощи, перераспределения выделенных государством колхозам во временное пользование луговых угодий в лесах государственного лесного фонда среди колхозников, продажи на корню колхозного леса и т. п. Часто подобные сделки заключались правлениями колхозов, состоявшими из односельчан, заинтересованных в более эффективном, с точки зрения артельного и личных хозяйств, использовании земли, закрепленной за колхозом. Много их было аннулировано ревизорами райзо, работниками МТС, представителями Совета по делам колхозов, опротестовано органами прокуратуры при изучении первичной колхозной документации[232].

---

[230] ГАРФ. Ф. А-420. Оп. 1. Д. 456. Л. 4.
[231] РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 732. Л. 10.
[232] РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 732. Л. 97, 107; Д. 895. Л. 257, 297; Д. 1184. Л. 5; Д. 1208. Л. 152; Д. 1031. Л. 129, 272—273; ГАТО. Ф. П-177. Оп. 14. Д. 140. Л. 29; Оп. 18. Д. 88. Л. 148, 206; Д. 131. Л. 34; Ф. Р-2648. Оп. 6. Д.

Масштаб сделок нарастал, многие из них не фиксировались документальными проверками землепользования, а могли быть установлены только в натуре[233]. Государство расширило полномочия региональных Советов по временному отводу колхозных земель, а совхозных — МСХ СССР, министра совхозов СССР и ряда других союзных министров, по постоянному — СМ СССР и МСХ СССР[234]. Однако нарушений это не устранило. В 1960 г. органами прокуратуры РСФСР было опротестовано около 11 тыс. решений правлений и общих собраний колхозов, внесено более 8 тыс. представлений в местные партийные и советские органы, за три месяца 1961 г. — 2195 протестов и 1120 представлений, большая часть которых касалась колхозной собственности, землепользования, производства и продажи государству продукции. Только в первом полугодии 1960 г., по данным двадцати краев, областей и АССР, было выявлено 13,3 тыс. случаев нарушений законодательства о землепользовании на площади более 4 тыс. га[235].

Администрация многих колхозов и совхозов часто предпочитала не замечать захваты и порчу земель предприятиями и организациями, так как часто эта площадь была избыточной и передавалась в расчете на узаконение ее вывода из сельхозоборота. Так, только два угледобывающих треста, основываясь на решении Тульского облисполкома, позже признанным неправильным, заняли под сады 287 га совхозной земли. Руководство Болоховского химкомбината, даже несмотря на отказ СМ РСФСР в отведении участка под строительство водоема, самовольно заняло 60 га совхозной земли, а в 1966 г. без разрешения заняло 16,3 га под строительство дороги. Ни районные власти, ни директора совхозов решили с руководством промышленных предприятий из-за этого не ссориться. В Щекинском районе под огороды рабочих и служащих было незаконно выделено 111 га, в Кимовском — 57 га колхозных и совхозных земель, завод СК-3 на 3 га совхозных земель начал строитель-

---

3562. Л. 93 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 719. Л. 35 ; ГАБО. Ф. Р-2416. Оп. 1а. Д. 76. Л. 110, 163—164, 233; Оп. 2а. Д. 34. Л. 224—225; Д. 38. Л. 5, 173—174; Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 42. Л. 434; Д. 45. Л. 341.

[233] ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 10. Д. 64. Л. 122, 136; Д. 66. Л. 110, 176.

[234] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 723—728, 730—735.

[235] ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 11. Д. 695. Л. 94; Д. 697. Л. 11—12, 14.

ство гаражей, и т. д. По распоряжению Новомосковского производственного управления колхозы и совхозы района без решения облисполкома выделили шахтам и другим шефам 586 га под огороды рабочим и служащим, а один из колхозов отвел персонально начальнику и главному бухгалтеру шахты 2 га земли[236].

Свою систему преодоления рутины поземельных отношений вырабатывали подворья населения. Основой приусадебного хозяйства был приусадебный участок. Его в деревне прежде всего считали «своей» землей. В начале 1950-х гг. в Нечерноземье РСФСР поступления от личного хозяйства доходили до 70 % дохода колхозной семьи. В 1953 г. в Центральном районе они равнялись 51,9 % (от колхоза — 20,2 %), в 1955 г. — 46 % (от колхоза — 28 %) и в дальнейшем сохраняли важное значение для колхозной семьи[237]. Преимущественно из этого источника уплачивались поставки продуктов, налоги и займы, производились продукты для своего стола. Однако размеры приусадебных участков, установленные исходя из норм, рекомендованных Примерным Уставом сельхозартели (1935 г.) (в колхозах Центрального Нечерноземья в среднем — 0,25—0,4 га)[238], не увеличивались. Более того, государство стремилось их ограничить.

Основным способом сглаживания несоответствия между официально «подсобным» характером личного хозяйства и фактически его ведущей ролью в формировании доходов двора стали «захваты» нескольких соток приусадебной земли. Еще в ходе реализации постановления ЦК ВКП(б) от 27 мая 1939 г. «захваченная» земля была изъята у 41 % колхозных дворов страны. Особенно много их было в Центральном Нечерноземье: в Орловской области — 81,9 %, в Смоленской — 82,9 %, в Калининской — 83,3 %[239]. «Захваты» обнаружились и при реализации постановления СМ СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г., которое дало старт первой общегосударствен-

---

[236] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 39. Д. 16. Л. 91; Оп. 40. Д. 150. Л. 28; Ф. Р-3421. Оп. 1. Д. 148. Л. 137, 146.
[237] *Безнин М. А*. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье, 1950—1965 гг. С. 198—203.
[238] *Безнин М. А*. Хозяйство крестьянского двора в Российском Нечерноземье 1950—1965 гг. С. 9.
[239] *Островский Б. В*. Колхозное крестьянство в СССР : Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967. С. 71.

ной кампании послевоенных лет по проверке колхозного землепользования. Далее такие проверки стали ежегодными после посевной и перед уборкой урожая. В 1946—1952 гг. «излишки» были выявлены в большинстве колхозов Центрального Нечерноземья у 1,8—27 % подворий[240]. Самовольный захват колхозных земель и самоуправство находилось на 14-м месте по распространенности среди более чем двадцати учитывавшихся составов преступлений: за 1945 — первую половину 1955 г. в СССР за это было осуждено 253,2 тыс. чел.[241]

Меньшая, чем в конце 1930-х гг., но все же достаточно выраженная распространенность «захватов» объясняется не только тем, что таким образом колхозники стремились расширить приусадебное хозяйство, что вполне понятно с учетом малых выдач на трудодни. Урожай с «излишков» полностью, без каких-либо изъятий, поступал в распоряжение двора и был гораздо выгоднее, чем собранное с «законных» соток, так как «излишки» не фигурировали ни в фискальной, ни в земельноучетной документации. Известно много случаев, когда колхозники поили самогоном членов комиссий по обмеру приусадебных участков, чтобы те не замечали «прирезки». Разновидностью «захвата» являлся фиктивный раздел двора[242]: «выделившиеся» хозяйства регистрировались в похозяйственной книге сельсовета, в соответствии с которой производилось начисление поставок и сельхозналога. «Делились» не только ради получения дополнительного приусадебного участка, но и для льготы по уплате повинностей, которая возникала при «выделе», и удвоения количества скота в личной собственности. Другой формой нарушения землепользования были покушения на сенокосные угодья, которые не поддавались

---

[240] РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 642. Л. 51; Д. 642. Л. 69; Д. 766. Л. 398; Д. 767. Л. 129; Д. 797. Л. 58, 69, 100, 101, 151, 152; Д. 1208. Л. 152; Д. 1209. Л. 36, 37; Д. 1292. Л. 32; Д. 1293. Л. 259 ; ГАБО. Ф. Р-2201. Оп. 9. Д. 294. Л. 96; Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 6. Л. 62—63; Д. 44. Л. 8 ; ГАКО. Ф. Р-1626. Оп. 2. Д. 12. Л. 9 об. ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 591. Л. 10 ; ГАТО. Ф. Р-2248. Оп. 6. Д. 3476. Л. 114; Д. 3562. Л. 45—49.

[241] Подсчитано по: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов : в 7 т. Т. 1 : Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко ; отв. сост. И. А. Зюзина. М., 2004. С. 613—615.

[242] *Попов В. П.* Крестьянство и государство (1945—1953). Париж, 1992. С. 275 ; *Безнин М. А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье, 1950—1965 гг. С. 97 ; РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 732. Л. 94; Д. 766. Л. 113; Д. 797. Л. 69; Д. 1017. Л. 120—121; Д. 1031. Л. 13 ; ГАБО. Ф. Р-2201. Оп. 9. Д. 294. Л. 17, 97; Ф. 2224. Оп. 1. Д. 20. Л. 444 ; ГАКО. Ф. Р-883. Оп. 17. Д. 210. Л. 24 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 316. Л. 123; Д. 719. Л. 34.

учету. Всплеск нарушений землепользования колхозными дворами во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. объяснялся не только высокой потребностью в «прирезках», но и ослаблением контроля за землепользованием в военные и первые послевоенные годы.

Ключевое значение приусадебного участка в формировании доходов двора востребовало даже социальный опыт деревни периода поземельной общины в ситуациях, когда приусадебной земли не хватало. Так, в некоторых колхозах Брянской области в конце 1940-х гг. исчерпание приусадебного фонда привело к появлению дворов без приусадебного участка (по отдельным районам их насчитывалось от 300 до 900). Выражением их стремления обзавестись приусадебным хозяйством стали переделы приусадебного фонда, санкционированные облисполкомом и областным управлением сельского хозяйства, разрешившими увеличивать приусадебный фонд за счет общественной запашки[243]. Переделы, происходившие весной 1947 г. в 52 колхозах Навлинского района, производились по различным принципам и зависели, как видно, от соотношения «партий» колхозников в конкретном колхозе. Приусадебную землю делили по качеству, подушно, по едокам, в зависимости от времени вступления двора в сельхозартель, по социальному положению, составу семьи, возрасту ее членов и т. д.[244] В десятках колхозов пяти районов области переделы продолжались в 1948—1950 гг., несмотря на строжайший запрет увеличения приусадебного фонда за счет общественной запашки[245] (это право было передано колхозам по решениям облисполкомов только постановлением СМ СССР № 1240 от 22 июня 1954 г.[246]) Протесты тех, от чьих наделов отрезалась земля, не учитывались. Переделы приусадебного фонда отмечались и в других областях[247]. Давление не имевших приусадебных участков на региональную власть было столь велико, что облисполкомы ряда областей ходатайствовали перед СМ СССР об увеличении земель приусадеб-

[243] ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 6. Л. 239—240.
[244] ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 6. Л. 234, 249; Д. 8. Л. 321—322, 350—351.
[245] ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 16. Л. 37; Д. 44. Л. 428; Д. 92. Л. 33.
[246] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 723.
[247] *Попов В. П.* Крестьянство и государство (1945—1953). С. 261—266.

ного фонда за счет общественных угодий, ряд таких обращений был удовлетворен[248].

В артелях с нехваткой приусадебной земли передел часто рассматривали как способ обеспечения участком дворов с наибольшим трудовым вкладом в общественное хозяйство. Там, где безземельных не было, угроза его частичного или полного изъятия использовалась для давления на «тунеядцев». Она становилась вполне реальной для хозяйств вдов, престарелых, многодетных, которые не могли нести бремя колхозных работ наравне с дворами с несколькими трудоспособными[249]. В отношении сотен колхозников угрозы лишить приусадебного участка осуществлялись[250]. Эта мера (часто — незаконная) воспринималась как одно из самых страшных наказаний, которое нередко пускалось в ход в отношении уклонявшихся от труда в колхозе, за другие проступки или по произволу председателя[251]. В Совет по делам колхозов поступали предложения провести поравнение приусадебных участков «в целях заинтересованности в общественном хозяйстве колхозов» или же ввести наделение приусадебной землей в зависимости от степени трудового участия в общественном хозяйстве, по соотношению в семье едоков и работников, уменьшить участки в пригородных колхозах и т. п.[252]

Другим способом приспособиться к государственной собственности на землю считалось единоличное ведение хозяйства. Недовольство колхозным строем, ожидание того, что власти «снимут» колхозы, отозвались в Центральном Нечерноземье пересудами об их роспуске и выделением на хутора и малодворные поселки в военные годы, особенно на Западе РСФСР[253]. В некоторых районах власти приходилось восстанавливать колхозный строй, обобществлять индивидуальные посевы, организовывать сбор по дворам ин-

---

[248] РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 687. Л. 9.
[249] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 12. Д. 77. Л. 177, 197 ; ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 29. Л. 355.
[250] ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 316. Л. 31 ; ГАКО. Ф. Р-1626. Оп. 2. Д. 20. Л. 354.
[251] ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 10. Д. 64. Л. 106, 108; Д. 65. Л. 142, 173; Д. 67. Л. 122, 123.
[252] РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 551. Л. 10, 88, 133; Д. 658. Л. 33; Д. 1381. Л. 202.
[253] *Кометчиков И. В.* «Колхозов все равно не будет, будет установлен американский строй»: как в западнорусской деревне возникли, распространились и угасли слухи о роспуске колхозов (1942—1946 гг.) // 1945 год: формирование основ послевоенного мироустройства : Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне / под ред. В. Т. Юнгблюда. Киров, 2015. С. 430—442.

вентаря, скота и т. д.[254], что вызывало негативную реакцию деревни. Рассуждения о «выгодности» хуторской системы хозяйства были распространены среди репатриантов[255].

Кроме того сельское население хорошо усвоило особенности «тяглого» статуса земли и проживающего на ней населения, стремясь переселиться туда, где «тягло» было не столь обременительно, как в колхозе. Власть учитывала такие настроения и, планируя укрупнение колхозов 1950 г., завершила начатую еще в 1939 г. кампанию по сселению хуторов и малодворных поселков. При подготовке ликвидации хуторов в 1947—1948 гг. в Смоленской области было учтено 4721 хозяйство хуторского типа, в Тульской — 102, в Великолукской — 20 437, в Брянской области — 201 хутор и 177 мелких поселков (1229 хозяйств)[256].

Однако «слободы» из усадеб ушедших из колхозов стихийно возникали вокруг областных и районных центров. Их жители стремились использовать преимущества статуса и городской, и колхозной семьи. К 1945 г. в черте г. Калуги под индивидуальные и коллективные огороды было занято 209 га колхозной земли, в Москве — 5957 га, в Орле — 1037 га, в Туле — 562 га, в Щекино Тульской области — 70 га и т. д., а всего в Центральном Нечерноземье — 19,9 тыс. га колхозной земли[257]. Председатель располагавшегося рядом с г. Орлом колхоза «Пробуждение» жаловался секретарю Орловского обкома ВКП(б) Л. И. Крылову в 1949 г.: «Что делается вокруг города Орла? Все дают и дают и дают усадьбы под строительство домов, но кому дают усадьбы? Колхозникам, бежавшим из колхозов от трудностей после войны, от государственных поставок мяса, молока, яиц, от налогов. Вот сотни — тысячи крестьян бегут в город… а здесь этим проходимцам дают усадьбы, а в

---

[254] *Кометчиков И. В.* «Продовольственные затруднения» в западнорусской деревне 1942—1945 гг. (по материалам перлюстрации частной корреспонденции военной цензурой НКГБ СССР) // Вторая мировая война: история и историческая память : Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию начала Второй мировой войны / под общ. ред. Ю. В. Родовича. Тула, 2019. С. 101.

[255] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1845. Л. 90, 92 ; ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 1079. Л. 67 ; ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 2885. Л. 7.

[256] РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 732. Л. 23; Д. 766. Л. 216, 309; Д. 767. Л. 307 ; ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 6. Л. 231—233, 375; Ф. Р-6. Оп. 3. Д. 232. Л. 175 ; ГАТО. Ф. Р-2248. Оп. 6. Д. 3477. Л. 51 об.

[257] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 658. Л. 35, 36, 42—44.

колхозе оставляют старого отца и мать, зная заранее, что старики налогов не платят. Отец или мать имеют усадьбу 0,50 га в колхозе и сыну, убежавшему в город, тоже дали усадьбу…»[258] В Рязанской области к 1949 г. проживало на территории колхозов, но работало в различных предприятиях района, 76,5 тыс. трудоспособных колхозников (около 20 % их количества), в Калужской области — 34,7 тыс.[259] На окраине г. Алексина Тульской области за несколько лет появилась новая улица, которую местные называли «Лентяевкой»: ее жители не работали ни в колхозах, ни на предприятиях. То же наблюдалось в Каменском районе, в Рославле, Вязьме, Ярцеве, Смоленске[260]. Многие правления колхозов наделяли приусадебной землей при условии подписки на заем, отработки определенного количества трудодней и т. п., в результате некоторые пользовались сразу несколькими приусадебными участками. Автор злого анонимного письма из Орловской области, адресованного ЦК КПСС и СМ СССР, восклицал в начале 1961 г.: «Мужик перестроился, он стал колхозник-рабочий. Старуху лет 60-ти для приличия оставят в колхозе, а все едут в город на производство. Таким образом, молодежь, трудоспособные на производстве хорошо зарабатывают, а старуха в доме привязалась к колхозу, хотя в нем не работает, но зато имеет 25 соток земли, дом, сад, коров, овец, телят, свиней, гусей, кур и т. д. И все это тащится на базар…»[261]

Наступление государства на приусадебные хозяйства и другие неподконтрольные сферы экономической активности населения, развернувшееся во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг.[262], укрупнение колхозов, их массовое преобразование в совхозы, оргнабор рабочей силы и другие факторы раскрестьянивания обусловливали переориентацию социального иммунитета деревни на поиск внедеревенских заработков и миграцию в города, стимулировали угасание приусадебного хозяйства и ценностей крестьянского

---

[258] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 4. Д. 181. Л. 23 об.
[259] РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 920. Л. 175 ; ГАКО. Ф. Р-3469. Оп. 1. Д. 4476. Л. 3.
[260] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 16. Д. 2. Л. 257—258; Оп. 19. Д. 5. Л. 169 ; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 578. Л. 221—228.
[261] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 2032. Л. 125—125 об.
[262] ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 11. Д. 697. Л. 14 ; *Пыжиков А. В.* Хрущевские эксперименты в правоохранительной сфере (конец 1950-х — начало 1960-х гг.) // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 107—108.

труда, что стало устойчивой тенденцией в последующие десятилетия[263]. Все меньше колхозников стремились нелегально увеличить размеры приусадебных хозяйств, так как с ними конкурировали более выгодные и легальные заработки. Сказывалось и увеличение числа дворов, не способных по демографическим и другим причинам обработать не только «прирезки», но и «законные» сотки. В 1950—1965 гг. в Нечерноземье РСФСР «захватчиками» 0,02—0,07 га земли ежегодно являлись лишь 4—10 % дворов[264].

Под давлением власти, в 1954—1956 гг. рекомендовавшей правлениям скупать усадьбы тех, кто не проживал в колхозе постоянно, уменьшать размеры приусадебных участков у дворов с недостаточным трудовым участием в общественном хозяйстве, в зависимости от этого устанавливать количество скота в нем[265], а также по собственной инициативе деревня сокращала приусадебное землепользование. Так, за 1950—1965 гг. количество колхозных дворов в Центральном Нечерноземье сократилось с 2321,7 тыс. до 936 тыс. (на 60 %), а количество усадебной земли — с 804 тыс. до 296 тыс. га (на 63 %), при этом в каждой области средний размер приусадебного участка колхозного двора уменьшился в среднем на несколько сотых гектара[266]. Только в 1955—1965 гг. фонд приусадебной земли в пользовании сельского населения сократился с 1040 тыс. га до 634 тыс. га (на 40 %)[267].

Была в этом и немалая доля усилий власти по «окончательному» сворачиванию приусадебного хозяйства. Но чаще деревня сама приходила к выводу о нецелесообразности его ведения. 26 марта 1954 г. СМ СССР даже принимает постановление, устанавливавшее порядок рассмотрения собраниями колхозов заявлений проживавшего в них населения об уменьшении приусадебных участков[268]. Уже упоминавшийся председатель пригородного колхоза

---

[263] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Личное приусадебное хозяйство как индикатор отмирания аграрного общества в России // Вопросы истории. 2019. № 2019. № 12 (1). С. 84—96.
[264] *Безнин М. А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье, 1950—1965 гг. С. 94, 102—103.
[265] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 127, 791.
[266] Подсчитано по: *Безнин М. А.* Хозяйство крестьянского двора в Российском Нечерноземье 1950—1965 гг. С. 9, 24.
[267] Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1956 году. С. 160, 161 ; Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. С. 188.
[268] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 799—800.

«Пробуждение» Орловского сельского района в другом письме, адресованном секретарю Орловского обкома КПСС В. С. Маркову, жаловался: «Отрезкой усадеб теперь не застращаешь. Они говорят: отрезайте, в городе хлеба хватает… <…> Народу в городе полно, много таскаются без дела, но в колхоз никто ни ногой. Все хотят жить в городе на готовом хлебе…»[269] Если по данным переписи 1959 г. 263,5 тыс. чел. (1,7 % трудоспособного населения Центрального Нечерноземья) указали «личное подсобное сельское хозяйство» как источник средств к существованию (от 0,9 % — в Московской до 6 % — в Рязанской области), то к концу 1960-х гг. при том, что на селе Центрального Нечерноземья насчитывалось 104 тыс. чел., не занятых в общественном производстве и не учившихся (1,3 % сельского населения), количество живущих на доходы от ведения личного подсобного хозяйства среди них колебалось от 3,9 % в Московской до 26,8 % в Рязанской[270]. Единовременное обследование доходов и жилищных условий семей рабочих и служащих РСФСР на сентябрь 1967 г. показало отсутствие среди неработавших и неучившихся в семьях, проживавших в сельской местности Центрального района, тех, кто мог бы устроиться, но не делал этого из-за занятости в личном подсобном хозяйстве (не могущих или не желающих трудоустроиться из-за занятости в ЛПХ при этом было 4,9 % от общего числа незанятых). В то же время на 100 хозяйств семей рабочих и служащих, проживавших в сельской местности, приходилось в среднем больше, чем в хозяйствах рабочих и служащих — жителей городов, крупного рогатого скота — в 28 раз, почти в 10 раз — свиней, в 29 раз — овец, в 7 раз — птицы. Площадь посева на участках живших на селе была в среднем почти в 5 раз больше, чем у горожан[271], что отражало их большую зависимость от поступлений из ЛПХ. Важной причиной сокращения числа живущих приусадебным хозяйством было

[269] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 496. Л. 84 об.

[270] Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР / отв. за вып. К. А. Орехов. М., 1963. С. 158—161 ; Незанятое население РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.) : в 2 т. Т. 1. М., 1971. С. 30, 127, 133, 139, 145, 151, 157, 168, 172, 180, 186, 192, 198 ; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 1 : Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М., 1972. С. 11.

[271] Подсчитано по: Состав семей, доходы и жилищные условия рабочих и служащих РСФСР … С. 107, 250—253.

увеличение денежных поступлений от государства, колхозов, кооперативных организаций, которые за 1950—1965 гг. на селе областей Центрального Нечерноземья возросли на 48—60 %, повышение оплаты труда низкооплачиваемым рабочим и служащим[272].

В растущей отстраненности многих жителей деревни от приусадебной земли играло роль и то, что все больше реальных полномочий по распоряжению ею сосредоточивается в руках председателей колхозов и директоров совхозов, которые вели себя как полновластные собственники. Несмотря на закрепленное в Уставе сельхозартели право общего собрания определять размеры приусадебных участков, фактическое наделение ими с учетом качества и расположения участка происходило при ведущей роли председателя. Колхозников, не вырабатывавших минимум, с подачи председателей часто его вовсе лишали. Свободно распоряжающийся колхозной землей председатель — главная фигура жалоб колхозников во власть[273]. В декабре 1961 г. на председателя колхоза им. Сталина Воловского района Тульской области поступила жалоба в редакцию «Сельской жизни», автор которой — участник Великой Отечественной войны — за отказ подвозить воду на ферму был наказан председателем, распорядившимся запахать его сад и огород с урожаем. «Дорогая редакция, я уже измучился, я изнемог. Неужели на такого варвара нет управы? Я голодаю, а председатель сейчас надо мной форменным образом издевается. <…> Так и заявляет во всеуслышание, что участки Малую Шишовку и Большую Шишовку сотрет с лица земли. Стало боязно на свете жить. Милиция и районные организации перед ним все пляшут…»[274]

Еще более бесконтрольным распорядителем земли виделся директор совхоза, единолично принимавший решения о наделении и изъятии приусадебного участка и по другим вопросам землепользования. После издания постановления СМ РСФСР от 30 декабря 1963 г. № 1479 ряд сельских облис-

---

[272] Подсчитано по: *Безнин М. А.* Материальное положение колхозников Российского Нечерноземья в 1950—1965 гг. С. 33 ; Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 549—552.
[273] ГАРО. Ф. П-6589. Оп. 1. Д. 82. Л. 168—169; Д. 215. Л. 75; Д. 218. Л. 22 ; ГАНИСО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 73. Л. 75 ; ГАТО. Ф. П-163. Оп. 1. Д. 54. Л. 151; Д. 88. Л. 187; Д. 90. Л. 113; Д. 94. Л. 275 ; ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 845. Л. 96 об.—97; Д. 2102. Л. 20.
[274] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 31. Д. 81. Л. 179—180.

полкомов не определил размеров приусадебных участков и участков под огороды или же установил только их предельные размеры, что привело к массовым жалобам на произвольное установление их размеров или необоснованное уменьшение. Чаще всего уменьшению подвергались участки одиноких, престарелых, нетрудоспособных, пенсионеров — бывших работников совхозов, рабочих и служащих, члены семей которых работали вне совхозов[275]. Из совхоза «КИМ» Скопинского района Рязанской области писали в «Сельскую жизнь» весной 1963 г. про то, как с 1961 г. дирекция совхоза действовала «по своему усмотрению и вкусу», отобрав приусадебные участки: «Директор совхоза издал такой приказ: изъять приусадебные участки, за исключением по своему усмотрению выделить некоторым рабочим по 0,15 гектара и ликвидировать личный скот. Пастбище для личного скота не дают и не разрешают даже пасти по выгону, что привело нас в печальное положение…»[276]

При этом сами представители местной власти нередко имели ориентированное на рынок личное хозяйство, пользуясь несколькими приусадебными участками и угодьями. По мнению автора письма из Становлянского района Орловской области, РК ВКП(б), где квартировал один из его секретарей, больше напоминал «комбинированный совхоз», так как около него содержалось несколько сотен голов птицы и другая живность местного партийного вожака, которую он кормил колхозным зерном[277]. Из колхоза «Россия» Верховского района сообщали в Орловский обком КПСС о председателе сельсовета, имевшем усадьбу площадью около гектара, которая, будучи окруженной колхозным полем, напоминала отруб столыпинских времен[278].

Со временем переставали восприниматься как «свои» колхозные угодья, так как в укрупненном колхозе их становилось сложнее использовать во благо «своей» деревни и своего подворья. В письме Н. А. Булганину агроном Большесельской МТС Ярославской области летом 1955 г. излагал причины, мешавшие, по его мнению, «подъему» колхозов области: «В крупных колхо-

[275] ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 11. Д. 1297. Л. 1—4.
[276] ГАРО. Ф. П-6589. Оп. 1. Д. 82. Л. 183, 184.
[277] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 5. Д. 219. Л. 4—4 об.
[278] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 1360. Л. 120—120 об.

зах колхозник перестал чувствовать и видеть себя хозяином колхоза, так как общие собрания редки… <…> В результате этого резко изменилось отношение колхозников к общественном имуществу и к труду. (Имущество стало считаться “че-то”, “колхозное”, но не их общественное)…»[279] Чтобы подступиться к земельным ресурсам, теперь нужно было налаживать неформальные контакты с администрацией колхоза, лесхоза, водной станции и т. п. Возможность повседневного и непосредственного обращения к земельным угодьям обрывается[280].

Результатом работы социального иммунитета деревни в сфере поземельных отношений можно считать замедление их раскрестьянивающего действия за счет легального и нелегального использования земельных угодий колхозов и госхозов. Однако к началу 1960-х гг. значительная часть его потенциала, связанная с приусадебным хозяйством, стала неактуальной, о чем свидетельствовал нарастающий кризис подворий населения.

1.3. Власть и сельский социум в сфере трудовых отношений

Доминирование власти в экономике позволяло ей в значительной степени определять сферу трудовой повседневности сельского социума, которая охватывала труд в общественном хозяйстве колхозов, в совхозах и МТС, в личном хозяйстве и отходе. Рассмотрим сначала основные институты, посредством которых и в которых власть контролировала трудовые отношения. Как уже было показано, на протяжении изучаемого периода трудовая нагрузка в сельском хозяйстве Центрального Нечерноземья росла вследствие уменьшения количества трудоспособного населения, не компенсировавшегося ростом механизации и электрификации. Основным направлением решения этой проблемы в общественном хозяйстве колхозов, госхозах стало развитие форм производственной кооперации и специализации труда.

---

[279] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 63. Д. 6. Л. 53—53 об.
[280] *Виноградский В. Г.* «Орудия слабых» … С. 173.

Важной частью мер по регулированию трудовой нагрузки в колхозах была бригадная система — простейшая форма производственной кооперации колхозников с первых лет коллективизации[281], теснившая семейную и межсемейную трудовую кооперацию. Большинство трудоспособных делилось на бригады, которые создавались в каждой отрасли общественного хозяйства. В постоянный состав бригад не включались занятые на административно-хозяйственных, общеколхозных работах (кладовщик, счетовод и т. д.), на обслуживании машин МТС. За полеводческой бригадой закреплялись участки в каждом поле севооборота, сенокосы и земли, подлежащие освоению, орудия труда, рабочий скот и постройки. Аналогом полеводческой бригады в животноводстве выступала ферма[282]. Звенья в полеводстве было рекомендовано создавать для выращивания культур, требующих значительного ручного труда, исходя «из местных условий» с расчетом выполнения всех работ на закрепленных участках. Учет урожая должен был проводиться отдельно по каждому звену и члену звена путем взвешивания собранного в течение дня. С 1941 г. полученная звеном или бригадой сверхплановая урожайность или продуктивность животноводства поощрялись дополнительными выдачами на трудодни[283].

Ведущим фактором эволюции бригадной системы стал рост механизации колхозного производства, стимулировавший выработку форм взаимодействия труда и индустриального капитала. В колхозах Центрального Нечерноземья до середины 1950-х гг. основным типом бригады была полеводческая, обслуживавшая тракторную бригаду МТС — основную производственную единицу МТС. Однако и эффективность работы тракторной бригады часто зависела от работы полеводческой[284]. В 1954—1955 гг. в колхозах Центрального Нечерноземья насчитывалось около 54 тыс. полеводческих

---

[281] *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство от Сталина к Хрущеву. С. 37.

[282] Нормы выработки и оплата труда в колхозах : Сборник материалов для колхозов Смоленской и Орловской областей. М., 1943. С. 73—74, 82—83, 87—88 ; Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 345—346.

[283] Справочник председателя колхоза. С. 126—133 ; Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 135—136.

[284] *Томилин В. Н.* Наша крепость … С. 213, 253—254.

бригад, а специализированных (по кормодобыванию, овощеводческих и садоводческих) — 5 % от этого количества. Комплексных полеводческо-животноводческих бригад, обслуживавших весь цикл взаимосвязанных работ, не было. Однако уже в 1956 г. из 58 тыс. полеводческих бригад 5 % были специализированными, 15,2 % — комплексными, в 1957 г. — 55,7 тыс. бригад, 4,5 % и 17 % соответственно. Продажа техники МТС в 1958 г. еще более изменила соотношение механизированных и немеханизированных бригад: из 53,4 тыс. бригад 3 % были специализированными, 22,4 % — комплексными, 12,5 % — тракторными, в 1959 г. из 46,6 тыс. — 2,1 %, 32 % и 16,3 %, в 1960 г. из 33,8 тыс. — 2,1 %, 40 % и 15 % соответственно. При этом число тракторно-полеводческих бригад за 1957—1960 гг. уменьшилось с 218 до 175. Таким образом, количество полеводческих бригад за 1954—1960 гг. сократилось с 95 до 43 %[285]. Их длительное преобладание в Центральном Нечерноземье, как представляется, являлось следствием в целом невысокой механизации работ в полеводстве.

Стремление власти еще больше специализировать ручной труд колхозников посредством производственных звеньев внутри бригад также было обусловлено дефицитом механизации, наталкивалось на нехватку рабочей силы. Из года в год большая часть звеньев распадалась из-за невыходов на работу части колхозников, их переброски на другие участки, запущенного учета труда и по другим причинам, вследствие чего объем работ в звене не выполнялся. В 1948 — середине 1950-х гг. до конца уборки ежегодно распадалось до 70 % звеньев, созданных в начале года[286].

В полеводстве совхозов в 1946—1950 гг. также преобладали звенья ручного труда в составе бригады. 30 октября 1947 г. решением коллегии Министерства совхозов СССР предусматривалось иметь на каждой ферме и в отделении совхоза механика и освобожденного бригадира на каждые пять

[285] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 5400. Л. 8, 10, 12, 14; Д. 5714. Л. 30; Д. 5997. Л. 53, 55; Д. 6244. Л. 56, 58; Д. 6538. Л. 7, 9; Д. 6810. Л. 127, 129; Д. 7144. Л. 8, 10, 12.

[286] Подсчитано по: ГАТО. Ф. Р-3020. Оп. 12. Д. 397. Л. 75 об.; Д. 466. Л. 14; Д. 543. Л. 11; Д. 606. Л. 42; Д. 672. Л. 35; Д. 741. Л. 172 ; ГАБО. Ф. Р-2201. Оп. 9. Д. 78. Л. 3 об.; Д. 79. Л. 2; Д. 80. Л. 2; Д. 81. Л. 3; Д. 82. Л. 3; Д. 83. Л. 4 ; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 5400. Л. 8, 10, 12, 14; Д. 5714. Л. 30; Д. 5997. Л. 53, 55; Д. 6244. Л. 56, 58; Д. 6538. Л. 7, 9; Д. 6810. Л. 127, 129; Д. 7144. Л. 8, 10, 12.

тракторов. При этом тракторные бригады совхозов находились в подчинении бригадира-полевода (иногда им назначался бригадир тракторной бригады). В конце 1950 г. коллегия Министерства совхозов СССР признала бригаду «лучшей формой организации труда». Организация работ, строившаяся вокруг обслуживания звеном агрегата, соединенного с мощным трактором, была признана актуальной только там, где было достаточное количество такой техники. На бригады возлагалось проведение работ по полеводству, кормодобывание, улучшение кормовых угодий, закреплялись участки на период севооборота, техника, скот, инвентарь. Руководство бригадами возлагалось на бригадиров, назначавшихся из числа агротехников, механиков, бригадиров тракторных бригад. Звенья продолжали применяться в овощеводстве, садоводстве и других отраслях с большой долей ручного труда. С конца 1940-х гг. в состав звеньев начали включать тракторы и другую технику. В животноводстве основной формой организации труда была животноводческая бригада, члены которой большую часть работ выполняли вручную[287]. Тракторно-полеводческие бригады в отделения совхозов стали распространяться с середины 1950-х гг. Основной ячейкой производственной структуры совхозов МСХ СССР они стали с конца 1950-х гг. Там, где для этого были условия (прежде всего — достаточное количество специализированной техники), создавались механизированные звенья в полеводстве. В совхозах, создаваемых на базе экономически слабых колхозов, сохранялись самостоятельные тракторные бригады, обслуживавшие несколько полеводческих бригад и ферм[288].

Бригадная система оформляла дифференциацию норм выработки и расценок в зависимости от квалификации работника, трудоемкости работы, степени выполнения им плановых заданий. Рассмотрим эту дифференциацию применительно к представителям основных социальных страт деревни Центрального Нечерноземья. Система нормирования, учета и оплаты труда в колхозах в классическом виде сформировалась в конце 1930-х гг. и до конца

---

[287] Справочная книга директора совхоза : в 2 т. 2-е изд., испр. / под ред. М. А. Абросимова. М., 1953. Т. 1. С. 164—165, 183—184 ; *Зеленин И. Е.* Совхозы СССР в 1941—1950 гг. М., 1969. С. 219—227.
[288] *Богденко М. Л.* Совхозы СССР, 1951—1958. С. 258—262.

1950-х гг. развивалась в направлении увеличения минимума трудодней и пересмотра расценок и норм выработки с учетом механизации, производительности труда «добросовестно работающих колхозников» и «необходимости экономного расходования трудодней»[289]. Региональные власти, с середины 1950-х гг. утверждавшие нормы выработки и расценки работ в трудоднях, стремились рекомендовать «своим» колхозам их более «взвешенный» вариант, чем разработанный НКЗ СССР в 1930—1940-е гг.

Самым консервативным элементом являлись нормы выработки и расценки на конно-ручные работы. Так, в растениеводстве в колхозах Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х гг. они подразделялись на семь—девять групп трудоемкости (от 0,5 до 2,5 трудодня за норму выработки). Сопоставление рекомендованных норм и расценок, действовавших в 1945, 1948 и 1959 г., показывает, что тенденцией стал опережающий некоторое увеличение норм выработки рост их оплаты в трудоднях. Например, в колхозах Орловской области норма выработки на сборе падалицы фруктовых деревьев в 1945 г. составляла 2,5—5 цент. плодов за 0,5 трудодня, в 1948 г. — 3—5 цент. за 0,5 трудодня, в 1959 г. — 3—5 цент. за 1 трудодень; на сборе земляники: 10—30 кг ягод за 0,75 трудодня, 25—40 кг за 1,25 трудодня, 30—40 кг за 1,25 трудодня; на посадке картофеля под плуг: 0,25 га за 1 трудодень, 0,30—0,35 га за 1,25 трудодня, 0,25 га за 1,25 трудодня; на вывозке навоза на поле на расстояние до 1 км с погрузкой и выгрузкой: 14 возов (по 400—500 кг каждый) за 1,25 трудодня, 12—15 возов за 1,25 трудодня, 12—15 возов за 1,75 трудодня; на вспашке одноконным плугом тяжелых почв на глубину до 20 см: 0,75 га за 1,5 трудодня, 07—0,9 га за 2,25 трудодня, 0,5—0,7 га за 2,25 трудодня; на посеве зерновых 11-рядной сеялкой: 4,5 га за 1,5—1,75 трудодня, 4 га за 2 трудодня, 4—5 га за 2 трудодня; на расстановке вымоченной конопли: 500—600 снопов за 1,5 трудодня, 500—550 снопов за 2 трудодня, 500—600 снопов за 1,75 трудодня соответственно.

---

[289] КПСС в резолюциях …, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986) : в 16 т. 9-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. А. Г. Егорова и К. М. Боголюбова. Т. 7 : 1938—1945. М., 1985. С. 114, 281—282; Т. 8. С. 140 ; Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 127.

Подобным же образом развивались система норм выработки и расценок в трудоднях в колхозном животноводстве с той разницей, что в конце 1950-х гг. его работникам рекомендовалось начислять трудодни и денежную оплату[290].

Натуральная и денежная составляющие фонда оплаты труда в колхозах формировались по остаточному принципу, после выполнения всех обязательств перед государством, формирования семенных, страховых, рыночных и иных фондов, а средние выдачи продуктов и денег на трудодень в колхозах Центрального Нечерноземья были незначительны и в начале 1950-х гг. составляли от 0,5 до 1,2 кг зерна, от 0,3 до 3 кг картофеля, от 0,1 до 2 руб.[291]

Постановление СМ СССР от 16 февраля 1952 г. № 871 даже осудило распределение по трудодням всех доходов колхозов после выполнения обязательств как «антиколхозное» и наносящее ущерб государству[292]. В 1950—1965 гг. средний размер поступления продуктов и денег из колхоза на одну семью был небольшим и непостоянным по величине, не превышая в год 200—600 кг зерна (что составляло большую часть прихода зерна в бюджете колхозной семьи на протяжении изучаемого периода), 100—400 кг картофеля, до 150 кг овощей. Почти не поступало из колхоза мясо и сало. Поступления денег составляли 50—500 руб. на семью[293]. В 1964 г. оплата человекодня колхозников, занятых на конно-ручных работах, равнялась 1,42 руб., в 1965 г. — 1,86 руб., а средняя оплата труда — 24 и 32 руб. в месяц, доярок и телятниц в 1965 г.— 2,2—2,7 руб., 72—90 руб. соответственно[294]. При этом из 2,9 тыс. колхозов нечерноземного Центра, распределявших зерно и деньги

---

[290] Нормы выработки и оплата труда в колхозах : Сборник материалов для колхозов Смоленской и Орловской областей. М., 1943. С. 12, 17, 18, 19, 30, 51, 59, 85—93 ; О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах. Постановление Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 г. № 1259. М., 1948. С. 14—22, 38, 42, 44, 46, 50—51, 53, 75, 77 ; Справочник по оплате труда и нормированию в колхозах / отв. за вып. К. Слепцова. Орел, 1960. С. 67, 78, 94, 103, 137—138, 341—356.

[291] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 112. Л. 267, 269 об., 272, 274.

[292] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 356—358.

[293] *Безнин М. А*. Материальное положение колхозников Российского Нечерноземья в 1950—1965 гг. С. 2—23, 30.

[294] Основные экономические показатели по производительности и оплате труда колхозов РСФСР за 1961—1968 годы. Ч. 1. С. 142, 148, 154, 244, 249, 254.

по трудодням, 60 % выдавали на трудодень до 1 кг, 63 % — до 1 руб., 50 % выдавали в среднем на одного колхозника в год до 360 руб.[295]

Типовые нормы выработки на конно-ручных работах рабочих совхозов в растениеводстве тарифицировались по 4—6 разрядам (разница между тарифами крайних разрядов в 1945 г. составляла 129 %, в 1959 г. — 200 %) и были во многих случаях сопоставимы с нормами выработки в колхозах, как и нормы выработки в совхозном животноводстве, а расценки в течение изучаемого периода повышались[296]. В 1961 г. типовые расценки на конно-ручные работы и работы в животноводстве в госхозах МСХ РСФСР тарифицировались по шести разрядам и при повременной системе оплаты составляли 1,56—2,81 руб., при сдельной — 1,72—3,09 руб.[297], что в целом соответствовало средней оплате человеко-дня в колхозах Центрального Нечерноземья, которая в 1964—1965 гг. составила: на конно-ручных работах — 1,42 руб., доярок — 2,78 руб., телятниц — 2,40 руб., свинарок — 3,19 руб.[298]

И в колхозах, и в совхозах предусматривалась дополнительная оплата труда занятым в основном производстве за превышение плановых показателей, урожайности и продуктивности животноводства (для колхозников — при выработке минимума трудодней), высокое качество работ, а с начала 1960-х гг. — и за сверхплановую продукцию, сокращение издержек производства[299].

---

[295] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 37. Д. 1639. Л. 64, 65, 71.

[296] Подсчитано по: Организация труда и заработная плата в совхозах : сборник постановлений и приказов. М., 1948. С. 36—78 ; Действующие расчетные ставки и порядок оплаты на конно-ручных работах в растениеводстве в совхозах, конных заводах, селекционных и опытных станциях, питомниках, учебных и других хозяйствах Министерства сельского хозяйства Союза ССР / ред. М. С. Мансурова. М., 1950 ; Оплата труда в совхозах : сборник материалов по оплате труда и нормам выработки в совхозах / отв. ред. П. И. Федоров. М., 1960. С. 96—170.

[297] Указания по практическому применению новых типовых положений об оплате труда рабочих, руководящих работников, специалистов и служащих совхозов, племенных и конных заводов и других государственных предприятий сельского хозяйства системы Министерства совхозов РСФСР. М., 1961. С. 22.

[298] Основные экономические показатели по производительности и оплате труда колхозов РСФСР за 1961—1968 годы. Ч. 1. С. 142, 148, 154.

[299] Нормы выработки и оплата труда в колхозах. С. 5—6, 79—124 ; О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах. С. 10—22 ; Организация труда и заработная плата в совхозах. С. 34—38, 113—232 ; Оплата труда в совхозах. С. 97, 180—187 ; Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 341—343; 556—557 ; Указания по практическому применению новых типовых положений об оплате труда рабочих, руководящих работников, специалистов и служащих совхозов, племенных и конных заводов и других государственных предприятий сельского хозяйства системы Министерства совхозов РСФСР. М., 1961. С. 23, 29.

Следует отметить, что учет труда на конно-ручных работах был очень громоздок. В колхозах только перечень работ в растениеводстве и кузнечном деле с указанием норм выработки и расценок в середине 1940-х гг. составлял более 500 позиций и в дальнейшем рос[300]. К 1960 г. только в растениеводстве совхозов МСХ РСФСР выделялось более тысячи видов работ[301].

Нормы выработки «рабочей аристократии» в 1945 — начале 1960-х гг. на одинаковой технике несколько повысились. Это можно проследить на примере динамики ряда сменных норм выработки трактористов на тракторах «Универсал», СТЗ-НАТИ (АСХТЗ-НАТИ) и СХТЗ, которые эксплуатировались в Центральном Нечерноземье в изучаемый период. Если к 1948 г. сменная норма пахоты старопахотных земель с предплужниками на глубину 20—22 см на тракторе СТЗ-НАТИ составляла 6—7 га, боронования — 70—90 га, сева зерновых — 28—32 га, то в 1959 г. — 5,0—8,8 га, 39—85 га, 20—37 га; на тракторе СХТЗ — 3,6—4,0 га, 30—40 га, 12—15 га, в 1959 г. — 3,2—3,7 га, 25—43 га и 11—15 га соответственно; на тракторе «Универсал» в 1948 г. боронования — 20—28 га, сева зерновых — 9—12 га, в 1959 г. — 23—32 га и 10—13 га соответственно.

На более совершенной технике нормы выработки были выше. Так, суточная норма пахоты старопахотных земель на глубину 20—22 см на тракторе С-80 составляла в 1959 г. в областях Центрального Нечерноземья 9,6—12,4 га, а на тракторе «Универсал» — 2,2—2,7 га[302]. В 1956 г. были введены дифференцированные нормы выработки на тракторных работах МТС с отклонением до 25 % от типовых в зависимости от характеристик участков[303].

---

[300] Нормы выработки и оплата труда в колхозах. С. 70 ; Примерные нормы выработки и единые расценки в трудоднях основных сельскохозяйственных работ в колхозах. 2-е испр. и доп. изд. / сост. М. А. Гусев, Л. Г. Чекунова. Кострома. 1955 ; Примерные нормы выработки и расценки работ в трудоднях на новые работы в колхозах, не предусмотренные постановлением Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 года / отв. за вып. Н. Латышев. Брянск, 1955 ; Краткий справочник по примерным нормам выработки и расценкам в трудоднях на основные работы в колхозах Тульской области / отв. за вып. К. П. Медведева. Тула, 1959.

[301] Подсчитано по: Оплата труда в совхозах. С. 107—158.

[302] Подсчитано по: Справочник по оплате труда в машинно-тракторных станциях / ред. Н. П. Трофимов. М., 1948. С. 13—14, 22—23, 25—26 ; Организация труда и заработная плата в совхозах. С. 4—7 ; Нормы выработки и оплата труда в совхозах. С. 6—8, 25 ; Справочник по оплате труда и нормированию в колхозах. С. 10—12.

[303] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 407—409.

С точки зрения оплаты труда «рабочая аристократия» имела ряд преимуществ по сравнению с занятыми на конно-ручных работах. С 1 января 1939 г. трактористам, бригадирам тракторных бригад и их помощникам выплачивался государством гарантийный минимум в размере 2 руб. 50 коп., а колхозами — гарантийная оплата зерном (не менее 3 кг зерна на трудодень) и разница между гарантийной денежной и натуральной оплатой и стоимостью денежной и натуральной части трудодня, если последняя была ниже нее. Гарантийный минимум был распространен и на учетчиков-заправщиков тракторных бригад МТС[304]. По решению февральского пленума ЦК ВКП(б) оплата работников тракторных бригад была поставлена в зависимость от выполнения планов урожайности: тогда гарантийный минимум составлял 3 кг зерна на трудодень, при невыполнении — 2 кг[305]. 20 июля 1948 г. были установлены следующие расценки за норму выработки: на тракторе ЧТЗ-СГ-65 — 7 трудодней, на гусеничных тракторах — 5, на СТЗ-ХТЗ — 4,5, на тракторе «Универсал» — 4.

На работников тракторных бригад была распространена система, предусматривавшая, как и в колхозах, начисление и списание трудодней в зависимости от качества работ и достижения плановой урожайности, а списанные трудодни не оплачивались. Предусматривались удержания за перерасход горючего, премии в размере 10 % трудодней для трактористов 1-го класса при условии выработки сменной нормы[306]. В 1951 г. гарантийный минимум работникам тракторных бригад был повышен до 4 руб., учетчикам-заправщикам — до 2 руб., и еще раз повышен в 1953 г.[307]

С 1956 г. выплачивать его должны были колхозы и лишь при дефиците денежных доходов — МТС. С 1957 г. денежный заработок работников трак-

---

[304] История колхозного права : Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917—1958 гг. : в 2 т. / рук. колл. сост. Н. Д. Казанцев. Т. 2. М., 1958. С. 60 ; Справочник председателя колхоза. С. 100—102.
[305] *Томилин В. Н.* Наша крепость … С. 215.
[306] Справочник по оплате труда в машинно-тракторных станциях. С. 17—18, 42, 43, 49—50.
[307] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 370; Т. 2. С. 7 ; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам … Т. 4. С. 99.

торных бригад должен был выплачиваться МТС из перечисленных колхозами сумм[308].

Сменные нормы выработки и расценки труда комбайнеров МТС на протяжении изучаемого периода повысились на уборке зерновых с 8—9 га (4 га — для северного комбайна) до 10—12 га (в зависимости от модели комбайна и территориальной зоны). Оплата труда являлась сдельно-прогрессивной и также зависела от типа комбайна: в 1948 г. за каждый убранный гектар в пределах нормы полагалось 2,89—2,94 руб. с оплатой 1,5 руб. за каждый гектар свыше нее, а в конце 1950-х — начале 1960-х гг. — 2,89—3,53 руб. с оплатой 1,5—1,8 руб. за каждый гектар свыше. Предусматривались и многочисленные надбавки за количество намолоченного, экономию горючего и т. д.[309] К середине 1950-х гг. заработки механизаторов МТС центра РСФСР существенно повысились, почти в 10 раз превосходя заработок колхозников[310].

В совхозах в конце 1940-х гг. действовала сдельно-прогрессивная оплата труда трактористов по ставкам, дифференцированным по четырем зонам в зависимости от марки трактора с доплатой за каждый гектар сверх нормы, а в конце 1950-х — начале 1960-х гг. — по твердым ставкам с увеличением расценок на 20—40 % за сложность и на 10 % — за квалификацию (класс) при условии выполнении сменных норм[311].

К началу 1960-х гг. ставки оплаты труда трактористов совхозов II группы (куда относилось большинство областей Центрального Нечерноземья) производились по шести тарифным разрядам и при повременной системе колебались в пределах 2,60—5,40 руб., при сдельной — 2,90—6,0 руб.[312] Нормы выработки и оплата труда комбайнеров в совхозах примерно соответствовали действовавшим в МТС, а позже в колхозах: в 1960 г. за убранный

---

[308] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 383—385.
[309] Справочник по оплате труда в машинно-тракторных станциях. С. 51—57 ; Справочник по оплате труда и нормированию в колхозах. С. 38—39 ; Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 388—390.
[310] *Томилин В. Н.* Наша крепость … С. 235.
[311] Нормы выработки и оплата труда в совхозах. С. 84—87.
[312] Указания по практическому применению новых типовых положений об оплате труда. С. 22.

гектар полагалось 1,85—2,60 руб. и 24—29 коп. за каждый центнер намолоченного хлеба[313]. Из-за гарантийного минимума от колхоза и доплат из МТС оплата механизаторов в МТС нередко была в целом выше, чем в совхозах[314].

Еще более привилегированными по сравнению с представителями нижних страт деревни в части оплаты труда были специалисты сельского хозяйства. Согласно действовавшим в конце 1940-х гг. штатам МТС, введенным 1 января 1942 г., в МТС устанавливались должности восьми специалистов, которые оплачивались деньгами. Предусматривались премии и надбавки за стаж и образование. Ставки оплаты труда регулярно увеличивались[315]. В годы войны было санкционировано премирование зерном участковых механиков при выполнении плана работ закрепленных за ним бригад или комбайнов как МТС, так и колхозами[316].

Участковым зоотехническим и ветеринарным работникам, работающим на селе, предоставлялись квартиры, отопление и освещение, обеспечение транспортом. С 1 января 1944 г. им была повышена оплата[317]. После перевода из МТС в колхозы агрономы и зоотехники стали оплачиваться трудоднями: в зависимости от образования оплата составляла 60—90 трудодней в месяц. Предусматривались доплаты деньгами от государства в первые 3 года работы. В целом перевод в колхозы ухудшил условия оплаты труда интеллектуалов, в результате чего в 1955—1957 гг. из них ушли более 40 тыс. агрономов и зоотехников[318]. В начале 1960-х гг. положение с оплатой их труда в колхозах стабилизировалось. Рекомендовалось устанавливать ежемесячную оплату старших специалистов и ветврача в размере 80—90 % от ставки пред-

---

[313] Положение о нормах выработки и оплате труда комбайнеров, помощников комбайнеров и трактористов на уборке зерновых культур комбайнами в совхозах и в других сельскохозяйственных предприятиях системы Министерства совхозов мясной и молочной промышленности, М., 1947 ; Оплата труда в совхозах. С. 69—71.

[314] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 384—383.

[315] Там же. Т. 1. С. 371—377, 411—421, 439—441; Т. 2. С. 96—102.

[316] Справочник по оплате труда в машинно-тракторных станциях. С. 6—13, 16.

[317] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 552.

[318] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России. С. 391, 392, 394—395, 397 ; Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 185.

седателя, но не менее 80 руб. в месяц для проработавших не менее 2 лет[319]. МСХ РСФСР рекомендовало оплачивать труд главных специалистов в зависимости от денежных доходов колхоза, выделив 10 групп по оплате труда в зависимости от образования, объема и опыта работы[320].

Весомыми были привилегии по нормированию и оплате труда специалистов совхозов. К концу 1940-х гг. специалисту на должности управляющего отделением или фермой выплачивалась ставка с надбавкой в размере 20 % месячного оклада управляющего. С 1 мая 1947 г. действовала доплата за стаж в размере 10—30 %. Специалисты имели право на премии за выполнение и перевыполнение планов производства и сдачи продукции в размере до 7,5—10,5 окладов в год[321]. Согласно постановлению СМ СССР и ЦК КПСС № 373 от 6 марта 1954 г., ставки месячных окладов главным и старшим специалистам Министерства совхозов СССР дифференцировались в зависимости от зоны, где располагался совхоз. Оклады специалистов дифференцировались по четырем группам совхозов (в зависимости от площади угодий, поголовья скота и птицы, числа рабочих, техники, объемов строительства и т. д.). Предусматривались надбавки за стаж, сохранение величины месячного оклада специалиста совхоза, если получаемый им оклад был выше, чем вводимая с 1954 г. ставка, а также, если оклад по прежнему месту работы был выше, чем в совхозе (для ряда должностей инженеров и техников), выплата подъемных при переходе на работу в совхоз, компенсация расходов на переезд, выдача спецодежды, спецобуви. Премирование за выполнение и перевыполнение планов и снижение себестоимости давало возможность получить еще до 8 окладов в год, а также до 5 % стоимости сэкономленного по совхозу горючего[322]. В начале 1960-х гг. ставки оплаты труда главных специалистов — зам. директоров совхозов устанавливались в зависимости от объема произво-

[319] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : Сборник документов за 50 лет : в 16 т. / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. Т. 5 : 1962—1965 годы. М., 1968. С. 63.
[320] Методическое пособие по упорядочению организации оплаты труда в колхозах. С. 27—28.
[321] Организация и заработная плата в совхозах. С. 236¸ 240—254.
[322] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 449—508, 524—529.

димой и реализуемой продукции. Сохранялось и большинство ранее установленных надбавок и доплат, оплата отпуска[323].

Выраженными привилегиями в нормировании и оплате труда пользовались представители страты менеджеров. В середине 1940-х гг. бригадирам и зав. фермами колхозов Орловской и Смоленской областей начислялись трудодни по расценкам для прочих колхозников, а также 20—30 % от выработанных трудодней за руководство фермой-бригадой (на крупных фермах — 1—1,5 трудодня за день работы)[324]. По постановлению СМ СССР от 19 апреля 1948 г. оплата труда бригадиров была унифицирована в зависимости от обрабатываемой бригадой площади или количества обслуживаемого скота и составляла 30—55 трудодней. Предусматривались ежемесячные надбавки за стаж в размере 5—15 % ежемесячного заработка в трудоднях, а также премия в 1 % начисленных за год трудодней. За невыполнение плановых заданий рекомендовались списания не более 25 % начисленных за год трудодней. На особом положении находился счетовод колхоза: ему полагались 60—80 % трудодней и денежная доплата от ставки председателя с премией за хорошую постановку учета до 50 % дополнительной оплаты, получаемой председателем, доплата 5—15 % месячной оплаты в трудоднях за стаж. Из числа административно-обслуживающего персонала колхоза только председатель, счетовод и специалисты сельского хозяйства могли ежегодно не вырабатывать не менее 25 % трудодней непосредственно в колхозном производстве[325].

Со второй половины 1950-х — начала 1960-х гг. колхозам рекомендовалось устанавливать оплату управленцев в зависимости от результатов руководимых ими бригад, ферм и т. д. В начале 1960-х гг. им предусматривалась денежная часть оплаты труда, доплаты за сельхозобразование[326]. В середине 1960-х гг. освобожденным управленцам рекомендовалось выдавать ежемесячный аванс в размере 70—80 % их месячной расчетной ставки, до-

---

[323] Оплата труда в совхозах. С. 270—272, 279, 293—294.
[324] Нормы выработки и оплата труда в колхозах. С. 82, 86, 92.
[325] О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах. С. 26—30.
[326] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России. С. 313.

плачивать за совмещение должностей, неосвобожденным — начислять дополнительно 10—25 % среднего сдельного заработка членов их бригады, звена[327].

В типовых штатах МТС, утвержденных 18 июня 1947 г., к менеджерским можно отнести должности главного, старшего бухгалтера, бухгалтера, счетовода, статистика, зав. нефтехозяйством, кладовщика и зав. хозяйством. С 16 сентября 1946 г. ставки работников управленческого аппарата были повышены[328]. Труд бригадиров МТС и их помощников оплачивался трудоднями с гарантийным минимумом деньгами и продуктами. С 1 августа 1948 г. бригадиру (в зависимости от вида трактора) начислялось за норму выработки, выполненную трактористами, 0,9—1,25 трудодня, помощнику бригадира — 0,75—1,1, учетчику-заправщику — 0,35—0,4. Если бригадир работал без помощника, то ему дополнительно начислялось до 25 % трудодней. Предусматривались доплаты за стаж[329]. Постановлением СМ СССР № 3688 от 29 сентября 1951 г. бригадирам тракторных бригад МТС, их помощникам и учетчикам устанавливалась надбавка 25—50 % к трудодням, начисленным за перевыполненные задания бригадой в целом по периодам работ, выполненным в срок и с надлежащим качеством. Сохранялись и премии за качество работ из средств МТС. 29 декабря 1954 г. ставки оплаты труда бригадиров тракторных бригад МТС, их помощников, учетчиков-заправщиков и их помощников были дифференцированы в зависимости от количества тракторов в бригаде (от 4 и менее и до 12) и их типа[330].

Оплата труда менеджеров в совхозах изначально производилась деньгами. Согласно приказу НКЗ СССР № 100 от 23 апреля 1942 г., действовавшему в конце 1940-х гг., освобожденным бригадирам тракторных бригад устанавливалась оплата за каждый гектар работ, выполненных бригадой в две смены, в пределах дневной нормы на колесных тракторах — 1,18 руб., на гусеничных — 0,46 руб., за каждый гектар свыше нормы — 1 руб. и 0,40 руб.

---

[327] Методическое пособие по упорядочению организации оплаты труда в колхозах. С. 30—35.
[328] Справочник по оплате труда в машинно-тракторных станциях. С. 3, 7—8.
[329] Там же. С. 19.
[330] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 369, 379—382.

соответственно. В 1943 г. было разрешено премировать бригадиров тракторных бригад на период весенних полевых работ до 2 кг зерна за выполнение бригадой дневной нормы выработки, но не более 7—8 пуд. зерна на бригадира в год[331]. Ставки оплаты управляющих отделениями и фермами, действовавшие в конце 1940-х гг., были установлены в 1941 г. и дифференцированы по трем категориям в зависимости от величины посевных площадей и количества скота, предусматривалось премирование за выполнение и перевыполнение планов производства и сдачи продукции[332]. В 1957 г. был введен порядок оплаты и премирования руководителей совхозов, при котором их зарплата зависела от объема производства и сдачи товарной продукции с премиями за выполнение плана и сверхплановую прибыль[333]. В начале 1960-х гг. месячные оклады заведующих отделениями и фермами, дифференцированные в зависимости от стоимости валовой продукции на пять групп, колебались от 90 до 140 руб.[334]

Наибольшими привилегиями по оплате труда обладали руководители колхозно-совхозного производства. Председатели еще до войны (раньше всех в колхозах) стали получать гарантированный минимум оплаты[335]. Норма о ежемесячной денежной доплате председателям в зависимости от величины годового денежного дохода была подтверждена постановлением СМ СССР № 1259 от 19 апреля 1948 г. Оплата в трудоднях была поставлена в зависимость от посевной площади и количества скота. Предусматривалось дополнительное начисление трудодней за перевыполнение плановой урожайности и продуктивности животноводства, так и их списание за невыполнение, доплата за стаж[336]. Постоянно росла гарантированная денежная составляющая

---

[331] Организация труда и заработная плата в совхозах. С. 19—20.
[332] Там же. С. 236, 239, 244—260.
[333] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России. С. 312—313.
[334] Указания по практическому применению новых типовых положений об оплате труда рабочих. С. 44—50, 52.
[335] Нормы выработки и оплата труда в колхозах. С. 71—73.
[336] О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах. С. 23—26.

оплаты председателей[337]. В течение 1955—1956 гг. ЦК КПСС и СМ СССР по ходатайствам обкомов КПСС установили денежную доплату 1915 председателям экономически слабых колхозов Центрального Нечерноземья[338]. С середины 1960-х гг. уровень оплаты труда председателей приближается к уровню оплаты директоров совхозов[339]. МСХ РСФСР рекомендовало оплачивать труд председателей в зависимости от денежного дохода колхозов за год, разделенных по его сумме на 10 групп, в размере 140—300 руб.[340] Высокой в сравнении с другими категориями занятых в колхозно-совхозном производстве была оплата директоров МТС, которая также росла[341]. С 1956 г. она менялась в зависимости от рентабельности МТС[342].

Постоянно росли ставки оплаты директоров совхозов. Во второй половине 1940-х гг. они дифференцировались по четырем группам в зависимости от посевных площадей и количества скота и составляли 790—1000 руб. с 20 % надбавкой за высшее образование. По положению о премировании от 26 мая 1947 г. директор совхоза мог получить в год в зависимости от выполнения плана до 9—18 окладов. С 1 марта 1954 г. были установлены повышенные оклады, надбавки за стаж. Максимально возможная сумма премий была ограничена восемью месячными окладами[343]. 22 ноября 1956 г. ставки зарплаты для директоров были установлены в зависимости от объема производимой и реализованной продукции в размере 1200—2500 руб., при этом 70 % ставки составлял гарантийный минимум, а 30 % — доплата. За каждый процент перевыполнения плана сдачи продукции предусматривалась премия в размере пятой части месячной ставки, а за получение сверхплановой прибыли — 12 % ее суммы[344]. В середине 1960-х гг. ставки зарплаты директоров

---

[337] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 160—162, 168—169, 179.
[338] Там же. С. 170—177.
[339] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России. С. 239.
[340] Методическое пособие по упорядочению организации оплаты труда в колхозах. С. 27—28.
[341] Справочник по оплате труда в машинно-тракторных станциях. С. 6, 12—13 ; Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 372—374, 376, 436, 439.
[342] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России. С. 240.
[343] Организация труда и заработная плата в совхозах. С. 236, 255 ; Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 449, 497.
[344] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 512—515.

совхозов, дифференцированные по сумме подлежащей реализации продукции, составляли 140—300 руб. в месяц[345].

Таким образом, к первой половине 1960-х гг. в колхозно-совхозном производстве сложилась выраженная дифференциация оплаты труда представителей основных страт, обусловленная местом каждого из них в разделении труда, углублявшемся по мере капитализации колхозно-совхозного производства. К середине 1960-х гг. разница по оплате труда между представителями крайних страт в колхозах составляла 2,5—6,5 раз, в совхозах — 3,8 раза[346]. Рост разрыва в оплате труда между руководителями колхозов, специалистами, механизаторами и прочими колхозниками отмечался и в советской литературе[347].

Разный объем человеческого капитала, разные место и роль в колхозно-совхозном производстве, разница в оплате труда представителей основных страт деревни обусловили разные стратегии, которые представители этих страт применяли, адаптируясь к совершенствованию контроля властью этой сферы.

Сокращение количества трудоспособных в колхозах, перестройка организации труда по мере роста механизации колхозно-совхозного производства приводили к увеличению средней выработки трудодней одним трудоспособным. Если в 1940 г. в СССР она составила 254 трудодня, то в 1954 г. — 317, увеличившись на 125 %. При этом прирост у трудоспособных колхозников-мужчин составил 89 трудодней, у женщин — 61. По областям Центрального Нечерноземья только в 1950—1954 гг. прирост среднего количества трудодней, вырабатываемых в год трудоспособным, колебался в пределах 14—70 трудодней, в 1955—1957 гг. — 7—44[348]. С 1959 г. учетной единицей вместо трудодня стал человеко-день, но и после этого средняя выработка продолжа-

---

[345] Оплата труда в совхозах РСФСР / сост. П. М. Емельянов. М., 1967. С. 242, 245.
[346] Основные экономические показатели по производительности и оплате труда колхозов РСФСР за 1961—1968 годы. Ч. 1. С. 213, 217, 221, 225, 229, 234, 239, 244, 249, 254 ; Материалы о состоянии производительности и оплаты труда в совхозах РСФСР за 1968 год. М., 1970. С. 149, 155.
[347] *Игнатовский П. А*. Социально-экономические изменения в советской деревне. С. 360—361.
[348] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 112. Л. 259 об., 261 об.; Оп. 324. Д. 5714. Л. 5, 21; Д. 6244. Л. 8, 44.

ла расти: в 1960 г. в Центральном Нечерноземье она составила 224 человеко-дня, в 1961 г. — 228, в 1964 г. — 231, в 1965 г. — 231[349]. За 1954—1970 гг. затраты труда рабочих основной деятельности в человеко-днях в совхозах Министерства совхозов СССР увеличились в 8,2 раза при том, что количество постоянных рабочих за 1953—1970 гг. возросло в 3,6 раза[350].

Следствием роста трудовой нагрузки в колхозах Центрального Нечерноземья стало существенное количество колхозников, не вырабатывавших минимум трудодней. На протяжении 1946—1959 гг. в РСФСР около 10 % трудоспособных не работали в колхозе, 12—19 % из них не вырабатывали минимума[351]. Еще выше этот показатель был в Центральном Нечерноземье[352]. В 1954 г. минимум трудодней в колхозах Центрального Нечерноземья не выработало 16 % взрослых трудоспособных, в 1955 г. — 14,2 %, в 1957 г. — 12 %, в 1959 г. — 9,2 %. Не работали в колхозах многие престарелые, для которых выполнение минимума обязательным не являлось: в 1955 г. в Центральном Нечерноземье не выработали ни одного трудодня 37 % престарелых, в 1957 г. — 45 %, в 1959 г. — 45 %[353].

Стремление трудоспособных уклониться от труда в колхозах или госхозах пресекалось, причем одновременно власть стремилась нанести удар по законной и незаконной хозяйственной активности населения за пределами государстенного и общественного хозяйства. В 1945—1953 гг. за невыполнение минимума трудодней в СССР было осуждено 1140 тыс. членов колхозов. Максимумы судимостей пришлись на 1945—1946 и 1952 гг.[354] По Указу ПВС СССР от 2 июня 1948 г. до начала 1953 г. было выселено 33,2 тыс. колхозни-

---

[349] Основные экономические показатели по производительности и оплате труда колхозов РСФСР за 1961—1968 годы. Ч. 1. С. 105.

[350] Подсчитано по: Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 452—455 ; Сельское хозяйство СССР. М., 1971. С. 431, 452—453.

[351] *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. С. 53.

[352] Подсчитано по: ГАБО. Ф. Р-2201. Оп. 9. Д. 75. Л. 1; Д. 76. Л. 1; Д. 77. Л. 3—3 об.; Д. 78. Л. 3—3 об.; Д. 79. Л. 1—2; Д. 80. Л. 1—2; Д. 81. Л. 2—3; Д. 82. Л. 2—3; Д. 83. Л. 3—4 ; РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 797. Л. 141 ; ГАКО. Ф. Р-3469. Оп. 1. Д. 6733. Л. 131 ; ГАТО. Ф. Р-3020. Оп. 12. Д. 203. Л. 156; Д. 258. Л. 129—129 об.; Д. 326. Л. 102—102 об.; Д. 397. Л. 75—75 об.; Д. 466. Л. 13—14; Д. 543. Л. 10—11; Д. 606. Л. 41—42; Д. 672. Л. 34—35; Д. 741. Л. 171—172.

[353] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 112. Л. 262 об.; Оп. 324. Д. 5714. Л. 5, 21; Д. 6244. Л. 8, 44; Д. 6810. Л. 7, 9.

[354] Подсчитано по: История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. С. 613—615.

ков, слабо или вовсе не работавших в колхозном производстве. Пик выселений пришелся на 1948 г. По областям Центрального Нечерноземья было выселено от 150 до 600 чел.[355] С мест докладывали, что после этого трудовая дисциплина «резко повысилась»[356]. Даже когда стало понятно, что так перелома с выработкой минимума трудодней не достичь, — указ почти не применялся после 1950 г. — общие собрания по собственной инициативе направляли РИКам предложения о выселении[357]. Постановления и указы 1951 г. по борьбе с «антиобщественными элементами» позволяли органам милиции и органам охраны МГБ СССР на транспорте выселять на 5 лет «бродяг, не имеющих определенных занятий и постоянного места жительства», а также задержанных за попрошайничество, уклоняющихся от «общественно-полезного труда». Выселенные принудительно трудоустраивались[358]. Указом ПВС РСФСР от 4 мая 1961 г. в отношении трудоспособных «тунеядцев» предусматривалось выселение «в специально отведенные местности» на срок от 2 до 5 лет с конфискацией имущества, «нажитого нетрудовым путем», по приговору суда или общественному приговору с принудительным трудоустройством. Выселение проводилось после предупреждения органами власти или «общественными организациями»[359]. К 1 января 1962 г. в Центральном Нечерноземье было выявлено 28,7 тыс. не работающего населения, из которых 84,4 % было трудоустроено, а 5,7 % выселено за пределы своих областей[360].

Законодательство против «тунеядцев» было тесно связано с попытками комплексного подхода к искоренению причин преступности вообще, реализация которого, в свою очередь, была частью усилий по построению «обще-

---

[355] *Попов В. П.* Неизвестная инициатива Хрущева // Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 38 ; ГАТО. Ф. П-177. Оп. 14. Д. 87. Л. 281 ; *Зима В. Ф.* «Второе раскулачивание» (аграрная политика конца 40-х — начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 114.

[356] Советская жизнь. 1945—1953 / сост. Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецова, А. И. Минюк, Л. А. Роговая. М., 2003. С. 241—242 ; ГАРО. Ф. Р-3251. Оп. 9. Д. 273. Л. 91 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 485. Л. 13—14, 31.

[357] *Кометчиков И. В.* Традиция якутальства как грань «социального иммунитета» калужской деревни и борьба с ней в 1930-е — начале 1960-х гг. // Антропологический форум. 2014. № 20. С. 274.

[358] Там же. С. 275.

[359] На «краю» советского общества … С. 581—582.

[360] Подсчитано по: Там же. С. 635—639.

народного государства». Корни преступности виделись в «частнособственнических пережитках». Указ против «тунеядцев» был связан с комплексом законодательства (около десяти указов ПВС СССР и постановлений СМ СССР), направленного на ограничение любой негосударственной активности в сфере экономики[361]. На местах развернулась кампания по выявлению, привлечению к ответственности, обложению или дообложению налогами кустарей, «шабашников», жителей пригородных районов, «раздувавших» личное хозяйство[362].

На уменьшение числа трудоспособных, повышение норм выработки и сокращение расценок работ в трудоднях деревня отреагировала попытками приспособления спускаемой сверху системы организации и оплаты труда под свои представления о справедливом распределении отработок. Как и при определении принципов наделения приусадебной землей при ее дефиците, большинство колхозников выступало за уравнительное распределение отработочного «тягла». Так, альтернативой раздельному учету сдельного труда в бригаде или звене стал учет скопом, при котором вместо громоздкой системы подсчета трудозатрат по каждой культуре с разной трудоемкостью выработанные трудодни делилось поровну на всех[363]. Разновидностью работы скопом было выполнение ее всеми трудоспособными по очереди, распространенное в общественном животноводстве[364]. Мелкогрупповая и индивидуальная сдельщина трансформировалась в «доведение плана» до каждого трудоспособного, а зачастую и двора[365]. Часто от каждого двора на работу «в колхоз» выделяли по одному трудоспособному, пока остальные его члены были заняты в отходе или на подворье[366].

---

[361] *Пыжиков А. В.* Хрущевские эксперименты в правоохранительной сфере … С. 106—107, 109 ; *Кометчиков И. В.* Традиция якутальства … С. 306.
[362] ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 4678. Л. 25—28, 40; Ф. А-461. Оп. 11. Д. 546. Л. 4, 16—18, 24—27.
[363] РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 120. Л. 18—20, 22; Д. 752. Л. 236—237; Д. 1002. Л. 231—232 ; ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 6. Л. 154; Д. 13. Л. 193.
[364] ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 63. Л. 81—83; Ф. Р-6. Оп. 3. Д. 414. Л. 135 ; ГАТО. Ф. П-177. Оп. 16. Д. 131. Л. 7.
[365] ГАКО. Ф. Р-1456. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
[366] ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 719. Л. 12.

С позиций уравнительного разложения «тягла» колхозники подходили и к отбыванию трудгужповинности на лесозаготовках, дорожной повинности[367]. Местные органы чаще всего лишь «доводили» до колхозов план, а решения, как его «дать», они принимали, распределяя приходившийся объем заготовки и вывозки леса на всех трудоспособных с оговоркой, что уклонившиеся от повинности обеспечат продовольствием и деньгами поехавших. «Налог» для уезжавших взимали в уменьшенном размере и с нетрудоспособных, раскладывали поровну на каждый двор, по количеству выработанных трудодней, привлекали средства колхоза, и т. д.[368]

Вследствие формирования в колхозах фонда оплаты труда по остаточному принципу, выполнения многих видов работ скопом, обычным было и уравнительное распределение заработанного. Именно так чаще всего оплачивался труд в распавшихся в течение года звеньях. Несмотря на постановление СМ СССР от 19 апреля 1948 г., согласно которому оплата должна была производиться в зависимости от выполнения бригадой или звеном плана урожайности и доходности от животноводства, авансирование в колхозе «Зов Ленина» Трубчевского района Брянской области распределялось уравнительно, на все количество, выработанное на момент аванса, поэтому весь хлеб был роздан уже в сентябре. Зная, что выдач больше не будет, большинство колхозников с октября прекратили работу[369]. Те, кто продолжал трудиться, при окончательном расчете недополучили на выработанные трудодни. Обыденность такого порядка оплаты подтверждала переходящая из года в год задолженность колхозов колхозникам по трудодням и колхозников колхозам по авансам, в масштабе региона измерявшаяся сотнями тысяч центнеров зерна, картофеля, десятками миллионов рублей[370]. Во второй половине 1950-х гг. сумма авансов, переполученных колхозниками Централь-

[367] РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 752. Л. 119—123.
[368] РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1002. Л. 81, 84 ; ГАКО. Ф. Р-1626. Оп. 2. Д. 3. Л. 4, 44; Д. 17. Л. 31 ; ГАБО. Ф. Р-2416. Оп. 1а. Д. 76. Л. 39, 233; Оп. 2а. Д. 34. Л. 9—10.
[369] ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 44. Л. 15.
[370] РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1002. Л. 149—161, 163—165 ; ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 10. Д. 67. Л. 124 ; ГАБО. Ф. Р-2201. Оп. 9. Д. 76. Л. 8; Д. 78. Л. 7 об.; Д. 80. Л. 7 об.; Д. 82. Л. 10 об.

ного Нечерноземья по трудодням за прошлые годы, доходила до 10—12 % сумм, определенных к выдаче по трудодням[371].

Негативно деревня отнеслась к «рекомендованному» постановлением СМ СССР от 19 апреля 1948 г. порядку дополнительного начисления и списания трудодней в зависимости от результатов труда и его дополнительной оплаты, которая воспринималась как сокращающая фонд оплаты труда и потому «несправедливая». Правления колхозов зачастую предпочитали обходиться без нее[372]. Кроме того, ее было сложно реализовать вследствие запущенного учета труда, невысокой величины фонда его оплаты, сбоев в применении бригадно-звеньевой системы, что является дополнительным свидетельством ее роли как фактора интенсификации труда. Дополнительная оплата начислялась меньшинству бригад и звеньев[373], а выплачивалась — еще меньшему их числу. Колхозницы колхоза «Ленинский путь» жаловались Н. С. Хрущеву: «Мы, колхозницы, работаем-работаем, стараемся, а он (председатель колхоза. — *Авт*.) стрижет всех под одну гребенку, выходит, нет лучших людей, которые достойно трудятся, а такая оценка отбивает охоту хорошо работать…»[374] Непопулярность вводившегося постановлением СМ СССР от 19 апреля 1948 г. порядка начисления и списания трудодней основывалась на осознании его невыгодности для большинства, так как быстро стало ясно, что количество списанных трудодней будет превосходить количество дополнительно начисленных. Так, в колхозах Калужской области в 1948 г. на 45,8 тыс. дополнительно начисленных трудодней пришлось 936,2 тыс. списанных[375].

Последующие инициативы власти по премированию за высокие показатели урожайности и продуктивности подчас воспринимались сходным образом. В 1956 г. одновременно с введением ежемесячного денежного авансирования были пересмотрены принципы дополнительной оплаты: теперь ее

---

[371] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 6005. Л. 20; Д. 6251. Л. 32; Д. 6545. Л. 35;
[372] РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 752. Л. 134; Д. 1002. Л. 64; ГАТО. Ф. Р-2640. Оп. 2. Д. 64. Л. 42—43 ; ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 34. Л. 539.
[373] РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1002. Л. 232—233; Ф. 1562. Оп. 324. Д. 5400. Л. 8, 10, 12, 14.
[374] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 1652. Л. 87.
[375] ГАКО. Ф. Р-3469. Оп. 1. Д. 4678. Л. 2.

показатели не спускались едиными для колхозов региона, а утверждались колхозным собранием за перевыполнение им же утвержденных планов. В постановлении ЦК КПСС и СМ СССР от 6 марта 1956 г. подчеркивалось, что «с увеличением доходности колхозов» дополнительная плата должна будет стать лишь «поощрением» за «хорошую работу»[376]. Все это должно было обеспечить большую гибкость применения дополнительной оплаты за счет учета местных условий. Однако на практике ее удельный вес в денежной оплате колхозников был небольшим. В 1945—1953 гг. в колхозах Центрального Нечерноземья он в среднем не превышал 15—20 % сумм, определенных к выдаче на трудодни колхозникам и рабочим тракторных бригад, в 1956 г. — 21 %, в 1958 г. — 21 %, в 1959 г. — 30 %, в 1960 г. — 18,2 %[377]. Причем немалую часть дополнительной оплаты получали председатели колхозов и менеджеры. Из колхоза «Коммунар» Кромского района Орловской области писали в «Правду» в начале 1962 г.: «Мы, колхозники, добиваемся урожая, берем вручную запашку, набивая кровяные мозоли, а за что наши чины получают от 17 тысяч и ниже старыми, разве это правда, пора бы покончить. Нам кричат: к коммунизму придем, а себе кто больше захватит <…> Надо категорически запретить жить по капиталистическому образу жизни, в крайнем случае, иметь человеческую совесть…»[378]

Однако было бы неправильным видеть в колхозах Центрального Нечерноземья только «уравнительную» организацию и оплату труда. Давление части тружеников на уклоняющихся от труда отработать «свою» долю заставляло правления применять против них различные штрафные санкции. Многие из них были более жесткими, чем предусмотренные Уставом сельхозартели выговор, порицание, предупреждение, занесение на черную доску, штраф в размере до 5 трудодней, переделывание недоброкачественной рабо-

[376] Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам … Т. 4. С. 603—605.
[377] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1377. Л. 5, 15; Д. 1782. Л. 15; Д. 2178. Л. 13; Д. 2578. Л. 22; Д. 3077. Л. 17; Д. 3604. Л. 26; Д. 4056. Л. 28; Д. 4636. Л. 26; Д. 5091а. Л. 27; Д. 6005. Л. 26, 28; Д. 6545. Л. 33; Д. 6818. Л. 26; Д. 7144. Л. 15.
[378] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 2233. Л. 207—207 об.

ты без начисления трудодней и др., исключение из членов артели[379]. В числе этих мер было введение обязательного минимума для престарелых членов артели в размере 70—100 трудодней, штрафы деньгами, продуктами, десятками трудодней, наказание «отрезкой» части или изъятием приусадебного надела, запретом пасти личный скот на общественной земле, пользоваться колхозным транспортом и тяглом, получить заработанное на трудодни[380]. И. В. Сталину, в Совет по делам колхозов из Центрального Нечерноземья в 1952—1953 гг. поступило много предложений установить пониженную оплату трудодня «колхозника-рвача» по сравнению с трудоднем добросовестного, ввести минимум трудодней для работающих в промышленности, а живущих в колхозе, увеличить размеры авансирования на уборке сена, картофеля и др. вне зависимости от трудодней, ввести плату с колхозников-«отщепенцев» за пользование колхозными выгоном, лесом, «общественными быками», тяглом и т. д., ввести «межбригадный хозрасчет», при котором все заработанное бригадой делилось бы на трудодни только ее членов, и др. Предлагалось перевести колхозников и работников тракторных бригад МТС «на денежный расчет, как в совхозах»[381].

Деревня завидовала работникам, получавшим гарантированную оплату. Агроном Большесельской МТС Ярославской области писал летом 1955 г. Н. А. Булганину: «При проведении многих мероприятий лично я часто встречался с таким ответом со стороны колхозников: “Тебе что, можно работать, ты на зарплате”, “Тебе надо — иди и делай…”»[382]. Председатель колхоза «Рассвет» Московской области сообщал вождям: «С моим приездом в этот колхоз большинство колхозников стало лучше работать, но сейчас, когда они увидели, что хлеба на трудодни не получат, трудовая дисциплина резко упала. Доярки заявляют: “Мы больше работать не можем. Нас четвертый год

---

[379] История колхозного права : Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917—1958 гг. : в 2 т. / рук. колл. сост. Н. Д. Казанцев. Т. 1. М., 1959. С. 432.
[380] ГАРФ. А-461. Оп. 10. Д. 64. Л. 105—106, 127, 129; Д. 66. Л. 183, 184 ; ГАТО. Ф. Р-3484. Оп. 1. Д. 242. Л. 116 ; ГАКО. Ф. Р-1626. Оп. 2. Д. 27. Л. 211—212, 273 ; ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 64. Л. 35; Д. 9. Л. 396.
[381] РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 551. Л. 2—4, 19, 21—23, 27—29, 30—32, 52, 88—89, 136—139, 168—169, 230, 235, 243—244; Д. 658. Л. 34 ; Последние письма Сталину … С. 272—274, 278, 386.
[382] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 63. Д. 6. Л. 51—52 об.

уговаривают, обещают, но ничего не дают". На току лежит семенное зерно, требующее сортирования и просушки, но я не могу найти сторожа для его охраны. "Заболели" сторожа на овощах. Сторож на МТФ заявил: "Дайте поросенка — буду сторожить. Не дадите — я престарелый, больной, не могу…"»[383]. Органы прокуратуры ежегодно отменяли тысячи решений правлений колхозов, перераспределявших фонд оплаты труда колхозников[384]. 10 ноября 1963 г. прокуратура РСФСР внесла представление в СМ РСФСР, в котором говорилось, что многие правления вместо направления материалов в административные органы сами налагали штрафы, взыскивавшиеся в пользу колхозов[385].

Идущий от власти дифференцированный подход к нормированию, учету и оплате работ в трудоднях должен был поддерживать у колхозников на конно-ручных работах убежденность в справедливости такой системы. Однако на деле для многих главным мотивом к труду стало стремление выработать минимум при наименьших затратах. Для ограничения эксплуатации в общественном хозяйстве применялись заниженные нормы выработки и завышенные расценки в трудоднях: нормы выработки были занижены в 2—10 раз, рабочий день начинался поздно, заканчивался рано и, включая большой перерыв на обед, не превышал 6—8 часов. Сигналов о начале и окончании работ не давалось, бригадиры не извещали о них накануне, делая это в начале рабочего при подворном обходе[386].

Будучи зачастую ничем не обеспеченным, трудодень тем не менее был ценен для колхозников. Поэтому трудодни начислялись за созыв и посещение общих собраний, за чтение вслух газет, продавались и покупались за деньги, за аренду помещений под правления колхозов и т. д.[387] Трудоднями оплачивались курьеры, сторожа и дежурные сельсоветов, почтальоны, избачи, гармонисты, возчики молока, начальники колхозных пожарных дружин,

---

[383] РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 26. Л. 93—93 об.
[384] ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 10. Д. 64. Л. 105, 136; Д. 67. Л. 62, 118, 122—123; Оп. 11. Д. 695. Л. 94—95.
[385] ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 11. Д. 1109. Л. 4.
[386] РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 895. Л. 7, 173; Д. 920. Л. 165 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 319. Л. 70 ; ГАТО. Ф. П-177. Оп. 12. Д. 9. Л. 34.
[387] ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 66. Л. 120 ; ГАКО. Ф. Р-1626. Оп. 2. Д. 17. Л. 37.

парикмахеры. Усилия властей по сокращению затрат на их оплату приносили временный успех, так как других источников финансирования всего этого не было. После очередной проверки оплата трудоднями только что «сокращенных» должностей возобновлялась. Трудоднями оплачивался труд по ремонту и строительству сельских школ, сельских и районных учреждений, заготовка для них дров. Трудодни начислялись бригадирам и председателям колхозов, избранным депутатами Советов разных уровней. Колхозы оплачивали им командировочные[388].

Однако рост специализации труда в колхозно-совхозном производстве создавал предпосылки использования представителями основных страт деревни в своих интересах производительных сил колхозов и совхозов, что подтачивало как уравнительные представления деревенского большинства о распределении «тягла» работ и их оплате, так и государственный капитализм на селе. Оплата труда сельского пролетариата, в среднем гораздо более низкая, чем в промышленности, служила распространенным оправданием хищений колхозного и государственного имущества, с которым государство вело безуспешную борьбу. 4 июня 1947 г. вышел указ ПВС СССР, по которому за хищение государственного имущества полагалось от 7 до 10 лет лагерей, а за повторное или при отягчающих обстоятельствах — до 25 лет, за хищение общественного — от 5 до 8 лет, за повторное или при отягчающих — до 20. Однако хищений было так много, что 28 мая 1954 г. пленум Верховного суда СССР указал судам «индивидуально подходить к назначению наказания». 10 января 1955 г. вышел указ ПВС СССР «Об уголовной ответственности за мелкое хищение государственного и общественного имущества», согласно которому за первое такое хищение полагались исправительно-трудовые работы до 1 года или лишение свободы до 3 месяцев (при рецидиве — до 2 лет). Усиливалась борьба с хищениями и растратами в МТС[389]. Хищение колхозного имущества было одним из самых распространенных преступле-

[388] РГАЭ. Ф. 9467. Оп. 1. Д. 174. Л. 8—11; Д. 1576. Л. 25—26.
[389] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 560—564, 568—570.

ний. В 1945—1958 гг. хищения соцсобственности и личного имущества составляли ежегодно 15—20 % и более всех преступлений (более распространенными являлись только самовольные уходы с предприятий, доходившие до 20—40 % преступлений)[390]. «Если начальники везут возами и машинами, то рабочему суждено взять то, что он унесет на себе. При этом его преследуют и регистрируют законность преступления. Представьте себе, что опаснее для общества из указанных действующих лиц…» — писали из Касимовского производственного управления Рязанской области в ЦК КПСС[391].

Большинство колхозников не только продолжало считать своим выращенный урожай, но и стремилось распорядиться им по своему усмотрению. Отсюда понятны авралы, с которыми в Центральном Нечерноземье проходили заготовительные кампании. Чтобы не остаться без хлеба, колхозники укрывали его от учета, похищали, покупали у заготовителей фиктивные хлебоприемные квитанции, переводили подлежащий сдаче хлеб в семена путем искусственного завышения урожая на семенных участках, выдавали зерно за отходы, сокращали его рыночный фонд и т. д. Хищения хлеба были «легализованы» как деревней, так и низовыми представителями власти, в частности, подчас не замечавшими их председателями колхозов[392].

Сезонная повторяемость «разбазаривания» и хищений продуктов, в первую очередь хлеба, делала рутинным надзор за их «сохранностью». Только в 1946—1956 гг. было принято 10 постановлений СМ СССР и ЦК КПСС об обеспечении сохранности хлеба и фуража в колхозах, госхозах[393]. Особенно тяжелое положение с продовольствием в пережившем голодное военное время Центральном Нечерноземье[394] осенью—зимой 1946 г., когда деревне стало понятно, что выдач на трудодни не будет. Повсеместным было стрем-

---

[390] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 7494. Л. 54—55 ; История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. С. 611—612.
[391] ГАРО. Ф. П-6589. Оп. 1. Д. 82. Л. 201.
[392] *Виноградский В. Г.* «Орудия слабых» … С. 110—112.
[393] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 570—583, 683—702.
[394] *Кометчиков И. В.* «Продовольственные затруднения» в западнорусской деревне 1942—1945 гг. (по материалам перлюстрации частной корреспонденции военной цензурой НКГБ СССР) // Вторая мировая война: история и историческая память / под общ. ред. Ю. В. Родовича. Тула, 2019. С. 94—102.

ление колхозов придержать хлеб. «Саботаж» хлебопоставок был и позднее[395]. Часть хлеба и вовсе укрывалась от учета, чтобы в последующем распределить на трудодни. По неполным данным, в целом по стране в ноябре 1946 г. было обнаружено скрытого от учета 4125 т хлеба, в декабре — 2229 т[396]. Таким образом, деревня стремилась исподволь реализовать свои чаяния о справедливой оплате труда. Открытый протест против заготовок выражался редко[397] и становился чрезвычайным происшествием областного масштаба. Органы МВД областей нечерноземного Центра ежегодно привлекали к уголовной ответственности за хищения семян, продовольствия, скота в колхозах сотни человек[398]. За август—сентябрь 1946 г., по неполным данным, по РСФСР за «расхищение» хлеба было осуждено 14,7 тыс. чел., за ноябрь—декабрь — 15,5 тыс. чел.[399] В целом же по стране за октябрь—декабрь 1946 г. за этот вид преступлений к уголовной ответственности было привлечено 55,9 тыс. чел., количество похищенного хлеба определялось в размере 13,6 тыс. т[400]. Большинство «расхитителей» было рядовыми колхозниками, а размеры похищенного составляли от нескольких сотен граммов до нескольких десятков килограммов. В 1946—1947 гг. вновь стал широко применяться печально известный закон «о трех колосках»[401]. Далеко не все случаи хищения продовольствия в колхозах становились известны властям. Органы прокуратуры Смоленской области только за 10 месяцев 1953 г. опротестовали 595 решений правлений колхозов, касавшихся наложений штрафов на колхозников за хищения хлеба и другие преступления без передачи материалов в суд[402].

---

[395] *Кометчиков И. В*. Региональная власть и деревня Центрального Нечерноземья в хлебозаготовительных кампаниях 1945—1953 гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (26). С. 136—154.
[396] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 227. Л. 16.
[397] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1086. Л. 242—245 ; ГАКО. Ф. Р-1626. Оп. 2. Д. 9. Л. 162—162 об.
[398] ГАРО. Ф. Р-3251. Оп. 9. Д. 198. Л. 1—4, 15—18, 29—31, 81—84; 89—92; 102—109, 123—125, 148—151; Д. 199. Л. 153—159, 171—173; Д. 200. Л. 2—4, 38—41, 48—51, 57; Д. 237. Л. 101—105 об., 137—137 об.; Д. 271. Л. 45—52, 66—75; Д. 272. Л. 36—39, 41—44, 105—108, 132—134; Д. 273. Л. 29—34, 49—54, 86—87, 104—118 ; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1845. Л. 265—270; Оп. 2. Д. 1086. Л. 104—109; Д. 1777. Л. 237, 246; Оп. 3. Д. 52. Л. 69—72.
[399] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Социальный протест колхозного крестьянства. С. 91.
[400] Подсчитано по: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 227. Л. 16—17.
[401] ГАКО. Ф. Р-3500. Оп. 2. Д. 18. Л. 53 об.—54.
[402] ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 10. Д. 67. Л. 122—123.

Чтобы хоть что-нибудь выдать на трудодни, правления колхозов «перекупали» подлежавший сдаче государству хлеб у заготовителей. Самым распространенным приемом была покупка фиктивных хлебоприемных квитанций. Якобы сданный по ним хлеб не вывозился из колхозов и часто уже был роздан колхозникам[403]. Работники хлебозаготовительных организаций скрывали недостачи зерна, завышая процент его влажности, сорности, за счет недогруза в вагоны и др. Хищения продуктов и скота являлись самым распространенным видом преступлений на селе и в последующем. В 1960 г. в РСФСР за хищения и растраты в колхозах было привлечено к уголовной ответственности 7214 чел., ущерб оценивался в 18,7 млн руб., в первом квартале 1961 г., соответственно, 2329 чел. и 576,3 тыс. руб.[404] На 1 октября 1966 г. при ревизиях в двух третях совхозов Центрального Нечерноземья был выявлен 261 случай хищений, недостач на сумму 293 тыс. руб. (почти в каждом пятом совхозе)[405].

Параллельно со стремлением обеспечить как можно менее трудозатратный заработок в трудоднях, колхозники пытались обеспечить трудодень реальным содержанием. Свидетельством этого являются многообразные «договорные отношения», вводившие явочным порядком гарантированную оплату труда. Особенно широко это практиковалось в общественном животноводстве[406]. «Договоры» гарантированной оплаты заключались также со строителями и полеводами[407].

Разновидностью гарантированной оплаты труда явочным порядком было так называемое «общественное питание» — в целом не запрещенная практика организации питания колхозников на рабочих местах по государственным расценкам[408], на что колхозы областей Центрального Нечернозе-

---

[403] ГАБО. Ф. Р-2416. Оп. 1а. Д. 82. Л. 87 об., 92 ; ГАТО. Ф. П-177. Оп. 14. Д. 6. Л. 91; ГАКО. Ф. Р-1626. Оп. 2. Д. 9. Л. 83, 150.
[404] ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 11. Д. 695. Л. 96.
[405] Подсчитано по: Информационный бюллетень о предварительных итогах работы совхозов МСХ РСФСР за 1966 год. С. 183, 185.
[406] РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1183. Л. 311 ; ГАТО. Ф. П-177. Оп. 15. Д. 5. Л. 125 ; ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 63. Л. 81.
[407] ГАКО. Ф. Р-1626. Оп. 2. Д. 178. Л. 31, 358; Д. 27. Л. 15.
[408] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 2. С. 8.

мья тратили до 35 % полученного из своего хозяйства мяса и сала, до 10 % молока, много других продуктов[409].

За счет общественного питания колхозы обеспечивали трактористов и работников тракторных бригад МТС. Оно должно было засчитываться в выданное по трудодням, однако зачастую отпускалось за счет колхоза[410].

Аналогично фонд оплаты труда увеличивали доплаты деньгами и продуктами уезжающим выполнять трудгужповинность на лесозаготовках и дорожную повинность, оплата индивидуальной подписки на госзаймы, налогов и обязательных поставок. Нередко это санкционировала сама местная власть[411].

Хотя оплата труда механизаторов МТС и колхозов в середине 1950-х гг. несколько выросла, немалую роль, как и для колхозников-полеводов и животноводов, играли стимулы в виде дополнительной оплаты и доплаты за перевыполнение планов урожайности и продуктивности животноводства. Однако в большинстве колхозов больше гарантийного минимума механизаторы, как правило, не получали. Велики были долги колхозов перед трактористами по оплате трудодней зерном, которые переходили на следующий год и не погашались[412]. Кроме того, работники тракторных бригад штрафовались списанием трудодней за пережог горючего, неудовлетворительное качество работы и т. д. Чтобы заинтересовать трактористов, МТС начисляли им трудодни в двойном размере, завышали заработки[413], а те, в свою очередь, стремились раздобыть дополнительное горючее, в том числе из бутылок с зажигательной смесью, выкопанных на заросших минных полях[414]. Горючее для тракторов МТС приобретали и колхозы, чтобы покрыть его перерасход и со-

---

[409] Подсчитано по: ГАТО. Ф. Р-3020. Оп. 12. Д. 203. Л. 157; Д. 258. Л. 130; Д. 326. Л. 104 об.; Д. 397. Л. 76 об.; Д. 466. Л. 16 об.; Д. 543. Л. 13 об.; Д. 606. Л. 114; Д. 741. Л. 176 ; ГАБО. Ф. Р-2201. Оп. 9. Д. 75. Л. 3; Д. 76. Л. 2; Д. 77. Л. 5 об.; Д. 78. Л. 7; Д. 79. Л. 4 об.; Д. 80. Л. 4 об.—5; Д. 81. Л. 6 об.—7; Д. 82. Л. 6 об.—7; Д. 83. Л. 7 об.—8.

[410] РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 167. Л. 82—83.

[411] ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 28. Л. 107—108, 127; Д. 98. Л. 6.

[412] *Томилин В. Н.* Наша крепость … С. 216—220.

[413] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 377.

[414] *Абрамов И. Я.* Как это было. С. 68—69.

здать «экономию» для получения трактористами премий[415]. И все же низкие заработки, тяжелые условия труда обусловливали высокую текучесть кадров механизаторов, их попытки уйти из МТС[416].

Представители рабочей аристократии широко использовали в своих интересах закрепленную за ними технику, играли на стремлении руководства колхозов и совхозов иметь «свой» транспорт. Так, после того, как в Калужской области легковые автомашины были переданы в облавтотрест, к 1963 г. в сельхозорганизациях и колхозах их вновь оказалось около 800 единиц, многие использовались «неправильно», как и значительное количество грузового автотранспорта, автобусов[417]. Проверка эксплуатации грузового транспорта в ярославской деревне показала, что водители часто ставили его у своих домов, не указывали в путевых листах продолжительность рейсов и количество перевозимого груза, не вели учет простоя машин под погрузкой, и т. п.[418] В совхозах областей Центрального Нечерноземья эксплуатация грузового автотранспорта сопровождалась перерасходом 1—17 % горючего от годового норматива, а коэффициент использования их пробега при этом колебался в пределах 49—52 %, что косвенно свидетельствовало о недоучете его работы и «неправильном» использовании[419]. «Колхозная техника не используется, а если и используется, то большинство на калымных работах с пьянкой шоферов и трактористов потому, что они получают за использование техники…» — писали Н. С. Хрущеву из колхоза «Животновод» Рязанской области[420].

«Интеллектуалы», зная слабые места системы учета и отчетности, создавали возможности «разгосударствления» части ресурсов колхозно-совхозного производства как для себя, так и представителям других страт. Рабочие совхоза «Воловский» Тульской области, жалуясь Г. И. Воронову на управляющего отделением, обвиняли его в самоснабжении: «В данное время

---

[415] ГАКО. Ф. Р-3449. Оп. 1. Д. 1384. Л. 31.
[416] *Томилин В. Н.* Наша крепость … С. 224—231.
[417] ГАКО. Ф. Р-412. Оп. 1. Д. 113. Л. 1—7, 53—54.
[418] ЦДНИ ГАЯО. Ф. 870. Оп. 2. Д. 179. Л. 33—35.
[419] Основные технико-экономические показатели механизации и электрификации совхозов РСФСР за 1971 год. М., 1972. С. 17.
[420] ГАРО. Ф. П-6589. Оп. 1. Д. 82. Л. 167.

берут продукцию — мясо и делают так: нужен поросенок — сделайте, что он сломал ногу — специалисты делают. Нужны утки — сделайте, что пали от болезни — специалисты делают. А они их жарят…»[421] Из совхоза «Пионер» Рязанской области Н. С. Хрущеву писали: «Эти горе-руководители довели совхоз до полного разорения. Рабочие ничего не зарабатывают, а они все тащат от государства. Они все здесь сжились, начиная от бригадиров и кончая директором. Свиней они на ферме режут и с фермы без всякой выписки развозят по специалистам. Возят себе для скота обрат, комбикорм и со склада зерно…»[422] На 1 октября 1966 г. при проверке 62 % совхозов РСФСР в каждом двенадцатом были выявлены переплаты по заработной плате на сумму 286 тыс. руб., невозможные без специалистов, особенно бухгалтеров[423].

Менеджеры, будучи распорядителями материальных и трудовых ресурсов колхозно-совхозного производства, маневрировали ими в своих интересах и интересах других «сильных» людей деревни. В феврале 1961 г. из колхоза «Красный октябрь» Тульской области анонимные авторы жаловались первому секретарю Тульского обкома КПСС О. А. Чуканову: «Мы, колхозники — рабы, не можем обработать свой обслуживающий персонал; они получают зарплату, да плюс к тому — сторонние доходы, а для нас только одна потеха — палочки…»[424]

Усилению эксплуатации деревня противопоставила свои социальные сети, преодолевая с их помощью созданные властью барьеры для трудоустройства в промышленности, на транспорте, борясь за престижные должности в деревне. В 1946 г. только одним постановлением СМ СССР были аннулированы 730 тыс. вакантных управленческих должностей. Вводились типовые штаты многих предприятий и организаций: если до войны их было три, то в 1950 г. — 357. Штаты массовых организаций (школ, библиотек,

[421] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 31. Д. 90. Л. 146, 148, 149.
[422] ГАРО. Ф. П-6589. Оп. 1. Д. 216. Л. 103.
[423] Подсчитано по: Информационный бюллетень о предварительных итогах работы совхозов МСХ РСФСР за 1966 год. С. 183, 186.
[424] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 31. Д. 104. Л. 150, 153.

МТС и пр.) были практически полностью типизированы[425]. В 1946—1948 гг. в колхозах Центрального Нечерноземья было сокращено «излишнего административного и обслуживающего персонала» 77,6 тыс. чел., снято с оплаты трудоднями 42,5 тыс. чел., «не имеющих отношения к колхозному производству»[426]. Председатель или бригадир «из своих» и связанные с кандидатурами на эти посты раздоры были обычными мотивами писем во власть до первых волн укрупнения колхозов в начале 1950-х гг. Старший сержант, побывавший на родине в Орловской области и наблюдавший нравы местной верхушки, писал весной 1949 г. в ЦК ВКП(б): «В нашей жизни <большую роль> играет сейчас блат. Нет блата — погиб. Хоть будь золотая звезда у тебя во лбу. Станешь говорить правду, за что ж мы воевали в 17 г., в 41—45 годах, за что же мы проливали кровь. И всегда останешься виновен. Сочтут, что иду против советской власти…»[427] Колхозники колхоза «Борец» Болховского района, описывая злоупотребления председателя их колхоза, писали А. А. Андрееву в сентябре 1951 г., что в борьбе с ним они «бессильны и беспомощны», так как «блат выше Совнаркома»[428].

Большое количество административных должностей было сокращено накануне и в результате массового укрупнения колхозов в 1950 г., при последующих укрупнениях, преобразовании в совхозы, однако и к началу 1960-х гг. они представлялись верхам раздутыми. Руководство многих хозяйств явочным порядком ввело денежную оплату труда для многих работников, содержало значительное количество должностей, не предусмотренных унифицированными штатами, — врачей, почтальонов, пожарных, учетчиков, работников учреждений культуры, секретарей первичных организаций ВЛКСМ, заведующих аптеками, банями и др. Многие специалисты и управленцы являлись вольнонаемными, их труд оплачивался без учета объемов производства, или же они получали доплаты. Администрация многих хо-

[425] Справочник по оплате труда в машинно-тракторных станциях. С. 3—5; История государственного управления в России / под ред. Р. Г. Пихои. М., 2001. С. 162—170.
[426] РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 642. Л. 16, 20, 69, 81—82; Д. 732. Л. 10 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 316. Л. 120 ; ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.
[427] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 4. Д. 200. Л. 68, 69, 71.
[428] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 6. Д. 128. Л. 2.

зяйств, как правило, сама определяла размещение производства и обслуживающей его и население инфраструктуры, в результате чего хозяйства примерно одного размера имели разное количество отделений, бригад, ферм, а внутри них — разное количество угодий, скота, рабочей силы, что позволяло формировать штаты произвольно. На оплату труда управленцев тратилось 10—14 % фонда оплаты труда в совхозах и 11—16 % — в колхозах при том, что по постановлению СМ СССР от 3 сентября 1948 г. № 3329 на это могло расходоваться не более 3—8 % выработанных трудодней в конкретном колхозе[429]. В результате в 1963 — первом квартале 1964 г. в колхозах и совхозах Центрального Нечерноземья было сокращено 12,5 тыс. единиц административно-управленческого персонала[430]. Но даже после этого штаты и фонды оплаты признавались не соответствовавшими их результативности. По итогам 1964 г. в 43 % колхозов Центрального Нечерноземья было 12 и более единиц административно-управленческого персонала на 100 колхозников. При этом 55 % колхозов получили годовой денежный доход до 200 тыс. руб.[431] Рабочие совхоза им. Красина Ефремовского района Тульской области писали в газету «Сельская жизнь»: «Директор работает для себя и своего сына не за совесть, а за страх, сосредоточил вокруг себя гнездо родни, он работает со снохой, она — зав. кадрами, а сын — инструктор-методист, и ничего не делает, а получает 80 рублей. <…> В общем, работают снохи, золовки, двоюродные и родные сестры, и если что спросишь, то тебя заплюют и обзывают всякими словами…»[432] Из колхоза «Заветы Ильича» Касимовского района Рязанской области сообщали в ЦК КПСС: «Колхоз стал укрупненным, а руководители колхоза стали жить легче. Наставили себе большой штат и установили большие зарплаты… <…> А мы, колхозники, основные работни-

[429] ГАРФ. Ф. А-420. Оп. 1. Д. 182. Л. 149, 157, 178, 183, 198, 205, 211; Д. 183. Л. 1—28, 36—42, 49—65 ; Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 363.
[430] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-420. Оп. 1. Д. 182. Л. 149, 157, 178, 183, 198, 205, 211; Д. 183. Л. 5, 8, 17, 20, 27, 37, 41, 57, 60—61.
[431] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 37. Д. 1639. Л. 9, 18.
[432] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 32. Д. 100. Л. 14 об., 15, 16.

ки, получаем 10, 20, 30 рублей мужики в месяц, доярки — 30—40 рублей…»[433] О том же писали из колхоза «Дружба» Клепиковского района[434].

Представители протобуржуазии, опираясь на знание того, как функционирует хозяйственный механизм, на капитал своих социальных связей в слое районного и регионального политического руководства, «разгосударствляли» колхозы и совхозы наиболее масштабно. В письме из колхоза «7-й съезд Советов» Смоленской области сообщалось: «В райцентре <…> председатель умеет втереть очки, в сводках у него всегда все хорошо, умеет он вовремя привезти подарки: то баранинки, то поросенка, то медку. Так и живет — правит колхозом…»[435] Из колхоза им. Ленина Чернского района Тульской области сообщали председателю КПК при ЦК КПСС в начале 1962 г.: «<Председатель колхоза> тесно связан с райкомом, особенно с членом бюро, бывшим секретарем РК…» Будучи вызван в райком КПСС из-за падежа скота, председатель «там сумел доказать, что хотя 760 поросят подохли, зато 800 опоросилось, а потому и потерь нет, а в других колхозах еще хуже дела…» На «беседе» с прокурором области он «доказал о том, что его без райкома беспокоить никто не имеет права, а райком за <него>…»[436].

Председатель колхоза в деревне конца 1950-х — начала 1960-х гг. воспринимался населением как работодатель-собственник, от которого в значительной степени зависели как характер труда подчиненных, так и его оплата. Об этом неоднократно сообщалось в представлениях прокуратуры РСФСР в СМ РСФСР[437]. Еще в большей степени работодателем считался директор совхоза. Из совхоза «Товарковский» Тульской области в начале 1963 г. писали Н. С. Хрущеву: «Искателям правды зачастую приходится терять работу “по собственному желанию”, их выселяют из квартиры посреди зимы и изби-

[433] ГАРО. Ф. П-6589. Оп. 1. Д. 82. Л. 207.
[434] ГАРО. Ф. П-6589. Оп. 1. Д. 83. Л. 92.
[435] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1086. Л. 214—216.
[436] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 32. Д. 77. Л. 56, 59 об.
[437] ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 11. Д. 659. Л. 94—95; Д. 1109. Л. 3.

вают <…> Провинившихся незначительно выгоняют без предупреждения с работы, <…> принуждают есть землю, вставать на колени публично…»[438]

Величина заработной платы, которая устанавливалась председателям колхозов и директорам совхозов, нередко не соответствовала результативности руководимого ими производства, но дополнялась широкими возможностями самоснабжения. Из колхоза «Красная звезда» Косогорского района Тульской области в начале 1963 г. жаловались на нового председателя, поставленного «районом», который, прибыв в колхоз, начал «командовать»: «Привез с собой механика, зоотехника, прораба, своих приближенных, родственников. Всем им назначил денежную оплату крупную и притом им шепнул: вы в колхоз не вступайте, выделил им по 0,30 сотых усадьбы, <…> а в колхозе не хватает рабочей силы…» За 9 месяцев председатель съел девять баранов и тысячу яиц, свысока поглядывая на колхозников: «Вы кто, мол, есть? Я председатель, хожу в плаще, а вы, колхозники — никто, а равняетесь со мной…»[439] Зарплатный принцип оплаты труда, как было показано, утвердившийся в сельском хозяйстве в 1960-е гг., использовался руководством колхозно-совхозного производства для присвоения части прибыли руководимых ими предприятий посредством премий, часто не соотносившихся с экономическими показателями. Деревня стремилась поддерживать с представителями протобуржуазии конструктивные отношения: «из чести» или за символическую оплату им обрабатывали и убирали личные огороды, строили дома, дарили специально выкормленных для таких случаев поросят, и т. д.[440]

С точки зрения сохранения хотя бы на минимальном уровне расширенного воспроизводства в личном хозяйстве колхозники рассматривали и две другие основные сферы приложения труда — подворье и отход. Связанные с ними адаптивные трудовые стратегии были характерны для большинства колхозного населения, в том числе в какой-то мере для представителей высших страт, что было видно на примере ряда колхозов Калужской области, где

[438] ГАТО. Ф. П-163. Оп. 1. Д. 55. Л. 194.
[439] ГАТО. Ф. П-163. Оп. 1. Д. 54. Л. 151, 152.
[440] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 31. Д. 83. Л. 278 об.—279; Д. 85. Л. 242; Оп. 32. Д. 82. Л. 247; Д. 93. Л. 149; Д. 94. Л. 98, 109 об.; ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 5. Д. 1048. Л. 9; Д. 1052. Л. 29, 31; Оп. 6. Д. 34. Л. 57.

профессиональным нищенством в форме отходничества занимались в том числе бригадиры, счетоводы и др.[441] С учетом того, что в начале 1950-х гг. в среднем по РСФСР колхозная семья затрачивала на работу на подворье 22—23 % бюджета рабочего времени (в областях Центрального Нечерноземья — 20—27 %), доходы от него составляли до 70 % всех поступлений двора. При этом вклад женского труда в личном хозяйстве был в среднем в 3—4 раза выше, чем мужского. Доля дохода от ведения личного хозяйства в бюджете колхозной семьи РСФСР в 1958—1960 гг. составляла около 42 %[442]. В меньшей степени зависели от личного хозяйства совхозные семьи: в 1960 г. доля поступлений от личного хозяйства в их доходах составляла 24 %, а от заработной платы — 61 %[443]. К концу 1960-х гг. из более чем 65 тыс. чел. незанятого трудоспособного сельского населения Центрального Нечерноземья 80 % составляли женщины, занятые на подворьях и уходом за детьми, многие из которых соглашались работать в общественном производстве вблизи от дома и при устройстве детей в ясли[444].

Для большинства жителей деревни труд в своем хозяйстве на всем протяжении изучаемого периода был, безусловно, очень выгодным и с экономической точки зрения, и как источник продуктов питания (за исключением зерновых, которые поступали из колхоза). Он удовлетворял потребность многих в чувстве самостоятельного хозяина. Власть пыталась подавить тягу к увеличению размеров приусадебных наделов, так как они отвлекали рабочие руки от колхозно-совхозного производства. По выгодности с трудом на подворье конкурировал труд в промышленности, на транспорте, в других колхозах, в подворьях односельчан. На протяжении 1945—1953 гг. от 6 до 10 % трудоспособных колхозников РСФСР основную часть рабочего времени работали вне колхозного производства. В 1950 г. их доля равнялась 8 % (более 1 млн чел.), в 1953 г. — 9,5 % (1,2 млн чел.). Особенно велика была

---

[441] *Кометчиков И. В.* Традиция якутальства … С. 280, 294, 296—297, 312.
[442] *Безнин М. А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье, 1950—1965 гг. С. 64—68, 71, 81 ; *Безнин М. А., Димони Т. М.* Личное приусадебное хозяйство как индикатор отмирания аграрного общества. С. 92.
[443] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Личное приусадебное хозяйство как индикатор отмирания аграрного общества. С. 91.
[444] Незанятое население РСФСР. Т. 1. С. 20, 30, 64.

численность отходников в колхозах Центрального Нечерноземья, доходя в 1950 г. до 34 %[445]. В 1955 г. трудоспособных, проживавших в колхозе, но работавших в промышленности и на транспорте, насчитывалось 16,5 %, в 1956 г. — 15 %, в 1957 г. — 15,7 %, в 1959 г. — 6,5 %[446]. В деревне их по месту «основной» работы называли «производственниками».

В первой половине 1950-х гг. в среднем по РСФСР доля времени, отработанного членами колхозной семьи в государственных и кооперативных предприятиях, у отдельных граждан составляла 11—12 % ее бюджета времени (в Центральном Нечерноземье — 10—31 %), причем доля мужского труда в 2—3 раза превосходила долю женского, в чем также просматривалось сохранение производственной кооперации двора. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. в Центральном Нечерноземье доля труда трудоспособных членов семьи в государственных и кооперативных предприятиях понизилась[447]. Как представляется, некоторый «перелив» рабочего времени колхозников в пользу личных подворий был временным[448] и объяснялся выгодной конъюнктурой, сложившейся на колхозных рынках в результате дефицита продуктов животноводства[449]. В Комиссию советского контроля СМ РСФСР писали в декабре 1960 г.: «Выполнено три годовых плана мяса, молока, а все нет ничего, вот так придется поехать к тов. Хрущеву в Москву и написать несколько писем, как живут в г. Туле рабочие…»[450]

Даже продолжавшееся наступление на личные хозяйства не остановило жителей села от увеличения количества скота на подворьях, который выкармливался дешевым хлебом. Проверки сохранности хлебных ресурсов, фуража в рамках выполнения постановления СМ СССР и ЦК КПСС № 899 от 20 августа 1963 г. выявили тысячи случаев хищений зерна, хлебопродуктов,

---

[445] *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. С. 88; подсчитано: ГАТО. Ф. Р-3020. Оп. 12. Д. 543. Л. 10 ; ГАБО. Ф. Р-2201. Оп. 9. Д. 80. Л. 1.

[446] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 5714. Л. 5; Д. 5997. Л. 6; Д. 6244. Л. 18; Д. 6810. Л. 7.

[447] Подсчитано по: *Безнин М. А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье, 1950—1965 гг. С. 64—67, 80, 81—82.

[448] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Личное приусадебное хозяйство как индикатор отмирания аграрного общества. С. 92.

[449] *Безнин М. А.* Крестьянская торговля на рынках Нечерноземья в 1950-е — 1965 гг. : в 3 ч. Вологда, 1990. Ч. 1. С. 12—18, 44—48, 54—58; Ч. 2. С. 19—23; Ч. 3. С. 20—21, 24—25, 36—37.

[450] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 30. Д. 85. Д. 231.

скупки большого количества хлеба, завышения норм содержания скота в личных хозяйствах и завершились возбуждением сотен уголовных дел. Только в Калининской области в первом квартале 1964 г. за содержание скота сверх норм было дополнительно обложено налогом свыше 11 тыс. хозяйств населения[451]. Автор письма в редакцию газеты «Советская Россия» осенью 1962 г. сообщала подробности экономики подворий с. Кузовка Тульской области: «На трудодни колхозникам после годовой работы не уплачивают… <…> Колхозники живут, кто как может. Шьют из резины тапочки по несколько десятков пар и продают их на базаре по 1 руб. пара и на эти деньги покупают хлеба и другие продукты, и кормят свиней, кур, и продают мясо на базаре. Варят самогон из свеклы и также продают из-под полы, употребляют сами и угощают бригадиров и налоговых инспекторов…»[452]

Начиная с 1960-х гг. хозяйственные функции двора существенно сужаются по сравнению с классической колхозной эпохой. На фоне укрупнения колхозно-совхозного производства, появления на селе других предприятий, оттока части населения в города двор окончательно перестает быть хоть в какой-то мере самостоятельной хозяйственной единицей, переориентируется на «подключение» к ресурсному потенциалу колхозов и госхозов. Структура его хозяйства упрощается. Возделывание трудоемких культур, содержание скота, ремесленные умения и навыки заменяются изощренными практиками легального и нелегального использования ресурсов колхозов, совхозов и т. д. Меняется качество труда на подворье: многие хозяйственные процессы начинаются в колхозе, а завершаются — во дворе, в котором концентрируется работа по освоению того, что было получено из колхоза, от государства. Уходят в прошлое трудовые навыки и умения крестьянина, «мужские» и «женские» промыслы, междворовая трудовая кооперация, освященные «моральной экономикой» междворовые отношения взаимопомощи. Мерилом бо-

[451] ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 11. Д. 1333. Л. 69—73, 153—194, 211—218; Д. 1334. Л. 29—30, 129—143, 217—219.
[452] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 32. Д. 83. Л. 304—304 об.

гатства становится не полноценное, по старой мерке, хозяйство, а деньги — универсальный индикатор благосостояния[453].

Постоянно растет престиж работы в промышленности, строительстве, на транспорте, так как она гарантировала фиксированный заработок, прикрепление к ведомственной системе снабжения, членство в профсоюзе, социальное страхование, пенсионное обеспечение и т. д. В малых городах и сельской местности такая занятость была дефицитной. Житель Мещовска, наблюдая отток рабочей силы из колхозов, писал в начале 1950 г. первому секретарю Калужского обкома ВКП(б) Б. И. Панову: «Мещовск переводнен беглецами из колхоза, их дядюшки устраивают. <…> Когда открывалась чайная сельпо, на должности двух официанток было подано более 20 заявлений горожанок со средним образованием, но взяли из колхоза…»[454] Стремясь использовать любую возможность заработка, часть сельской молодежи на Западе РСФСР в голодные 1946—1947 гг. вступала в районные команды Осоавиахима по разминированию и сбору трофеев, бойцам которых полагалось питание, обмундирование и оплата, хотя колхозное и районное начальство и не одобряло отвлечение рабочей силы из колхозов[455].

Существовало также и «самовольное» отходничество без справок правлений. В отличие от «производственников», количество которых можно установить по годовым отчетам колхозов, их обобщенные показатели отсутствуют. Однако даже отрывочные свидетельства говорят о тысячах стихийных отходников[456]. Немало их «трудоустраивалось» в соседних колхозах, где они надеялись найти гарантированный заработок в качестве «наемных рабо-

---

[453] *Виноградский В. Г.* «Орудия слабых» … С. 112—113, 115—116, 118—119, 171—172, 207—213, 215—222, 273—279 ; *Кознова И. Е.* XX век в социальной памяти российского крестьянства / отв. ред. С. А. Никольский. М., 1999. С. 189.

[454] ГАДНИКО. Ф. П-30. Оп. 5. Д. 622. Л. 34.

[455] ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 52. Д. 133. Л. 1, 8; Д. 150. Л. 53, 54, 63; Оп. 54. Д. 9. Л. 35 ; *Кометчиков И. В.*: 1) «Для окончательного разминирования районов, освобожденных от оккупации, ГКО постановляет…»: эволюция подходов власти к разминированию деревни Запада РСФСР (1940-е — середина 1950-х гг.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. 2020. № 1 (53). С. 71—82 ; 2) «Мы едем сеять, а не разминировать»: местная власть и организация сплошного разминирования Калужской области // Российская история. 2023. № 3. С. 62—77.

[456] ГАКО. Ф. Р-3469. Оп. 1. Д. 4413. Л. 2; Д. 10120. Л. 3 ; ГАБО. Ф. Р-2201. Оп. 9. Д. 75. Л. 1.; Д. 82. Л. 2; Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 43. Л. 450 ; ГАТО. Ф. Р-3020. Оп. 12. Д. 203. Л. 156; Д. 672. Л. 34; Ф. П-177. Оп. 14. Д. 142. Л. 58.

чих и специалистов». В деревне развивался рынок рабочей силы — обмен колхозов плотниками, кузнецами, шорниками, бондарями, пастухами, лесорубами, механизаторами, счетоводами и т. д.[457] Оплата труда наемных лиц и специалистов в колхозах Центрального Нечерноземья росла в абсолютных величинах, а в относительных — скачкообразно сокращалась. В 1945—1950 гг. оплата их труда деньгами составляла от 2,9 до 4,8 % денежных доходов колхозов, в первой половине 1950-х гг. — ежегодно от 5 до 6 %, а далее до начала 1960-х гг. — 2—3,5 %. Еще около 1—1,5 % составляли доплаты деньгами наемному административно-управленческому персоналу. Такие колебания можно объяснить как ужесточением контроля власти за колхозными финансами, так и постепенным сокращением сферы свободного найма в колхозах[458]. Немало средств шло на оплату труда «шабашников», среди которых было много квалифицированных работников[459]. Некоторые виды работ в общественном хозяйстве, например выпас скота, составление годовых отчетов, выполнялись почти исключительно отходниками[460]. Из колхоза «Богатырь» Волынского района Орловской области сообщали в ЦК ВКП(б) осенью 1951 г.: «У нас сохранилось много единоличников, вернулось много кулаков… <…> Только дураки работают в колхозе, говорят они открыто и в личных беседах. Но живут они много лучше колхозников. Мужчины работают, где выгодно сорвать: в колхозах, у колхозников и в районных организациях, доски пилят и зарабатывают до 6 тыс. рублей в месяц, а ночью занимаются воровством хлеба…»[461]

Доходы большинства «самовольных» отходников не облагались налогами и могли быть значительными. Так, например, на лесоразработках в Костромской области в конце 1950-х — начале 1960-х гг. местные колхозники

---

[457] ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 1017. Л. 44 ; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 107. Л. 105 ; РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1002. Л. 279—285, 289: Д. 1183. Л. 301.

[458] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 337. Д. 1634. Л. 4, 7, 10; Д. 4429. Л. 5, 9, 13; Д. 7995. Л. 4, 7, 10; Оп. 324. Д. 1377. Л. 5, 11; Д. 1782. Л. 5, 11; Д. 2178. Л. 5, 9; Д. 2578. Л. 10, 16; Д. 3077. Л. 9, 13; Д. 3604. Л. 14, 20; Д. 4056. Л. 16, 22; Д. 4636. Л. 14, 20; Д. 5091а. Л. 17, 21; Д. 5409. Л. 14, 25; Д. 5722. Л. 18, 24; Д. 6005. Л. 18, 24; Д. 6251. Л. 20, 28; Д. 6545. Л. 21, 27, 29; Д. 6818. Л. 14, 20, 22; Д. 7144. Л. 5, 11.

[459] ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 11. Д. 695. Л. 96.

[460] ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 10. Д. 64. Л. 101; Д. 67. Л. 126 ; ГАТО. Ф. П-177. Оп. 15. Д. 5. Л. 125 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 1017. Л. 44 ; РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1184. Л. 3; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 107. Л. 105.

[461] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 6. Д. 128. Л. 97.

зарабатывали в день по 10—12 руб. на валке и погрузке леса, что в 10 раз превышало их заработок в колхозе, а «уполномоченные» колхозов безлесных регионов — десятки тысяч рублей за сезон[462]. За доходы «самовольных» отходников шла борьба, в результате которой общее собрание или правление часто принимали решения в духе уравнительной трудовой этики, устанавливая «лимит» на количество отходников из одного двора, либо вводя на них особый «налог»[463].

Таким образом, на протяжении изучаемого периода в сфере трудовых отношений на селе столкнулись насаждаемая властью индустриальная форма организации труда, его скудная для большинства населения оплата и во многом еще крестьянские представления о распределении и выполнении «тягла» отработок. Это столкновение отражало все более глубокое проникновение индустриальных форм капитала в сельхозпроизводство, происходило при высоком уровне внеэкономического принуждения, особенно — в отношении сельских пролетариев и рабочей аристократии, сопровождалось выраженной дифференциацией противостоящего «оповседневниванию» сферы труда поведения деревни. Низы колхозной деревни стремились установить уравнительное распределение тяжести работ и такую же ее оплату, уклонялись от выполнения отработок и, в конечном счете, стали требовать перевода на заработную плату. Индустриальные способы организации и оплаты труда заменили традицию внутрисемейной и межсемейной производственной кооперации, угасавшую по мере того, как породившее ее хозяйство двора становилось действительно подсобным. К первой половине 1960-х гг. и в сфере трудовых отношений накопленный социальный иммунитет деревни стал в значительной мере неактуальным. Представители верхних страт деревни сосредоточились на «разгосударствлении» государственно-капиталистической собственности, преодолевая таким образом «оповседневнивание» сферы трудовых отношений.

---

[462] ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 11. Д. 906. Л. 76, 175, 177, 290 ; ГАТО. Ф. Р-3421. Оп. 1. Д. 147. Л. 1, 8—10.
[463] ГАКО. Ф. Р-1626. Оп. 2. Д. 17. Л. 294.

1.4. Финансовая политика власти и сельский социум

Стержнем финансовой составляющей аграрного курса в интересующий период продолжала оставаться перекачка средств из сельского хозяйства в индустриальные секторы экономики. Прежде всего она производилась в интересах создания оружия массового поражения и новых видов военной техники[464]. Значительных средств требовало и восстановление разрушенных городов, транспорта, реконструкция индустрии, продолжение электрификации. В 1946—1950 гг. только расходы бюджета СССР по министерствам тяжелой и машиностроительной промышленности, стройматериалов, на транспорт, дорожное, жилищно-коммунальное хозяйство, оборону соотносились с расходами на сельское хозяйство в пропорции 7/1, в 1951—1965 гг. — 5/1[465].

Следует прежде всего рассмотреть основные институты власти в сфере финансов. Как уже говорилось выше, главными каналами изъятия финансовых ресурсов деревни выступали налоги с колхозов, госхозов и населения. Не меньшие средства приносила разница между, с одной стороны, государственными заготовительными и закупочными и, с другой, отпускными розничными ценами на сельхозпродукцию, между государственными заготовительными и закупочными ценами на сельхозпродукцию и ценами промтоваров для деревни, повышенные для села розничные цены на ряд промтоваров[466]. «Колхозы вывозят хлеб в государство, сдают рубль пуд, колхозник покупает в государстве — платит 30 руб. пуд. Разве не обидно колхозникам все лето возиться с хлебом, пот проливать, а хлеб придется покупать, разве это устроит колхозника, что дают один килограмм на трудодень. Кормись

---

[464] *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. С. 191—317 ; *Данилов А. А., Пыжиков А. В.* Рождение сверхдержавы : СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 99—116 ; *Ханин Г. И.* Экономическая история России в новейшее время : в 3 т. Т. 1 : Экономика СССР в конце 30-х годов — 1987 год. Новосибирск, 2008. С. 72—79, 92—93.

[465] Подсчитано по: Государственный бюджет СССР на четвертую и пятую пятилетки (1946—1950 и 1951—1955 гг.) : статистический сборник / отв. ред. Г. Дундуков. Л., 1957. С. 66, 71, 72, 80, 87, 117 ; Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик : статистический сборник / сост. Г. В. Дарков, И. И. Горчев, В. Д. Пасекова, Н. А. Иванова ; общ. ред. Н. В. Гаретовского. М., 1966. С. 20—21.

[466] Финансово-кредитный словарь Т. 2. С. 585.

круглый год, содержи хозяйство…» — писали в середине 1955 г. в ВС СССР из Орловской области[467].

Действовавшие в 1945—1952 гг. государственные заготовительные цены были многократно ниже себестоимости сельхозпродуктов в колхозах и совхозах и гораздо ниже цен колхозного рынка. Так, заготовительные цены на зерно не менялись с 1929 г., на продукты животноводства — с 1940 г. Государственные цены на зерно в совхозах составляли в 1940-е гг. 30 %, а в 1953 г. — 10 % его себестоимости, в колхозах — еще меньше. Убыточность производства мяса крупного рогатого скота составила в 1952 г. 95 %, свинины — 94 %, молока — 78 % их себестоимости. В 1952 г. заготовительная цена пшеницы была в 3 раза ниже розничной цены хлеба, картофеля — в 3,7 раза, говядины — в 8,1 раза и т. д. В начале 1948 г. на рынках г. Москвы килограмм мяса стоил 23 руб., литр молока — 5,4 руб., килограмм картофеля — 99 коп., а заготовительные цены на них в Московской области составляли 24—42 коп., 15 коп. и 27 коп. соответственно[468]. Цены колхозного рынка на продукты даже после шестикратного понижения государственных розничных цен в 1947—1953 гг. были выше них и цен комиссионной торговли, что создавало стимул для торговли на рынке весь изучаемый период[469].

Хотя с 1952 по 1959 г. государственные заготовительно-закупочные цены на зерновые культуры были повышены в 7,4 раза, на картофель — в 8,3 раза, на продукты животноводства — в 5,6 раза, на скот — в 12,4 раза (с 1 июня 1962 г. — в среднем еще на 35 %), на животное масло — на 10 %[470], цены на продукцию животноводства по-прежнему не возмещали колхозам и совхозам их себестоимости. Если рентабельность производства зерна в колхозах Центрального Нечерноземья в 1964 г. составила 48,1 %, в совхозах — 0,4 %, сахарной свеклы — 37,1 % и 8 %, картофеля — 101,8 % и 19,5 %, овощей — 86,9 % и 51 % соответственно, то продуктов животноводства была

[467] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 106. Л. 40 об.
[468] *Волков И. М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. С. 184 ; Заготовительные цены на сельскохозяйственные продукты. Изд. 2-е, перераб. М., 1945. С. 122, 246, 280.
[469] *Малафеев А. Н.* История ценообразования в СССР (1917—1963 гг.). М., 1964. С. 269, 414 ; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 112. Л. 203 об.—204.
[470] *Малафеев А. Н.* История ценообразования … С. 412—413 ; Финансово-кредитный словарь. Т. 2. С. 588.

ниже их себестоимости: молока в колхозах — на 2,6 %, в совхозах — на 27,4 %, мяса крупного рогатого скота — на 12 % и 33,2 %, свинины — 30,4 % и 16,6 %, мяса овец — 34,5 % и 45,5 %, мяса птицы — 2,9 % и 16,4 %, шерсти — 28,8 % и 50,3 %. Если колхозы Центрального Нечерноземья в 1964 г. показали 20,5 % рентабельности к себестоимости реализованной продукции, то в совхозах она оказалась ниже себестоимости на 12,2 %[471].

Государственные розничные цены, по которым деревня покупала промтовары, за 1940—1952 гг. выросли примерно в 10 раз. Кроме того до 1 июля 1958 г. существовали двойные цены на сельхозтехнику: более низкие оптовые (с наценкой) — для совхозов и МТС, и более высокие розничные — для колхозов. Так, грузовая машина ГАЗ-63 продавалась первым за 1337 руб., а колхозам — за 4 тыс. руб., ЗИЛ-150 — 1377 руб. и 3700 руб., ГАЗ-51А — 1072 руб. и 3300 руб. соответственно, и т. д. Лишь с 1 июля 1958 г. вновь осваиваемую производством сельхозтехнику сельхозпредприятиям стали продавать при плановой рентабельности 3 % со второго года их выпуска. Тогда же на колхозы были распространены действовавшие оптовые цены на нефтепродукты (кроме автобензина), минеральные удобрения, метизы, металл[472].

В начале 1950-х гг. до 20—90 % цен на товары государственной и кооперативной торговли составлял «спрятанный» в них налог с оборота, в начале 1960-х гг. — 5—89 %. Так, например, в 1961 г. его ставка составляла 54 % розничной цены легкового автомобиля ГАЗ-69А, 45 % — трехтонного автопогрузчика, 47—71 % — швейной машинки, 48 % — женского овчинного полупальто, 26 % — модельной обуви, 82 % — наручных часов «Заря» и т. д.[473] Анонимный автор восклицал в письме Н. С. Хрущеву: «Рабочий в городе получает твердую оплату за свой труд, благоустроенные квартиры, газ, электричество, водопровод, увеселительные учреждения, возможности по-

[471] Основные экономические показатели колхозов и совхозов в 1961—1966 гг. С. 198, 200, 202, 203, 208, 210, 212, 214, 221, 223, 227, 229, 233, 235, 238, 240, 250, 252, 255, 257.
[472] *Малафеев А. Н.* История ценообразования … С. 266, 290—291.
[473] Советская жизнь. 1945—1953. С. 525—526 ; Сборник ставок налога с оборота по товарам, вырабатываемым в РСФСР. М., 1961. С. 19, 24, 26, 28, 33.

вышения образования без отрыва от производства, в магазинах дешевле, чем на селе, товары, лучшие продукты питания. Короче написать — все, чего не видит колхозник…» Вызывала недоумение и колоссальная разница в закупочных ценах на сельхозпродукты: «Почему грузины катаются в собственных “Победах”, а наши русские люди не находят средств купить лишний метр мануфактуры и, есть случаи, ютятся еще в землянках? <…> Только за то, что мы выращиваем дешевый хлеб, а грузины — дорогой виноград, узбеки — дорогой хлопок?..»[474]

Деревня понесла немалые издержки при нормализации денежного обращения. В 1947 г. была осуществлена денежная реформа, отменены карточки. Новые цены были выше цен торговли по карточкам, но ниже цен государственной коммерческой торговли и колхозного рынка. Реформа носила конфискационный характер по отношению к накоплениям на руках у населения: посредством обмена 10 руб. старыми на 1 руб. новыми государство изъяло значительную часть доходов, полученных подворьями в годы войны от выгодной конъюнктуры на сельхозпродукты. 6 млрд руб. старого образца не были предъявлены к обмену[475], не в последнюю очередь — из опасений привлечь внимание власти.

Антидеревенская черта финансового курса находила выражение в бюджетной политике. В конце 1920-х — 1930-е гг. власть централизует госбюджет. В результате районирования в 1923—1928 гг. были созданы областные, окружные и районные бюджеты, с 1932 г. — сельские. С 1938 г. все они включаются в единый госбюджет[476]. Важное место в формировании его доходов занимали финансовые ресурсы колхозов, госхозов, предприятий, населения. Основными формами их мобилизации являлось взимание налога с оборота, отчислений от прибыли, подоходного налога с колхозов, лесного дохода, налогов с населения (подоходного, с холостяков, одиноких и малосемейных граждан, сельхозналога), налога со строений, со зрелищ, земельной

[474] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 488. Л. 131.
[475] Денежная реформа в СССР 1947 года : документы и материалы / сост. Л. Н. Доброхотов, В. Н. Колодежный, В. С. Пушкарев, В. Н. Шепелев. М., 2010. С. 334—338, 353.
[476] Финансово-кредитный словарь. Т. 2. С. 38—39.

ренты, размещение подписки на займы и др.[477] Однако, следуя действовавшему до 1959 г. Положению о местных финансах РСФСР от 19 ноября 1926 г., бюджеты местных Советов имели весьма скудную доходную базу. Основными статьями их доходов объявлялись доходы от имуществ, предприятий местного подчинения, государственных земель, недр и т. п., 50 % прибыли от операций по обязательному окладному страхованию, 20 % — от прочих операций госстраха, 61 % промыслового налога, 62 % сельхозналога, 40 % лесных доходов, 50 % от эксплуатации земель и торфяных болот государственного значения, 10 % подоходного налога с промышленных предприятий и 20 % — с прочих его плательщиков[478]. Согласно закону РСФСР от 16 декабря 1961 г., в бюджет района, объединявший районный бюджет, бюджеты городов районного подчинения, поселковые и сельские бюджеты, включались следующие доходы: отчисления от прибылей и другие поступления от подведомственных райсовету предприятий и организаций, местные налоги и сборы, госпошлина и ряд других поступлений, а также отчисления от налога с оборота, подоходного налога с предприятий общественных организаций и кооперации, подоходного налога с колхозов, с населения, сельхозналога и др. в размерах, определенных в региональном бюджете[479]. Таким образом, и район и сельсовет в вопросах финансирования зависели от региональной и центральной власти.

В структуре доходной части бюджета РСФСР долгое время была относительно велика доля налогов с сельского населения и колхозов, что обоснованно связывается с реализацией государством своего титула верховного собственника земли, определением объема «тягла» с той или иной территории или социальной категории[480]. Так, если в 1940 г. доля подоходного налога с предприятий и организаций (в том числе колхозов), налогов и займов с

---

[477] Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик. С. 100—102 ; Финансово-кредитный словарь. Т. 1. С. 180, 435—436; Т. 2. С. 40—41, 70—75, 170—172, 211—214, 338—339.

[478] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР : в 6 т. / сост. Л. И. Газиянц, И. О. Козлова, Ю. И. Мочек, Н. А. Ноткина и др. ; общ. рук. колл. сост. и отв. ред. В. А. Болдырев. М., 1959. Т. 1 : 1917—1928 гг. С. 222—229.

[479] О бюджетных правах Союза ССР, союзных республик и местных Советов депутатов трудящихся / сост. А. В. Калитеевская, Н. А. Николаева, С. В. Поленина ; отв. ред. Ф. И. Калинычев. М., 1963. С. 48, 60.

[480] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Первоначальное накопление капитала в Советской России. С. 31—32.

населения составляла в доходах бюджета РСФСР 38 %, в 1950 г. — 40 %, в 1958 г. — 13,6 %, в 1960 г. — 12,3 %, то в 1965 г. — 10,1 %. Удельный вес налогов и отчислений от прибыли госпредприятий, напротив, нарастал: в 1940 г. они составили 45,1 %, в 1950 г. — 44,4 %, в 1958 г. — 72,9 %, в 1965 г. — 77,9 %[481].

При том, что до 1959 г. на селе Центрального Нечерноземья проживало больше половины населения[482], на нужды деревни выделялась малая доля расходов бюджета. В 1946—1950 гг. расходы по местным бюджетам СССР (объединявшим бюджеты АССР и местных Советов) составили лишь 20 % расходов бюджета СССР, а доли расходной части бюджетов районов и сельсоветов занимали наименьший удельный вес среди бюджетов всех уровней. Так, расходы по районным бюджетам РСФСР составили в 1950 г. 30,6 % расходов по местным бюджетам РСФСР, в 1955 г. — 27,7 %, в 1960 г. — 21,6 %, в 1965 г. — 21,9 %, расходы сельских бюджетов составили, соответственно, 6,7 %, 6,8 %, 5,5 %, 5,5 %[483]. При этом подавляющую часть расходов по районным и сельским бюджетам составляли траты на социально-культурные мероприятия (в основном просвещение и здравоохранение): в 1950 г. — 69 %, 1955 г. — 61,2 %, 1960 г. — 41,1 %, 1965 г. — 47,6 %[484] (прежде всего — на отопление, содержание школ, больниц, фельдшерско-акушерских пунктов, клубов и библиотек на селе, зарплату их персоналу и т. д.)[485]. Так, например, расходная часть бюджета Ярославской области в 1940-е гг. более чем на 75 % состояла из расходов на народное образование, здравоохранение, культпросветучреждения, социальное обеспечение, ЖКХ и благоустройство[486].

---

[481] Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. С. 556.
[482] Народное хозяйство РСФСР в 1958 году. С. 37—38.
[483] Подсчитано по: Государственный бюджет СССР : статистический сборник. Ч. 2. С. 157 ; Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик. С. 107.
[484] Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик. С. 105—106.
[485] Хронологическое собрание законов … Т. 1 : 1917—1928 гг. С. 235—238 ; О бюджетных правах Союза ССР, союзных республик и местных Советов депутатов трудящихся. С. 47, 60—61.
[486] Материалы к отчету исполкома Ярославского областного Совета депутатов трудящихся за 1940—1947 гг. Ярославль, 1947. С. 117 ; Материалы к отчету о работе исполнительного комитета Ярославского областного Совета депутатов трудящихся за 1948 год на V сессии областного Совета депутатов трудящихся, март 1949 г., Ярославль. Ярославль, 1949. С. 61.

Зависимость деревни в вопросах финансирования от региональной и центральной власти отчетливо просматривается и в механизме формирования и утверждения районных и сельских бюджетов. Конституция СССР 1936 г. и конституции союзных республик закрепили принцип, когда каждый Совет сам утверждал бюджет соответствующей административно-территориальной единицы. Для проведения централизованной политики в бюджетной сфере составление бюджетов начиналось с уточнения доходов и расходов, отнесенных на конкретные виды бюджетов, и шло «сверху вниз». Утверждение же бюджетов шло «снизу вверх»: сначала сельских, потом — районных и т. д. С 1938 г. процесс утверждения бюджетов пошел «сверху вниз». При этом в общий объем доходов и расходов вышестоящего бюджета включались показатели нижестоящих и давалась их разбивка по каждому такому бюджету. Утверждая бюджет, Совет руководствовался показателями доходов и расходов, утвержденными для него вышестоящим Советом. В результате местные бюджеты в общих показателях включались в бюджеты союзных республик, а через них — в бюджет СССР. Сложилась система, при которой проблемы централизации и децентрализации решались в основном путем изменения характера и количества тех показателей вышестоящих бюджетов, которые обязательны при составлении нижестоящих[487]. Это ограничивало облисполкомы в выборе направлений развития той или иной сферы, так как они зависели от «вышестоящих органов» в распределении и перераспределении ресурсов. Так, в 1954 г. региональные парткомы и советские органы внесли более тысячи предложений о расширении прав исполкомов региональных Советов и их отделов и министерств ССР. По мнению регионального руководства, сложилась «неправильная практика излишней централизации руководства хозяйственным и культурным строительством на местах», которая состояла в трате времени на обсуждение, пересылку спускаемых сверху директив или же на пересылку наверх просьб местных органов. Чрезмерная централизация приводила к увеличению детализации планов и региональных

[487] *Азовкин И. А.* Местные Советы в системе органов власти. М., 1971. С. 173—175.

бюджетов. В конце 1954 г. было установлено 220 форм для составления проектов бюджета РСФСР и 116 — для бюджетов регионов. В 1945 г. в проекте бюджета РСФСР было предусмотрено 45,8 тыс. показателей, в 1954 г. — 52,3 тыс. (без промышленных министерств), в проекте бюджета Ярославской области — 20,1 и 24,6 тыс. соответственно. Проект бюджета Клинского района Московской области на 1954 г. состоял из 75 таблиц с 15 тыс. показателей. Высокая детализация показателей позволяла облисполкомам лишь провести разверстку заданий по районам, а райисполкомам — по колхозам. Внести какие-либо изменения обл- и райисполкомы не могли. Бюджеты республик, областей и районов обсуждались на сессиях Советов формально, так как их проекты предварительно утверждались в «вышестоящих организациях» и сессии не могли изменить объем их расходной части, наметить дополнительные расходы, даже тогда, когда имелись источники их покрытия. После утверждения бюджетов вносились изменения по указаниям «сверху», «подрывающие устойчивость бюджета», их выполнение подвергалось мелочной опеке[488].

В скудном бюджетном финансировании деревни немалую роль играл и малый объем имуществ, подведомственных местной власти, совокупность которых определялась как «местное хозяйство»[489]. Об этой некоторое представление дают расходы на него из бюджета СССР, проходившие по местному бюджету, прежде всего на предприятия местной промышленности и сельское хозяйство. В 1945—1950 гг. на это было направлено 7,1 % расходной части бюджета СССР. В 1955 гг. на финансирование народного хозяйства по союзному, республиканским и местным бюджетам было выделено 4,8 % расходов бюджета СССР[490]. Таким образом, в конце 1920-х — середине 1950-х гг. местные Советы управляли хозяйством, уступавшим по размерам и сложности бывшему в республиканском и союзном подчинении. С середины 1950-х гг. принимаются меры по расширению полномочий региональной

[488] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 458. Л. 1, 2, 4, 9, 10, 11.
[489] *Азовкин И. А.* Местные Советы в системе органов власти. С. 170—172.
[490] Подсчитано по: Государственный бюджет СССР. Ч. 2 : 1938—1950 гг. С. 29, 31, 84, 86, 152, 144 ; Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик. С. 20, 73, 96.

власти в части планирования, финансирования, обеспечения материальными ресурсами местного хозяйства. Само оно росло, вбирая ведомственное жилье, объекты инфраструктуры и т. п.[491] С другой стороны, в 1960—1964 гг. почти вся местная промышленность, ранее подчиненная местным Советам, была передана в ведение совнархозов, но из-за нерентабельности и по другим причинам большая ее часть была закрыта[492]. Тем не менее отражением расширения имущественных и бюджетных прав облисполкомов можно считать динамику расходной части областных бюджетов в структуре расходов бюджета РСФСР: если за 1950—1955 гг. их расходы уменьшились на 4 %, то за 1955—1970 гг. они выросли более чем в 4,3 раза[493].

Невыполнение доходной части бюджета города, района, региона, которое именовалось в документации и мемуарах «мобилизацией денежных средств населения и колхозов»[494], влекло за собой недофинансирование социально-культурной сферы, что не являлось секретом как для финансовых работников, так и политического руководства на местах[495]. Для купирования задержек выплаты зарплаты учителям и другим работникам было предусмотрено формирование целевых резервов[496]. Состояние учреждений культуры, досуга, быта деревни отражало ее денежные ресурсы, за счет которых они содержались. Для их мобилизации власть постоянно расширяла сеть сберкасс и пунктов инкассации, переводила колхозы и другие предприятия и организации на безналичные расчеты, что также позволяло контролировать движе-

---

[491] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам … Т. 4. С. 402 ; *Лепешкин А. И.* Советы — власть народа. С. 350 ; Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР : в 6 т. / сост. Л. И. Газиянц, И. О. Козлова, Ю. И. Мочек, Н. А. Ноткина и др. ; общ. рук. колл. сост. и отв. ред. В. А. Болдырев. М., 1959. Т. 5 : 1954—1956 гг. С. 250—261 ; Справочник партийного работника. Вып. 1. М., 1957. С. 450—451.

[492] *Лепешкин А. И.* Советы — власть народа. С. 324—326.

[493] Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик. С. 107 ; Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик 1966—1970 гг. : (статистический сборник). М., 1972. С. 115.

[494] Воспоминания о себе и о своей работе в годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы Д. И. Зайцева [Электронный ресурс] : сайт Чернского районного историко-краеведческого музея им. Н. А. Вознесенского. URL: https://rikm-chern.tls.muzkult.ru/news/90574681?ysclid=leock6opjo479851240 (дата обращения: 28.02.2023).

[495] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 335—337 ; Материалы к отчету исполкома Ярославского областного Совета депутатов трудящихся за 1940—1947 гг. С. 118—119 ; Материалы к отчету о работе исполнительного комитета Ярославского областного Совета депутатов трудящихся за 1948 год. С. 62, 63—68.

[496] *Шаврин В. А*. Местные бюджеты СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1946. С. 194 ; Методическое пособие по исполнению бюджета района. М., 1962. С. 33—37.

ние и целевое расходование денежных средств. Стремление максимизировать мобилизацию денежных средств объясняет усилия по увеличению рыночных фондов колхозов, что урезало объем распределяемого по трудодням, но позволяло сбивать цены колхозного рынка, было выгодно созданием иллюзии естественного снижения цен на продовольствие.

Важным источником финансовых средств стали займы у населения, кооперативных организаций, сберкасс, величина которых оставалась значительной вплоть до 1963 г.[497] С 1958 г. массовый выпуск госзаймов прекратился, как и проведение тиражей выигрышей по выпущенным, погашение которых переносилось на 1977 г. Считается, что это решение стало компромиссом между стремлением руководства страны прекратить выпуск займов и выплат по ним из-за роста издержек от такого инструмента привлечения средств и риском подорвать доверие к сберкассам[498]. Пока займы размещались, представители власти часто выражали недоверие отказывавшимся от подписки.

Подготовка и проведение кампаний по сбору налогов, размещения подписки на займы являлись важнейшими мероприятиями не только финансовых органов, но и всей власти в регионе[499]. Бюро обкомов ВКП(б) Центрального Нечерноземья на своих заседаниях регулярно оценивали их состояние, предпринимали меры по активизации[500].

Не лучшим было финансовое положение колхозов Центрального Нечерноземья. На 1 января 1955 г. их кредиторская задолженность составляла 3,9 млрд руб. (в разрезе областей — 72—150 % денежного дохода колхозов за 1954 г.), в том числе 53 % — долги по долгосрочным ссудам Сельхозбанку, 13 % — по трудодням колхозникам и рабочим тракторных бригад[501]. Чтобы его оздоровить, ЦК КПСС и СМ СССР 9 апреля 1955 г. обязали списать с

---

[497] Советская жизнь. 1945—1953. С. 553 ; Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик. С. 19.
[498] *Иванова Г. М.* На пороге «государства всеобщего благосостояния» : Социальная политика СССР (середина 1950-х — начало 1970-х годов). М., 2011. С. 126—127.
[499] ГАКО. Ф. Р-3449. Оп. 1. Д. 1430. Л. 42.
[500] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1828. Л. 3—4; Оп. 2. Д. 482. Л. 42—43; Д. 1722. Л. 53—56 ; ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 226. Д. 399. Л. 9.
[501] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 112. Л. 293 об.

колхозов ряда областей довоенную задолженность по ссудам Сельхозбанка, рассрочить погашение имевшихся ссуд, предоставили ряд льгот по погашению ссуд Госбанка, освободили от погашения задолженности по взносам в неделимые фонды, и др.[502] СМ СССР с 1956 г. распорядился для «стимулирования снижения себестоимости и роста накоплений» в совхозах прекратить дотирование совхозов из бюджета на покрытие убытков от сдачи продукции по ценам ниже плановой себестоимости. Цены на их продукцию были повышены, дирекции разрешалось оставлять не менее 20 % прибыли, а прочее — перераспределять «для покрытия плановых убытков отдельных совхозов»[503].

Грабительской по отношению к колхозам Центрального Нечерноземья оказалась продажа им техники МТС. В 1958—1960 гг. на приобретение ее, а также построек, оборудования МТС и ремонт купленной техники было потрачено более 3 млрд руб., что составило 40 % денежных доходов колхозов в 1960 г.[504], в результате чего многие из них оказались разорены. В 1960 г. недовзносы на счета капиталовложений составили 692 млн руб. (48 % плана), в 1962 г. 42 % колхозов имели просроченную задолженность по краткосрочным ссудам на производственные затраты, 50 % не имели средств на текущих счетах и не могли погасить долги, 41 % имел задолженность по взносам средств неделимых фондов; в 1963 г. — 20 %, 44 % и 37 % соответственно[505]. 10 января 1961 г., по итогам разбора попыток «догнать и перегнать» США по производству продуктов животноводства, СМ СССР и ЦК КПСС вынуждены были освободить от подоходного налога 80 % доходов колхозов на 1961—1965 гг., понизить для них цены на запчасти для грузовых машин и сельхозтехники, розничные цены на бензин, отсрочить платежи за приобретенные у МТС технику, помещения и оборудование, и т. д.[506]

---

[502] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 206—207.
[503] Там же. Т. 2. С. 264—267.
[504] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 6546. Л. 11, 13; Д. 6819. Л. 12, 14; Д. 7144. Л. 5; Д, 7145. Л. 25, 27.
[505] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 27. Д. 2416. Л. 198, 199, 200; Д. 2813. Л. 42, 43; Д. 3024. Л. 46, 47.
[506] Сборник решений по сельскому хозяйству. С. 425—427.

Совхозы СССР только в 1956 г. показали прибыль 30 млн руб., а за 1950—1955 и 1957—1961 гг. дали убытка в сумме 3,7 млрд руб.[507] В 1965 г. 32 % совхозов Центрального Нечерноземья дали убыток 58,7 млн руб., в 1966 г. 29 % совхозов — 36,5 млн руб.[508]

Ответом на плотный контроль финансовой сферы стали многообразные попытки его преодоления как колхозами, так и населением. В основе поведения колхозов во многих случаях лежали потребности рационального ведения хозяйства, затруднительного в условиях финансовой политики власти. Главной его чертой стала практика финансирования общественного хозяйства, минуя счета в отделениях Госбанка, Сельхозбанка или сберкассе[509]. В источниках она получила название «черная касса». «Черные кассы» не были уникальным явлением колхозной экономики, существовали в потребительской кооперации, торговле.

Для понимания функционирования «черных касс» следует кратко рассмотреть принципы обращения денег в общественном хозяйстве колхозов. Обслуживание колхозов велось Госбанком и Сельхозбанком по правилам, сложившимся в 1930-е гг.[510], а показатель мобилизации колхозной выручки входил в число основных индикаторов денежного обращения в отчетности Госбанка СССР[511]. Выдачи наличных средств со счетов производились по требованию, подписанному председателем и счетоводом. По вкладу на текущем счету Госбанк начислял 3,5 % годовых, хранение же наличных в колхозной кассе разрешалось в «минимальной сумме»[512]. Снятие средств со счета капиталовложений должно было производиться в соответствии с производственным планом и приходно-расходной сметой, утвержденным общим собранием, заимствование на текущие нужды допускалось по решению об-

---

[507] Подсчитано по: Финансы СССР. М., 1959. С. 246—247 ; Финансы СССР. М., 1962. С. 208—209.
[508] Основные экономические показатели колхозов и совхозов в 1961—1966 гг. С. 262 ; Информационный бюллетень о предварительных итогах работы совхозов МСХ РСФСР за 1966 год. С. 190.
[509] *Гусаков А. Д., Дымшиц И. А.* Денежное обращение и кредит в СССР. М., 1951. С. 219—220, 297—298 ; История колхозного права … Т. 1. С. 430—431.
[510] *Гусаков А. Д., Дымшиц И. А.* Денежное обращение и кредит в СССР. С. 134—136.
[511] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 466. Л. 42, 43, 53; Д. 1741. Л. 34, 35, 40—41.
[512] Колхозное право / под ред. проф. Н. Д. Казанцева и доц. А. А. Рускола. М., 1950. С. 220—221 ; История колхозного права … Т. 1. С. 431.

щего собрания только с возвратом[513]. Для сокращения объема наличных у колхозной администрации развивались безналичные расчеты, что провозглашалось залогом успешного функционирования плановой экономики[514].

Государство после войны озаботилось упорядочением колхозных финансов и обеспечением притока денежных средств на счета колхозов[515]. Однако сделать это долгое время не удавалось из-за слабого развития на селе сети банковских учреждений, ведущих инкассацию (Госбанк РСФСР приступил к инкассации наличных денег в 1939 г.), действий местных органов сельского хозяйства и финансов, которые стремились переложить эту работу друг на друга, загруженности банковских работников заданиями РК ВКП(б) и райисполкомов[516]. Важными причинами «черных касс» являлись постоянная задолженность колхозов по ссудам, малая величина доходов и дробность их поступления, стремление уклониться от уплаты налогов и понизить издержки безналичных расчетов.

Наибольший объем «черных касс» колхозов отмечается в середине 1940-х гг., когда он, как видно, отражал разросшийся за годы войны стихийный рынок и слабую инкассацию наличной выручки колхозов. Позднее сеть банковских учреждений и сберкасс расширяется (за 1941—1961 гг. число учреждений Госбанка СССР выросло на 7 %, число сберкасс в сельской местности РСФСР за 1940—1958 г. — почти на четверть, к 1965 г. — на 45 %, к концу 1950-х гг. на один район приходилось в среднем 13—14 сберкасс)[517]. Власть развивает безналичные расчеты (во второй половине 1940-х

---

[513] Колхозное право. С. 220.

[514] *Гусаков А. Д., Дымшиц И. А*. Денежное обращение и кредит в СССР. С. 216—219; *Колганов М. В*. Собственность в социалистическом обществе / отв. ред. И. В. Маевский. М., 1953. С. 196—198.

[515] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917—1957 гг. : сборник документов : в 4 т. Т. 3 : 1946—1952 гг. М., 1958. С. 212—216 ; КПСС в резолюциях … Т. 8. С. 55—61.

[516] РГАЭ. Ф. 7480. Оп. 4. Д. 268. Л. 114, 136—136 об., 150; Д. 269. Л. 32, 132, 212.

[517] Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. С. 560 ; По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 9 : Балансы Государственного банка СССР (1922—1990 гг.) / сост. Ю. И. Кашин, В. В. Миков ; науч. ред. Ю. И. Кашин. М., 2010. С. 9; Вып. 13 : Госбанк СССР и Минфин СССР в процессе мобилизации и использования сбережений населения (ведомственные материалы) / сост. Ю. И. Кашин, Т. В. Козлова ; отв. ред. Ю. И. Кашин. М., 2012. С. 97.

гг. в сельском хозяйстве они почти отсутствовали[518]), активизирует инкассацию выручки колхозов. Повышаются закупочные цены, что вызывает перенаправление части продукции колхозов с рынка в государственные и кооперативные заготовительные организации, где были распространены безналичные расчеты. Постановлением СМ СССР № 252 от 16 февраля 1955 г. ужесточается порядок кредитования колхозов Сельхозбанком, устанавливается перечень целей, на которые выделялся кредит, сроки его погашения[519]. Все это способствует сокращению объема «черной» наличности. Если в 1945 г., минуя банковские счета, колхозы Центрального Нечерноземья израсходовали 63 % денежных доходов, в 1946 г. — 55 %, 1947 г. — 47 %, 1949 г. — 37 %, 1950 г. — 37 %, 1951 г. — 33 %, 1952 г. — 36 %, 1953 г. — 33 %, то в 1955 г. — 19 %, 1957 г. — 19 %[520].

Хотя, как видно, возможности пополнять «черные кассы» сокращались, колхозы продолжали использовать любую возможность для получения наличных денег[521]. Но у экономически слабых хозяйств, которых в областях Центрального Нечерноземья было до 50 %, рыночный фонд продовольствия (один из основных источников наличных) был незначительным, поэтому шел поиск других доходов. Таковыми являлись сдача в аренду колхозного тягла, продажа леса[522]. Только в 1954—1960 гг. колхозы Центрального Нечерноземья выручили от продажи древесины 908 млн руб. (8,3 % денежных доходов 1960 г.)[523].

По мере распространения безналичных расчетов размеры «черных касс» еще более сократились, но это не свидетельствовало о сворачивании

---

[518] По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 10 : Кредитование и расчеты в 1926—1951 годах (ведомственные материалы) / сост. Ю. И. Кашин, Т. В. Козлова. Отв. ред. Ю. И. Кашин. М., 2010. С. 125.

[519] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 601—609.

[520] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 26. Д. 367. Л. 8—8 об.; Д. 491. Л. 3, 3 об.; Д. 579. Л. 3, 4; Д. 656. Л. 3, 4; Оп. 27. Д. 75. Л. 3; Д. 301. Л. 3; Д. 546. Л. 3; Д. 1060. Л. 3—3 об.; Д. 1609. Л. 5; Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1377. Л. 5; Д. 182. Л. 5; Д. 2178. Л. 5; Д. 2578. Л. 10; Д. 3077. Л. 9; Д. 3604. Л. 14; Д. 4056. Л. 16; Д. 4636. Л. 14; Д. 5091 а. Л. 17; Д. 5722. Л. 18; Д. 6251. Л. 20; Ф. 7480. Оп. 5. Д. 312. Л. 57—59; Д. 330. Л. 34—36.

[521] РГАЭ. Ф. 7480. Оп. 4. Д. 268. Л. 90, 114, 136—136 об., 150; Д. 269. Л. 32, 132.

[522] ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 13. Л. 1—6 ; ГАКО. Ф. Р-883. Оп. 16. Д. 875. Л. 150; Д. 1042. Л. 16; ГАТО. Ф. 177. Оп. 18. Д. 62. Л. 24, 25 ; РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1184. Л. 25 ; ГАРФ. Ф. Р-8300. Оп. 24. Д. 1873. Л. 22; Ф. А-340. Оп. 1. Д. 1111. Л. 5; Ф. А-461. Оп. 11. Д. 906. Л. 36—40, 214—215.

[523] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 5409. Л. 13; Д. 5722. Л. 18; Д. 6005. Л. 18; Д. 6251. Л. 20; Д. 6545. Л. 21; Д. 6818. Л. 14; Д. 7144. Л. 5.

прерогатив председателей по контролю колхозных финансов. Многочисленные факты заключения договоров с «шабашниками», незаконного строительства для нужд района, приобретения по указанию районных властей транспорта, оплаты коммунальных услуг, организации всевозможных торжеств и т. д. были и в 1960-е гг. В июле 1964 г. сотрудниками Комитета партгосконтроля Бюро ЦК КПСС по РСФСР и СМ РСФСР была проверена работа российской республиканской конторы Госбанка СССР по кредитованию экономически слабых колхозов. В 10 191 из 17 662 колхозов было установлено нецелевое использование ссуд на капиталовложения, неправильное использование средств неделимых фондов. Так, в Калужской, Брянской, Костромской областях кредиты на производственные затраты выдавали без учета фактически полученных авансов, сверх сезонного недостатка в средствах, даже при наличии просроченной задолженности по ссудам[524]. Многие колхозы Смоленской области в конце 1950-х гг. были закредитованы, их правления не собирались погашать кредиты, получая часть средств за реализуемую продукцию наличными. В Вяземском районе колхозы переводили эти средства на отдельный банковский счет колхоза «Путь к коммунизму», в котором потом получали наличные. В 1959 г. колхоз обналичил 271 тыс. руб.[525]

Даже уменьшаясь, «черные кассы» выполняли важные функции по стабилизации экономики общественного хозяйства и подворий. Для современников, знакомых с функционированием колхозной экономики, не являлось секретом, что своевременный и полный расчет колхозов по финансовым платежам будет означать срыв сельхозработ. По данным Калужского облфо, на 1 января 1949 г. 66 % колхозов имели недоимку по подоходному налогу в сумме 7,8 млн руб. Арест их счетов эффекта не дал. Сдача выручки в банк прекратилась вовсе, из-за чего облфо просило обком ВКП(б) «дать указание всем райкомам ВКП(б) о применении мероприятий, которые бы воздействовали на колхозы в скорейшей уплате подоходного налога»[526]. Но руководите-

[524] ГАРФ. Ф. А-420. Оп. 1. Д. 542. Л. 11.
[525] ГАРФ. Ф. А-340. Оп. 1. Д. 338. Л. 27—28.
[526] ГАКО. Ф. Р-3449. Оп. 1. Д. 1387. Л. 190.

ли на местах часто предпочитали не замечать требований финансовых органов и даже действовали вразрез с ними[527].

Статьи расходования «черной» наличности свидетельствуют о компенсировании колхозной экономике посредством «черных касс» также и издержек государственного снабжения, спутниками которого были «ножницы цен» и дефицит. Это обстоятельство подталкивало правления к операциям на колхозном и теневом рынках. «Теневая» бухгалтерия давала возможность доставать горючее и запчасти, семена, удобрения, фураж, продовольствие, сельхозинвентарь, нанимать рабочую силу, приобретать фиктивные хлебоприемные квитанции и др. Так, в 1945—1960 гг. колхозы Центрального Нечерноземья затратили на приобретение мелкого инвентаря 1,2—11,2 % денежных доходов в год, на наем рабочей силы по строительству и ремонту зданий и сооружений — 1,0—7,3 %[528]. Максимум затрат по этим статьям пришелся на первые послевоенные годы, а в начале 1960-х гг. их суммы составляли 1—2 % денежных доходов, что свидетельствует о контроле государства над колхозными финансами.

Другой важной функцией «черных касс» была поддержка колхозного населения путем противозаконного, с позиции государства, увеличения размеров внутриколхозного потребления. Так, согласно Уставу сельхозартели, на пополнение неделимых фондов следовало отчислять от 10 до 20 % денежных доходов за год[529]. Отделения Сельхозбанка обязывались выплачивать по вкладу 3,5 % годовых[530] и контролировать его «правильное расходование». Однако даже при формальном соблюдении этого порядка в колхозах образовывался разрыв между затратами на пополнение основных средств и их приростом, так как часть капиталовложений направлялась через «черные кассы» на текущие производственные нужды и потребление. Разница образовыва-

---

[527] ГАКО. Ф. Р-3449. Оп. 1. Д. 1387. Л. 55; Ф. Р-883. Оп. 16. Д. 577. Л. 37 ; ГАБО. Ф. Р-6. Оп. 3. Д. 416. Л. 64—65.

[528] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 37. Д. 1634. Л. 4, 10; Оп. 324. Д. 1377. Л. 5, 9, 11, 21; Д. 1782. Л. 5, 9, 11, 21; Д. 2178. Л. 5, 9, 11; Д. 2578. Л. 10, 16, 31; Д. 3077. Л. 9, 25; Д. 3604. Л. 9, 14, 20, 38; Д. 4056. Л. 14, 16, 22, 43; Д. 4636. Л. 14, 20, 26; Д. 5409. Л. 14, 23; Д. 5722. Л. 18, 22; Д. 6005. Л. 18, 22; Д. 6251. Л. 20, 26; Д. 6545. Л. 21, 25; Д. 6818. Л. 14, 18; Д. 7144. Л. 5, 9; Оп. 337. Д. 4420. Л. 5, 9; Д. 7995. Л. 4, 7.

[529] История колхозного права … Т. 1. С. 430.

[530] *Гусаков А. Д., Дымшиц И. А.* Денежное обращение и кредит в СССР. С. 291.

лась, главным образом, за счет списания с баланса части поголовья общественного скота. По подсчетам управляющего Калужской областной конторы Сельхозбанка, в 1945 г. в колхозах области было «не учтено или расхищено» 36 млн руб. средств неделимого фонда, в 1946 г. — 10 млн руб.[531], с чем были согласны и в ЦК ВКП(б)[532]. Сходные выводы в отношении неделимых фондов колхозов делали и тульские руководители[533]. За 1945—1960 гг. разрыв между отчислениями на пополнение неделимого фонда (помимо отчислений на амортизацию) и его приростом к началу 1961 г. составил в колхозах Центрального Нечерноземья суммарно 1,8 млрд руб. (15 % от суммы затрат)[534].

Посредством «черных касс» перераспределялась часть средств неделимого фонда, направлявшаяся на незаконное стимулирование труда колхозников, что на языке официальной переписки именовалось «разбазариванием», в форме оплаты налогов и индивидуальной подписки на займы, оформления «премий» и «выдач» на спецодежду и обувь, гарантированной оплаты труда и т. п.: «Деньги с неделимых фондов проедаются, часть средств расходуется на обеды и др. Продадут корову, а деньги проедают или на веревки тратят…» — утверждал секретарь Калужского обкома ВКП(б) 23 июня 1948 г. на совещании работников суда, юстиции и прокуратуры[535]. Все вышеперечисленное способствовало обособлению колхозного руководства, обладавшего «неуставными» финансовыми полномочиями, которые выражали и «приватизационные» устремления. В 1960-е гг. за счет колхозных и совхозных финансов практиковалась оплата личных расходов сельских протобуржуа на электроэнергию, телефонную связь, пользование радиоприемниками, не вызывавшихся производственной необходимостью командировочных расходов, автомашин с шоферами, банкетов, спектаклей, киносеансов, туристических пу-

---

[531] ГАКО. Ф. Р-883. Оп. 16. Д. 182. Л. 51; Д. 183. Л. 20[а].
[532] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 203. Л. 21.
[533] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 18. Д. 15. Л. 152—154.
[534] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1377. Л. 13; Д. 1782. Л. 13; Д. 2178. Л. 11; Д. 2578. Л. 19; Д. 3077. Л. 17; Д. 3604. Л. 26; Д. 4056. Л. 28; Д. 4636. Л. 26; Д. 5091[а]. Л. 25; Д. 5409. Л. 27; Д. 5723. Л. 5; Д. 6006. Л. 7; Д. 6252. Л. 8; Д. 6546. Л. 7; Д. 6819. Л. 6; Д. 7145. Л. 19.
[535] ГАКО. Ф. Р-1626. Оп. 2. Д. 14. Л. 80—81.

тевок[536]. Колхозники колхоза «Россия» Тульской области сообщали первому секретарю Тульского обкома КПСС О. А. Чуканову весной 1961 г.: «<Председатели> ездят к нам в колхозы на работу за 15—25 км на колхозных машинах. Председатели между собой даже спорят, кто из них имеет лучшую машину за счет колхоза, а некоторые имеют по две машины, т. е. для зимы и лета. Об этом прекрасно знают руководители района, и они смотрят на все это с улыбкой, так как председатели и их снабжают колхозным добром…»[537]

Свои способы приспособиться к финансовой политике вырабатывало и население. В их основе лежала уже рассмотренная логика противостояния тенденции «внешнего» раскрестьянивания и сохранения способностей двора к расширенному воспроизводству. До 1953 г. государство практически ежегодно повышало налоги на подворья. Рост налогов превышал рост их доходности[538]. На уплату налогов, сборов, приобретение облигаций крестьянская семья в 1940—1950-е гг. тратила около пятой части годового дохода[539]. В увеличении налогов, возрастании сумм подписки на займы, денежной реформе 1947 г., регулярном понижении цен на продукцию сельского хозяйства население видело стремление власти поглотить как можно больше его денежных ресурсов. Первые же шаги по наращиванию налоговой нагрузки на подворье были восприняты как крушение надежд на облегчение жизни после войны. В корреспонденции населения, изученной военной цензурой УМГБ СССР по Смоленской области в первые послевоенные годы, жалобы на налоги и займы занимали одно из первых мест. В исходящей корреспонденции за первые кварталы 1945—1949 гг. они занимали третье место по степени распространенности. Из деревни писали: «Целый год не видим куска хлеба. Налог 800 рубл., мяса 54 кгр, яичек 75 штук, картофель 364 кгр. За налог приходят и забирают последнюю тряпку и рубаху»; «Еще не забудешь об одном — начинается другое. Толкают: плати мясо, плати заем, а чем платить?

---

[536] ГАСО. Ф. Р-2637. Оп. 1. Д. 111. Л. 1—8, 16, 41—48; Д. 781. Л. 4—5, 8—10 ; ГАТО. Ф. Р-3421. Оп. 2. Д. 13. Л. 5, 29, 33—34, 56—60; Оп. 3. Д. 13. Л. 55, 144; ГАКО. Ф. Р-412. Оп. 1. Д. 492. Л. 1; Д. 515. Л. 18 ; ЦДНИ ГАЯО. Ф. 870. Оп. 2. Д. 121. Л. 3—4.

[537] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 31. Д. 89. Л. 143—143 об.

[538] *Попов В. П.* Крестьянские налоги в 40-е годы. С. 105—106.

[539] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Крестьянство и власть в России в конце 1930-х — 1950-е годы. С. 157.

Грозят взять корову. У нас нет за душой ни копейки, даже нет денег на соль. Похоже, своей смертью не умереть. Очень тяжело жить», и др.[540] Цензура МГБ СССР меньше чем за месяц (с 1 по 28 мая) 1946 г. зарегистрировала более 1,5 тыс. писем с отрицательными высказываниями по поводу увеличения налогов, отправленных сельским населением Рязанской и других областей. В них — картина отчаяния от денежных налогов[541].

Количество недоимщиков по сельхозналогу могло доходить до 50 % хозяйств, привлеченных к его уплате. В основном, это были дворы вдов, инвалидов, престарелых и т. д. Для них расчет с государством из-за проводившихся с 1947 г. снижений цен колхозного рынка становился трудновыполнимым. Колхозник из Калининской области писал об этом в Министерство финансов СССР весной 1948 г.: «В 1947 г. картофель был 500—600 рублей мешок, мясо было 70 и 80 рублей килограмм, хлеб был 600 и 700 рублей пуд. А в 1948 г. — хлеб 96 рублей пуд. Молоко было в 1947 г. 10 рублей, а теперь 4 рубля литр. Картофель в 1948 г. 35 рублей мешок, мясо 30 рублей килограмм. Если государство налог даст по-старому, как в 1947 г., то чем же будет колхозник платить? Поэтому единоличнику живется лучше, чем колхознику, поэтому из колхоза молодые бегут…»[542] Население направляло в финансовые органы десятки тысяч жалоб на неправильное обложение с просьбами уменьшить или сложить налог[543].

На селе полностью не собирались суммы индивидуальной подписки населения на займы. Займы воспринимались как дополнительный «чрезвычайный» налог, собиравшийся «особыми» методами. Местная и региональная власть, зная, что в деревне мало наличных, организовывали кампании по сбору подписки задолго до их официального начала. В Смоленском районе Смоленской области подписку на 4-й государственный военный заем собирали, продавая на рынке хлеб, причитающийся по трудодням, объясняя сопротивляющимся: «Кто не уплатит денег — с того будет удержан хлеб». Об-

[540] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 819. Л. 145—146.
[541] Советская жизнь. 1945—1953. С. 228—229.
[542] *Попов В. П.* Крестьянство и государство (1945—1953). С. 199.
[543] ГАКО. Ф. Р-3449. Оп. 1. Д. 1387. Л. 435; Д. 1430. Л. 30; Д. 1444. Л. 11—13; Д. 1503. Л. 4—4 об.

щее собрание колхоза «Красный октябрь» Екимовичского района постановило: «В случае, кто не подпишется на 4-ю денежно-вещевую лотерею, удержать 15 фунтов хлеба»[544]. В 1947 г. МГК РСФСР в Калужской, Ярославской областях и ряде других регионов было выявлено размещение и сбор средств подписки на 3-й государственный заем с колхозников до издания закона на сумму свыше 13 млн руб. по инициативе областного и районного руководства, санкционированной коллегией Министерства финансов РСФСР. Подписка колхозников зачастую оплачивалась колхозами, продававшими для этого скот и сельхозпродукты[545]. То же самое практиковалось в других регионах[546]. С согласия, а иногда и по прямому указанию районных руководителей общие собрания распределили «спущенную» на артель сумму подписки на выработанные каждым ее членом трудодни, оплачивавшиеся приуроченным к этому «авансированием». Хранившаяся на счетах колхозов выручка также направлялась в погашение подписки[547]. Известны многочисленные жалобы населения на займы как на разновидность налога[548].

Неоднозначно деревня восприняла денежную реформу 1947 г. Многие горожане до и после ее проведения высказывали мнения о необходимости конфискации спекулятивных накоплений военных и первых послевоенных лет посредством обмена денег[549]. Сельские жители, проигрывавшие от понижения цен на продовольствие, прикладывали много усилий, чтобы сохранить накопления. Несмотря на то что информацию о реформе надлежало сохранять в тайне, о ней стало известно сначала представителям власти, а потом и населению. Основными способами спасения накоплений стали внесение вкладов в сберкассы накануне или после официального объявления о реформе (для их учета задним числом), попытки вложить средства в материальные

---

[544] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1845. Л. 68—69, 106.
[545] Социальная политика СССР в послевоенные годы 1947—1953 гг. : документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М., 2020. С. 308—318.
[546] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 15. Д. 55. Л. 35.
[547] ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 28. Л. 127—128; Д. 98. Л. 6; Д. 99. Л. 11 ; ГАКО. Ф. Р-1456. Оп. 1. Д. 1. Л. 21 об.—22 ; Д. 2. Л. 20—20 об. ; ГАТО. Ф. Р-2640. Оп. 3. Д. 181. Л. 147 ; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 203. Л. 23.
[548] Социальная политика СССР в послевоенные годы. С. 327—339 ; Советская жизнь. 1945—1953. С. 536, 545—552 ; *Иванова Г. М*. На пороге «государства всеобщего благосостояния» … С. 124—125.
[549] Советская жизнь. 1945—1953. С. 554—556, 574, 577 ; Денежная реформа в СССР 1947 года. С. 667—668.

ценности. Первый способ был практически недоступен широким слоям населения, но часто использовался представителями регионального и районного руководства, работниками финансовых органов, торговли, потребкооперации[550]. Второй был в ходу и у населения, которое, гадая о деталях реформы и глядя на местное руководство, покупало товары длительного пользования, запасало спички, соль, керосин, мыло и т. п. Накануне реформы повсеместно регистрировался резкий рост оборотов торговли[551]. Скупку товаров первой необходимости подстегивали слухи о новой войне[552].

Когда «узаконенные» каналы апелляции населения к власти по поводу финансового пресса оказывались неэффективными, в ход шли фиктивные разделы дворов, укрывание объектов обложения, освобождение от налога за взятку, покупка фиктивных платежных квитанций. Но уклонялись не только от прямого изъятия — налога на хозяйство. Одновременно шел поиск уменьшения «издержек» от торговли на колхозном рынке: чтобы заплатить за право торговли и пользование рыночным инвентарем, нужно было сбыть значительную часть привезенного[553]. В базарные дни во многих районных и областных центрах улицы, прилегающие к рынкам, оказывались запруженными подводами с сеном, соломой, дровами, овощами и др. Здесь же шел «беспошлинный» торг мелким скотом и птицей, а нередко — и дефицитными промтоварами. Свидетельства этого содержатся в конъюнктурных обзорах колхозной торговли, воспоминаниях современников[554].

В одной плоскости с уклонением от уплаты налогов, сокрытием объектов от налогообложения находилось занятие запрещенными кустарными промыслами или работа без патента. Борясь с незаконными проявлениями хозяйственной активности населения, власть неоднократно проводила кампании по их искоренению. В первые послевоенные годы обычным было

---

[550] Советская жизнь. 1945—1953. С. 578—581 ; Денежная реформа в СССР 1947 года. С. 390—413 ; ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945—1953 / сост. В. В. Денисов, А. В. Квашонкин, Л. Н. Малашенко, А. И. Минюк, М. Ю. Прозумещиков, О. В. Хлевнюк. М., 2004. С. 163—164.
[551] Советская жизнь. 1945—1953. С. 561—567 ; Денежная реформа в СССР 1947 года. С. 367—379.
[552] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 821. Л. 88, 176.
[553] ГАКО. Ф. Р-3261. Оп. 1. Д. 266. Л. 13 об. ; ГАТО. Ф. Р-2640. Оп. 2. Д. 65. Л. 75.
[554] ГАКО. Ф. Р-3261. Оп. 1. Д. 221. Л. 26 об.; Д. 341. Л. 230 об., 271 ; *Боченков В. В.* Старообрядчество Калужского края. Ржев, 2014. С. 179—180.

недообложение налогами кустарей, недоучет тех, кто занимался такими промыслами, как изготовление кожаной обуви и одежды, выделка кож и шкур и т. д.[555] В 1955 г. в СССР за занятие запрещенными промыслами было осуждено 3,7 тыс. чел., в 1956 г. — 5,7 тыс. Из 621 чел., привлеченных к уголовной ответственности по изученным Генеральной прокуратурой СССР в 1956 г. 554 делам, 162 чел. изготавливали обувь и заготовки для нее, 72 — обрабатывали кожу, 211 — шили одежду, белье, головные уборы, валяли валенки, прочие — делали мебель, сладости, свечи, предметы религиозного культа и т. д.[556] Весь перечень запрещенных промыслов насчитывал десятки занятий[557].

Пожалуй, самым распространенным, простым с точки зрения оборудования и сырья, но при этом одним из самых доходных запрещенных промыслов являлось самогоноварение. Борьба с ним, возложенная на органы милиции, велась, то разгораясь, то затухая, на протяжении всего изучаемого периода. Поступления от самогоноварения являлись подчас важной частью доходов двора и были значимы не только как деньги, но и как ресурс, конвертировавшийся в лояльность «сильных» людей деревни, различные услуги и блага. Много примеров таких обменов содержат крестьянские письма в структуры власти. Изготовление самогона из местного сырья (чаще всего — сахарной свеклы, иногда — зерна, картофеля) было сопряжено с его хищением в колхозах, нередко при прямом участии или попустительстве правлений, освящалось традицией коллективных застолий во главе с председателями, другими должностными лицами колхозов и сельской округи[558]. Статистика привлечения к ответственности за самогоноварение свидетельствует скорее о масштабах явления, а не об эффективности борьбы с ним[559]. Апофеозом борьбы с запрещенными промыслами стала кампания конца 1950-х — начала

---

[555] ГАКО. Ф. Р-3449. Оп. 1. Д. 1430. Л. 37—38.
[556] ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 4678. Л. 25, 27—28, 49.
[557] Справочник районного прокурора / под общ. ред. В. М. Бочкова. М., 1942. С. 247—248.
[558] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1085. Л. 45.
[559] Подсчитано по: ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1085. Л. 83, 84, 85; Д. 1777. Л. 245—246; Оп. 3. Д. 51. Л. 6; Д. 1078. Л. 21; Д. 1256. Л. 179, 180, 181, 182, 185; Д. 1257. Л. 12, 104; Д. 1257. Л. 98—102 ; ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 1401. Л. 1, 2; Д. 2201. Л. 80, 81 ; ЦДНИ ЯО. Ф. 227. Оп. 227. Д. 613. Л. 49, 51, 52.

1960-х гг. под лозунгами искоренения «частнособственнических пережитков» в преддверии «вступления в коммунизм».

Растущая неактуальность ведения хозяйства на подворьях вследствие ограничений на любую экономическую активность вне общественного или государственного производства объяснялась также увеличением объема благ, полагавшихся сельскому населению от государства с середины 1950-х гг. Расширились количество и объем выплат и льгот малообеспеченным категориям. Предусматривалось значительное увеличение объемов жилищного строительства на селе[560]. 5 июля 1964 г. был принят Закон СССР о пенсиях членов колхозов по старости, инвалидности и потере кормильца[561]. В 1950-е гг. государство расширяет льготы по установленному в конце 1920-х — 1930-е гг. пенсионному обеспечению для ряда категорий специалистов сельского хозяйства (ускоренное получение пенсии по выслуге лет, ее выплата при работе по специальности), вводит пенсии по выслуге лет специалистам и ответственным работникам МТС, школ механизации, председателям колхозов, направленным на работу по постановлению СМ СССР и ЦК ВКП(б) от 9 июля 1950 г.[562]

Наиболее существенные выплаты предусматривались лицам, имевшим право на персональные пенсии. Постановлением СМ СССР № 1475 от 14 ноября 1956 г. вводилось единое Положение о персональных пенсиях, актуализировавшее действовавшие до этого нормы. Право устанавливать пенсии местного значения (в большинстве случаев проживавшие на селе могли рассчитывать на них) в размере до 600 руб. в месяц имели комиссии при обл- и горисполкомах, а ходатайствовать об этом — союзные, республиканские и местные партийные, советские и профсоюзные органы[563]. К этому времени большинство персональных пенсионеров являлось не просто людьми, имев-

---

[560] Справочник партийного работника. Вып. 1. С. 271—289, 294—309; Вып. 2. С. 381; Вып. 3. С. 391—392, 439—442; Вып. 4. С. 369—370; Вып. 5. С. 204 ; Сборник решений по сельскому хозяйству. С. 424 ; Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. С. 329—333.

[561] Справочник партийного работника. Вып. 6. С. 255—260.

[562] Пенсионное обеспечение СССР : сборник официальных материалов. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 1960. С. 166—186.

[563] Пенсионное обеспечение СССР. С. 198—199.

шими заслуги перед государством, а членами КПСС и нередко — чиновниками[564]. К октябрю 1956 г. средний размер пенсии союзного значения составлял 77,3 руб. в месяц, республиканского значения — 40,8 руб., а пенсии по старости — 22,1 руб., на 1 января 1971 г. — 102,4 руб., 85,7 руб. и 45,7 руб. соответственно[565].

В РСФСР с 1950 по 1965 г. расходы госбюджета на социальное обеспечение увеличились в 11,2 раза, а прямые налоги с населения — в 2,3 раза (при этом сумма сельхозналога сократилась на 32 %)[566]. Однако даже такой рост расходов на зарплаты и социальные пособия не смог обеспечить к началу 1960-х гг. достижение нормативов роста реальных доходов населения, обозначенных в решениях XXI съезда КПСС, из-за недостатка средств, обусловленного низкой эффективностью экономики, особенно — сельского хозяйства[567].

Тем не менее, реагируя на блокирование частной хозяйственной инициативы и, в то же время, на лозунги о повышении «всеобщего благосостояния», сельское население боролось за увеличение своей доли материальных благ от государства, которые все чаще дополняли доходы от ведения личного хозяйства, «шабашничества» и т. п., а иногда и замещали их. С середины 1950-х гг. нарастает поток обращений, авторы которых апеллировали к заслугам перед партией и государством, добиваясь установления персональных пенсий либо их повышения, благоустроенного жилья и т. д. Так, если в 1945 г. из общего числа обращений, поступивших в приемную ПВС РСФСР, вопросам пенсионного обеспечения было посвящено 3,4 %, то в 1953 г. — 18 %, что стало самой распространенной их темой[568]. Известны примеры десятков обращений одним заявителем в течение короткого времени[569]. Пласт

---

[564] *Сивакова И. В.* Пенсионное обеспечение за особые заслуги перед государством // Право и политика. 2016. № 5 (197). С. 635—636.

[565] Подсчитано по: Основные показатели развития органов социального обеспечения РСФСР за 1979 год : (сборник статматериалов). М., 1980. С. 31.

[566] Подсчитано по: Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик. С. 101, 103.

[567] Пенсионное обеспечение СССР. С. 4—6 ; *Иванова Г. М.* На пороге «государства всеобщего благосостояния» … С. 134—137.

[568] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 1. Д. 748. Л. 1, 21; Оп. 25. Д. 149. Л. 1.

[569] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 31. Д. 99. Л. 1—179; Д. 99а. Л. 1—223; Д. 99б. Л. 1—281.

приспособительного поведения деревни классического колхозного периода, направленный на укрывание от государства скудных финансовых ресурсов, заработанных в том числе и незаконными способами, размывался ожиданиями обещанных финансовых выплат, а иногда — и их домогательствами.

Таким образом, несмотря на некоторое понижение к началу 1960-х гг. давления финансового пресса, сельское хозяйство продолжало оставаться для власти важным источником финансов, а денежная повинность — наиболее прогрессивным способом эксплуатации. Совершенствовались его основные инструменты: разорительные для села налоговая и ценовая политика, недофинансирование посредством госбюджета. Некоторое снижение налогов с сельхозпредприятий и населения с начала 1950-х гг., отмена займов, увеличение расходов на социальное обеспечение сельского населения компенсировались увеличением сумм налога с оборота, социальных отчислений предприятий, то есть также оплачивались деревней. Установлением плотного контроля над финансами колхозов, запретом многих видов хозяйственной активности вне колхозов и госхозов к концу 1950-х гг. власти удалось несколько девальвировать способы преодоления сельским социумом рутины власти в финансовой сфере. К началу 1960-х гг. ее преодоление, как и преодоление рутины власти в других сферах хозяйственной жизни, дифференцируется: представители нижних страт деревни все больше уповают на денежные доходы и дотации от государства, а средних и высших — стремятся использовать возможности, связанные с их местом в индустриализированном колхозно-совхозном производстве[570].

[570] О повседневных взаимоотношениях власти и сельского населения Центрального Нечерноземья в хозяйственной сфере см. также: *Кометчиков И. В.* Повседневные взаимоотношения власти и деревни Центрального Нечерноземья. С. 91—256.

Глава II. Повседневные взаимоотношения власти и сельского социума в политической сфере

2.1. Районное звено управления как уровень политической власти надпроизводственного менеджмента и сельский социум

Необходимость компенсации хронического дефицита производительных сил в сельском хозяйстве Центрального Нечерноземья с учетом отведенной деревне роли донора сельхозсырья, рабочей силы, денег обусловила высокое значение контроля политической сферы, сконцентрированного в руках «надпроизводственного менеджмента», прежде всего — регионального и районного партаппарата[1]. Следует отметить, что его значение подчас рассматривалось не вполне неисторично, особенно в отечественной литературе. Так, с конца 1980-х гг. в научный оборот вводится понятие «административно-командная система», ключевым звеном которой объявлялся парт- и госаппарат. Его приверженность административным методам управления огульно противопоставлялась демократическим методам как априори более эффективным[2]. Однако, как представляется, такой взгляд на управление экономикой и обществом в СССР не вполне применим. В советском политическом лексиконе их эвфемизмами были термины «высокий уровень организационно-партийной, партийно-политической и партийно-массовой работы», «правильная расстановка кадров», обозначавшие способность того, кто ими обладал, добиваться поставленных политическим руководством целей. Фактически под этим понимались состав руководящих кадров партийных и советских органов и руководящего актива, система номенклатуры, состав и распределение сети первичных парторганизаций, позволявшие выдвигать и распределять кадры, могущие «дать план», умение политического руководства ис-

[1] *Безнин М. А., Димони Т. М.* «Надпроизводственный» менеджмент в советской экономике (1930—1980-е гг.) // Вопросы истории. 2020. № 10 (2). С. 42—60.

[2] *Ясин Е. Г.* Трактат об административной системе // Не сметь командовать! : От административно-командных к экономическим методам управления / Г. С. Лисичкин, Г. Х. Попов, Е. Г. Ясин и др. ; под ред. Н. Я. Петракова. М., 1990. С. 66—106 ; *Попов Г. Х.* Война и правда : Цена победы. New York, 2005. С. 104—107.

пользовать все это. Представляет актуальность изучение совершенствования институтов политической власти, с которыми непосредственно контактировал сельский социум, а также попыток преодоления создаваемой ими рутины.

Сначала рассмотрим сами институты политической власти в руках надпроизводственного менеджмента и их функционирование. Их территориальным оформлением выступала система административно-территориального деления. Задача «улучшения повседневного партийного руководства в смысле его приближения к низовой работе» посредством «разукрупнения организаций» была озвучена И. В. Сталиным еще на XVIII съезде ВКП(б)[3]. С окончанием войны ее реализация продолжилась в форме разукрупнения регионов Нечерноземья[4]. На субрегиональном уровне это достигалось за счет концентрации политической власти в постепенно сокращавшемся числе административных центров. На протяжении 1946—1955 гг. общее количество районов практически не менялось, колеблясь в пределах 410—420, что можно объяснить стабилизацией числа областей и границ между ними[5], а также концентрацией ключевых административно-политических полномочий в районном звене, что обозначается еще в 1930-е гг. Со второй половины 1950-х гг. в Центральном Нечерноземье начинается сокращение числа районов за счет их укрупнения, важнейшими предпосылками чего становятся укрупнение колхозно-совхозного производства, сельсоветов, сокращение числа сельского населения. В 1958 г. их общее количество сокращается еще на 10, в 1959 г. — на 35 (на 8 — в Московской, 6 — в Рязанской, 7 — в Ярославской и т. д.), в 1960 г. — на 10, в 1961 — на 11[6]. При

---

[3] XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии(б), 10—21 марта 1939 г. : стенографический отчет. М., 1939. С. 28—29, 37.

[4] Сборник законов РСФСР и указов Президиума Верховного Совета РСФСР. 1938—1946 гг. М., 1946. С. 63—67.

[5] Подсчитано по: СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 января 1947 г. Изд. 5-е, доп. М., 1947. С. VII—VIII ; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2391. Л. 19, 20; Д. 3022. Л. 57 ; ГАРФ. А-385. Оп. 46. Д. 65. Л. 7, 8, 9, 10; Д. 70. Л. 13; Д. 73. Л. 23.

[6] Подсчитано по: ГАРФ. А-385. Оп. 46. Д. 77. Л. 29, 30, 30 об. ; Народное хозяйство РСФСР в 1958 году : статистический ежегодник. М., 1959. С. 46—47 ; Народное хозяйство РСФСР в 1959 году : статистический ежегодник. М., 1960. С. 51—52 ; Народное хозяйство РСФСР в 1960 году : статистический ежегодник. М., 1961. С. 69 ; Народное хозяйство РСФСР в 1961 году : статистический ежегодник. М., 1962. С. 88.

этом в большинстве областей средняя площадь районов увеличивается, а число сельсоветов, приходящееся в среднем на район, сокращается[7]. Пик сокращения числа районов приходится на 1962 г., когда их остается 124 (44 % к имевшимся в 1961 г.), что было связано с началом перестройки регионального управления по производственному принципу. При этом их средние размеры по сравнению с концом 1950-х гг. увеличиваются в 2—3 раза, а среднее количество сельсоветов в них — в 1,5—3. В 1963 г. происходит некоторая корректировка районной сети, количество районов возрастает до 175 (в основном — за счет разукрупнения), а в 1964 г. — до 256 (146 % численности в 1963 г.)[8]. Бóльшая подвижность районного уровня сети административно-территориального деления в областях Центрального Нечерноземья в конце 1945 — начале 1960-х гг., чем регионального, как представляется, в значительной степени обусловливалась хронической нехваткой кадровых, финансовых и материальных ресурсов для более дробного районного звена при высокой актуальности налаживания административно-политического контроля за деревней. Укрупнения и разукрупнения районов отражали поиск баланса между административными возможностями районной власти и размерами подведомственной ей периферии.

Ведущее значение политических институтов в управлении деревней в первые послевоенные годы в значительной степени предопределило и главное направление совершенствования структуры аппарата местных партийных и советских органов в смысле ее приспособления к контролю экономики села. В 1940-х гг. она сочетала функциональный и отраслевой принципы построения при постепенном наращивании отраслевой составляющей, что видно по структурам аппарата обкомов КПСС областей Центрального Нечерно-

---

[7] Подсчитано по: РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 июля 1945 г. с приложением изменений с 1 июля по 31 декабря. Изд. 3-е. М., 1945. С. 6—11 ; Народное хозяйство РСФСР в 1958 году. С. 46—47.

[8] Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1962 году : статистический ежегодник. М., 1963. С. 8 ; Народное хозяйство РСФСР в 1963 году : статистический ежегодник. М., 1964. С. 8 ; СССР. Административно-территориальное деление союзных республик. Январь 1965 г. М., 1965. С. 55, 58, 74, 82, 85, 88, 102, 125, 161, 176, 183, 202.

земья[9]. Постоянный поиск баланса между возможностями аппарата и потребностями управления капитализирующимся колхозно-совхозным производством просматривается также в изменениях структуры райкомов ВКП(б): в 1945—1953 гг. она была функционально-отраслевой, с сентября 1953 по 1957 г. — функционально-отраслевой с элементами территориально-производственной, в 1957—1962 гг. — вновь функционально-отраслевой, с ноября 1962 г. по ноябрь 1964 г. — вновь стала территориально-производственной (сельские РК КПСС были заменены парткомами колхозно-совхозных (или совхозно-колхозных) управлений), а с ноября 1964 г. — вновь функционально-отраслевой.

Ведущая роль партаппарата в хозяйственной практике выражалась и в его значительных полномочиях, зачастую не оформленных юридически. Как и в довоенные годы, его основной функцией являлась не агитационно-пропагандистская работа или забота о росте партии, а повседневное управление подведомственной экономикой. Эти вопросы занимали первое место в повестках дня заседаний бюро и секретариатов парткомов. Большинство из них было посвящено распределению и перераспределению имеющихся на месте ресурсов и обоснованию ходатайств перед центром о выделении дефицита. Уже в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. полномочия региональных парткомов в этой сфере выходили далеко за пределы Устава партии, положений об отделах парткомов, принятых в 1920-е гг.[10], иных публиковавшихся партийных директивах. Многие из этих полномочий не регламентировались, а обосновывались нормой Устава партии о ее руководящей роли в советском обществе[11], многие — противоречили нормам законодательства. Особенно широкими они были в части распоряжения политической властью

[9] ГАВО. Ф. П-870. Оп. 1—3, 64, 67, 70 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8—10 ; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1—4 ; ГАТО. Ф. П-177. Оп. 14—32, 34, 35, 39, 40, 55 ; ЦДНИ ГАЯО. Ф. 227. Оп. 223—229.

[10] Справочник партийного работника / сост. Секретариатом ЦК РКП. [Вып. 1]. М., 1921. С. 52—55; Вып. 3. М., 1923. С. 105—107; Вып. 5 : 1925 г. М. ; Л., 1926. С. 230—231, 273—276; Вып. 6 : 1927 г. Ч. 1. М. ; Л., 1928. С. 483, 509—510; Вып. 7. Ч. 1. М. ; Л., 1930. С. 229 ; Резолюции XVII съезда ВКП(б). 26 января — 10 февраля 1934 г. М., 1934. С. 35—36, 38, 50 ; XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии(б), 10—21 марта 1939 г. : стенографический отчет. М., 1939. С. 528, 532, 674.

[11] XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии(б) … С. 677 ; XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза : 17—31 октября 1961 года : стенографический отчет : [в 3 т.]. М., 1962. Т. 3. С. 337.

как правом мобилизации любых ресурсов. Так, система номенклатуры противоречила ряду норм Устава партии, законодательству о выборах в Советы и назначении на должности в их исполкомах; хотя по Положению о местных финансах РСФСР 1926 г. утверждение бюджета возлагалось на облсовет, а исполнение — на его исполком[12], утверждало и контролировало исполнение бюджета бюро обкома ВКП(б). Уже в конце 1920-х гг. бюро обкомов ВКП(б) утверждали титульные списки размещения и строительства в регионе важнейших предприятий, хотя официально это право было предоставлено им в 1961 г.[13], и т. д. Большинство постановлений парткомов по хозяйственным вопросам не содержало конкретного механизма их реализации, возлагая это на административные способности и волю исполнителей. В сфере управления бюро и секретариаты давали указания советским органам, руководителям организаций и предприятий о корректировке планов, бюджетов, активизации хода работ, передаче оборудования и материалов, мобилизации, перераспределении рабочей силы, руководящих кадров, утверждали структуры и штаты управленческих аппаратов областного и районного звена и др. Они корректировали и утверждали планы развития региональной экономики, необходимые для их выполнения объемы ресурсов, бюджеты на строительство и реконструкцию объектов социальной и коммунальной инфраструктуры, и т. д., показатели коллективизации единоличных хозяйств, сроки и объемы сельхозработ, размещение центральных усадеб МТС и совхозов, распределение им шефской помощи и др. Бюро парткомов ходатайствовали перед центром о корректировке величины налогов, объявляли различные виды трудовой повинности, производили ее разверстку, инициировали установление наиболее приемлемой, с их точки зрения, сетки районного деления, создание или ликвидацию отдельных районов, от чего зависела сеть парткомов. Особенно велика была роль партаппарата в осуществлении повинностной составляющей аграрной политики.

---

[12] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР : [6 т.]. М., 1949. Т. 1 : 1917—1927 гг. С. 300—302.

[13] Справочник партийного работника. Вып. 4. М., 1963. С. 258, 275.

Региональные парткомы управляли деревней, опираясь на аппарат РК ВКП(б) и других районных структур, вышедший из войны ослабленным в кадровом и организационном отношениях. Чертой его повседневного функционирования стало нарушение сроков созыва коллегиальных органов, кооптация в их состав значительного количества работников, санкционированное ЦК ВКП(б) в военные годы[14]. Подобные инициативы вызывались нехваткой руководящих кадров из-за мобилизаций в армию, партизанские отряды, эвакуации в тыл, гибели в результате боевых действий, дискредитации во время нахождения на оккупированной территории[15]. Около 2/3 чиновников были выдвиженцами и имели малый опыт руководящей работы. Сменяемость руководителей районного звена доходила до 60 %, высоким был удельный вес замененных по негативным причинам[16]. О ситуации, типичной для многих сельских районов Центрального Нечерноземья в первое послевоенное время, писал первый секретарь Андреевского РК ВКП(б) Смоленской области, информировавший первого секретаря обкома о своем бессилии в борьбе с нерадивыми районными руководителями, многие из которых за 2—3 года сделали «головокружительную карьеру»[17]. «Запущенность» кадровой работы в Смоленской парторганизации признал и Секретариат ЦК ВКП(б)[18].

В областях Запада РСФСР пополнение регионального и районного звена парт- и госаппарата происходило в основном из работников тыловых областей с привлечением бывших партизан, которых региональное партруководство считало своей опорой. В областях с массовым партизанским движением после войны существовало неформальное разделение партработников на «партизан» с опытом работы на оккупированной территории, в прифронтовых районах, и «пришлых». Бывшие партизаны собирались на неформаль-

---

[14] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 17. Л. 129, 130; Д. 20. Л. 98.
[15] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 20. Л. 38, 47 ; ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 268. Л. 20 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 5. Л. 5 ; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1279. Л. 1—2, 173; Д. 942. Л. 5.
[16] *Кометчиков И. В.* Будни аппарата сельских РК ВКП(б) и райисполкомов Центрального Нечерноземья в 1945—1953 гг. // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». 2014. Вып. 60. № 12 (341). С. 66—67.
[17] Там же С. 67.
[18] ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945—1953 / сост. В. В. Денисов, А. В. Квашонкин, Л. Н. Малашенко, А. И. Минюк, М. Ю. Прозумещиков, О. В. Хлевнюк. М., 2004. С. 56—68.

ные встречи в местах формирования партизанских отрядов, их командиры и комиссары оказывали «своим» протекцию и свысока относились к «чужакам», иногда открыто презирали их за то, что они отсиживались в тылу, «брали штурмом Иркутск» и т. п. Случались столкновения и между бывшими партизанами на почве выяснения величины заслуг[19].

С аппаратной точки зрения подбор на руководящие должности, прежде всего исходя из опыта применения административного ресурса и в ущерб профессиональным компетенциям, означал высокую сменяемость кадров, бесплановость в работе, недостаточную проработку принимаемых решений, что отмечалось при проверках парторганов Брянской, Калужской, Смоленской, Орловской областей в 1946—1948 гг.[20] Однако административные рычаги компенсировали нехватку материальных и кадровых ресурсов, позволяли справляться с напряженными хозяйственными планами, обеспечили относительно быстрое восстановление разрушенного и налаживание мирной жизни. Бывшие партизаны и фронтовики в органах НКВД и НКГБ быстро разгромили действовавшие на Западе РСФСР банды уголовников и дезертиров, внесли весомый вклад в восстановление коммунальной инфраструктуры, дорожного, сельского хозяйства, изобличение и поимку одиозных коллаборантов, разминирование[21].

Дефицит материальных ресурсов и рабочей силы, помноженный на объективные трудности послевоенного времени в работе аппарата РК ВКП(б) и РИКов, обусловил и такую особенность политической власти в районе, как ее централизация в РК ВКП(б), отсутствие правового механизма и ресурсов для реализации низовыми советскими органами своих полномочий. В отличие от союзного уровня, где в послевоенные годы государственные структуры довлели над партийными, особенно в оперативном управлении экономи-

---

[19] *Клименко И. Е*. Думы о былом : Размышления о времени, о людях, о себе. 6-е изд., доп. Смоленск, 2005. С. 163 ; *Блынский А. С*. Далекое и близкое. Брянск, 2005. С. 109 ; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1481. Л. 298; Д. 1492. Л. 126.

[20] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1018. Л. 38, 39, 47—49; Д. 1038. Л. 67—68; Д. 1425. Л. 63—68; Д. 1439. Л. 156—162 ; ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945—1953. С. 56—61.

[21] *Кометчиков И. В*. Бывшие партизаны в механизме управления на Западе РСФСР (1942 — конец 1940-х гг.) // Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны : Материалы III международной научной конференции. 20 мая 2022 г., г. Вязьма. Смоленск, 2022. С. 96—107.

кой[22], на местах главная ответственность лежала на аппаратах парткомов[23]. Еще в годы войны верхи не решились поколебать этот баланс, выражавший цементирующую роль ВКП(б) в политической системе, мирясь с перетягиванием парткомами на себя функций госорганов. В январе 1944 г. в Политбюро ЦК ВКП(б) поступил проект постановления, предполагавший сосредоточение функций оперативного хозяйственного руководства в госорганах, а политическое руководство, кадровые вопросы — в партийных, перевод в госорганы занятых экономикой работников партаппарата, упразднение отраслевых отделов парткомов. Несмотря на поддержку И. В. Сталина и ряда других руководителей, он был отвергнут[24], как и сходный проект постановления ЦК ВКП(б) «Об улучшении работы местных Советов депутатов трудящихся» от 10 мая 1948 г., подготовленный председателем СМ РСФСР М. И. Родионовым[25].

Хотя на исполкомах районных Советов лежал большой объем исполнительской работы по управлению периферией, даже в сфере своей компетенции они не были самостоятельны. Обычной была практика проведения совместных заседаний РИКов и бюро РК ВКП(б), по составу участников больше напоминавших «хозяйственно-политические активы». Считалось, что такой формат придавал «больше веса» решениям райисполкомов, свидетельствовал о готовности руководства райкомов держать руку на пульсе хозяйственной жизни[26]. Подобным же образом пленумы РК ВКП(б), по свидетельству современников, превращались в «своеобразные инструктивные совещания», на которых руководители ведомственных организаций «поучали» актив о том, как надо выполнять директивы обкома ВКП(б)[27]. Гипертрофированные размеры принял бумагооборот[28].

---

[22] *Мохов В. П.* Региональная политическая элита России (1945—1991 гг.). Пермь, 2003. С. 73, 74 ; *Пыжиков А. В.* Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 87.
[23] История государственного управления в России / под. ред. Р. Г. Пихои и др. М., 2003.
[24] *Жуков Ю. Н.* Сталин: тайны власти. М., 2005. С. 204—211.
[25] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 4953. Л. 1—8.
[26] ГАКО. Ф. Р-431. Оп. 1. Д. 23. Л. 7—256 об.; Ф. Р-1296. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—205 об.; Д. 3. Л. 1—4; Д. 4. Л. 12—87; Д. 5. Л. 17—20.
[27] ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 225. Д. 479. Л. 121.
[28] ГАРФ. Ф. 259. Оп. 6. Д. 4926. Л. 21; Д. 6364. Л. 176.

Жители деревни, наблюдавшие взаимоотношения райкома партии и райисполкома, безошибочно определяли, в чьих руках реальная власть[29], хотя в силу законспирированности принятия решений они не могли знать, где пролегает грань между формальными и неформальными прерогативами верхушки районного руководства (что особенно заметно в рассуждениях о ее материальных льготах[30]). Военнослужащий-отпускник сигнализировал в «Правду» летом 1950 г. из райцентра Ермишь Рязанской области,: «Почему-то (хотя и странно) считают здесь, что райком есть “власть для всех”, “есть хозяин”, а райисполком — дело второстепенное. В первую очередь, должны исполнять указания работников РК (и только!) и бояться их…»[31] Автор анонимного письма писал о первом секретаре Желтоухинского района Рязанской области: «Председатели колхозов меняются чаще, чем перчатки на руках. За каких-нибудь полтора года с момента укрупнения колхозов (1950 г. — *Авт.*) сменились по 4—5 раз. Не понравился <первому секретарю Желтоухинского райкома КПСС> — долой с работы. Во все мелочи вмешивается сам, назначает и увольняет избачей, секретарей сельских Советов, даже сторожей в школах. Председатель райисполкома — безликий человек, подмят и подчинен <первому секретарю Желтоухинского райкома КПСС>, даже не волен подбирать себе кадры в аппарат…»[32] В письмах во власть верхи района часто характеризовались как некомпетентные и корыстолюбивые самодуры-«кулаки» или «помещики»[33].

Концентрация на хозяйственных вопросах часто отодвигала на обочину деятельности РИКов налаживание формальной стороны их собственной работы. К концу войны в районных Советах оставалось около 40 % депутатов, избранных в декабре 1939 г. Состав депутатского корпуса сократился более

---

[29] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 5. Д. 206. Л. 144 об.

[30] *Кометчиков И. В.* Привилегии номенклатуры Центрального Нечерноземья: попытки модернизации и восприятие населением (конец 1950-х — начало 1960-х гг.) // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 2 (30). С. 243.

[31] ГАРО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 859. Л. 77.

[32] ГАРО. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 1187. Л. 240.

[33] ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 2783. Л. 177—177 об., 387 ; ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 47. Л. 39. 194—194 об. ; ГАОО. Ф. П-52. Оп. 3. Д. 30. Л. 66; Д. 165. Л. 62—65 об.; Оп. 5. Д. 221. Л. 169 ; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 594. Л. 57—58; Д. 598. Л. 147—148.

чем в 2 раза. Не являлись депутатами райсоветов более 50 % членов их исполкомов, 73,9 % членов постоянных комиссий[34]. В 1945 г. в среднем не более 20 % районных Советов РСФСР созывали сессии в установленные сроки, а около 14 % — вообще их не проводили, в 1946 г. — 23,6 и 13 % соответственно[35]. Даже во втором полугодии 1952 г. лишь 64,7 % районных Советов областей Центрального Нечерноземья проводили сессии в установленные сроки, в большинстве случаев не переизбирали депутатов вместо выбывших, а число актива, привлеченного к работе в постоянных комиссиях, значительно превышало число депутатов[36]. Во втором полугодии 1953 г. выступления депутатов райсоветов в среднем составили 50,3 % выступлений на сессиях, 21,5 % райсоветов заслушали отчеты исполкомов о работе[37].

Аппарат РК ВКП(б) и подконтрольные ему аппараты других структур власти работали с постоянной перегрузкой, усиленной сокращениями кадрового состава, опекая в условиях бездорожья и неразвитости телекоммуникаций[38] множество колхозов, совхозов, МТС, сельсоветов, сел и деревень. Сельское население постоянно совершенствовало активное приспособительное поведение к колхозному строю, затруднявшее реализацию аграрной политики, особенно ее повинностной составляющей. Для того чтобы справляться с поставкой государству различных ресурсов, в первую очередь продовольствия, райкомы ВКП(б) и райисполкомы держали в напряжении не только собственный аппарат, но и весь актив райцентра. Срыв важной кампании представлялся серьезным промахом и наказывался ротацией кадров и их смещением. При таком функционировании аппарата стабилизации его состава не проходило. В начале 1950-х гг. состав основных категорий районного руководства по стажу работы и их сменяемость были примерно такими же, как и в середине 1940-х гг.[39]

---

[34] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 54. Л. 1, 2, 8, 9.
[35] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 54. Л. 27.
[36] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 65. Л. 4, 5, 7, 11.
[37] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 69. Л. 16.
[38] *Кометчиков И. В.* Будни аппарата … С. 68.
[39] Там же. С. 69.

К началу 1950-х гг. аппарат сельских районов действовал в условиях обострившегося кризиса управления, состоявшего в достижении предела централизации политической власти. Об этом говорили результаты важнейших кампаний, которые не улучшались административно-политическими мерами. Из Руднянского района Смоленской области анонимные авторы сообщали Г. М. Маленкову, что в отличие от первых послевоенных лет, когда «район всегда шел в первой шеренге области», с 1953 г. он катился «под откос», провалив сев, подписку на заем, сенокос и другие кампании. Первый секретарь руководство районом «построил на толкачах», которые «в 10 дней получают по 3—5 часов зарядку и разбегаются, как мыши»[40]. О том же московское руководство информировали из Детчинского района Калужской области, Тутаевского района Ярославской[41].

Необходимость корректировки управления селом осознавалась еще в последние годы сталинской эпохи. В сентябре 1952 г. страна размышляла над дилеммой руководства колхозами «по-пролетарски» или «с крестьянской справедливостью», сформулированной в очерках В. В. Овечкина[42]. Накануне сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС было обследовано функционирование нескольких райкомов КПСС, в том числе Рыбновского Рязанской области, считавшегося передовым. Выяснилось, что, хотя в районных организациях было занято 582 чел., руководство велось через уполномоченных. Райком погряз в хозяйственных кампаниях, «подменив» райисполком и запустив политическую работу[43]. То же самое отмечалось в Брянской, Калининской, Ярославской и других областях[44]. Осознание необходимости реформ в районном звене совпало с резким сокращением в Центральном Нечерноземье масштаба репрессий: их всплески пришлись на 1945 г. и 1949 г. В 1952 г. бы-

[40] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1790. Л. 242.
[41] ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 68. Л. 20 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 1025. Л. 16, 17—18.
[42] *Овечкин В. В*. Районные будни // *Овечкин В. В*. Собрание сочинений : в 3 т. М., 1989. Т. 2. С. 20.
[43] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 433. Л. 2—6, 14.
[44] Региональная политика Н. С. Хрущева : ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953—1964 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, М. Ю. Прозументщиков, В. Ю. Васильев, Й. Горлицкий, Т. Ю. Жукова, В. В. Кондрашин, Л. П. Кошелева, Р. А. Подкур, Е. В. Шевелева. М., 2009. С. 55—56, 64, 65 ; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 454. Л. 108—109; Д. 483. Л. 35, 52.

ло арестовано 746 чел., в 1953 г. — 700[45]. Единичными были антисоветские выступления молодежи[46].

На сентябрьском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС неблагополучие в районном звене было признано официально. Главная его причина виделась в чрезвычайщине, бюрократизме, «обезличке и безответственности», отрыве районного аппарата от колхозов и МТС[47]. Распутать этот узел проблем планировалось продолжением «улучшения повседневного партийного руководства в смысле его приближения к низовой работе», о которой на XIX съезде ВКП(б) Г. М. Маленков напомнил словами о «большом развороте социалистического строительства и задачах дальнейшего приближения партийного и советского руководства к району, городу, селу»[48]. С этой точки зрения преобразования означали очередное «приближение» аппарата РК КПСС к непосредственному производству без передачи реальных полномочий советским и хозяйственным учреждениям — путем перемещения партработников по его структуре. На сентябрьском пленуме ЦК Н. С. Хрущев призвал устранить «обезличку» и чрезвычайщину, «приблизив» аппарат сельских РК КПСС и РИКов к колхозам, совхозам и МТС[49]. Вместо сельхозотделов и отделов партийных, профсоюзных и комсомольских организаций в райкомах КПСС создавались группы инструкторов, обязанные вести основной объем партработы в зоне охвата МТС. Зональные инструкторы «закреплялись» на жительство в «опекаемых» колхозах, а секретарь РК КПСС по зоне МТС — на ее центральной усадьбе. В райкомах формировались отделы пропаганды и агитации и организационно-инструкторский. Введенные по итогам февральского (1947 г.) пленума ЦК ВКП(б) для дополнительного контроля колхозов и улучшения работы парторганизаций МТС должности замдиректора МТС по политчасти упразд-

---

[45] *Мозохин О. Б.* Право на репрессии : Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918—1953). Жуковский ; М., 2006. С. 365—366, 401—402, 444—446, 456—458.

[46] См., например: Подпольные молодежные организации, группы и кружки (1926—1953 гг.) : справочник / отв. ред. В. С. Христофоров ; сост. И. А. Мазус при участии Е. И. Мазус и Н. Н. Михалевой. М., 2014. С. 227—348.

[47] КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986) : в 16 т. 9-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. А. Г. Егорова и К. М. Боголюбова. Т. 8 :1946—1955. М., 1986. С. 341—343.

[48] Отчетный доклад ЦК ВКП(б) XIX съезду партии : Доклад секретаря ЦК ВКП(б) тов. Г. М. Маленкова // Правда. 1952. 6 окт.

[49] КПСС в резолюциях … Т. 8. С. 343—344 ; Правда. 1953. 15 сент.

нялись[50]. Принципом функционирования аппарата отделов райкомов становился отраслевой, а зональных групп — территориально-производственный. Выбор МТС в качестве «опорного пункта» райкома не был случайным. К началу реформы здесь имелись самые крупные первичные парторганизации села, была сосредоточена сложная сельхозтехника, осуществлялось агрономическое и зоотехническое обслуживание колхозов. Почти все МТС имели телефонную связь с районными центрами. Ответы обкомов КПСС Центрального Нечерноземья на запрос ЦК о новых штатах сельских райкомов свидетельствуют о стремлении региональных и местных партработников всячески их увеличить[51]. Сам Хрущев был за то, чтобы зональный инструктор приходился на «один, максимум два колхоза»[52]. В Центральном Нечерноземье нагрузка оказалась в 2—3 раза выше[53].

Кадры для зональных групп частично переводились из аппарата РК КПСС, областных учреждений, частично — из других учреждений района и сельской округи. Так как наиболее опытные работники РК КПСС уже проявили немалую активность, чтобы выбраться из деревни, и пытались закрепиться в райцентре, в райкомах КПСС смысл нововведения увидели в разделении аппарата на «привилегированную» и «непривилегированную» ветви. Аппарат зональных инструкторов, ответственный за широкий спектр партработы, часто был предоставлен сам себе и действовал методами уполномоченных[54]. Реформа сопровождалась реорганизацией сельхозминистерств и их органов на местах, упразднением сети участковых агрономов и зоотехников, а также агрономов в районных управлениях сельского хозяйства и заготовок. Параллельно шла мобилизация коммунистов из городов, со строек и транспорта, перекраивание сетки административно-территориального деления. Только в ходе реализации постановления ЦК КПСС от 25 января 1954 г. «О

[50] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 433. Л. 6 ; КПСС в резолюциях … Т. 8. С. 144—145, 343.
[51] *Кометчиков И. В.* «Дайте нам секретаря, который был бы с народом»: десталинизация партийной власти в сельских районах Центрального Нечерноземья (1953 — начало 1960-х гг.) // Новый исторический вестник. 2014. № 4 (42). С. 78.
[52] Правда. 1953. 15 сент.
[53] ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 390. Л. 1; Д. 391. Л. 1.
[54] *Кометчиков И. В.* «Дайте нам секретаря, который был бы с народом» … С. 78—79.

серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата» к середине 1956 г. в РСФСР было упразднено 172 района, 13 368 сельсоветов, в 3 раза сокращен объем отчетности, штаты управленцев уменьшены на 193 тыс. чел. Высвобожденные 2761 ответственный и 690 технических работников РК КПСС стали кадровым «ресурсом» для села[55]. 24 марта 1956 г. ЦК КПСС обязывал местные парторганы представить предложения по сокращению штатов еще на 25—30 %[56]. Осенью 1956 г. на места было направлено постановление Президиума ЦК КПСС от 3 августа 1956 г. Обкомы откликнулись на него отчетами о сокращении штатной структуры парторганов и тысяч чиновников[57].

Однако административные реформы не устраняли основной предпосылки чрезвычайщины — дефицита капиталовложений в подконтрольную райкомам КПСС сельскую экономику. Более того, они сами обусловили высокую кадровую нестабильность. Так, за 1956 г. в РСФСР сменилось 24 % председателей РИКов, 28,6 % их заместителей, 21,2 % секретарей. За 1957 г. сменяемость составила соответственно 15,3, 17,9 % и 11,6 %. Высокой была сменяемость работников аппарата сельских РК КПСС[58], воспринимавшаяся аппаратом как «наказание». Чтобы быть на хорошем счету, первый секретарь РК КПСС и председатель райисполкома задействовали чрезвычайные методы. Население же, оценивая функционирование «района» с точки зрения доклада Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», видело в этом сопротивление сворачиванию «культа» (доклад, скупо упоминавший о «голом администрировании», «лакировке действительности», бюрократизации аппарата, незнании им реального положения[59], наводил на мысли о схожести ситуации в верхах и в районе). Первому секретарю Смоленского обкома КПСС П. А. Абрасимову анонимные авторы из Холм-Жирковского района

[55] РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 29. Л. 1.
[56] Справочник партийного работника. Вып. 1. М., 1957. С. 406.
[57] РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 48. Л. 85—88, 92—93, 99, 101, 106, 157—158. Д. 118. Л. 284.
[58] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 74. Л. 15. Д. 77. Л. 15 ; *Кометчиков И. В*. «Дайте нам секретаря, который был бы с народом» … С. 79.
[59] О культе личности и его последствиях : Доклад первого секретаря ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущева XX съезду КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 160.

сообщали: «Секретарь райкома партии — это тип старого руководителя, не способен в нынешних условиях возглавить район. Закончится год — вы в этом сами убедитесь, но будет поздно. Пока он еще не стал монархом, но хочет им стать, ну, точь-в-точь как “самодержец всея России”. <…> “Я сказал”, “я сделал”, чуть что — “выгоню из партии”, “я вам покажу”, “я на бюро вызову”, и так без конца, еще хлестче. <…> Попробуй кто-нибудь высказать свое мнение, на это редко кто решится. Сразу: “Это заявление надо считать антипартийным”. Он — это значит партия. <…> Кричит: “И тебе найдем место!” В колхоз, значит. А что творится в колхозах, это же просто ужас! Колхозники бегут из колхоза, потому что они годами ничего не получают…»[60]

Растущее сопротивление реформам районной бюрократии, зафиксированное в потоке жалоб с мест, ускорило признание неэффективности инструкторских групп как метода «приближения» партаппарата к колхозному производству. Зональные инструкторы дублировали отраслевые отделы райкомов, имели меньше опыта и знаний, чем руководимые ими председатели колхозов. Они стремились покинуть деревню, а первые секретари райкомов КПСС — вновь сосредоточить полноту власти. Ликвидация зонального аппарата была оформлена постановлениями Секретариата ЦК КПСС от 14 сентября и Президиума ЦК от 19 сентября 1957 г., так как он якобы выполнил свои задачи, обеспечив рост состава первичных парторганизаций, «укрепление» корпуса колхозных и совхозных руководителей и преодоление «в известной мере» «обезлички» руководства[61]. Наиболее опытные зональные инструкторы влились в отраслевые отделы РК КПСС. Другая их часть стала председателями колхозов, секретарями первичных парторганизаций и другими низовыми руководителями. В этом смысле инструкторские группы, безусловно, стали шагом вперед к полному охвату села «регулярными» партийными структурами и «приблизили» партруководство к низовой работе. Одновременно на 2—15 % были увеличены ставки заработной платы зав. отде-

[60] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1086. Л. 56.
[61] Региональная политика Н. С. Хрущева … С. 117—119.

лами, их заместителям и инструкторам сельских РК КПСС (последним — особенно ощутимо). Часть средств на повышение ставок была получена от сокращения 3500 освобожденных секретарей первичных парторганизаций[62].

Реформы районного партаппарата сопровождались налаживанием формальной стороны «советской демократии». К концу 1950-х — началу 1960-х гг. в областях Центрального Нечерноземья уходят в прошлое кооптация в состав исполкомов райсоветов, нерегулярное и недостаточное проведение сессий. Большинство депутатов регулярно выступает с отчетами о работе перед избирателями, а исполкомы — перед сессиями, в разы возрастает активность постоянных комиссий[63]. Однако все это относительно слабо подкреплялось расширением имущественных и бюджетных прерогатив местных Советов. Одним из свидетельств этого можно считать низкий рост расходной части районных бюджетов. В РСФСР за 1950—1965 гг. она увеличилась лишь в 2,1 раза, в то время как расходы по региональному бюджету за тот же период — в 2,8 раза, городскому — в 3,8, сельскому — в 2,4 раза[64].

Необходимость преодоления спада производства сельхозпродукции в начале 1960-х гг., ключевой причиной которого, как было показано, был дефицит капиталовложений, тем не менее подтолкнул руководство партии к еще большему углублению специализации регионального и субрегионального парт- и госаппарата: региональные парторганы были разделены по производственному признаку на промышленные и сельские. При сохранении в их структуре одинаковых функциональных отделов реформа позволяла создать в каждом из них еще более специализированные отраслевые[65]. Вслед за парторганизациями и их комитетами высшее и среднее звено органов госвласти и управления в регионах было разделено по производственному призна-

---

[62] Подсчитано по: Региональная политика Н. С. Хрущева … С. 155, 159—160.
[63] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 81. Л. 25—28; Д. 113. Л. 25—27. Д. 116. Л. 27—29; Д. 120. Л. 41—43.
[64] Подсчитано по: Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик : статистический сборник / сост. Г. В. Дарков, И. И. Горчев, В. Д. Пасекова, Н. А. Иванова ; общ. ред. Н. В. Гаретовского. М., 1966. С. 107.
[65] ГАВО. Ф. П-2365. Оп. 1, 3.

ку[66]. На субрегиональном уровне ту же цель преследовало создание промышленных зон и территориальных производственных колхозно-совхозных управлений, каждое из которых охватывало несколько районов и должно было «подкреплять» «живой организаторской работой» колхозы и совхозы. Инспекторы-организаторы управлений обязывались «через правление колхоза и дирекцию совхоза» выполнять планы и основное время находиться на селе вместе с группами инструкторов парторгов обкомов КПСС при управлениях[67]. К апрелю 1963 г. в Центральном Нечерноземье 127 укрупненных сельских районов во главе с парткомами объединили территорию 290 районов, существовавших в начале 1962 г.[68] Решением ноябрьского пленума ЦК КПСС 1964 г. была восстановлена единая структура партийных и советских органов[69].

В чем проявлялось преодоление рутины власти в районном звене и насколько далеко оно продвинулось? Идущие сверху импульсы децентрализации власти, «критика культа», доктрина «общенародного государства»[70] противоречили практике чрезвычайного функционирования региональной и районной власти, делали ее нелегитимной в глазах населения. Это побуждало власть обновлять образ своих представителей на селе. На смену чрезвычайному «комиссару» шел функционер-специалист. Необходимость знания партработником сельского хозяйства неоднократно подчеркивал Н. С. Хрущев[71]. Реагируя на растущий поток сложной сельхозтехники, минеральных удобрений, шефской помощи, ссуд и т. п., меняется система подготовки руководящих работников. Хотя с 1930-х гг. теми или иными формами политического образования и просвещения охватывалась значительная часть парт-

---

[66] КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986) : в 16 т. 9-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. А. Г. Егорова и К. М. Боголюбова. Т. 10 : 1961—1965. М., 1986. С. 292—293 ; Региональная политика Н. С. Хрущева … С. 475—477.

[67] Справочник партийного работника. Вып. 4. С. 321—328.

[68] Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1961 году. С. 88 ; Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. С. 8.

[69] КПСС в резолюциях … Т. 10. С. 419—420.

[70] *Пыжиков А. В.* Политические преобразования в СССР (50—60-е гг.). М., 1999. С. 234.

[71] *Кометчиков И. В.* «Дайте нам секретаря, который был бы с народом» … С. 81.

хозактива регионов нечерноземного Центра[72], уровень человеческого капитала районного руководства в первые послевоенные годы был относительно невысок. Более 50 % его ключевых работников не имели даже полного среднего образования, было недостаточным или отсутствовало политическое[73]. В 1946 г. ЦК ВКП(б) реформировал систему переподготовки руководящих партийных и советских кадров для охвата ею всех звеньев управления. Несмотря на планы готовить «всесторонне образованных руководителей, могущих проводить не только хозяйственно-политические кампании», структура рекомендованной ЦК учебной нагрузки говорила об обратном. Поскольку работать будущим выпускникам предстояло в условиях дефицита материальных, финансовых и кадровых ресурсов, им полагалось прежде всего уметь использовать основной рычаг выполнения заданий центра того времени — административный ресурс. Но, кроме волевых качеств, дисциплины, требовалось и понимание «текущего момента» — значения очередной кампании в «политике партии и правительства», что было невозможно без знания сталинской версии истории партии и страны и других историко-идеологических дисциплин. Идеологическая подкованность выступала своеобразным символическим капиталом, исключительным правом партруководителя на своем уровне «в интересах всего общества» определять назначение всех ресурсов. Поэтому в структуре учебной нагрузки курсантов длительное время преобладали историко-идеологические дисциплины, а ядро их контингента составляли выходцы из номенклатуры РК ВКП(б). Со второй половины 1950-х гг. наибольшее время стало отводиться экономическим и общеобразовательным курсам, сельскому хозяйству. Подготовка руководства районов и городов перемещается в ВПШ при ЦК КПСС, число партшкол при обкомах КПСС со-

[72] РГАСПИ. Ф. 611. Оп. 1. Д. 1. Л. 49—61, 91—98, 109—110; Оп. 3. Д. 550. Л. 22—24, 55—57, 68, 80—81, 89—103; Д. 551. Л. 6, 13, 27—32, 34—36; Д. 552. Л. 7—10, 36—38, 11; Д. 568. Л. 1, 9—10, 16—29, 35—39, 49—58; Д. 576. Л. 1—22; Д. 577. Л. 13—31, 33—68; Д. 578. Л. 46—56; Д. 606. Л. 1—11; Д. 788. Л. 2, 5; Д. 790. Л. 1, 7; Ф. 17. Оп. 39. Д. 35. Л. 2, 3, 12—13; Д. 39. Л. 1, 41, 42; Д. 110. Л. 39—40; Д. 188. Л. 82, 84—85; Д. 219. Л. 94—95.

[73] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6а. Д. 21. Л. 20 ; ГАТО. Ф. П-177. Оп. 39. Д. 74. Л. 13, 49 ; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1945. Л. 14 об. — 16 ; ГАОО. Ф. П-52. Оп. 5. Д. 304б. Л. 10—19 ; ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 1608. Л. 11—17 ; ГЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 3367. Л. 5—43.

кращается, в них остается только подготовка чиновников низового звена[74]. Политическое образование все больше становится дополнением к высшему профессиональному[75]. К середине 1960-х гг. 70—90 % партийных и советских руководителей районного звена в Центральном Нечерноземье обладали высшим образованием, в том числе 50—60 % — политическим, а прочие — инженерным, сельскохозяйственным, экономическим, педагогическим[76]. Среди руководителей регионов большинство имело высшее (неполитическое) образование уже в довоенные годы[77].

При постоянном росте уровня образования регионального и районного руководства известно много примеров выдающейся некомпетентности в вопросах экономики, сельского хозяйства. Один из наиболее ярких примеров — авантюра 1959 г. по выполнению трех годовых планов поставки государству мяса, борьба союзного и российского партруководства со сторонниками травопольной системы земледелия[78]. Колхозники из Орловской области писали в ВС СССР в начале «кукурузной эпопеи»: «Центральный Комитет постановил все земли позапахать, все это сделали, все позапахали, а на лугах запретили выпас, и что получилось? Зиму скот отощал от недоедания и весной выгнали в поле, а пасти негде, и получилось, скот от зимы не одумался и

---

[74] *Кометчиков И. В.* Тульская областная партийная школа — кузница руководящих кадров (1943—1960 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28. № 2. С. 63—69.

[75] Там же. С. 67.

[76] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 100. Л. 5—7, 14—15 ; ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 228. Д. 72. Л. 1—11; Д. 73. Л. 1—14; Д. 74. Л. 2—4, 11—13 ; ГАТО. Ф. П-177. Оп. 40. Д. 78а. Л. 7, 9, 11, 16, 23, 32, 36, 39, 45 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 10. Д. 47. Л. 18, 19, 21, 22, 23, 24; Д. 48. Л. 1.

[77] Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б) : историко-биографический справочник / авт.-сост. Ю. В. Горячев. М., 2015. С. 241, 254, 287, 314, 352, 385, 392, 400, 410, 422, 477, 503—504, 507, 515—516, 520, 525, 547, 548, 555, 565, 596, 603, 615, 617—618, 640, 642, 661, 668—669, 693, 697, 737, 751, 757, 781, 834, 837, 848, 886, 915, 925—926, 930—931, 992 ; Руководители Смоленской области (1917—1991) : биографический справочник / Н. Г. Емельянова, Н. Г. Мозунова, А. В. Баркова и др. Смоленск, 2008. С. 156, 158—159, 166, 168, 170, 172—173 ; Правители земли Калужской / авт.-сост. В. А. Скрипкин, В. А. Боев ; под ред. В. А. Бессонова, М. А. Добычиной, О. А. Калугина. Калуга, 2019. С. 188 ; Служение Отечеству : Руководители Костромской губернии и области 1778—2008 гг. : историко-биографические очерки / отв. ред. А. М. Белов. Кострома, 2009. С. 190—192 ; *Корсаков С. Н.* Тверские руководители (1917—1991): партия, Советы, комсомол. Тверь, 2002. С. 49—65 ; [Электронный ресурс]: сайт «Справочник по истории Коммунистической партии Советского Союза 1898—1991 гг.». URL: http://www.knowbysight.info/07923.asp (дата обращения: 22.12.2022).

[78] *Ильиных В. А.* Звезда и смерть сибирского травополья // Крестьяноведение. 2016. Т. 1. № 1. С. 93—121 ; *Кометчиков И. В.* Тульское «рязанское» дело: тульское чиновничество в борьбе за «большое мясо» 1959—1960 гг. // Российская история. 2022. № 4. С. 218—231 ; *Шевелуха В. С.* С верой и надеждой : публицистические рассказы. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1995. С. 27—33 ; *Бородин М. Е.* Время, действия, лица. Белгород, 2011. С. 253—254, 295—296 ; *Мазаев А. В.* Все в памяти моей… : воспоминания секретаря обкома по селу : История моя и наша. Рязань, 2011. С. 109, 158—159 ; *Кондрашов Д. И.* От прошлого к будущему : О времени и о себе. М., 2018. С. 115—116, 123.

лето переживает голод, коровы молока ничего не дают, колхозники что надоят — отнесут поставку государству, а самим нет. <…> Центральный Комитет, как видно, смеется над всем крестьянством…»[79] В мемуарах высокопоставленных партработников есть упоминания о нежелании ряда руководителей регионов развивать промышленность из опасения, что это может вызвать миграцию из села и создаст напряжение с рабочей силой[80]. Так же подчас выглядели действия районного руководства[81].

Таким образом, если в последние годы сталинской эпохи руководство районов вынуждено было в основном опираться на чрезвычайные методы, то в хрущевскую эпоху децентрализация управления усложнившейся и увеличившейся в размерах экономикой подталкивала к использованию также и экономических. Степень политического влияния первого секретаря РК КПСС в своем районе и области начинает увязываться с размером и сложностью экономики, которой он руководил[82]. Акцент на «интересах дела» в официальной оценке руководящих кадров стал придавать «критике» (жалобам и доносам на районное руководство) оттенок «гражданского» контроля над властью[83]. Авторы обращений в региональные центры и в Москву, предлагая усовершенствовать управление селом, выступали за создание структур, которые бы боролись с «зажимом критики» и «семейственностью» бюрократии, «смелее направлять председателями колхозов областных руководителей», «взяться за КГБ»[84]. Однако подобные предложения растворялись в потоке просьб наказать «неправильно» действующих начальников-«специалистов», которые можно считать распространенной реакцией деревни на адаптацию

[79] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 106. Л. 40.
[80] *Еремин А. Е.* От станка до Верховного Совета : (из воспоминаний) Кострома, 2003. С. 62 ; *Клименко И. Е.* Думы о былом … С. 330.
[81] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 1518. Л. 115 об.—116.
[82] *Кометчиков И. В.* «Хозяин района»: эволюция властного статуса первых секретарей сельских райкомов КПСС Центрального Нечерноземья в середине 1940 — начале1960-х гг. // Социальные процессы, власть и общество России в XX веке: общероссийский и региональный ракурс / гл. ред. М. А. Безнин. Вологда, 2018. С. 132—137.
[83] *Пыжиков А. В.* Политические преобразования в СССР … С. 218, 219.
[84] *Кометчиков И. В.* «Дайте нам секретаря, который был бы с народом» … С. 83.

бюрократии к реформам аппарата, рост ее формальных и неформальных привилегий[85].

Увеличение и усложнение подконтрольных экономик, их капитализация меняли значение в управлении районом основных институтов власти руководства парткомов — «института уполномоченных» и системы кадровых номенклатур. «Институтом уполномоченных» («представителей») партийных и советских органов в официальной документации называлась мобилизация верхушки партийно-советского актива, наделяемой чрезвычайными полномочиями для проведения «хозяйственно-политических» кампаний. За десятилетия организация уполномоченных стала рутиной местных парткомов. Главными факторами воспроизводства института было чрезмерное по сравнению с возможностями штатного аппарата РК КПСС и РИКов количество объектов управления, сосредоточение основной массы номенклатурных кадров в райцентре, небольшое в сравнении с городами, промышленностью и транспортом количество на селе первичных парторганизаций, слабый кадровый состав и отсутствие реальных полномочий у низовых советских органов, низкий уровень телефонизации села[86], совершенствовавшийся деревней социальный иммунитет к колхозному строю, а главное — потребность компенсации административным нажимом дефицита ресурсов и рабочей силы.

В Центральном Нечерноземье институт обрел ряд атрибутов полноценного органа власти: внутреннюю иерархию, своеобразную «нормативную базу», систему планирования и отчетности и т. д. Областные руководители получали из Москвы санкцию на мобилизацию актива и давали ее районному руководству[87], что оформлялось постановлениями бюро парткомов. Только в 1945—1950 гг. бюро Калужского обкома ВКП(б) приняло несколько десятков постановлений о направлении актива для «оказания на месте организаци-

---

[85] *Кометчиков И. В.*: 1) «Дайте нам секретаря, который был бы с народом» … С. 84 ; 2) Привилегии номенклатуры … С. 243—249.

[86] *Кометчиков И. В.* «Институт уполномоченных» на селе Центрального Нечерноземья середины 1940-х — начала 1960-х гг. // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2014. № 4 (27). С. 125—126.

[87] ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945—1953. С. 98 ; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР в 1945—1953 / сост. О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, А. П. Кошелева, А. И. Минюк и др. М., 2002. С. 226—227.

онной помощи» в проведении сельхозкампаний[88]. Такие же телеграммы райкомам ВКП(б) адресовали Калининский, Тульский и Орловский обкомы[89]. О поездках по «оказанию помощи районам» вспоминал первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин[90]. Собственных уполномоченных в регионы направлял ЦК ВКП(б)[91]. Командированные в колхозы и сельсоветы члены актива действовали в соответствии с «удостоверениями уполномоченных», в которых указывались фамилия, продолжительность, место и цель командировки[92]. Райкомы партии разрабатывали инструкции, которые узаконивали полномочия своих порученцев, зачастую плохо знакомых с реалиями деревенской жизни и партработой[93]. Анализ исходящей корреспонденции сельских РК ВКП(б) показывает обыденность присутствия на селе уполномоченных[94].

Уполномоченные направлялись туда, где существовала угроза невыполнения плана, был «слабый» местный руководитель, отсутствовала первичная парторганизация и т. п.[95] При соотнесении с другими основными системами учета руководящих работников района — актива и номенклатуры — видно, что актив[96] был шире корпуса уполномоченных, среди которых редко встречались председатели сельских Советов, секретари первичных парторганизаций, избачи и другие массовые номенклатурные кадры. По составу должностей списки уполномоченных совпадают с верхушкой номенклатуры сельского райкома ВКП(б) (руководители и ответственные работники райцентра), численность которой в конце сталинской эпохи редко превышала

---

[88] ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 69. Л. 7, 13; Д. 70. Л. 88, 89, 91, 110, 218—221; Д. 74. Л. 6, 10, 80, 100, 101, 118; Д. 443. Л. 24, 63, 154, 155, 178, 179; Д. 445. Л. 116, 120, 125, 137; Д. 693. Л. 9, 11, 21, 23, 53, 109, 189; Д. 689. Л. 10, 11.

[89] *Кометчиков И. В.* «Институт уполномоченных» … С. 127.

[90] *Гришин В. В.* От Хрущева до Горбачева : Политические портреты пяти генсеков и А. Н. Косыгина : мемуары / ред.-сост. Ю. П. Изюмов. М., 1996. С. 142—143.

[91] ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945—1953. С. 133—134.

[92] *Кометчиков И. В.* «Институт уполномоченных» … С. 127.

[93] Там же ; ГАДНИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 102. Л. 66; Д. 120. Л. 48—49; Д. 323. Л. 33—34; Д. 324. Л. 120—121; Оп. 11. Д. 12. Л. 9.

[94] Подсчитано по: ГАДНИКО. Ф. П-27. Оп. 23. Д. 52. Л. 1—139; Оп. 24. Д. 68. Л. 1—136; Ф. П-30. Оп. 5. Д. 291. Л. 1—85; Д. 392. Л. 1—126; Д. 511. Л. 1—346; Ф. П-32. Оп. 11. Д. 17. Л. 1—45; Ф. П-53. Оп. 2. Д. 131. Л. 1—33.

[95] *Кометчиков И. В.* «Институт уполномоченных» … С. 127—128.

[96] Политический словарь 1940 г. содержит следующее определение понятия «актив»: 1) «руководящие кадры и наиболее деятельные члены организации, общества»; 2) партийный актив — «руководящие партийные кадры, активные работники организаций ВКП(б)». См.: Политический словарь / под ред. Г. Александрова, М. Гальянова и Н. Рубинштейна. М., 1940. С. 18.

35—40 % работников номенклатуры сельского РК партии[97]. На время кампании тысячи уполномоченных дополняли аппарат РК ВКП(б) и РИКов, который был не в состоянии вытянуть ее в одиночку. Так, в 1945 г. в Калужской области только в номенклатуре сельских РК ВКП(б) состояло 9316 чел. (в среднем от 200 до 650 чел. в районе), в 1950 г. — 8072 чел. (в среднем от 200 до 350 чел.)[98], то есть, исходя из того, что удельный вес руководителей и ответственных работников райцентра в номенклатурах райкомов мог доходить до 40 %, численность уполномоченных РК ВКП(б) и РИКов в районах должна была составлять около 3,6 тыс. чел., в 1950 г. — около 3,3 тыс. чел., что было в 5—7 раз выше численности руководящих и ответственных работников аппаратов сельских РК ВКП(б) и РИКов.

На время кампании работа «активиста» по основной должности забрасывалась, он переключался на выполнение партпоручения. Заведующая отделом пропаганды и агитации Перемышльского РК КПСС Калужской области Г. Цветкова весной 1953 г. сообщала ЦК КПСС: «По-прежнему, как и 15 лет назад, для проведения кампаний посылаются уполномоченные, которые проводят только данную кампанию. <…> В районе все превращается в кампанию: укрупнение колхозов — кампания, борьба с нарушениями Устава — кампания. Кампании провели — и забыли, а надо изучать результаты сделанного, обобщать опыт. Но уполномоченные могут проводить только кампанию. Чем скорее они “провернут”, задание райкома, тем скорее они могут вернуться в район…» В ответе ЦК КПСС Калужский обком КПСС подтвердил обыденность уполномоченных[99].

Многомесячные командировки вынуждали уполномоченных устраивать на месте «второй» работы свой быт, улаживать вопросы питания и проживания, что формировало почву для завязывания между ними и сельскими руководителями неформальных отношений. Многим уполномоченным орга-

[97] Подсчитано по: ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 226. Д. 555. Л. 221—225 ; ГАТО. Ф. П-2322. Оп. 3. Д. 85. Л. 1—2 ; ГАДНИКО. Ф. П-27. Оп. 27. Д. 82. Л. 21—24.
[98] Подсчитано по: ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 135. Л. 7, 76, 103, 120; Д. 136. Л. 18, 26, 41, 61, 75, 102, 133, 136, 155, 162; Д. 137. Л. 8, 20, 21, 39, 65, 81, 89, 100, 108, 129, 158 (отсутствуют данные по Людиновскому и Барятинскому РК ВКП(б)); Д. 772. Л. 6—7.
[99] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 429. Л. 107—109.

низация, являвшаяся их основным работодателем, отказывала в командировочных, так как их поездка в колхоз не была связана с прямыми обязанностями. Таким образом, уполномоченному предстояло не только сознательно выполнять партпоручение, но и тратить на питание часть своего заработка. Неудивительно, что большой размах «самоснабжения» уполномоченных проявлялся в ходе проверок соблюдения Устава сельхозартели[100], становился в руках деревни орудием манипуляции властью. Автор письма секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву (осень 1947 г.) сообщал из Смоленской области: «Секретари райкомов и члены бюро завели коров, по стаду овец, пчел, имеют по два огорода, все это приобретается за счет колхозов… секретари райкома машинами возят картофель в Вязьму и в Москву. <…> В районах самоснабжение, круговая порука, кумовство…»[101] Таким же виделось на селе «сотрудничество» уполномоченных района и председателей колхозов колхозникам Дросковского района Орловской области, Износковского и Мосальского районов Калужской, Новозыбковского и Клинцовского районов Брянской[102].

Руководители области и района наделяли уполномоченных правом управлять людскими и материальными ресурсами, исходя из задач кампании, а те могли забрать из колхоза последний центнер хлеба, санкционировали приписки к отчетности, распределяли помощь шефских организаций, кредиты, технику, определяли сроки сельхозработ, без формальностей смещали низовых руководителей. Они же проверяли жалобы на них, инициировали следствие по фактам злоупотреблений, формировали по указанию секретарей РК ВКП(б) состав делегатов на пленумы и районные партконференции, готовили и проводили общие собрания колхозников и т. д.[103] Однако главной функцией уполномоченного был, безусловно, политический контроль и «направление» той или иной кампании. Отсутствие специальных знаний не

---

[100] РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 642. Л. 19, 21, 30, 74.
[101] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 342. Л. 62 об.—63.
[102] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 5. Д. 220. Л. 36 ; ГАДНИКО. Ф. П-27. Оп. 23. Д. 59. Л. 2, 3, 5; Ф. П-55. Оп. 8. Д. 467. Л. 28 ; ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 56. Л. 8. Д. 91. Л. 34.
[103] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1790. Л. 242, 284, 285—286 ; ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 225. Д. 1537. Л. 23, 113, 142, 160—167; Д. 1538. Л. 138 ; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 432. Л. 152 ; ГАТО. Ф. П-177. Оп. 18. Д. 86. Л. 255—256.

являлось препятствием для этого. «Уполномоченный райкома по колхозу “Коминтерн” <…> (управляющий конторой “Заготлен”) приказал сеять лен в полузамерзшую землю. Лен посеяли, но ничего не убрали, что принесло большой ущерб колхозу…» — писали весной 1951 г. из Куйбышевского района Калужской области в редакцию «Правды»[104].

Невыполнение уполномоченным поручения считалось тяжким проступком и часто влекло серьезное взыскание, вплоть до исключения из партии и снятия с работы. Конфликты из-за «недисциплинированности перед райкомом ВКП(б)» высокопоставленных коммунистов постоянно возникали в Орловской, Смоленской, Калининской областях в конце 1940-х — начале 1950-х гг., при этом руководство обкомов часто становилось на сторону РК ВКП(б)[105]. Гораздо жестче верхушка райкомов действовала по отношению к работникам «несиловых» ведомств[106].

Провалы хозяйственных кампаний начала 1950-х гг., не улучшавшихся административным нажимом, как уже говорилось, свидетельствовали о кризисе управления селом на основе чрезвычайщины. В письме на имя И. В. Сталина из Калининской области писали: «В колхозы района выезжают комиссии за комиссиями, вплоть до секретарей обкома. <…> Комиссии ругают колхозников, бьют руководителей, одних снимают, других ставят, но воз и ныне там. Бытие определяет сознание, но какое сознание к труду, когда труд не оплачивается, когда полуголодное состояние…»[107]

Установить «правильные» методы руководства попытался Н. С. Хрущев, заявивший об этом на сентябрьском (1953 г.) и февральско-мартовском (1954 г.) пленумах ЦК КПСС[108]. Фоном аппаратных реформ стали усиление приема в партию, достижение к концу 1950-х — началу 1960-х гг. полного

---

[104] ГАДНИКО. Ф. П-42. Оп. 16. Д. 13. Л. 10 ; *Кометчиков И. В*. «Институт уполномоченных» … С. 129.
[105] *Кометчиков И. В*. «На то я чекист, чтоб обвести райком партии»: как поссорились первый секретарь райкома и начальник райотделения госбезопасности (Смоленская область, 1945—1946 годы) // Новый исторический вестник. 2019. № 2 (60). С. 77—107 ; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1845. Л. 159; Д. 1860. Л. 62; Оп. 2. Д. 1086. Л. 65—66; Д. 1336. Л. 27—28 ; ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 2749. Л. 31, 32; Оп. 4. Д. 66. Л. 182, 182 об.; Д. 67. Л. 6 ; ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 1074. Л. 34; Оп. 3. Д. 75. Л. 28.
[106] ГАДНИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 324. Л. 143; Ф. П-30. Оп. 5. Д. 511. Л. 54, 54 об.
[107] РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 500. Л. 255.
[108] КПСС в резолюциях … Т. 8. С. 342, 388.

охвата укрупненных колхозов и совхозов первичными парторганизациями, мобилизация на село тысяч городских коммунистов, упорядочение формальной стороны деятельности советских органов, завершение к началу 1960-х гг. телефонизации колхозов[109], распространение номенклатурного учета на низовые категории руководителей и специалистов колхозно-совхозного производства[110]. Однако сохранявшийся дефицит капиталовложений, слабая механизация сельхозпроизводства блокировали попытки полностью отказаться от уполномоченных. В 1953 г. Ярославский обком КПСС 958 раз направлял сотрудников своего аппарата уполномоченными и широко практиковал это в начале 1954 г. Сообщая об этом на пленуме обкома КПСС в январе 1954 г., зам. зав. отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС Я. В. Сторожев заявил: «Товарищи, я прошу не понять меня таким образом, что не следует посылать в районы партийный актив. Сама по себе эта мера полезная. Но нельзя терять чувство меры и руководить только посредством уполномоченных…»[111] В Москву шел поток писем о пробуксовке системы управления, основанной на инструкторских группах. В конце 1957 г. первому секретарю Орловского обкома КПСС В. С. Маркову поступило письмо бывшего председателя колхоза им. К. Маркса Корсаковского района, который называл управление колхозами «аракчеевскими методами». Из многих подобных оно выделяется тем, что его автор обозначил важную для тех лет проблему столкновения «старого» и «нового» стилей руководства и победы «старого». Ранее не работавший в сельском хозяйстве, в 1955 г. автор письма как тридцатитысячник стал председателем одного из самых слабых колхозов, где столкнулся с нехваткой рабочих рук, слабой механизацией, нерентабельностью производства, отсутствием действенной помощи районной власти. Управление колхозами описывалось так: «При неблагополучии в ходе текущих сельскохозяйственных работ в районе, а тем более, если по этому

[109] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 6296. Л. 87—88.
[110] Подсчитано по: ГАДНИКО. Ф. П-16. Оп. 39. Д. 53. Л. 105—108 об., 109—126 ; ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 1875. Л. 189, 191, 192; Д. 1879. Л. 92, 121, 150, 179, 180; Д. 1880. Л. 207, 234, 261, 288, 315, 345, 365; Д. 1881. Л. 396, 426, 455, 485, 575.
[111] Региональная политика Н. С. Хрущева … С. 64—65.

поводу получено замечание из обкома партии, <первый секретарь РК КПСС> немедленно вызывает в райком партии работников районных организаций и посылает их в качестве уполномоченных в колхозы, не подумав при этом и не обсудив… Дается одна директива — “нажимать”…»[112] Попытки уклониться от поездки в деревню в качестве уполномоченного, как и прежде, пресекались[113].

Правда, упоминания об «осужденных» методах руководства к началу 1960-х гг. почти перестают появляться в партдокументах, прессе, создавая впечатление «правильного» управления. Фактически же функции уполномоченных не изменились, что ярко показали попытки резко нарастить производство продовольствия административными рычагами в отсутствие необходимых для этого ресурсов[114]. Во многих крестьянских письмах во власть тех лет шла речь об уполномоченных, обшаривавших фермы и подворья в поисках яиц, молока и других продуктов, что напоминало крестьянам времена немецкой оккупации[115]. Хотя иногда деревня даже благодарила «своих» уполномоченных, смягчавших шквалы хрущевских преобразований и «перегибы» на местах: месяцами живших в колхозе и помогавших сохранить скот, «выбивавших» семенные ссуды, трактор или комбайн, «воевавших» с пьянством и бесхозяйственностью колхозных руководителей[116]. От уполномоченных не отказались и с созданием территориальных производственных колхозно-совхозных управлений. В начале 1960-х гг. руководство обкомов КПСС постоянно направляло в районы бригады из десятков членов бюро обкома, облисполкома и чиновников областных организаций для «оказания организационной помощи и налаживания практической работы»[117].

Изменение роли уполномоченных, опекавших руководителей укрупненных колхозов и совхозов, происходило по мере расширения полномочий,

---

[112] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 849. Л. 155—156.
[113] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 1842. Л. 13—13 об.
[114] *Кометчиков И. В*. Тульское «рязанское» дело … С. 218—231.
[115] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 1820. Л. 225—225 об., 105—106; Д. 1828. Л. 12—12 об.; Д. 1833. Л. 53—54; Д. 1843. Л. 53 об.; Д. 1844. Л. 23, 26—29; Д. 92. Л. 108.
[116] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 31. Д. 82. Л. 210—211 об., 307—308, 312—313 об.
[117] ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 1123. Л. 69, 82, 108, 118, 122, 135—136, 160 ; ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 6. Д. 772. Л. 116.

повышения квалификации и статуса последних, капитализации колхозно-совхозного производства: если ранее представителей воспринимали как агентов региональной или районной власти, то теперь могущественный хозяйственный руководитель часто видел в них «свой» административный ресурс, как это было в передовом колхозе «Россия» Перемышльского района Калужской области[118]. В документах Орловского и Смоленского обкомов КПСС есть свидетельства того, как некоторые председатели колхозов и директора совхозов командовали уполномоченными и инструкторами райкомов КПСС, выставляли их из кабинетов и даже били. Райком при разборе подобных случаев становился на сторону председателей[119]. Партийная пресса конца 1950-х гг. все чаще писала о нецелесообразности направления в колхозы уполномоченных в связи с улучшением состава колхозных руководителей[120].

Другим важнейшим институтом власти районного руководства, окостенение которого подвергалось преодолению, была система кадровой номенклатуры партийно-государственных органов, эволюционировавшая в том же направлении, что и структура районного аппарата. В 1939—1948 гг. комплектованием номенклатур РК ВКП(б) занимались единые отделы кадров парткомов, с 1949 г. — преимущественно отраслевые, номенклатурный контроль стал более специализированным[121]. Посредством номенклатуры бюро и секретариатами, а также отделами обкомов ВКП(б) контролировалось распределение в регионе значительной части руководящих кадров, без чего было невозможно выполнить задания центра. «Ручной режим» управления, рост масштабов и усложнение структуры экономики, авралы с выполнением планов обусловливали необходимость наращивания политического контроля, стимулировали рост номенклатур парткомов и других структур. Так, к 1940 г. номенклатура Смоленского обкома ВКП(б) охватывала 6,5 тыс. чел., из которых 4,5 тыс. чел. утверждало бюро обкома, а прочих — его отдел кадров. К маю 1941 г. она была сокращена до 3,8 тыс. чел. за счет исключения ряда ра-

[118] ГАДНИКО. Ф. П-6878. Оп. 1. Д. 63. Л. 119—120, 123—124, 134—136, 139.
[119] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1094. Л. 145—146 ; ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 1829. Л. 120 об., 128.
[120] *Кометчиков И. В.* «Институт уполномоченных» … С. 132.
[121] ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945—1953. С. 25—26, 34—35.

ботников или передачи их в номенклатуры ГК и РК ВКП(б). Собственную номенклатуру имели другие областные организации: так, в 1941 г. в номенклатуре Смоленского облисполкома состояло 9,3 тыс. чел., Смоленского обкома ВЛКСМ — 1,1 тыс. чел. С 1940-х гг. номенклатура обкома ВКП(б) начинает сокращаться. На 1 января 1950 г. в статотчете Смоленского обкома ВКП(б) было учтено 1,2 тыс. работников, на 1 января 1956 г. — 2,6 тыс. 28 апреля 1965 г. бюро Смоленского обкома КПСС утвердило основную номенклатуру семи его отделов, охватывающую 944 должности, а также учетно-контрольную на 354 должности[122]. Так же эволюционировала номенклатура Тульского обкома ВКП(б)[123].

В исследуемый период номенклатура РК ВКП(б) подразделялась на две части — основную и учетно-контрольную (или учетно-резервную). В первом случае речь шла о ключевых руководящих должностях, утверждением кандидатур на которые занимались вышестоящие парткомы (в основном — обкомы ВКП(б)), во втором — руководству учреждения или предприятия достаточно было уведомить о кандидате вышестоящий орган.

Следует отметить, что, несмотря на наличие «типового» перечня номенклатурных должностей в сельской округе (как правило, верхушки руководства), местные особенности определяли различия в номенклатурах конкретных райкомов ВКП(б). Это позволяет говорить о гибкости номенклатурного учета, действии некоего номенклатурного «конструктора», концентрировавшего кадровый контроль тех или иных категорий работников с учетом политической целесообразности, их качественного состава и т. п.[124] Колебания номенклатурного контроля отчетливо просматриваются в местностях с наличием неблагонадежных, с точки зрения властей, категорий населения,

---

[122] Подсчитано по: ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 563. Л. 45—47; Оп. 2. Д. 1160. Л. 6 об.—7; Оп. 3. Д. 86. Л. 1; Оп. 4. Д. 32. Л. 127—144.

[123] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 5. Д. 6. Л. 2, 53—54, 75; Оп. 6. Д. 17. Л. 66, 72—105; Д. 89а. Л. 45; Оп. 39. Д. 17. Л. 34, 65, 89; Д. 81. Л. 28, 171; Оп. 40. Д. 78а. Л. 1—81.

[124] *Кометчиков И. В.* Номенклатура РК КПСС в механизме управления селом Центрального Нечерноземья середины 1940-х — начала 1960-х гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2014. № 4 (60). С. 24.

подчас смыкаясь с акциями по их выявлению[125]. Графы о награждении наградами и проживании на оккупированной территории были обязательными в таблицах номенклатурного учета вплоть до начала 1950-х гг. Руководство райотделов и УМГБ по Смоленской области регулярно информировало обком ВКП(б) о наличии на селе немалого числа лиц, «не внушавших политического доверия», но тем не менее занимавших руководящие должности[126]. «Засоренность» руководящих кадров села и райцентра была рефреном многих обращений во власть сельского населения[127]. Как видно, нехватка кадров в первое послевоенное время и развитые неформальные связи позволяли даже при наличии «пятна» в биографии занять номенклатурную должность.

Основным принципом номенклатурного контроля РК ВКП(б) во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. была централизация, сосредоточение принятия решений о ключевых назначениях в районе, во-первых, в ЦК ВКП(б) и обкомах и, во-вторых, в райкомах ВКП(б). Структуры номенклатур сельских райкомов ВКП(б) характеризуются детальным учетом кадров руководителей и специалистов предприятий и учреждений райцентра и неразвитостью учета сельских руководителей. Все руководящие должности в РК ВКП(б), РИКе, районных организациях, входившие в основную номенклатуру РК ВКП(б), являлись частью основной номенклатуры бюро и отраслевых отделов обкома ВКП(б)[128]. Основу сельского уровня основной номенклатуры РК ВКП(б) составлял небольшой перечень должностей секретарей первичных парторганизаций, председателей сельсоветов и колхозов, директоров совхозов и МТС, их специалистов, иногда — заведующих избами-читальнями и секретарей комсомольских организаций[129].

Распыленные по территории района номенклатурные кадры терялись в массе специалистов различных учреждений села. К окончанию сталинской эпохи началось распространение принципов номенклатурного контроля

---

[125] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 1074. Л. 1—1 об.; Д. 1152. Л. 35; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1905. Л. 1 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 132. Л. 25—26, 30—31.
[126] *Кометчиков И. В*. Номенклатура РК КПСС … С. 24—25.
[127] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1861. Л. 130—130 об., 132.
[128] Подсчитано по: ГАТО. Ф. П-2322. Оп. 1. Д. 71. Л. 1—2 об.; Ф. П-15. Оп. 3. Д. 84. Л. 11—11 об.
[129] *Кометчиков И. В*. Номенклатура РК КПСС … С. 23.

«вниз», в первую очередь на ряд административных должностей в колхозах. Важнейшей предпосылкой этого стало первое послевоенное массовое укрупнение сельхозартелей (1950 г.)[130], возрастание значения человеческого капитала менеджеров и специалистов по мере капитализации сельского хозяйства.

Ответом колхозной деревни стал рост социальной апатии, отстраненности от мероприятий власти. Подчас негативное отношение к работе председателя колхоза вызывало недовольство самим номенклатурным принципом комплектования председательского корпуса[131]. В начале 1952 г. из Куйбышевского района Калужской области писали в ЦК ВКП(б), перечисляя злоупотребления председателя колхоза имени Сталина: «Когда обращаешься в райком: почему так, они отвечают, что председатель колхоза — номенклатура обкома, они их снимают и ставят на работу, когда обращаешься в обком, то ответа нет. Поэтому колхоз идет не в гору, а катится назад, но мер не принимают…»[132]

С приходом к власти Н. С. Хрущева номенклатурный учет стал более децентрализованным. При подготовке перестройки парт- и госаппарата была сокращена номенклатура ЦК КПСС, расширены права обкомов КПСС в части назначений первых секретарей райкомов, председателей РИКов и других районных руководителей. Следующее ее сокращение вводилось постановлением Президиума ЦК КПСС от 1 июня 1956 г., в результате чего основная номенклатура ЦК КПСС сократилась вдвое, а учетно-контрольная — более чем в 3,5 раза. Уменьшить свои номенклатурные списки рекомендовалось и региональным парткомам, предоставив больше прав по подбору и расстановке кадров «нижестоящим органам»[133].

Децентрализация номенклатурного учета сопровождала создание инструкторских групп райкомов по зонам МТС (1953—1957 гг.) Но, убедившись, что партработники не могут переломить сложившуюся практику руководства, а многие инструкторские группы работают формально, верхи партии

[130] ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 226. Д. 555. Л. 221—225; ГАТО. Ф. П-2322. Оп. 1. Д. 85. Л. 1—2.
[131] ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 37. Л. 209. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 6. Д. 128. Л. 2.
[132] ГАДНИКО. Ф. П-42. Оп. 18. Д. 14. Л. 7.
[133] Региональная политика Н. С. Хрущева … С. 6—7.

сделали следующий шаг к совершенствованию номенклатурного контроля. Уже постановлением сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС проводилась реорганизация системы агрономического и зоотехнического обслуживания колхозов: состоя в штатах МТС, агрономы и зоотехники закреплялись за обслуживаемыми колхозами и, как и аппарат инструкторских групп, должны были там жить. Постановлением февральско-мартовского (1954 г.) пленума ЦК КПСС региональные парторганизации обязывались направить в деревню «лучших работников». Должности председателей колхозов включались в номенклатуру обкомов КПСС, а их заместителей, бригадиров и заведующих фермами — в номенклатуру РК КПСС, что мыслилось как мера «повышения ответственности» местных парторганов за подбор, расстановку и воспитание колхозного руководства[134]. 20 августа 1955 г. ЦК КПСС и СМ СССР принимают решение о зачислении агрономов и зоотехников МТС в штаты колхозов, рекомендовав им вступать в их члены[135]. Таким образом, партруководство продолжило начатое еще в начале 1950-х гг. наращивание «нижних» ярусов номенклатуры сельских РК КПСС, распространяя ее на новые должности в иерархии колхозов.

Однако, как и комплектование групп инструкторов РК КПСС по зонам МТС, подбор и утверждение кадров низовых руководителей проходили сложно, со значительной долей формализма. В Калужской области на 1 января 1954 г. не было утверждено 20,5 % номенклатуры сельских РК КПСС, на 1 января 1955 г. — 23,3 %. Указания обкома КПСС об этом райкомами часто игнорировались. Часто утверждение производилось даже без предварительной беседы работников райкома с подобранным кандидатом[136]. Те же недостатки отмечались в справке обкома за 1955 г. Несмотря на сокращение сельскими райкомами КПСС номенклатуры с 12 105 до 10 981 должности, 2109 чел. (17,5 %) не были утверждены райкомами. Председатели колхозов смещали и назначали их по своему усмотрению. В ряде районов утверждение

[134] КПСС в резолюциях … Т. 8. С. 337, 343; Т. 9 : 1956—1960. С. 387—389.
[135] *Томилин В. Н.* Наша крепость : Машинно-тракторные станции Черноземного центра России в послевоенный период: 1946—1958 гг. М., 2009. С. 205—206.
[136] *Кометчиков И. В.* Номенклатура РК КПСС … С. 26.

происходило заочно[137]. К началу 1960-х гг. число должностей на селе в номенклатурах РК КПСС еще более увеличивается, особенно в их учетно-контрольной части.

Подобно тому как право назначать верхушку районного руководства увеличивало самостоятельность региональных лидеров, передача председателям укрупненных колхозов, совхозов, других учреждений и предприятий полномочий по подбору подчиненных им кадров говорила о росте самостоятельности хозяйственного руководства. Из 507 чел., входивших в утвержденную в декабре 1959 г. номенклатуру Тутаевского райкома КПСС Ярославской области, 206 чел. утверждалось бюро райкома как ее основная часть, а 301 чел. составил «учетно-контрольную группу», объединявшую кадры председателей сельсоветов, начальников железнодорожных станций, зам. Председателей, бригадиров, зав. фермами, директоров школ, зав. сельскими клубами и библиотеками[138]. Согласно отчету Орловского обкома КПСС на 1 января 1961 г., номенклатурный контроль на селе распространялся на 18 должностей (4457 руководителей производственных звеньев, специалистов колхозов, совхозов, РТС, секретарей первичных парторганизаций)[139].

Обращает на себя внимание персональный состав номенклатурных работников, многие из которых встали во главе укрупненных колхозов, совхозов и их первичных парторганизации, перейдя с руководящих должностей в районном аппарате[140]. Включение должностей руководителей колхозов и совхозов в основную или учетно-контрольную номенклатуру обкомов КПСС в начале 1960-х гг. стало ответом не только на укрупнение масштабов сельхозпроизводства, но и на «укрупнение» масштаба людей, его возглавивших. Должности 371 председателя колхозов Калужской области вошли в учетно-контрольную, а должности директоров 63 совхозов — в основную номенклатуру обкома КПСС, утвержденную 23 мая 1961 г. То же происходило в Туль-

---

[137] Подсчитано по: ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 243. Л. 117; Д. 388. Л. 1—2, 6, 16, 19—20, 22, 24—26.
[138] ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 227. Д. 616. Л. 179.
[139] Подсчитано по: ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 1875. Л. 189, 191—192; Д. 1879. Л. 92, 121, 150, 179—180; Д. 1880. Л. 207, 234, 261, 288, 315, 345, 365; Д. 1881. Л. 396, 426, 455, 485, 575.
[140] *Кометчиков И. В.* Номенклатура РК КПСС … С. 27.

ской области[141]. Письма населения во власть изобилуют примерами того, как районные и сельские руководители не только «приватизировали» доступный им уровень номенклатуры, но и посредством нее управляли подведомственной экономикой[142].

Таким образом, количественный и качественный дефицит капиталовложений, характерный для сельского хозяйства Центрального Нечерноземья середины 1940-х — 1950-х гг., обусловил высокое значение районной власти, институты которой стали ведущей организационной формой непосредственного внеэкономического принуждения. Политическая власть местного «надпроизводственного менеджмента» действовала и как важнейший стимул сельхозпроизводства, и как инструмент подавления наработанного сельским социумом социального иммунитета к разрушительным для нее сторонам аграрной политики. С конца 1950-х — начала 1960-х гг. по мере прогресса капитализации сельского хозяйства Центрального Нечерноземья значение политических рычагов «района» начинает понижаться, наиболее одиозные сворачиваются. Возрастает значение человеческого капитала бюрократии. Деревня все чаще воспринимает своих руководителей как собственников и работодателей, использующих десталинизацию для освобождения своей власти от теряющей легитимность чрезвычайщины и замены «регулярным» контролем управленцев-специалистов. Осознание такого результата десталинизации, интуитивное, без знания реального механизма, как представляется, обусловило рост недоверия людей к районной власти, безразличие ко многим ее политическим инициативам. Активизированная десталинизацией и оттепелью социальная активность переключалась с приспособления к колхозно-совхозному строю на миграцию в города.

---

[141] ГАДНИКО. Ф. П-16. Оп. 39. Д. 53. Л. 14 об., 15 об.—16 об.; Ф. П-55. Оп. 9. Д. 1009. Л. 104, 110; ГАТО. Ф. П-16. Оп. 4. Д. 70. Л. 45.

[142] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1086. Л. 187—189 об., 194; Д. 1087. Л. 65; ГАТО. Ф. П-177. Оп. 31. Д. 81. Л. 277 об.—278 об., 281, 284—285; Д. 83. Л. 277 об.—278; Оп. 32. Д. 93. Л. 149; Д. 98. Л. 22 ; ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 1257. Л. 103.

2.2. Политическая власть сельской протобуржуазии и деревня

Другим основным политическим институтом власти на селе, с которым повседневно соприкасалось большинство сельского социума, являлись руководители колхозно-совхозного производства. Рассмотрим сначала изменения статуса и состава председателей по мере укрупнения колхозов и преобразования их части в совхозы[143], в чем ярко проявились перемены в этом институте политической власти.

Ключевые черты статуса председателя оформились в предвоенные годы. Согласно Примерному Уставу сельхозартели (1935 г.), колхозом управляло общее собрание, избиравшее для повседневного руководства подотчетные ему ревизионную комиссию, правление и председателя. Устав обязывал председателя не реже двух раз в месяц собирать правление для обсуждения текущих дел, отвечать за выполнение обязательств перед государством, давал право распоряжаться средствами артели[144]. На председателей распространялись нормы, касавшиеся прочих ее членов[145].

Не менее значимым был неписаный кодекс поведения руководителей колхозов и осознание ими своего «пограничного» места в управлении селом — между властью и населением. Хотя многие председатели в первые послевоенные годы еще не являлись членами партии и формально на них не распространялись требования «партийной дисциплины» (во Владимирской области в 1947 г. коммунистами было 46 %, в Брянской — 43 %, в Калининской — 36 %, в Калужской — 32 %, в Костромской — 45 %, в Орловской — 44 % председателей[146]), их должности часто включались в номенклатуры сельских

---

[143] *Кометчиков И. В*. Председатель и колхозники в Центральном Нечерноземье середины 1940-х — начала 1960-х гг.: трансформация взаимоотношений // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2015. № 2. С. 43.

[144] История колхозного права : Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917—1958 гг. : в 2 т. / рук. колл. сост. Н. Д. Казанцев. Т. 1. М., 1959. С. 432—433.

[145] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Протобуржуазия в сельском хозяйстве России 1930—1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда, 2008. С. 19.

[146] Подсчитано по: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1058. Л. 54; Д. 1418. Л. 40; Д. 1424. Л. 39; Д. 1425. Л. 34; Д. 1428. Л. 108; Д. 1439. Л. 115.

РК ВКП(б)[147]. Многие председатели стремились учитывать многообразие «незаконных» отношений, посредством которых деревня адаптировалась к аграрной политике и разрешала внутренние конфликты. Отражавшие эту «неуставную» демократию решения правлений и общих собраний, как было показано, касались вопросов труда, землепользования, организации различных «помочей», подготовки к официальным и неофициальным торжествам. Правления колхозов «судили» односельчан за незначительные преступления, облагали «налогами» колхозников-отходников и т. п. Такие взаимоотношения председателя и колхозников можно считать коллективистскими, базировавшимися на тождественных чертах их социального происхождения и статуса.

Председатель «из своих» (нередко — женщина[148]) был центральной персоной крестьянских обращений во власть по поводу нарушения Устава сельхозартели[149]. Крестьянские письма рисовали деревенский мирок раздираемым борьбой «партий» односельчан или жителей соперничавших сел за избрание колхозной администрации и контроль над «привилегиями». Восстановить «порядок», под которым авторы писем понимали жизнь по Уставу сельхозартели, должен был представитель верховной власти, которая его ввела. Для обозначения выделившихся «партий» использовался как бытовавший продолжительное время «терминологический аппарат», так и «наслоения» военных и послевоенных лет, что говорит о спорах в среде хорошо знавших друг друга людей, одним из которых был председатель. Односельчан делили на «врагов-кулаков» и «народную массу колхоза», «класс бывших полицейских и старост» и «класс бывших бедняков и середняков», «группировки изменников родины» и «массу колхозников», на «весь трудовой народ» и «бракоделов-коммунистов»[150]. С другой стороны, условия военного времени усилили директивный стиль управления колхозом, при котором ос-

[147] ГАТО. Ф. П-39. Оп. 1. Д. 149. Л. 2; Ф. П-43. Оп. 1. Д. 182. Л. 1 об., 34 об.; Д. 195. Л. 7 об.; Ф. П-177. Оп. 40. Д. 157. Л. 100; Ф. П-1642. Оп. 1. Д. 15. Л. 55, 58; Ф. П-2322. Оп. 1. Д. 9. Л. 19 об., 37 об.; Д. 71. Л. 1 об. ; ГАНИСО. Ф. 45. Оп. 2. Д. 24. Л. 17, 27, 40.

[148] *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 402—404.

[149] КПСС в резолюциях … Т. 8. С. 55—61.

[150] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 16. Д. 69. Л. 107 ; ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 40. Л. 579; Д. 57. Л. 3 об.; Д. 87. Л. 283.

новные решения принимались единолично председателем. Общие собрания не созывались годами, не перевыбирались правления. Местные партийные структуры часто не замечали этого: выполнение планов заставляло пренебрегать «демократией». Высокая централизация власти, частые авралы, выработанный деревней социальный иммунитет деформировали деятельность правлений и председателей, подстраивавшихся под уполномоченных райкомов ВКП(б), чтобы любой ценой «дать план».

Свидетельства регулярного пребывания в колхозах уполномоченных, опиравшихся на председателей и активно формировавших их корпус, содержатся во многих крестьянских письмах во власть. Весной 1948 г. в сельхозартель «Чернятин» Климовского района Брянской области прибыл уполномоченный райсельхозотдела для проверки сигналов о нарушении Устава сельхозартели председателем. Проверка, по словам сообщавшего об этом в Совет по делам колхозов, была «обычной для руководителей Климовского района». Сначала уполномоченный познакомил с письмом руководство колхоза, затем началась пьянка и травля его автора[151]. Из с. Синий Колодец Новозыбковского района писали, что в РИКе «уже лежит сотня заявлений» о злоупотреблениях колхозных руководителей, но меры не принимаются, «а если и выедет какой-нибудь уполномоченный, то напьется пьяным, возьмет мех зерна и уедет»[152].

Столкновение коллективистской и директивной тенденций определило направление «селекции» властью председательского корпуса, наращивание количества председателей-«администраторов» и сокращение — «коллективистов». В ходе агрессивных хозяйственно-политических кампаний 1945—1947 гг. в Центральном Нечерноземье от руководства были отстранены председатели, с которыми колхозники пережили войну и первое послевоенное время, бывшие выходцами из крестьянской среды, нередко — из своей же

[151] ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 10. Л. 640.
[152] Там же. Д. 97. Л. 291.

деревни. Немало их привлекалось к уголовной ответственности[153]. Многие поплатились за «саботаж хлебозаготовок», «разбазаривание общественного имущества», организацию явочным порядком помощи нуждающимся и т. п. В Смоленской области из репрессированных в 1946 и первой половине 1947 г. 433 председателей колхозов 156 чел. были осуждены за невыполнение планов хлебопоставок и расходовании хлеба на внутрихозяйственные нужды сверх 15 % от сданного государству. Комиссия, проверявшая обоснованность их привлечения к уголовной ответственности, установила, что в отношении 169 чел. приговоры должны быть пересмотрены, в том числе в отношении 57 чел. — отменены, в отношении 83 чел. снижено наказание[154]. Многие председатели слагали полномочия сами, будучи не в состоянии руководить разоренным хозяйством и не желая заставлять односельчан трудиться бесплатно[155].

Назначение и смещение руководителей сельхозартелей в обход формальностей привело к формированию в первые послевоенные годы прослойки председателей, не являющихся членами руководимых ими хозяйств. Часть из них «кочевала» по колхозам района, исправляя «промахи» своих предшественников, либо в отсутствие подходящей, с точки зрения местных руководителей, замены[156]. Далеко не все из них соглашались вступить в колхоз и приобрести ограничения, присущие статусу колхозника[157].

Как возвращение к довоенным внутриколхозным порядкам в деревне были восприняты первые итоговые собрания, отличавшиеся относительно высокой явкой и активностью колхозников. Явку 80—90 % и выступление в прениях по отчетам правлений 8—10 % присутствовавших партруководители не без основания связывали с проведением в жизнь сентябрьского постанов-

---

[153] Подсчитано по: *Попов В. П.* Крестьянство и государство (1945—1953) : сборник документов. Париж, 1992. С. 42.
[154] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 337. Л. 1, 3.
[155] ГАДНИКО. Ф. П-30. Оп. 5. Д. 288. Л. 1; Д. 205. Л. 19 об.— 20, 21, 37; Д. 288. Л. 1.
[156] РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 642. Л. 16, 23, 31, 55 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 316. Л. 132 ; ГАТО. Ф. П-177. Оп. 12. Д. 117. Л. 70.
[157] РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 643. Л. 23.

ления СМ СССР и ЦК ВКП(б)[158], затронувшего широкие слои деревни. В Рязанской области его обсуждение предшествовало отчетным собраниям, в прениях выступили 7,96 % присутствовавших. В Тульской области на такие собрания явилось 80 % членов колхозов, было задано несколько тысяч вопросов[159]. Отчетные и отчетно-выборные собрания в колхозах по итогам 1947 г. также проходили достаточно активно. По 10 областям Центрального Нечерноземья явка колхозников в среднем не опускалась ниже 75 %, а по семи из них — превысила 80 %. В колхозах восьми областей в прениях участвовало в среднем более 10 % явившихся[160].

Интерес колхозников к итогам работы общественных хозяйств продолжает сохраняться и в начале 1950 г., когда проводилась отчетно-выборная кампания по итогам 1949 г. В колхозах семи из тринадцати центральных областей страны явка в среднем превысила 75 %, из них в Тульской, Московской, Калининской и Великолукской областях — 80 %. В девяти областях в прениях по отчетам выступило более 11 % присутствовавших[161].

Сильный удар по доверию деревни к председателям и «колхозной демократии» нанесло директивное укрупнение колхозов, в результате которого их количество в Центральном Нечерноземье уменьшилось в 3 раза. До укрупнения каждый из них объединял в среднем 1,5 сельских населенных пункта, после — 4,7[162]. Важным нововведением стала замена в значительном количестве колхозов председателей на выдвиженцев-«чужаков»: только в 1950 г. в областях Центрального Нечерноземья был заменен каждый третий —пятый председатель[163]. В отличие от военных лет, когда должность председателя, формально входя в основную номенклатуру РК ВКП(б), из-за дефицита кадров замещалась более или менее подходящей кандидатурой из

---

[158] Партийная жизнь. 1947. № 11. С. 26.
[159] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 642. Л. 93 ; ГАТО. Ф. П-177. Оп. 12. Д. 80. Л. 20—24, 26, 30—31, 33—34; Оп. 13. Д. 39. Л. 1.
[160] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 858. Л. 42, 46, 63, 81, 89, 102, 112, 143, 168, 185 ; ГАБО. Ф. Р-2201. Оп. 9. Д. 77. Л. 36.
[161] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 964«р». Л. 109; Д. 964«ф». Л. 126; Д. 964«у». Л. 44, 47; Д. 1150. Л. 75, 88, 125, 149, 184, 305; Д. 1151. Л. 7, 58, 79, 86, 139, 297, 324; ГАТО. Ф. П-177. Оп. 15. Д. 81. Л. 16.
[162] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 3745. Л. 138—139; Д. 4102. Л. 113—114.
[163] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1151. Л. 7, 58, 79, 86, 139, 297, 324.

колхозников того же колхоза, теперь председателями становились «чужаки», среди которых было немало коммунистов из райцентра, ранее работавших на руководящих постах. Заменять ими председателей «из крестьян» требовала центральная власть, возложив эту работу на РК ВКП(б) и РИКи, а утверждение подобранных кандидатур — на обкомы ВКП(б)[164]. В результате в председательском корпусе увеличивалась партийная прослойка, возрос охват колхозов первичными парторганизациями. Укрупнение справедливо рассматривается как усиление контроля государства за колхозами и углубление раскрестьянивания[165]. Хотя формально решения об объединении должны были приниматься добровольно, частым был нажим на общие собрания. Житель Кушалинского района Калининской области сообщал в ЦК КПСС, что в районе «как-то само собой дело по укрупнению колхозов форсировалось»: на то, чтобы «из 105 колхозов сделать 20», потребовался месяц. Во главе этих хозяйств оказались люди, «которые едва-едва справлялись или совсем не справлялись с руководством маленьким колхозом». Резко упала дисциплина, колхозники «сильных» колхозов не хотели работать за «слабых». «Из обиходов колхозной жизни» исчезли общие собрания, которые удавалось собирать только после обещания выдать в счет аванса по 15—20 руб. тем, кто «высидит» их до конца. В укрупненных колхозах не знали, что происходит в соседей бригаде и в хозяйстве в целом[166].

В ответ на административное укрупнение колхозов росла отстраненность колхозников от участия в «колхозной демократии». В 1951 г. отмечается спад посещаемости общих собраний и выступлений на них. В колхозах восьми областей явка составила 65,1—74,5 %[167], сочетаясь с пассивностью в прениях. Немало собраний проходило без кворума. На рядовых членов артели давили колхозные администрации и районная власть, не заинтересован-

---

[164] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству : в 3 т. / под общ. ред. В. А. Болдырева. Т. 1. М., 1957. С. 156, 180.

[165] *Попов В. П.* «Второй и важнейший этап» (об укрупнении колхозов в 50-е — начале 60-х годов) // Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 27—35 ; *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия / отв. ред. В. П. Дмитренко. М., 1996. С. 204.

[166] ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 5. Д. 1051. Л. 2—3, 4.

[167] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1150. Л. 75, 88, 125, 149, 184, 305; Д. 1151. Л. 7, 58, 79, 86, 139, 297, 324.

ные в «неуправляемой» смене правления и председателя. Член колхоза им. Жданова Бабынинского района Калужской области сообщал в Президиум ЦК КПСС, что в укрупненном колхозе перестали созываться общие собрания, «как это было в прошлом»: «Так что живем сейчас, как при анархии: сильные и жулики давят слабых и честных. Недовольство в народе, что «нет никакой жизни», растет все…»[168]

К началу 1950-х гг. положение с соблюдением на местах колхозной демократии настолько обострилось, что в недрах Совета по делам колхозов возникла инициатива ввести в колхозах закрытое (тайное) голосование на выборах председателей и ревизионных комиссий. В адресованной Г. М. Маленкову сопроводительной записке, приложенной к тексту проекта ЦК ВКП(б) по этому вопросу, необходимость такой меры объяснялась «связыванием инициативы колхозников» открытым голосованием, сдерживанием «критики и самокритики»[169].

В результате отчетных и отчетно-выборных собраний работа значительной части правлений ежегодно признавалась неудовлетворительной, многие председатели освобождались от занимаемых должностей. Если в начале 1948 г. в сельхозартелях 10 областей Центрального Нечерноземья итоговые собрания признали неудовлетворительной работу в среднем 14,1—31,4 % правлений, освободив 11,2—26,7 % состава председателей, то по итогам собраний 1950 г. как неудовлетворительную работу правлений оценили 21,5—40,8 % колхозников, освободив 10,3—38,4 % председателей[170]. Таким образом, даже несмотря на снижение к началу 1950-х гг. явки и активности колхозников на собраниях, судьба общественного производства большинству из них не была безразлична. В то же время увеличение числа артелей, работа правлений которых признавалась неудовлетворительной, рост текучести кадров председателей почти в половине областей Центрального Нечерноземья

[168] ГАДНИКО. Ф. П-15. Оп. 24. Д. 22. Л. 18.
[169] РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1156. Л. 58—67.
[170] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 858. Л. 43, 63—64, 81, 85, 89, 102—103, 112—113, 143—144, 168—169, 185—186; Д. 964«р». Л. 1112; Д. 964 «у». Л. 22, 38—39; Д. 964«ф». Л. 102; Д. 1150. Л. 79, 88, 90, 125, 149—150, 184, 305; Д. 1151. Л. 7, 51, 79, 85, 138, 297, 324 ; ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 6. Л. 375—376.

говорили и о возрастании внутренней напряженности в колхозах, и о недоверии многих колхозников своим руководителям.

С приходом к власти Н. С. Хрущева «укрепление» председательского корпуса было форсировано, став частью реформ управления селом. Только по итогам 1953 г. в Центральном Нечерноземье было вновь заменено 26,2 % председателей[171]. Ставка вновь была сделана на «чужаков». По решению сентябрьского (1953 г.) и февральско-мартовского (1954 г.) пленумов ЦК КПСС партийным и советским органам следовало направить на работу в колхозы, МТС и совхозы «лучших работников из аппаратов», из городов и промышленных центров[172]. Должности председателей были включены в номенклатуру местных парткомов. На деле подбор председателей из бюрократии административных центров проходил сложно. В Калужской области из 665 человек, направленных председателями с осени 1953 г., на 1 августа 1955 г. выбыло 18 %, 11 % — как не справившиеся, в Ярославской области из 715 чел. — 11,7 и 11 %, в Смоленской из 1124 чел. — 20,2 и 12 % соответственно[173]. Чтобы преодолеть сопротивление чиновников мобилизациям на село, ЦК КПСС принимает 25 марта 1955 г. постановление «О мерах по дальнейшему укреплению колхозов руководящими кадрами». Вожди партии через голову местных руководителей обращаются к коммунистам и «лучшим беспартийным», желающим возглавить колхозы, гарантируя им тот же, что и в 1950 г., перечень льгот и требуя «не препятствовать отпуску их с работы»[174]. В рамках выполнения этого постановления в Центральном Нечерноземье предполагалось заменить председателей 34 % колхозов на кандидатуры, подобранные в счет «30 тысяч» (в том числе около трети — за счет перераспределения из других областей). Из 3749 кандидатов на должности председателей, утвержденных бюро обкомов КПСС, 73 % имели высшее, незаконченное

[171] РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 5. Л. 73—75.
[172] КПСС в резолюциях … Т. 8. С. 338, 389—390.
[173] *Кометчиков И. В.* Мобилизации провинциальной бюрократии для работы на селе Центрального Нечерноземья в середине 1950-х — начале 1960-х гг. // Известия Смоленского государственного университета. 2014. № 2 (26). С. 186.
[174] КПСС в резолюциях … Т. 8. С. 499—504 ; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917—1957 гг. : сборник документов : в 4 т. Т. 4 : 1953—1957 гг. / сост. В. Н. Малин, А. В. Коробов. М., 1958. С. 388—398.

высшее и среднее образование, 24,4 % — среднее специальное, почти все были коммунистами, по опыту работы 21,8 % являлись партийными и советскими работниками, 51,1 % работали в промышленности и на транспорте, 7 % — в сельхозорганах. Как видно, главным при формировании председательского корпуса оставалась партийность, а не специальное образование и опыт работы[175]. Обкомы КПСС стремились обеспечить своим выдвиженцам как можно более выгодные условия труда[176].

Как происходило преодоление «оповседневнивания» возраставшей председательской власти? И власть, и деревня оценивали тридцатитысячников двойственно. С одной стороны, руководству и деревне импонировало, что они не имеют неформальных связей в округе, не пьянствуют, «не смотрят свысока на крестьян», не чураются физической работы, «достойно ведут себя в быту», строят дома и вообще «прочно устраиваются»[177]. Однако партработники были более сдержаны в оценках, отмечая «неверие» в малочисленные колхозные парторганизации, наивность в оценке целесообразности планирования общественного хозяйства, ведения севооборотов, робость секретарей первичек перед городскими коммунистами и др.

Распространенными причинами неудовлетворительной работы «посланцев партии» были отсутствие опыта и желания работать, пьянство, слабые организаторские способности, тяжелое положение доставшихся колхозов[178]. Как осознание временного характера работы в колхозе расценивалось раздельное проживание тридцатитысячника с семьей, о чем сообщалось в крестьянских письмах[179]. Многие председатели-«чужаки» не знали реалий управления селом и, погружаясь в них, убеждались в зависимости председателя от верхушки района. Тридцатитысячника из колхоза им. К. Маркса Корсаковского района Орловской области первый секретарь райкома довел до нервного срыва и вынудил подать заявление об уходе. После нескольких

---

[175] *Кометчиков И. В.* Мобилизации провинциальной бюрократии … С. 188.
[176] РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 180. Л. 5, 7, 13, 48.
[177] ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 404. Л. 7—8, 17—18.
[178] Там же. Л. 19—21.
[179] *Кометчиков И. В.* Мобилизации провинциальной бюрократии … С. 189—190.

стычек, когда председатель публично предложил секретарю «не заниматься мелкой опекой», он стал мишенью его оскорблений. На заседаниях бюро райкома КПСС секретарь райкома заявлял, что «председатели с 2-классным образованием лучше работают тридцатитысячников», угрожал «не выпустить чистым из района». Для смещения нового председателя была использована районная газета. Обком КПСС встал на сторону райкома[180]. Часть тридцатитысячников, напротив, вписалась в управление деревней и извлекала выгоду из нового положения, занимаясь «самоснабжением». Из колхоза «Красная звезда» Юрьев-Польского района Владимирской области в сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС по РСФСР сообщали, как председатель — бывший работник экскаваторного завода — заявлял колхозникам: «Меня прислали быть хозяином, значит — я хозяин. Мне все положено получать и мне пока указывать никто не может, вряд ли кому я здесь подчиняюсь…»[181]

Эффект от мобилизаций на должности председателей назначенцев парткомов закреплялся расширением их административных прерогатив. 6 марта 1956 г. выходит постановление ЦК КПСС и СМ СССР[182], позволявшее колхозам самим «изменять и дополнять» положения Устава об организации и оплате труда, исключении из колхоза, размерах личных подворий и другой экономической активности за пределами общественного хозяйства. Хотя формально это право предоставлялось общему собранию, в условиях «укрепления» председательского корпуса нововведение, в первую очередь, расширяло возможности председателя и райкома КПСС по манипулированию общими собраниями. Тем более что теперь колхозам в зависимости от размеров самим разрешалось определять порядок рассмотрения вопросов, вынося их на общие, бригадные собрания или собрания уполномоченных.

Направление на село значительного количества коммунистов из райцентров, промышленности и транспорта, укрупнение многих колхозов серьезно повлияли на осознание широкими слоями деревни отгороженности от

[180] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 849. Л. 158—164.
[181] РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 180. Л. 75.
[182] История колхозного права : Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917—1958 гг. : в 2 т. / рук. колл. сост. Н. Д. Казанцев. Т. 2. М., 1958. С. 449—452.

реального управления делами артели большим размером хозяйств и иерархией «посаженных» сверху руководителей, которые строили отношения с колхозниками на основе субординации, без учета сложившихся традиций улаживания колхозных дел. В письме зам. Председателя СМ СССР Н. А. Булганину агроном Большесельской МТС Ярославской области летом 1955 г. излагал свое видение причин, мешающих, по его мнению, подъему колхозов, что местное руководство сочло «несоветским взглядом на жизнь страны». Он писал о том, что колхозы района укрупнялись под нажимом, без учета природных условий, экономических факторов и желания населения. После укрупнения бригада от бригады располагались в 3—5 км через леса, болота, реки, земли государственного фонда. Население разных деревень подчас противилось работе сообща, большинство трудоспособных ушло в город. Изменилось и отношение к участию в общественных делах и собственности: «В крупных колхозах колхозник перестал чувствовать и видеть себя хозяином колхоза, так как общие собрания редки, 2—3 раза в год <…> До сих пор между селениями и бригадами существует недоверие, часто можно слышать на собраниях ругань («что мы, мол, без вас жили лучше, чем при вас после укрупнения») между жителями одного селения с другим. А при выполнении работ иногда говорят в одном селении, что мы на такое-то селение или бригаду не будем работать, а в той — наоборот, а, в общем, многие работы выполняются несвоевременно… <…> В крупных колхозах стал большой недосмотр во всех вопросах жизни колхоза. Низка активность правления, а председатели и специалисты бьются-бьются поднять дисциплину, да и тоже останавливаются. В разобщенных мелких селениях существует круговая порука, в результате расхищается огромное количество общественных богатств колхозов…»[183]

Часто в письмах людей динамизм эпохи, долетавший до деревни в выступлениях вождей по радио и в прессе, воспринимался как резкий контраст запустению, несправедливости, нехватке самого необходимого и отсутствию

[183] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 63. Д. 6. Л. 53—53 об.

перспектив в родном селе, что многими связывалось с не соответствующей духу времени фигурой «доставшегося» им руководителя: «Прочитав доклад пленума ЦК КПСС даже так радостно за такие намеченные планы партией и правительством, но мы живем еще по старому, отжившему методу. Колхоз наш отстающий, <председатель> руководит из рук вон плохо, <…> живет в г. Сасово и наездом руководит таким хозяйством. Наверно, на нашу долю нет человека, который бы по-хозяйски разобрался в нашем хозяйстве…» — писали в ЦК КПСС весной 1964 г. из колхоза «Дружба» Рязанской области[184].

Несмотря на дезорганизацию производства и рост отстраненности колхозников от участия в управлении делами сельхозартелей, мобилизации председателей для них продолжались. За 1954—1962 гг. количество сельхозартелей в Центральном Нечерноземье сократилось в 3,2 раза. На 1 апреля 1961 г. в 4495 колхозах Центрального Нечерноземья 43,3 % председателей работали в своих должностях до 3 лет, 52 % являлись практиками без специального образования, 10,7 % имели высшее образование, 37,1 % — среднее специальное. Таким образом, в конце 1950-х — начале 1960-х гг. председательский корпус вновь обновился более чем наполовину. Ставка при этом, как и ранее, делалась не на увеличение числа специалистов сельского хозяйства , а на рост партийной прослойки, которая к началу 1960-х гг. достигает практически 100 %[185].

Вследствие децентрализации номенклатурного учета и включения в середине 1950-х гг. должностей председателей в номенклатуры обкомов и сельских райкомов КПСС региональное и районное партруководство интегрировало в реформированный механизм власти многих сокращенных из аппарата своих коллег. «Снизу» же номенклатурные принципы комплектования председательского корпуса виделись основанием неформальных отношений в среде местной «знати», враждебных «интересам тружеников». Из колхоза «Россия» Дедиловского района Тульской области первому секретарю обкома

---

[184] ГАРО. Ф. П-6589. Оп. 1. Д. 217. Л. 62.

[185] *Кометчиков И. В.* Мобилизации провинциальной бюрократии … С. 190 ; ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 6. Д. 692. Л. 19 об. ; ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 1875. Л. 1—1 об. ; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 931. Л. 12—12 об. ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 952. Л. 1, 10 ; ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 227. Д. 630. Л. 4—4 об.

КПСС в начале 1961 г. писали о том, как руководители района сами назначают председателей колхозов из бывших сотрудников, поскольку после сокращения аппарата «деть их было некуда, тогда они их развезли по колхозам, несмотря на протесты колхозников…» Колхозники колхоза «Дружба» Рязанской области жаловались в ЦК КПСС на «непробиваемость» своего нерадивого председателя: «В район обращались не раз, но бесполезно: отвезет зерна машину или флягу меда — и порядок…»[186] Как и ранее, председатели, не способные вписаться в менявшийся механизм управления селом, отстранялись[187].

К концу 1950-х — началу 1960-х гг. нарастает противоречие между требованиями Устава КПСС, дававшего первичной парторганизации право контроля производственной деятельности предприятия, при котором она создана, и номенклатурным статусом председателей колхозов и директоров совхозов, включением в номенклатуру РК КПСС должностей многих других низовых руководителей, что явилось откликом системы номенклатурного учета на рост капитализации колхозно-совхозного производства. По письмам во власть можно судить о том, что часто в колхозе или совхозе статус его руководителя осознавался как более высокий, чем статус секретаря первичной парторганизации. Рабочие совхоза «Новомедвенский» Ленинского района Тульской области в письме Н. С. Хрущеву весной 1961 г. сообщали: «Рабочие не раз писали в ЦК партии, но получается какой-то заколдованный круг: из ЦК письмо направляют в обком партии, а оттуда — нашему парторгу, который против <директора совхоза> боится и слово сказать, парторг собирает начальство совхоза во главе с <директором совхоза> и пишут ответ, что факты не подтвердились, а письмо написано с целью подорвать авторитет хорошего работника. А мы не хотим подрывать его авторитет, он сам себе подорвал его давно…»[188] Член колхоза «Коммунар» Козельского района Калужской области писал в «Правду» о самоуправстве председателя: «В колхозе

[186] ГАРО. Ф. П-6589. Оп. 1. Д. 217. Л. 62.
[187] РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 134. Л. 103—104 ; ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 6. Д. 692. Л. 19—19 об. ; ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 1875. Л. 191—191 об.
[188] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 31. Д. 91. Л. 52.

дела каждый год все хуже. <…> 40—50 процентов населения колхозников председателем колхоза судимы, если что скажешь — кричит: ты — нахал, — и звонит в милицию, после чего человек получает 10—15 суток. Все коммунисты побывали у него или бригадиром, или кладовщиком, и каждого выгонял с позором, держит не более года. Кассиров тоже меняет каждый год. Штрафы процветают как обычное явление…»[189]

Завершение отчуждения колхозников от общественной собственности и участия в управлении колхозными делами происходило в ходе преобразования экономически слабых колхозов в совхозы, начавшегося в Центральном Нечерноземье в середине 1950-х — начале 1960-х гг. Если в 1947—1953 гг. число совхозов сократилось с 540 до 521 (в результате некоторого укрупнения), то в 1954—1962 гг. возросло с 488 до 852. В 1947 г. на один совхоз приходилось 93,4 колхоза, в 1954 г. — 27,4, в 1962 г. — 4,9[190]. Подавляющее большинство директоров совхозов и МТС в регионах Центрального Нечерноземья уже в середине 1940-х гг. были коммунистами, а их должности входили не только в основную номенклатуру сельских РК ВКП(б), но и обкомов[191]. Немало директоров крупных совхозов, как и председателей колхозов, состояли в выборной номенклатуре партийных и советских органов, являлись членами пленумов парткомов, депутатами местных Советов, приглашались на партийно-хозяйственные активы. Примером тесной связи набравшего силу колхозно-совхозного руководства с высокопоставленными партийными и советскими руководителями было распределение «шефской помощи» — санкционированного верховной властью перераспределения в пользу села части централизованно выделяемых другим отраслям капиталовложений. Будучи предварительно обсужденными в кулуарах и принятыми как «предложения и просьбы» на пленумах РК КПСС и активах, пожелания колхозно-совхозного

---

[189] ГАДНИКО. Ф. П-6878. Оп. 1. Д. 63. Л. 40—42.

[190] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2391. Л. 28—29, 37—38; Д. 4445. Л. 132—133 ; Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. С. 330.

[191] ГАТО. Ф. П-39. Оп. 1. Д. 149. Л. 2; Ф. П-43. Оп. 1. Д. 182. Л. 1 об., 34 об.; Д. 195. Л. 7 об.; Ф. П-177. Оп. 40. Д. 157. Л. 100; Ф. П-1642. Оп. 1. Д. 15. Л. 55, 58; Ф. П-2322. Оп. 1. Д. 9. Л. 19 об., 37 об.; Д. 71. Л. 1 об. ; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1945. Л. 13 об.; Ф. П-45. Оп. 2. Д. 24. Л. 17, 27, 40 ; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1424. Л. 37; Д. 1425. Л. 32; Д. 1428. Л. 107; Д. 1439. Л. 110.

руководства поступали в областные структуры, прежде всего обком КПСС, распределявшие такую помощь[192].

«Своих» председателей партийное начальство «вело» на протяжении многих лет, делая из возглавляемых ими хозяйств «маяки». Показательна судьба председателя колхоза им. Кирова Перемышльского района Калужской области, направленного в 1954 г. с поста руководителя областной конторы Сельхозбанка «поднимать» колхоз, который, по утверждению автора письма председателю КПК при ЦК КПСС А. Н. Шелепину, никогда не был отстающим. Впервые о его «отсталости» заговорили руководство области, новый председатель и областная газета. В результате колхоз упоминался в закрытом письме ЦК КПСС как пример роста «отсталой» экономики при «грамотном» руководстве, а его новый руководитель был награжден орденом Ленина. За время его работы (1954—1961 гг.) посевная площадь выросла в 4,3 раза, производство молока — в 10 раз, мяса — в 8,8 раза, яиц — в 9,8 раза, денежные доходы — в 17 раз, а задолженность по ссудам государству — в 21,6 раза. В 1961 г. обком КПСС рекомендовал «своего» председателя на ту же должность в колхоз «Россия», долги которого только за 1962 г. выросли на 405,3 тыс. руб. Но руководство обкома продолжало рекламировать «маяк». В декабре 1962 г. материал о колхозе появился в журнале «Советский Союз», а в мае 1963 г. — сюжет на телевидении. Председатель «России» пользовался поддержкой обкома: кризис с уборкой урожая 1962 г. был преодолен за счет сторонней рабочей силы и уполномоченных обкома. Автор письма призывал привлечь руководство обкома к ответственности за «обман ЦК» и сокрытие тяжелого положения сельского хозяйства области. Однако для председателя «России» письмо не имело последствий. За работу в этой должности он будет удостоен звания Героя Соцтруда, избран депутатом ВС РСФСР[193].

Директор совхоза представлялся вчерашним колхозникам еще более недосягаемым, чем председатель, так как, отвечая за выполнение плана, он

---

[192] ГАТО. Ф. П-163. Оп. 1. Д. 67. Л. 41—46 ; ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 227. Д. 273. Л. 43—44, 54—68; Оп. 229. Д. 16. Л. 2—3 ; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 30. Л. 205 ; ГАСО. Ф. Р-2361. Оп. 9. Д. 284. Л. 101—115 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 583. Л. 13—14; Д. 805. Л. 15—24.

[193] ГАДНИКО. Ф. П-6878. Оп. 1. Д. 63. Л. 119—120, 123—124, 126—127, 134—136, 139, 186.

единолично распоряжался материальными ценностями, увольнял и принимал работников, давал и отбирал приусадебные участки и т. п. Группа рабочих совхоза «Селихово» Трожокского производственного управления Калининской области сообщала в газету «Советская Россия» в начале 1964 г.: «Директор ставит очень большого короля, что хочу — то и сворочу, и ворочает. Знает производственное управление, область. Все приезжающие проверять жалобы ссылаются только на одно: совхоз выполняет план, а что за этими планами — никого не интересует <…> Если рабочие выразят мысль к его сталинским порядкам, то делает просто по-директорски, вызывает в кабинет и предупреждает: “Держи язык за зубами, у меня прав хватит, со мной считаются”. И рабочий выходит из директорского кабинета и думает: или превратиться в тихое существо и быть безразличным, или уезжать, и большинство уезжает…»[194]

Таким образом, возрастание политической власти протобуржуазии стало важнейшей составляющей общего процесса стабилизации и бюрократизации власти над деревней. В ходе него к началу 1960-х гг. была завершена трансформация взаимоотношений председателя и колхозного населения, состоявшая в вытеснении коллективистского принципа их построения более соответствующим капитализированному колхозно-совхозному производству бюрократизованным, основанным на субординации, подготавливавшая выход протобуржуа из-под опеки «надпроизводственного менеджмента».

2.3. Низовые советские органы как инструмент политической власти в деревне

Хотя с низовыми Советами изо дня в день соприкасалось значительное число сельского населения, об их функционировании известно немного. Важным для понимания места и роли сельских Советов в системе политической власти над деревней является выяснение соотношения в их деятельно-

[194] ТЦДНИ. Ф. 632. Оп. 1. Д. 139. Л. 24 об., 26—26 об.

сти формальной и повседневной сторон, функций органов государственной власти и местного самоуправления, для чего сначала следует рассмотреть их организацию и функционирование, а затем — попытки преодоления стабилизации и упорядочения формируемого ими контроля.

В системе административно-территориального деления на протяжении изучаемого периода сельсоветы, объединявшие территорию одного или нескольких соседних сельских населенных пунктов, являлись самым мелким звеном. В управленческой практике под этим термином также подразумевался и орган советской власти на этой территории. В 1941—1953 гг. количество сельсоветов оставалось в целом стабильным и лишь немного увеличилось, составив к 1945 г. 9647 (100,8 % к количеству в 1940 г.) и 9543 в 1952 г.[195] В 1954 г. проводится их укрупнение. В результате в Центральном Нечерноземье количество сельсоветов сократилось на 4162 (42,5 %) — с 9773 на 1 января 1954 г. до 5611 на 1 января 1955 г.[196] Согласно Всесоюзной переписи населения 1959 г., в Центральном районе из 4214 сельсоветов только 67 (1,6 %) имели количество жителей менее 500 чел., 661 (15,7 %) — от 500 до тысячи чел., 886 (21 %) — от тысячи до полутора тысяч чел., 847 (20 %) — от полутора до двух тысяч чел., 894 (21,2 %) — от двух до трех тысяч чел., а остальные — свыше трех тысяч[197]. К 1964 г. количество сельсоветов медленно сокращается и достигает 4317 (44 % их численности в 1945 г.)[198].

Укрупнение сельсоветов происходило в общем русле реформирования системы административно-территориального деления, направленного на

---

[195] Подсчитано по: РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 июля 1945 г. с приложением изменений с 1 июля по 31 декабря. С. 6—11; СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 января 1947 г. С. VII—VIII ; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2391. Л. 19—20; Д. 3022. Л. 57; Д. 3745. Л. 117; Д. 4445. Л. 132—133.

[196] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46; Д. 70. Л. 24; Ф. Р-7523. Оп. 58. Д. 1368. Л. 40—42.

[197] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР : (сводный том) / отв. за выпуск К. А. Орехов. М., 1962. С. 55.

[198] Подсчитано по: ГАРФ. А-385. Оп. 46. Д. 77. Л. 37—38; Д. 116. Л. 24—26 ; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 5301. Л. 198 ; Административно-территориальное деление Союза ССР и список важнейших населенных пунктов с хронологическим перечнем постановлений об изменении границ губерний, областей и республик с 1917 г. по 1929 г. Изд. 8-е. М., 1929. С. 38—39, 44, 46—48, 56—57, 59—60 ; СССР. Административно-территориальное деление союзных республик. Январь 1965 г. М., 1965. С. 55, 58, 74, 82, 85, 88, 102, 125, 161, 176, 183, 202 ; Народное хозяйство РСФСР в 1958 году. С. 46—47 ; Народное хозяйство РСФСР в 1959 году. С. 51—52 ; Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. С. 69 ; Народное хозяйство РСФСР в 1961 году. С. 88 ; Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. С. 8 ; Народное хозяйство РСФСР в 1963 году. С. 8.

концентрацию власти партийных и советских структур, ее «приближение» к объектам управления, в данном случае — за счет улучшения транспортной и телекоммуникационной доступности сельсоветов (к началу 1950-х гг. в Центральном Нечерноземье завершается их телефонизация[199]), лучшего обеспечения кадровыми, финансовыми и иными ресурсами. Фоном укрупнения сельсоветов являлось сокращение сельского населения, приводившее к уменьшению числа мелких населенных пунктов, укрупнение и совхозизация колхозов.

Организационная структура сельских и поселковых Советов на протяжении изучаемого периода отличалась стабильностью. Действовавшее в 1945—1957 гг. Положение о сельсоветах 1931 г. предусматривало образование сельсовета, «как правило, в каждом селении» при норме представительства один депутат на сто человек населения, но в целом не менее трех членов. При наличии в сельсовете не менее 15 членов предусматривалось создание президиума, должности председателя, секретаря и уполномоченных, которые являлись его исполнительными органами. В промежутках между пленумами (сессиями) сельсовета президиум пользовался всеми его правами и мог разрешать все вопросы, за исключением отнесенных к исключительному ведению пленума (прежде всего, утверждение бюджета и отчета о работе). Предусматривалось создание отраслевых секций (постоянных комиссий), проведение заседаний с приглашением сельского актива, наделяемого правом совещательного голоса[200]. По Положению о сельсовете 1957 г. его органами являлись сессия, которая должна была собираться не реже шести раз в год, и исполком — исполнительный и распорядительный орган, избираемый из числа депутатов в составе председателя, заместителя, секретаря и двух или четырех членов. Были определены полномочия председателя и секретаря, разграничены вопросы, подлежащие рассмотрению исполкомом и сессиями, установлена подотчетность исполкома как избравшему его сельсовету, так и

[199] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 4445. Л. 132—133.

[200] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР : в 6 т. / сост. Л. И. Газиянц, И. О. Козлова, Ю. И. Мочек, Н. А. Ноткина и др. ; общ. рук. колл. сост. и отв. ред. В. А. Болдырев. М., 1959. Т. 3 : 1930—1934 гг. С. 134—137.

исполкому вышестоящего Совета. Более подробно определялись функции постоянных комиссий[201].

В Положении о сельских Советах РСФСР от 1 января 1931 г. предмет его ведения был определен более детализировано, чем в Положении 1924 г., и охватывал 18 областей и 84 пункта. Однако Положение 1931 г. давало должностным лицам сельсоветов крайне мало административных прав, которые концентрировались в судебно-следственной области и области «охраны революционного порядка» (к середине 1940-х гг. многие из них были отменены)[202], что нередко порождало разное понимание полномочий сельсоветов их работниками и работниками РИКов. Формулировки многих полномочий отличались неконкретностью. Этому способствовала и противоречивая политика центральной власти, урезавшей одни и расширявшей другие полномочия сельсовета. Согласно постановлению ЦИК СССР и СНК СССР от 21 марта 1937 г., аппарату райфо передавались полномочия по исчислению и взиманию налогов и страховых платежей, аппарату райуполнаркомзага — выполнение плана натуральных поставок колхозами и населением[203], а согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР 20 марта 1936 г., при сельсоветах должны были состоять сельские исполнители, задачами которых являлись «усиление охраны революционного порядка и общественной безопасности», охрана государственного и общественного имущества, которые подчинялись сельсовету, но при «охране революционного порядка и общественной безопасности» должны были руководствоваться указаниями милиции[204].

Как уже говорилось, основными формами работы сельсоветов являлись заседания исполкома, а также заседания (сессии) сельсовета[205]. Другой формой внутрисоветской работы была деятельность отраслевых постоянных ко-

---

[201] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР : в 6 т. / сост. Л. И. Газиянц, И. О. Козлова, Ю. И. Мочек, Н. А. Ноткина и др. ; общ. рук. колл. сост. и отв. ред. В. А. Болдырев. М., 1959. Т. 6 : 1957 г. С. 495—499.
[202] Хронологическое собрание законов … Т. 3 : 1930—1934 гг. С. 127—134.
[203] ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 41. Д. 276. Л. 46.
[204] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР : в 6 т. / сост. Л. И. Газиянц, И. О. Козлова, Ю. И. Мочек, Н. А. Ноткина и др. ; общ. рук. колл. сост. и отв. ред. В. А. Болдырев. М., 1959. Т. 2 : 1929—1939 гг. С. 370—373.
[205] Хронологическое собрание законов … Т. 3 : 1930—1934 гг. С. 136.

миссий. Положение о них было утверждено ВЦИК и СНК РСФСР 21 марта 1927 г. Обязательным считалось создание сельскохозяйственной, культурно-просветительной, финансово-налоговой, торгово-кооперативной и бытовой комиссий. Их ведению подлежал обширный круг вопросов, однако они могли лишь наблюдать за положением в своей отрасли, вносить проект постановления на утверждение исполкома и содействовать вышестоящей власти в осуществлении ее директив[206].

И правовой статус, и практика функционирования сельсоветов оформились на базе доминирования функций органов государственной власти над функцией сельского самоуправления. Как и другие местные Советы, они были обязаны согласовывать с вышестоящим Советом «план хозяйственного и социально-культурного строительства» и бюджет. Как уже говорилось, облисполком ежегодно представлял на рассмотрение сессии областного Совета проект бюджета области в объеме, установленном законом ВС РСФСР и утвержденном СМ РСФСР. Его обсуждение носило формальный характер, так как сессия не могла увеличить по сравнению с утвержденными ни размеры фондов заработной платы, ни объем капиталовложений, ни сеть подведомственных учреждений, даже если появлялись неплановые доходы, и т. д. То же самое происходило на сессиях районных и сельских Советов. Положение о сельсовете от 1 января 1931 г. не оговаривало процедур реализации возложенных на него функций. Обследования работы сельских Советов показали, что одни из них пытались «давать колхозам руководящие указания, как им выполнить государственное задание», чего «не могла обеспечить структура советских районных организаций», а другие нет[207].

Другими основными заботами сельских Советов были ремонт и содержание объектов социально-культурной инфраструктуры, поглощавшие более двух третей их бюджета. Доходы сельсовета формировали отчисления от собираемых на его территории государственных и местных налогов, платежей

---

[206] Хронологическое собрание законов … Т. 1 : 1917—1927 гг. С. 390—391.
[207] СУ. 1931. № 11. С. 142—145 ; ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 41. Д. 152. Л. 14—15; Д. 287. Л. 2—5; Оп. 58. Д. 924. Л. 54; Д. 925. Л. 6—7.

и займов, доходы от его имуществ и предприятий. Размер отчислений определял райисполком с учетом разницы между доходами сельского Совета от собственных источников и расходами[208]. Скудость бюджета заставляла руководство сельских Советов обращаться за помощью к администрациям предприятий, колхозов, сельпо и других организаций. При этом депутаты и актив почти повсеместно вели основной объем работы по исчислению и взиманию налогов и страховых платежей, хотя, согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 21 марта 1937 г., этим должен был заниматься аппарат райфо. Также сельсовет отвечал за выполнение плана натуральных поставок продовольствия колхозами и населением государству, хотя по постановлению ЦИК и СНК СССР от 21 марта 1937 г. это возлагалось на аппарат райуполнаркомзага.

Такое противоречивое положение стимулировало попытки приведения статуса сельских Советов в соответствие с реалиями их работы. В 1946 г. возобновляется разработка нового положения о сельском Совете, в 1947—1953 гг. составляются четыре его проекта, проект укрупнения сельсоветов, два проекта укрупнения сельсоветов и создания волостей и волостных Советов, проект укрупнения сельсоветов и повышения должностных окладов их работников, исходившие из необходимости передачи сельским Советам значительной части полномочий районных организаций по управлению колхозами, учреждениями и организациями сельской местности (начисление и взимание налогов и страховых платежей, руководство агрономическими и зоотехническими участками, контроль за кадрами села и др.)[209]. Однако до 1954 г. эти идеи не получили развития.

Малый объем полномочий сельсоветов усугублялся трудностями комплектования их кадров. К окончанию войны сельские Советы, как и другие советские и партийные органы на местах, потеряли большую часть довоенного состава. На 1 января 1945 г. в сельских Советах РСФСР числилось 38,4 %

---

[208] Справочник председателя исполкома сельского Совета депутатов трудящихся / сост. Я. М. Котов. Калуга, 1949. С. 190—191, 205—218.

[209] ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 41. Д. 287. Л. 16—18; Оп. 58. Д. 924. Л. 56—60; Оп. 75. Д. 413. Л. 5—9.

депутатов, избранных в декабре 1939 г., не депутатами «своих» Советов были 65,5 % их председателей, 30,2 % зам. Председателя, 75,8 % секретарей, 48,5 % состава исполкомов. Сельские Советы на две трети состояли из членов исполкомов. К 1 января 1947 г. из состава депутатов сельских и поселковых Советов, избранных в 1939 г., осталось лишь 45,7 %, депутатами являлись 32,8 % их председателей. В Великолукской области депутатами сельских Советов были 20,9 % их председателей, в Рязанской области — 53,2 %, в Московской — 41,1 %. Остроту кадрового вопроса понизил приток на советскую работу значительного числа демобилизованных. На 1 января 1947 г. 52 % председателей сельских и поселковых Советов РСФСР являлись вчерашними фронтовиками, в Брянской области их было 77,3 %[210], что закрепило «военизированную» практику их работы. Органы прокуратуры регистрировали десятки тысяч жалоб на нарушения законности РИКами и исполкомами сельских Советов, в основном по поводу незаконных обысков, изъятия имущества и скота, трудовых мобилизаций, угроз оружием, наложения штрафов[211]. За подобные действия в Смоленской области был предан суду 41 чел., в том числе 11 председателей сельских Советов, заведующий райфо, зам. Председателя РИКа и др. В органы прокуратуры области в 1944 — мае 1945 гг. поступило 29 485 жалоб, в том числе 20 тыс. — о незаконном изъятии имущества, обысках, подписки на займы и т. п.[212]

Преобладание «исполнительно-распорядительной» функции потеснило такие формы работы сельских Советов, как созыв и проведение сессий, деятельность постоянных комиссий, отчетность депутатов перед избирателями, а во многом и вовсе лишило их значения. В первом полугодии 1945 г. лишь 71,3 % сельских и поселковых Советов РСФСР созывали сессии, из них в сроки, установленные Конституцией (не реже раза в месяц), — 19,5 %, во втором полугодии — 70,8 и 21,4 %, в первом полугодии 1946 г. — 77,1 и 28,3 %, во втором полугодии 1946 г. — 79,9 и 26,3 % соответственно. Из тре-

[210] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 54. Л. 1, 2, 4—6, 8.
[211] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 129. Л. 300.
[212] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1854. Л. 103—106 об., 108, 111—113, 121—121 об.

бовавшегося по норме количества сессий сельские и поселковые Советы республики в 1946 г. провели лишь 46,6 %. Подавляющее большинство постоянных комиссий было неработоспособно по составу. В 1945 г. в постоянной комиссии сельского Совета РСФСР в среднем состояло 1,1 депутата, в 1946 г. — 1[213]. В Калужской области в 1946 г. из 12 426 членов 2798 комиссий депутатами были 2013 чел. Из состава комиссии в среднем 4,4 чел. депутатами было 0,7 чел.[214] Невысокого мнения о работе сельских Советов были руководящие советские работники, называвшие их сессии «пустой говорильней», а многих председателей — «устными делягами»[215].

И юридическое оформление деятельности сельсоветов, и практика управления ими со стороны РИКов и РК ВКП(б) выхолащивали даже те элементы самоуправления, которые потенциально содержала сельсоветская работа. Активности депутатов предписывалось разворачиваться вокруг уже принятых директив, что делало ее почетной, но не содержавшей реальных полномочий бесплатной обязанностью. Приниженный статус сельских Советов в управлении селом просматривался в скудном материальном обеспечении членов их исполкомов. До 1954 г. они были одними из самых низкооплачиваемых работников учреждений села.

Чрезмерная концентрация власти в центре сельского административно-территориального района предопределяла живучесть чрезвычайных властных практик, компенсировавших пониженную дееспособность институтов власти на селе. Для «помощи» и контроля за деятельностью низовых Советов в период хозяйственно-политических кампаний из района направлялись многочисленные уполномоченные. В военное время это имело, с точки зрения властей, известное оправдание: повышалась оперативность руководства, сглаживалась нехватка кадров и т. д. Но война уходила в прошлое, а «военные» методы управления сохранялись, хотя о недопустимости смешения

[213] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 55. Л. 12, 16, 27, 29.
[214] Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р-883. Оп. 17. Д. 125. Л. 20.
[215] ГАТО. Ф. Р-2640. Оп. 2. Д. 198. Л. 58.

функций партаппарата и Советов писала центральная партийная пресса[216]. В начале 1949 г. авторы анонимного письма из Воскресенского района сообщали первому секретарю Рязанского обкома ВКП(б) А. Н. Ларионову о манере работы первого секретаря РК ВКП(б), который «редко бывает в колхозах, а сидит на телефоне и держит с председателями сельсоветов двухчасовую речь с матерщиной. По приезде в колхоз работу ведет только с председателями, с народом не говорит. <…> Ночью сидит в кабинете и звонит, а днем спит. Председатели сельсовета днем работают и ночью ждут, когда позвонит секретарь райкома, что отражается на их работе…»[217] Зачастую даже простейшие решения принимались через голову низовых советских органов и райисполкомов — в райкоме партии, а на местах — его уполномоченными, которые смещали и назначали членов исполкомов сельских Советов (с введением в середине 1920-х гг. номенклатуры выборных должностей выборы в Советы и другие органы вообще стали фикцией[218]). Во главу угла при назначениях на должности в сельсоветах ставилось умение быть «приводным ремнем» «района» — справляться с большим объемом работы по исполнению директив. Любой провал в ней влек «избиение» сельсоветских кадров. Особенно велика была текучесть их состава в первые 2 года после войны[219]. К моменту первых послевоенных выборов в местные Советы 24,5 % председателей сельских Советов РСФСР имели стаж работы в должности до 1 года, 26,6 % — от 1 года до 3 лет, 12,4 % — от 3 до 5 лет, свыше 5 лет работали 14,9 %. По общему стажу руководящей работы в Советах 62,9 % председателей работали до 3 лет, т. е. были назначены в первые послевоенные годы, еще 15,5 % — в годы войны[220]. В Тульской области только за 1946 г. сменилось 359 председателей (40 %), в Калужской за 1945 г. и 5 месяцев 1946 г. из 687 председателей сельсоветов сменилось 483 чел. (72 %). Докладывая об этом в середине 1946 г. на

---

[216] См., например: Партийное строительство. 1945. № 23—24. С. 10—11.
[217] ГАРО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 859. Л. 30.
[218] *Фигатнер Ю. Ю., Коржихина Т. П.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 30 ; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 495. Без нумерации; Ф. 556. Оп. 14. Д. 147. Л. 3.
[219] *Кометчиков И. В.* Будни и реформы сельсоветов Центрального Нечерноземья 1945 — начала 1960-х гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2015. № 2 (65). С. 13.
[220] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 57. Л. 19—20.

пленуме Калужского обкома ВКП(б), секретарь обкома по кадрам произнес: «Это страшная цифра…»[221]

Казалось, текучесть состава председателей сельсоветов должна была сократиться после первых послевоенных выборов, но этого не произошло, так как и в мирное время смещение и назначение сельсоветских кадров обусловливались централизацией власти на селе в руках парторганов, номенклатурными принципами кадровой политики. За 1948—1949 гг. из состава председателей сельских Советов РСФСР, избранных на первых послевоенных сессиях, выбыло 26,1 %, не депутатами были 10,6 %, за 1950 г. выбыло 13,2 % председателей, 14,3 % секретарей, за 1952 г. — 18 % председателей, не депутатами были около 8 %, секретарей соответственно 17,4 и 20,9 %. За 1953 г. вновь выбыло 5,6 % председателей сельских Советов РСФСР и 7,8 % секретарей. Значительна была сменяемость исполкомов сельсоветов в Центральном Нечерноземье, доходившая до 20—30 % состава в год[222]. В заявлении из колхоза «Боевик» Замишевского сельсовета Новозыбковского района Брянской области, адресованном председателю Совета по делам колхозов А. А. Андрееву, рассказывалось, как руководство РИКа выполняло решение бюро РК ВКП(б) о снятии с должности неугодного «району» председателя сельсовета. Дважды в сельсовет приезжали «представители», которые пытались добиться этого запугиванием, а когда не удалось — отстранили, не объясняя причин, на заседании райисполкома[223].

Милитаризация управления и подавление без того урезанных полномочий сельских Советов вели к забвению формальных процедур их функционирования. За 1948—1949 гг. только 44,7 % сельских Советов РСФСР соблюдали конституционную норму созыва сессий. Только в пяти областях Центрального Нечерноземья за этот период более 50 % Советов созывали сессии в конституционные сроки, а в остальных — от 18 до 48,8 %[224]. В первом по-

[221] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 13. Д. 39. Л. 76 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 189. Л. 117.
[222] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 57. Л. 17; Д. 63. Л. 4—5; Д. 64. Л. 4, 37; Д. 65. Л. 5; Д. 68. Л. 14; Д. 69. Л. 14.
[223] ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 21. Л. 74—75.
[224] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 59. Л. 46—48.

лугодии 1952 г. в девяти областях созывали сессии в установленные сроки свыше 60 % сельских и поселковых Советов, во втором полугодии 1952 г. — в шести областях, в первой половине 1953 г. — в одиннадцати. Некоторое упорядочение созыва сессий низовыми Советами наблюдается к середине 1953 г., хотя и не говорит о соответствующем росте активности депутатов. Исполкомы были оторваны от основной массы депутатов, почти не отчитывались на сессиях о работе. В первом полугодии 1953 г. только в Костромской области доля Советов, заслушавших отчеты, превысила 30 %, а по остальным областям колебалась от 1,3 до 26,2 %. Большинство присутствовавших на сессиях были представителями сельского актива и уполномоченными РК ВКП(б) и райисполкома. Относительно высокий удельный вес выступлений депутатов на сессиях (65—75 %) формировался благодаря «штатным ораторам» — членам исполкомов[225].

Распространенной формой политической мобилизации населения в рамках сельских Советов была деятельность постоянных комиссий. Несмотря на то что итоги их работы оформлялись как необязательные для исполнения «предложения», количество состоявших в них депутатов и актива росло. В первые послевоенные годы постоянные комиссии были малочисленны абсолютно и по составу. На 1 января 1947 г. в среднем в постоянной комиссии сельского Совета РСФСР состоял один депутат, а среднее число комиссий в сельском Совете равнялось 4,1. В реальности комиссии могли быть еще малочисленнее. В конце 1947 г., после первых послевоенных выборов в местные Советы, средний состав комиссии сельского Совета РСФСР повысился до трех депутатов, а их количество в сельском Совете составляло в среднем четыре, в последующие годы — 2—3 депутата и 3,4—4 комиссии соответственно[226]. Но даже с учетом этого малочисленность состава и количества комиссий продолжали оставаться серьезным препятствием для их работы. Выбытие даже одного члена часто влекло прекращение деятельности комис-

[225] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 64. Л. 31—32. Д. 65. Л. 6—10; Д. 68. Л. 39, 50—52.
[226] *Кометчиков И. В.* Будни и реформы сельсоветов … С. 13—14.

сии. Работа депутатов в комиссиях находилась под контролем актива, состоявшего из руководителей сельских и районных учреждений и сельской интеллигенции; численность актива на 10—25 % превышала численность депутатов. В абсолютном большинстве сельских Советов действовали три постоянные комиссии — бюджетная, сельскохозяйственная и культурно-просветительная (по другим отраслям они создавались реже). На неудовлетворительное выполнение комиссиями низовых Советов своих функций периодически указывали в отчетах облисполкомы и ВС РСФСР[227]. За первые полгода 1953 г. постоянные комиссии сельских и поселковых Советов восьми из тринадцати областей Центрального Нечерноземья провели в среднем по одному заседанию (более двух — только в Московской области), а в Брянской, Владимирской, Костромской, Тульской областях — менее одного заседания (в среднем). Ни в одной из областей количество поданных комиссиями предложений в Советы и их исполкомы в среднем на одну комиссию не достигло одного, а у подавляющего большинства колебалось: по предложениям в Совет — в пределах 0,49—0,58, по предложениям в исполком — 0,10—0,19. В большинстве областей с отчетами о работе выступили менее 30 % постоянных комиссий.

Изучение же распределения постоянных комиссий сельских Советов и их членов по отраслям деятельности вообще говорит об их декоративном характере: большинство депутатов совмещало членство в комиссии с выполнением профессиональных обязанностей в той же сфере. На 1 января 1947 г., 1 января 1950 г. и 1 января 1953 г. бюджетные, сельскохозяйственные и культурно-просветительные комиссии сельских Советов РСФСР составляли 60—75 % их общего числа, объединяя 65—75 % депутатов[228]. Участие населения в проведении «советской демократии», как видно, было весьма ограниченным. Да и сами сельские Советы оставались практически лишенными самостоятельности вспомогательными инструментами районной власти в глубин-

[227] ГАКО. Ф. Р-883. Оп. 17. Д. 244. Л. 60—61; Д. 302. Л. 18; Д. 583. Л. 95.
[228] ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 55. Л. 30—31, 34; Д. 59. Л. 24—25, 33; Д. 65. Л. 29; Д. 68. Л. 39—40.

ке, несмотря на некоторое упорядочение к концу изучаемого периода формальных показателей их работы. Для многих депутатов юридически закрепленная зависимость органов сельской администрации от РИКов и, что более важно, от контроля партаппарата почти исключала возможность повлиять на судьбу своего села. В деятельности немалого количества сельсоветов существовало осознаваемое его членами разделение на работу, проводившуюся на профессиональной основе членами исполкома, и массово-политические мероприятия на «общественных началах».

В первые годы эпохи Н. С. Хрущева происходит упорядочение формальной стороны функционирования сельских Советов, повышение активности депутатов, исполкомов и постоянных комиссий. К середине 1950-х гг. сводится к минимуму замещение должностей не депутатами и текучесть депутатского корпуса. С 1957 г. усиливается тенденция сокращения количества Советов, нарушавших сроки созыва сессий. К середине 1950-х гг. большинство депутатов сельских Советов стали выступать с регулярными отчетами перед избирателями. Проявлением нормализации работы низовых Советов Центрального Нечерноземья стало и увеличение к 1955—1957 гг. до 50—90 % числа сельских Советов, заслушивавших отчеты исполкомов. Стабильным в середине 1950-х гг. оставался размер постоянных комиссий сельских Советов РСФСР, равняясь в среднем 4,1 депутата на одну комиссию, хотя активность комиссий не изменилась. С содокладами на сессиях ежегодно выступало до 30—45 % из них, а на одну сельсоветскую комиссию в РСФСР в 1954—1956 гг. в среднем приходилось от 1 до 1,5 содоклада, сопровождавшего доклад председателя исполкома Совета. Как и ранее, исполкомы значительную часть времени посвящали исполнению рутинных функций: финансировали социально-культурную инфраструктуру, выдавали справки, регистрировали акты гражданского состояния, совершали нотариальные действия, вели похозяйственные книги и т. п. Эти поводы обращения в сельский

Совет запечатлены в крестьянских жалобах на некомпетентных и корыстолюбивых работников сельских Советов[229].

Наряду с восстановлением формальной стороны «советской демократии» власть в 1954—1957 гг. реформирует сельсоветы. Была продолжена разработка положения о сельсовете РСФСР. Для этого на заседании Президиума Верховного Совета СССР 20 февраля 1953 г. была образована комиссия во главе с К. Е. Ворошиловым. Судя по тому, что на места неоднократно направлялись работники аппарата ПВС СССР «для ознакомления с практикой работы сельсоветов и проверки правильности положений в проектах Основных положений о сельсовете», в верхах не были осведомлены о реалиях их работы[230]. Так, проверив в конце 1955 г. работу ряда сельсоветов Рязанской и Тульской областей, сотрудники аппарата ВС СССР обнаружили различное понимание работниками сельсоветов своих функций и разные подходы РИКов к организации их работы. Если сельсоветы ряда районов Тульской области основное время уделяли «мелочной опеке» колхозов, то в Спасском районе Рязанской области райисполком в руководстве ими опирался на МТС, а сельсоветы ориентировал на улучшение работы объектов социальной инфраструктуры и благоустройство сел[231].

Однако новое положение о сельском Совете РСФСР, утвержденное 12 сентября 1957 г., содержало мало нового по сравнению с Положением 1931 г. и вышедшим после его принятия законодательством, касавшимся сельских Советов: с 18 до 12 уменьшилось количество статей, посвященных предмету ведения сельского Совета, сократилась детализация функций (советская государственно-правовая наука и современные авторы подчеркивают размытость формулировок компетенций сельских Советов в положении 1957 г.[232]). Хотя основные функции остались неизменными, сельские Советы лишились права вынесения решений об отсрочке, рассрочке, сложении и возврате сумм

---

[229] *Кометчиков И. В.* Будни и реформы сельсоветов … С. 14—15.
[230] ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 413. Л. 9—10.
[231] РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 29. Л. 135—137, 161.
[232] *Лукьянов А. И.* Развитие законодательства о советских представительных органах власти. (Некоторые вопросы истории, теории и практики). М., 1978. С. 147 ; *Кукушкин Ю. С., Тимофеев Н. С.* Самоуправление крестьян в России (XIX — начало XXI в.). М., 2004. С. 82—83.

по налогам и сборам, зачисляемым в сельский бюджет, взыскании штрафов и недоимок, описи и продажи имущества недоимщиков, исполнении решений сельского суда, постановлений об административных взысканиях, а также привлечении осужденных к принудительным работам, проведении обысков и задержаний и др. Положение 1957 г. сохраняло за сельскими Советами право контролировать поступление налогов и платежей. Им вновь передавались функции по приему налогов, имевшиеся по положению 1931 г., но отмененные постановлением ЦИК и СНК СССР 21 марта 1937 г.[233] Важным нововведением стало изменение порядка утверждения сельского бюджета: если раньше он утверждался райисполкомом, то теперь — сессией сельсовета. Сельскому Совету было предоставлено право при перевыполнении его доходной части расходовать сверхбюджетные средства «кроме увеличения расходов на зарплату и содержание аппарата» (ранее это разрешалось постановлением СНК СССР от 3 августа 1935 г.). Полномочия сельского Совета продлевались с 1 года до 2 лет, его депутатов запрещалось привлекать к судебной ответственности и арестовывать без санкции Совета или его исполкома. Депутат мог направить запрос исполкому сельсовета и руководству организаций на его территории[234]. Указом ПВС РСФСР от 14 июня 1956 г. устанавливалась периодичность созыва сессий сельсовета не реже шести раз в год[235].

В новом Положении, как и в Положении 1931 г., было много общих формулировок, размывавших функции сельсовета. Еще более узким был предмет его ведения. Так, Положение 1931 г. содержало норму, позволявшую сельсовету приостанавливать незаконные постановления колхозов с сообщением РИКу, а в Положении 1957 г. этот пункт отсутствовал. В Положении 1957 г. не говорилось о правах и обязанностях сельсовета в области организационно-массовой и планово-статистической работы, были не полно определены исключительная компетенция сельсовета, права и обязанности его

---

[233] ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 41. Д. 152. Л. 72 ; Положения о сельских Советах депутатов трудящихся : (сборник официальных текстов). М., 1959. С. 5—13 ; СУ. 1931. № 11. С. 142—145.
[234] ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 41. Д. 152. Л. 64; Оп. 75. Д. 552. Л. 49.
[235] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР : в 6 т. / сост. Л. И. Газиянц, И. О. Козлова, Ю. И. Мочек, Н. А. Ноткина и др. ; общ. рук. колл. сост. и отв. ред. В. А. Болдырев. М., 1959. Т. 5 : 1954—1956 гг. С. 494.

исполкома в области управления[236]. Введение нового положения симулировало инициативы мест по расширению полномочий постоянных комиссий. В некоторых регионах принимались решения о делегировании им права принимать обязывающие решения по отношению к подчиненным Советам сельским учреждениям[237]. Однако в целом положение 1957 г. не изменило перекоса в балансе власти на селе в пользу райцентра, так как вновь не предоставило сельским Советам административных прав.

Конец 1950-х — начало 1960-х гг. становится временем окончательного упорядочения формальной стороны деятельности сельских Советов, вписывавшегося в инициативы Н. С. Хрущева по вовлечению в «управление государством» широких слоев населения[238]. Прекращается смещение членов исполкомов, соблюдаются формальности перевыборов, доизбрания депутатов, а количество сельских Советов, нарушавших сроки созыва сессий, к 1963 г. стабилизируется в среднем на уровне 0,5—5 %. К концу 1950-х гг. 60—100 % депутатов сельских Советов Центрального Нечерноземья регулярно отчитывалось перед избирателями. Увеличилось число Советов, заслушивавших отчеты исполкомов о работе. В 1958—1961, 1963 гг. их удельный вес составлял от 76,7 до 100 %. В 1959 г. с содокладами выступило 15,7—47,7 %, в 1960 г. — 25,7—44,5 % постоянных комиссий, на одну из них приходилось в среднем от 1,1 до 2,0 содокладов[239].

Но налаживание формальной стороны «советской демократии» не привело к повышению статуса сельских Советов среди институтов политической власти. Как и в первое послевоенное время, они по-прежнему были не в состоянии в одиночку обеспечить проведение важных мероприятий, что подтвердилось в ходе «соревнования» с США по производству продуктов животноводства, когда село наводнили уполномоченные, «помогавшие» им ор-

---

[236] Ср.: Хронологическое собрание законов … Т. 3 : 1930—1934 гг. С. 127—134; Т. 6 : 1957 г. С. 487—495 ; *Кукушкин Ю. С., Тимофеев Н. С.* Самоуправление крестьян … С. 82—83.
[237] *Лепешкин А. И.* Советы — власть народа. 1936—1967 гг. М., 1967. С. 273—276 ; Памятка депутата местного Совета. Калуга, 1965. С. 3 ; Советы за 50 лет / гл. ред. проф. С. Ф. Найда. М., 1967. С. 444.
[238] *Пыжиков А. В.* Политические преобразования в СССР … С. 204.
[239] *Кометчиков И. В.* Будни и реформы сельсоветов … С. 15.

ганизовать закупки продуктов у населения[240]. Для многих на селе председатель сельсовета оставался должностным лицом, обладающим, прежде всего, рядом «канцелярских» функций по документальной фиксации изменений в составе семьи и ее имуществе. Даже в архивных фондах райкомов КПСС, в чью учетно-контрольную номенклатуру входили должности их председателей, содержится относительно немного писем, в которых они бы фигурировали, что затрудняет выявление спектра реакций сельского населения на контакты с ними. Самой распространенной темой выявленных писем, «героем» которых был председатели сельсоветов, являлись жалобы на злоупотребления и пьянство за счет подношений нуждавшихся в справках. Из колхоза «Авангард» Кировского района Калужской области летом 1958 г. сообщали: «Много в сельсовет без пол-литра не ходи. <Председатель сельского Совета> всегда пьяный и все нам грозит, я, мол, вам покажу, вы меня будете знать. Если узнает, кто получил получку, то берет за лапку и давай пол-литры…»[241]

Принятие в 1957 г. нового положения о сельском Совете, а также постановления Президиума ЦК КПСС от 17 марта 1959 г. «Об укреплении и повышении роли местных Советов депутатов трудящихся» оживили дискуссии о месте, которое низовые советские органы должны занять в управлении селом. Некоторые предложения содержали, по сути, новое положение о сельском Совете, принятие которого могло стать правовой основой формирования дееспособного сельского самоуправления по образцу волисполкомов начала 1920-х гг.[242]. Однако подобные инициативы, связанные с пересмотром объема административных прав сельских Советов, находились вне основной тенденции развития «советской демократии». По справедливому замечанию А. В. Пыжикова, критерием прогресса здесь были количественные параметры, связанные с привлечением к участию в системе Советов и решению акту-

[240] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 1820. Л. 105—106, 225—226; Д. 1830. Л. 106 об.; Д. 1833. Л. 54; Д. 1834. Л. 13.
[241] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 1843. Л. 53 об.; Д. 1844. Л. 29; Д. 1586. Л. 141 ; ГАДНИКО. Ф. П-34. Оп. 27. Д. 45. Л. 23.
[242] РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 147. Л. 202—218.

альных для власти проблем как можно большего числа людей[243]. В то же время власть предлагает широким слоям населения оказать содействие в поддержании общественного порядка, в борьбе с преступностью, усилении контроля за соблюдением законности, «советской морали», утверждая для этого такие формы «сотрудничества», как товарищеские суды, народные дружины, женсоветы, группы народного контроля и т. д.[244] Власти расширяли компетенцию сельских товарищеских судов с точки зрения «подсудности» дел и применяемой ими санкции. К расширительному толкованию полномочий были склонны и члены таких судов[245]. Быстро росли ряды народных дружин, объединявшие к 1960 г. 2,5 млн чел.[246] Административные права низовых Советов начали расширяться лишь в конце 1960-х гг.[247], что было закреплено в Положении о сельском, поселковом Совете 1968 г., существенно расширившим предмет его ведения и административные права, особенно в бюджетно-финансовой сфере[248]. Расширение административных прав сельсовета отразилось и на росте расходной части сельских бюджетов: в 1950—1970 гг. в РСФСР она выросла в 3,9 раза, обогнав расходы по районным бюджетам (выросли 2,7 раза). Наибольшая часть прироста пришлась на 1960—1968 гг.[249]

Однако, несмотря на эти новации, сложившиеся в довоенные годы принципы и практика функционирования сельских Советов Центрального Нечерноземья, за которыми стоял приоритет интересов государства над развитием локальных территорий, консервировали их роль в системе политической власти над селом до конца 1960-х гг. прежде всего как приводных ремней надпроизводственного менеджмента и протобуржуазии деревни. Непре-

---

[243] *Пыжиков А. В*. Политические преобразования в СССР … С. 215, 249.
[244] Справочник партийного работника. Вып. 4. С. 555—561.
[245] *Пыжиков А. В*. Хрущевские эксперименты в правоохранительной сфере (конец 1950-х — начало 1960-х гг.) // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 104.
[246] *Пыжиков А. В*. Политические преобразования в СССР … С. 249.
[247] *Кукушкин Ю. С., Тимофеев Н. С*. Самоуправление крестьян … С. 83.
[248] Закон РСФСР от 16 июля 1968 г. «О сельском, поселковом Совете депутатов трудящихся» [Электронный ресурс] : сайт «Библиотека правовых актов Союза Советских Социалистических Республик». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6855.htm (дата обращения: 16.06.2022) ; Хронологическое собрание законов … Т. 6 : 1957 г. С. 487—495.
[249] Подсчитано по: Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик. М., 1966. С. 107 ; Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик. 1966—1970 гг. С. 115.

рывные укрупнения колхозов, преобразование их в совхозы, сосредоточение в учреждениях райцентра основных функций по снабжению, кадровому обеспечению, руководству их производством сделали фикцией право сельских Советов участвовать в управлении ими, а малый объем бюджетных прав выхолащивал попытки улучшить социальную инфраструктуру села. Для всего этого сельские Советы в изучаемый период не располагали ни кадрами, ни материальными ресурсами, ни юридическими механизмами.

2.4. Первичные парторганизации как инструмент политической власти в деревне

Средством упрочения власти надпроизводственного менеджмента и протобуржуазии деревни выступали и ее первичные парторганизации, создававшиеся по территориально-производственному признаку и действовавшие на основе «демократического централизма»[250]. Выяснение их места и роли в системе политической власти над деревней следует начать с рассмотрения ключевого для их функционирования института персонального партийного учета и связанной с ним системы единого партбилета. Посредством них обеспечивалось прикрепление коммунистов к месту работы и жительства.

Единая форма партбилета была утверждена еще в январе 1920 г. на пленуме ЦК РКП(б) (до этого в ходу были его разные формы, печатавшиеся на местах, отличавшиеся форматом, составом сведений о коммунисте, не имевшие единой в масштабе партии нумерации и т. д.). Первый обмен пардокументов был проведен в 1922 г., после чистки партии и Всероссийской партпереписи[251]. Система единого партбилета сложилась в основном к 1926 г., в 1927 г. был проведен обмен партбилетов на новые — образца 1927 г. Они просуществовали до 1936 г., когда после чистки партии 1933—1934 гг. и

[250] XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии(б) … С. 679 ; XIX съезд ВКП(б)-КПСС 5—14 октября 1952 г. : документы и материалы (электронное издание) ; XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза … Т. 3. С. 343.

[251] Сборник циркуляров, положений и инструкций по учету и распределению членов РКП(б). М., 1922. С. 13—15.

проверки партдокументов 1935 г. была установлена новая форма партбилета и проведен их обмен. При этом было установлено, что не только партбилет, но и кандидатская карточка должны были иметь единую форму и изготовляться централизованно. Решением ЦК ВКП(б) были введены регистрационные бланки на членов и кандидатов в члены ВКП(б), которые заполнялись перед выдачей партдокументов и являлись копией ряда граф учетной карточки — основного документа персонального учета коммунистов. После вручения партдокументов они, как и отчетные карточки (контрольный документ, подтверждавший выдачу коммунистам партдокументов), высылались в ЦК ВКП(б). Ужесточался порядок заполнения и вручения партдокументов. Новые партдокументы взамен утерянных или похищенных могли выдаваться коммунисту только по решению обкома, крайкома, политуправления и т. д. Вводился строгий учет за погашением партдокументов выбывших и исключенных из ВКП(б) и новые формы учета.

На XIX съезде партии было решено вновь поменять партдокументы, что объяснялось массовым передвижением коммунистов в годы войны, переименованием партии, наличием около 2 млн непогашенных партбилетов и кандидатских карточек. При этом порядок выдачи партдокументов и система учета коммунистов не менялись, чистка партии не объявлялась, однако секретари РК, ГК КПСС, начальники политоделов должны были проверять подлинность партдокументов старого образца, действительную их принадлежность коммунисту, сверять записи в них с учетными карточками. Им же предоставлялось право решать вопрос о возможности замены партдокументов. Коммунисты, не обменявшие свои партдокументы в установленный срок без уважительных причин, считались выбывшими из КПСС. Партдокументы образца 1954 г. действовали до 1969—1970 гг.[252]

Согласно действовавшим в изучаемый период инструкциями, основным документом учета состава и движения коммунистов являлась учетная

[252] *Спиридонов В. Г.* Партийный учет и партийное хозяйство. Изд. 2-е, доп. М., 1977. С. 9—14 ; *Карягина Л. В*. Информационное пространство учетных партийных документов и возможности его использования (по материалам РГАНИ) // Делопроизводство. 2012. № 1. С. 112—115.

карточка, имевшая один номер с партбилетом или кандидатской карточкой. Она содержала основные данные о коммунисте: фамилию, имя и отчество, год рождения, время вступления в партию, наименование парторгана, выдавшего партбилет, национальность, социальное положение, время пребывания в ВЛКСМ, парторган, утвердивший прием кандидатом в члены партии, данные об образовании и трудовой деятельности, знании иностранных языков, правительственных наградах, отношении к воинской службе, наложении и снятии партвзысканий, привлечении к уголовной ответственности и снятии судимости, об изменениях в занятиях, выбытии и прибытии в парторганизацию и др.

Персональный учет коммунистов на основе учетных карточек должен был вестись РК и ГК ВКП(б) под контролем их руководства и только там они и могли храниться. Для этого формировались их картотеки, карточки в которых были систематизированы по первичным парторганизациям, а в них — в алфавитном порядке отдельно по членам и кандидатам в члены партии. Кроме того «для текущих справочных целей» существовали и алфавитные картотеки без деления на первичные парторганизации и членов и кандидатов, но с делением на наличный состав парторганизации и выбывших. Для разработки статданных о составе и движении районной парторганизации на каждого коммуниста по данным его учетной карточки составлялась статистическая карточка. В первичных парторганизациях учет коммунистов велся по списку или книге установленной ЦК ВКП(б) формы. Только для оформления передвижения коммунистов ЦК ВКП(б) было установлено 14 форм учетных документов[253]. Таким образом, любая существенная перемена в статусе и личных данных коммуниста получала документальную фиксацию в картотеках персонального учета.

[253] О партийном хозяйстве. М., 1944. С. 46 ; Партийное хозяйство : сборник документов и материалов. М., 1945. С. 21—22 ; Инструкции ЦК ВКП(б): О проведении выборов руководящих партийных органов. Об учете членов и кандидатов ВКП(б). О порядке передвижения членов и кандидатов в члены ВКП(б) из одной партийной организации в другую. О членских взносах членов и кандидатов партии. М., 1948. С. 16—26 ; *Спиридонов В. Г.* Партийный учет и партийное хозяйство. С. 17—18.

При переезде коммуниста учетная карточка не выдавалась ему на руки, а пересылалась через спецсвязь НКС СССР на имя секретаря РК, ГК ВКП(б), куда он выбывал. Перемещение из одной парторганизапции в другую в пределах района, города, округа допускалось только с разрешения руководства РК, ГК или окружкома партии, за их пределы и за пределы региона — с разрешения регионального парткома, при вхождении коммуниста в номенклатуру вышестоящего парторгана — тем парторганом, в номенклатуре которого находилась занимаемая им должность. Дополнительное разрешение РК, ГК ВКП(б) на снятие с учета не требовалось только при передвижении коммуниста на другую работу по решению ЦК ВКП(б) или регионаьного парткома. Выбывавшему выдавался открепительный талон установленной ЦК ВКП(б) формы. При прибытии в парторганизацию, куда он не был отпущен, коммунист мог быть принят на учет временно и только с согласия парторгана, который разрешил его выезд. Постановка на учет без открепительного талона была запрещена, а ее отсутствие лишало возможности уплаты членских взносов, что по истечении трех месяцев без уважительных причин влекло автоматическое выбытие из партии[254]. 26 марта 1963 г. Секретариат ЦК КПСС разрешил парткомам производственных управлений заочно снимать и ставить на учет коммунистов территориально отдаленных первичных парторганизаций при переходе из одной в другую в пределах района[255]. Право выбора первичной организации КПСС было предоставлено коммунистам только в 1991 г.[256]

Как функционировал институт персонального партучета? Прежде всего, он должен был способствовать целесообразному, с точки зрения верхов

---

[254] XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии(б) … С. 678 ; Справочник секретаря первичной партийной организации / ред. комис.: М. Т. Ефремов, Я. В. Сторожев, В. М. Чураев. М., 1960. С. 84—85 ; XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза … Т. 3. С. 340—341 ; Инструкции ЦК ВКП(б) … С. 43—44 ; Инструкция об учете членов и кандидатов ВКП(б) (Утверждена ЦК ВКП(б) 23 ноября 1939 г.). М., 1941. С. 4 ; Инструкция об учете членов и кандидатов в члены КПСС (Утверждена ЦК КПСС 13 марта 1957 года). М., 1957. С. 7—8 ; Инструкция об учете членов и кандидатов в члены КПСС (Утверждена ЦК КПСС 7 августа 1962 года). М., 1962. С. 5—6 ; Инструкция об учете членов и кандидатов в члены КПСС (Утверждена ЦК КПСС 7 августа 1962 года, частичные изменения внесены 2 июля 1966 года). М., 1966. С. 7—9 ; РГАСНИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 189. Л. 106.

[255] Инструкция об учете членов и кандидатов в члены КПСС (Утверждена ЦК КПСС 7 августа 1962 года, частичные изменения внесены 2 июля 1966 года). М., 1966. С. 50 ; ГАНИСО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 27. Л. 86.

[256] Инструкция об учете членов КПСС и партийной статистике // Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 23—24.

партии, распределению партийных сил, их селекции по принципам политической преданности и поэтому был заострен против коммунистов, которые вели себя не так, как от них ожидалось. Еще в конце 1930-х гг. бюро обкомов ВКП(б) запретили зав. отделами обкома ВКП(б), РК ВКП(б), советским и хозяйственным организациям отзыв из районов коммунистов, состоящих в номенклатуре обкома, ГК и РК ВКП(б), а также перемещение их внутри районов с одной работы на другую без разрешения ОК, ГК и РК ВКП(б). РК ВКП(б) предоставлялось право не снимать их с учета[257]. Но даже такие меры не гарантировали выявление всех тех, кто считался неблагонадежным. Так, по данным ЦК ВКП(б), почти 10 тыс. «троцкистов и зиновьевцев» «удалось обмануть свои парторганизации» и пройти проверку партдокументов, при их обмене было исключено 3,3 тыс. чел., еще 6,6 тыс. чел. — после обмена к 1 февраля 1937 г.[258]

Значительно усложнила персональный учет война. Партийное хозяйство 199 ГК и РК ВКП(б) западных районов страны не было вывезено, а числилось уничтоженным на месте, в том числе 41 800 учетных карточек коммунистов (еще 19 тыс. карточек уничтожили политотделы армии). При этом часть учетных карточек не была уничтожена и «попала к немцам». Усложнил ситуацию перевод на партучет в политорганы Красной армии большого числа коммунистов вследствие мобилизации, замедление и нарушение документооборота между ЦК ВКП(б) и региональными парткомами, между последними и политорганами РККА, наплыв в тыловые регионы коммунистов из местностей, подвергшихся оккупации, необходимость перерегистрации оставшихся на оккупированных территориях «без спецзадания» и т. д.[259] Следует отметить, что только с 1 июля 1941 г. по июля 1942 г. численность парторганизаций прифронтовых областей и областей, оккупированных гитлеровцами, уменьшилась в 5 раз, при этом в них по разным причинам не бы-

[257] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 1. Д. 3. Л. 253 ; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 242. Л. 161.
[258] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 541. Л. 9.
[259] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 15. Л. 90—94, 98—109, 122—115, 139—140; Д. 16. Л. 2—4; Д. 17. Л. 100; Д. 20. Л. 58—62, 97—100, 107—108 об.; Д. 25. Л. 1—5, 10—11; Д. 56. Л. 43, 75; Д. 292. Л. 13, 244 ; *Карягина Л. В*. Информационное пространство учетных партийных документов … С. 112—115.

ло учтено около 160 тыс. коммунистов, из которых около 69 тыс. «самовольно оставались на территории, занятой противником», 40 тыс. не встали на учет после эвакуации, 6 тыс. уничтожили свои партдокументы во время оккупации. Всего же на 1 июля 1942 г. не было учтено около 456 тыс. коммунистов (11 % состава партии)[260]. К концу 1943 г. не было учтено около 800 тыс. коммунистов. С начала войны по 1 мая 1946 г. местные парторганизации недоучли 1284 тыс. коммунистов (около 14 % состава партии), из них 937 тыс. чел. числились за военными парторганами, 346 тыс. — за территориальными. С 1 июля 1941 г. по 1 июля 1945 г. не было учтено 123 тыс. коммунистов парторганизациями областей, подвергавшихся оккупации. С 1 июля 1945 г. по 1 мая 1946 г. в стране не были учтены еще 203 тыс. коммунистов, выбывших из одной парторганизации и не вставших на учет в другой[261].

Даже работники ЦК ВКП(б) вынуждены были признать, что инструкция ЦК 1939 г. о передвижении коммунистов из одной парторганизации в другую в начале войны была фактически отменена и к 1946 г. не соблюдалась. Было широко распространено снятие с учета без открепительных талонов и без разрешения ОК ВКП(б), прием на постоянный учет без вызова коммунистов в РК, ГК ВКП(б), длительное нахождение большого их числа на временном учете, невнесение в учетные карточки данных о трудовой деятельности и образовании и др., прием на учет секретарями первичных парторганизаций без ведома парткомов и т. д.[262]

В первые послевоенные годы контроль РК и ГК ВКП(б) за составом и передвижениями коммунистов подведомственных им парторганизаций деревни посредством персонального учета постепенно был восстановлен. Продолжилась перерегистрация коммунистов, остававшихся на оккупированных территориях «без спецзадания». В результате в областях Запада РСФСР доля исключенных из партии составляла 66—98 % из числа тех, чьи дела были

[260] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 25. Л. 14—15, 21.
[261] Там же. Д. 56. Л. 44; Д. 189. Л. 97, 99.
[262] Там же. Д. 189. Л. 100—102.

рассмотрены[263]. По всей стране с 1 июля 1945 по 1 июля 1947 г. за пребывание на оккупированной территории «без спецзадания», пассивное поведение было исключено 29 % удаленных из ВКП(б) (на первом месте находились исключенные за должностные преступления и «морально-бытовое разложение» — 37,8 %)[264]. В конце 1947 г. был разработан проект постановлкния ЦК ВКП(б) о передаче региональным парткомам, ЦК компартий ССР и политуправлениям военных округов исключительного права решать вопрос о выдаче коммунистам партдокументов в случае уничтожения их учетной карточки в годы войны[265].

Даже с учетом всех сложностей налаживания персонального учета коммунистов в первые послевоенные годы, немалой доли субъективизма, сопровождавшей решения секретарей парткомов о постановке и снятии с партучета, выдачи новых партдокументов взамен утраченных и т. д., этот институт можно считать важнейшим средством консолидации политической власти партруководства в сталинскую и хрущевскую эпохи. Опираясь на принцип «демократического централизма», предполагавший в том числе «подчинение меньшинства большинству», руководство парткомов могло напрямую требовать от любого члена подведомственной парторганизации выполнения данного партпоручения. С другой стороны, политический вес конкретного партруководителя не в последнюю очередь зависел от величины и сплоченности рядов стоящей за ним парторганизации. Первичные парторганизации выступали важным средством обеспечения представительства на партийных форумах разного уровня. Чем более массовыми и многочисленными они были, тем большее влияние на ход дел в парторганизации имело контролировавшее их руководство.

Из числа коммунистов производились назначения на должности, входившие в номенклатуру, так как членство в партии, длительный партстаж

---

[263] Суровые сороковые… : Калужский край в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. / И. В. Кометчиков и др. ; редкол. В. Я. Филимонов, К. В. Чеченков, Д. Э. Миронов. Калуга, 2015. С. 220 ; *Комаров Д. Е.* Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск, 2015. С. 298 ; ГАБО. Ф. П-1649. Оп. 1. Д. 1477. Л. 195 ; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 98. Л. 176—177.

[264] *Зубкова Е. Ю.* Кадровая политика и чистки в КПСС (1945—1956) // Свободная мысль. 1999. № 3. С. 124.

[265] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 292. Л. 13, 17—18.

выступали основным критерием политического доверия (И. В. Сталин еще в начале 1920-х гг. называл партию «орденом меченосцев внутри государства Советского, направляющего органы последнего и одухотворяющего их деятельность»[266]). Так как членство в партии давало весомые материальные преимущества — возможность получить высокооплачиваемую, в том числе руководящую, работу, а исключение или отсутствие партбилета могли стать непреодолимым барьером. Неслучайно коммунисты в глубинке неформально называли партбилет «хлебной карточкой». Но, как уже говорилось, институт партучета затруднял уклонение от партийных чисток тем, кому было что скрывать. Руководству же парткома он давал возможность по своему усмотрению «в интересах дела» манипулировать кадрами парторганизации, переводя коммунистов из одной первичной парторганизации в другую. Известны многочисленные конфликты, причинами которых были невыполнение или ненадлежащее, по мнению секретарей, выполнение коммунистами партпоручений, сопровождавшиеся угрозами со стороны секретарей РК «не выпустить чистым из района», потому что «состоишь не в министерстве на учете, а у нас»[267], и т. д. Коммунисты подчас фактически пользовались иммунитетом от уголовного преследования. Для привлечения их к ответственности органы правопорядка зачастую должны были сначала получить санкцию соответствующего парторгана¸ чему должно было предшествовать исключение из партии[268]. Местные парторганы вмешивались в ход возбуждения в отношении них уголовных дел, в следствие, влияли на определение приговора[269].

Через первичные организации руководство парткомов распоряжалось другим средством внеэкономического принуждения политического происхождения — госнаградами. По представлению региональных парткомов награды давали и отбирали, как, например, поступили в отношении некоторых руководителей Рязанской области по итогам расследования «рязанского

---

[266] *Сталин И. В*. Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 71.
[267] *Кометчиков И. В*. «На то я чекист, чтоб обвести райком партии» … С. 77—107 ; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 236. Л. 23; ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 849. Л. 158—164.
[268] ГАНИСО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 17. Л. 16—18.
[269] ГАТО. Ф. 177. Оп. 31. Д. 102. Л. 499, 502—505.

дела»[270], а взрывной рост награждений в брежневскую эпоху был связан со стремлением руководства страны использовать награды как стимул в условиях падения производительности труда и сворачивания экономических реформ[271].

Опираясь на институт персонального учета, центральное и местное партруководство на протяжении всего изучаемого периода стремилось расширить сеть, увеличить состав первичных парторганизаций деревни, усилив посредством них влияние на ее экономику. Согласно Уставу КПСС, первичные парторганизации должны были привлекать новых членов, содействовать их политпросвету, помогать руководящим структурам партии в выполнении директив, мобилизовывать беспартийных. Важнейшей их прерогативой было право контроля администраций предприятий, обоснованное еще в докладе А. А. Жданова на XVII съезде ВКП(б) и повторявшееся в редакциях Устава партии, принятых XIX и XXI съездами[272]. Представляется, что в изучаемый период регулирование состава, численности и функционирования ячеек КПСС на селе Центрального Нечерноземья в первую очередь преследовало реализацию этой установки, включавшей не только преодоление объективных и организационных трудностей роста низовых структур партии, но и отработку их политического влияния на капитализировавшееся колхозно-совхозное производство.

Налаживание контроля над деревней посредством ячеек ВКП(б) затруднялось обстоятельствами военного времени. К ее окончанию 45—50%-й прирост довоенной численности коммунистов наблюдался только в областях, не знавших оккупации и боевых действий. В остальных он не превышал 17 %[273]. Усиленный прием в партию на фронте привел к тому, что на 1 января 1946 г. члены и кандидаты в члены ВКП(б) военного призыва составляли

---

[270] Региональная политика Н. С. Хрущева … С. 309—311.
[271] *Дённингхаус В., Савин А.* «Смотришь, и Мане, и Тане какой-то “Знак Почёта” попадает» : Брежневская «индустрия» награждений и советское общество // Российская история. 2014. № 2. С. 133—134, 149.
[272] XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии(б) … С. 28, 535 ; КПСС в резолюциях … Т. 7. С. 105; Т. 8. С. 298; Т. 10. С. 201.
[273] Подсчитано по: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 16. Л. 99, 100, 101.

72,4 % ее состава[274]. В парторганизациях Центрального Нечерноземья их удельный вес доходил до 75 %[275]. С одной стороны, «военное» поколение отличалось от однопартийцев с довоенным партстажем, так как не знало массовых чисток, обладало самосознанием победителей. Многие его представители видели Западную Европу взглядом, мало замутненным пропагандой[276]. С другой стороны, значительная его часть имела скромный общеобразовательный уровень и опыт участия в хозяйственно-политических кампаниях. Тем не менее именно за счет демобилизованных в 1945—1947 гг. в основном росли региональные парторганизации, сеть первичных парторганизаций села[277].

Демобилизация обострила задачу регулирования численности рядов ВКП(б). В постановлении ЦК ВКП(б) от 26 июля 1946 г. «О росте партии и о мерах по усилению партийно-организационной и партийно-политической работы с вновь вступившими в ВКП(б)», кроме указаний на недопустимость огульного подхода при приеме, парторганизациям села предлагалось улучшить работу по отбору в партию передовиков[278]. Фактически речь шла о сдерживании приема, ограничивать который ЦК регулярно требовал и позднее[279]. Однако во многих парторганизациях, нуждавшихся в пополнении, эти директивы выполнялись непоследовательно[280]. В 1951 г. темпы прироста рядов коммунистов в областях Центрального Нечерноземья составляют 4—7,3 %, в 1952 г. — 1,9—6 %. В 1953 г. происходит понижение приема и рост количества исключенных, что, как представляется, было связано со смертью Сталина и последовавшими политическими катаклизмами: прием в КПСС

---

[274] *Зубкова Е. Ю.* Кадровая политика и чистки в КПСС (1945—1956). С. 118.

[275] Подсчитано по: Тульская областная организация КПСС в цифрах. 1917—1984 : статистический сборник. Тула, 1986. С. 17, 77 ; Очерки истории Рязанской организации КПСС / гл. ред. Н. С. Приезжев. М., 1974. С. 380 ; Очерки истории Ярославской организации КПСС. 1938—1965 / науч. ред. В. Т. Анисков. Ярославль, 1990. С. 113, 131 ; Очерки истории Калининской организации КПСС / пред. редкол. В. И. Смирнов. М., 1971. С. 691—692 ; Очерки истории Владимирской организации КПСС / отв. ред. С. И. Сурниченко. Изд. 2-е, доп. Ярославль, 1972; С. 370 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 106. Л. 27.

[276] *Зубкова Е. Ю.* Кадровая политика и чистки в КПСС (1945—1956). С. 119.

[277] *Кометчиков И. В.* Сельские первичные организации КПСС Центрального Нечерноземья середины 1940-х — начала 1960-х гг.: численность, состав, функционирование // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 11 (49). Ч. 1. С. 108.

[278] КПСС в резолюциях … Т. 8. С. 25, 27.

[279] *Романовский Н. В.* Лики сталинизма. М., 1995. С. 126 ; Отчетный доклад ЦК ВКП(б) XIX съезду партии …

[280] *Кометчиков И. В.* Сельские первичные организации КПСС … С. 108.

сокращается до 1,7—2,7 % состава областных парторганизаций, а количество исключений, напротив, возрастает до 0,8—2,6 % их состава[281].

Особенность увеличения числа коммунистов на селе в 1945—1953 гг. состояла в том, что оно шло в основном не за счет колхозников, рабочих совхозов и МТС, а благодаря приему работников, учитывавшихся как «служащие», что подчеркивало приоритет, отдававшийся управленческим структурам, контролировавшим экономику деревни[282]. К середине 1947 г. в 10 областях Центрального Нечерноземья там работало 35—50 % сельских партийцев, а в колхозном производстве — 50—60 % коммунистов-колхозников (в Брянской области — 34,1 %, в Ивановской — 20,3 %)[283]. Итогом послевоенного партийного призыва с преимущественным приемом административных работников стало увеличение состава региональных парторганизаций Центрального Нечерноземья к началу 1953 г. по сравнению с 1945 г. в 1,5—3 раза.

Избирательный прием в партию соседствовал с чистками (хотя формально от них отказались еще на XVIII съезде ВКП(б)[284]. Поводом для этого стала война, воспринимавшаяся властью как проверка на преданность советскому строю. Если в 1945 г. количество исключенных из ВКП(б) в большинстве облпарторганизаций Центрального Нечерноземья колебалось в пределах 0,2—1,8 % их состава (только в Брянской области — 6,5 %), то уже в 1947 г. оно резко увеличилось и составило 1,2—3,8 %. В парторганизациях семи областей количество исключенных из ВКП(б) в 1947 г. существенно превысило число принятых[285].

Важным фактором, влиявшим на ограничение приема в партию сельских коммунистов, была степень усвоения ими доктрины ВКП(б). В первые послевоенные годы в стране была развернута сеть учреждений политического просвещения. Ее низовое звено, ориентированное на работу с сельскими

---

[281] РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 18. Л. 60—69, 96—115, 120—123; Д. 19. Л. 96—111.
[282] *Кометчиков И. В.* Сельские первичные организации КПСС … С. 108.
[283] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 221. Л. 158—159, 161—162.
[284] XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии(б) … С. 519—520.
[285] Подсчитано по: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 16. Л. 110—119, 124—125; Д. 17. Л. 134—143, 148—149.

коммунистами, составляли кружки и политшколы по изучению истории ВКП(б), биографий и трудов вождей. Повышение кандидатом в члены КПСС своего идейного уровня являлось обязательным по Уставу партии. Однако начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров прямо указывал на политическую безграмотность 70—80 % коммунистов[286]. Одной из основных причин этого, безусловно, была война. Но существовали и другие. В отличие от предвоенных лет, когда «основным методом изучения марксизма-ленинизма» объявлялось ее самостоятельное изучение[287], теперь на первый план выдвигалось развитие кружковых форм. Задача образовать пополнение партии ставилась в партийной прессе[288]. Как директива она прозвучала в постановлении ЦК ВКП(б) от 26 июля 1946 г.[289] Выполняя один из его пунктов, сотрудники Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) составили программу и план занятий политшкол при первичных парторганизациях, рассчитанные на формирование элементарных познаний по истории советского строя, его ближайших и стратегических целей, места и роли партии. За 5—6 месяцев политшколы должны были подготовить коммунистов к изучению «Краткого курса истории ВКП(б)»[290]. В создававшейся сети политпросвещения они занимали одну из начальных ступеней[291]. Еще более элементарные знания давали кружки по изучению биографий Ленина и Сталина[292], а также сборник выступлений, приказов и приветствий Сталина[293]. Стержнем сети политпросвета были кружки по изучению истории партии, где осваивался учебник «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс» основного и повышенного (с одновременной работой над произведениями классиков марксизма, включая сочинения Ста-

---

[286] *Данилов А. А., Пыжиков А. В.* Рождение сверхдержавы : СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 191.
[287] Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). М., 1947. С. 368—369, 374—375.
[288] Партийное строительство. 1946. № 4. С. 29, 32—33; № 7—8. С. 26; № 9—10. С. 28.
[289] КПСС в резолюциях … Т. 8. С. 26, 28—30.
[290] Партийная жизнь. 1946. № 1. С. 50.
[291] Партийная жизнь. 1946. № 3. С. 60—69.
[292] Иосиф Виссарионович Сталин : (краткая биография). М., 1944 ; Иосиф Виссарионович Сталин : краткая биография. 2-е изд., доп. и испр. / сост. Г. Ф. Александров, М. Р. Галактионов, В. С. Кружков, М. Б. Митин, В. Д. Мочалов, П. Н. Поспелов. М., 1948.
[293] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М., 1950.

лина) типов. Основная масса сельских коммунистов охватывалась вышеперечисленными формами политпросвещения. Верхними ступенями считалось изучение политэкономии социализма, истории советской экономики, международных отношений и внешней политики СССР, диалектического и исторического материализма, истории СССР по изданным в 1940-е — начале 1950-х гг. пособиям. Задача низовой сети политпросвета была той же, что и системы переподготовки руководящих кадров партии, — повысить эффективность низовых институтов власти в хозяйственных делах.

Развертывание сети политпросвета (особенно ее низовых форм) в первые 3—4 года после постановления ЦК ВКП(б) от 26 июля 1946 г. позволило охватить политучебой большинство коммунистов, что было важным показателем успешности пропагандистской работы местных парторганов в отчетах обкомов ВКП(б). Судя по ним, основная масса партийцев успешно осваивала учебный материал. На деле за этим могли скрываться поверхностное усвоение слушателями материала и незначительный процент изучающих политграмоту в общей массе сельского населения. В качестве более точного показателя можно рассматривать количество кандидатов в члены ВКП(б) с просроченным кандидатским стажем. По Уставу ВКП(б) 1939 г. он составлял год, за который кандидат должен был ознакомиться с Программой, Уставом и тактикой партии[294]. Однако многим обстоятельства тех лет и сама сеть политпросвета не обеспечивали своевременного прохождения кандидатского стажа: при охвате политучебой 70—90 % коммунистов столько же имели просроченный кандидатский стаж[295]. Часто даже политграмотность самих руководителей воспринималась деревней как поверхностная[296].

Сдерживание приема в ВКП(б) на селе, чистки рядов сельских коммунистов, преобладание до начала 1950-х гг. мелких колхозов предопределили доминирующий тип первичной парторганизации. Долгое время им была сельская территориальная (при сельсовете), объединявшая коммунистов его

[294] КПСС в резолюциях … Т. 7. С. 97.
[295] *Кометчиков И. В.* Сельские первичные организации КПСС … С. 109.
[296] ГАДНИКО. Ф. П-30. Оп. 5. Д. 622. Л. 33—34.

центра и округи. С точки зрения главной на тот момент задачи, как ее определял ЦК ВКП(б) — «борьбы за план»[297], это было оправдано. Поэтому многие сельские территориальные парторганизации превратились в своеобразные «подрайкомы», вмешивающиеся в дела колхозов, где были первичные парторганизации, и колхозов, где не было коммунистов[298]. В 1953 г. в сельской территориальной парторганизации в Центральном Нечерноземье состояло в среднем от 5,2 до 11,2 коммуниста (в Московской области — 16,8)[299]. Формирование партячеек по территориальному принципу консервировало слабый уровень их влияния на периферийные колхозы, обусловливало распространенность чрезвычайщины. В середине 1947 г. в восьми из 10 областей Центрального Нечерноземья более 80 % сельхозартелей не имели первичных парторганизаций, а в шести областях более 50 % коммунистов-колхозников в них не состояло[300].

Количественно колхозные парторганизации стали преобладать над сельскими территориальными в Центральном Нечерноземье только в начале 1950-х гг., когда после укрупнения количество колхозов сократилось в 3 раза. В конце 1952 г. первичные парторганизации имелись в 61,5—84,9 % колхозов (во Владимирской области — 92,9 %, в Рязанской — 93,3 %). В составе большинства первичек при этом находилось 11,4—24 % членов облпарторганизаций (в Московской области — 2,3 %, в Ивановской — 26,9 %)[301]. В определенной степени такая перегруппировка носила компенсирующий характер: в условиях миграции колхозников в города она должна была усилить влияние парторганизаций. Основными его формами в указанный период являлись агитационно-пропагандистское воздействие, а также организация «социалистического соревнования» (еще в мае 1942 г. оно приобрело масштабы Всесоюзного, к началу 1944 г. им было охвачено более 80 % рабочих).

---

[297] Задачи партийной работы в современных условиях // Партийная жизнь. 1946. № 1. С. 18.
[298] КПСС в резолюциях … Т. 7. С. 105.
[299] Подсчитано по: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 19. Л. 60—75.
[300] Подсчитано по: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 221. Л. 146, 154, 156, 162.
[301] Подсчитано по: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 18. Л. 60—69, 96—115, 120—123.

В послевоенные годы организация отраслевых соцсоревнований под контролем региональных парткомов была продолжена[302].

Однако и официальные документы, и партийные историки значительно переоценивали уровень политической «сознательности» и «активности» сельских коммунистов: на деле они часто были невысокими. Самыми подготовленными секретарями первичных парторганизаций были работники умственного труда (избач, учитель, работник сельского Совета, правления колхоза, финагент), многие из которых не были заняты на производстве и не имели возможности повседневно «передавать мобилизационное напряжение» на фермы и в бригады. Внутрипартийная и массово-политическая работа на селе, выражаясь партийным языком, хронически отставала от задач «хозяйственно-культурного строительства». Причинами этого были, с одной стороны, материальные трудности, которые переживали многие сельские партийцы, а с другой — концентрация РК партии на экономике[303]. Сами секретари райкомов ВКП(б) и актив района часто были невысокого мнения о возможностях сельских партячеек. В своем объяснении Смоленскому обкому КПСС по жалобе Н. С. Хрущеву член бюро Шумячского РК ВКП(б), сетуя на «укрывательство» хлеба председателями колхозов, указывал: «Справедливо в жалобе отмечается, что районный партийный актив все же часто посылается райкомом в колхозы и первичным парторганизациям все же мало оказывает помощи в работе <…> больше работает за председателей колхозов и секретарей парторганизаций, иногда подменяя их, потому что они самостоятельно не решают вопросы так, как это требуется, по-государственному…»[304] Такое же мнение о сельских первичках встречалось в письмах населения. Побывавший в колхозе «13 лет РККА» Становлянского района Орловской области армейский политработник подытоживал впечатления от увиденного в письме в «Правду» в начале 1950 г.: «Если спросишь у населения: что из себя пред-

---

[302] *Струмилин С. Г.* Очерки социалистической экономики СССР (1929—1959 гг.) М., 1959. С. 66 ; КПСС в резолюциях … Т. 7. С. 286—300 ; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 12. Л. 54; Д. 19. Л. 170 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 71. Л. 4.

[303] *Кометчиков И. В.* Сельские первичные организации КПСС … С. 110.

[304] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1790. Л. 198—198 об.

ставляют и как работают в колхозе коммунисты, то услышишь ответ, характеризующий коммунистов как ничем не отличающихся от беспартийных или даже хуже беспартийных…»[305]

Многие на селе связывали членство в партии с доступом к хорошо оплачивавшейся работе и иным привилегиям. «В Рославле так поставлено, что никто не имеет права выступить с критикой недостатков. Иначе он будет немедленно убран с работы. <…> Его “травят”, избивают, снимают с работы. И поэтому каждый думает: отойду подальше от греха, а то ведь время тяжелое, а вдруг переведут на низкий оклад, как я буду жить…» — сообщал в письме секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову летом 1946 г. коммунист из Смоленской области[306]. В другом письме без подписи из Ельнинского района в середине 1948 г. сообщалось: «Я старый член партии, мой стаж 27 год, и я нигде не видел такой террор, как в Ельнинском районе. Я руководитель одного из учреждений, и я стараюсь забиться в уголок, чтобы был не виден мой взор на руководителей райкома…»[307]

Существует масса свидетельств острейшей «борьбы за портфели» — свою долю политической власти — в сельских районах и колхозах, так как каждая смена их руководства создавала возможность продвинуться и для родственников, односельчан, земляков, друзей, коллег выдвиженца. Из Ливенского района Орловской области писали в начале 1949 г. в редакцию «Правды»: «<Секретарь РК ВКП(б)> — политический невежда, выступает с путанными неграмотными докладами, собрал вокруг себя приближенных, занимается “избиением” честных людей… <Он> оградил себя семейкой близких, подбирает кадры по обывательско-мещанским признакам, к себе в район он перетащил старых “друзей”, ранее работавших с ним. Таких там насчитывается около 10 чел. …»[308]

Несмотря на провозглашенный после войны курс на усиление внутрипартийной работы и попытки наладить соблюдение уставных процедур,

[305] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 5. Д. 205. Л. 36—37, 40.
[306] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 340. Л. 246, 248.
[307] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 594. Л. 127—127 об.
[308] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 4. Д. 202. Л. 30 об.

сельские парторганизации оставались заложниками системы управления деревней, сложившейся в довоенные годы. Обкомы и райкомы ВКП(б) делали ставку на рост партийного влияния в деревне не за счет увеличения состава и улучшения работы производственных первичных парторганизаций, а распространяя членство в партии и номенклатурный учет на все новые должности в колхозно-совхозном производстве. Вследствие этого к концу сталинской эпохи первичные организации ВКП(б) в деревне Центрального Нечерноземья переживали кризис, проявлявшийся в сокращении численности их членов, оттеснении сельских ячеек на периферию системы политической власти. Если на 1 июля 1947 г. в Брянской, Владимирской, Ивановской, Калининской, Калужской, Московской, Рязанской, Смоленской и Тульской областях непосредственно на селе работало 167,5 тыс. коммунистов (из них более 40 % – в учреждениях и организациях), то на 1 января 1954 г. на учете в сельских первичных организациях их состояло на 26,6 % меньше[309], хотя за 1945—1953 гг. прирост облпарторганизаций Центрального Нечерноземья (без Московской области) составил 157,8 тыс. коммунистов (43,4 %)[310]. Неудивительно, что широкое распространение получили такие практики, как институт уполномоченных.

С утверждением Н. С. Хрущева были предприняты шаги по сворачиванию чрезвычайщины и достижению полного охвата первичными парторганизациями производственной структуры колхозов и совхозов. Укрепить производственные парторганизации села призвал сентябрьский (1953 г.) пленум ЦК КПСС[311]. Лидеры партии пошли на некоторую либерализацию правил приема в партию и учета коммунистов. 25 июня 1955 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «Об устранении канцелярско-бюрократических извращений в учете кадров», согласно которому из кадровых анкет изымались пункт о том, находился ли заполняющий и его близкие на оккупированной

[309] Подсчитано по: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 19. Л. 62—63, 66—67, 70—71, 74—75 ; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 221. Л. 158—159, 161—162.
[310] Подсчитано по: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 16. Л. 110—119, 124—125; Д. 18. Л. 96—115, 120—123.
[311] КПСС в резолюциях … Т. 8. С. 344 ; Правда. 1953. 15 сент.

территории, привлекались ли к суду. Были утверждены упрощенные формы анкет, требовать заполнения других запрещалось. Запрещалось требовать от поступающих на работу, претендующих на получение жилья, назначение пенсии и т. д., предоставления сведений и характеристик, кроме минимума документов (в первую очередь, паспорта и трудовой книжки), сокращались сроки осужденным за сотрудничество с немцами в годы войны, снимались поражения в правах с амнистированных, хотя на местах проверки продолжались[312].

Другим способом развития низовых структур партии на селе стали мобилизации коммунистов из городов, промышленности. Они нередко сопровождались нажимом, угрозами. В августе 1954 г. коммунист, бывший фронтовик и офицер направил Н. С. Хрущеву письмо, в котором рассказывал о его «вербовке» Смоленским обкомом КПСС в число инструкторов групп РК КПСС по зонам МТС. В феврале 1954 г. его, работавшего ревизором поездов, «незаконно уволив с работы», заставили поехать на работу в зону МТС. «Не зная совершенно партийной работы и сельского хозяйства, не имея партийного стажа, за полугодовой период времени из меня (как и следовало ожидать), получился горе-инструктор, у которого, в конечном счете, работа сводится только к бесцельному хождению из бригады и бригаду и получению зарплаты, так как я совершенно не могу выступать перед людьми, тем самым я стал всеобщим посмешищем и совершенно не пользуюсь авторитетом колхозников…» — писал бывший ревизор, просивший использовать его на другой работе. 1 ноября 1954 г. «за барско-пренебрежительное отношение к работе на селе» он был освобожден от должности и исключен из партии[313]. Направляемый из райцентра на работу зам. Председателя колхоза и секретарем колхозной первичной парторганизации работник Моховского райдоротдела Орловской области жаловался: «Я <…> вступил в ряды компартии в окопах фронта в июле месяце 1942 г., все годы воевал в пехоте, 3 раза ранен,

[312] Региональная политика Н. С. Хрущева … С. 148 ; Справочник партийного работника. Вып. 3. М., 1961. С. 436—439 ; Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 17. Ст. 345 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 621. Л. 19 ; ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 1257. Л. 72—74.
[313] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1993. Л. 62—63.

имею четыре ордена и три медали. Выходит, что я воевал за тех, кто сегодня, т. е. в 1956 г., мне не дает спокойно прожить 10 лет…» Бюро РК КПСС за отказ идти на работу в колхоз вынесло ему взыскание и предложило трудоустраиваться «по своему усмотрению», что он и сделал, поступив контролером в райсберкассу[314].

Тем не менее результатом этих мер стал рост числа коммунистов: если в 1954 г. прирост рядов облпарторганизаций Центрального Нечерноземья составил 1,8—4,5 %, в 1955 г. — 1,4—6,2 %, то в 1956 г. уже 3,4—7,2 %, в 1957 г. — 3,1—7,6 %. Количество исключаемых, напротив, снижалось: в 1954 г. оно колебалось в пределах 1—3 % состава областных парторганизаций, в 1955 г. — 0,3—1,8 %, в 1956 г. — 0,4—1,1 %, в 1957 г. – 0,4—1,0 %[315]. Хотя доля колхозников среди принимаемых в КПСС не превышала 25 %, за 1954—1957 гг. их численность выросла по 12 областям на 21 170 чел. (31,5 %)[316]. Сокращалось число кандидатов с просроченным стажем, что говорит о некотором росте политической грамотности коммунистов. В 1953 г. их количество равнялось 55,9—75,6 %, в 1954 г. — 24,8—58,4 %, в 1955 г. — 13,9—47,9 %, в 1956 г. — 10,7—43,8 %, в 1957 г. — 8,9—48 %[317]. И все же итоги приема в партию на селе в эти годы следует признать скромными. Численность коммунистов в парторганизациях сел Брянской, Владимирской, Ивановской, Калининской, Калужской, Московской, Рязанской, Смоленской и Тульской областей увеличилась на 38 373 чел. (25,5 %), но так и не превысила уровня середины 1947 г.[318] Но даже такой рост способствовал расширению охвата колхозов сетью первичных парторганизаций. В 1953 г. первичные парторганизации действовали в 50—85 % колхозов (во Владимирской — в 93 %, в Рязанской — 94,4 %), объединяя от 9,6 до 24,5 % коммунистов области; в 1954 г. – 66,6—96,4 % колхозов и 11,1—28,4 % коммунистов; в 1955 г.

---

[314] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 552. Л. 134—135, 142—143, 146.
[315] Подсчитано по: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 19. Л. 96—111; Д. 20. Л. 82—83, 86—87, 90—91, 94—95; Д. 21. Л. 78—79, 82—83; Д. 22. Л. 80—85.
[316] Подсчитано по: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 18. Л. 96—115, 120—123; Д. 22. Л. 94—101.
[317] Подсчитано по: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 18. Л. 127—129; Д. 19. Л. 131—134; Д. 20. Л. 139—142; Д. 21. Л. 152—155; Д. 22. Л. 150—153.
[318] *Кометчиков И. В.* Сельские первичные организации КПСС … С. 111.

– 69—97,6 % колхозов и 12,2—30,3 % членов и кандидатов КПСС; в 1956 г. – 72—99 % колхозов и 7,3—32,5 % коммунистов; в 1957 г. — 87—100 % и 7,8—31 % соответственно. Однако и в 1950-е гг., несмотря на невиданную концентрацию партийных сил в колхозном производстве, относительная малочисленность партийцев на селе заставляла райкомы КПСС объединять в колхозных парторганизациях много коммунистов, не являвшихся членами колхозов. Как видно, волны партийных мобилизаций до колхозов доходили слабо: в 1954 г. в областях Центрального Нечерноземья число членов колхозных парторганизаций, не состоявших в колхозе, равнялось 17,8—32,8 % состава колхозных партячеек, в 1955 г. — 19,1—40 %, 1956 г. — 16,7—31,2 %, 1957 г. — 7,8—31 %. Наиболее крупными по составу, хотя и относительно малочисленными были первичные парторганизации совхозов и МТС. К началу 1950-х гг. их сеть почти полностью охватывала эти предприятия. В 1954 г. в одной первичной партийной организации совхоза в среднем состояло 12,6—25,6 коммунистов, в 1955 г. — 14,1—30,7, в 1956 г. — 13,9—34,0, в 1957 г. — 16,0—51,1, в первичной парторганизации МТС – 22,3—39,6, в 1955 г. — 23,9—39,7, в 1956 г. — 18,7—41,0, в 1957 г. — 29,5—45,6 членов соответственно. Вторым по массовости (после колхозных) типом первичной парторганизации оставались ячейки при сельсоветах (в 20—50 % их числа). Они были в среднем более крупными, чем колхозные. В 1954 г. в сельской территориальной парторганизации состояло в среднем 7,4—13 коммунистов (в Московской области — 20,8), в 1955 г. — 7,0—12,7 (в Московской области — 25,8), в 1956 г. — 8,3—13,5 (в Московской области — 30,0), в 1957 г. — 9,6—16 (в Московской области — 33,2)[319].

Конец 1950-х — начало 1960-х гг. становятся важной вехой на пути увеличения численности сельских коммунистов и их концентрации в производственных первичных парторганизациях при возрастании числа последних, что объявлялось основой повышения эффективности партруководства

[319] Там же. С. 111.

деревней и сворачивания чрезвычайщины[320]. Ряды региональных парторганизаций в областях Центрального Нечерноземья росли: в 1958 г. на 3,2—7 %, в 1959 г. — 3,7—8,2 %, в 1960 г. — 4,5—8,3 %, в 1961 г. — на 4,5—8 %, причем, как и ранее, основную долю прироста обеспечивали коммунисты, учитываемые как «служащие по роду занятий», которых насчитывалось 40—50 %. Но если с 1 января 1958 г. по 1 января 1961 г. Брянская, Владимирская, Ивановская, Калининская, Калужская, Костромская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тульская и Ярославская парторганизации возросли на 99 020 чел. (17 %), то колхозников по роду занятий среди них было лишь 37 749 чел.[321] В 1958 г. из 11 областей Центрального Нечерноземья только в четырех количество колхозников, занятых непосредственно в колхозе, составляло около 30 % принятых в партию, а в остальных колебалось от 14 до 24 %. В 1959 г. около 30 % колхозников приняли в партию в семи областях, в 1960 г. — в пяти, в 1961 г. — только в Орловской[322]. Низким оставалось число исключаемых из КПСС и число коммунистов с просроченным кандидатским стажем. В 1959 г. по облпарторганизациям Центрального Нечерноземья оно составляло 7,5—38,5 %, в 1960 г. — 6,9—32,4 %, в 1961 г. — 7,3—26,7 %, понизившись за 1958—1961 гг. по всем облпарторганизациям на 22,6 %[323].

И все же численность рядов КПСС на селе к началу 1960-х гг. говорит о пробуксовке курса на увеличение числа сельских коммунистов. На 1 января 1961 г. в первичных парторганизациях колхозов, совхозов и сельских территориальных Брянской, Владимирской, Ивановской, Калининской, Калужской, Московской, Рязанской, Смоленской и Тульской областей насчитывалось 172,4 тыс. членов, что было на 11,2 тыс. чел. (7 %) больше по сравнению с численностью на 1 января 1958 г. Всего за 1947—1960 гг. в этих областях

---

[320] КПСС в резолюциях … Т. 8. С. 342—343, 387—388, 390, 486, 490 ; Справочник партийного работника. Вып. 1. С. 342—345.

[321] Подсчитано по: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 23. Л. 100—115; Д. 24. Л. 100—105; Д. 25. Л. 100—105; Д. 26. Л. 87—91.

[322] Подсчитано по: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 23. Л. 100—115; Д. 24. Л. 100—105; Д. 25. Л. 100—105; Д. 26. Л. 87—91.

[323] Подсчитано по: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 23. Л. 84—85, 88—89, 92—93, 182—185; Д. 24. Л. 172—175; Д. 25. Л. 72—83, 172—175; Д. 26. Л. 72—77, 158—161.

количество коммунистов села увеличилось лишь на 4,9 тыс. чел.[324] Продолжилось перераспределение сельских коммунистов между типами первичных парторганизаций: сокращение числа сельских территориальных и увеличение — колхозных. В 1958 г. парторганизации имелись в 4,4—20,4 % сельсоветов (в Московской области — 26 %), в 1959 г. — 1,8—11,8 % (во Владимирской области — 20,6 %, в Московской — 26,4 %), в 1960 г. — 0,8—8,0 % (во Владимирской — 18,5 %, в Московской — 23,4 %)[325]. Как и ранее, они оставались более крупными по составу, чем колхозные[326].

Наиболее многочисленными и важными с точки зрения управления селом виделись производственные первичные парторганизации. Самыми крупными среди них продолжали оставаться совхозные и МТС. В 1958 г. в одной первичной парторганизации совхоза насчитывалось 21,4—53,1 коммуниста, в 1959 г. — 26,5—107,2. В 1958 г. первичная парторганизация МТС насчитывала в среднем 18,9—25,3 коммуниста, в 1959 г. – 19,2—30,4[327]. Неслучайно постановлением декабрьского пленума ЦК КПСС (1959 г.) только при первичных парторганизациях совхозов было решено создавать комиссии по контролю деятельности администраций[328]. В результате некоторого роста отряда коммунистов на селе, а также укрупнения колхозов власти к 1961 г. впервые удалось добиться почти полного их охвата первичными парторганизациями. С конца 1950-х гг. ими полностью охватывались совхозы[329]. Опираясь на них, партруководство стремилось повысить экономическую отдачу от деревни. Активизировалась организация «социалистического соревнования». В ходе борьбы за «большое мясо» бюро Рязанского обкома КПСС в 1959 г. 92 раза рассматривало вопросы организации социалистического соревнова-

[324] Подсчитано по: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 22. Л. 130—145; Д. 25. Л. 152—154, 156—167 ; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 221. Л. 158—159, 161—162.
[325] Подсчитано по: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 23. Л. 162—177; Д. 24. Л. 152—167; Д. 25. Л. 152—154, 156—167.
[326] *Кометчиков И. В*. Сельские первичные организации КПСС … С. 112.
[327] Подсчитано по: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 23. Л. 162—177; Д. 24. Л. 152—167.
[328] КПСС в резолюциях … Т. 9. С. 467—472, 488.
[329] Подсчитано по: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 23. Л. 82—83, 86—87, 90—91, 162—177; Д. 25. Л. 72—83, 152—154, 156—167; Д. 26. Л. 72—77, 138—153.

ния[330]. В соревновавшейся с Рязанской Тульской области руководителей хозяйств и районов, достигших наивысших показателей по производству мяса и молока по итогам 1959 г., премировали крупными суммами денег и легковыми автомобилями. То же самое отмечалось в Смоленской и Калужской областях[331]. За 1953—1964 гг. в РСФСР за «успехи в сельском хозяйстве» было награждено 104,9 тыс. чел. (за 1946—1952 гг. — 103,5 тыс.), причем максимумы награждений приходятся на 1957, 1958 и 1960 г.[332]

Неизбежным следствием быстрого перевода основной массы сельских коммунистов в колхозные парторганизации стал большой удельный вес не членов колхоза в их составе (в 1958 г. — 17,4—35,4 %, 1959 г. — 17,1—30,3 %, 1960 г. — 16,6—27,5 %, 1961 г. — 16,1—27,9 %)[333], что не могло не сказаться на осуществлении контроля над колхозным производством. Формализм, апатия, приспособление внутрипартийных процедур под личные интересы становились обычными среди сельских партийцев на административных должностях. До некоторой степени это провоцировал сам ЦК КПСС. Так, постановлением от 30 сентября 1958 г. «О дальнейшем расширении прав ЦК компартий республик, крайкомов, горкомов, райкомов партии и первичных парторганизаций в решении организационно-партийных и финансово-бюджетных вопросов» первичным парторганизациям разрешалось определять «целесообразность предоставления» протоколов бюро и общих собраний первичных организаций в РК КПСС[334], что объективно вело к ослаблению контроля над ними.

Постепенно понижался уровень партдисциплины, что можно связать с тенденцией сворачивания наиболее одиозных проявлений чрезвычайщины в работе парт- и госаппаратов и внеэкономического принуждения вообще. В литературе высказывается обоснованное мнение, что «рост десталинизации

---

[330] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 30. Д. 84. Л. 56 об., 59.
[331] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 31. Д. 99. Л. 4—8 ; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1261. Л. 131 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 807. Л. 23—24; Д. 810. Л. 120—122; Д. 909. Л. 111.
[332] Подсчитано по: Данные о количестве награждений орденами и медалями СССР за период 1918—1964 гг. // Источник : Документы русской истории. 1998. № 3 (34). С. 144—145.
[333] Подсчитано по: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 23. Л. 162—177; Д. 24. Л. 152—167; Д. 25. Л. 152—167.
[334] Справочник партийного работника. Вып. 2. М., 1959. С. 555—556.

привел к ослаблению системы партийной дисциплины, а исключение из КПСС стало гораздо более сложной задачей, поскольку советские лидеры стремились отказаться от “принудиловки” и осудить эксцессы, связанные со сталинским культом личности», хотели активизировать роль КПСС как силы перемен в советском обществе[335]. Руководители крупных предприятий и организаций, особенно оборонного профиля, подчас «не пускали на свой двор» даже представителей ГК и РК КПСС[336]. На селе же пренебрежение партийным влиянием в лице секретарей первичных парторганизаций также было заметно. Рабочие совхоза им. Красина Ефремовского района Тульской области сообщали в газету «Сельская жизнь», что присланный в 1960 г. парторг «сначала взялся, как положено коммунисту», но скоро «остыл и стал плясать под дудку директора и прочих»: «Если кто придет к нему с вопросами, что работают механизаторы по 17 часов безо всякой чести, а он отвечает, что ты работаешь себе кусок хлеба, а если тебе плохо, да ты еще ищешь здесь порядки, то бери расчет…» Администрация совхоза открыто заявляла рабочим, что жалобщиков следует «выкорчевать»[337]. К началу 1960-х гг. под влиянием нарастания проблем в экономике увеличилось количество писем, авторы которых были скептически настроены по отношению к коммунистам вообще. Очень лаконично эти настроения выразил в 1960 г. автор анонимного письма, поступившего на имя Н. С. Хрущева из Орловской области: «т. Хрущев, прочтите. Радио и газеты: члены партии — лучшие, кристально чистые люди. Народ: в партию идут для наживы, воровства и расхищения народного богатства»[338].

Важным свидетельством постепенно нарастающего кризиса «партийной дисциплины» стало увеличение числа коммунистов, по тем или иным причинам не выполнявшим указания руководства своих парторганизаций. В

---

[335] *Cohn E*. The Paradox of Party Discipline in the Khrushchev-Era Communist Party. Communist parties revisited. Sociocultural Approaches to Party Rule in the Soviet Bloc, 1956—1991 / ed. by R. Bergien, J. Gieseke. New York, 2018. P. 25.

[336] *Черепанов И. М*. Моя судьба — в судьбе Отечества. М., 2001. С. 23—24 ; *Бородин М. Е*. Время, действия, лица : воспоминания. С. 221—222.

[337] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 32. Д. 100. Л. 11, 14 об.—16 об.

[338] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 1811. Л. 216.

Калужской области из 665 человек, направленных руководить колхозами со времени сентябрьского пленума, на 1 августа 1955 г. выбыло 17,8 %, в том числе 11 % как не справившиеся, в Ярославской области — 715 чел., 11,7 % и 11 %, в Смоленской области — 1124 чел., 20,2 % и 12 % соответственно[339]. Только в одном Медынском районе Калужской области в конце 1955 г. 18 руководящих работников, в том числе 15 председателей, ездили на работу в свои колхозы за 15—18 км. В Смоленской области не перевезли семьи к новому месту работы 231 чел. (из них 152 чел. не желали этого делать), в Орловской области — 93 чел., в том числе 49 председателей колхозов[340]. Только за 8 месяцев 1957 г. рядом сельских РК КПСС были сняты с партучета и отпущены в Калугу 112 чел., в том числе 36 чел. бывших членов городской парторганизации — из-за нежелания перевозить в районы семьи и по другим причинам. Заручившись поддержкой руководства предприятий и организаций областного центра, а также секретарей их первичек, ряд бывших «тридцатитысячников» (термин эпохи, обозначал коммунистов, мобилизованных на село в счет 30 тыс.) устроился в городе на руководящие должности[341]. На пленуме Ярославского обкома КПСС секретарь Некоузского РК КПСС заявил по тому же поводу: «Обком партии как-то набрался храбрости, подобрал группу руководящих работников области, направил их в районы возглавлять районные парторганизации. А что из этого вышло? <…> Все руководящие работники… снова пришли в область, снова на руководящие ответственные работы…»[342] Нараставший кризис первичек беспокоил работников ЦК КПСС[343].

Обновление состава руководителей укрупненного колхозно-совхозного производства, выступавшее важной чертой хрущевских преобразований на селе, обострило противоречие между правом первичной парторганизации

[339] Подсчитано по: ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 392. Л. 1 ; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 89. Л. 175—175 об. ; ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 226. Д. 1075. Л. 1—1 об.
[340] ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 347. Л. 98, 118—120 ; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 154. Л. 16 ; ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 242. Л. 100.
[341] ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 588. Л. 165—166.
[342] ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 226. Д. 1076. Л. 58—59; Оп. 227. Д. 137. Л. 41.
[343] *Игрунов Н. С.* И после нас зеленая трава : История моя и наша. Белгород, 2006. С. 227—228 ; *Карнаухов С. В.* Старая площадь : Наблюдения и раздумья бывшего работника аппарата ЦК КПСС, М., 2006. С. 88—90.

контролировать администрацию предприятия, при котором она создана, и повышением номенклатурного статуса и прерогатив его руководства. Председатель рабочкома совхоза «Анастасьино» Смоленской области осенью 1961 г. в письме в ЦК КПСС заключал, что из-за райкома КПСС роль первичных организаций «сведена к нулю» и попирается нерадивыми председателями колхозов: «Если отдельные секретари первичных партийных организаций пытались поднять голос против таких руководителей, их быстро убирал райком или переводил в другую организацию. Такие секретари, переведенные в другие парторганизации, становились смирнее и не ставили уже перед райкомом <вопросов> о безобразиях…»[344]

Таким образом, к началу 1960-х гг. руководству райкомов и обкомов КПСС Центрального Нечерноземья удалось несколько нарастить количество сельских коммунистов, создать первичные организации во всех колхозах и совхозах, упорядочить соблюдение внутрипартийных процедур, что явилось частью усилий хрущевского руководства по преодолению нараставшего спада в сельском хозяйстве административно-политическими реформами. Однако противоречие между организацией влияния на колхозно-совхозное производство посредством ячеек КПСС и их способностью проводить его в жизнь осталось неразрешенным, отражая углубление разрыва между, с одной стороны, «надпроизводственным менеджментом» и «протобуржуазией» деревни, и рядовыми сельскими коммунистами, с другой. Руководство парткомов все больше предпочитало иметь дело с непосредственно управлявшими материальными ресурсами и рабочей силой, а не первичными организациями, имевшими для них, как и низовые Советы, в основном инструментальный характер.

[344] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1261. Л. 91—92.

Глава III. Повседневные взаимоотношения власти и сельского социума в сфере культуры

3.1. Сельские культпросветучреждения как база советской культуры

Гранью власти над деревней, подвергавшейся изменениям, можно считать и сферу советской культуры. П. Бурдье связывал «культурный капитал» с образовательными квалификациями, а символический — со способностью тех, кто признан в обществе, навязывать другим «подходящую для них шкалу ценностей». Монополия же на легитимное символическое насилие признавалась за государством[1]. Выше говорилось о значительной стабильности идеологии на основе догматизированного марксизма сталинского образца, выражением которой стал корпус учебной и политической литературы, сложившийся в конце 1930-х — начале 1950-х гг. и без существенных изменений просуществовавший до конца советской эпохи. Основными инструментами ее трансляции на селе Центрального Нечерноземья изучаемого периода являлись культурно-просветительные учреждения (клубы и библиотеки), система лекционной пропаганды, периодическая печать, радио и телевидение, а также кинофикация.

Базой советской культуры на селе первых послевоенных лет выступали клубные учреждения и библиотеки. Рассмотрим их статус и функционирование на протяжении изучаемого периода. Выделившись в феврале 1945 г. из системы образования, ведомство «культурно-просветительной работы»[2] объединило большинство государственных учреждений культуры, взаимодействовавших с аудиторией на основе живого слова. В этом обособлении проявилось стремление нивелировать «нездоровые» послепобедные настроения и мобилизовать общественное мнение вокруг идей «русского» («советского»)

---

[1] *Бурдье П.*: 1) Формы капитала // Экономическая социология : электронный журнал [сайт: www.ecsoc.hse.ru]. 2002. Т. 3. № 5. С. 60, 66 ; 2) Социальное пространство и символическая власть // THESIS. 1993. № 2. С. 147 ; 3) Практический смысл / пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко ; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб., 2001. С. 219—237 ; 4) Социология политики / пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М., 1993. С. 72.

[2] Сборник руководящих материалов по культпросветработе. М., 1947. С. 3—5.

патриотизма[3], когда другие средства идеологического воздействия еще не получили на селе широкого распространения. Несмотря на переименование политико-просветительной работы в культурно-просветительную и формальное отступление от идеологизации[4], ее суть виделась в «продолжении массово-политической работы» ВКП(б) среди крестьянства»[5]. Было объявлено об унификации культпросветучреждений на основе сельского клуба с типовой материально-технической базой[6]. Еще до конца войны началось восстановление их довоенной сети при одновременной радиофикации, обеспечении демонстрации кино не менее двух раз в месяц, комплектовании инвентарем, библиотекой на 300—500 томов, подшивками центральной прессы и т. д. Благоустроенные клубы должны были появиться в каждом селе РСФСР[7].

Выполнение этих планов происходило с большими трудностями. Материальная база сельских клубных учреждений была подорвана. В большинстве областей незначительное количество изб-читален имели две и более комнат, что позволяло организовать кружковую и лекционную работу, разместить библиотеку и т. д. Чуть лучше были обеспечены помещениями клубы: их здания были относительно недавно и специально построены для культпросветработы[8]. Впрочем, даже возобновление деятельности маленького и скудно оборудованного клуба воспринималось как свидетельство возвращения к мирной жизни и признак «полноценности» сельского населенного пункта. К 1951 г. в большинстве областей только около двух третей изб-читален имели собственные здания (в Калужской области — 24,2 %, в Великолукской — 39,1 %, в Брянской — 45,3 %). Две и более комнат свыше 20 % изб-читален имели в пяти областях, а в остальных — 3,6—18,7 %. Во многих регионах около половины изб-читален имели только зрительный зал. Соб-

---

[3] *Романовский Н. В.* Лики сталинизма. М., 1995. С. 105—107, 114, 115 ; Исторический материализм / под общ. ред. В. Ф. Константинова. М., 1950. С. 639—640.

[4] *Литовкин Е. В.* Культурно-просветительная работа России послевоенного периода. М., 2004. С. 33, 52—56.

[5] *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в культуре повседневного досуга села Центрального Нечерноземья 1945—1953 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 12 (50). Ч. 3. С. 107.

[6] Там же.

[7] *Никитина Г. Я.* История культурно-досуговой деятельности. М., 1998. С. 41—42 ; Сборник руководящих материалов по культпросветработе. С. 30, 31, 34—35.

[8] *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в культуре повседневного досуга … С. 107.

ственными зданиями располагали 75,3—100 % клубов, в шести областях количество клубов, имевших две и более комнат, превышало 40 %, в одиннадцати — более 50 % клубов имели только зрительный зал[9].

Несмотря на трудности, восстановление клубных учреждений на селе в 1945—1950 гг. обеспечило каждый сельсовет в большинстве областей клубом или избой-читальней. После укрупнения колхозов 1950 г. количество «очагов культуры» уменьшилось из-за преобразования их части в почти не работавшие «красные уголки». В колхозе «Красный доброволец» Орловской области после укрупнения говорили: «Живем мы, будто на острове. Ни лекций, ни бесед у нас не бывает. Кино к нам не привозят, а когда бывает в колхозе на центральной усадьбе, нам не говорят, да за 6 км не всегда и пойдешь смотреть…» О том же сообщалось из других областей[10].

Скудное финансирование строительства клубов побуждало местную власть стимулировать «инициативу снизу», которая проявила себя в конце 1946—1947 гг. Звучали предложения о передаче их в собственность колхозов с возложением «заботы о расширении культурно-просветительной сети»[11]. Но почины не меняли сложившуюся практику ее финансирования. Даже спустя продолжительное время после войны улучшить функционирование клубных учреждений не удалось, что, в свою очередь, консервировало их скромные возможности по организации досуга населения. К концу 1953 г. 35—70 % изб-читален и 3—45 % сельских клубов Орловской, Смоленской, Рязанской и Ярославской областей не имели собственных помещений, почти все не имели комнат для кружковой работы[12]. К 1953 г. только в четырех областях количество клубных учреждений превысило их число в 1940 г., а в остальных было ниже, чем до войны: если в 1940 г. в Центральном Нечерноземье их насчитывалось 14 747, то в 1953 г. — 12 854[13].

---

[9] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 1. Д. 317. Л. 49, 54, 59, 87, 102, 108, 122, 194; Д. 318. Л. 44, 103.
[10] *Кометчиков И. В*. Клубные учреждения в культуре повседневного досуга … С. 107.
[11] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 741. Л. 8—10.
[12] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 33. Л. 20, 76, 92, 110.
[13] Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1956 году : статистический ежегодник. М., 1957. С. 329—330 ; Народное хозяйство РСФСР в 1962 году : статистический ежегодник. М., 1963. С. 526.

Ограничивало возможности клубных учреждений и недофинансирование текущей деятельности. Клубы и избы-читальни находились на бюджете сельсовета, который должен был руководить их работой[14]. По положению о сельском клубе в основе его деятельности лежала смета доходов и расходов. Доходная часть формировалась из «ассигнований по местному бюджету», из средств, выделяемых колхозами, промкооперацией и другими организациями, доходов от платных мероприятий и других поступлений[15]. Но уровень финансирования часто не обеспечивал и минимума потребностей, что видно на примере исполнения смет 1945 и 1950 гг. В 1945 г. 70—100 % средств на содержание сельских клубных учреждений поступало из бюджета сельсоветов, еще до 1—5 % — от платных мероприятий. В ряде областей 0,5—16 % доходов клубов и изб-читален формировалось из средств колхозов, что допускалось Уставом сельхозартели[16]. Впрочем, большинство колхозов не могли ничего выделить на эти цели или же суммы были незначительны: в 1945—1953 гг. они не превышали 1—3 % их денежных доходов за год (в масштабе региона — около 1—3,5 млн руб.). Всего же в 1945 г. на содержание избы-читальни поступало в среднем 126—438 руб. в месяц. Около 75—90 % расходов изб-читален и 40—60 % расходов сельских клубов составляла заработная плата сотрудников. На покупку книг, организацию работы с населением, ремонт и оборудование приходилось 3—25 % расходов изб-читален и 13—40 % — клубов. В 1950 г. финансирование несколько улучшилось. Поступления из бюджетов сельсоветов составляли 95—100 % доходов изб-читален и 85—100 % — клубов. Собственные доходы клубов и изб-читален были незначительны. Колхозы восьми областей формировали 0,1—2,2 % доходов изб-читален, колхозы семи областей — 1—9,1 % доходов сельских клубов (в остальных областях перечислений от колхозов не было). На содержание избы-читальни в месяц выделялось в среднем 539,5—724 руб., клуба — 724,5—

[14] СУ. 1931. № 11. Ст. 142.
[15] Культурно-просветительная работа на селе : Сборник материалов в помощь работникам сельских культурно-просветительных учреждений. М., 1950. С. 363.
[16] История колхозного права : Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917—1958 гг. : в 2 т. / рук. колл. сост. Н. Д. Казанцев. Т. 1. М., 1959. С. 430.

1 230,5 руб., в том числе до 65 % этой суммы составляла заработная плата клубных работников. 12—35 % средств шло на приобретение литературы, организацию массовой работы, ремонт и оборудование помещений[17]. С конца 1940-х гг. в бюджете РСФСР не предусматривалось средств на строительство и ремонт сельских учреждений культуры, а ассигнования на их оборудование и инвентарь из года в год уменьшались[18]. На протяжении 1950—1965 гг. суммы расходов на сельские клубы, дома культуры и избы-читальни в госбюджете РСФСР выросли почти в 2 раза, но большую часть средств по-прежнему составляли эксплуатационные затраты и зарплата[19]. Заведующий клубом или избой-читальней был одним из самых низкооплачиваемых работников сельских учреждений[20], что препятствовало привлечению квалифицированных специалистов.

Сельские учреждения культуры мыслились как средоточие на селе «предметов культуры», но скудный бюджет ставил под вопрос своевременное и полноценное обеспечение ими. Во второй половине 1940-х гг. действовал запрет Наркомторга СССР на продажу им по безналичному расчету культтоваров, что вынуждало избачей идти на ухищрения, чтобы приобрести необходимое[21]. В конце 1945 г. большинство изб-читален и сельских клубов имели только самую простую обстановку: стулья, столы, шкафы. Среди «культурного» инвентаря наибольшее распространение имели географические карты. Полностью отсутствовали духовые инструменты, было мало патефонов. Ненамного улучшилась обеспеченность инвентарем к началу 1950-х гг.[22] Собственную библиотеку в 1945 г. имели 8,7—65,2 % изб-читален и 5,2—45,8 % сельских клубов. В большинстве объем книжного фонда не превышал 300 экз. (больше только в Великолукской и Костромской областях), а

---

[17] *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в культуре повседневного досуга … С. 107—108.
[18] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 8. Л. 6.
[19] Подсчитано по: Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик : статистический сборник / сост. Г. В. Дарков, И. И. Горчев, В. Д. Пасекова, Н. А. Иванова ; общ. ред. Н. В. Гаретовского. М., 1966. С. 48.
[20] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 8. Л. 6.
[21] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 437. Л. 12 ; Материалы по культурно-просветительной работе : сборник. М., 1959. С. 228.
[22] *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в культуре повседневного досуга … С. 109.

число читателей, приходившееся в среднем в год на библиотеку, в восьми областях составляло не более 100 чел. В Брянской, Владимирской, Калининской и Тульской областях объем книжного фонда сельских клубов в среднем не превышал 300 экз., в Ивановской составлял 352,8, в Ярославской — 784, в Костромской — 860. Число читателей, приходившееся в год на библиотеку сельского клуба, превышало 200 чел. только в Костромской и Тульской областях[23]. Сельским бюджетом предусматривались средства на выписку газет и журналов, но не на пополнение книжного фонда[24]. К началу 1951 г. собственной библиотекой располагали уже 52,8—91 % изб-читален и 28,3—75,1 % клубов. Книжный фонд библиотеки избы-читальни составлял в среднем 245—605 экз., библиотеки сельского клуба — 345—1006 экз. Число читателей библиотек изб-читален составляло в среднем 70,1—161 чел., библиотек клубов — 105—186 чел. (в Тульской области — 343 чел.)[25].

Абсолютное большинство сельских клубных учреждений во второй половине 1940-х гг. не имели собственных киноустановок и сдавали в аренду помещение для кинопередвижек Министерства кинофикации. В начале 1946 г. собственными киноустановками располагало 0,2—0,8 % изб-читален (в Московской области — 3,5 %, в шести областях избы-читальни их не имели) и 2,6—18,1 % сельских клубов (в пяти областях клубы киноустановок не имели). К началу 1951 г. киноустановки имелись в 0,13—12,1 % изб-читален (в Московской области — 26,1 %) и в 1,1—26,6 % клубов (в Московской области — 56,1 %). В 1945 г. в большинстве областей киносеансы проводило до 50 % изб-читален (в Калининской — 65,4 %, в Ивановской — 79,8 %, во Владимирской области — 89,6 %). Свыше 50 % клубов проводили киносеансы только в пяти областях. В 1945 г. в большинстве изб-читален киносеансы проводились до 20 раз в год, в большинстве клубов — до 30. В 1950 г. в избах-читальнях киносеансы проходили 20—30, в клубах — 40—50 раз в год. Пик радиофикации сельских клубных учреждений Центрального Нечернозе-

[23] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 1. Д. 249. Л. 12, 14, 18, 22, 24, 29, 33, 41, 48, 51, 57.
[24] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 565. Л. 25.
[25] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 1. Д. 317. Л. 49, 54, 59, 87, 102, 108, 122, 194; Д. 318. Л. 44, 103.

мья изучаемого периода достигается к началу 1950-х гг., когда, по официальной статистике, радио располагало 70—90 % изб-читален и сельских клубов (в начале 1946 г. радиопередачи можно было слушать в 15—20 % из них)[26]. Как видно, к началу 1950-х гг. обеспеченность сельских клубных учреждений инвентарем кардинально не улучшилась, а ее большие межобластные колебания говорят о последствиях войны (особенно на территориях, где шли боевые действия), разной собираемости налогов и займов, упадке хозяйства колхозных дворов и колхозов — основных налогоплательщиков села.

Быстрее, чем сеть клубных учреждений, восстановилась сеть библиотек. Если в 1940 г. в Центральном Нечерноземье их насчитывалось 9767, то в 1953 г. — 12 926 (132,7 %)[27]. Согласно положению «О сельской библиотеке» от 6 мая 1947 г., она подчинялась отделу культпросветработы РИКа и сельсовету, имела сходные с клубом функции и порядок работы. Положением определялись требования к помещению и минимуму оборудования[28]. Немало библиотек, особенно в местностях, подвергавшихся оккупации, работали в тяжелейших условиях. Проверки состояния и деятельности ряда сельских библиотек Орловской области за 1950 и начало 1951 г., проводившиеся контролерами МГК РСФСР, показали, что многие из них располагались в приспособленных помещениях площадью 2—15 кв. м, деля их с другими официальными учреждениями. Библиотекари работали в не отапливаемых, грязных, сырых комнатах без элементарного оборудования и мебели. Библиотеки неудовлетворительно финансировались. Охват ими аудитории редко превышал 10—25 % взрослого населения и 50 % школьников на обслуживаемой территории[29]. К концу 1953 г. в Центральном Нечерноземье на один сельсовет приходилось около 1,2 библиотеки. Увеличился и размер книжного фон-

[26] *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в культуре повседневного досуга … С. 109.
[27] Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. С. 520—521; АРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 70. Л. 24.
[28] Культурно-просветительная работа на селе … С. 364—366.
[29] ГАРФ. Ф. А-339. Оп. 1. Д. 6193. Л. 4, 5, 10, 15, 17, 25—26 об., 36—37, 40, 87—93.

да, которым располагала в среднем каждая из них: с 2464,6 экз. в 1940 г. до 2962,6 экз. в 1953 г.[30]

Анализ читательских предпочтений показывает, что, в противовес провозглашавшимся функциям библиотеки на селе как источника «производственно-политических» знаний[31], большинство читателей видели в чтении прежде всего развлечение. Так, в 1947 г. сельские библиотеки Смоленской, Тульской и Ярославской областей в общем объеме выданной литературы выдали 14,3; 14,1 и 10,3 % общественно-политической литературы, 3,5; 4,7; 3,4 % произведений Маркса, Энгельса и Ленина, 1,8; 6,8; 3,8 % книг по вопросам естествознанию, 2; 2,4; 3,2 % — по вопросам техники, 11,6; 11,6; 11,3 % сельхозлитературы, 40,8; 37,4; 44,5 % художественной литературы и 24; 24; 20,6 % книг для детей соответственно. В 1950 г. в восьми областях выдачи общественно-политической литературы колебались в пределах 4,4—9,7 %, сочинений Маркса, Энгельса и Ленина — 1,6—3,9 %, книг по естествознанию — 1,4—3,8 %, технической литературы — 1,2—2 %, сельхозлитературы — 5,6—8,4 %. На выдачу художественных книг пришлось 25—45 %, детской литературы — 17,3—46,5 %. В 1951 г. выдачи общественно-политической литературы сельскими библиотеками областей Центрального Нечерноземья составили в общей массе книговыдач 4,4—8,9 %, сочинений Маркса, Энгельса и Ленина — 1,4—3,8 %, книг по естествознанию — 2—4 %, технической литературы — 1,1—2,5 %, сельхозлитературы — 4,8—8,8 %, а художественной — 38—49,6 %, детской — 28,2—37,3 %[32].

Недофинансирование ограничивало спектр досуга, который сельские учреждения культуры могли предложить населению. По положениям о сельском клубе 1946 и 1948 гг. его деятельность должна была «способствовать повышению культурного уровня населения», воспитанию «активных и сознательных строителей коммунистического общества», а первостепенная задача

---

[30] Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1956 году. С. 329—330 ; Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. С. 520—521.

[31] Культурно-просветительная работа на селе … С. 365.

[32] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 1. Д. 279. Л. 17—18, 46—47, 78—79; Д. 315. Л. 39—40, 43—44, 49—50, 84—85, 98—99, 102—103, 115—116, 169—170; Д. 330. Л. 29—30, 46—47, 75—76, 98—99, 127—128; Д. 331. Л. 48—49, 52—53, 55—56, 80—81, 91—92, 95—96, 107—108, 151—152.

состояла в «разъяснении текущих политических событий, повседневной информации о решениях Коммунистической партии и Советского правительства, о постановлениях местных партийных и советских органов и мобилизации населения на их выполнение». На клуб возлагались развертывание соцсоревнования, научно-просветительной и агрозоотехнической пропаганды, справочной работы, содействие самообразованию, распространению «военных знаний», физкультуры и спорта, развитию народного творчества и художественной самодеятельности, и лишь в последнюю очередь — «организация культурного отдыха и художественного обслуживания трудящихся и членов их семей»[33].

Так как для власти организация большинства досуговых мероприятий было более сложным, затратным и менее важным, чем политическое информирование, именно последнее было ведущим направлением клубной работы. Большинство клубных учреждений выполняли рекомендованный Положением о сельском лектории от 14 июня 1949 г. минимум лекционной пропаганды (ежемесячно 2—3 лекции в клубе и по одной — в ближайших населенных пунктах) в основном за счет лекций на общественно-политические темы. В конце 1940-х гг. на одного сельского жителя Центрального Нечерноземья приходилось в среднем 0,7—3,4 посещения клубных лекций и докладов в год, что свидетельствует об охвате клубной лекционной пропагандой малой части потенциальной аудитории.

Еще меньшее количество населения (в основном — молодежь) затрагивала кружковая работа. В 1947 г. в областях Центрального Нечерноземья на одну избу-читальню в среднем приходилось 2,7—5,3 кружков (в клубах — 3,4—4,6), которые посещало 0,02—0,06 % сельского населения. В 1949 г. на избу-читальню в среднем приходилось 3,3—4,8 кружков (на клуб — 3,7—6,1), посещавшихся 0,03—0,07 % населения. При этом следует отметить, что вторая половина 1940-х гг. была временем многообразия тематики кружко-

[33] Культурно-просветительная работа на селе … С. 360—361 ; Сборник руководящих материалов по клубной работе : В помощь сельским клубным работникам. 2-е изд., перераб и доп. М., 1951. С. 3—4.

вой работы. В 1947 г. сельские клубные учреждения могли предложить посетителям более десятка тематических кружков, наиболее распространенными из которых были политические. Действовали также хоровые, драматические, агрозоотехнические, общеобразовательные, литературные, военно-оборонные и др. Примерно такое же распределение аудитории кружков сохранилось и в 1949 г. В 1950 г., по сравнению с 1947 г., число и аудитория кружков выросли на четверть[34].

Ближе к «чистому» досугу находилась организация концертов, вечеров самодеятельности, выступлений агитбригад, хотя власть рассматривала самодеятельность как «одно из средств коммунистического воспитания»[35]. Частота их проведения также была невелика, а количество колебалось год от года. В 1947 г. 80—90 % изб-читален и клубов проводили спектакли и выступления самодеятельности, организовав в среднем 6—45,6 мероприятий. 70—90 % клубных учреждений организовывали вечера танцев. Агитбригады имелись при 9—60 % клубов и изб-читален (в Тульской области — при 85 %), выступая в среднем 5,4—31 раз в год. В 1949 г. мероприятия с участием самодеятельности организовывали 90—100 % клубных учреждений, в каждом из которых состоялось в среднем 5,6—10,4 выступлений, вечера танцев — 50—60 % клубов и изб-читален (в Орловской области — 95,6 %, в Смоленской — 100 %). Агитбригады действовали при 17,2—46,5 % клубных учреждений, проводя в год в среднем 6,2—16,6 выступлений. В 1950 г. по сравнению с 1947 г. состоялось 86,1 % выступлений самодеятельности, 55 % — агитбригад[36].

В послевоенные годы восстанавливается многоуровневая система смотров художественной самодеятельности[37], вершиной которой были концерты на сценах Москвы. При этом сельская самодеятельность часто существовала в отрыве от опеки партийной пропаганды и Домов народного твор-

---

[34] *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в культуре повседневного досуга … С. 110.
[35] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 10. Д. 187. Л. 1.
[36] *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в культуре повседневного досуга … С. 110.
[37] Самодеятельное художественное творчество в СССР : Очерки истории. 1930—1950-е гг. : в 2 кн. Кн. 1 / ред. С. Ю. Румянцев, А. П. Шульпин. М., 1995. С. 77.

чества, которые должны были оказывать ей методическую помощь и «направлять» при выборе репертуара. Подведение итогов сельских и районных смотров 1947 г. показало, что в репертуаре было много подготовленных наспех «вредных» пьес, инсценировок старинных свадебных обрядов «без критического подхода». Самодеятельные хоры исполняли песни, имевшие «только этнографическое значение». Вместо «содержательных народных танцев» демонстрировались «вариации чечетки», западноевропейские танцы, а также «чуждые народу безвкусные “лубки”». Кружки самодеятельности собирались «под большой праздник» или если удавалось достать новую пьесу[38].

Даже открытые клуб или изба-читальня нередко были недоступны деревне. В начале 1951 г. сотрудники отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ направили в бюро ЦК ВЛКСМ справку об участии комсомола Рязанской области в работе сельских клубов, в которой охарактеризовали содержание работы клуба колхоза «Мыс Доброй надежды» Сасовского района. Клубом руководил секретарь комсомольской организации. В марте 1950 г. клуб работал 16 вечеров: четыре вечера демонстрировалось кино, четыре были танцы, еще четыре была организована игра в шашки, два вечера ушли на выдачу читателям книг, два — на выпуск стенгазеты. В сентябре клуб работал восемь вечеров: слушали радио, играли в шашки и шахматы, читали газеты, работал кружок начального политобразования. «Неудивительно, что молодежь не любит клуб и очень редко посещает его. Помещение клуба напоминает большой, неуютный, крытый соломой сарай, который не отапливается. Еще в прошлом году в клубе были четыре печки, которые весной этого года разобрали, так как колхозу понадобился кирпич… Но бывают дни, когда, одевшись потеплее, 10—15 человек решаются прийти в клуб и весь вечер танцуют “Золотые горы”, “Ноченьку”, “Елецкого”. Село, где находится клуб, большое. В нем только молодежи проживает 120 человек…» — сооб-

[38] *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в культуре повседневного досуга … С. 110 ; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 742. Л. 95—96.

щалось в справке[39]. Из Селивановского района Владимирской области в начале 1951 г. комсомольцы писали в «Комсомольскую правду»: «Ни лекций, ни вечеров отдыха, ни вечеров художественной самодеятельности у нас не бывает. Часто клуб закрывают. Подойдут к клубу юноши и девушки, а он на замке. Посмотрят-посмотрят на закрытую дверь да и отправятся домой. Если откроется клуб ненадолго, то в нем такой холод, что зуб на зуб не попадает…»[40] О таком же положении в сельских клубах сообщалось в середине 1951 г. в письме из Куйбышевского района Калужской области в областную газету[41]. Из колхоза «Красное знамя» Веневского района Тульской области осенью 1951 г. писали Тульскому обкому комсомола о работе местного «очага культуры»: «Живем мы как темные, захолустные, оторванные от нашей Родины <…> Мы выписываем достаточное количество газет, журналов, имеем свой радиоприемник “Родина”, правду сказать, мы его не слушаем, так как нет в нашем районе для него питания и каких-либо запасных частей, нет у нас организатора, освобожденного от всяких других работ, который занимался бы только массово-воспитательной работой среди нашего населения, а не так, как мы сейчас проводим время: с вечера на печку…» Пытаясь оживить работу избы-читальни в колхозе, районные власти сменили ее заведующего, а когда это не помогло, Веневский райисполком перевел «очаг культуры» в более крупное село.

Кроме государственных клубных учреждений на селе действовали красные уголки и клубы колхозов, однако во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. количество их было невелико, работали они зачастую хаотично вследствие бедственного положения колхозов. Существовали также ведомственные клубы и библиотеки, подчинявшиеся райкомам отраслевых профсоюзов и обслуживавшие «свои» аудитории. Вход в них для «посторонних» часто был закрыт, как это было в Ясной Поляне Тульской области, где

[39] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 675. Л. 117—118.
[40] Там же. Д. 662. Л. 66.
[41] ГАДНИКО. Ф. П-42. Оп. 16. Д. 13. Л. 13.

из-за этого молодежь осаждала многочисленные закусочные, после чего устраивала драки[42].

Слабая материальная база сельских клубов, узкий спектр возможностей по организации досуга, периферийное положение культпросветработы по сравнению с хозяйственно-политическими кампаниями, малое количество свободного времени у жителей села, почти не знавшего официальных выходных и праздничных дней, тяжелые условия труда и быта давали достаточно места для того, чтобы потеснить институы советской культуры элементами традиционной досуговой культуры, профанированным подражанием западной музыкальной культуре. Дефицит клубного досуга приводил к «присвоению» функций клубов железнодорожными станциями, пристанями, общежитиями и другими людными местами[43].

Сельское руководство не замечало кризиса клубных учреждений, а часто само принимало участие в традиционных развлечениях, в числе которых были распространены гулянья в дни религиозных праздников, гадания на картах, азартные игры, кулачные бои, часто сопровождавшиеся употреблением алкоголя. В справке секретарю ЦК ВЛКСМ А. Е. Харламову о состоянии культпросветработы в Смоленской области в середине 1947 г. сообщалось, что из-за слабой материальной базы сельских клубов и «безучастного отношения» к их работе комсомольских организаций участились случаи хулиганства, пьянок, посещения церквей, гаданий, веры в чудеса. В Орловской области бытовали посещаемые и комсомольцами «посиделки», где пили, сквернословили, играли в карты. «Вечера молодежи» в Елецком Доме культуры сводились к организации «западных танцев», которые сопровождались выпивками и драками. В 1952 г. в области к уголовной ответственности было привлечено 1960 молодых людей, в том числе 199 комсомольцев. 88 культпросветучреждений на селе использовались не по назначению, в том числе для содержания скота. В сельской местности отсутствовали бани, имевшиеся

[42] ГАТО. Ф. П-188. Оп. 1. Д. 810. Л. 308.
[43] *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в культуре повседневного досуга … С. 111.

только в райцентрах. Однако и они работали только по два дня в неделю, поэтому зимой население «месяцами не мылось». В ряде сел Сосковского, Кромского, Елецкого районов жила традиция кулачных боев, которые приурочивались к религиозным праздникам[44]. В Троснянском районе в колхозе «Коммунар» на Покров день (15 октября 1949 г.) в кулачных боях принимали участие не только рядовые колхозники, но и секретарь колхозной парторганизации и председатель колхоза, который «вызывал у присутствующих восхищение своей отвагой». В местах поединков райпо организовало торговлю водкой[45]. Традиция кулачных боев «стенка на стенку» существовала в начале 1950-х гг. и в Рязанской области[46].

Еще до обнародования программы нового руководства страны по выводу сельского хозяйств из кризиса в сентябре 1953 г. в верхах было принято решение, свидетельствовавшее о стремлении усилить влияние учреждений и институтов культуры на население, устранить ведомственные начала в управлении ею. 15 марта 1953 г. слиянием Министерства высшего образования СССР, Министерства кинематографии СССР, Комитета по делам искусств, Комитета радиоинформации, Главполиграфиздата и Министерства трудовых резервов СССР создавалось громоздкое Министерство культуры СССР. Перешагнув рамки «культурно-просветительной работы», оно сосредоточивало руководство разными отраслями культуры. Позже началась перестройка областного, городского и районного звена руководства культурой[47]. 2 августа 1954 г. постановлением СМ РСФСР № 1220 было утверждено «Положение об отделе культуры исполкома райсовета депутатов трудящихся», на который возлагалось руководство библиотеками, избами-читальнями, сельскими клубами, домами культуры, лекториями, объединениями лекторов, парками культуры и отдыха, а также регистрация и учет всех прочих

[44] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 458. Л. 100; Д. 742. Л. 95, 99.
[45] ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 1. Д. 100. Л. 18.
[46] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 675. Л. 123.
[47] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г / под ред. канд. юр. наук Ю. И. Мандельштам. М., 1956. С. 79 ; *Кабанов П. И.* Очерки культурно-просветительной работы в СССР в послевоенные годы. 1945—1953 / отв. ред. В. Е. Быстров. М., 1955. С. 22 ; *Подрезов В.* Будни районного отдела культуры // Культурно-просветительная работа. 1954. № 10. С. 9.

культпросветучреждений независимо от ведомственной принадлежности, составление межведомственных планов развития их сети в районе и смет содержания. В отделе сосредоточивалось руководство развитием киносети и кинообслуживанием населения, он обладал правом контроля книготоргующих организаций, районных типографий и радиовещания. Состоя на местном бюджете, отдел должен был вести строительство, реконструкцию и ремонт подведомственных ему учреждений культуры, снабжать их оборудованием и ремонтировать[48]. Таким образом, в отличие от ведомственной разобщенности сталинской эпохи с ее разнообразием учреждений, руководящих в районе отраслями культпросвета и досуга населения, теперь эти функции концентрировались в одном органе.

Однако перестройки аппарата, а также другие изменения, произошедшие в политической жизни с приходом к власти Н. С. Хрущева, первоначально не привели к переменам в положении учреждений культуры. Принятые в конце 1953—1955 гг. постановления и решения пленумов ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства требовали от Министерства культуры СССР и Общества по распространению политических и научных знаний в первую очередь улучшения «пропаганды передового опыта и достижений сельскохозяйственной науки» и почти не говорили об улучшении материального положения сельских учреждений культуры[49]. Докладные записки новому руководству страны об этом рисовали картину полного упадка. Уже 1 сентября 1953 г. сотрудники отдела науки и культуры ЦК КПСС направили Н. С. Хрущеву записку, в которой оценили состояние культуры на селе как «неудовлетворительное» и «оторванное от жизни колхозной деревни», а существовавшую сеть ее учреждений — как «не могущую удовлетворить потребностей колхозного крестьянства». Министерство культуры СССР в вину было поставлена концентрация «на вопросах культурного строительства в городе», забвение «развития культуры на селе». Хрущев отреагировал на подня-

[48] Материалы по культурно-просветительной работе. С. 153—154.
[49] КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986) : в 16 т. 9-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. А. Г. Егорова и К. М. Боголюбова. Т. 9 : 1956—1960. М., 1986. С. 339—341, 390, 489—490.

тый вопрос созданием специальной комиссии ЦК[50]. В марте 1955 г. в справке о состоянии культпросветработы в сельской местности РСФСР министр культуры РСФСР Т. М. Зуева сообщала: «Сельские учреждения культуры размещены, преимущественно, в бывших кулацких домах и других приспособленных зданиях, и большинство их в настоящее время уже изношено до крайности… Оснащение… также крайне бедное: нет мебели и очень мало музыкальных инструментов… Нередко бывает так, что население на киносеанс приходит со своими стульями…»[51]

Спустя год, в марте 1956 г., Министерство культуры РСФСР обратилось в бюро ЦК КПСС по РСФСР с предложением принять постановление об улучшении культпросветработы, уровень которой оценивался как «низкий», а состояние сельских учреждений культуры как «запущенное». Составители проекта учитывали происходившие на селе изменения, связанные с децентрализацией руководства сельскими районами, укрупнением колхозов и сельсоветов, попытками повысить их самостоятельность в решении местных вопросов, в том числе — и в организации досуга населения. Предлагалось «укрепить» сельские учреждения культуры кадрами, повысив их заработную плату до уровня учителя начальной школы, установить надбавку за стаж за счет сокращения части клубных учреждений, объединения части их с сельскими библиотеками и передачи на содержание «экономически крепких колхозов». При такой перестройке на сельсовет должен был приходиться один сельский клуб, а его заведующий становился «культурорганизатором» всех учреждений культуры сельсовета (колхозных клубов, красных уголков и др.). Предлагалось ввести выборность правления клуба и его отчетность перед населением. Внимание партруководства РСФСР обращалось и на скудное финансирование клубных учреждений[52].

---

[50] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 451. Л. 129, 132, 135, 137.
[51] ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 758. Л. 153.
[52] *Зубынин Л.* О построении сети клубов // Культурно-просветительная работа. 1956. № 4. С. 15—16.

В годы оттепели власть попыталась повысить отдачу от клубных учреждений, культивируя в их деятельности «советский демократизм»[53]. Но и к середине 1950-х гг. много сельских клубов, да и районных Домов культуры, выглядели аутсайдерами на фоне бурного развития на селе радио, кино, телевидения[54]. Хотя число сельских клубных учреждений в Центральном Нечерноземье увеличивалось (за 1953—1957 гг. — на 8,9 %)[55], система их финансирования не изменилась[56]. В начале 1960-х гг. расходы на культпросветработу по госбюджету РСФСР даже уменьшились[57], хотя в ходе унификации клубных учреждений на базе сельских клубов росло количество их собственных киноустановок, которые имелись в 0,7—9,3 % изб-читален (в Ивановской области — в 20,7 %, в Московской — 44,2 %, в Ярославской — 53,9 %) и в 10,7—28,6 % сельских клубов (в Смоленской области — 3,6 %, в Ивановской — 51,7 %, в Московской — 80 %). Однако в целом спектр клубного досуга был узким, слабым — охват аудитории. В 1955 г. сельские клубные учреждения обеспечили проведение в среднем 1,0—3,4 лекций на сельского жителя. Объем лекционной пропаганды составил 78,5 % от уровня 1947 г., а охват аудитории — 85,8 %. На избу-читальню приходилось в среднем 1,3—2,6 кружка, на клуб — 2,1—3, которые посещало 0,01—0,06 % сельских жителей. По сравнению с 1947 г. действовало 60,0 % кружков с числом занятых 55,0 %. В большинстве клубов имелись агитбригады и самодеятельность, хотя интенсивность выступлений была невысокой: в среднем в год 2,5—12,7 выступлений самодеятельности и 0,8—2,7 агитбригад на клубное учрежде-

---

[53] Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза, 27 января — 5 февраля 1959 года : стенографический отчет : [в 2 т.]. М., 1959. Т. 1. С. 103 ; *Пыжиков А. В*. Политические преобразования в СССР (50—60-е гг.). М., 1999. С. 190, 193—194, 215, 216, 234—235.

[54] *Кометчиков И. В*.: 1) Клубные учреждения в повседневном досуге села Центрального Нечерноземья середины 1950-х — начала 1960-х гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 «История. Регионоведение. Международные отношения». 2014. № 6 (30). С. 20—21 ; 2) Об одной пропагандистской кампании : Всесоюзный поход комсомола и молодежи за культуру (1958—1960) в Центральном Нечерноземье // Свободная мысль. 2014. № 1 (1643). С. 158—159.

[55] Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1958 году : статистический ежегодник. М., 1959. С. 469 ; Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. С. 526.

[56] *Кометчиков И. В*. Клубные учреждения в повседневном досуге села … С. 21.

[57] Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик. С. 46.

ние. В 1955 г. количество выступлений самодеятельности составило 71,3 %, агитбригад — 30,6 % от уровня 1947 г.[58]

Много писем жителей глубинки, темой которых был упадок учреждений культуры, узкий спектр организуемого ими досуга, его коммерциализация и т. д., поступало в середине 1950-х гг. в партийные и комсомольские органы, редакции газет и журналов[59]. Их авторы обозначили важную и для власти, и для деревни проблему хронического отставания институтов советской культуры от прогресса материального производства и изменений ее социальной структуры, различий в доступности и разнообразии «культурных благ» в городе и на селе. Осенью 1955 г. в редакцию «Комсомольской правды» поступило письмо старожила г. Алексина —развивающегося райцентра Тульской области. Его автор сравнивал свою жизнь в «двух эпохах» — «эпохе монархизма» и «эпохе построения коммунистического строя». Жизнь в первой описывалась как череда 10—12-часовых трудовых смен шестидневной рабочей недели и воскресного отдыха, состоявшего из церковных служб, посещения трактиров, а также азартных игр и кулачных боев. Октябрь 1917 г. открыл «новую эпоху», которую автору письма пришлось дважды защищать с оружием в руках, мечтая о «переменах в жизни для трудового народа». Однако окружавшая его на склоне лет реальность не отличалась от «эпохи монархизма». Досуг населения Алексина и прилегающих поселков попрежнему был заполнен азартными играми, хулиганством, пьянством и драками: «Я выхожу на стадион поселка и вижу то же самое, что видел в молодости… Чайная и забегаловка забиты до отказа грязным рабочим классом молодежи, на зеленой траве стадиона также группы рабочих, развлекающихся игрой в очко, домино, лото и другие игры. Ребятишки-школьники играют в вышибалку под деньги, в каждой группе слышится трехэтажный мат, особенно много мата в детской группе. <…> И вот я лежу в постели больной и

[58] *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в повседневном досуге села … С. 21—22.
[59] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323 Д. 120. Л. 10—12 об., 15; Д. 209. Л. 201 об.; Д. 634. Л. 67—67 об. ; ГАДНИКО. Ф. П-2264. Оп. 13. Д. 11. Л. 35, 36 об.—38 ; ГАТО. Ф. П-188. Оп. 1. Д. 913. Л. 92 ; ГАНИСО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 534. Л. 21, 25—25 об.

думаю: что принесли трудовому народу эти жертвы лучших людей страны, павших на поле боя и лишенных трудоспособности и здоровья…»[60]

«Сверху» причина слабости материально-технической базы сельских культпросветучреждений и узкого спектра клубного досуга виделась в ведомственности, а ее преодоление — в расширении внебюджетного финансирования и общественной активности. Местная власть обязывалась активизировать ремонт и оборудование клубов за счет местного бюджета, самообложения и других источников, «поддерживать» инициативу колхозов. Увеличение числа колхозов, имевших или строивших собственные клубы, обусловило принятие «Положения о колхозном клубе» (1954 г.). Отражая стремление к равномерному размещению учреждений культуры по территории района, устанавливалась регистрация колхозного клуба в отделе культуры РИКа[61]. На протяжении 1953 — начала 1960-х гг. в верхах было разработано несколько проектов реформирования системы сельского культпросвета, но ни один из них не был реализован полностью, главным образом из-за слабой экономики колхозов, которые должны были принять на себя его финансирование[62]. Официально рекомендовались лишь некоторые меры[63].

Следует отметить, что в конце 1950-х гг. Центральное Нечерноземье стояло на пороге нового витка концентрации сельхозпроизводства с сселением мелких населенных пунктов, что повлияло на сеть учреждений культуры. Расходовать средства государства на любое их плановое строительство запрещалось[64]. Решение перекладывалось на плечи колхозов, совхозов, предприятий, перепоручалось комсомолу, профсоюзам[65]. Однако увеличение сельхозпредприятиями финансирования клубных учреждений происходило с трудом, так как зависело от состояния их экономики, а она была слабой. Так,

---

[60] ГАТО. Ф. П-188. Оп. 1. Д. 913. Л. 121—122 об.
[61] Материалы по культурно-просветительной работе. С. 64, 70, 171—172.
[62] *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в повседневном досуге села … С. 22.
[63] Материалы по культурно-просветительной работе. С. 95, 98—100, 165—171 ; Культурно-просветительная работа на селе. С. 360—363.
[64] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1015. Л. 129.
[65] XIII съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, 15—18 апреля 1958 года : стенографический отчет. М., 1959. С. 36, 313 ; ГАДНИКО. Ф. П-2264. Оп. 24. Д. 15. Л. 35, 37 ; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1011. Л. 147, 158; Д. 1013. Л. 245—247; Д. 1014. Л. 1—3, 5, 9, 135; Д. 1015. Л. 82—83, 88, 107, 109—111; Д. 1016. Л. 59; Д. 1018. Л. 20, 71, 75, 78, 183, 188, 191; Д. 1021. Л. 191—192.

в 1958 г. только колхозы пяти областей отчислили в культфонд 1,06—1,46 % годового денежного дохода, а колхозы прочих — менее 1 %. В 1959 г. более 1 % годового денежного дохода отчислили только колхозы Рязанской области. Строительство помещений культурно-бытового назначения в объеме капиталовложений 1958—1959 гг. почти повсеместно не превышало 3 %[66]. Статистика Министерства культуры РСФСР свидетельствовала, что к началу 1960-х гг. материальная база сельских клубных учреждений Центрального Нечерноземья оставалась слабой, хотя по сравнению с серединой 1950-х гг. обеспеченность клубами и избами-читальнями выросла в среднем до 1,8—2,7 единиц на сельсовет. Сократилось количество клубов, располагавших собственными библиотеками, неудовлетворительным было обеспечение инвентарем. При этом клубы активно насыщались оборудованием для трансляции кинофильмов, фонограмм, телепередач. В 1960 г. собственной киноустановкой располагали 12,3—49,2 % изб-читален (во Владимирской области — 51,1 %, в Смоленской — 67 %) и 35—87,6 % клубов, уровень радиофикации изб-читален составлял 40—70 %, клубов — 40—75 %[67]. Рост оснащенности трансляционной аппаратурой препятствовал развитию сложных форм клубного досуга, способствовал его «коммерциализации»[68].

В лучшем положении находились библиотеки, хотя в 1953—1962 гг. их количество сократилось с 12 926 до 11 779. При этом в 2,5 раза увеличился объем книжного фонда, которым располагала в среднем каждая из них[69]. Статистика распределения запросов читателей сельских библиотек убеждает, что восприятие книги, прежде всего как развлечения, отмечавшееся в первые послевоенные годы, с ростом библиотечных фондов к началу 1960-х гг. только усилилось. На 1 января 1960 г. в общем объеме книговыдач 4,8—8,2 % составляли запросы на выдачу общественно-политической литературы, 1,4—2,9 % — книг по естествознанию, 1,0—2,4 % — технической, 4,2—8,3 % —

---

[66] ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 3023. Л. 162«а»—162 об«б».

[67] *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в повседневном досуге села … С. 23—24.

[68] *Антонов В.* О делах коммерческих и культурной работе // Культурно-просветительная работа. 1958. № 4. С. 38—39 ; Опыт историко-социологического изучения села «Молдино» / под ред. В. Г. Карцова. М, 1968. С. 383—384 ; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1056. Л. 160.

[69] Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. С. 526 ; Народное хозяйство РСФСР в 1958 году. С. 469.

сельскохозяйственной, а на выдачу художественной приходилось от 47,0 до 58,6 %, детской — 27,1—34,3 %[70]. За почти 10 лет (с 1951 по 1959 г.) деревня Центрального Нечерноземья стала больше читать: объем книговыдач вырос в 1,6—3 раза (только в Московской области — в 1,2 раза)[71]. За 1950—1965 гг. расходы госбюджета РСФСР на массовые библиотеки увеличились в 3 раза[72]. В экономически крепком колхозе «Молдино» Удомельского района Калининской области действовали две стационарные библиотеки и шесть передвижных, фонды которых на 48 % состояли из художественной литературы, на 24 % — из детской и на 10 % — из общественно-политической. Наибольшим спросом пользовалась художественная литература. Колхозники пользовались также библиотекой школы, личной библиотекой председателя колхоза. В среднем, колхозная семья брала в год 30—40 библиотечных книг. Колхоз ежегодно выделял на пополнение фондов библиотек 50—150 руб. Читателями Лугининской государственной сельской библиотеки являлись 406 чел., на каждого из которых в среднем приходилось в год 18—20 выдач книг[73]. В целом в Калининской области каждый третий житель был читателем библиотеки. В Кашинском районе на каждую тысячу жителей приходилось 850 читателей, в Весьегонском — 810. В Калязинском, Нелидовском, Лихославльском, Удомельском районах семей, бравших в библиотеке литературу, насчитывалось от 92 до 98 %. В среднем в год на одного читателя приходилось 6—10 прочитанных книг, в основном, художественных. Наиболее активными читателями была молодежь[74].

В то же время стоит отметить, что разнообразие сложных вербальных форм клубной работы постепенно вытеснялось единообразием кино-, радио-

---

[70] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 2954. Л. 24—24 об., 26—26 об., 34—34 об., 40—40 об., 43—43 об., 51—51 об., 64—64 об., 80—80 об., 87—87 об., 104—104 об., 114—114 об. ; Рязанское село Кораблино : (История, экономика, быт, культура, люди села) / отв. ред. и рук. авт. колл. проф. В. И. Селиванов. Рязань, 1957. (Ученые записки РГПУ ; т. 18). С. 128, 393—394.

[71] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 2954. Л. 24—24 об., 26—26 об., 34—34 об., 40—40 об., 43—43 об., 51—51 об., 64—64 об., 80—80 об., 87—87 об., 104—104 об., 114—114 об.; Ф. А-534. Оп. 1. Д. 330. Л. 29—30, 46—47, 75—76, 98—99, 127—128; Д. 331. Л. 48—49, 52—53, 55—56, 80—81, 91—92, 95—96, 107—108, 151—152.

[72] Подсчитано по: Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик. С. 47.

[73] Опыт историко-социологического изучения села «Молдино». С. 384—387.

[74] *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964. С. 324—326.

и телетрансляций. Не увеличивался объем лекционной пропаганды сельских клубных учреждений: в 1960 г. он составил 94,2 % от уровня 1947 г., аудитория — 97,6 %. Стагнировала кружковая работа: общее количество кружков составило 70,6 %, а число их участников — 61,7 % от уровня 1947 г. Участники самодеятельности провели в среднем в год в сельском клубном учреждении 6,1—10,3 выступлений, еще 1,4—3,5 выступлений состоялось благодаря агитбригадам. По сравнению с 1947 г. самодеятельностью клубов было организовано 67,7 % концертов, агитбригадами — 52,7 %[75]. Барьерами для развития самодеятельности были отсутствие квалифицированных организаторов, трудовая занятость ее участников, их возраст: большинство составляла молодежь, «отстававшая» от самодеятельности с появлением собственной семьи[76]. Спад активности самодеятельности ко второй половине 1950-х гг. происходил и из-за разрыва преемственности между поколениями ее участников, потери интереса к традиционному репертуару, роста ожиданий к культуре исполнения под влиянием радио, кино и т. д.[77] Фасадом самодеятельности, имевшим мало общего с ее повседневностью, оставались парадные смотры разного масштаба[78]. Самодеятельное творчество страдало из-за попыток подражания профессиональным артистам, от вытеснения традиционного репертуара стилизованным «под фольклор» и усиления официального контроля[79]. В программах смотров этого времени 30—40 % номеров занимали «общерусские» песни, еще 30—40 % — авторские произведения, представлявшие собой стилизацию народной музыки. Шло активное освоение музыки кинофильмов и грамзаписей[80], усиливалась унификация фольклорной традиции танца, тиражировавшаяся в виде «методических рекомендаций»

---

[75] *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в повседневном досуге села … С. 24.

[76] *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Культура и быт колхозников Калининской области. С. 313, 332—333, 338—339.

[77] *Литовкин Е. В.* Восстановление и развитие культурно-просветительной работы Рязанской области в послевоенный период. Рязань, 2004. С. 166—170.

[78] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 10. Д. 187. Л. 8—9, 11—12.

[79] Самодеятельное художественное творчество в СССР : Очерки истории. Конец 1950-х — начало 1990-х гг. / К. Г. Богемская, П. Р. Гамзатова, С. Ю. Румянцев и др., пред. редкол. Л. П. Солнцева. СПб., 1999. С. 108—109, 336, 338, 339, 341—342 ; *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в повседневном досуге села … С. 25.

[80] Дома народного творчества России: ретроспектива и современность : Исторические очерки / ред.-сост. Л. А. Богуславская. М., 2009. (Сохранение и развитие нематериального культурного развития народов России ; кн. 1). С. 409.

для танцевальной самодеятельности[81]. Предпринимались и попытки ввести централизованное утверждение репертуара самодеятельности. В 1955 г. Всесоюзный дом народного творчества им. Н. К. Крупской направил в Министерство культуры СССР свои предложения по ужесточению контроля за репертуаром самодеятельности, предложив выпускать раз в квартал списки рекомендованных пьес и эстрадных номеров как основы репертуара. Директора Домов народного творчества в регионах могли дополнить присланный из Москвы список только произведениями национальных авторов. Обязанность контролировать репертуар самодеятельности возлагалась на директоров РДК, начальников областных и районных отделов культуры[82]. На местах предпринимались попытки запретить даже пение частушек, казавшихся фривольными[83].

В передовых колхозах в конце 1950-х — начале 1960-х гг. вследствие роста общественного хозяйства и благосостояния населения, радиофикации, электрификации, укрепления материальной базы клубных учреждений они были на подъеме. Уходила в прошлое традиция досуговой самоорганизации молодежи, вытеснявшаяся досугом в клубе и на спортивной площадке. Работники клубов отмечали преобладание в будни молодежной и подростковой аудитории, появление взрослых — только по праздникам или «значительным» поводам[84]. Население же большинства экономически слабых хозяйств отмечало нахождение их села на периферии «культурной жизни», недостаток у колхозов средств на «культуру», остаточное бюджетное финансирование клубов, скудный выбор форм клубного досуга, индифферентность местной власти к этому. Неразвитость будничного клубного досуга считалась одной из основных причин распространения карточных игр, пьянства, хулиганства,

---

[81] Самодеятельное художественное творчество в СССР : Очерки истории. 1930—1950-е гг. Кн. 1. С. 143.
[82] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 10. Д. 187. Л. 22—23.
[83] *Кобзев И.* Как изгнали «Сашеночку» // Культурно-просветительная работа. 1955. № 12. С. 46—47. Одной из работ, рассматривающих проблему взаимовлияния фольклора и советской культуры на уровне дискурса, является исследование К. А. Богданова, в котором приводятся свидетельства пропагандистской работы с исполнителями частушек, а также формирования образцов частушечного творчества, «сочетающие тематику текущей пропаганды с мотивами интимных переживаний и коллективных радостей» (*Богданов К. А.* Vox populi : Фольклорные жанры советской культуры. М., 2009. С. 192—193).
[84] *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в повседневном досуге села … С. 25.

драк[85], уличных танцев и частушек. Молодежь одной из бригад колхоза «Путь к рассвету» Кромского района осенью 1956 г. обратилась в Орловский обком КПСС с просьбой освободить клуб от зерна, которое находилось там уже более двух месяцев: «Мы живем в советском государстве и должны продвигать культуру в села, а у нас получается наоборот, живем по старинке и приходится молодежи собираться в хатах, все равно <как> в дореволюционной России. До прошлого года скиталась молодежь по хатам-сидокам. В прошлом году в августе открылся клуб, но радоваться нам долго не пришлось — он снова под зерном…»[86] Увлеченность лото и карточными играми, а также организация самодеятельных танцев и исполнения частушек под гармонь или аккордеон компенсировали неразвитость «официального» досуга даже в довольно благополучных с точки зрения работы учреждений культуры населенных пунктах[87]. Распространенность «заменителей» досуга вынуждено было признавать и республиканское руководство культуры[88].

На рубеже 1950—1960-х гг. многие официальные учреждения культуры села по-прежнему могли предложить населению довольно узкий спектр досуга, что наряду с более низким по сравнению с городом уровнем оплаты труда, скромным выбором профессий, тяжелыми условия работы и быта являлось причиной миграции в города. Особенно много уезжало молодежи. Председатель рабочкома совхоза «Анастасьино» Смоленского района Смоленской области размышлял в письме ЦК КПСС: «Как известно, на Смоленщине деревни малые, как правило, от 20 до 60 домов, в которых избы плохие, в большинстве из них нет ни бань, ни клубов, зачастую даже колодцев, молодежь сейчас стала не та, что была 40 лет тому назад. Она желает жить не только богато, но и культурно, это нужно учитывать. Никакие администра-

[85] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1078. Л. 21; Д. 1256. Л. 179—182, 185; Д. 1257. Л. 12, 104 ; ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 226. Д. 946. Л. 47; Оп. 227. Д. 639. Л. 70—74.
[86] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 634. Л. 67—67 об.
[87] Рязанское село Кораблино … С. 198, 390—391. Примечательно, что в тетрадях учащихся Кораблинской средней школы, содержавших рукописные тексты песен, с которыми знакомились этнографы, изучавшие село и его жителей, кроме песен советских композиторов, цыганских романсов и народных песен, присутствовали и песни «блатного типа» с нецензурной лексикой. Многие их записи были уничтожены перед просмотром «чужаками». См.: Там же. С. 201.
[88] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 8. Л. 2.

тивные меры, законы не помогут удержанию молодежи в деревне… нужны меры более капитальные и правильные, нужно настойчиво подтягивать деревню к уровню города…»[89]

Отставание культпросветучреждений села в организации будничного досуга отчасти компенсировалось попытками сделать их эпицентрами советской праздничной культуры и обрядности. К концу 1950-х — началу 1960-х гг. новые праздники и обряды начинают действовать как многоуровневая система, заостренная против религиозности и стремящаяся к «тотальному» охвату жизни советского человека. Устанавливается тесная взаимосвязь между внедрением советского праздника и его рецепцией населением на основе включения «приемлемого» старого в новое, ускоряющая размывание традиционной культуры деревни[90].

Новые возможности проведения досуга постепенно видоизменяли традицию досуговой самоорганизации молодежи, создавая сплав ее традиционных и новых форм. В отдаленных от центральной усадьбы деревнях экономически крепких колхозов Калининской области в начале 1960-х гг. жила традиция посиделок (или «бесед») и «светлых вечеров», самостоятельно организуемых молодежью. Но если раньше по таким случаям арендовалась одна из изб, то теперь «на беседу» собирались в более просторном доме одного из ее участников или в домах каждого по очереди. В «беседах», на которые собирались в основном девушки, принимали участие и домашние. Собравшиеся слушали радио или патефон. Часто с «беседы» молодежь отправлялась в кино или клуб. Разрастание сети учреждений культуры вытесняло «беседы». Более широко были распространены «светлые вечера», которые собирались и в населенных пунктах, где были клуб, кино и т. д. Поводами для них становились проводы в армию, приезд односельчан на побывку и т. д. На «светлый вечер» собиралась молодежь со всей округи. Для «гулянья», как и

[89] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1261. Л. 88.

[90] *Кометчиков И. В.* Советские праздники и обряды на селе Центрального Нечерноземья 1945 — начала 1960-х гг.: распространение и рецепция населением // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 2 (40). Ч. 2. С. 105.

раньше, арендовалась свободная изба, где танцевали под гармонь, двусмысленно шутили, пели частушки, играли. Быстрота вытеснения «светлых вечеров» также считалась производной от разнообразия клубного досуга и активности местной комсомольской организации[91].

Таким образом, стремясь нивелировать общественное мнение в условиях материальной и технологической отсталости культуры села, власть в середине 1940-х гг. обособила культпросветработу, формально отказалась от ее сплошной идеологизации, пыталась расширить содержание. Однако скудость средств, на которые могли рассчитывать сельские клубы, предопределила медленную перестройку их функционирования, частичный охват сферы досуга деревни. Не сумев построить сеть клубов, равномерно охватывавшую основные звенья укрупненного колхозно-совхозного производства, наладить их повседневную работу, власть к началу 1960-х гг. все больше полагается на прогресс кинофикации, радио- и телетрансляций, теснивших сложные вербальные формы работы клубов с населением. Под влиянием этой тенденции многие сельские клубы утрачивают потенциал многопрофильных «очагов культуры», какими, судя по статистике, они были во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг.

3.2. Живое слово на службе власти: функционирование на селе лекционной пропаганды

Лекционная пропаганда долгое время являлась ведущим инструментом мобилизации властью общественного мнения и формирования настроений. Ее организация и функционирование изучались как часть культпросветработы, а содержание и масштабы свидетельствовали о тесной связи города и села, интеллигенции и трудящихся, о немалых «педагогических» усилиях партии и государства[92]. В литературе лекционная пропаганда часто анализирует-

---

[91] *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Культура и быт колхозников Калининской области. С. 245—246, 311—312.

[92] *Кабанов П. И.* Очерки культурно-просветительной работы в СССР … С. 60—68 ; Культурно-просветительная работа в СССР / под ред. Т. А. Ремизовой. М., 1974. С. 3, 4, 184—223 ; *Пиналов С. А., Чер-*

ся в рамках тоталитарной концепции, сводящей ее к индоктринации, дополнявшей террор[93]. Реальная степень ее влияния на сельское население при этом часто остается умозрительной, так как концептуально ее роль уже определена. Кроме того, за рамками исследовательского фокуса часто остается ее экономическое значение.

Рассмотрим сначала институциональные рамки, в которых действовала лекционная пропаганда. В первые послевоенные годы ею на селе занималось несколько структур. Одной из них являлись учреждения культуры, ставшие базой для чтения лекций при местных Советах[94]. Налаживание работы областных лекционных бюро и особенно районных лекторских групп происходило медленно, созданные действовали нерегулярно, многие местные советские органы не руководили ими[95]. Еще более медленно складывалась сеть сельских лекториев: в отличие от штатных лекторов областных и городских лекционных бюро члены районных лекторских групп, а также сельских лекторских объединений действовали на общественных началах[96]. Оплачивался труд только лекторов областных, краевых, республиканских (АССР) и городских лекционных бюро, а также Центрального лекционного бюро (ставка лектора за двухчасовую лекцию колебалась от 300 до 500 руб. в зависимости от квалификации, наличия ученой степени или звания). Лекции на периферии оплачивались по ставкам, на 30—50 % превышающим ставки для лекций в Москве. Ставка лектора также зависела от его квалификации и наличия ученой степени или звания и колебалась от 100 до 300 руб. с 10—30 % надбав-

---

нявский Г. И., Виноградов А. П. История культурно-просветительской работы в СССР. Киев, 1983. С. 3, 6, 177—204.

[93] *Brzezinski Z.* The Permanent Purge : Politics in Soviet Totalitarianism. Cambridge (Mass.), 1956. P. 18, 19, 29—37 ; *Friedrich C. J., Brzezizinski Z. K.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. 2nd ed. / revised by C. J. Friedrich. Cambridge (Mass.), 1965. P. 21, 22 ; How Russia is ruled / rev. ed. M. Fainsod. Cambridge (Mass.), 1970. P. 593—596 ; *Inkeles A*. Public opinion in Soviet Russia : A Study in mass Persuasion. Cambridge (Mass.), 1951. P. 121—131 ; Категории политической науки / пред. ред. совета А. В. Торкунов, рук. авт. колл. А. Ю. Мельвиль. М., 2002. С. 160, 168—169.

[94] *Кабанов П. И.* Очерки культурно-просветительной работы в СССР … С. 61—63.

[95] Сборник руководящих материалов по культпросветработе. С. 51, 53, 54 ; *Бароненков Ю.* Больше внимания районной лекторской группе // Культурно-просветительная работа. 1947. № 3. С. 45 ; *Зуева Т.* О задачах культурно-просветительной работы в деревне : (сокращенная стенограмма доклада на Всероссийском совещании по культурно-просветительной работе 11 июня 1947 г.) // Культурно-просветительная работа. 1947. № 8. С. 30—31.

[96] Сборник руководящих материалов по культпросветработе. С. 57—58, 132, 133, 134 ; Культурно-просветительная работа на селе. С. 7.

кой за выступление в сельской местности[97]. Неслучайно в директивах центральной власти речь шла именно о скорейшем создании районных лекторских групп, а «Положение о сельском лектории» было утверждено только 14 июня 1949 г.[98] Основной целью его деятельности определялась «пропаганда политических и научных знаний» посредством чтения «популярных лекций», причем не только лекторами-общественниками из числа сельской интеллигенции, но и работниками партийных, комсомольских органов, лекционных бюро, лекторами Общества по распространению политических и научных знаний. Лекторий должен был организовать 2—3 лекции в месяц в пункте расположения и по одной — в ближайших населенных пунктах[99]. Большинство сельских клубных учреждений выполняло этот план: в 1950 г. на одну избу-читальню в среднем приходилось от 28,5 до 49 лекций и докладов (в Великолукской области — 74 лекции, в Калининской — 67), на один сельский клуб — от 38,5 до 66,8 лекций и докладов (в Великолукской области — 86, в Калининской — 84,5), т. е. в среднем 0,6—1,2 лекции и доклада в неделю на сельский клуб, 0,7—1,3 лекции и доклада — на избу-читальню[100]. Аудитория лекций была невелика и составляла в среднем 30—70 слушателей, чаще всего жителей того населенного пункта, где находился сельский клуб или изба-читальня, то есть основная масса сельского населения не охватывалась лекциями местных культпросветработников. В 1947 и 1949 гг. на сельского жителя в областях Центрального Нечерноземья приходилось в среднем от 0,7 до 3,4 посещений клубных лекций и докладов. Наиболее распространенными были лекции общественно-политической тематики (в среднем 0,5—1,5 посещений в год на сельского жителя), по вопросам техники и агротехники (0,06—0,5 посещений), на естественно-научные (0,03—0,4 посещений), на литературные и художественные темы (0,03—0,2 посещений)[101].

---

[97] Сборник руководящих материалов по культпросветработе. С. 132—134.
[98] Там же. С. 9—12, 31, 48—49.
[99] Сборник руководящих материалов по клубной работе. С. 7—9.
[100] *Кометчиков И. В*. Лекционная пропаганда на селе Центрального Нечерноземья 1945 — начала 1960-х гг.: организация и функционирование // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 7 (45). Ч. 1. С. 81.
[101] Там же.

Другим институтом лекционной пропаганды являлось Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (далее — Общество. — *Авт.*). Его предтечей можно считать Союз воинствующих безбожников. Постановлением СМ СССР от 29 апреля 1947 г. № 1377 Союз был упразднен, а функция по «распространению научных и материалистических знаний» передавалась Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний[102]. Создание новой структуры в дополнение к лекционным бюро, районным лекторским группам и сельским лекториям находилось в русле активизации пропаганды в военные и первые послевоенные годы. Создание Общества можно также объяснить стремлением максимизировать число лекторов посредством привлечения к чтению лекций научных и политических работников. На первых порах Общество объединяло преимущественно представителей городской (научной и вузовской) интеллигенции. Ему было предназначено стать верхним ярусом лекторского пропагандистского аппарата. Согласно Уставу Всесоюзного общества, принятому 9 июля 1947 г., оно являлось «общественной политико-просветительной организацией» по «распространению научных и политических знаний» путем организации публичных лекций. Членство в Обществе формально было добровольным и имело две градации. Действительными членами являлись лично принимавшие участие в составлении и чтении лекций, написании научно-популярной литературы, а членами-соревнователями — читавшие лекции на основе одобренных Обществом текстов и участвовавшие в организации научных опытов, выставок и т. д. Единовременный вступительный взнос для членов-учреждений составлял 10 тыс. руб., для действительных членов — 100 руб., для членов-соревнователей — 50 руб. Членские взносы устанавливались и для членов-учреждений[103]. Действительное членство давало возможность выступать от имени Общества с платными лекциями. Однако документация о деятельности отделений Общества свидетельствует, что плат-

[102] ГАРФ. Ф. Р-9547. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
[103] ГАРФ. Ф. Р-9547. Оп. 1. Д. 2б. Л. 25—27, 36.

ные лекции местных интеллигентов в глубинке составляли меньшую часть объема его работы. В сельских районах членство было обременительной обязанностью, связанной с уплатой высоких для села членских взносов. В справке о деятельности Общества, подготовленной в апреле 1949 г. отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) для Г. М. Маленкова и М. А. Суслова, указывалось, что Общество не превратилось в массовую организацию, «не преодолело известной замкнутости и не покончило с неправильной тенденцией ограничивать состав Общества узким кругом деятелей науки»[104]. Среди части партруководства на местах образование ячеек Общества было воспринято как сигнал к массовой вербовке его членов[105]. Получая предложение вступить в Общество, многие сельские интеллигенты рассуждали: «Зачем же я буду вступать в Общество, где с меня потребуют уплаты вступительного и членских взносов, обяжут бесплатно читать лекции, писать тексты лекций, если я все равно читаю те же бесплатные лекции на те же темы по линии культпросветотдела или РК ВКП(б), но где от меня не требуют никаких денег и не заставляют писать текстов лекций…»[106]

Однако власть была заинтересована в превращении Общества в действительно массовую организацию. Для этого Обществу периодически предоставлялись финансовые льготы[107]. 20 июня 1949 г. было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О мерах по улучшению работы Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний»[108]. При его подготовке в 1949 г. отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) внес предложения по уменьшению размеров вступительного и членских взносов для действительных членов Общества в сельских районах до 25 и 15 руб., для членов-соревнователей — до 15 и 5 руб. соответственно, мотивируя это тем, что их размеры являются «препятствием» для роста рядов Общества. На 1 января

---

[104] *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда … С. 81—82.
[105] ГАРФ. Ф. Р-9547. Оп. 1. Д. 613. Л. 182—184.
[106] Там же. Л. 138.
[107] *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда … С. 82 ; Материалы по культурно-просветительной работе. С. 204.
[108] КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986) : в 16 т. 9-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. А. Г. Егорова и К. М. Боголюбова. Т. 8 : 1946—1955. М., 1986. С. 193.

1949 г. в составе действительных членов Всесоюзного общества числилось всего 80 учителей, 549 агрономов, 916 врачей, в составе членов-соревнователей, соответственно, 3338, 662 и 1163[109]. Постановлением размер вступительных взносов для действительных членов Общества понижался до 50 руб., для членов-соревнователей до 20 руб., членские взносы — до 25 и 10 руб. соответственно[110]. В сентябре 1951 г. с предложением вновь понизить размеры взносов в отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) обратилось правление Общества, так как их ставки вновь были признаны «обременительными». Партийные пропагандисты поддержали это[111]. 5 февраля 1949 г. Правление Всесоюзного общества утвердило «Положение об условиях работы и оплате труда нештатных уполномоченных по распространению билетов на публичные лекции и другие мероприятия», по которому каждому из них отводился район или список предприятий и организаций, выплачивалась комиссия до 10 % суммы, вырученной от реализации билетов[112].

Власть продолжительное время мирилась с параллелизмом в работе областных и особенно районных отделений Общества, низовых объединений лекторов областных лекционных бюро, штатных и внештатных пропагандистов обкомов и райкомов ВКП(б). Комитет по делам культпросветучреждений при СМ РСФСР, опираясь на сеть сельских клубных учреждений и библиотек, пытался утвердить свой приоритет в ведении лекционной пропаганды на селе. Руководство Комитета, МСХ РСФСР, Министерства здравоохранения РСФСР, Министерства юстиции РСФСР, Министерства просвещения РСФСР регулярно обязывали подведомственные им учреждения организовывать совместные мероприятия по активизации лекционной пропаганды, кружковой работы, базой для чего должны были стать клубные учреждения села и райцентров[113]. В справке о работе за 1950 г. ответственный секретарь Ивановского областного отделения Общества отмечал: «Члены Общества в

[109] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 112. Л. 96.
[110] КПСС в резолюциях … Т. 8. С. 197.
[111] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 468. Л. 164, 166.
[112] Материалы по культурно-просветительной работе. С. 271—272.
[113] Сборник руководящих материалов по клубной работе. С. 17—22, 23—25 ; Сборник руководящих материалов по культурно-просветительной работе. С. 101—103, 107.

районах одновременно являются и членами лекторских групп при культпросветотделах, они же большей частью состоят и в числе внештатных лекторов ГК и РК ВКП(б), и часто бывает так, что одна и та же лекция, прочитанная одним и тем же лицом, фигурирует в трех отчетах. Такая тройная бухгалтерия приводит иногда к очковтирательству, благодушию и самоуспокоенности…»[114]

В конце 1940-х гг. низовым звеном Общества на селе являлись его лектории в колхозах, совхозах, МТС, селах, к которым тяготела основная масса читавших лекции сельских интеллигентов. В 1947—1953 гг. плотность ячеек Общества на селе была очень низкой: в 1951 г. в областях Центрального Нечерноземья на один сельский лекторий приходилось в среднем от 116 до 966 колхозов, совхозов, МТС и сел (исключение составляла Московская область, где этот показатель равнялся 50). В 1953 г. действовало 136 лекториев в сельских райцентрах, 356 районных отделений и 448 лекториев в колхозах, совхозах, МТС и селах[115]. Анализ объема лекционной пропаганды областных отделений Общества в зависимости от тематики показывает, что с 1949 по 1953 г. наиболее распространенными темами лекций были (по мере убывания): международное положение, история КПСС, история СССР и всеобщая история, сельское хозяйство, медицина, история государства и права, научный атеизм, биология, опыт передовиков сельхозпроизводства[116].

Несмотря на то что деятельность Общества контролировалась партийными пропагандистами, тематика лекций зависела от наличия на месте узких специалистов. Этим обстоятельством объясняется преобладание лекций по вопросам «международной обстановки», истории партии и сельскому хозяйству, с которыми в глубинке мог выступить почти любой интеллигент. Чем более специфичным был предмет, тем меньше квалифицированных лекторов можно было найти. Чаще всего чтение таких лекций возлагалось на врачей, агрономов, зоотехников, низовых партийных, советских работников и учите-

[114] ГАРФ. Ф. Р-9547. Оп. 1. Д. 452. Л. 266.
[115] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 65. Л. 7—10; Ф. 9547. Оп. 1. Д. 620. Л. 22; Д. 777. Л. 18—19.
[116] *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда … С. 82.

лей сельских школ — в большинстве самых способных лекторов деревни. Обращает на себя внимание скромное количество атеистических лекций в общем объеме лекционной пропаганды, которые держались на 6—7-м месте. В 1951 г. их количество, приходящееся в среднем на один колхоз, совхоз, МТС и сельский населенный пункт, было незначительно и во всех областях Центрального Нечерноземья не превышало 0,012—0,045 лекции[117]. При этом в начале 1950-х гг. власть не придавала значения антирелигиозной пропаганде[118].

Антирелигиозная и естественно-научная пропаганда отличалась неконкретностью, часто запаздывала с реакцией на локальный всплеск религиозности, а то и вовсе провоцировала панические слухи. 23 февраля 1945 г. зам. Наркома госбезопасности СССР Б. З. Кобулов направил в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) информацию о распространении панических слухов о якобы «предстоящей катастрофе Земли от столкновения с раскаленным телом, оторвавшимся от Солнца». Слухи о «конце света» вызвала трансляция по радио лекций «Было ли начало и будет ли конец мира?», «Есть ли жизнь на планетах?», «Необыкновенные явления в природе», «Астрономия на войне», которые читал сотрудник московского планетария. В письмах из Смоленской области так осмысливали услышанное: «У нас здесь говорят, что через 14 дней свалится планета, величина ее займет всю Смоленскую область. Дорогие, сильно не волнуйтесь, если свалится, то попадем все в рай и на том свете в раю встретимся»; «От Большой Медведицы оторвалась звезда, которая должна упасть на одну из трех областей: Московскую, Смоленскую или Орловскую. Думали эвакуировать население, но уже поздно — не успеют. Все население одной из этих областей должно погибнуть. Если об этом не говорит официальная печать, то просто не хотят создать паники у населения»[119].

---

[117] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-9547. Оп. 1. Д. 620. Л. 39—41 ; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 4102. Л. 113—114; Д. 4445. Л. 140, 166.
[118] *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда … С. 82—83.
[119] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 343. Л. 11—14.

Содержание лекций на селе было притчей во языцех при обсуждении вопросов идеологической и культпросветработы. На Всесоюзном совещании председателей бюро научно-атеистических секций отделений Общества 6—8 декабря 1951 г. представитель Костромского отделения сообщил собравшимся: «Иногда надо … ставить узкую лекцию, если хотите, специальную лекцию. Например, в с. Шунга в прошлом году грозовым ударом было убито сразу 7 человек. Среди них было 2 комсомолки. Поп развернул соответствующую пропаганду, в результате пошли разговоры о том, что несчастье случилось только из-за того, что там присутствовали комсомолки. Надо сказать, что Общество прозевало это дело…»[120] 24 апреля 1945 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление «Об установлении премии за лучшие лекции и доклады для молодежи». Отдел пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ получил в сентябре-декабре 1945 г. стенограммы 77 лекций, направив их на рецензии столичной профессуре. Большинство лекций было забраковано как слабые с точки зрения «марксистско-ленинской методологии» и современного уровня науки. К справке об итогах конкурса прилагался проект постановления ЦК ВЛКСМ, в котором указывалось на «несерьезный подход» к подбору лекторов, их концентрацию в областных и районных центрах, присутствие «случайных и ненужных для молодежи» тем[121]. Были у отделений Общества и успехи. Так, в отчете о работе Ивановского отделения Общества за 1951 г. его секретарь В. Крылов не без гордости сообщал, что отделению удалось привлечь к чтению лекций многих лекторов. В выездах лекторов в колхозы принимало участие от 100 до 200 ученых, «причем выезжали квалифицированные ученые, профессора, доценты и т. д. Во многих районах впервые увидели и услышали живого ученого, а иногда и вообще впервые прослушали квалифицированную лекцию…»[122]

В сельских районах Центрального Нечерноземья объем лекционной работы отделений Общества с 1949 по 1953 г. увеличился в 2—35 раз, а в кол-

[120] *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда … С. 82—83.
[121] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 371. Л. 1—3, 5—6.
[122] ГАРФ. Ф. Р-9547. Оп. 1. Д. 613. Л. 137—138.

хозах, совхозах и МТС с 1949 по 1953 г. в 1—11 раз[123]. Большинство лекций, прочитанных на селе членами Общества, были бесплатными. Наиболее активно лекционная работа велась в сельских райцентрах. В то же время существовали значительные межобластные различия. Так, в 1949 г. на один сельский районный центр в областях Центрального Нечерноземья в среднем пришлось от 2,2 до 52,8 лекций, в 1951 г. — от 41,7 до 207,3, в 1953 г. — от 11,6 до 332,4[124]. Гораздо меньше лекций читалось непосредственно на селе. В 1951 г. на один сельский населенный пункт, колхоз, совхоз и МТС приходилось в среднем 0,5—0,95 лекций[125]. Неудивительно, что часто и с трибун различных заседаний, и в письмах населения во власть как обыденное явление отмечалось полное отсутствие лекционной пропаганды. Исключительный казус привел в апреле 1953 г. на заседании Калужского облсовета зав. облконторой «Заготзерно», упомянувший о ситуации в колхозе им. Сталина Спас-Деменского района, в котором с октября 1952 г. не было ни областных, ни районных руководителей: «Народ даже не знает, был ли похоронен товарищ Сталин или нет…»[126]

Таким образом, несмотря на создание в первые послевоенные годы многоуровневой системы лекционной пропаганды, добиться массовости и высокой интенсивности пропагандистского воздействия не удалось. Его качество и интенсивность существенно понижались по мере удаления от крупных городов и районных центров, было крайне неравномерным между ними. Для жителя села лекция была тогда довольно редким мероприятием.

В середине 1950-х гг. лекционная пропаганда сосредоточивается под эгидой Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. К этому времени кроме областных лекционных бюро Министерства культуры РСФСР практически в каждом районе действовали районные бюро, которые координировали работу десятков бюро при МТС и колхозах, сотен

---

[123] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-9547. Оп. 1. Д. 306. Л. 27—28; Д. 620. Л. 30—31, 32—33, 53—54; Д. 985. Л. 8—14, 22—24, 28—30.
[124] *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда … С. 83.
[125] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-9547. Оп. 1. Д. 306. Л. 27—28 ; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 4102. Л. 113—114.
[126] ГАКО. Ф. Р-883. Оп. 16. Д. 1251. Л. 22.

сельских лекторских объединений[127]. В начале 1956 г. количество членов лекционных бюро и сельских объединений лекторов в Центральном Нечерноземье в 2—3 раза превосходило ряды отделений Общества[128]. От 45 до 65 % лекторов системы лекционных бюро составляли учителя, от 11 до 16 % — медработники, от 15 до 24 % — специалисты сельского хозяйства, от 1,5 до 5,5 % —ИТР[129]. В канун завершения деятельности лекционных бюро в качестве самостоятельной структуры их лекторы добавляли к лекциям отделений Всесоюзного общества в среднем в год на одного сельского жителя от 1,3 до 2,9 лекций. Исключение составляла только Московская область, где один сельский житель в среднем 5,2 раза в год посещал лекции бюро[130]. По составу эти лекции, как и лекции членов Общества, являлись сочетанием политической информации и сельхозпропаганды: мероприятия на общественно-политические темы составляли от 25 до 44 %, на сельхозтемы — от 15 до 33 %, по медицине — от 5,4 до 10,5 %, на естественно-научные темы — от 7 до 17,3 %, по вопросам техники — от 1 до 3 %, научно-атеистические лекции — от 4,8 до 8 %[131].

Узким местом пропаганды отделений Общества оставалось чтение научно-атеистических лекций, упиравшееся в отсутствие на селе квалифицированных кадров. В 1955 г. количество антирелигиозных лекций, приходящееся в среднем суммарно на один колхоз, совхоз, МТС и сельский населенный пункт, колебалось по областям в среднем от 0,017 до 0,21[132]. 4 февраля 1955 г. состоялось совещание руководителей секций при Правлении Общества, посвященное корректировке научно-атеистической пропаганды в свете постановления ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. Совещание открыл первый зам. Председателя Правления Общества профессор Лаптев, проанализировавший типичные промахи лекторов-антирелигиозников, к которым он отнес

---

[127] ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 1109. Л. 9.
[128] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 1109. Л. 7—8, 12; Ф. 9547. Оп. 1. Д. 1090. Л. 6—7.
[129] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 1109. Л. 7—8.
[130] Там же. Л. 5—6.
[131] Подсчитано по: Там же.
[132] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-9547. Оп. 1. Д. 1090. Л. 18—19, 20, 21 ; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 5301. Л. 186, 198.

подмену антирелигиозной пропаганды оскорблением духовенства и чувств верующих, попытки безосновательного опровержения постулатов религиозного вероучения, отсутствие понятной аудитории связи естествознания и атеизма, частые выступления лекторов-атеистов перед неверующими. Свою мысль об отрыве атеизма от естествознания он аргументировал так: «Был такой случай, когда на селе была поставлена лекция, даже с передвижным планетарием, где для верующих показывалось строение Вселенной. Слушали все внимательно. После лекции спросили: “Вам понравилась лекция?” — “Очень понравилась”. — “А что, собственно, вам понравилось в лекции?” — “Нам понравилось, как прекрасно Бог устроил Вселенную”»[133]. Ему вторили лекторы из регионов[134].

Многих лекции продолжали оставаться малопонятными для аудитории, «оторванными от жизни» или же профанирующими свой предмет. Так, например, на заседании пленума Калужского обкома КПСС 28 сентября 1954 г. зав. отделом пропаганды и агитации привел в качестве примера выступление на семинаре в Людиновском РК КПСС местного медработника с лекцией о вреде алкоголя: «Врачом Тереховой была прочитана лекция о вреде алкоголя, все она свела к нескольким острым эпитетам, что алкоголь — это дурман, что люди, употребляющие алкоголь, — скотоподобные пьяницы. А когда она стала отвечать на вопросы, то говорила такие вещи, которые слушать неудобно. Ей задали вопрос: почему строятся ликероводочные заводы? Она отвечает: потому, что не ведется научная пропаганда. Ей задают другой вопрос: почему работники врачебного фронта иногда употребляют алкоголь? Она говорит: в семье не без урода. Ей задают вопрос: скажите, почему вы нам рассказываете о вреде алкоголя, а на фронте бойцам давали по 100 грамм водки? Она отвечает: как это по 100? Некоторым по 500 грамм выдавали…»[135] И в правлении Общества, и в его отделениях признавали малочисленность районных отделений и слабую активность лекторов, стремившихся

[133] ГАРФ. Ф. Р-9547. Оп. 1. Д. 1048. Л. 6, 11, 13, 15, 17, 21.
[134] ГАРФ. Ф. А-561. Оп. 1. Д. 65. Л. 94—95, 134.
[135] ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 154. Л. 147.

уклониться от лекций для села[136]. В Федосовском сельском клубе Великолукской области местные лекторы сводили выступления к «громким читкам» научно-популярных брошюр и статей из журналов. Заведующие сельскими клубами и избами-читальнями в районе были уверены, что «на лекцию народ не пойдет, если ее не сопроводить кино, а лучше всего танцами». Стремясь «дать план» по посещаемости лекций, заведующий Пучковским сельским клубом Калужской области попросил бригадиров колхоза привлечь аудиторию, и те ходили по домам и «наряжали на лекцию»[137].

Не сумев обеспечить прирост на селе численности рядов Общества «изнутри», власти превратили его в массовую организацию административно. Решение о передаче лекционной пропаганды от органов Министерства культуры СССР Обществу было принято ЦК КПСС 29 января 1957 г. 12 февраля 1957 г. вышел приказ об этом министра культуры СССР Н. А. Михайлова[138]. В РСФСР передача состоялась согласно постановлению СМ РСФСР № 83 от 2 марта 1957 г. Постановление предусматривало резкое увеличение чтения бесплатных лекций, особенно на селе. Его четвертый пункт предусматривал создание сельских групп членов Общества, привлечение в них, в первую очередь, лекторов из существующих сельских объединений и лекторских групп при МТС. В члены Общества «следовало, в первую очередь, вовлечь» членов лекторских групп при РИКах, «укрепить» за счет передаваемых Министерством культуры РСФСР штатов районные отделения[139]. Лекторы из сельских лекторских коллективов, выступавшие с лекциями и вступившие в члены Общества до 1 июля 1957 г., освобождались от вступительных взносов. Районным отделениям рекомендовалось формировать сельские группы при наличии на селе 7—10 его членов[140]. Слияние, таким образом, предполагало не только концентрацию лекционной пропаганды в одной организации, но и усиление ее районного звена, что вписывалось в курс моби-

---

[136] ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 154. Л. 132; Ф. П-40. Оп. 20. Д. 10. Л. 217.
[137] *Самсонов В.* Лекции, не оставившие следа… // Культурно-просветительная работа. 1954. № 4. С. 22, 24.
[138] ГАРФ. Ф. Р-9547. Оп. 1. Д. 1092. Л. 64.
[139] Там же. Л. 88—89.
[140] Материалы по культурно-просветительной работе. С. 91.

лизации на работу в сельские районы большого числа коммунистов из городов. Постановлением СМ СССР № 449 от 9 апреля 1956 г. были введены единые ставки гонорара лекторам[141].

В результате численность членов Общества только за 1957 г. выросла на 162 тыс. чел. Было создано 22 тыс. сельских групп его членов[142]. Если в 1956 г. ряды отделений Общества в областях Центрального Нечерноземья насчитывали от 1400 до 2800 членов (в Московской области — около 12 тыс.), то в конце 1959 г. — от 4000 до 9000 с лишним (Московское отделение — 17 370)[143]. К 1957 г. по сравнению с 1953 г. объем лекционной пропаганды отделений Общества в сельских районах возрос в 3—10 раз, а число лекций в колхозах, МТС и совхозах — в 3—20 раз[144]. Посещаемость лекций в сельских районах возросла в 3—9 раз: если в 1953 г. на сельского жителя областей Центрального Нечерноземья пришлось в год в среднем от 0,3 до 0,5 посещения лекций (в Московской области — 1,3), то в 1957 г. этот показатель колебался от 1,5 до 3,8 (в Орловской области — 0,5, в Калининской — 0,7)[145].

Основная ставка при проведении лекционной пропаганды по-прежнему делалась на живое слово. В середине 1950-х гг. число лекций по радио продолжало оставаться незначительным. В 1955 г. из областей Центрального Нечерноземья только в Ярославской по радио было передано 14 лекций, в Московской — 31, составившие десятые доли процента лекционной пропаганды Общества по радио для аудитории на селе. В 1957 г. незначительное количество лекций для села было прочитано во Владимирской, Калужской и Тульской областях[146].

Объединение лекционной пропаганды в Обществе находилось также в общем русле политики, проводимой Министерствами культуры СССР и РСФСР под руководством отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС, состоявшей в усилении контроля над сферой культурно-массовой работы путем ее

---

[141] Там же. С. 269—270.
[142] ГАРФ. Ф. А-561. Оп. 1. Д. 369. Л. 15—16.
[143] ГАРФ. Ф. А-561. Оп. 1. Д. 303. Л. 8—9; Ф. 9547. Оп. 1. Д. 1090. Л. 6—7.
[144] *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда … С. 86.
[145] Там же. С. 85—86.
[146] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-9547. Оп. 1. Д. 1062. Л. 11—12; Ф. А-561. Оп. 1. Д. 123. Л. 16, 24, 37, 43, 89.

концентрации в одном ведомстве, расширении охвата ею сельского населения, унификации трансляций. Стремясь повысить их эффективность на селе, власть продолжила централизацию и интеграцию учреждений культуры. Поводом для этого объявлялось усиление пропаганды решений XXI съезда КПСС. Заведующим сельскими учреждениями культуры и руководителям сельских групп членов Общества было рекомендовано составлять совместные планы лекционной работы, организовать университеты культуры при клубах и кинолектории с чтением лекций[147]. Плотность низовой сети пропаганды еще более повысилась: в 1961 г. на одну сельскую группу членов Общества приходилось в среднем от 8 до 38 колхозов, совхозов, РТС и сельских населенных пунктов[148]. Увеличилась и активность лекторов Общества. В 1959 г. по его отделениям в областях Центрального Нечерноземья в среднем лектор выступал в год с 6,3—12,1 лекциями, в 1961 г. — с 7,6—15 лекциями[149]. За 1957—1961 гг. количество лекций, прочитанных на селе, выросло почти в 4 раза, до 584 тыс.[150] Увеличилось количество лекций, приходящихся в среднем на колхоз, совхоз, сельский населенный пункт. Если в 1955 г. их насчитывалось от 0,2 до 0,9 (в Московской области — 2,04 лекции), то в 1960 г. — от 3,65 до 11,5[151]. С конца 1940-х до конца 1950-х г. в областях Центрального Нечерноземья количество бесплатных лекций и лекций, прочитанных по радио и телевидению, выросло до 80—90 % объема лекционной пропаганды[152]. Если в 1955 г. на сельский населенный пункт, колхоз, совхоз, МТС приходилось в среднем от 0,01 до 0,07 атеистических лекций, то в 1960 г. — от 0,30 до 1,08[153].

В то же время, как и раньше, эффективность лекционной пропаганды продолжала вызывать массу нареканий самих пропагандистов и их партий-

---

[147] Материалы по культурно-просветительной работе. С. 74, 77—78.
[148] *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда … С. 86.
[149] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-561. Оп. 1. Д. 303. Л. 8—9; Д. 514. Л. 6—7.
[150] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-561. Оп. 1. Д. 123. Л. 13, 16 об., 24 об., 36, 37 об., 43 об., 57 об., 63 об., 71 об., 77 об., 89 об.; Д. 514. Л. 6—7.
[151] *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда … С. 86.
[152] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-561. Оп. 1. Д. 303. Л. 8—9.
[153] *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда … С. 86.

ных кураторов[154]. 14 января 1959 г. в отделе пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР состоялось совещание, посвященное массово-политической и культурно-просветительной работе среди животноводов Костромской области, на котором выступал секретарь по идеологии обкома КПСС Соколов. Когда он закончил, работу костромских пропагандистов раскритиковали работники отдела пропаганды и агитации ЦК, посетившие 70 костромских колхозов. Зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР В. П. Московский, подытоживая выступление своего подчиненного, возглавлявшего бригаду ревизоров, говорил: «Тов. Соколов много выступает, да и т. Флорентьев (первый секретарь Костромского обкома КПСС. — *Авт*.) много выступает, но подойдите, товарищи, немного критически ко всем этим выступлениям… Сделано много докладов, а каково влияние на производство этих докладов? А влияние, оказывается, очень слабое. <…> Какие цифры, все в пламени, все охвачено огнем, огненными речами, а дела остаются прежними. Растет животноводство не общественное, а частное…»[155] 27 августа 1959 г. ЦК КПСС принимает постановление, в котором Общество критиковалось за недостаточную «идейность и научность» пропаганды, ее отрыв от «задач коммунистического строительства», слабый охват населения, низкую активность многих лекторов, значительное число платных лекций[156].

Таким образом, совершенствование лекционной пропаганды на селе Центрального Нечерноземья в 1945 — начале 1960-х гг. определялось потребностью власти формировать и мобилизовывать общественное мнение, которую приходилось удовлетворять при неразвитости технических средств трансляции информации. Установка на живое слово предопределила логику совершенствования лекционной пропаганды путем наращивания числа лекций и расширения охвата аудитории. К началу 1960-х гг. по этим показателям объединенная под эгидой Общества по распространию политических и научных заний лекционная пропаганда в разы превосходила уровнь, достиг-

[154] ГАРФ. Ф. А-561. Оп. 1. Д. 185. Л. 220—221.
[155] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 58. Л. 50, 56.
[156] Справочник партийного работника. Вып. 3. М., 1961. С. 470—477.

нутый ее разрозненными структурами к концу сталинской эпохи. Но и с учетом значительного роста числа лекторов и лекций достичь полного охвата деревни не удавалось, а весьма скромный, как правило, уровень сельских лекторов делал многие выступления разновидностью политинформации с высокой долей профанации.

3.3. «Из всех искусств для нас важнейшим является кино»: кинофикация в деревне

Бурное развитие переживала сельская кинофикация, что было заметно по переменам в ее организации и технической базе. Система кинообслуживания сельского населения сформировалась еще в довоенные годы. Во время культурной революции, коллективизации и в последние предвоенные годы кино отводилась важная роль по вытеснению традиционных ценностей и формированию «нового» человека, а доходы от него были важной доходной статьей госбюджета, что порождало в кинопрокатной деятельности противоречие между пропагандистской и фискальной функциями, особенно на местном уровне. Организация кинообслуживания сельского населения была трехуровневой и включала стационарные кинотеатры в райцентрах, сельские и колхозные стационарные кинотеатры и передвижные киноустановки — кинопередвижки, на которые приходилась основная нагрузка по демонстрации кино живущему в тысячах деревень населению. Действовали профсоюзные и ведомственные киноустановки.

Во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. в Центральном Нечерноземье кино демонстрировалось в небольшом числе наиболее крупных сельских населенных пунктов, расположенных в «коммерчески привлекательных» точках маршрутов и с невысоким качеством показа. Малое количество киноустановок, охват ими жителей наиболее крупных населенных пунктов, нехватка помещений, высокая степень износа оборудования и кинопленки, недостаток транспорта были основными причинами малого количества

киносеансов на селе. В Орловской области в начале 1946 г. было только 26 сельских клубов и 130 изб-читален, в которых можно было показать кино. Сельские киномеханики, демонстрируя фильмы в помещениях сельсоветов, правлений колхозов вместимостью 20—30 зрителей, охватывали 40—50 % сельсоветов[157]. В Тульской области в начале 1947 г. из 886 сельсоветов помещения, пригодные для демонстрации кинофильмов, имелись в 439, большинство из них едва вмещало 40—50 зрителей[158]. Участники совещания в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (сентябрь 1947 г.) иронизировали: «Если на экранах сплошная ночь, звук нечленоразделен, то пропагандистское значение фильма сводится к нулю… Надо сказать, что при показе кинофильма часто все сводится к тому, чтобы только получить трешку за билет, показ фильма идет на коммерческой основе, а не по линии того, что это важное культурно-политическое мероприятие…»[159] То же самое повторялось в справке о состоянии кинообслуживания населения, адресованной секретарю ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлову[160].

Как и другие сельские учреждения культуры, сельские кинотеатры ютились в неприспособленных помещениях, которые не имели самого необходимого и не отапливались. Дефицит помещений для демонстрации кино, их ветхое состояние были основной причиной малого охвата населения кинопрокатом. В Смоленской области из 1966 помещений, где регулярно демонстрировались фильмы, было только 149 сельских клубов, 442 избы-читальни, а остальные являлись домами колхозников, где киносеансы шли «по особому соглашению с владельцем»[161]. Члены бригады ЦК ВЛКСМ, проверявшие в 1953 г. состояние культпросветработы в Орловской области, отметили, что по колхозному радиоузлу можно было слышать такое объявление: «Товарищи колхозники, сегодня картина “Волга-Волга”, очень инте-

[157] ГАРФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 90. Л. 136—137.
[158] Там же. Д. 91. Л. 21.
[159] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 493. Л. 52.
[160] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 629. Л. 51.
[161] ГАРФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 70. Л. 68—69.

ресная, пожалуйста, приходите быстрее, но со своими скамейками…»[162] В письмах населения во власть низкое качество киносеансов — скорее правило, чем исключение. Весной 1952 г. молодежь Рождественского сельсовета Тульской области писала в Тульский обком ВЛКСМ о «постановке» киносеансов в избе-читальне: «Появляется в 10 часов киномеханик пьяный и сразу кидается на избача, ну где же народ, почему не идет взрослый колхозник или интеллигенция, я не буду ставить малышам, мне нет выгоды, очень растратно горючего, или заходите по 2 руб. 50 коп. малыши, тогда буду ставить. Покричит, покричит, нет хозяина (зав. избой-читальней. — *Авт.*), и уезжает обратно. Пожилые колхозники придут посмотреть в окно, уходят, как будто их не было…»[163] В январе 1951 г. редакция «Комсомольской правды» переслала Калужскому ОК ВЛКСМ письмо комсомольца, наблюдавшего работу клуба в Высокиничском районе: «Кинокартины проводятся так, что приходишь в ужас. Начинают ставить кинокартину, и она длится в течение нескольких дней…, а то и еще хуже: начнут, а когда оборвется <кинолента>, то совсем закрывают и уж больше эту кинокартину не показывают…»[164] Даже после введения в 1949—1952 гг. нового порядка работы киноустановок сельской местности с премиями киномеханикам за перевыполнение плана доходов[165], стимулировавшего более полный охват аудитории, работники сельской кинофикации продолжали работать по старинке, без учета плана маршрута и графика киносеансов[166].

И все же, несмотря на отсутствие условий, кино на селе пользовалось большой популярностью. Планы по количеству зрителей на селе выполнялись на 80—90 %[167]. В начале 1949 г. военнослужащий, гостивший в родном пос. Ялта Воловского района Тульской области, писал в «Комсомольскую

---

[162] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 742. Л. 135.
[163] ГАТО. Ф. П-188. Оп. 1. Д. 810. Л. 145.
[164] ГАДНИКО. Ф. П-2264. Оп. 8. Д. 9. Л. 10—10 об.
[165] Кремлевский кинотеатр. 1928—1953 : документы. М., 2005. С. 280, 281.
[166] *Кометчиков И. В.* Кино в культуре повседневного досуга деревни Центрального Нечерноземья РСФСР середины 1940-х — начала 1960-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов,. 2014. № 1 (39). Ч. 2. С. 91.
[167] ГАРФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 82. Л. 262; Д. 90. Л. 131; Д. 91. Л. 20, 119, 175, 201; Д. 100. Л. 119, 120; Д. 111. Л. 3—5, 102.

правду» о киносеансах в здании местной школы: «За мое присутствие 75 суток была картина в школе, это “Волшебные зерна”, можно представить, картину должны поставить малышам 1, 2, 3, 4 классов, но вместо малышей туда, в это маленькое помещение, нашло народу столько, что из пушки не прошибешь, и все важные люди, как директор крупзавода, “Заготзерно” и прочий элемент, а малыши чуть не залезли все им на шею…»[168]

Показателями, позволяющими представить степень «оповседневнивания» кино, могут служить количество киносеансов, приходившихся в год в среднем на сельского жителя, и количество сельского населения в расчете на одну киноустановку. При том, что в 1948 г. количество киноустановок на селе областей Центрального Нечерноземья колебалось от 88 до 168 (в Московской области — 715), составляя 2044 единицы, на одну киноустановку приходилось 5000—9000 чел. (в Брянской области — более 12 тыс., в Калининской — около 1100, в Московской — около 2770), на сельского жителя в среднем приходилось 1—2 посещения кино в год (во Владимирской области — 2,6, в Московской— 5,2). В 1949 г. вследствие значительного роста числа сельских киноустановок (во многих областях — в 1,5—2 раза) число сельских жителей на киноустановку понизилось до 1900—4400 чел. (в Брянской — около 5640), произошел существенный рост посещаемости киносеансов. Однако она все равно оставалась относительно невысокой, составляя в среднем 1,2—3,4 посещения кино в год на сельского жителя. Для оценки охвата населения демонстрацией кино с 1953 г. в отчетности Министерства культуры СССР о наличии, движении и эксплуатации киноустановок был введен показатель обслуживания сельских населенных пунктов (включая расположенные в радиусе 1—3 км от пункта демонстрации). Согласно ему, в 1953 г. в восьми из двенадцати областей количество сельских населенных пунктов, охваченных кинообслуживанием, составляло 80—100 %, а в Ивановской области — 14,5 %, в Калужской — 48,4 %, Костромской — 70,3 %, Орловской —72,1 %. В 1953 г. население 2,7—4,3 тыс. сел и деревень Центрального Не-

[168] ГАТО. Ф. П-188. Оп. 1. Д. 548. Л. 31 об.

черноземья не охватывалось кинообслуживанием. По данным МГК РФСФР, в Калининской области при наличии к концу 1951 г. из 2 тыс. колхозов и более 6 тыс. населенных пунктов демонстрация кино регулярно проводилась в 1484 сельских населенных пунктах, в Костромской области — из 6546 в 1261, в Калужской — из 3494 — в 1261[169]. Хотя государство прилагало немалые усилия для увеличения количества киноаппаратуры (если в 1946 г. в областях Центрального Нечерноземья насчитывалось 2408 киноустановок, то в 1949 г. только на селе их было уже 3852[170]), к началу 1950-х гг. нельзя говорить о значительной доступности кино сельской аудитории в первые послевоенные годы. Регулярные киносеансы чаще были приметой крупных населенных пунктов, а также официальных праздников и торжеств.

Тяжелые условия жизни и труда, скромный в целом уровень достатка сельских жителей и малый бюджет свободного времени, бездорожье, особенности планирования доходности в кинопрокатных организациях накладывали отпечаток на кинорепертуар. Министерства кинематографии СССР и РСФСР, Министерства культуры СССР и РСФСР, отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) требовали от органов культуры соблюдения идеологически «правильного репертуара», в котором должны были доминировать научно-популярные, пропагандистские и художественные фильмы с идеологическим подтекстом. Но сельское население воспринимало кино как развлечение, способ на время отрешиться от повседневных забот. В справке о состоянии кинообслуживания населения Орловской области, подготовленной сотрудниками Главного управления кинофикации к заседанию коллегии Министерства кинематографии РСФСР 6 января 1953 г., сообщалось, что многие кинофильмы месяцами находились на пунктах Главкинопроката и не демонстрировались сельской аудитории. В Удомельском районе Калининской области «отдельные советские высокохудожественные фильмы, как-то: “Клятва”, “Иван Павлов” и другие на экранах киноустановок района совершенно

[169] ГАРФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 70. Л. 50, 95.
[170] *Кометчиков И. В.* Кино в культуре повседневного досуга … С. 92.

не демонстрировались, в то же время такие кинофильмы, как “Чертово ущелье”, “Пядь земли”, “Мишка-аристократ” и другие на экранах одной и той же киноустановки в 1950 году демонстрировались 2—3 раза…»[171]

Время от времени власть допускала демонстрацию населению трофейных фильмов. В литературе существует обоснованное мнение о влиянии «трофейных» культурных вещей (джазовая музыка, художественные фильмы, радиоприемники, заграничная одежда, обувь, предметы домашнего обихода, автомобили и т. п.), ставших не просто атрибутами западного образа жизни, а одной из главных внешних причин зарождения процессов оттепели и размывания «монолитного строя» стилевой системы сталинской эпохи[172]. 31 августа 1948 г. Политбюро ЦК ВКП(б) санкционировало выпуск на экраны 25 кинофильмов производства Германии, Италии и Чехословакии второй половины 1930-х — начала 1940-х гг. (еще 25 фильмов производства США было разрешено к закрытому показу), большинство которых являлись музыкальными, историческими или приключенческими. Министр кинематографии СССР И. Г. Большаков обязывался обеспечить в течение 1948—1949 гг. чистый доход от их проката не менее 750 млн руб.[173] Однако в центре и на местах, как видно, существовала определенная «борьба мнений» о необходимости пополнения таким образом бюджета и следования «выдержанному» кинорепертуару. Центр ратовал на «наибольшее привлечение зрителей на фильмы высокоидейного и политического содержания», а на местах, несмотря на формальный запрет, зрителю нередко демонстрировали зарубежные трофейные фильмы[174].

Руководству кинопроката в первые послевоенные годы так и не удалось сформировать эффективную систему материального поощрения сельской кинофикации. Низкая оплата труда, постоянная потребность в средствах на текущие расходы во время работы на маршруте и постоянный же сбор

---

[171] ГАРФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 60. Л. 103; Д. 70. Л. 50—51; Д. 82. Л. 125; Д. 83. Л. 7; Д. 89. Л. 3.
[172] *Брусиловская Л Б.* Культура повседневности эпохи «оттепели»: метаморфозы стиля : автореф. дис. … канд. культурологии. М., 2000. С. 4, 8, 11—12.
[173] Кремлевский кинотеатр … С. 801—811.
[174] ГАРФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 62. Л. 384; Д. 82. Л. 235 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 1083. Л. 15 ; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 675. Л. 121.

наличных денег за билеты формировали богатое поле для злоупотреблений. Свидетельства этого встречались при проверках работы механиков кинопередвижек на селе. С 1 октября 1950 г. сельскую киносеть перевели на новый порядок работы: для увеличения валового сбора и количества киносеансов были установлены должности внештатных уполномоченных кинофикации, в обязанности которых входили реализация билетов, поиск помещений для демонстрации кино и т. д. Как показала проверка, новый порядок работы не улучшил кинообслуживание[175]. Несмотря на то что только союзное правительство в 1948—1952 гг. приняло четыре постановления, содержавшие категорический запрет на бесплатную демонстрацию кинофильмов[176], кино бесплатно смотрели районное начальство, представители сельской верхушки, принимавшие участие в создании условий для работы киностационара или кинопередвижки[177].

Вторая половина 1950-х гг. становится рубежной в развитии кинообслуживания сельского населения Центрального Нечерноземья. Только с 1956 по 1959 г. число киноустановок возросло на 1475 (более 25 %), в том числе во Владимирской области — на 74,5 %, в Калининской — на 37,2 %, в Калужской — на 55,7 %, в Рязанской — на 71,8 %, в Тульской — на 63,7 % и т. д.[178], что явилось одной из составляющих своеобразного «культурного скачка» — резкого увеличения в середине 1950-х гг. количества технических средств трансляции официальной культуры. Другим важным фактором повышения количества киносеансов стали изменения в законодательстве, регулирующие организацию и финансирование сельского кинопроката. 9 апреля 1954 г. в среднем на 18 % были снижены цены на билеты в кино. В сельских райцентрах и на селе они стали стоить от 50 коп. (сеансы для детей) до 3 руб. 50 коп. Район был заинтересован в увеличении выручки от кино, так как 10 % суммы сбора поступало в его бюджет. Вскоре после создания союзного ве-

---

[175] ГАРФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 60. Л. 101—102.
[176] *Кометчиков И. В.* Кино в культуре повседневного досуга … С. 93.
[177] ГАРФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 70. Л. 52, 72, 96; Д. 82. Л. 127; Д. 83. Л. 10 ; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 591. Л. 182.
[178] ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 9618. Л. 23—25. Оп. 31; Д. 1833. Л. 8—10.

домства культуры (1954 г.) произошло подчинение государственных киноустановок в государственных клубах руководителям этих учреждений (ранее они подчинялись районному отделу кинофикации), а отдел культуры райисполкома получил ряд хозрасчетных прав[179]. Порядок премирования за перевыполнение плана выручки от киносеансов, введенный в 1949 г., касавшийся только работников сельской киносети, был распространен на работников отделов культуры райисполкомов и культпросветучреждений[180]. С одной стороны, это мотивировало увеличивать число киносеансов, с другой — вытесняло из повседневной работы клубов более трудоемкие и менее выгодные формы работы с населением. Киносеансы оставляли для них все меньше времени.

В результате роста числа киноустановок и изменения законодательства о кинопрокате к середине 1950-х гг., согласно официальной статистике, кинофикация охватила почти все сельские населенные пункты Центрального Нечерноземья. В 1954 г. в четырех областях кино демонстрировалось жителям всех сел и деревень, в Великолукской, Владимирской и Ярославской областях уровень их кинофикации составлял свыше 93 %, в Брянской — 76 %, Орловской— 72 %, Костромской — 57,6 %. К 1956 г. только в Великолукской и Костромской областях население существенной части сел и деревень не имело возможности постоянно посещать кино. В семи областях показатель охвата сельских населенных пунктов кинофикацией был не ниже 94 %, в прочих — колебался от 79,1 до 87,2 %. С середины 1950-х гг. сельский житель Центрального Нечерноземья начинает посещать кино в среднем раз в месяц. В 1956 г. в Брянской, Калининской, Орловской, Рязанской, Смоленской областях на сельского жителя приходилось от 5,3 до 10 посещений кино в год, в Великолукской, Калужской и Тульской — от 11 до 12, во Владимирской — 13, в Костромской — 13,2, в Ивановской — 15,7[181].

---

[179] Материалы по культурно-просветительной работе. С. 123—127, 213—214, 223, 226—227.
[180] Там же. С. 279—283, 287.
[181] *Кометчиков И. В.* Кино в культуре повседневного досуга … С. 94.

Однако увеличение количества киноустановок на селе не сняло проблему качества кинопоказа, которое во многих случаях продолжало оставаться низким. В письме председателю СМ СССР Н. А. Булганину о жизни в одном из колхозов Бурмакинского района Ярославской области бывший местный житель описал практику демонстрации кино в окрестных деревнях: «Приезжает раз в неделю в Жабино звуковая кинопередвижка, но киномеханик так плохо демонстрирует кинофильмы… что находится очень немного любителей из 4-х деревень топать в Жабино на кино… В клубе ужасно холодно, с началом сеанса опаздывают на 1 ч. — 1 ч. 30 минут, картины демонстрируются плохо. Сидишь-сидишь в клубе, мерзнешь в ожидании культурного развлечения, а потом плюнешь и уйдешь…»[182]

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. происходит еще один скачок доступности кино, вновь обусловленный резким увеличением количества киноустановок. Только с 1958 по 1965 г. их число на селе Центрального Нечерноземья возросло с 6883 до 14 423, т. е. более чем в 2 раза (в 1,4—3,3 раза в зависимости от области)[183]. В результате существенно увеличилось число киносеансов и их посещаемость. В 1958 г. в Брянской, Орловской, Рязанской, Смоленской областях на сельского жителя в среднем в год приходилось от 6,6 до 8,7 посещений кино, а в остальных областях — от 9,6 до 13,8. В 1959 г. в Брянской и Орловской областях на сельского жителя приходилось по 7 посещений кино, в шести областях этот показатель колебался от 10 до 12, в Ивановской области составлял 14, во Владимирской и Московской — 15. Полный охват сел и деревень Центрального Нечерноземья кинофикацией был достигнут к 1960 г.[184]

Стремясь привлечь зрителя, государство существенно нарастило производство кинофильмов: за 1950—1965 гг. оно выросло в 4,6 раза, в том числе художественных фильмов — в 8,7 раза, короткометражных — в 2,7 раза (в основном — хроникально-документальных, научно-технических и учебных),

[182] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 63. Д. 5. Л. 190—191.
[183] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 1833. Л. 5—6, 8—10 ; Народное хозяйство РСФСР в 1964 году : статистический ежегодник. М., 1965. С. 465.
[184] *Кометчиков И. В.* Кино в культуре повседневного досуга … С. 94—95.

киножурналов — в 1,1 раза. В 1960 г. около половины выпущенных полнометражных и 17 % короткометражных фильмов составили фильмы зарубежного производства[185].

К началу 1960-х гг. СССР догоняет ведущие западные страны по числу мест в кинотеатрах на 10 000 чел. населения: в 1961 г. их насчитывалось 559, а в США в 1961 г. — 615, в Швеции в 1960 г. — 797, во Франции в 1960 г. — 616, Англии в 1960 г. — 577, ФРГ — 511, Норвегии — 477. При этом СССР существенно превосходит эти страны по числу посещений киносеансов за год. Так, если в 1950 г. в СССР на одного жителя приходилось в среднем 6 посещений кино, то в 1955 г. — 13, в 1960 г. — 17, в 1965 г. — 19 (в США соответственно — 21, 14, 12, 12; в Англии — 28, 24, 10, в 1964 г. — 7; во Франции — 9, 10, 8, в 1964 г. — 6; в ФРГ — 12, 14, 11, в 1963 г. — 6)[186]. Представляется, что постепенное падение посещаемости киносеансов в развитых западных странах в эти годы объясняется главным образом прогрессом телевидения, в развитии которого в СССР в начале 1960-х гг. отставал (в СССР падение посещаемости киносеансов начинается в конце 1970-х гг.)[187].

Следует отметить, что даже сами партийные пропагандисты, оперировавшие официальной отчетностью об охвате населения платным кинопоказом, не всегда были уверены в ее адекватности. Характеризуя такую практику, инструктор отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР Анисимов, побывавший во главе бригады работников отдела в колхозах Костромской области, заявил на совещании в отделе пропаганды и агитации Бюро ЦК КПСС по РСФСР: «Кажется, кинообслуживание 101 % выглядывает кое-где по районам, сами себя в районе тешат этими цифрами и обманывают себя. Из 8000 населенных пунктов обслуживается 1000 населенных пунктов. За 3—4 километра взрослый колхозник на кино не ходит, и тут надо разобраться и

[185] Подсчитано по: Народное образование, наука и культура : статистический сборник. М., 1970. С. 351, 352.
[186] Социалистические страны и страны капитализма в 1961 году : статистический сборник / рук. колл. сост. Л. М. Цырлин. М., 1962. С. 567 ; Социалистические страны и страны капитализма в 1965 году : статистический сборник / рук. колл. сост. Л. М. Цырлин. М., 1966. С. 777.
[187] Народное хозяйство РСФСР в 1980 году : статистический ежегодник. М., 1981. С. 364.

трезво на эти вещи смотреть…»[188] Согласно статотчету Министерства культуры РСФСР, к началу 1959 г. в Смоленской области киносеансами было охвачено 91,1 % сельских населенных пунктов, которые были включены в план обслуживания сельскими киностационарами и кинопередвижками[189]. Однако в докладной записке по итогам проверки сельской киносети весной 1960 г. указывалось, что, несмотря на рост сети киноустановок более чем в 2 раза, регулярное кинообслуживание населения все еще не было достигнуто. Из 8648 сельских населенных пунктов 2793 (32,3 %) с числом проживающих свыше 205 тыс. человек не охватывалось кинопоказом[190]. В мае 1959 г. в «Комсомольскую правду» поступило письмо колхозника д. Пурыгино Монастырщинского района Смоленской области, в котором он делился с редакцией своими размышлениями о доступности кино и других форм организованного досуга: «Я уже три года не имею возможности посмотреть кинокартину, не говоря уже о других мероприятиях: театр, спектакль и т. д., а некоторые жители этих деревень (деревень района. — *Авт*.) по десять-пятнадцать лет не видят ничего. <…> Что касается кино, то уж лучше и не говори, засмеют: ты что это, задумал культурно жить, просвещаться, хорошо и так, а хочешь посмотреть — иди в Татарск или Доброселье, а эти Татарск или Доброселье находятся в 5 км, а от других деревень 8 и больше км…»[191]

Успехи кинофикации сельской местности, достигнутые к концу 1950-х гг., весьма сдержанно оценивали и деятели советского кино. В феврале 1959 г. председатель Оргкомитета союза работников кинематографии СССР, известный советский кинорежиссер И. А. Пырьев направил в ЦК КПСС записку «О задачах в области кинофикации и кинопроката». В ней он информировал о неблагополучии с кинофикацией и ратовал за придание ей размаха и статуса, какими она обладала на Западе. Причину ее неудовлетворительного состояния Пырьев видел в строительстве кинотеатров с небольшим количеством мест, которые было невозможно реконструировать для демонстрации

[188] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 58. Л. 27, 42.
[189] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 3053. Л. 115 об.
[190] РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 85. Л. 28.
[191] ГАНИСО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 583. Л. 28—28 об., 31.

кино на широкоформатном экране, хотя такой формат в середине 1950-х гг. считался «наиболее прогрессивным видом кинозрелища». Нехватка зрительских мест вызывала, по его мнению, «острый голод на кинозрелища», а охват кинообслуживанием потенциального зрителя составлял всего 20 %. Чтобы удовлетворить спрос и повысить доходность, администрация кинотеатров шла на сокращение продолжительности киносеансов и увеличение их количества, в результате чего средняя продолжительность киносеансов с СССР была одной из самых малых в мире — 1,5 часа (в лучших современных кинотеатрах тех лет она составляла 3 часа, а в дешевых — еще выше). «Увеличение количества сеансов в целях повышения доходности, — продолжал Пырьев, — как правило, приводит к резкому снижению культуры кинопоказа, не дает возможности ни обслужить кинозрителя, ни дать дополнительную хронику, научно-популярную картину или мультипликацию… Зрители проходят через кинотеатры конвейером, и кинематограф из культурного вида отдыха, из просветительного учреждения превращается в своего рода “забегаловку”». Наиболее тяжелое положение с кинофикацией, по мнению Пырьева, сложилось в сельской местности и наиболее крупных городах, где существовал острый дефицит мест в кинозалах и самих зданий кинотеатров[192]. Эти выводы подтверждались данными обследований кинофикации отдельных сельских районов[193].

Таким образом, несмотря на все противоречия, к началу 1960-х гг. прогресс кинофикации превращает посещение кино из атрибута официальных праздников и досуга жителей крупных населенных пунктов, каким оно было во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг., в одно из самых доступных повседневных развлечений, организованных властью на селе Центрального Нечерноземья. Кинофикация не могла игнорировать такое восприятие кино сельским населением, полагаясь только на финансовый и официальный репертуарный план.

---

[192] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 113. Л. 21—24, 32.
[193] ЦДНИ ЯО. Ф. 272. Оп. 227. Д. 368. Л. 70.

3.4. «Не только коллективный пропагандист и агитатор»: функционирование СМИ в деревне

Институтом советской культуры, позволявшим максимально однообразно транслировать деревне ее идеи и образы, стали средства массовой информации — периодическая печать, радио и телевидение. Рассмотрение их «оповседневнивания» также следует начать с их организации и доступности населению.

Наиболее привычным СМИ была периодическая печать. В сельской местности Центрального Нечерноземья в послевоенные годы распространялись центральные (союзные и республиканские), областные и районные газеты. По степени доступности в первые послевоенные годы периодические печатные издания лидировали, оставляя позади лекционную пропаганду и технические средства массовой информации (радио и кино).

Доступность прессы читателям менялась в зависимости от возможностей государства по наращиванию тиражей, сети распространения печати, наличия на местах достаточного количества более или менее квалифицированных журналистов — интерпретаторов идеологии, колебаний редакционной политики, развития прочих СМИ и других факторов. Во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. власти сокращали тиражи областных и районных газет и увеличивали общесоюзных и республиканских. Одной из причин этого, как представляется, было отставание качества местной прессы, особенно районной, от центральной. ЦК ВКП(б) неоднократно принимал постановления, в которых отмечалось нежелание редакций местных газет публиковать критические материалы на местные темы, однообразие содержания, заполнение страниц перепечаткой директив, малое количество материалов нештатных корреспондентов, неряшливость и безграмотность оформления и т. д.

Первое такое постановление состоялось уже 20 июня 1945 г.[194] За 1946—1949 гг. разовый тираж областных и районных газет в Центральном Нечерноземье сократился на 10 %, в то время как тираж «Правды» вырос на 14 %, «Комсомольской правды» — на 16 %, «Пионерской правды» — на 31 %, «Литературной газеты» — почти в 11 раз, «Социалистического земледелия» — на 48 %, газеты «Культура и жизнь» — вдвое, газеты «Советский спорт» — на 56 %[195]. Вследствие слабой полиграфической базы, недостатка газетной бумаги многие районные газеты выходили на двух полосах с невысоким качеством печати, набирались вручную. Частыми были срывы выпуска номеров, так как газетчики, как и другие работники учреждений райцентра, мобилизовывались райкомами ВКП(б) для участия в хозяйственно-политических кампаниях[196]. Сходные трудности в первые послевоенные годы переживали и областные газеты[197]. Их объем составлял четыре полосы, периодичность выхода — 3—4 раза в неделю. Закрытые обзоры периодической печати, составлявшиеся в обкомах ВКП(б), ВЛКСМ, органах внутренних дел и Главлита, показывают низкий уровень владения местными журналистами официальным дискурсом[198]. Не слишком высокого мнения о районной прессе были зачастую и сельские жители[199].

Ограниченные тиражи прессы, которыми могло располагать село, были основной причиной значительного распространения газетных витрин, дававших возможность прочитать свежий номер большому числу людей. В августе 1947 г. прошел Всесоюзный рейд проверки распространения печати. В смоленской деревне проверка обнаружила 341 населенный пункт, жители которых не выписывали прессу, а в 342 пунктах не было подписчиков на цен-

---

[194] КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986) : в 16 т. 9-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. А. Г. Егорова и К. М. Боголюбова. Т. 7 : 1938—1945. М., 1985. С. 547—549; Т. 8. С. 31—36, 255—256.

[195] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 1. Д. 220. Л. 19—20; Д. 562. Л. 27—28; Д. 655. Л. 25—26; Оп. 10. Д. 221. Л. 7, 12—13, 19, 25, 28—29, 38, 48, 54, 61, 67, 80.

[196] «За коммуну» (1945—1949); «Колхозник» (1945—1953); «Колхозница» (1945—1953); «Куйбышевский стахановец» (1945—1951); «Колхозный труд» (1945—1952).

[197] «Орловская правда» (1945—1953); «Рабочий путь» (1945—1953); «Знамя» (1945—1953).

[198] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 13. Д. 120. Л. 18 ; ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 225. Д. 221. Л. 5, 159; Д. 472. Л. 23, 53—54; Ф. П-1209. Оп. 1. Д. 68. Л. 23 ; ГАОО. Ф. П-52. Оп. 4. Д. 202. Л. 30—30 об. ; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1778. Л. 343—344.

[199] ГАДНИКО. Ф. П-42. Оп. 16. Д. 13. Л. 4—6, 8.

тральные издания. Из 2137 газетных витрин в 305 не обеспечивалась регулярная расклейка газет. В Ярославской области прессу не выписывало население 33 населенных пунктов, в 323 из 1743 газетных витрин не происходило регулярной смены газет[200].

Вошедшее в практику работы системы распространения печати в годы войны «распределение» тиражей газет и журналов по бюджетным учреждениям продолжало сохраняться и в послевоенные годы[201]. В Рязанской области большая часть тиражей оседала в городах, учреждениях по такой подписке. Незначительное количество экземпляров распространялось индивидуально. ЦК ВКП(б) принял постановление «О недостатках работы Рязанского обкома ВКП(б) по распространению периодической печати», обязав не менее 70 % тиражей газет распространять среди населения[202]. В 1948 г. Всесоюзный рейд проверки распространения печати был проведен вновь[203].

В заключительные годы сталинской эпохи число газетных витрин на селе Центрального Нечерноземья в разы превосходило количество пунктов продажи печати, косвенно свидетельствуя о малочисленности ее тиражей. В 1951 г. в восьми из тринадцати областей в среднем на сельсовет приходилось от 0,9 до 2,4 газетных витрин. На общем фоне выделялись Владимирская (4,7 витрины), Смоленская (5,4 витрины), Ярославская области (4,1 витрины). В Орловской области на сельсовет в среднем приходилось 0,2 витрины. В 1952 г. этот же показатель по 10 областям составлял от 1 до 2,6 газетной витрины (во Владимирской области — 7,3 витрины, в Смоленской — 5,4, в Ярославской — 3,5). В 1953 г. в семи областях количество витрин колебалось от 0,9 до 2,6, а в Московской области — 2,9 витрины, в Смоленской — 5,5, в Ярославской — 3,8, во Владимирской — 6,8. Ни в одной из областей в 1951—

---

[200] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 448. Л. 2, 10.
[201] Подготовиться к подписной кампании // Распространение печати. 1948. № 4. С. 3 ; *Камчаткин Л.* Шире привлекать общественный актив // Распространение печати. 1948. № 5. С. 4.
[202] *Кабанов П. И.* Очерки культурно-просветительной работы в СССР … С. 88.
[203] Поучительные итоги // Распространение печати. 1948. № 6. С. 1.

1953 гг. число пунктов продажи прессы и киосков «Союзпечати» не превышало в среднем одного на сельсовет[204].

Несмотря на усилия по улучшению распространения периодической печати во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. нельзя говорить о широкой доступности газет для большинства сельского населения. В 1946 г. количество экземпляров разового тиража областных и районных газет, приходящееся в среднем на сельского жителя Центрального Нечерноземья, составляло от 0,09 до 0,24, в 1947 г. — от 0,10 до 0,20, в 1949 г. — от 0,09 до 0,33[205]. Фактически количество экземпляров, оказывавшихся на селе, было еще меньше, так как нами этот показатель рассчитан исходя из распространения всех тиражей в сельской местности. Однако львиная доля центральной, областной и районной периодической печати оседала в городах и райцентрах. Так, в 1945 г. село получило 34,6 % тиража «Правды», 34,5 % — «Известий», 36,6 % — «Комсомольской правды», 48,4 % республиканских и областных газет, 69,1 % — районных, а районные центры сельской местности — 14,5; 14,3; 16,3; 13,6 и 14,1 % соответственно. Остальной тираж распространялся в областных центрах, промышленных районных центрах, городах областного подчинения и рабочих поселках[206]. Кроме того, в 1951—1953 гг. почти везде на 4—27 % недовыполнялся план розничной продажи печати, а также на 1—13 % и план ее продажи по подписке[207]. Были свидетельства и повышенного спроса на прессу. Так, в мае 1949 г. на Заднепровском рынке Смоленска была задержана жена механика и завхоза издательства газеты «Большевистский путь» Западной железной дороги, продававшая по завышенным ценам местные газеты и журналы. При обыске у нее была обнаружена справка издательства, разрешающая это[208].

---

[204] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2119. Л. 8—9; Д. 4098. Б. п.; Д. 4439. Л. 310, 311; Д. 4445. Л. 132—133; ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 69. Л. 45—45 об.

[205] *Кометчиков И. В.* Выпуск, распространение и доступность газет на селе Центрального Нечерноземья 1945 — начала 1960-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 4 (42). Ч. 2. С. 103.

[206] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2119. Л. 5.

[207] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 4098. Л. 246; Д. 4439. Л. 314; Д. 4744. Л. 230.

[208] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 821. Л. 193.

Таким образом, ни с точки зрения тиражей, ни состояния сети распространения печати нельзя говорить о сколько-нибудь полном охвате сельского населения прессой в первые послевоенные годы. Качество ее содержания, которое могло бы заинтересовать читателя, даже по официальной мерке было неравномерным и, как правило, понижалось от центральных к районным изданиям.

На протяжении середины 1950-х гг. отмечается улучшение обеспеченности населения районных центров и сел газетами, что происходит как вследствие общей коррекции аграрной политики, увеличения объема направлявшихся на село ресурсов, так и «потепления» политического курса, отразившегося и на политике в отношении СМИ. Пытаясь повысить значимость выступлений местной печати, центральная власть ориентировала ее редакции на расширение взаимодействия с рабселькорами, развертывание критических выступлений[209]. Отмеченные перемены, связанные с приходом к власти Н. С. Хрущева, стимулировали рост тиражей. Только за 1955—1957 гг. разовый тираж областных и районных газет областей Центрального Нечерноземья увеличился на 8 %. Но гораздо больше возросли тиражи центральной прессы. К 1957 г. по сравнению с 1949 г. разовый тираж «Правды» вырос в 2,17 раза, «Известий» — в 1,93, «Комсомольской правды» — в 2,58, «Пионерской правды» — в 2,5, «Литературной газеты» — в 1,7, «Сельского хозяйства» — в 2[210]. Улучшение полиграфической базы, увеличение лимитов газетной бумаги приводят к росту объема номеров местной прессы, особенно районной: многие районные газеты начинают выходить на четырех полосах[211].

За счет укрупнения сельсоветов более плотной стала розничная сеть продажи печати, увеличившись по сравнению со второй половиной 1940-х — началом 1950-х гг. в 1,3—2 раза и составляя в среднем от 0,82 до 1,50 пунк-

---

[209] Справочник партийного работника. Вып. 1. С. 340—342.

[210] *Кометчиков И. В.* Выпуск, распространение и доступность газет … С. 103.

[211] «За коммуну» (1956—1962); «Колхозник» (1945—1953); «Колхозница» (с 1950 по 1962 г. — «Вперед») (1956—1962); «Колхозный труд» (с 1960 г. — «Знамя коммунизма», с 1962 г. — «К коммунизму») (1956—1962); «Красное знамя» (1956—1962).

тов на сельсовет[212]. В результате количество экземпляров разового тиража областных и районных газет, приходящееся в среднем на сельского жителя в областях Центрального Нечерноземья в 1955 г., составляло от 0,16 до 0,54, в 1957 г. — от 0,16 до 0,60[213]. К марту 1957 г. учреждения культуры, сельсовет, школа, учителя, правление и жители колхоза «Красная звезда» (336 семей, 999 чел.) с. Кораблино Рязанской области выписали 49 экз. «Правды», 21 экз. «Известий», 15 — «Комсомольской правды», 36 — «Пионерской правды», 4 — «Литературной газеты», 124 — областной газеты «Приокская правда», 64 — «Рязанского комсомольца», 166 — «Ленинского пути» (районная газета) и 27 экземпляров других газет (в среднем на одного жителя приходилось 0,5 экз. газет). Спрос населения на прессу был выше и ограничивался выделенными лимитами[214].

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. власть вновь сдерживает рост тиражей местных газет при наращивании выпуска центральных, а также сокращает количество местных изданий. Необходимость «не расширять сеть печатных органов», а «повышать их идейный уровень» и «связь с массами» подчеркивалась в постановлении Бюро ЦК КПСС по РСФСР «О неправильной практике издания новых газет», критиковавшем местную власть, руководство кооперации за несанкционированное издание «своей» прессы. Постановление ЦК КПСС от 31 июля 1959 г. «О ликвидации убыточности газет и журналов» требовало достижения рентабельности местной печати при сокращении числа изданий за счет слияния редакций. ЦК КПСС вернул себе право утверждать открытие новых областных, городских, ведомственных газет и журналов[215]. Ряд центральных и местных периодических изданий, полностью не реализуемых через сеть розничной продажи, объявлялись «не отвечающими требованиям читателей и не пользующимися их спросом»[216]. Весной 1962 г. верхи партии пошли на еще более радикальные меры, решив

[212] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 5301. Л. 131, 150, 198.
[213] Печать в СССР в 1956 и 1957 годах : статистические материалы. М., 1958. С. 173—174.
[214] Подсчитано по: Рязанское село Кораблино … С. 128, 392.
[215] Справочник партийного работника. Вып. 2. М., 1959. С. 533—534; Вып. 3. М., 1961. С. 465—470.
[216] Справочник партийного работника. Вып. 3. М., 1961. С. 484—485.

привести в соответствие с новой структурой управления сельским хозяйством количество районных газет: вместо нескольких десятков районных газет в каждом регионе было создано меньшее число газет производственных управлений[217].

Конец 1950-х — начало 1960-х гг. также становится временем, когда предпринимались попытки повысить статус периодической печати в обществе, сделать ее активным участником процессов десталинизации путем оживления рабселькоровского движения. В постановлении ЦК КПСС от 30 августа 1958 г. «Об улучшении руководства массовым движением рабочих и сельских корреспондентов советской печати» рабселькоров призывали «повышать силу воздействия печати на массы населения». Систематическое взаимодействие с рабселькоровским активом провозглашалось обязанностью редакций прессы, партийных и советских органов, общественных и первичных парторганизаций[218]. Санкционировалось повсеместное создание внештатных отделов редакций, рабселькоровских и авторских советов[219]. С 1957 г. был возобновлен прерванный в 1941 г. выпуск журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент». Статистика редакционной почты районных газет, куда писали рабселькоры, а также сами газеты свидетельствуют, что призыв «глубоко освещать на страницах печати злободневные вопросы» находил на селе отклик[220]. Много рабселькоровских корреспонденций публиковали областные газеты[221]. Однако стимулирование общественной активности «снизу» не всегда поддерживалось в редакциях районных газет, работники которых продолжали работать с оглядкой на райкомы КПСС[222].

Качество местной прессы, с точки зрения центральной власти, по-прежнему оставалось весьма неравномерным: районной прессе приходилось «прислушиваться» к мнению руководства РК КПСС, которое в большинстве

---

[217] ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 1115. Л. 114.
[218] КПСС в резолюциях … Т. 9. С. 256—258.
[219] Справочник партийного работника. Вып. 3. М., 1961. С. 547.
[220] *Кометчиков И. В.* Выпуск, распространение и доступность газет … С. 104 ; За коммуну. 1961. 8 нояб. ; Знамя коммунизма. 1961. 26 окт. ; Красное знамя. 1961. 20 сент.
[221] ЦДНИ ЯО. Ф. 272. Оп. 227. Д. 643. Л. 34, 44, 47.
[222] *Кометчиков И. В.* Выпуск, распространение и доступность газет … С. 104 ; ГАДНИКО. Ф. П-42. Оп. 34. Д. 33. Л. 29—31.

случаев определяло, какие материалы будут опубликованы. Процессы оттепели с большим трудом преодолевали инерцию сталинских порядков, когда местная пресса занимала двойственное положение: с одной стороны, обязанная «указывать на недостатки, невзирая на чины и лица», а с другой — находясь под опекой местного партруководства, которое прежде всего видело в ней инструмент укрепления собственного влияния. Ответственный секретарь Новодеревеньковской районной газеты «Социалистический труд» (Орловская область) осенью 1956 г. сообщал в письме секретарю Орловского обкома КПСС: «Злоупотребляя служебным положением, т. <редактор районной газеты> выхолащивает из газеты острую, принципиальную критику, глушит инициативу работников редакции, всячески противится тому, чтобы газета была боевой, содержательной, интересной… Ларчик открывается просто: редактор не желает портить отношений с руководящими работниками района…»[223]

Другим направлением повышения эффективности воздействия прессы на сельское население в середине 1950-х гг. стало свертывание числа колхозных многотиражных газет, редактирование которых не соответствовало представлениям идеологов партии о роли многотиражек, призванных прежде всего «содействовать развитию творческой инициативы колхозников и колхозниц в борьбе за укрепление общественного хозяйства», но сводившихся к освещению «второстепенных вопросов», «описанию уродливых явлений в быту». Кроме того, издание колхозной многотиражки ложилось дополнительным бременем на редакцию районной газеты, распыляло активность колхозных коммунистов, заставляя секретарей первичных организаций забрасывать прочую работу[224].

Для значительного числа периодических изданий, особенно местных, как видно, существовала проблема привлечения внимания аудитории, что подталкивало редакции к размещению большого количества фотографий,

[223] ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 634. Л. 102—103.
[224] Справочник партийного работника. Вып. 1. С. 400—402.

развлекательных материалов, перепечаток произведений детективного, фантастического жанра. Так, в Брянской области 15 из 26 районных газет, многие районные газеты Орловской области публиковали рассказы и повести о шпионах, уголовниках и спекулянтах[225].

В ходе оптимизации числа областных и районных газет, попыток улучшения содержания, расширения связей с аудиторией их суммарный разовый тираж в областях Центрального Нечерноземья за 1959—1961 гг. увеличивается с 2122 тыс. до 2196 тыс. экз. (на 3,5 %)[226]. Рост количества экземпляров, поступавших на село, вновь происходил в основном за счет тиражей союзных и республиканских изданий. С 1958 по 1962 г. число всесоюзных газет сократилось с 24 до 23, а их разовый тираж вырос с 4981 до 7947 тыс. экз. (на 59,5 %), тираж двух республиканских газет РСФСР — с 543 до 617 тыс. экз. (на 13,6 %)[227]. Но и с учетом некоторого сокращения численности сельского населения за этот период ощутимого увеличения его обеспеченности местной прессой не произошло. Количество экземпляров разового тиража местных газет, приходящееся в среднем на сельского жителя, колебалось по областям Центрального Нечерноземья: в 1959 г. — от 0,16 до 0,45, в 1960 г. — от 0,17 до 0,47, в 1961 г. — от 0,17 до 0,50[228]. Расходы на печать по бюджету СССР и РСФСР в 1950-1965 гг. выросли в 3,7 и 2,8 раза соответственно (в основном — на центральные и республиканские издания), а на радиовещание — в 9 и 1,7 раза. В абсолютных величинах к 1965 г. расходы по статье «Искусство и радиовещание» в 3,4 раза превышали расходы на печать[229]. Следует отметить, что, несмотря на увеличение расходов на печать, по числу экземпляров разового тиража ежедневных газет, приходящемуся на 1000 чел. населения, СССР существенно отставал от ведущих западных государств: в 1955 г. эта величина составляла 123 экз., в 1960 г. — 172 экз., в 1964 г. — 229 экз., а в США в 1960 г. — 326 экз., в 1964 г. — 315 экз., в ФРГ —

---

[225] Справочник партийного работника. Вып. 2. М., 1959. С. 482, 515—517.
[226] *Кометчиков И. В.* Выпуск, распространение и доступность газет … С. 104.
[227] Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. С. 537.
[228] *Кометчиков И. В.* Выпуск, распространение и доступность газет … С. 105.
[229] Подсчитано по: Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик. С. 54, 56.

330 и 392 экз., в Швейцарии — 318 и 372 экз., в Англии — 514 и 522 экз., во Франции — 242 и 245 экз., в Швеции — 462 и 505 экз. соответственно[230].

Материалы социологических обследований колхозной деревни конца 1950-х — начала 1960-х гг. показывают, что в экономически успешных хозяйствах пресса была широко распространена и выписывалась как повседневный источник информации о «больших» и «малых» политических событиях, для чтения на досуге[231].

Таким образом, за 1945 — начало 1960-х гг. власти, увеличив на 50 % разовый тираж областной и районной прессы, в то же время многократно нарастили объемы издания республиканских и общесоюзных газет, что свидетельствует о безусловном приоритете развития центральной прессы и целенаправленном ограничении тиражей областной и районной как хронически отстающих от политической конъюнктуры и подчас подтачивавших монолит идеологии. Оттепель закрепила эту сформировавшуюся еще в сталинские годы тенденцию. Центральная, областная и районная газеты были для сельского населения, в первую очередь, повседневным источником политической информации, хотя степень доступности зависела от места жительства: наиболее востребованные газеты село получало по урезанному лимиту. Наиболее доступная областная и районная пресса вызывала интерес актуальностью публикующейся информации, а с другой стороны, смещалась вниз читательской шкалы достоверности и авторитета, как и находящаяся на виду местная власть, выступавшая заказчиком ее публикаций.

Другим важным каналом повседневного информирования и важным институтом советской культуры на селе выступало радиовещание. Рассмотрим его с точки зрения организации и доступности населению. Сеть радиовещания, основу которой составляло проводное радио, начала формироваться еще в 1930-е гг. Приоритетное развитие проводного радио при радиофикации

---

[230] Социалистические страны и страны капитализма в 1960 году : статистический сборник / рук. колл. сост. Л. М. Цырлин. М., 1961. С. 440 ; Социалистические страны и страны капитализма в 1961 году. С. 568 ; Социалистические страны и страны капитализма в 1965 году. С. 778.

[231] Опыт историко-социологического изучения села «Молдино». С. 387—388 ; *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Культура и быт колхозников Калининской области. С. 322 ; ЦДНИ ГАЯО. Ф. 227. Оп. 227. Д. 639. Л. 67—73; Кораблино — село русское / отв. ред. и рук. авт. колл. проф. В. И. Селиванов. М., 1961. С 147—148.

деревни сохранялось и в дальнейшем. Большой урон радиовещанию в Центральном Нечерноземье, особенно местному, нанесла война. На территориях, где велись боевые действия, была полностью уничтожена инфраструктура проводного радиовещания. Знаком перехода к мирной жизни стало ее восстановление и возвращение населению изъятых в начале войны эфирных радиоприемников[232].

Задачу радиофикации села в послевоенные годы решали несколько министерств и ведомств, из которых Министерство связи СССР занималось радиофикацией райцентров. Радиофикацию также вели органы МСХ СССР, Министерства совхозов СССР, ВЦСПС, Всесоюзный комитет по радиоинформации и радиовещанию, колхозы. Это создавало путаницу и «мертвые пространства», за радиофикацию которых никто не отвечал. Абонентскую плату за пользование эфирными радиоприемниками взимал Всесоюзный радиокомитет, плату за пользование проводными радиоточками — Министерство связи СССР или то ведомство, которому принадлежал обслуживавший ихрадиоузел[233]. По официальным оценкам, вследствие «беспризорного состояния» радиофикации деревни ежегодный прирост радиоточек составлял всего 150—200 тысяч. Полная радиофикация такими темпами считалась возможной через 50 лет[234].

На сдерживание радиофикации села оказывал влияние уровень абонентской платы за пользование радио. Если в довоенные годы она составляла 4 руб. в месяц, то в начале 1950-х гг. — 10 руб., причем обладатели проводных трансляционных точек платили в 3 раза больше и почти не имели возможности выбора радиопрограмм. Согласно постановлению СМ СССР от 16 января 1953 г. № 124, абонентская плата за пользование радиоточкой колхозного радиоузла мощностью до 1 Вт составляла 4 руб. в месяц, за радиоточку мощностью от 1 Вт и выше — 5 руб. за 1 Вт мощности. С 1 января 1953 г. Министерство связи стало взимать абонплату с владельцев радиоточек на

---

[232] «Великая книга дня…» : Радио в СССР : документы и материалы / сост. Т. М. Горяева. М., 2007. С. 983.
[233] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 254. Л. 124.
[234] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 254. Л. 122—124.

колхозных линиях, подключенных к его радиосетям, в размере 80 % тарифов, установленных для абонентов Министерства связи[235]. С 1 апреля 1953 г. абонентская плата была снижена[236].

При отсутствии ресурсов для сплошной радиофикации деревни в короткие сроки власть стремилась оснастить радио ее наиболее людные места: помещения сельских Советов, правлений колхозов, сельских клубов и изб-читален, установить уличные репродукторы. В 1946 г. в Калужской и Орловской областях было радиофицировано до 25 % сельсоветов, в Брянской, Рязанской, Смоленской и Тульской — до 50 %, в Великолукской, Владимирской, Калининской, Костромской, Московской и Ярославской — до 65 %, в Ивановской — свыше 96 %, причем основная масса — эфирными радиоприемниками. Их количество на 100 человек сельского населения в 1946 г. колебалось от 0,007 в Орловской области до 0,6 во Владимирской[237]. В конце 1949 г. к регионам с наибольшим охватом населения радио относилась Московская область, в которой на одну радиоточку и эфирный радиоприемник приходилось 1,6 сельских жителей. Во Владимирской области этот показатель составлял 7 чел., в Ивановской — 5, в Ярославской — 7,2, в Тульской, Костромской и Калининской — от 10 до 15, в Калужской — 19,4, в Рязанской — 20,7, в Брянской, Великолукской, Орловской, Смоленской — от 31 до 35 чел.[238] Радиофикация сельских Советов завершается в Центральном Нечерноземье к началу 1950-х гг.[239] Ниже был уровень радиофикации колхозов. В 1951 г. до 60 % сельхозартелей было радиофицировано в Великолукской, Владимирской и Калининской областях, до 80 % — в Ивановской, Калужской, Орловской, Рязанской, Ярославской, свыше 80 % — в Смоленской и

---

[235] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству : в 3 т. / под общ. ред. В. А. Болдырева. Т. 3. М., 1958. С. 434.
[236] *Кабанов П. И.* Очерки культурно-просветительной работы в СССР … С. 110 ; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 490. Л. 1.
[237] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2393. Л. 91 ; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 416. Л. 34—35.
[238] *Кометчиков И. В*. Радио в буднях села Центрального Нечерноземья середины 1940-х — начала 1950-х гг.: доступное и недоступное // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 1 (39). Ч. 1. С. 110.
[239] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 3022. Л. 50; Д. 4445. Л. 132—133.

Тульской, в Московской — 90,5, Брянской — 100 %[240]. Тогда же достигается максимум радиофикации клубных учреждений в 1945—1953 гг. Даже в результате всех этих усилий к 1949 г. по уровню радиофикации СССР занимал одно из последних мест в мире среди индустриально развитых стран: если в США один радиоприемник приходился на 2 чел., в Англии — на 5, в Дании — на 4, в Австрии — на 7, в Германии — на 6, в Аргентине — на 10, то в СССР — на 25—28 чел.[241]

Сельское население считало радио «культурной вещью» и, как правило, откликалось на инициативы по радиофикации, которые возникали в ходе строительных и восстановительных работ[242]. Несмотря на рост числа трансляционных точек и радиоприемников (за 1945—1953 гг. их количество в сельской местности Центрального Нечерноземья увеличилось с 166,9 тыс. до 551,2 тыс.[243]), радио к концу сталинской эпохи не стало привычным в жилищах сельского населения. К концу 1952 г. только 57,7 % колхозных дворов Московской области имели проводную трансляционную точку или радиоприемник. Во Владимирской и Ивановской областях их удельный вес приближался к 30 %, еще в семи областях было радиофицировано от 11,7 до 18,8 % дворов колхозников, а в прочих — не более 10 %[244].

Чтобы полнее представить степень доступности радио на селе, следует кратко охарактеризовать организацию радиовещания в послевоенные годы и политику в отношении регионального и районного вещания. Система общедоступного государственного радиовещания в РСФСР была трехуровневой. Центральное радиовещание организовывал Всесоюзный комитет по радиоинформации и радиовещанию при СМ СССР, региональное — его областные, краевые и республиканские управления, местное — редакции городского и районного радиовещания. Несколько обособленным было внутриколхозное радиовещание, использовавшееся для передачи внутриколхозной ин-

[240] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 4102. Л. 113—114.
[241] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 254. Л. 122.
[242] *Кометчиков И. В.* Радио в буднях села … С. 111.
[243] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2106. Л. 29; Д. 4443. Л. 83, 104.
[244] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 4443. Л. 111.

формации. Разработанная в 1951 г. межведомственная инструкция по эксплуатации и содержанию радиотрансляционных узлов в колхозах допускала его функционирование, только если оно «обеспечивалось политически»[245]. В силу неразвитости технической инфраструктуры, а также из-за отсутствия достаточного количества людей, ориентирующихся в официальном дискурсе, организация местного радиовещания могла стать «политически опасным» для любого ведомства.

Одновременно с восстановлением инфраструктуры радио и радиофикацией общественных учреждений деревни власти задумались над вопросом организации и содержания местной радиопропаганды, что стало частью кампании ЦК ВКП(б) по ужесточению идеологической дисциплины и монополизации идеологической работы, начавшейся в 1946 г. Стимулом к более интенсивному использованию инфраструктуры проводного радиовещания стало сокращение тиражей районных газет в годы войны. 3 июня 1943 г. постановлением «О местном районном радиовещании» ЦК ВКП(б) обязал местные парторганы организовать передачу по телефонным проводам в колхозы и сельсоветы свежего номера районной газеты не менее 2—3 раз в неделю, а в дни, когда она не выходила, — политических новостей и материалов о жизни района. Редактирование радиопередач возлагалось на редакторов районных газет, а политический контроль радиовещания — на вторых секретарей райкомов ВКП(б)[246]. Согласно постановлению СНК СССР № 779 от 15 июня 1943 г., в зависимости от объема вещания (30, 45 или 60 минут в сутки) редакции районного радиовещания были распределены на три группы[247]. На совещании в ЦК ВКП(б) по вопросам пропаганды 18 апреля 1946 г. выяснилось, что за годы войны областные управления Всесоюзного радиокомитета были отодвинуты от контроля за содержанием местных радиопередач обкомами и крайкомами ВКП(б). Произошло вытеснение из местного эфира передач центра региональным и районным вещанием. Предложения агитпропа

[245] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 740. Л. 126.
[246] КПСС в резолюциях … Т. 7. С. 413—414.
[247] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 470. Л. 98.

сводились к сокращению объема местного радиовещания при организации радиоузлов «в каждом районе»[248].

При обсуждении реформы местного радиовещания в 1946—1948 гг. выявились разногласия между стремящейся унифицировать радиопропаганду центральной властью и протестующим против урезания штатов редакций районного радиовещания региональным партруководством. Ко времени, когда весной 1948 г. предложениям агитпропа ЦК был дан ход, в Калужской, Орловской и Смоленской областях сеть районного вещания охватывала от 40 до 50 % районных центров, в Великолукской — 55 %, в Калининской, Костромской, Тульской и Ярославской областях — от 60 до 70 %, в трех областях — свыше 80 %. В семи областях районное радиовещание имелось в 25—40 % центров сельсоветов, в Орловской и Тульской — в 11—12 %, в Калининской — 2,8 %. Радиопередачи из района принимало от 30 до 50 % центральных усадеб МТС семи областей, в Калининской — 2,2 %, от 20 до 35 % усадеб совхозов Великолукской, Костромской, Смоленской, Тульской, 61,5 % Ивановской, 83,3 % Ярославской области. Полностью охватывались районным радиовещанием усадьбы совхозов Владимирской области. Радиопередачи из района почти не доходили до колхозов в Великолукской, Орловской и Смоленской областях, где охват правлений районным радиовещанием составлял менее процента, в шести областях он колебался в пределах 2—8 %. В отделе пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), изучив деятельность редакций районного радиовещания, заключили, что значительная их часть «не выполняет возложенных на них задач», охватывая небольшую часть населения райцентра[249]. Вследствие этого, а также из-за отсутствия политического контроля за работой местного радио и недостатка журналистских кадров самостоятельные редакции районного радиовещания предлагалось сохранить лишь там, где было не менее тысячи радиоточек, а в остальных — ликвидировать, передав их функции редакциям районных газет[250]. 10 сентября 1948 г.

[248] Там же. Д. 377. Л. 44—45, 47.
[249] *Кометчиков И. В.* Радио в буднях села … С. 112.
[250] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 340. Л. 40—41.

ЦК ВКП(б) принял постановление, в основном повторявшее эти предложения. Если на 1 января 1948 г. в областях Центрального Нечерноземья действовало 304 редакции районного радиовещания, то на 1 января 1949 г. — 151, а к началу 1952 г. — 77, причем в Ивановской области они действовали в 34,7 % районов, во Владимирской — в 47,8 %, в Московской — в 63,1 %. В остальных областях этот показатель колебался от 3,4 до 14,8 %. В Костромской и Смоленской областях районного радиовещания не было.

Таким образом, партруководство скептически относилось к политическому информированию населения большинством редакций районного радиовещания. Поскольку техническая инфраструктура центрального и областного вещания была разделена между Министерством связи СССР, Всесоюзным радиокомитетом и Комитетом по делам искусств[251], на местах были частыми сбои в графике вещания, означавшие недоступность для аудитории части радиопрограмм центрального и областного вещания. Нарушалась введенная в довоенные годы практика составления расписания центрального радиовещания на осенне-зимний и весенне-летний периоды, что давало возможность учитывать сезонные колебания слушаемости радиопрограмм. Действовавшая в конце 1940-х гг. сетка программ центрального радиовещания была разработана в 1946 г. Однако после этого время трансляций неоднократно менялось без учета их слушаемости, в результате многие радиопередачи центра накладывались на программы местного вещания и не транслировались[252].

Отчеты областных радиокомитетов свидетельствуют, что в послевоенные годы областное радиовещание было коротким по продолжительности и подчинялось задачам политической пропаганды. В 1945 г. в общем объеме радиовещания, которое велось областными радиокомитетами, политическое вещание составляло от 73 до 91 %, причем две трети его составляли оригинальные местные радиопередачи, треть — материалы Всесоюзного комитета.

---

[251] *Кометчиков И. В.* Радио в буднях села … С. 113—114.
[252] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 433. Л. 110—112.

Художественное вещание (музыкальное, драматическое и литературное) занимало от 4 до 13 % эфира[253]. Такая его структура сохранялась до конца 1940-х гг., хотя в отдельных регионах возрос объем художественного вещания, занимавшего от 7 до 18 % времени. 10—15 % эфира составляли информации на платной основе (частные объявления)[254]. По итогам 1949 г. объем суточного радиовещания большинства районных редакций составлял не более 30 минут в сутки, а в некоторых — еще меньше. В 1951 г. только в Московской области на одну из 58 редакций районного вещания в среднем приходилось ежедневно более 30 минут эфира, а в остальных областях этот показатель колебался от 15,4 до 28,5 минут[255]. Осенью 1951 г. ЦК ВКП(б) вновь возвращается к вопросу областного и местного вещания. Согласно постановлению от 15 сентября 1951 г., всем комитетам радиоинформации областей Центрального Нечерноземья был установлен объем вещания 1 час в сутки, Московской области — 1 час 45 минут. На местное вещание отводилось 15—20 минут[256].

Кроме трансляций радиостанций СССР в конце 1940-х — начале 1950-х гг. сельскому населению, имевшему подходящие эфирные радиоприемники, были доступны и радиостанции, вещавшие на территорию СССР из-за рубежа («Би-би-си», «Голос Америки» и др.). Партийные пропагандисты неоднократно сетовали на отсутствие действенных мер по их глушению: на 1 января 1953 г. в областях Центрального Нечерноземья радиоприемники имели от 15 до 50 % радиофицированных колхозных дворов, причем на селе технически более совершенные ламповые преобладали над детекторными[257]. Деревня не только слушала «антисоветские» радиопередачи, но и обсуждала услышанное. Так, в 1949 г. два жителя д. Демьянково Монастырщинского района Смоленской области были уличены в том, что, имея радиоприемник, слушали «антисоветские» радиопередачи и пересказывали их содержание

[253] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-6903. Оп. 7. Д. 185. Л. 34 об., 36 об., 38 об.
[254] Подсчитано по: Там же. Д. 185. Л. 15—15 об., 17—17 об., 24 об., 26; Д. 310. Л. 2—2 об., 6.
[255] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-6903. Оп. 7. Д. 310. Л. 26; Д. 379. Л. 11—13.
[256] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 490. Л. 28—29; Д. 492. Л. 24, 27.
[257] Там же. Д. 470. Л. 41; подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 4443. Л. 104, 111.

односельчанам. Один из них «ожидал скорого начала войны с Америкой» и якобы говорил про своего родственника: «Мы у него собираемся каждый вечер, Трофим поставил радио, и теперь у нас новости каждый день, наши газеты никогда не пишут правды и, только слушая Америку, можно узнать правду». Родственник владельца радиоприемника якобы вел среди односельчан «антисоветскую агитацию», заявляя, что «надо вооружаться и разогнать колхозы, уничтожать их, иначе пропадем», «восхвалял настоящую демократию в Америке» и призывал создать для борьбы против советской власти повстанческую организацию «Крестьянский союз», к которой потом «присоединится население». Сам хозяин радиоприемника на допросах рассказал, что «антисоветские убеждения» возникли у него при организации колхоза в д. Демьянково в 1930 г. Проработав год кузнецом, он из колхоза вышел, так как «не понравился коллективный труд» и «болезненно воспринимал потерю частной собственности». «Антисоветские убеждения» усилились летом 1948 г., когда был приобретен радиоприемник «Родина», при помощи которого он слушал «Голос Америки» и «Би-би-си», воспринимая их как «истину, совпадающую с его собственными антисоветскими убеждениями». В день Пасхи 1949 г. в его доме собралось несколько пожилых односельчан, которые, слушая трансляцию церковного богослужения, стали молиться Богу. В начале марта 1950 г. оба «радиолюбителя» были осуждены Военным трибуналом войск МВД по Смоленской области к 25 годам лишения свободы с конфискацией имущества[258]. Передачи радиостанций «Голос Америки» и «Освобождение» регулярно прослушивались и обсуждались персоналом многих участков Калининской железной дороги на территории Калининской и Смоленской областей, в том числе и членами КПСС, населением Калужской области[259].

Рубежом, от которого ведет свое начало массовая радиофикация сельской местности (если понимать под этим радиофикацию жилищ колхозников), стало постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 5 мая 1954 г. о сплошной

[258] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1085. Л. 87, 88, 90—93; Д. 1086. Л. 12.
[259] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1778. Л. 238—239 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 953. Л. 174, 179, 209.

радиофикации сел страны с 1954 по 1960 г.[260] К этому времени охват колхозных дворов областей Центрального Нечерноземья радио представлял собой пеструю картину. В Брянской, Калужской, Орловской и Смоленской областях количество радиофицированных дворов не превышало 20 %, в Великолукской, Костромской и Тульской — от 20 до 30 %, во Владимирской, Калининской и Рязанской — от 30 до 50 %, в Ивановской — 53,9 %, в Московской — 67,2 %. Уже в 1956 г. в большинстве областей количество радиофицированных колхозных дворов превысило 50 %, а всего с 1953 по 1956 г. количество трансляционных точек и радиоприемников на селе увеличилось почти в 2,6 раза[261]. В 1954—1955 гг. подошла к завершению радиофикация сельских населенных пунктов и правлений колхозов[262]. На радиофикацию выделялись большие средства. Только по госбюджету СССР расходы на радиовещание за 1950—1965 гг. выросли с 30,5 до 274 млн руб. — в 9 раз[263].

Замедление темпов прироста числа радиоточек и радиоприемников (за 1958—1960 гг. их количество на селе Центрального Нечерноземья увеличивается лишь на 109 141 штуку — 5,9 % к уровню 1958 г.) говорит о завершении в целом радиофикации деревни, где их уже действовало более 1960 тыс. К 1960 г. в Центральном Нечерноземье не было ни одной области, где уровень радиофикации колхозных дворов был бы ниже 70 %[264]. Если в 1956 г. на каждые сто человек сельского населения в Брянской, Великолукской и Орловской областях приходилось от 0,6 до 1,2 эфирных радиоприемников, в Ивановской, Калининской, Калужской, Костромской, Рязанской, Смоленской и Тульской — от 2,2 до 3,6, во Владимирской — 4,6, Ярославской — 4,8, в Московской — 15,8, то в 1960 г. эфирный радиоприемник приходился на сто сельских жителей только в Брянской области, а в пяти областях их насчиты-

[260] РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 15. Д. 36. Л. 44.
[261] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 4443. Л. 83, 104; Д. 5015. Л. 67, 68; Д. 5591. Л. 77.
[262] *Кометчиков И. В.* Радиофикация села Центрального Нечерноземья в 1953 — начале 1960-х гг.: политика и культура повседневного досуга // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 165.
[263] Подсчитано по: Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик. С. 24.
[264] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 5947. Л. 122—123; Д. 6296. Л. 112.

валось от 2,2 до 3,6, еще в шести — от 3,6 до 7,8[265]. Правительство стимулировало распространение теле- и радиоприемников отменой с 1 января 1962 г. их регистрации на предприятиях связи, абонентской платы за пользование зарегистрированными до 1 января 1959 г., а также ограничением 3 годами срока взимания абонентской платы с владельцев приемников, зарегистрированных с 1 января 1959 по 1 января 1962 г.[266]

Однако бывало и так, что в конкретном селе, колхозе, совхозе, МТС радиофикация осуществлялась с трудом. Часто она не входила в число приоритетов местного руководства, сдерживалась недофинансированием, отсутствием запчастей и питания для радиоприемников, проволоки для радиолиний, нехваткой специалистов для эксплуатации радиоузлов[267]. И все же успехи радиофикации делают конец 1950-х — начало 1960-х гг. временем, когда радио становится одним из наиболее распространенных средств повседневной трансляции информации и проведения досуга, оказывая влияние, по мнению авторов этнографических обзоров, «и на самую старшую возрастную группу»[268].

При этом сплошную радиофикацию села в эпоху Хрущева можно рассматривать как грань определившегося еще в сталинскую эпоху стремления к увеличению трансляций идеологически унифицированной информации. Ради ее «чистоты» центральная власть продолжала сдерживать рост тиражей местной прессы, свертывала районное и урезала колхозное и совхозное радиовещание. К ноябрю 1955 г. в стране насчитывалось всего 208 городских и районных редакций радиовещания, а Главное управление радиоинформации Министерства культуры СССР готовилось прекратить местные радиопередачи еще в 96 районах и городах[269]. Устанавливался контроль содержания колхозного и совхозного радиовещания. 30 декабря 1955 г. секретарь ЦК КП Ка-

[265] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 5591. Л. 77. Д. 6296. Л. 112 ; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 1. Д. 6853. Л. 5, 42, 64, 70, 101, 147; Д. 6854. Л. 70, 98, 100, 117, 140, 144, 150 ; Народное хозяйство РСФСР в 1960 году : статистический ежегодник. М., 1961. С. 44—46.
[266] Справочник партийного работника. Вып. 4. С. 370.
[267] ГАДНИКО. Ф. П-28. Оп. 35. Д. 9. Л. 107—108 ; РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 10. Д. 67. Л. 18, 34 ; ГАТО. Ф. П-188. Оп. 1. Д. 895. Л. 87.
[268] Рязанское село Кораблино … С. 198.
[269] «Великая книга дня…» … С. 134—135.

захстана Л. И. Брежнев на Всесоюзном совещании по вопросам сельского хозяйства посетовал на то, что Министерство связи СССР запретило передачу внутриколхозной информации через колхозные трансляционные узлы. Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС, «отрабатывая» вопрос Брежнева, обязал Министерство культуры и Министерство связи санкционировать использование колхозных радиоузлов, но «при условии выделения РК КПСС лиц, ответственных за подготовку и содержание такой информации»[270]. В инструкции Министерства связи СССР от 9 августа 1954 г. указывалось, что узлы, принадлежащие колхозам, должны были транслировать программы центрального и местного вещания «в соответствии с утвержденным расписанием работы». Прием и трансляции передач радиостанций, не предусмотренные расписанием, строго запрещались, как и собственное вещание без специального разрешения Министерства культуры СССР. Разрешение на использование радиомикрофона для собственных нужд колхоза должно было выдаваться областным управлением культуры по представлению его районного отдела. На колхозных радиоузлах, не имевших разрешения, хранение радиомикрофона должен был обеспечивать председатель. Он же мог под свою ответственность разрешить его использование в исключительных случаях (таковым считалось стихийное бедствие), что должно было оформляться специальным актом[271].

Стремясь устранить неразвитость технической инфраструктуры радиовещания в СССР, власть в 1950-е — начале 1960-х гг. ликвидировала «узкие места» в радиофикации и радиовещании. А их хватало. По свидетельству председателя Главного управления радиоинформации Министерства культуры СССР А. А. Пузина, для уверенного приема радиотрансляций заседаний XX съезда КПСС пришлось организовать их передачу в 50 городах страны по проводам, так как у радистов не было уверенности в передаче по эфиру. Из трех программ центрального радиовещания в середине 1950-х гг. передачи 2-

[270] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 740. Л. 127—128.
[271] Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству : в 3 т. / под общ. ред. В. А. Болдырева. Т. 3. М., 1958. С. 437—438.

й велись с 14.00, а 3-й — с 19.20. Утром и днем можно было слушать только 1-ю радиопрограмму, однако даже в центре РСФСР она могла приниматься с помехами[272]. Лишь в 1960-е гг. начинается внедрение трехпрограммного проводного вещания (до этого оно было однопрограммным)[273].

Бурная радиофикация побуждала совершенствовать не только систему трансляции, но и наращивать объем и разнообразие радиопрограмм. В начале 1961 г. из 11 областей Центрального Нечерноземья в Московской объем областного вещания составлял 2 часа в сутки, в Брянской — 3 часа, в остальных — не более часа[274]. Для исправления положения только в 1960—1961 гг. ЦК КПСС, СМ СССР и СМ РСФСР приняли по вопросам радиовещания и телевидения восемь постановлений. С точки зрения развития содержания радиовещания они явились шагом к большей идеологизации радиопередач, возрастанию удельного веса и дифференциации политинформации. В результате завершения сплошной радиофикации была создана сеть проводного вещания, в значительной мере закрытая от проникновения извне и почти безальтернативная с точки зрения выбора радиостанции, вызывавшая удивление у посещавших СССР иностранцев[275].

Однако, входя в повседневность все большего числа сельских жителей, радио не только расширяло возможности государства по информационному охвату аудитории, но и создало бреши для приема заграничных передач. Объем антисоветского радиовещания в середине 1950-х — начале 1960-х гг. составлял около 50 часов в сутки. Только радиостанция «Голос Америки» передавала ежедневно 16,5 часа программ для СССР, в том числе 8 часов на русском языке[276]. Возможность слушать их давали советские радиоприемники с коротковолновым диапазоном. В середине 1950-х гг. их насчитывалось

---

[272] «Великая книга дня…» … С. 137, 140.
[273] *Псурцев Н. Д.* Пути развития радио в СССР // 70 лет радио : научно-технический сборник / под ред. А. Д. Фортушенко. М., 1965. С. 9.
[274] РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 15. Д. 94. Л. 6—7.
[275] *Кометчиков И. В.* Радиофикация села … С. 166.
[276] *Пыжиков А. В.* Политические преобразования в СССР … С. 222.

около 5 млн, а к началу 1960-х гг. стало в 4—6 раз больше[277]. В селах Центрального Нечерноземья к 1961 г. число эфирных радиоприемников составляло 23 % от всех радиоточек. Значительными были межобластные различия, зависевшие, как видно, от степени индустриального развития области, количества экономически развитых колхозов и уровня доходов сельского населения. Так, если в Московской области радиоприемников на селе было 42,5 % от общего числа радиоточек, во Владимирской — 30 %, Ярославской — 28,2, Тульской — 25,8, то в остальных областях — от 5,8 до 21,3 %[278]. Но и приобретение радиоприемника, не имевшего коротковолнового диапазона, не являлось препятствием для приема «заграницы». Широкий размах получила кустарная переделка бытовых радиоприемников: за 200—300 руб. радиолюбители встраивали в них устройства, позволявшие принимать только зарубежные передачи. В Москве у ГУМа и других магазинов к покупателям эфирных радиоприемников обращались «лица без определенных занятий» с предложением встроить в приемник коротковолновый диапазон[279]. ЦК КПСС издал постановление «Об ответственности за незаконное изготовление и использование радиопередающих устройств» (1960 г.), парткомы областей Центрального Нечерноземья — собственные постановления. Форсированными темпами наращивались мощности глушения антисоветских радиостанций, «забивавшие» 40—60 % их эфира.

«Неправильное» использование радио в зависимости от обстоятельств рассматривалось властью как нарушение общественного порядка (так было воспринято изготовление жителем Перемышля Калужской области радиолы, под «западную музыку» которой танцевала молодежь[280]) или даже как преступление. На станции и в городе Рославле (центре одного из районов Смоленской области) сотрудниками УКГБ была установлена работа незарегистрированных радиопередатчиков, владельцы которых выходили в эфир,

[277] «Великая книга дня…» … С. 138 ; Крамола : Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953—1982 : Рассекреченные документы Верховного Суда и Прокуратуры СССР / под ред. В. А. Козлова и С. В. Мироненко ; отв. сост. О. В. Эдельман при участии Э. Ю. Завадской. М., 2005. С. 112.
[278] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 6296. Л. 112.
[279] Крамола : Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе … С. 112.
[280] *Кометчиков И. В.* Радиофикация села … С. 167.

проигрывали пластинки с записями джазовой музыки и «допускали хулиганские действия». «Передачи» велись в радиусе 15—20 км при помощи приставки с микрофоном к ламповому радиоприемнику. Аппаратура была изъята у пяти местных жителей, самостоятельно ее изготовивших, а сами они привлечены к уголовной ответственности. При этом, как видно, радиопередачи не прекращались: чекисты информировали первого секретаря Смоленского обкома КПСС М. В. Виноградова о продолжении работы по установлению «других лиц, имеющих аналогичные устройства»[281]. В другом районном центре Смоленской области — Ярцеве в конце 1960 г. УКГБ были выявлены двое молодых людей, которые устраивали на квартире «систематические сборища для прослушивания зарубежных антисоветских радиопередач». Оба направили в адрес радиостанции «Свобода» анонимное письмо, в котором писали: «Мы часто слушаем Ваши информации. Передачи слышим очень хорошо, но иногда мешает глушение. Почему глушат Ваши передачи? Да потому, что правительство боится, что народ узнает правду. Часто слушая Ваши беседы, мы узнаем правду о наших соотечественниках, а также о зарубежных видных деятелях. <…> Мы любим джазовую музыку, но наши композиторы мало уделяют времени ей, они целиком ударились в классическую музыку, которая мало понятна простому народу…» Не установив за «радиолюбителями» других «антисоветских проявлений», чекисты ограничились их профилактированием[282].

Следует отметить, что широкое распространение радио и других средств трансляции в конце 1950-х гг. повлияло на ужесточение контроля за тиражированием грампластинок. До этого определяющим фактором при формировании их репертуарных списков был спрос населения на музыку западных композиторов и исполнителей. Постановлением ЦК КПСС от 26 июня 1958 г. министерства культуры СССР и союзных республик обязывались составлять «рекомендательные репертуарные списки» записей, ставшие

[281] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1256. Л. 194.
[282] Там же. Д. 1077. Л. 180—182.

основой для формирования заказов на них торговых сетей. Контроль за выпуском и использованием грамзаписей учреждениями культуры возлагался на парторганы[283].

В 1956—1960 гг. массовым явлением в стране становится телевидение, что было связано с вводом в эксплуатацию радиорелейных линий. Только за 1959—1960 гг. в 16 городах страны было организовано двухпрограммное телевещание[284]. В 1955—1959 гг. в Центральном Нечерноземье были введены в действие телецентр в Ярославле (в Москве он действовал с 1938 г.), а также ретрансляционные станции в Калинине, Рязани, Владимире, Калуге, Смоленске, Иванове, Костроме, Брянске, Орле. Промышленность увеличивала производство телеприемников: в 1950—1953 гг. г. их было выпущено 158,7 тыс. шт., а в 1954—1960 гг. — 6010 тыс. шт.[285]. В сельской местности они стали получать распространение в конце 1950 — начале 1960-х гг. Исключение составляла только Московская область, в которой количество телевизоров на селе с 1820 в 1951 г. увеличилось до 123 748 в 1960 г., обеспечив ей по этому показателю первое место в СССР. С 1958 по 1960 г. число телевизионных приемников в сельской местности увеличилось в Брянской области с 6 до 338, во Владимирской — с 2335 до 7621, в Ивановской — с 253 до 2110, в Калининской — с 1823 до 4643, в Калужской — с 492 до 2023, в Смоленской — с 8 до 840 и т. д.[286] Телевидение вызывало огромный интерес. В Рязанской области только с января по май 1957 г. было установлено 2900 телеприемников, в том числе 800 — на селе. В сельских клубах, красных уголках, общежитиях, на фермах у телевизоров собиралось большое количество людей. Телевизоры приобретали организации и жители всех районов, даже тех, где телепередачи принимались нерегулярно из-за ограниченного радиуса действия ретрансляционной станции[287]. Телевизор, как и радиоприемник в одном из общественных мест деревни, безусловно, был престижным атрибутом куль-

[283] Справочник партийного работника. Вып. 2. М., 1959. С. 501—502.
[284] РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 15. Д. 94. Л. 176—177.
[285] Там же. Л. 12—14.
[286] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 5947. Л. 122; Д. 6296. Л. 112—113.
[287] РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 15. Д. 21. Л. 43.

турного досуга, заменявшим кино, и нередко поэтому перекочевывал в дом или рабочий кабинет местного руководства[288].

Следует отметить, что, несмотря на колоссальные капиталовложения в развитие радио и телевидения, к началу 1960-х гг. по уровню радиофикации СССР существенно отставал от ведущих западных государств. Так, если в 1950 г. в СССР на 1000 чел. приходилось 74 радиоприемника и телевизора, в 1955 г. — 170, в 1960 г. — 292, в 1963 г. — 351, то в США — 621, 1062, 1272 и 1327; в Канаде — 169, 543, 670, более 730; в ФРГ — 162, 252, 365, 439; в Швеции — 306, 332, 504, 627; в Бельгии — 161, 247, 357, 445; в Дании — 281, 306, 450, 547; во Франции — 167, 215, 282, 397 соответственно. Особенно большим было отставание по количеству телевизоров: в 1963 г. их количество в СССР было меньше, чем в США, в 3,9 раза[289].

Таким образом, к началу 1960-х гг. радио стало атрибутом по-настоящему повседневного досуга в общественных учреждениях и дома. Впервые здесь была создана плотная инфраструктура трансляции информации с высокой долей единообразия, основу которой составила оберегаемая от проникновений извне и профанаций идеологической доктрины сеть проводного радиовещания. Отставание от ведущих западных стран по доступности прессы, радио и телевидения власть пыталась компенсировать опорой на культпросветучреждения и устную пропаганду, что роднило ситуацию в этой сфере с дефицитом капиталовложений в экономику деревни. Однако логика сплошной радиофикации, превращавшая радио и телевидение в средство действительно массового информирования, неизбежно прорывалась за отведенные ей рамки, отражалась в восприятии жителями села «оповседневнивания» радио. С одной стороны, оно считалось важным «культурным благом» — «голосом Москвы», а с другой — рутина огосударствленного радио преодолевалась слушанием зарубежных радиостанций, которое становилось все более доступным неформальным досугом.

---

[288] ГАТО. Ф. 177. Оп. 31. Д. 103. Л. 69—70, 74 об. ; ГАДНИКО. Ф. П-25. Оп. 33. Д. 8. Л. 150, 152; Ф. П-6878. Оп. 1. Д. 65. Л. 117 об.—118.

[289] Социалистические страны и страны капитализма в 1960 году. С. 390, 392—394 ; Социалистические страны и страны капитализма в 1965 году. С. 722, 724—726.

Глава IV. Повседневные взаимоотношения власти и сельского социума в сфере религиозности

4.1. Установление и поддержание рамок религиозности

Основной причиной минимизации влияния религии на общество в СССР был непреодолимый конфликт коммунистической идеологии и доктрин традиционных для России конфессий[1], предопределивший настойчивость власти в установлении контроля над сферой религиозности. Изучение этого контроля зачастую заключается либо в выяснении законности того или иного шага власти применительно к базовым принципам законодательства о культах (ряд исследователей признают существование в послевоенные годы «цивилизованных отношений между государством и церковью», роль возрожденной РПЦ как дополнительного источника легитимности Сталина)[2], либо априорного признания конфессий пассивными жертвами власти[3]. Также большинство точек зрения на эволюцию их отношений с властью в середине 1940-х — начале 1960-х гг. исходит, прежде всего, из учета потеплений и

---

[1] *Куницын И. А*. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. М., 2000. С. 47—49, 83 ; *Курляндский И. А*.: 1) Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922—1953 гг.). М., 2011. С. 576—577 ; 2) Власть и религиозные организации в СССР (1939—1953 гг.) : исторические очерки. СПб., 2019. С. 310, 317, 326, 348 ; *Заватски В*. Евангелическое движение в СССР после Второй мировой войны. М., 1995. С. 11—13 ; *Комаров А. С*. Евангельские христиане-баптисты в системе государственно-религиозных отношений в СССР: 1944—1963 гг. // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 3. С. 195 ; *Чумаченко Т. А*. Совет по делам Русской православной церкви и его уполномоченные в условиях новой церковной политики власти (1958—1964 гг.) // Церковь и государство в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты : Опыт России и Европы / отв. ред. И. А. Филимонова. М., 2011. С. 9 ; *Савинский С. Н*. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии : в 2 ч. Ч. 2 : (1917—1967). СПб., 2001. С. 115—117 ; *Smolkin V*. A sacred Space Is Never Empty : A history of Soviet Atheism. Princeton, 2018. P. 239—246.

[2] *Одинцов М. И*.: 1) Государственно-церковные отношения в истории советского общества // Религия, общество и государство в XX веке : Материалы конференции, Москва. 22—25 октября 1991 г. / отв. ред. Я. Н. Щапов. М., 1991. С. 56—57 ; 2) Власть и религия в годы войны : (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.) [Электронный ресурс] : сайт «Российское Объединение Исследователей Религии». U|RL: https://rusoir.ru/03print/03print-03/03print-03-003/ (дата обращения: 22.06.2023) ; *Чумаченко Т. А*.: 1) Государство, православная церковь и верующие. 1941—1961 гг. М., 1999. С. 40, 74, 95—98, 228—234 ; 2) Совет по делам Русской православной церкви … С. 9 ; и др.

[3] См., например: *Мариничева (Оленева) Г. А*. История Рогожского поселка — центра старообрядчества : (воспоминания). М., 2021. С. 13—25 ; *Марченко А*., прот. Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР. М., 2010 ; *Цыпин В. А*. История Русской Церкви. XX век. Сергиев Посад, 2006 ; История евангельских христиан-баптистов России : 145 лет крещения первого русского баптиста. 130 лет Российского Союза евангельских христиан-баптистов. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. М. В. Иванов, А. В. Синичкин. М., 2012 ; *Курляндский И. А*. Власть и религиозные организации в СССР … С. 310—313, 322—336, 352—353.

охлаждений политики в этой сфере[4]. Роль руководящих структур конфессий в контроле властью сферы религиозности часто остается в тени, что не вполне релевантно динамике религиозности, так как не каждый шаг власти влек ее немедленные изменения.

Как представляется, ключевое значение для контроля сферы религиозности еще с конца 1920-х гг. приобрело установление границы легальности[5] — определение законности того или иного феномена религиозной сферы по критерию лояльности советскому строю. Ее введение означало применение для контроля религиозности «регулярных» административно-правовых институтов, а не только репрессий. Граница легальности была важна для контроля религиозности как более укорененного явления в обществе, нежели почти уничтоженных религиозных организаций.

Основным правовым актом, регулировавшим сферу религиозности к середине 1940-х гг., было постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 9 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях». Оно вводило их регистрацию в виде «религиозных обществ» или «групп верующих», которые могли получить в пользование помещение для молитвенных собраний или арендовать его. Объединениям запрещалась производственная деятельность, создание касс взаимопомощи, материальная помощь своим членам, организация собраний детей, молодежи и женщин, библейских, трудовых и других собраний, кружков по изучению религии, библиотек, санаториев, экскурсий, лечебная помощь, преподавание религиозных учений в учебных и воспитательных заведениях. Деятельность клира ограничивалась местом жительства членов обслуживаемого объединения. Сбор пожертвований допускался только среди его членов и на цели, связанные с содержанием исполнительного органа и отправлением культа. Верующие обязывались получать разрешение на со-

---

[4] *Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы. М., 1991 ; *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь и верующие … С. 15—16 ; *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве : Государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 годах. М., 1999. С. 394—396 ; *Одинцов М. И.*: 1) Государство и церковь в России: XX век. М., 1994 ; 2) Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917—1953 гг. М., 2014 ; *Марченко А.*, прот. Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущева … ; *Курляндский И. А.* Сталин, власть, религия …

[5] *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб» : Церковное подполье в СССР. М., 2008. С. 33—34, 39.

вершение богослужений в специально не приспособленных для этого помещениях. Запрещалось совершение обрядов в учреждениях и на предприятиях, размещение там предметов культа. Исключение допускалось только для кладбищ, крематориев, изолированных помещений больниц и мест заключения. Религиозные шествия и обряды под открытым небом допускались по особому и каждый раз вновь получаемому разрешению местной власти за две недели до церемонии. Не требовалось разрешения для религиозных шествий как части богослужения вокруг храмов, если они «не нарушали нормального уличного движения». Незарегистрированные религиозные объединения считались закрытыми[6]. Таким образом, нелегальными стали многие традиционные формы религиозности.

В довоенные годы реализация постановления от 9 апреля 1929 г. сопровождалась репрессиями в отношении клира и активных мирян, закрытием молитвенных домов, разгромом церковных иерархий. К концу 1930-х гг. РПЦ МП, руководящие структуры старообрядчества и протестантских конфессий были организационно уничтожены[7], их авторитет воспринимался властью как угроза. Искоренение же религиозности оказалось куда более сложной задачей. Всесоюзная перепись населения 1937 г. показала, что 44,5 % грамотных и 84,5 % неграмотных считали себя верующими (суммарно 56,6 % населения страны), в то числе на селе — 71,7 % (по данным Московской машин-

---

[6] Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917—1941 : документы и фотоматериалы / отв. ред. и автор вступ. статьи Я. Н. Щапов ; отв. сост. и автор статей перед разд. О. Ю. Васильева ; сост. А. С. Масальская, И. Н. Селезнева, М. Е. Алексашина. М., 1996. С. 250—252, 258—260.

[7] *Боченков В. В.* Старообрядчество советской эпохи : Епископы Русской Православной старообрядческой Церкви, советский период (1918—1991 гг.) : библиографический словарь. М., 2019. С. 10—11 ; *Юхименко Е. М.* Старообрядчество : История и культура. М., 2016. С. 526, 531—532, 534—535 ; *Зонтиков Н. А.* Старообрядческий епископ Геронтий (Лакомкин): крестный путь святителя / под ред. А. В. Соловьевой; Воспоминания; Духовное завещание / епископ Геронтий (Лакомкин) / подгот. к публ. А. В. Соловьевой. Кострома, 2015. С. 174—181 ; *Мариничева (Оленева) Г. А.* История Рогожского поселка … С. 10—25, 30—31 ; *Савинский С. Н.* История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии. Ч. 2. С. 116—144 ; История баптизма : сборник. Вып. 1 / сост. и предисл. С. Н. Санников. Одесса, 1996. С. 391—399 ; *Заватски В.* Евангелическое движение … С. 25—26; 46—50 ; *Никольская Т. К.* Русский протестантизм и государственная власть в 1905—1991 годах. СПб., 2009. С. 91—106 ; *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве … С. 87—94 ; *Курляндский И. А.* Сталин, власть, религия … С. 521—522.

но-счетной станции). Чем старше была возрастная категория, тем больше в ней было верующих. Три четверти из них причисляли себя к православным[8].

Поворот государства к религиозным организациям в начале 1940-х гг. был обусловлен стремлениям руководства СССР использовать их мобилизационный потенциал для достижения быстрейшей победы, реализовать внешнеполитические планы на фоне патриотической позиции РПЦ и ряда других конфессий, учетом оживления религиозности на оккупированных территориях[9]. Он привел к некоторому расширению рамок дозволенного. Важными предпосылками этого поворота явилось и то, что руководство СССР перестало воспринимать религиозные организации как соперника вследствие, во-первых, организационного разгрома довоенной поры, во-вторых, укрепления собственного политического и культурного потенциала, и, в-третьих, создания действенного негласного контроля за религиозными организациями и религиозностью посредством особых структур[10]. 4 сентября 1943 г. состоялось совещание с участием руководителей страны и уцелевших иерархов РПЦ, на котором было решено открыть некоторые приходы, духовные учебные заведения, издать религиозную литературу. Была освобождена часть духовенства[11]. 31 января 1945 г. состоялся Поместный собор РПЦ, избран патриарх, разрешена церковная благотворительность, хозяйственная деятельность, распространение воззваний иерархов. Власть в большинстве случаев терпимо относилось к крестным ходам, паломничествам к святым местам[12].

---

[8] Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги : сборник документов и материалов / сост. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков ; авторы коммент. В. Б. Жиромская, Я. Е. Володарский, И. Н. Киселев, Н. А. Араловец. М., 2007. С. 235—238 ; *Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А.* Полвека под грифом «секретно» : Всесоюзная перепись населения 1937 года / отв. ред. В. П. Дмитренко. М., 1996. С. 98, 99, 101—102.

[9] *Шкаровский М. В.* Крест и свастика : Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2007. С. 478—481 ; *Болотов С. В.* Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е — 1950-е годы. М., 2011. С. 51, 65—66, 94—95 ; *Савинский С. Н.* История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии. Ч. 2. С. 145—148 ; *Никольская Т. К.* Русский протестантизм … С. 117—124.

[10] *Митрохин Л. Н.* Баптизм: история и современность : (философско-социологические очерки). СПб., 1997. С. 401, 406—407.

[11] *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал : [в 2 т.] / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1997. (Россия. XX век ; кн. 4). Т. 2 : Апогей и крах сталинизма. С. 329.

[12] *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 332 ; *Одинцов М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма … С. 339 ; *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб» … С. 103—104, 113.

Учреждениями, регулирующими границу легальности, стали Совет по делам РПЦ при СМ СССР и Совет по делам религиозных культов при СМ СССР. СДРПЦ был учрежден 8 октября 1943 г. и тесно связан с НКГБ[13]. Только за годы войны (до декабря 1945 г. включительно) центральный аппарат НКВД и НКГБ СССР разослал на места около 30 директив по вопросам контроля церквей и религиозности[14]. 7 октября 1943 г. СНК СССР утвердил «Положение о Совете по делам РПЦ», на который возлагалось предварительное рассмотрение вопросов, возбуждаемых патриархом перед правительством, разработка проектов законов по вопросам РПЦ, надзор за их соблюдением, информирование правительства о состоянии РПЦ и т. д. Совет имел уполномоченных в регионах, которые прежде всего назначались в области, освобожденные от оккупации, где было немало действующих храмов[15]. Со стороны СНК Совет курировал В. М. Молотов, придерживавшийся мнения, что уполномоченных следует назначать из чекистов с утверждением их кандидатур обкомами ВКП(б)[16]. В определенной мере такая установка соблюдалась[17]. Однако налаживание работы новой структуры тормозилось распространенной убежденностью местного партийно-советского актива, что уступки церкви — тактический ход, вызванный условиями войны[18].

Формально уполномоченные подчинялись руководству СДРПЦ и председателю облисполкома. Характер их работы, связанный с негласным наблюдением за епархиальным руководством, приходами и религиозностью, придавал им статус «секретно-политических» работников, действовавших в контакте с секретарями обкома партии, УВД и УМГБ[19]. В мае 1944 г. был со-

---

[13] *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб» … С. 113.

[14] *Крапивин М. Ю.* Советские органы государственной безопасности и православные религиозные объединения в годы Великой Отечественной войны: обзор руководящих документов центрального аппарата НКВД-НКГБ СССР // Военная история России : Материалы XV Международной военно-исторической конференции / под ред. М. А. Королевой, В. А. Носова, С. А. Пищулина. СПб., 2022. С. 229—232.

[15] *Чумаченко Т. А*. Государство, православная церковь и верующие … С. 24, 25, 28, 31.

[16] *Чумаченко Т. А*. Государство, православная церковь и верующие … С. 28 ; *Одинцов М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма … С. 306.

[17] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 6. Л. 56, 57.

[18] *Чумаченко Т. А*. Государство, православная церковь и верующие … С. 231 ; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 497. Л. 117.

[19] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 34. Л. 14; Д. 1559. Л. 43 ; *Шкаровский М. В*. Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 330.

здан Совет по делам религиозных культов при СМ СССР. В сфере своей компетенции СДРК решал те же задачи, что и СДРПЦ, и опирался на аппарат уполномоченных в регионах[20], связанный с региональным руководством. СДРПЦ и СДРК и их уполномоченные контролировали движение клира посредством дачи и отбора справок о регистрации. Распространенным мотивом лишения регистрации, ставившего клирика за черту легальности, было нарушение законодательства о культах, в том числе совершение запрещенных обрядов, участие в нелегальных богослужениях, активность за пределами закрепленной общины.

По справедливому замечанию. Т. К. Никольской, «централизованная система контроля над религиозной жизнью требовала и централизованной системы построения религиозных организаций», так как контролировать таковые было гораздо проще и эффективнее, чем разрозненные и нелегальные[21]. Поэтому еще в 1941 г. в Москве была восстановлена старообрядческая архиепископия. В составе старообрядческих церквей на территории Центрального Нечерноземья в послевоенные годы действовали Московская, Ярославско-Костромская и Клинцовско-Новозыбковская епархии белокриницкого согласия, Новозыбковская епархия беглопоповского согласия[22]. Хотя постановление «О религиозных объединениях» не предоставляло религиозным центрам как исполнительным органам церквей прав религиозного объединения (ими могли обладать только местные объединения верующих, достигших 18-летнего возраста)[23], граница легальности обусловила фактическое признание их административной и духовной власти в отношении религиозных сообществ, что было закреплено в положениях об устройстве и

---

[20] Законодательство о религиозных культах : (сборник материалов и документов). Изд. 2-е, доп. М., 1971. С. 4—8.

[21] *Никольская Т. К.* Русский протестантизм … С. 135.

[22] *Боченков В. В*. Старообрядчество советской эпохи … С. 11 ; *Чибисов А. В*. Условия существования древлеправославной церкви в СССР (1950—1988 годы) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2011. № 3. С. 260 ; *Юхименко Е. М.* Старообрядческий центр за Рогожской заставою. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012. С. 190 ; *Козлов В. Ф., Смирнова А. Г., Смирнова К. А*. Культурное наследие московского старообрядчества (XVIII—XXI вв.) : научно-информационная база данных [Электронное сетевое издание]. М., 2023. С. 22 ; *Мануил (Чибисов)*, игумен. Белокриницкая иерархия в 1846—1988 гг.: этапы истории. Кострома, 2017. С. 262 ; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 664. Л. 10.

[23] *Кунщын И. А.* Правовой статус религиозных объединений в России … С. 67—68.

управлении основных легализованных конфессий. 28 января 1944 г. постановлением СНК СССР было утверждено «Положение об управлении РПЦ». Согласно ему «высшая власть в области вероучения и церковного управления» принадлежала Поместному собору в составе епископов, иереев и мирян. РПЦ разделялась на епархии, границы которых должны были совпадать с региональными и республиканскими. Епархии состояли из благочиний, а те из приходов. Во главе епархии стоял архиерей, назначавший глав благочиний и приходских общин. Приходской священник являлся главой церковного совета, вел церковное хозяйство, был духовным и административно-хозяйственным руководителем общины, следившим, чтобы «уклад и распорядок приходской жизни не препятствовали выполнению прихожанами гражданских обязанностей». Приходская община считалась возникшей после регистрации поданного двадцатью верующими «гражданской власти» заявления, которое также являлось основанием для выделения ей в бесплатное пользование здания и культового имущества. Священник наделялся правом сообщать архиерею о «незакономерных действиях» исполнительного органа, который после проверки «по сношению» с уполномоченным СДРПЦ мог предложить общине «заменить неисправных членов»[24]. 24 августа 1945 г. правительство разрешило Госбанку открывать текущие счета патриархии, епархиальным управлениям, зарегистрированным общинам. 29 августа 1945 г. СНК СССР распространил нормы обложения подоходным налогом на доходы монастырей от сельского хозяйства и других источников, а также доходы свечных заводов и других предприятий епархий. Монахи и монахини в монастырях были освобождены от военного налога, а черное духовенство РПЦ и клир других конфессий, обязанных безбрачием, — от налога на одиноких и малосемейных. Монастыри освобождались от уплаты налога со строений и земельной ренты[25]. Доходы клириков и мирян от религиозной деятельности облагались, как и доходы некооперированных кустарей, по про-

[24] Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. : сборник документов / сост. О. Ю. Васильева, И. И. Кудрявцев, Л. А. Лыкова / пред. редкол. серии И. Соловьев. М., 2009. С. 271—278.

[25] Законодательство о религиозных культах … С. 32—33.

грессивной шкале обложения[26]. 28 января 1946 г. СНК СССР предоставил религиозным объединениям ограниченное право юридического лица, разрешил приобретать транспортные средства, арендовать недвижимость, строить и покупать строения, кроме молитвенных зданий[27].

Оказавшись в черте легальности, руководство РПЦ внесло изменения в церковный календарь (месяцеслов), из которого исчезли так называемые «царские дни» (дни рождений и тезоименитств особ императорского дома и другие даты, связанные с императорской фамилией), «кавалерские дни», а также «дни викториальные» в память побед или заключения мира[28]. Их место занял ряд советских праздников и памятных дат[29]. Не содержали ссылок на соответствующие молитвы по поводу «удаленных» праздников и памятных дат и богослужебные указания для клира, издававшиеся патриархией[30]. Главы епархий и благочинные вынуждены были «советоваться» с уполномоченными о подборе и направлении (или ненаправлении) священников в приходы, об их финансовой поддержке, прекращении паломничества к «святым местам» и др. Нужная власти линия проводилась посредством давления уполномоченных СДРПЦ на клир[31].

Были легализованы две организации русских протестантов: церкви евангельских христиан и баптистов (куда влилась и часть пятидесятников), а также адвентистов седьмого дня. По мнению М. И. Одинцова, руководство СДРК предполагало выстраивать отношения с религиозными центрами, учи-

---

[26] Там же. С. 34—35 ; Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 — июль 1956 гг.). М., 1956. С. 330—331.

[27] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 663. Л. 11.

[28] *Булгаков С. В.* Настольная книга для священно-церковно-служителей : (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства). Репр. воспр. изд. 1913 г. М., 1993. С. 807—808.

[29] Православный церковный календарь. 1945 г. М., [б. г.]. С. 8, 10—11, 15, 27, 29 ; Православный церковный календарь на 1949 г. М., [б. г.]. С. 6, 9—10, 18, 20, 34, 46 ; Православный церковный календарь на 1952 год. М., [б. г.]. С. 6, 9—10, 17, 28, 35, 37 ; Православный церковный календарь на 1953 г. М., [б. г.]. С. 9—11, 18—19, 34, 43, 46 ; Православный церковный календарь на 1956 г. М., [б. г.]. С. 6, 9, 11, 18, 19, 43, 46, 49 ; Православный церковный календарь на 1957 г. М., [б. г.]. С. 52 ; Православный церковный календарь на 1965 г. М., [б. г.]. С. 77.

[30] Богослужебные указания на 1950 год. Для священно-церковнослужителей (январь — 23 марта). М., 1949 ; Богослужебные указания на 1954 год. Для священно-церковнослужителей. М., 1953 ; Богослужебные указания на 1955 год. Для священно-церковнослужителей. М., 1954 ; Богослужебные указания на 1956 год. Для священно-церковнослужителей. М., 1955.

[31] ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 26. Л. 16, 37 об., 38 об. ; ГАБО. Ф. Р-2889. Оп. 1. Д. 8. Л. 74, 80—81 ; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 476. Л. 16—17, 48; Д. 627. Л. 53, 54.

тывая политические взгляды их лидеров, патриотичность позиции верующих на оккупированной территории, лояльность «возвратившейся» советской власти, а также необходимость налаживания отношений власти с евангельскими общинами, особенно многочисленными на Украине и в Белоруссии[32]. Осенью 1943 г. руководителям временного совета евангельских христиан и баптистов было разрешено приступить к возрождению церковных структур и налаживанию связей с единоверцами за границей. Учитывалось и стремление части верующих к консолидации[33] (существует мнение об инспирированности этого властью[34]). 26—29 октября 1944 г. в Москве с разрешения правительства состоялось совещание представителей ряда общин евангельских христиан и баптистов. По утвержденному Положению Всесоюзного Совета евангельских христиан и баптистов его руководителями из среды Всесоюзного Совета избирались председатель, два товарища, секретарь и казначей, составлявшие президиум. Общины евангельских христиан и баптистов должны были объединиться и иметь пресвитеров и диаконов, на которых возлагалось совершение обрядов. Только при их отсутствии их могли совершать нерукоположенные члены общины, но «по поручению церкви»[35]. Созыв съездов представителей общин как высших органов Союза не был предусмотрен, хотя традиционно баптисты придерживались конгрегациональной системы управления: каждая община имела свое самоуправление с пресвитером во главе, не состоя в связи с другими и не подчиняясь им. Баптисты не признавали национальных церквей под управлением одного лица или коллегии. Две степени их клира — пресвитер (епископ) и диакон — не различались «по учению Священного писания», а все дела решались простым большинством. Женщины также принимали участие в голосовании, но не могли быть клири-

---

[32] *Одинцов М. И.* Живущие надеждой : Церковь христиан-адвентистов седьмого дня в России. 1886—1991 гг. : История и люди, факты и события, уроки и новые возможности. М., 2020. С. 330—335.

[33] *Крючков Г. К.* Великое пробуждение XX века. 1961—2006. [Б. м.], 2008. С. 16, 23 ; *Комаров А. С.* Евангельские христиане-баптисты … С. 195 ; *Никольская Т. К.* Русский протестантизм … С. 135.

[34] *Крючков Г. К.* Великое пробуждение XX века … С. 16, 23; *Комаров А. С.* Евангельские христиане-баптисты … С. 195.

[35] Братский вестник. 1945. № 1. С. 33—34.

ками[36]. По мнению видного деятеля ЕХБ Г. К. Крючкова, в 1950-е гг. — пресвитера незарегистрированной Узловской общины ЕХБ (Тульская область), органы госбезопасности и чиновники СДРК с самого начала контролировали назначения клириков ЕХБ и руководство ВСЕХБ[37].

В послевоенные годы управление церковью ЕХБ было окончательно централизовано. Церковная власть сосредоточилась в руках ВСЕХБ, который оставил общинам незначительную самостоятельность. Традиционное избрание пресвитера и других клириков подменялось утверждением кандидатур, назначенных сверху. Мнение общины не могло быть высказано ни в журнале ВСЕХБ «Братский вестник», ни на съездах Союза, которые не созывались до начала 1960-х гг. Рядовые верующие должны были демонстрировать клиру полное послушание[38]. Согласно решениям августовского совещания ВСЕХБ с представителями пятидесятников (1945 г.), последние присоединялись к ВСЕХБ на условиях отказа от публичной молитвы на «незнакомом языке» (глоссолалии) и обряда омовения ног перед причастием. В 1947 г. в Союз ЕХБ вошли евангельские христиане в духе апостолов. Часть евангельских христиан-баптистов и пятидесятников не приняла решения об объединении, одобренное их лидерами вынужденно и без совета с общинами. В 1946 г. церковь адвентистов седьмого дня, для которой также была характерна строгая централизация управления, получила возможность создать руководящих орган — Всесоюзный Совет адвентистов седьмого дня. Обретение легальности использовалось ею для прозелитизма и создания новых общин[39].

В 1945 г. у власти существовали планы по объединению поповских старообрядческих согласий в одну церковь с созданием Московской митрополии, а в перспективе — присоединением к ней других течений старообрядчества — беглопоповцев и неокружников. Попытки преодолеть раскол беглопоповцев ставкой на избранного в 1944 г. архиепископом Московским и

---

[36] *Павлов В. Г.* Правда о баптистах : Очерк истории, церковного устройства и принципов баптистских общин // Альманах по истории русского баптизма. Изд. 2-е / сост. М. С. Каретникова. СПб., 1999. С. 262.
[37] *Крючков Г. К.* Великое пробуждение XX века … С. 16, 23.
[38] *Никольская Т. К.* Русский протестантизм … С. 136.
[39] Там же. С. 140—142 ; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 682. Л. 1.

Всея Руси Иоанна (Калинин, он же Ермилов), которого часть беглопоповцев считала лжеархиепископом, сопровождались подавлением противостоящих ему общин, а также усилением критики беглопоповцев в адрес белокриницкой иерархии. Однако к 1947 г. руководство СДРК изменило свою позицию по объединению, решив, что выгоднее иметь раздробленное старообрядчество. Не последнюю роль в этом, как считается, сыграл авторитет у верующих епископата белокриницкой иерархии, отсутствие у власти компромата на него, в отличие от лидеров беглопоповства, «активно сотрудничавших с властями». Последующие инициативы Московской старообрядческой архиепископии учредить митрополию СДРК не поддерживались. Основным действующим органом белокриницкой иерархии был совет архиепископии, который все основные вопросы церковной жизни согласовывал с СДРК[40].

Были допущены и другие послабления в отношении религии и религиозных организаций. Местной власти предлагалось не препятствовать колокольному звону и приобретению колоколов, однако отливать новые было запрещено[41]. Уполномоченные подчас содействовали открытым храмам в возвращении из краеведческих музеев икон, «не представлявших высокой музейной ценности», электрификации, приобретении стройматериалов[42].

Конфессии, определенные как «антигосударственные, антисоветские и изуверские секты», были вынесены за черту легальности и находились под надзором органов госбезопасности. Из имевших последователей в селах Центрального Нечерноземья стоит отметить группы пятидесятников, «краснодраконовцев», истинно-православных христиан, духоборов, молокан, скопцов, хлыстов, Свидетелей Иеговы, против которых велась борьба (так, летом 1944 г. из Рязанской, Воронежской и Орловской областей было выселено более 1,5 тыс. ИПХ[43]).

---

[40] *Мануил (Чибисов)*, игумен. Белокриницкая иерархия … С. 258—261, 275.

[41] Наследие. Вып. 1 : Религия — общество — государство: институты, процессы, мысль. Кн. 1 : История государственно-конфессиональных отношений в России (X — начало XXI века) : хрестоматия : в 2 ч. / сост. Ю. П. Зуев ; под общ. ред. Ю. П. Зуева, В. В. Шмидта. Ч. 2 : XX — начало XXI века. М., 2010. С. 113—114 ; *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь и верующие … С. 92—93.

[42] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 682. Л. 7.

[43] *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб» … С. 85, 116.

Однако речи о возрождении разветвленной церковной организации не шло. 28 ноября 1943 г. СНК СССР принял постановление «О порядке открытия церквей», согласно которому ходатайства об этом сначала рассматривали исполкомы региональных Советов, после чего, в случае их поддержки, они пересылались в Совет, чтобы при предварительном его одобрении поступить в СНК СССР, а затем снова в СДРПЦ, который, в случае одобрения СНК СССР его «предварительного решения», сообщал органу исполнительной власти региона свое окончательное решение для «последующей регистрации нового религиозного общества и оформления передачи верующим церковного здания»[44]. Целью такой процедуры было дозирование открытия храмов. Стихийного роста их числа в правительстве опасались[45]. 20 апреля 1944 г. СДРПЦ направил на места инструктивное письмо, в котором перечислялся пространный перечень «законных» мотивов отклонения ходатайств с рекомендацией их использования советскими органами[46]. Сходной процедурой, установленной постановлением СНК СССР «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» (1944 г.), руководствовался и СДРК, выпустивший в 1945 г. несколько инструктивных писем о регламентации функционирования молитвенных домов зарегистрированных общин[47]. На основе директив СДРК его уполномоченные выпускали свои инструкции гор- и райисполкомам о прекращении собраний незарегистрированных групп, контроле зарегистрированных общин в части совершения обрядов под открытым небом, недопущении нарушения общественного порядка и уличного движения, запрещении деятельности, не связанной с отправлением культа[48].

Логичным стало свертывание антирелигиозной пропаганды. В постановлении ЦК ВКП(б) от 27 сентября 1944 г. «Об организации научно-просветительной пропаганды» это определение отсутствовало, ставилась за-

---

[44] Наследие. Вып. 1. Кн. 1. Ч. 2. С. 105—106.
[45] *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 331.
[46] *Перелыгин А. И.* Русская Православная Церковь на Орловщине в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 1995. № 4. С. 130.
[47] *Одинцов М. И.* «Вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой…» : История Пятидесятнической церкви в России. XIX—XX вв. СПб., 2012. С. 267—268 ; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 11. Л. 20—21, 36—37; Д. 692. Л. 48.
[48] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 692. Л. 2—2 об.

дача улучшения пропаганды естественно-научных знаний, ее содержание ограничивалось материалистическим объяснением действительности[49]. 4 декабря 1943 г. скончался глава Союза воинствующих безбожников Е. М. Ярославский, а весной 1947 г. ЦК ВКП(б) прекратил деятельность Союза. Его функции по организации лекционной пропаганды были переданы Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний. До 1951 г. в отчетности Общества антирелигиозная пропаганда отсутствовала.

Первые признаки охлаждения государственно-церковных отношений проявились в 1947 г. В феврале 1947 г. по указанию СМ СССР патриарх предписал прекратить сборы на патриотические цели: власти беспокоило связанное с ними усиление авторитета церкви[50]. В 1947 г. начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров раскритиковал деятельность СДРПЦ. 24 августа 1948 г. «по рекомендации» Совета патриарх и Синод приняли решение о прекращении молебнов под открытым небом, крестных ходов из села в село, духовных концертов в храмах вне богослужений. 18 ноября 1948 г. было решено ограничить проповеди религиозными темами[51]. С марта 1948 г. СДРПЦ прекратил удовлетворение ходатайств об открытии церквей[52]. Осенью 1948 — весной 1949 гг. отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) подготовил проекты постановлений, направленные на свертывание деятельности СДРПЦ и ограничение религиозности[53]. Из-под контроля правительства СДРПЦ постепенно переходит в орбиту влияния отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)[54]. Во втором полугодии 1948 г. Совет проводит кампанию по переписи членов церковных советов и отсеву из них «религиозных фанатиков», имевших судимости, «не внушавших политического доверия» и т. д., что находило определенную поддержку у руковод-

---

[49] КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986) : в 16 т. 9-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. А. Г. Егорова и К. М. Боголюбова. Т. 7 : 1938—1945. М., 1985. С. 521—523.
[50] *Шкаровский М. В*. Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 342.
[51] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 497. Л. 114 ; *Чумаченко Т. А*. Государство, православная церковь и верующие … С. 134 ; *Шкаровский М. В*. Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 344.
[52] *Чумаченко Т. А*. Государство, православная церковь и верующие … С. 127.
[53] *Чумаченко Т. А*. Государство, православная церковь и верующие … С. 115—122 ; *Одинцов М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма … С. 364—365.
[54] *Чумаченко Т. А*. Государство, православная церковь и верующие … С. 124—125.

ства епархий[55]. Членами Совета, а не патриархом и Синодом решались вопросы назначения, смещения и перемещения кандидатов на епископские кафедры и других иерархов[56]. В 1949 г. Совет отклонил инициативу Синода по введению института разъездных священников, патриарха вынудили запретить крестные ходы «на иордань» и ввести освящение воды в ограде церкви[57]. Продолжением этого курса стала разработка «Инструкции Совета для уполномоченных по делам РПЦ» от 8 марта 1951 г., в которой излагались основы взаимоотношений уполномоченных и религиозных организаций: контроль СДРПЦ за деятельностью уполномоченных усиливался, по всем практическим вопросам они должны были обращаться в Совет[58]. Одним из самых эффективных методов ограничения влияния церкви и религиозности на местах стало непомерное обложение клира налогами.

Напрямую, а более — посредством легализованной церковной иерархии власть стремилась контролировать и протестантские общины. Уже в 1946 г. руководство ВСЕХБ выступило со статьей в журнале «Братский вестник», в которой подчеркивалось, что «заповедь Господа о крещении принадлежит исключительно людям взрослым, ибо только взрослый человек может иметь твердую сознательную веру», поэтому не рекомендовалось крестить лиц моложе 18 лет[59]. Новшеством стал и отказ от публичных крещений, хотя ранее они были популярной формой евангелизации. Крестить рекомендовалось рано утром на водоемах в уединенных местах, при отсутствии соответствующего помещения — только летом[60]. СДРК обязал уполномоченных пресекать попытки создания общинами ЕХБ воскресных школ, касс взаимопомощи, детских и подростковых кружков, женских и молодежных молитвенных собраний как «не имеющих ничего общего с религиозной догматикой сектантов» и запрещенных советскими законами. В то же время уполномоченные не должны были препятствовать созданию хоров и сопровождения

[55] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 627. Л. 54.
[56] *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь и верующие … С. 139.
[57] *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб» … С. 106.
[58] *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь и верующие … С. 124, 132.
[59] Братский вестник. 1946. № 5. С. 26—27.
[60] *Никольская Т. К.* Русский протестантизм … С. 156—157.

богослужений музыкой, но только в пределах общины. Было разрешено проведение праздника Жатвы и Вечери любви, но только в стенах молитвенных домов и без посторонних[61]. СДРК вменил в обязанность уполномоченным при выдаче справок о регистрации общинам и клирикам указывать четкие границы «района их деятельности», а также внести эти данные в выданные справки[62]. В конце 1952 г. перед уполномоченными была поставлена задача «персонального изучения» клира и актива общин «с целью выявления их социально-политического лица», сведений о судимости и т. д. При обнаружении фактов нарушений советских законов о культах уполномоченным давалось право «в отдельных случаях» снимать их с регистрации, чем они время от времени и пользовались[63].

Нормотворчество и правоприменительная практика СДРК середины 1940-х гг. в отношении ЕХБ была систематизирована в утвержденном ВСЕХБ 14—19 октября 1948 г. обновленном Положением о ВСЕХБ: подтверждался принцип централизованного управления, руководство всеми общинами со стороны ВСЕХБ. На ВСЕХБ возлагалось утверждение пресвитеров, назначение, смещение и перемещение старших пресвитеров, которые должны были наблюдать за общинами через областных старших пресвитеров, а те — за каждой общиной на подведомственной территории, рукополагать новых пресвитеров и утверждать диаконов. Общиной ЕХБ считалось объединение верующих, «принявшее водное крещение по вере» из лиц не моложе 18 лет. Для ее регистрации требовалось не менее 20 верующих. Желающий креститься должен был подать заявление пресвитеру и пройти испытательный срок не менее года. Крещение должно было совершаться в специально устроенных баптистериях или же на открытых водоемах в летнее время. Богослужения предписывалось проводить в молитвенных домах или приспособленных арендованных помещениях по воскресеньям, праздничным дням, а также на неделе в дни, «наиболее удобные по местным условиям». В

[61] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 35. Л. 12.
[62] Там же. Д. 35. Л. 80; Д. 692. Л. 32.
[63] Там же. Д. 86. Л. 40; Д. 692. Л. 107—109; Д. 693. Л. 11.

управлении общиной допускались и демократические процедуры: избрание совета общины, причем председателем, как правило, должен был быть ее пресвитер. Право совершения треб закреплялось за пресвитером, но по поручению его и совета общины они могли выполняться и другими ее должностными лицами. К проповеди, кроме пресвитеров и диаконов, допускались «отдельные братья и сестры, имеющие к этому дарование и могущие назидать церковь». Община могла избирать и смещать клириков, сооружать и ремонтировать молитвенные дома, избирать членов своего совета и ревкомиссии. Богослужение надлежало проводить в форме проповеди, молитвы и пения[64]. В конце 1940-х гг. не без влияния СДРК ВСЕХБ направил страшим пресвитерам письмо, призвав их воздерживаться от присутствия на молитвенных собраниях детей[65].

16 февраля 1950 г., после рассылки на места нового Положения, СДРК направил уполномоченным циркулярное письмо, которое ВСЕХБ разработал «при отсутствии возражений со стороны Совета» для «уточнения функций старших пресвитеров по наблюдению за деятельностью зарегистрированных общин ЕХБ». Письмо адресовалось только старшим пресвитерам. Главной их задачей определялось наблюдение за «постоянным и точным выполнением во всех общинах вашей области разосланного Положения о ВСЕХБ, а также Инструкции ВСЕХБ о порядке ведения работы в наших евангельско-баптистских общинах». От них требовалось не допускать к проповедям лиц, «приезжающих их других мест» и не являвшихся членами общины, «на это служение выделенными», следить за участием в хорах только членов общины, но не учащихся, не допускать в праздник Жатвы совместных трапез и приема гостей из других общин, крещения молодежи до 18 лет и истечения испытательного срока, воздерживаться от крещения неместных уроженцев. Старшим пресвитерам рекомендовалось «не отталкивать» пятидесятников и не произносить направленные против них проповеди. Ведущих «разлагаю-

[64] ГАСО. Ф. Р-985. Оп 1. Д. 4. Л. 63—68.
[65] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 799. Л. 49—50.

щую единство» работу следовало исключать[66]. 18 февраля 1953 г. ВСЕХБ разослал старшим пресвитерам письмо «по предотвращению неправильных мыслей и настроений, могущих возникнуть в отдельных верующих общинах ЕХБ, направленных против военной службы и ношения оружия»[67].

В целом можно согласиться с мнением И. А. Курляндского, что сталинский курс в отношении религии в 1947—1953 гг. был нацелен на подавление стихийно возникшего церковного возрождения и являлся не более чем тактическим ходом. Хрущевская политика стала его радикализованным продолжением[68]. В 1953 — середине 1954 г. власть не препятствовала некоторому оживлению религиозности и церковной жизни. Однако 7 июля 1954 г. вышло постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», развивавшее проекты антирелигиозных постановлений 1949 г. Уполномоченным была разослана ориентировка «О формах и методах идеологического воздействия церкви на верующих в настоящее время», в которой деятельность РПЦ рассматривалась как «приспособленческая», а духовенство — как идеологический противник. «Широкая пропаганда научно-атеистических знаний» вылилась в борьбу против духовенства и верующих, что потребовало опубликования постановления ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г., в котором подчеркивалось, что советские верующие — преданные обществу люди, которых нельзя ставить под «политическое сомнение» из-за их религиозных убеждений[69]. Анализ статистики Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний показывает, что с 1951 по 1961 г. лекции по научному атеизму составляли в среднем 2—7 % в общем объеме лекционной пропаганды, прово-

[66] ГАСО. Ф. Р-985. Оп 1. Д. 6. Л. 6, 12—12 об.
[67] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 659. Л. 161.
[68] *Курляндский И. А*. Власть и религиозные организации в СССР … С. 358—360.
[69] КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986) : в 16 т. 9-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. А. Г. Егорова и К. М. Боголюбова. Т. 8 : 1946—1955. М., 1986. С. 428—432, 446—450.

димой его отделениями в областях Центрального Нечерноземья (5—7-е место по распространенности)[70].

Внутрипартийная борьба, сложная внешнеполитическая обстановка 1955—1956 гг. отодвинули в повестке верховой власти вопросы церковной политики. Религиозные организации пережили некоторое потепление отношений с государством, которое, однако, не расширило рамки дозволенного. Так, 17 февраля 1955 г. СМ СССР изменил порядок открытия молитвенных зданий, согласно которому СДРПЦ получил право регистрировать фактически действовавшие общины (массовой их регистрации не произошло). Впервые в советскую эпоху было разрешено издать Библию, Евангелие. Началось освобождение из заключения клириков. В то же время 8 декабря 1955 г. СДРПЦ направил уполномоченным письмо, определявшее задачи по выделению лояльного духовенства для получения информации о деятельности церкви[71].

Таким образом, на протяжении середины 1940-х — 1958 гг. ограничение рамок религиозности происходило постепенно. До конца 1950-х гг. не предпринималось скоординированных акций против нелегальной религиозности, несмотря на внимание к ней СДРПЦ и СДРК. Репрессиям подвергались отдельные нелегальные священники, лица, возбуждавшие религиозные предрассудки, самовольно открывавшие храмы, «подстрекатели на антисоветские выступления» и т. п.

По мере ужесточения идеологическими структурами контроля СДРПЦ и СДРК и общего курса по отношению к церкви и религиозности менялась ее трактовка их чиновниками. И документы, адресованные руководству страны, и отчеты уполномоченных начинают демонстрировать «отход населения от церкви» в результате «повышения уровня материального благосостояния» и

---

[70] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-9547. Оп. 1. Д. 303. Л 11—12; Д. 514. Л. 8—16; Д. 620. Л. 39—41; Д. 985. Л. 22—24, 31—36; Д. 1090. Л. 18—19, 20, 21; Ф. А-561. Оп. 1. Д. 123. Л. 13, 16, 24, 33, 36—37, 43, 57, 63, 71, 77, 89, 102.

[71] *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 354.

«успехов массово-политической работы»[72]. Подбирались «факты», иллюстрирующие неизбежный и окончательный характер «изживания религиозных предрассудков», решающую роль в этом политики КПСС. С 1948—1949 гг., когда СДРПЦ был обвинен в содействии религиозности, такая схема становится единственно возможной, хотя проверки состояния культурно-просветительной работы на селе отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС в 1950-е гг. почти всегда отмечали ее упадок[73]. Парадоксальность ситуации состояла и в том, что, делая выводы об угасании религиозности, уполномоченные отмечали рост доходов епархий (в Центральном Нечерноземье — на 30—90 %) и отдельных приходов[74]. Пристальное внимание к этому стало частью подготавливаемого наступления на религиозные организации и религиозность.

С весны 1957 г. в ЦК КПСС начало формироваться мнение о необходимости ограничить влияние религиозных организаций. Наступление на них стартовало в 1958 г. и было связано с провозглашением перехода к строительству коммунизма (Н. С. Хрущев публично заговорил об этом уже в 1957—1958 гг.[75]). Нажим на религию обосновывался идеологическими установками, изложенными в решениях XXII съезда КПСС. Программа партии, ставившая задачу построения коммунистического общества к 1980 г., обозначила рубеж существования религиозных организаций. В обновленном Уставе партии появилась формулировка, обязывающая коммуниста вести «решительную борьбу с религиозными предрассудками»[76]. Антицерковные и антирелигиозные постановления 1958—1961 гг. не публиковались — партруководство не афишировало изменение религиозной политики и сложившегося статуса церкви. Объективной основой новаций стали качественные социально-экономические и демографические сдвиги: подрыв традиционной си-

---

[72] Советская жизнь. 1945—1953 / сост. Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецова, А. И. Минюк, Л. А. Роговая. М., 2003. М., 2003. С. 668.
[73] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 485. Л. 11 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 49. Л. 87.
[74] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1475. Л. 18, 23; Д. 1567. Л. 37; Д. 1578. Л. 23; Д. 1675. Л. 4; Д. 1757. Л. 6—7; Д. 1770. Л. 25, 31.
[75] *Пыжиков А. В.* Истоки доктрины строительства коммунизма в СССР // Вестник РАН. 2004. № 74. С. 248.
[76] КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986) : в 16 т. 9-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. А. Г. Егорова и К. М. Боголюбова. Т. 10 : 1961—1965. М., 1986. С. 128, 187.

стемы расселения в ходе укрупнения колхозов, их совхозизации, делавшие «неперспективными» мелкие деревни и размывавшие остатки угасавшего в форме колхоза общинного начала, миграция сельских жителей в города, достижение к 1958 г. перевеса городского населения над сельским, прогресс советской культуры и «городского» образа жизни[77].

Представляется, что важной предпосылкой «окончательного» сворачивания религиозности также была ставка на усиление агитационно-пропагандистской работы в целом, призванной дополнить и в какой-то мере компенсировать дефицит производительных сил на селе[78]. Неслучайно внимание заострялось на экономических потерях, которые несло колхозно-совхозное производство от невыходов на работу в дни религиозных праздников, «социальном паразитизме церковников», диссонирующим со скромным уровнем жизни большинства населения[79].

Принятые в конце 1950-х — начале 1960-х гг. антирелигиозные постановления были направлены на подрыв материальной базы религиозных организаций, меняли их правовой статус, сложившийся в послевоенные годы. 4 октября 1958 г. вышло постановление ЦК КПСС «О записке Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”». В «Записке» констатировалась активизация религиозных организаций и несоответствие этому антирелигиозной работы[80], ставилась задача ограничения религиозных организаций и наступления на религиозные «пережитки»[81]. По предложению СДРПЦ и Министерства финансов СССР СМ СССР повысил облагаемый доход от производства свеч,

---

[77] Народное хозяйство РСФСР в 1964 году : статистический ежегодник. М., 1965. С. 11, 12 ; XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза : 17—31 октября 1961 года : стенографический отчет : [в 3 т.]. М., 1962. Т. 1. С. 151—154, 221 ; *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб» … С. 245—246.

[78] *Кометчиков И. В.* Тульское «рязанское» дело: тульское чиновничество в борьбе за «большое мясо» 1959—1960 гг. // Российская история. 2022. № 4. С. 219—225.

[79] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1559. Л. 8—9, 43; Д. 1689. Л. 10; Оп. 3. Д. 805. Л. 7 ; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 95. Л. 128; Д. 96. Л. 92.

[80] Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам от 12 сентября 1958 г. «О недостатках научно-атеистической пропаганды» [Электронный ресурс] : сайт Общероссийской общественной организации «Российское объединение исследователей религии». URL: http://rusoir.ru/03print/02/239/index.html (дата обращения: 02.06.2015).

[81] *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь и верующие … С. 185—185 ; *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 363.

что приводило к снижению церковных доходов, так как Патриархия была предупреждена о недопустимости повышения розничных цен на свечи[82]. Устанавливались повышенные ставки налога с земельных участков в пользовании монастырей, отменившие льготы по налогу со строений и земельной ренте. Была сокращена площадь закрепленной за монастырями земли, запрещено использовать наемный труд для обработки земли и в кустарных мастерских[83]. Пунктуально учитывались доходы протестантских общин, хотя подрыв их материальной базы представлял сложность, так как в отличие от епархий РПЦ МП они были невелики и практически полностью состояли из пожертвований. Протестантское духовенство в регионах (за исключением старших пресвитеров ЕХБ) почти не получало доходов от религиозной деятельности, члены общин ежемесячно жертвовали церкви несколько рублей, а пресвитеры — десятки и сотни[84]. В этом случае упор делался на воспрещении благотворительности, поддержки угасающих общин и т. п.

Активизировался выпуск антирелигиозной литературы, рассчитанной на массовую аудиторию. В 1962 г. тиражом 850 тыс. экземпляров впервые с 1938 г. была переиздана книга Е. М. Ярославского «Библия для верующих и неверующих»[85]. Был выпущен ряд антирелигиозных фильмов, в том числе художественных, усилена пропаганда в периодической печати[86].

Отчитываясь в ноябре 1958 г. перед ЦК КПСС о реализации постановления ЦК КПСС от 4 октября 1958 г., зам. Председателя СДРПЦ П. Г. Чередняк изложил программу ограничения влияния церкви, включавшую сворачивание деятельности монастырей и сокращение их количества, укрепление кадров уполномоченных Совета, ограничение участия в богослужениях детей и подростков, затруднение комплектования учащимися духовных учебных заведений, ограничение исполнения треб вне храмов, перестройку исполнительных органов прихода, улучшение информирования партийных и совет-

[82] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1672. Л. 15 ; Законодательство о религиозных культах … С. 35 ; *Чумаченко Т. А*. Государство, православная церковь и верующие … С. 186.
[83] Законодательство о религиозных культах … С. 35—36.
[84] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 806. Л. 4; Д. 883. Л. 48.
[85] *Ярославский Е. М*. Библия для верующих и неверующих. Изд. 11-е. М., 1962.
[86] *Никольская Т. К*. Русский протестантизм … С. 174—177.

ских органов о «деятельности церковников» и др.[87] Летом 1959 г. было закрыто 14 монастырей и пять скитов, снято с регистрации 305 церквей и молитвенных домов. В ноябре — декабре 1958 г. состоялась массовая чистка церковных библиотек, участились случаи отказа от духовного сана.

Развернулась борьба с нелегальной религиозностью, возросла ее координация. 28 ноября 1958 г. было принято постановление Президиума ЦК КПСС «О мерах по прекращению паломничества к так называемым “святым местам”», предусматривавшее усиление антирелигиозной пропаганды, «разъяснение» духовенству мер, содействующих прекращению «обманной деятельности» у «святых мест»[88]. Под давлением чиновников СДРПЦ патриарх и главы епархий обращались к клиру и верующим о недопустимости паломничества и участия в этом духовенства. Очередное такое воззвание глава РПЦ МП направил весной 1959 г.[89] Связанная с паломничеством традиция локального религиозного праздника вытеснялась циклом советских праздников и обрядов[90].

Повысилась интенсивность репрессий и «проработок» органами госбезопасности лидеров нелегальных религиозных групп[91]. СДРПЦ рекомендовал отклонять все ходатайства об открытии храмов, следить, чтобы исполнение треб священником по просьбе верующих совершалось, если в доме нет лиц, возражающих против этого, не допускать направления священников в угасающие приходы[92]. 13 января 1960 г. ЦК КПСС принимает постановление «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодатель-

---

[87] Записка заместителя председателя Совета по делам РПЦ П. Г. Чередняка в ЦК КПСС о мерах по реализации постановления ЦК КПСС от 4 октября 1958 года [Электронный ресурс] : сайт Общероссийской общественной организации «Российское объединение исследователей религии». URL: http://rusoir.ru/03print/02/239/index.html (дата обращения: 02.06.2015).

[88] «Добиться закрытия так называемых “святых мест”» // Источник : Документы русской истории. 1997. № 4. С. 125—126.

[89] *Чумаченко Т. А*. Государство, православная церковь и верующие … С. 186—187.

[90] *Кометчиков И. В*. «Заветы социализма»: трансформация религиозного праздника на селе Центрального Нечерноземья в середине 1940-х — начале 1960-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 2 (33). С. 238—261.

[91] *Беглов А. Л*. В поисках «безгрешных катакомб» … С. 241—242.

[92] *Чумаченко Т. А*. Государство, православная церковь и верующие … С. 188—189.

ства о культах», которое усиливало запрет привлечения к службе в церкви молодежи до 18 лет. Отрицался приоритет духовенства в приходе[93].

Ужесточение политики в отношении религиозности и церкви сопровождалось перестановками в руководстве СДРПЦ. Г. Г. Карпова в должности председателя Совета сменил В. А. Куроедов, бывший партфункционер[94]. Деятельность Совета до 1960 г. он охарактеризовал как «содействие укреплению церковной иерархии» и ее материального положения, а основную задачу видел в «государственном контроле за деятельностью религиозных объединений». Озвученный им план «устранения нарушений советского законодательства о культах» включал ограничение приобретения религиозными организациями имущества, запрет благотворительности, детских церковных кружков, привлечения молодежи и детей к участию в богослужениях, хорах и подготовке к поступлению в духовные учебные заведения, подворных обходов священников без приглашения и их выезда с этой целью за пределы прихода, ограничение их деятельности богослужением, «правильное» налогообложение клира, «упорядочение церковной сети», ликвидацию паломничества к «святым местам» и др.[95] Постановлением СМ СССР «Об усилении контроля за деятельностью церкви» от 16 января 1961 г. отменялись все законодательные акты, принятые в годы войны и первое послевоенное десятилетие, как противоречившие законодательству 1929 г.[96] 16 марта 1961 г. СМ СССР принимает постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах». К надзору за обрядностью в обязательном порядке стали привлекаться местные органы власти, при них создавались комиссии содей-

---

[93] *Гераськин Ю. В*. Русская православная церковь, верующие, власть (конец 30-х — 70-е годы XX века). Рязань, 2007 [Электронный ресурс] : сайт «Бесплатная электронная библиотека (Авторефераты, диссертации, методички, учебные программы, монографии)». URL: http://www.diss.seluk.ru/monografiya/732803-1-yuv-geraskin-russkaya-pravoslavnaya-cerkov-veruyuschie-vlast-konec-30-h-70-e-godi-veka-monografiya-ryazan-2007-bbk-86372-g37-p.php (дата обращения: 11.07.2015). С. 133.

[94] *Марченко А*., прот. Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущева … С. 93.

[95] *Одинцов М. И.* «Проявлять бдительность, своевременно пресекать антисоветские выпады духовенства» : Доклад председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при СМ СССР В. А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных. 1960 г. [Электронный ресурс] : сайт Общероссийской общественной организации «Российское объединение исследователей религии». URL: http://rusoir.ru/president/works/118/ (дата обращения: 02.06.2015).

[96] *Марченко А*., прот. Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущева … С. 94.

ствия, деятельность которых сводилась к вмешательству во внутрицерковную жизнь[97]. 16 марта 1961 г. СДРПЦ и СДРК приняли совместную «Инструкцию по применению законодательства о культах», подтверждавшую запрет благотворительности, женских и детских собраний, кружков и библиотек, паломничества, санаторной и лечебной помощи, экскурсий, использования средств для возрождения затухающих церквей, открытия без разрешения религиозных учебных заведений, издания литературы религиозного содержания, созыва съездов и совещаний духовенства и т. п. Предусматривалось ограничение колокольного звона. Список запретов содержал 16 подпунктов. Инструкцией предусматривалось лишение религиозного объединения регистрации за нарушение законодательства о культах по решению облисполкомов, согласованному СДРПЦ и СДРК[98]. Пунктом 8 разъяснения «О порядке применения законодательства о культах», утвержденном постановлением СДРПЦ и СДРК 26 июля 1961 г., вводилась норма о возможности отвода исполкомами органов власти отдельных членов исполнительного органа и ревкомиссии объединения верующих, при этом этого права не было у клириков и религиозных центров[99]. Все духовенство, а не только священники, отныне облагались подоходным налогом по ст. 19 Указа ПВС СССР от 30 апреля 1943 г.[100]

Ударом по основам управления РПЦ, РСПЦ и религиозности в целом стала перестройка приходского управления с подоплекой привлечения «общественности» к управлению приходами по аналогии с демократизацией управления государством[101]. В июле 1961 г. Архиерейский собор был вынужден принять новую редакцию «Положения об управлении РПЦ», согласно которой настоятель храма выступал только руководителем духовной жизни. Финансово-хозяйственная деятельность возлагалась на церковный совет

---

[97] *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 374 ; *Гераськин Ю. В.* Русская православная церковь, верующие, власть … С. 137.
[98] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 120. Л. 4—5 об., 7 об.—8.
[99] ГАРО. Ф. 5629. Оп. 1. Д. 64. Л. 38.
[100] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 119. Л. 11.
[101] *Марченко А.*, прот. Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущева … С. 95 ; *Мануил (Чибисов)*, игумен. Белокриницкая иерархия … С. 273—274.

РПЦ. Священники должны были наниматься общиной по договору для «исполнения религиозных потребностей». На собрания, избиравшие церковный совет, они не допускались. Фактически руководителями приходов становились старосты, назначавшиеся РИКами из людей не только не воцерковленных, а иногда и неверующих. С конца 1950-х гг. проводилась чистка двадцаток и церковных советов от тех членов, с которыми у власти не получалось «деловых» отношений. Уполномоченные СДРПЦ получили разъяснения по подбору в церковные советы кандидатур для проведения нужной им политики[102]. С 1961 г. широкое распространение получила «индивидуальная работа» с верующими, направленная на отказ от веры путем убеждения. Если это не помогало, следовало обсуждение на собраниях, а затем санкции (в том числе понижение в должности, исключение из учебных заведений и т. д.)[103] В РПЦ было расширено участие в богослужении женщин, которым поручались функции псаломщиков, регентов. Возросло воздействие на жизнь приходов и епархий уполномоченных СДРПЦ и СДРК, а также городских и районных исполкомов Советов, которые требовали выполнения своих указаний, стремились разложить «двадцатку» — основу прихода[104]. Обычными были увольнения с работы в случае отказа от религиозных убеждений[105], привлечение к уголовной ответственности по ст. 227 УК РСФСР 1960 г. и другим статьям УК. Одними из наиболее громких дел начала 1960-х гг. в областях Центрального Нечерноземья стали процессы против лидеров ряда нелегальных общин пятидесятников[106].

Следствием антирелигиозной кампании стал раскол в рядах ЕХБ из-за недовольства верующих различиями в статусе легальных и нелегальных общин, вмешательством СДРК во внутрицерковную жизнь, ограничений крещений молодежи, недоверия части верующих руководству ВСЕХБ, которое

---

[102] *Марченко А.*, прот. Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущева … С. 97—98.
[103] *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 375.
[104] *Марченко А.*, прот. Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущева … С. 112, 115.
[105] *Федотов И. П.* Встать! Суд идет! М., 2006. С. 51 ; «Подражайте вере их» : 40 лет пробужденному братству : в 2 ч. М., 2001. С. 202—204, 239, 326; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 801. Л. 71.
[106] ГАНИСО. Ф. 985. Оп. 2. Д. 41. Л. 10—12, 28—46 ; *Федотов И. П.* Встать! Суд идет! С. 61—115.

не менялось много лет и др.[107] Поводом к расколу стало принятие созванным в декабре 1959 г. пленумом ВСЕХБ обновленного Положения о Союзе ЕХБ в СССР. Новое Положение содержало ряд норм, существенно ограничивающих религиозную жизнь зарегистрированных общин ЕХБ их же рамками. Отныне членами такой общины могли быть только те, кто принял водное крещение в совершеннолетнем возрасте, прошел испытательный срок не менее 2—3 лет. Молитвенные собрания предписывалось проводить только в молитвенных домах, а участвовать в проповеди могли только члены исполнительного органа общины (в крайнем случае — ее ревкомиссии)[108]. «Инструктивное письмо страшим пресвитерам» развивало эти нормы. Их задачами называлось «не привлечение новых членов, а удовлетворение духовных потребностей верующих», «сдерживание нездоровых миссионерских настроений», борьба с «неправильными взглядами» на искусство, кино, радио, телевидение (то есть с самоизоляцией верующих). Главная же задача виделась в строжайшем соблюдении советского законодательства о культах, недопущении уклонений «в сторону призывов к поспешному вовлечению новых членов». Подробно регламентировался порядок вступления в общину: 2—3-летний испытательный срок устанавливался для тех, кто завершил учебу или службу в армии. От прочих заявления на крещение не должны были приниматься. В случае «недостаточной подготовленности» или «порочащих сведений» прием откладывался. Крещенных «неизвестными крестителями» в общины принимать не рекомендовалось или только при полном их согласии с Положением ВСЕХБ. Крещение на открытом воздухе должно было совершаться «в летнее время и с ведома советской власти», и т. д.[109]

Таким образом, изменения, вносившиеся в уклад церковной жизни РПЦ МП, ЕХБ и других конфессий по инициативе СДРПЦ и СДРК в конце 1950-х — начале 1960-х гг., систематизировали ограничения, которые, будучи апробированными с середины 1940-х гг., должны были соблюдаться как

---

[107] *Никольская Т. К.* Русский протестантизм … С. 201.

[108] Положение о Союзе евангельских христиан-баптистов в СССР. М., 1960 [Электронный ресурс] : сайт «Русский баптист». URL: http://www.rusbaptist.stunda.org/dop/scecb/polozen.htm (дата обращения: 12.06.2023).

[109] Альманах по истории русского баптизма. Вып. 3 / сост. М. С. Каретникова. СПб., 2004. С. 321—327.

исходящие от легальных церковных структур. Неудивительно, что часть клира и верующих не была с ними согласна. В результате церковь ЕХБ раскололась на ориентированное следованию реалиям государственно-церковных отношений старое руководство ВСЕХБ и так называемую «инициативную группу», протестовавшую против нового Положения ВСЕХБ. Многие лидеры «инициативников» были репрессированы в начале 1960-х гг.[110]

В 1961 г. состоялся «единовременный учет» зданий и имущества религиозных организаций, после которого у них было изъято большинство автомашин, хозяйственных и жилых построек. В 1965 г. СДРК решил создать централизованную картотеку на действующие религиозные объединения безотносительно к наличию у них молитвенных зданий. Карточки заводились и на все «святые места» (как минимум, с середины 1950-х гг. уполномоченные СДРК вели картотеки на все религиозные объединения и группы в своем регионе)[111]. Перестройка управления приходами РПЦ сократила суммы их отчислений епархиям, что сузило возможность благотворительности, поддержки слабых приходов[112] и, в конечном счете, упростило сокращение их числа. В 1962 г. духовенство было переведено на твердые оклады, бравших с верующих плату снимали с регистрации. Была введена обязательная регистрация крещений, венчаний, отпеваний. Плата за них поступала исполнительным органам, которые сдавали «излишки» в Фонд мира. Через созданные по Указу ПВС РСФСР от 30 марта 1962 г. административные комиссии при исполкомах районных, городских Советов к надзору за соблюдением законодательства о религии подключалась общественность. Вместо наложения административного взыскания комиссия могла передать материалы в товарищеский суд или общественные организации по месту работы, учебы или жи-

---

[110] *Крючков Г. К.* Великое пробуждение XX века … С. 26—163 ; *Неволин М.* Раскол евангельско-баптистского движения в СССР (1959—1963 годы). СПб., 2005. С 15—65 ; *Савинский С. Н.* История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии. Ч. 2. С. 198—233 ; *Никольская Т. К.* Русский протестантизм … С. 201—215.

[111] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 98. Л. 6 ; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 696. Л. 6.

[112] *Марченко А.*, прот. Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущева … С. 120.

тельства[113]. Приходские советы очищались от членов клира, молодежи, «религиозных фанатиков». В отчетном докладе XIV съезду ВЛКСМ (апрель 1962 г.) первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. П. Павлов подчеркнул, что предмет особой заботы комсомола — «ограждение детей от влияния верующих родителей и родственников» и что «нельзя никому позволять духовно калечить ребенка», так как принцип свободы совести применим только к взрослым[114]. Повсеместно предпринимались попытки не пускать детей 4—18 лет в храмы под страхом лишения родительских прав их родителей[115]. В 1961—1964 гг. развернулась кампания по изъятию детей из семей верующих и передаче в семьи атеистов или интернаты[116]. Апогей наступления на религию — кампания по реализации постановления ЦК КПСС от 2 января 1964 г., являвшегося «планом по преодолению религиозного сознания масс».

Таким образом, можно выделить два периода в использовании границы легальности как инструмента контроля властью сферы религиозности. До конца 1950-х гг. была не только создана система специализированных структур, регулировавших границу легальности, в виде СДРПЦ и СДРК, но и отлажен механизм сворачивания религиозности руками руководства легальных церквей. Используя его и опираясь на объективные перемены в демографическом положении, образе жизни советского общества к концу 1950-х гг., в том числе и деревни, на прогресс институтов советской культуры, власть приступила к «окончательному» сворачиванию религиозности. Перенос границы легальности ближе к ее полному запрету в начале 1960-х гг. сузил спектр разрешенного верующим до возможности посещать богослужения в немногочисленных зарегистрированных храмах, в экстренных случаях приглашать священника на дом, затруднил возможность входить в состав органов приходского управления, петь в церковном хоре, ходатайствовать об открытии храмов без особой надежды быть услышанным властью. Граница ле-

---

[113] Законодательство о религиозных культах … С. 187—196.
[114] Товарищ комсомол : Документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ (1918—1968) : в 2 т. Т. 2 : 1941—1969 / сост. В. Десятерик, В. Криворученко, В. Сулемов, Н. Трущенко, Р. Чекрыжова. М., 1969. С. 275 ; XIV съезд ВЛКСМ 16—20 апреля 1962 года : стенографический отчет. М., 1962. С. 55.
[115] *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 381.
[116] *Никольская Т. К.* Русский протестантизм … С. 190—197.

гальности и динамика ее перемещения оказали значительное влияние на религиозность деревни Центрального Нечерноземья середины 1940-х — начала 1960-х гг.

4.2. Формы легальной религиозности сельского социума

Рассмотрим функционирование форм легальной религиозности. Возможность легального открытия храмов РПЦ, появившаяся в результате потепления государственно-церковных отношений в 1943 г., а также «религиозный взрыв» на оккупированной территории, где было открыто около 10 тыс. церквей РПЦ, из них примерно 2150 — в оккупированных областях РСФСР[117], актуализировали петиционное движение. Оно не было уникальным явлением военных и послевоенных лет. До революции крестьяне, стремившиеся иметь близкий в географическом и литургическом отношениях храм, просили об этом епархиальные власти[118]. Если тогда решение зависело, в первую очередь от удаленности или малых размеров существующей церкви, способности деревни построить церковное здание и обеспечивать духовенство[119], то в середине 1940-х гг. — от колебаний власти (в первую очередь, региональной) между стремлением не увеличить число открытых церквей и опасением спровоцировать отказом всплеск религиозности. Кроме того, в военное время местная власть убедилась в эффективности обращений духовенства к населению, о чем свидетельствовал сбор им значительных сумм в Фонд обороны. В послевоенные годы попытки «командования» религиозными общинами продолжились[120].

---

[117] *Шкаровский М. В.*: 1) Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 329 ; 2) Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве … С. 170.

[118] Русские Рязанского края : в 2 т. / отв. ред. С. А. Иникова. М., 2009. Т. 2. С. 234 ; *Кузнецов С. В.* Православный приход в России в XIX в. // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII—XX веках : этнографические исследования и материалы / отв. ред. О. В. Кириченко, Х. В. Поплавская. М., 2002. С. 157.

[119] *Шевцова В. Ф.* Православие в России накануне 1917 г. / пер. с англ. Е. Итэсь, В. Шевцовой, отв. ред. Д. М. Буланин СПб., 2010. С. 103—105.

[120] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 50. Л. 94; Д. 181. Л. 13 ; ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 29. Л. 36—38.

Освобождение от оккупации западных областей РСФСР и начало регистрации храмов обострили проблему легализации церквей, открывшихся при немцах. Часть таковых была закрыта до регламентации их статуса под предлогом нехватки жилья и помещений для советских организаций. 1 декабря 1944 г. правительство приняло постановление «О порядке открытия церквей и молитвенных зданий на территории, освобожденной от немецкой оккупации», согласно которому изъятие здания бывшей церкви следовало согласовывать с СДРПЦ, предоставляя верующим другое. Но оно, как правило, было меньшей площади, на окраине и в таком состоянии, что община отказывалась, что делало ее «распустившейся». По данным СДРПЦ, на оккупированной территории верующими было занято 1701 общественное здание, 1150 из них были изъяты в 1945—1947 гг., в том числе 324 здания бывших церквей и 826 нецерковных[121]. Так, в Брянской, Калининской, Смоленской областях «не было допущено возобновления церковной службы» в более чем 300 храмах РПЦ, действовавших при немцах[122]. На 1 января 1946 г. во Владимирской, Московской, Смоленской и Ярославской областях были учтены 99 недействовавших старообрядческих храмов[123].

Как уже говорилось, была разработана многоступенчатая процедура открытия церкви или молитвенного дома. Опасаясь всплеска нелегальной религиозности в местностях, ходатайства из которых оставались без удовлетворения, руководство СДРПЦ предлагало ее изменить, оставив за «местными органами» «высказывание мнения» и передав право решать Совету[124]. Но поддержки это не нашло. Более того, помимо общих требований к помещениям для молитвенных собраний, которые не должны были быть ветхими, соседствовать с официальными учреждениями, иметь достаточную кубатуру

---

[121] *Чумаченко Т. А.*: 1) Государство, православная церковь и верующие … С. 76—77 ; 2) Правовая база государственно-церковных отношений в 1940-е — первой половине 1960-х годов: содержание, практика применения, эволюция // Вестник Челябинского государственного университета. «История». 2008. Вып. 24. № 15. С. 142.

[122] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 34. Л. 68; Д. 317. Л. 10, 12; Д. 895. Л. 19.

[123] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 194. Л. 9, 24, 33, 45.

[124] *Чумаченко Т. А*. Правовая база государственно-церковных отношений … С. 141.

и т. д., районная власть выдвигала собственные, часто полагая, что церкви вообще должны находиться вне населенного пункта[125].

Наряду с усложнением процедуры открытия церквей по ходатайству с конца 1940-х гг. упрощался порядок снятия их с регистрации. До июня 1949 г. уполномоченные СДРПЦ имели право самостоятельно закрывать те из них, где богослужения не было от 6 месяцев до 1 года. В ноябре 1950 г. снятие с учета стало производиться с согласия СДРПЦ по заключению уполномоченного. Если СДРПЦ решал закрыть церковь, то уполномоченный заносил ее в число недействующих, не сообщая об этом ни верующим, ни главе епархии. Направляемым туда священникам отказывалось в регистрации[126].

Несмотря на все ограничения, деревня восприняла поворот к религии как «награду» за жертвы военного времени, возможность, не таясь, следовать ценностям традиционной духовной культуры, хотя такой поворот, противоречивший довоенному антирелигиозному курсу, вызывал множество пересудов. Изменение отношения к вере люди объясняли «уступками» союзникам по антигитлеровской коалиции и «поворотом к старому», то есть к дореволюционным порядкам[127]. На вопрос уполномоченного СДРК по Брянской области пресвитеру общины ЕХБ г. Клинцов о том, почему, имея решение ВСЕХБ о регистрации общины и вызов в Брянск, он тем не менее уклонялся, тот ответил: «Да, Вы нас зарегистрируете, а потом всем дадите по шапке», «потому что все же советская власть против религии»[128]. Такие же настроения были и у части верующих в других регионах[129]. Иные верующие восприняли возможность обрести легальность как выражение доверия власти, звучали заявления о том, что «мы дали свою подпись на заявлении и теперь должны за порядком доглядывать, мы в первую очередь будем отвечать за

---

[125] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 798. Л. 2.
[126] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 895. Л. 19—20 ; *Чумаченко Т. А.* Правовая база государственно-церковных отношений … С. 132.
[127] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 122. Л. 16—17.
[128] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 657. Л. 5, 84.
[129] Там же. Д. 25. Л. 184, 185; Д. 692. Л. 49.

все, что будет плохого в нашей общине, и не должны допустить никаких нарушений»[130].

Поскольку во многих областных и районных центрах храмы РПЦ либо не закрывались с довоенного времени, либо были открыты первыми, основная масса ходатайств поступала из села. В 1944—1947 гг. по РСФСР всего их поступило 19 772 (95,6 % общего количества по СССР), в том числе из Рязанской области — 2490, Московской — 1819, Калининской — 1467, Ивановской — 923, Владимирской — 506, Костромской — 462, Тульской — 455, Калужской — 128[131]. Кроме письменных заявлений направлялись ходоки. Только уполномоченным СДРПЦ по Рязанской области за 1944—1947 гг. было принято 10 754 посетителя, немалая часть которых ходатайствовала об открытии церквей. По числу таких прошений область с 1944 и до начала 1950-х гг. занимала первое место в РСФСР. Однако из 3817 заявлений, поданных ее верующими в 1944—1950 гг. об открытии 390 церквей, служба была разрешена лишь в 67. В Калужской области по поступившим в 1944—1953 гг. 207 ходатайствам было открыто 36 храмов[132]. Среди мотивов открытия церкви выделяются «желание жить по заветам предков», избавиться от бед, поразивших деревню вследствие разорения храма, получить поощрение за выполнение заданий власти, обеспечить ей открытием храма дополнительный источник дохода, реализовать данную Конституцией свободу совести, преодолеть отдаленность от ближайшей действующей церкви[133] и т. п. Ходатаи из Рязанской области писали: «Мы, старики-православноверующие, дети наши геройски погибли на фронте Отечественной войны, память которых мы, их матери и отцы, по долгу нашего православного обряда желаем поминать в церкви, выстроенной средствами и трудом наших дедов»[134]. Старообрядцы ряда общин Костромской области обращали внимание на то, что «верующим православной церкви разрешают открывать храмы, а им не раз-

[130] Там же. Д. 833. Л. 25.
[131] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 7. Л. 27, 28; подсчитано по: ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 1. Л. 19 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 594. Л. 30.
[132] *Кометчиков И. В.* «Заветы социализма» … С. 242—243.
[133] ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 22. Л. 9, 11 об., 19, 30 об.—31, 42, 44, 51, 58 об., 60. Д. 31. Л. 2 об.
[134] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 181. Л. 12—13; Д. 181. Л. 28, 50; Д. 346. Л. 175.

решают», видимо, старообрядцы «продолжают оставаться под опалой»[135]. Так же воспринимали отказы и руководители протестантских общин[136].

«Последним средством» в борьбе за церковь считалось обращение к Сталину. Так, например, колхозники из с. Хотеичи Московской области в ноябре 1949 г. писали вождю: «В твоей Конституции говорится, что свобода религии, поэтому мы и обращаемся к тебе, если ответишь отрицательно, то мы приедем к тебе делегацией в 50—60 человек и будем просить об открытии храма»[137]. Результатом петиционного движения в Центральном Нечерноземье в 1946—1948 гг., когда власти еще регистрировали церкви РПЦ, стало увеличение их числа с 915 до 1006 (на 9,9 %)[138].

Сдерживание регистрации общин, малочисленность легальных храмов были еще более характерны для малочисленных общин ЕХБ и старообрядцев. Только вырабатывалась практика регулирования их числа. В Брянской области из-за неверного понимания линии СДРК самим уполномоченным в 1945—1946 гг. регистрировались все фактически действовавшие общины, о которых ему становилось известно. К концу 1947 г. были зарегистрированы 31 община ЕХБ и семь общин старообрядцев, еще 17 общин ЕХБ и пять старообрядческих действовали без регистрации[139]. Сходным образом в 1944—1946 гг. поступал и уполномоченный СДРК по Орловской области, полагавший, что главная задача — выявлять группы верующих и побуждать их ходатайствовать о регистрации. Какое-то время он решал такие вопросы единолично. В результате на 1 января 1946 г. в области было зарегистрировано 15 общин ЕХБ, две — старообрядцев[140]. Всего на 1 января 1946 г. во Владимирской, Костромской, Московской, Орловской, Смоленской, Ярославской областях было учтено как действующих 20 старообрядческих церквей и пять молитвенных домов ЕХБ[141]. После многолетних усилий верующих в 1948 г. бы-

---

[135] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 717. Л. 9.
[136] Там же. Д. 798. Л. 27, 38.
[137] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 109. Л. 131.
[138] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 180. Л. 22[а]—25.
[139] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 657. Л. 48—52.
[140] Там же. Д. 798. Л. 1, 4, 13—15, 17.
[141] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 194. Л. 9, 16, 24, 27, 33, 45; Д. 195. Л. 8, 16, 18, 25, 28, 37, 53.

ла зарегистрирована старообрядческая община Боровска — святыня старообрядчества, но без передачи ей храма[142].

Частой причиной отклонения ходатайств общин старообрядцев и ЕХБ были ссылки на их малочисленность, удаленность жительства многих верующих от центра общины, отсутствие подходящего помещения, его расположение рядом с общественными зданиями и т. д. В областях Запада РСФСР объективной причиной отклонения была нехватка подходящих помещений из-за масштабов разрушений[143]. Регистрация многочисленных групп верующих и отказы малочисленным нередко подталкивали последние к собраниям явочным порядком[144]. Стремясь добиться регистрации молитвенного дома, общины ЕХБ «выселяли» из подходящего помещения его хозяев-одноверцев, отводя им один из углов и оформляя как «сторожей»[145]. Многие ходатайства не регистрировались по причине неправильного оформления и не включались уполномоченными СДРК в статсводки. В результате на 1 апреля 1949 г. в Центральном Нечерноземье насчитывались 61 старообрядческая церковь и 62 молитвенных дома ЕХБ, на 1 апреля 1950 г. — 49 и 60, на 1 апреля 1951 г. — 41 и 50, на 1 января 1952 г. — 44 и 56, на 1 апреля 1953 г. — 45 и 55, на 1 января 1954 г. — 45 и 53 соответственно[146]. В большинстве регионов было открыто 1—5 молитвенных домов ЕХБ и старообрядческих церквей.

Уже во второй половине 1940-х гг. власти стал волновать рост состава «сектантских» общин, особенно ЕХБ, что объяснялось не только всплеском религиозности военных и первых послевоенных лет, но и завершением к концу 1940-х гг. их учета. Определенную роль сыграли и особенности вероучения и организации русского баптизма (проповедь фатализма, неумолимости судьбы, акцент на создании общин как коллективов единомышленников,

---

[142] *Осипов В. И.* «Благословлю Господа на всяко время…» : Боровск старообрядческий. Боровск, 2021. С. 177—181.
[143] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 798. Л. 4.
[144] Там же. Д. 692. Л. 32.
[145] Там же. Д. 798. Л. 2.
[146] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 219. Л. 7, 10, 15, 18, 20, 23, 34, 37, 41, 47, 61; Д. 227. Л. 7, 10, 15, 18, 20, 23, 34, 37, 43, 49, 62; Д. 235. Л. 8, 10, 14, 17—18, 33, 36, 41, 47, 60; Д. 238. Л. 9, 11, 16, 18—19, 22, 33, 36, 41, 47, 61; Д. 251. Л. 8, 10, 15, 17—18, 21, 32, 35, 40, 46, 59; Д. 254. Л. 8, 10, 16, 18—19, 22, 32, 35—36, 41, 47, 62.

относительная простота и доступность обрядности), что обусловило более быстрый рост популярности на селе ЕХБ в сравнении с другими конфессиями[147]. Уполномоченный СДРК по Брянской области считал причинами этого «гитлеровскую пропаганду», «безразличие» местной власти «к вопросу изучения сектантства», недостаточную антирелигиозную и массово-политическую работу. Решающее значение, по его мнению, имели родственные связи в среде ЕХБ: «Если членом ЕХБ является глава семьи — отец или мать, то по установившейся традиции и установкам вожаков верующих ЕХБ проводится систематическая обработка, вовлечение в члены ЕХБ всех членов семьи… Каждый вновь принимаемый через водное крещение дает обещание вести активную работу по вербовке новых членов…»[148] То же отмечалось и в других областях[149]. УМГБ по Тульской области весной 1948 г. отмечало, что евангелисты, распространенные в 17 районах, организовали хоровые и музыкальные кружки, устраивали выезды в пригородные леса, вечера, на которых актив призывал вступать в общины, не посещать кино, театры, библиотеки, не читать художественную и общественно-политическую литературу[150]. В Калининской области за 1944—1956 гг. число верующих ЕХБ увеличилось с 264 до 889 чел., в Орловской за 1947—1957 гг. — с 641 до 1287 чел.[151]

Можно согласиться с Т. К. Никольской в том, что в 1940-е гг. и позднее в условиях давления власти, ведя полулегальное или нелегальное существование, русский протестантизм оформился как субкультура, нацеленная на выживание: хорошим считалось все, что способствовало помогавшей этому изоляции, а плохим — размыванию собственных ценностей. По сравнению с довоенным периодом протестанты стремились замкнуться в рамках общины[152], чем отличались незарегистрированные общины (пятидесятники, ад-

---

[147] *Митрохин Л. Н.* Баптизм: история и современность … С. 396—397 ; ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 3. Л. 23.
[148] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 657. Л. 8; Д. 658. Л. 6, 14.
[149] Там же. Д. 692. Л. 83—84; Д. 695. Л. 66; Д. 696. Л. 26; Д. 798. Л. 3; Д. 799. Л. 14; Д. 800. Л. 76—77, 88.
[150] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 6. Л. 251.
[151] ГАОО. Ф. Р-3660. Оп. 1. Д. 4. Л. 98 ; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 692. Л. 9; Д. 693. Л. 70; Д. 694. Л. 15; Д. 696. Л. 2[а]; Д. 799. Л. 1—2.
[152] *Никольская Т. К.* Русский протестантизм … С. 164—165 ; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 6. Л. 251.

вентисты-реформисты)[153]. От лояльных власти требовали отказа от изоляционизма, поощряя заявления об этом их клира[154]. В то же время именно нелегальные общины вели активную миссионерскую деятельность, заражая радикальными взглядами даже единоверцев[155].

К основным характеристикам субкультуры русских протестантов послевоенного времени, в которых проявилось преодоление черты легальности в той сфере религиозности, что оказалась в рамках закона, можно отнести избегание общения с атеистами (за исключением общения в семье, на работе или по учебе), уклонение от активного участия в жизни советских структур. Доходил до полного отрицания интерес к светской культуре и СМИ («Там есть немало поучительного, однако успокоения и утешения не вижу…»[156]), особенно к телевидению. Радио считалось более допустимым по причине возможности прослушивания религиозных передач из-за рубежа. Не поощрялось стремление к образованию и профессиональному росту. Культивировалась подчеркнуто скромная одежда, сводилось к минимуму личное общение мужчин и женщин; возросла власть клириков над членами общины, жестким было отношение к исключенным из общин[157]. Верующие ЕХБ осознавали свое особенное положение среди прочего населения: «Только коммунисты и баптисты идут правильным путем, честнее этих людей нет на свете. Ведь коммунисты недостойных людей не принимают в свою партию, так и баптисты кого попало в свои члены не принимают»[158]. Окружающие нередко отвечали замкнувшимся в своем кругу ЕХБ неприязнью: лидер группы ЕХБ д. Терешково Калининской области, привлекшей внимание уполномоченного СДРК в начале 1950-х гг., сетовала: «Многие колхозники посмеиваются над

---

[153] *Шохова Л.* 18 лет ГУЛАГа из жизни епископа Ивана Федотова. [Б. м.], 1992. С. 18—19, 21—22.
[154] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 665. Л. 4.
[155] Там же. Д. 659. Л. 160, 161; Д. 692. Л. 85; Д. 693. Л. 4; Д. 697. Л. 19—21; Д. 798. Л. 1; Д. 803. Л. 12—14; Д. 804. Л. 4 ; *Митрохин Л. Н.* Баптизм: история и современность … С. 405.
[156] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 692. Л. 44.
[157] *Никольская Т. К.* Русский протестантизм … С. 167—168 ; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 659. Д. 82; Д. 660. Л. 15—16; Д. 663. Л. 88; Д. 692. Л. 29 об., 43, 49, 84; Д. 800. Л. 6, 20; Д. 801. Л. 8 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 49. Л. 19.
[158] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 800. Л. 8.

нами, молодежь сочиняет про нас песни…»[159] Нередкими были случаи травли школьников из верующих семей, приписывание баптистам асоциального поведения[160].

Изоляционистские тенденции по отношению к ряду проявлений советской действительности компенсировались насыщенным общением протестантов в своей среде. Во многих общинах было принято совместно отмечать религиозные праздники, события частной жизни, посещать другие общины и принимать гостей у себя (в том числе для заключения брака)[161]. Члены общины могли рассчитывать на помощь одноверцев. Нередкими были сборы на ремонт или расширение молитвенного дома, закамуфлированные под «помощь» одному из членов. Несмотря на запрет, действовали библейские и рукодельные кружки, куда могли приглашаться и неверующие. Обычной была социальная и географическая мобильность молодежи, различные формы молодежного служения, в том числе женского (благотворительность, исполнение обязанностей диаконис, хоровое пение, проповедь Евангелия, представительство арестованных активистов-мужчин при контактах с властью)[162]. Культивировались трезвость, честность и трудолюбие, которое проецировалось не только на собственное хозяйство, но и на работу в колхозах и госхозах. Под запретом были сквернословие, аборты. Разводы в большинстве случаев происходили по инициативе неверующей стороны (если брак был смешанным). Известны случаи отказа баптисток от брака с неверующим супругом. Хотя культа крепкой семьи у протестантов не сложилось (многие протестантки оставались незамужними из-за самоизоляции, преобладания в большом числе общин женщин, ограничения или запрета на браки с неверующи-

[159] Там же. Д. 694. Л. 3.
[160] Там же. Д. 799. Л. 72—73, 85; Д. 800. Л. 37, 58, 78.
[161] Там же. Д. 662. Л. 26, 80; Д. 663. Л. 12, 72—73, 88—89; Д. 692. Л. 31, 102; Д. 393. Л. 2; Д. 800. Л. 2, 157; Д. 804. Л. 23; Д. 806. Л. 5 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 49. Л. 11, 41.
[162] Эта же тенденция отмечается и у верующих РПЦ МП. См., например: *Белякова Е. В*. Женщина в православии : Церковное право и российская практика. М., 2011. С. 238—241.

ми), считается, что многодетность их семей позволяла общинам самовоспроизводиться[163].

В отличие от верующих РПЦ МП протестанты часто были более «тверды» в своих религиозных убеждениях: под давлением начальства или общественности предпочитали быть уволенными с работы, исключенными из учебных заведений, но остаться в общине[164]. Сравнительно небольшим был отток из общин из-за нарушений запретов. В период хрущевской антирелигиозной кампании он усилился, однако, по мнению уполномоченных СДРК, «все же это были единицы»[165].

Изоляционистские тенденции были характерны для городских[166] и сельских старообрядческих общин, особенно для старшего поколения старообрядцев. Во взаимоотношениях старообрядцев с окружающим населением (как атеистами, так и представителями других конфессий) в местностях с высокой плотностью старообрядцев, как минимум до середины 1950-х гг., была в ходу отдельная посуда для чужаков в доме и у колодцев, запирание колодцев даже от соседей, если они не были единоверцами, завешивание божницы в доме, пока в нем курильщик, а после его ухода — проветривание и окуривание жилища ладаном; запрет на употребление чая и кофе; воздержание от еды и питья на поминках, где присутствовали «разноверные» или «мирские», как в старообрядческой среде именовали православных (или же трапеза за отдельными столами и в разное время); запрет молиться на православные иконы; отлучение на длительный срок от посещения моленной для родителей, выдавших дочь за верующего РПЦ; «перекрещивание» супруга при смешанных браках, крещение детей в «старую веру», даже если один из родителей — не старообрядец; уклонение от общения иногда даже с общинами

---

[163] *Никольская Т. К.* Русский протестантизм … С. 168 ; *Белякова Н. А., Добсон М.* Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР. 1940—1980-е гг. : исследование и источники. М., 2015. С. 50, 68—70, 350 ; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 664. Л. 5, 7, 57; Д. 665. Л. 19—20; Д. 692. Л. 12, 33, 46; Д. 695. Л. 2, 34, 53; Д. 798. Л. 3, 67; Д. 799. Л. 23—24, 32, 60, 71; Д. 800. Л. 3—4, 168; Д. 805. Л. 9, 10; Оп. 4. Д. 666. Л. 32.

[164] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 692. Л. 58 об.; Д. 693. Л. 77 ; ГАОО. Ф. Р-3660. Оп. 1. Д. 4. Л. 207—208.

[165] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 665. Л. 2; Д. 695. Л. 36—38; Д. 696. Л. 5; Д. 697. Л. 9—11; Д. 798. Л. 57; Д. 800. Л. 56; Д. 802. Л. 3.

[166] См., например: *Мариничева (Оленева) Г. А.* История Рогожского поселка …

своего толка и согласия[167]. Уполномоченный СДРК по Брянской области в конце 1948 г. отмечал: «Большим злом является влияние стариков на молодежь обоего пола, которая состоит членами семей старообрядцев. Население из старообрядцев пассивно относится к выполнению своего гражданского долга в период выборов в Верховных Совет РСФСР, СССР и местные Советы, уклонялось <…> от участия в размещении госзаймов. В домах старообрядцев отсутствует радио, нет газет, в церковные праздники члены семей старообрядцев — молодежь, будучи под влиянием старших, не посещают кино, клубы, театры, в общении с населением очень замкнуты…» Старообрядцев региона он считал менее активными в хозяйственной и политической жизни, чем ЕХБ[168].

Сокращение к началу 1950-х гг. числа ходатайств об открытии церквей свидетельствует о разочаровании села в возможности зарегистрировать «свой» храм. Переписка между верующими и СДРПЦ и СДРК тянулась годами, а количество заявлений из одной местности могло измеряться десятками[169]. В числе причин стабилизации и сокращения количества прошений в 1949—1952 гг. отмечаются материальные затруднения верующих при ремонте церковных зданий, волокита, удлинявшая и удорожавшая ходатайство[170]. Не последовало ощутимого роста числа открытия храмов и вследствие некоторой либерализации порядка регистрации религиозной общины по постановлению СМ СССР от 17 февраля 1955 г.: решение о регистрации должны были принимать СМ союзных республик по согласованию с СДРПЦ, которому также было дано право регистрировать фактически действующие религиозные общества, имеющие молитвенные здания[171]. После многолетних от-

---

[167] *Островский А. Б.* Старообрядцы и православные в русском сельском социуме. Вторая половина XIX—XX век : Формы общения. Ритуальная специфика : этнографические очерки. СПб., 2011. С. 125—126, 147—151, 155, 173—176 ; *Щевьев А. А.* Микроистория села: взаимодействие старообрядческой и «мирской» культур и социальные отношения (с. Коровка XVII—XX вв.). Рязань, 2014. С. 67, 69 ; *Боченков В. В.* Старообрядчество Калужского края. Ржев, 2014. С. 179 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 49. Л. 17, 79.

[168] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 658. Л. 49, 50; Д. 659. Л. 38.

[169] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 781. Л. 25.

[170] *Гераськин Ю. В.* Подача ходатайств об открытии храмов в 1940—1950-е годы как способ отстаивания конституционного права на свободу вероисповедания // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2008. Вып. 24. № 15. С. 134.

[171] *Чумаченко Т. А.* Правовая база государственно-церковных отношений … С. 141.

казов разочаровывались добиться регистрации и подпольные общины ЕХБ и пятидесятников[172]. В середине 1959 г. жительница г. Злынки Брянской области, объединившая около 40 верующих ЕХБ, в ходе бесед с представителями власти, «не отрицая своей роли в этом деле», другие сведения об общине сообщить отказалась, заявляя, что «кто придет — с тем и помолимся», подчеркнув, что община не намерена добиваться регистрации[173].

С рубежа 1948/1949 гг., когда прекратилось открытие храмов по ходатайствам, власти приступили к закрытию их части. В 1949—1953 гг. количество церквей РПЦ в Центральном Нечерноземье сократилось на 49 по сравнению с численностью на 1 января 1949 г.[174] К 1945 г. только в Брянской, Смоленской и Ярославской областях число действующих храмов превысило 20 % от числа учтенных церковных зданий. В Великолукской, Московской и Орловской областях оно было около 8 %, Ивановской — 4,8 %, Калужской — 4,7 %, Рязанской и Тульской — по 1,6 %. В начале 1952 г. этот показатель составил более 20 % в Смоленской и Ярославской областях, в Брянской — 14,9 %, Великолукской — 11 %, Ивановской — 10,8 %, Московской — 17,5 %, Орловской — 11 %, Рязанской — 8,4 %, Тульской — 10,7 %[175]. Если в 1914 г. в епархиях центральной России насчитывалось 10 243 приходских храма, то в 1946 г. — 915 (8,9 %), в 1953 г. — 957 (9,3 %)[176]. С регистрации снимались почти исключительно сельские церкви, в которых продолжительное время не было священнослужителя.

---

[172] ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 49. Л. 17.
[173] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 644. Л. 57.
[174] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 180. Л. 22[а]—25.
[175] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 34. Л. 68; Д. 35. Л. 5—6, 81; Д. 37. Л. 51; Д. 172. Л. 25; Д. 173. Л. 8, 41; Д. 181. Л. 47; Д. 197. Л. 3; Д. 204. Л. 2, 63; Д. 215. Л. 3, 114; Д. 317. Л. 10, 12; Д. 318. Л. 9, 63; Д. 337. Л. 153; Д. 342. Л. 3, 84, 88; Д. 346. Л. 15; Д. 349. Л. 45; Д. 359. Л. 92; Д. 476. Л. 5, 69; Д. 485. Л. 2, 59; Д. 500. Л. 20, 65; Д. 508. Л. 35; Д. 518. Л. 195; Д. 635. Л. 49; Д. 646. Л. 2; Д. 667. Л. 3; Д. 759. Л. 107; Д. 904. Л. 17; Д. 765. Л. 52, 111; Д. 777. Л. 35; Д. 784. Л. 28, 44; Д. 790. Л. 60; Д. 888. Л. 10; Д. 895. Л. 79, 103; Д. 907. Л. 41; Д. 917. Л. 3, 39; Д. 921. Л. 6, 71; Д. 1023. Л. 2; Д. 1027. Л. 30, 37; Д. 1037 Л. 13; Д. 1043. Л. 46; Д. 1046. Л. 26 ; ГАТО. Ф. П-177. Оп. 12. Д. 42. Л. 91; Д. 88. Л. 35; Оп. 15. Д. 60. Л. 7; Оп. 16. Д. 76. Л. 5 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 594. Л. 1; Оп. 9. Д. 49. Л. 26 ; ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 1. Л. 19; Д. 29. Л. 1; Д. 34. Л. 17.
[176] Подсчитано по: *Шевцова В. Ф.* Православие в России накануне 1917 г. С. 172 ; Смоленская епархия [Электронный ресурс] : сайт «Древо. Открытая православная энциклопедия». URL: http://drevo-info.ru/articles/9619.html (дата обращения: 11.11.2014) ; Орловская и Севская епархия [Электронный ресурс] : сайт Брянской епархии Брянской митрополии РПЦ МП. URL: http://www.bryansk-eparhia.ru/eparhialnoe-upravlenie/istoriya-eparhii/sevskaya-eparhiya/orlovskaya-i-sevskaya-eparhiya (дата обращения: 11.11.2014) ; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 180. Л. 22[а]—25.

Снятие с регистрации общин ЕХБ нередко производилось по искусственным поводам: из-за предоставления недостоверной информации о двадцатке, несоответствия требованиям имевшегося помещения для молитвы, отсутствия правильно оформленного договора аренды и т. п. Истинной причиной часто выступала миссионерская активность[177].

Со второй половины 1940-х гг. набирает силу и другая санкционированная руководством СДРК тенденция — укрупнение общин посредством присоединения подпольных к легальным[178]. Часто то, что в отчетах уполномоченных считалось угасанием религиозности, на деле было следствием роста налогов с сельского населения, миграции из села, увеличения налоговой нагрузки на священнослужителей, а в случае с общинами ЕХБ и старообрядцев — также результатом их малочисленности и самоизоляции.

К началу 1950-х гг. снятие с регистрации части недавно открытых храмов даже привело к всплеску нелегальной религиозности и петиционной активности, которые считались «нежелательными». В ряде случаев верующие сумели добиться повторного открытия некоторых храмов, снятых с учета в начале 1950-х гг. «Глухота» к просьбам открыть действовавший, но вновь закрытый храм озлобляла ходатаев[179].

В конце 1950-х гг. усилия по сокращению количества действующих церквей активизировались, став частью наступления на религию «по всему фронту». Изменилась и манера работы власти с ходатаями и ходатайствами. Если раньше их настойчивость преодолевалась волокитой, то с конца 1950-х гг. становятся обычными прямые отказы руководителей областей на личном приеме и усиление антирелигиозной пропаганды в местностях — источниках ходатайств[180]. Устав ждать открытия «своего» храма, верующие обращались в ближайшие действующие церкви, пользовались услугами незарегистриро-

[177] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 693. Л. 10—10 об., 13.
[178] Там же. Д. 798. Л. 65; Д. 799. Л. 49; Д. 805. Л. 19; Д. 833. Л. 45—46.
[179] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1555. Л. 7.
[180] Там же. Д. 1558. Л. 25; Д. 1686. Л. 1; Д. 1761. Л. 8.

ванного духовенства и самосвятов (мирян, самочинно совершавших религиозные обряды)[181].

Активизировалось воздействие уполномоченных на духовенство. Глава Калининской епархии РПЦ епископ Феодосий жаловался СДРПЦ и патриарху на уполномоченного СДРПЦ, обвиняя его в препятствовании замещению вакантных приходов, запугивании священников их «бедностью» и «плохими бытовыми условиями»[182]. Уполномоченный СДРПЦ по Рязанской области добился принятия внесенных главой Рязанской епархии архиепископом Николаем «предложений» об ограничении деятельности духовенства. В результате в восьми сельских приходах произошел спад доходов священников, епархиальное управление стало готовиться к объединению их с более «сильными». Половина священников перестала выступать с проповедями[183]. Перед обсуждением в облисполкоме ходатайств об открытии церквей уполномоченный знакомил с ними партруководство. Оно устанавливало их инициаторов и организовывало «индивидуальную работу»[184]. Факторами, способствовавшими сокращению числа действовавших храмов, являлись укрупнения колхозов, трансформация традиционной сети сельского расселения, ускорявшие миграцию в города, старение и уход из жизни крестьян старших поколений, чтивших сельский храм как местную святыню, прогресс институтов советской культуры.

ВСЕХБ и старшие пресвитеры под давлением СДРК еще в 1957 г. приняли ряд мер по прекращению демонстративного характера водного крещения[185], которое, как уже говорилось, было для баптистов одним из основных способов евангелизации, стремились не допускать случаев крещения молодежи до 30 лет, хотя в перспективе это могло привести к угасанию общин, запрещали крещение выходцев из других общин, присутствие их на богослужениях. Пресвитеры легальных общин выступали против лидеров неле-

[181] Там же. Д. 1570. Л. 7.
[182] Там же. Д. 1664. Л. 42.
[183] Там же. Д. 1778. Л. 3, 5.
[184] Там же. Д. 1475. Л. 19; Д. 1680. Л. 3.
[185] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 663. Л. 74.

гальных, если из-за их действий назревал «раскол» или они провоцировали власть на «ликвидацию нарушений законодательства о культах»[186], и т. д.

Суммарный эффект от усилий по сокращению легально действующих храмов РПЦ в Центральном Нечерноземье позволил в 1953—1961 гг. снять с регистрации 142 церкви. Только в 1958—1961 гг. их было закрыто 131[187]. К концу 1950-х гг. административными мерами было постепенно почти прекращено поступление ходатайств: в 1954 г. из областей Центрального Нечерноземья их поступило 407, в 1955 г. — 334, 1956 г. — 674, 1957 г. — 543, 1958 г. — 327, 1960 г. — 103, 1961 г. — 88[188]. Единичными стали ходатайства ЕХБ и старообрядцев, причем более настойчивыми были группы ЕХБ[189].

Трагически складывалась судьба многих закрытых храмов, переоборудованных в культпросветучреждения, склады, зернохранилища, инкубаторы, электростанции и т. п. За 1948—1952 гг. в СССР по решениям СДРПЦ у верующих было изъято, сломано, переоборудовано, разобрано 418 церковных зданий, в 1953 г. — 26, в 1954 г. — 10. Кроме того, в 1948—1955 гг. по решениям местной власти было сломано и перестроено 292 православных храма[190]. В 1959—1961 гг. у верующих было изъято 307 общественных зданий, которые использовались как молитвенные дома[191]. Только в Рязанской области с 1946 по август 1951 г. было разобрано 52 церковных здания, причем в некоторых случаях уполномоченный СДРПЦ санкционировал слом и разборку вполне исправных или выступал инициатором этого[192].

С момента стабилизации численности церквей и молитвенных домов РПЦ МП, ЕХБ и старообрядцев на рубеже 1948—1949 гг. и до начала 1960-х гг. власти свели на нет значительную часть достигнутого верующими села в рамках движения за открытие храмов. Если на 1 апреля 1946 г. на регистра-

---

[186] Там же. Д. 664. Л. 65, 67; Д. 665. Л. 27; Д. 696. Л. 46.
[187] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 180. Л. 1, 22[а]—25; Д. 263. Л. 30—34; Д. 313. Л. 74, 77, 90, 93, 97, 110, 129, 151, 168, 177, 190, 211.
[188] Там же. Д. 156. Л. 12; Д. 180. Л. 13, 14; Д. 235. Л. 30, 33; Д. 206. Л. 17; Д. 288. Л. 28—29, 127, 132, 147, 151, 157, 202, 221, 228, 244; Д. 313. Л. 74, 76, 77, 90, 93, 97, 110, 129, 151, 168, 177, 190, 211.
[189] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 247. Л. 6 об., 12 об., 13 об., 25 об., 28 об., 35 об.; Д. 665. Л. 10.
[190] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 235. Л. 63 ; *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь и верующие … С. 129—130.
[191] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 288. Л. 45.
[192] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 497. Л. 206—207.

ции состояло 915 церквей РПЦ, то на 1 января 1962 г. — 815. Если на 1 апреля 1949 г. в 11 областях был зарегистрирован 61 молитвенный дом старообрядцев и 62 — ЕХБ, то на 1 января 1964 г. в этих же областях и Тульской — 36 и 58 соответственно с регистрации были сняты 25 старообрядческих церквей (59 % количества на 1 апреля 1949 г.) и четыре молитвенных дома ЕХБ (6 %)[193].

Блокирование движения за открытие храмов и снятие с регистрации ряда ранее открытых исключило формирование их сети, напоминавшей дореволюционную, деформировало приходскую жизнь. Согласно «Положению об управлении РПЦ», основой организации верующих являлся приход — община, объединившаяся вокруг зарегистрированного храма[194]. Возрождение РПЦ обозначило разреженность сельской приходской сети. На 1 января 1951 г. из 13 областей Центрального Нечерноземья только в пяти количество сельских населенных пунктов, приходившееся в среднем на одну церковь (даже с учетом городских храмов), не превышало шестидесяти (на общем фоне выделялась Московская область, в которой на один храм приходилось 36 сел и деревень). В остальных областях этот показатель составлял в среднем от 88,3 до 403,5 сел и деревень на храм.

Распределение действующих церквей по территории сельских районов было неравномерным, что вынуждало верующих посещать отдаленные церкви. По мере закрытия храмов разрежение церковной сети усиливалось. На 1 января 1960 г. до 60 сельских населенных пунктов на одну церковь приходилось только в трех областях, а в остальных — от 61,4 до 215,1 населенных пунктов (из них в шести — от 100 до 160)[195]. Еще более разреженной стала сеть храмов других конфессий. Так, например, если в 1914 г. в семи епархиях старообрядческой церкви в Центральном Нечерноземье насчитывалось 310

---

[193] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 180. Л. 22[а]—25; Д. 313. Л. 74, 77, 90, 93, 97, 110, 129, 151, 168, 177, 190, 211; Оп. 4. Д. 219. Л. 7, 10, 15, 18, 20, 23, 34, 37, 41, 47, 61; Д. 432. Л. 11, 28, 39, 73—74, 93, 94, 98—100, 109.

[194] Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С. 275—276.

[195] *Кометчиков И. В.* Религиозность в сельских приходах РПЦ Центрального Нечерноземья середины 1940-х — начала 1960-х гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX—XXI веков : Материалы международной научной конференции, г. Иваново, 18—19 марта 2015 г. / отв. ред. А. А. Корников : в 2 ч. Иваново, 2015. Ч. 1. С. 152.

приходов, 8 монастырей и 1 скит, то в 1950 г. в Московской и Ярославско-Костромской епархиях — 51 приход[196].

Значительно сократилось и число верующих. Перепись населения 1897 г. зафиксировала в числе наличного сельского населения центральной России 247 тыс. старообрядцев, а к рубежу 1940-х — 1950-х гг., когда СДРК завершил учет большинства старообрядческих общин и групп, их оказалось около 12,5 тыс. чел.[197] Сами уполномоченные СДРК подчас завышали численность старообрядцев: так, по оценке уполномоченного СДРК по Калужской области, к началу 1953 г. их в регионе было около 40 тыс., хотя даже перепись 1897 г. насчитывала 42,6 тыс. чел.[198] Из 36 старообрядческих общин Калужского края, данные о которых приводит В. В. Боченков, одна закрылась до 1917 г., одна — в первые годы советской власти, о судьбе трех нет сведений, прочие были закрыты в 1930-е гг. Только Сухиничская община, пережившая закрытие в 1930-е гг., была зарегистрирована в послевоенные годы и действовала до середины 1990-х гг.[199] Перепись 1897 г. зафиксировала в губерниях Центральной России 38,7 тыс. протестантов, а к середине 1940-х — началу 1950-х гг. верующих ЕХБ, в отношении которых действовал пунктуальный учет состава зарегистрированных общин, было около 10 тыс. чел. (правда, члены незарегистрированных общин учитывались отрывочно)[200].

Уже в конце 1940-х гг. обозначилась своеобразная дифференциация легальных приходов на «богатые» и «бедные», причиной чего, как представля-

---

[196] Подсчитано по: *Мануил (Чибисов)*, игумен. Белокриницкая иерархия … С. 366—368.

[197] Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. 6 : Владимирская губерния. Тетр. II (последняя). СПб., 1904. С. 3; Т. 15 : Калужская губерния. Тетр. II (последняя). СПб., 1903. С. 3; Т. 18 : Костромская губерния. СПб., 1903. С. 3; Т. 24 : Московская губерния. СПб., 1905. С. 3; Т. 29 : Орловская губерния. СПб., 1904. С. 3; Т. 35 : Рязанская губерния. СПб., 1903. С. 3; Т. 40 : Смоленская губерния. СПб., 1904. С. 3; Т. 43 : Тверская губерния. СПб., 1904. С. 3; Т. 44 : Тульская губерния. СПб., 1904. С. 3; Т. 50 : Ярославская губерния. СПб., 1904. С. 3 ; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 660. Л. 8; Д. 694. Л. 49; Д. 717. Л. 22; Д. 758. Л. 49—53; Д. 800. Л. 22, 98; Д. 843. Л. 2, 3; Д. 899. Л. 11—12; Оп. 4. Д. 666. Л. 32; Д. 682. Л. 12 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 49. Л. 62 ; ГАСО. Ф. Р-985. Оп. 2. Д. 25. Л. 40.

[198] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 15. Тетр. II (последняя). С. 3 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 49. Л. 13.

[199] *Боченков В. В*. Старообрядчество калужского края. С. 20—248, 271.

[200] Подчитано: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 6. Тетр. II (последняя). С. 3; Т. 15. Тетр. II (последняя). С. 3; Т. 18. С. 3; Т. 24. С. 3; Т. 29. С. 3; Т. 35. С. 3 ; Т. 40. С. 3 ; Т. 43. С. 3; Т. 44. С. 3 ; Т. 50. С. 3 ; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 658. Л. 12; Д. 666. Л. 38; Д. 697. Л. 6; Д. 760. Л. 40, 53; Д. 798. Л. 57 ; ГАСО. Ф. Р-985. Оп. 2. Д. 16. Л. 6, 18; ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 3, Л. 66 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 49. Л. 46.

ется, была не столько антирелигиозная и культпросветработа, сколько экономическое оскудение многих сел, усиливавшее миграцию в города. Малочисленность и бедность прихожан угрожала приходскому храму, приводила к сменам настоятеля или его отсутствию. Фактором, влиявшим на выдавливание из села клириков, был налоговый пресс. Не существовало единого метода определения их облагаемого дохода, что позволяло определять его произвольно, по самому доходному для священника месяцу в году[201]. Так, ставки налога на доходы духовенства 25 сельских храмов РПЦ Калужской области в 1952 г. колебались от 17,9 до 38,4 %, а сами эти доходы не превышали 27 тыс. руб., причем у половины священников они были не выше 14 тыс. руб.[202] На приемах у уполномоченного Совета духовенство жаловалось на низкую доходность служб и высокий уровень налогообложения[203]. Для многих сельских священников РПЦ вопрос заработка был вопросом продолжения богослужения[204]. Духовенство «богатых» приходов чувствовало себя в деревне уверенно, а из «бедных» уезжало. Со сменой поколений священников, появлением в приходах недавних выпускников духовных семинарий и академий в самосознании сельского клира стали происходить изменения, связанные с формированием священника нового типа, поставленного в условия, когда от оплаты его труда стало зависеть существование прихода. Уполномоченный СДРПЦ по Калининской области отмечал, что в военные и первые послевоенные годы духовенство «показывало себя перед общественностью так, как будто в церквах служит в результате своего глубокого религиозного убеждения», не устанавливая стоимости треб. Кому этого было мало, работали на приусадебных участках, в колхозах и т. п. В середине 1950-х гг. ситуация изменилась: «Подавляющее большинство священников, получив назначение в церковь, при встрече с церковным советом заявляют: будете платить столько тысяч в месяц — буду служить, не будете — уйду, сидите без священника…»

---

[201] *Чумаченко Т. А*. Государство, православная церковь и верующие … С. 91—92.
[202] Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 34. Л. 13—15.
[203] ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 26. Л. 6—6 об., 12 об.—13.
[204] Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / сост. и обраб. Е. М. Ковалев. М., 1996. С. 70.

Об этом же информировал СДРПЦ уполномоченный по Владимирской области[205].

В отчетах уполномоченных СДРПЦ и благочинных отмечались скудость утвари и ветхость зданий «бедных» храмов[206]. Богослужения в церквах «богатых» приходов отличались пышностью, духовенство служило в дорогостоящих облачениях, церковные советы нанимали хоры певчих, руководимые профессиональными регентами. Храмы обладали разнообразной церковной утварью, росписями и колоколами. В них часто служили главы епархий. Одним из наиболее активных сельских приходов РПЦ не только Рязанской области, но и РСФСР была община села Фирюлевки, одна из шести, существовавших в Михайловском районе[207].

Дифференциация на «активные» и «угасающие» приходы была заметна и у старообрядцев. Так, к середине 1950-х гг. клир шести зарегистрированных общин Брянской области перед большими праздниками обходил дома верующих с поздравлениями, одновременно собирая пожертвования «на свечу». Богослужения проводились накануне, а также утром и вечером в дни религиозных праздников, привлекая около 500 верующих в обычные праздники и до 1200 чел. — в большие, в основном — пожилых женщин. Однако даже в «популярной» у верующих клинцовской церкви отмечался низкий уровень обрядности: в 1953—1956 гг. ежегодно крестилось 45—65 детей, венчалось 6—13 пар[208]. Одной из крупнейших старообрядческих общин не только Калининской области, но и всего Центрального Нечерноземья являлась Ржевская, зарегистрированная 5 мая 1945 г., когда список ее членов насчитывал 786 чел. К началу 1955 г. настоятель храма оценивал число прихожан в 3 тыс.[209] Такое же место в религиозной жизни верующих старообрядцев зани-

[205] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1558. Л. 32—33; Д. 1559. Л. 8—9.
[206] Там же. Д. 627. Л. 33.
[207] Там же. Д. 1151. Л. 18—19.
[208] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 663. Л. 70, 71.
[209] Там же. Д. 695. Л. 23—25; Д. 696. Л. 13.

мал старообрядческий храм г. Рязани — единственный открытый в области[210].

Примером «слабой» общины можно считать Мельгуновскую общину старообрядцев-беспоповцев филипповского согласия (Кировский район Калининской области). При регистрации в 1947 г. она состояла из 51 чел. В начале 1952 г. община насчитывала 41 чел., при этом 29 чел. были старше 60 лет. Посещаемость богослужений в старой молельне с соломенной крышей обычно составляла 10 верующих. Отсутствие роста общины старообрядцы объясняли «строгостью требований»: они не принимали мужчин, бреющих бороды, требовали соблюдения постов, «строгого поведения в быту» и т. д. К 1956 г. община сократилась еще на шесть человек, в два с половиной раза упала доходность богослужений и их продолжительность. В 1955 г. служба проводилась 17 раз, было три обряда похорон и три крещения. Молодежь «не мирилась со строгими старообрядческими порядками: не хотела носить бороды и усов, стричься в “кружок”, соблюдать длинные посты и т. д.». Школьники местной школы из старообрядческих «собраний» перестали носить нательные крестики, хотя в поведении были «сдержанней», чем сверстники[211].

Центрами «сильных» общин ЕХБ, как правило, были города (нередко — областные или районные центры), общины были сравнительно многочисленны, имели развитые связи с одноверцами своей и соседних областей, стабильный состав клира, который в основном не прекращал работать в колхозе или госхозе. В них отсутствовали внутренние конфликты, было мало исключений. Эти общины выделялись большим числом «приближенных» и водных крещений, располагали благоустроенными молитвенными домами, стремясь расположить их в центре населенных пунктов, с высокой посещаемостью богослужений в любое время, имели хоры и музыкальные группы. Такой была община ЕХБ с центром на ст. Брянск-I[212]. Другим примером «сильной» об-

[210] Там же. Д. 833. Л. 45.
[211] Там же. Д. 694. Л. 1—2; Д. 696. Л. 38—39.
[212] Там же. Д. 661. Л. 114—116; Д. 662. Л. 82.

щины может считаться община с центром в рабочем поселке Навля Брянской области, к началу 1950-х гг. распространившая влияние на соседние районы[213].

«Слабыми» общинами ЕХБ, не преодолевшими противодействие власти, чаще всего были незарегистрированные общины, на которые давили издержки нелегального статуса, а также комплекс объективных причин, препятствовавший их росту и консолидации[214].

Действия комплекса социально-экономических факторов, приводивших к угасанию многих храмов сельской местности, в сочетании с усилиями власти по сворачиванию религиозности сократили частоту богослужений. От ежедневных служб в первые годы мирной жизни храмы РПЦ перешли к богослужениям только по воскресеньям и большим религиозным праздникам. Три-четыре раза в неделю действовали церкви районных центров, ежедневно — лишь некоторые храмы районных и областных центров (исключение составляла Рязанская область, где так функционировали и многие сельские церкви)[215]. К 1960 г. в 2119 из 2584 храмов РПЦ в РСФСР богослужение проводилось только по воскресеньям и в дни религиозных праздников. В 395 храмах служба была ежедневно, нерегулярно служили в 28, не было служб в 42 приходах. В Брянской области из 71 храма, состоявшего на регистрации на 1 января 1961 г., ежедневное богослужение проводилось в четырех, в воскресные и праздничные дни — в 56, нерегулярно действовавших церквей и церквей, где богослужения не проводились, не было, во Владимирской области — 65, 11, 52, 0; в Ивановской — 56, 3, 53, 0; в Тульской — 36, 17, 15, 0; в Ярославской — 141, 9, 104, 14 соответственно[216]. Старообрядческое духовенство Брянской области перестало без приглашения обходить дома верующих на Рождество, Пасху и Крещение уже с 1950 г.[217] В общинах ЕХБ молитвенные собрания происходили в четверг, субботу, воскресенье и большие празд-

[213] Там же. Д. 661. Л. 63—67.
[214] Там же. Д. 800. Л. 21, 22, 37, 89—91.
[215] *Кометчиков И. В.* Религиозность в сельских приходах РПЦ … С. 154.
[216] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 288. Л. 2—4, 10, 12, 15—16.
[217] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 659. Л. 43—44.

ники. Сопоставление их посещаемости в восьми общинах ЕХБ Брянской области за 1949—1954 гг. показало, что в шести общинах она понизилась на 10—25 %, в крупной городской повысилась, а в одной не изменилась. При этом во всех общинах наиболее многолюдными были собрания по большим праздникам и воскресеньям, когда совершался обряд хлебопреломления. Посещаемость в прочие дни была в 2—6 раз ниже. Сходное положение было и в общинах ЕХБ Калининской области. В Орловской уже в конце 1952 г. большинство общин ЕХБ перешло к собраниям раз в неделю — по воскресеньям. Три-четыре раза в неделю собирались только верующие самой крупной Орловской общины[218].

Для власти важнейшим индикатором религиозности было посещение верующими богослужений. В дореволюционные годы, когда религиозность определялась не по убеждениям, а юридической принадлежностью к одному из вероисповеданий по рождению и крещению (или соответствующим обрядам в нехристианских религиях)[219], православное крестьянство регулярно посещало службы по воскресеньям и религиозным праздникам. В будние дни в церковь ходили заказавшие обедню или готовившиеся к причастию[220]. Гонения на церковь и религию углубили обыкновение посещать церковные службы в основном в праздничные дни. Воскресные службы в сельских церквах Центрального Нечерноземья посещали от нескольких до 100—500, а по большим праздникам — до 3 тыс. чел. Особенно многолюдными богослужения были в первые 3 года после войны[221].

Близость приходской церкви поддерживала традицию соблюдения основных обрядов, хотя данные об этом до середины 1950-х гг. отрывочны[222]. Уполномоченный по Калининской области информировал СДРПЦ: «Новорожденные дети верующих родителей крестятся, а из бесед с сельскими свя-

---

[218] Там же. Д. 659. Л. 57—58, 234; Д. 693. Л. 41, 64; Д. 800. Л. 56; Д. 804. Л. 22.
[219] *Синелина Ю. Ю.* О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 91.
[220] *Громыко М. М.* Отношение к храму и священнику // Православная жизнь русских крестьян XIX—XX веков : Итоги этнографических исследований / отв. ред. Т. А. Листова. М., 2001. С. 88.
[221] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 508. Л. 38.
[222] Подсчитано по: ГАТО. Ф. П-177. Оп. 12. Д. 88. Л. 33 об., 35—36; Д. 40. Л. 47 ; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 172. Л. 9, 28; Д. 317. Л. 1 об.; Д. 349. Л. 33; Д. 476. Л. 74; Д. 482. Л. 52; Д. 508. Л. 28.

щенниками можно сделать вывод, что некрещеными остаются буквально единицы. Отмечаются случаи крещения детей и отпевания умерших в семьях сельского актива, в том числе и членов партии»[223]. В 1959 г. во Владимирской области было крещено 39 % новорожденных, отпето свыше 46 % усопших, в Ярославской области — 60 и 58 % соответственно, то же самое — в Калининской. В Брянской области в 1959 г. было зафиксировано крещений и отпеваний больше, чем их было в 1958 г.[224] В 1960 г. в условиях нажима на религиозность в храмах РПЦ в Центральном Нечерноземье было крещено 33,0—60,0 % новорожденных (в Орловской области — 19,5 %), обвенчалось 0,3—7,5 % новобрачных, отпето 33—73 % усопших (в Орловской области — 13,1 %, в Брянской — 19,4 %). В 1961 г. было крещено 25,5—57,7 %, обвенчалось 0,07—7,2 % вступивших в брак, отпето 22,1—70 % усопших[225], причем крещение, отпевание, венчание не считались противоречащими членству в партии у сельских коммунистов. Ежегодно утверждались сотни решений об исключении из партии за подобные проступки[226].

Менее последовательными в соблюдении даже основных обрядов были старообрядцы. Уполномоченные СДРК уже в конце 1940-х гг. отмечали низкую посещаемость их храмов даже в воскресные дни. Большинство прихожан были пожилыми женщинами[227]. Уполномоченный СДРК по Владимирской области сообщал в начале 1947 г., что в пос. Мстера, когда-то «оплоте «старой веры», не было активности ни «раскола», ни «сектантов»[228]. В старообрядческих общинах Костромской области в конце 1940-х гг. шло «разложение, распад, отход от религии передовой части населения», что подтверждалось посещаемостью богослужений в церквах в обычные дни только 20—30 % их состава, отказом некоторых семей принимать священника с треба-

[223] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 326. Л. 25.
[224] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 263. Л. 15.
[225] Там же. Д. 263. Л. 140—142.
[226] ГАТО. Ф. П-177. Оп. 14. Д. 36. Л. 38; Оп. 15. Д. 75. Л. 3; Оп. 18. Д. 86. Л. 32—33; Д. 92. Л. 3 ; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 508. Л. 16 ; *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную Церковь. С. 348.
[227] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 658. Л. 16.
[228] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 666. Л. 39.

ми[229]. В Ивановской области в начале 1946 г. уполномоченный СДРК не наблюдал «религиозных движений» в тех местах, где раньше были старообрядческие общины[230].

Сокращение частоты и количества совершаемых обрядов фиксировалось при проведении единовременного учета фактически действующих религиозных объединений в начале 1960-х гг. с оговоркой, что часть обрядов (утренняя и вечерняя молитвы, посты и т. д.) совершается не только в молитвенном доме, но и дома. К началу 1960-х гг. домашнюю молитву «творило» около половины старообрядцев старшего поколения, 15—20 % молодежи и 3—5 % детей. При этом, как и в семьях верующих РПЦ МП, много молодых старообрядцев продолжали креститься[231].

Относительно невысоким уровень обрядности был и во многих общинах ЕХБ села Центрального Нечерноземья, особенно — водного крещения. Ужесточением допуска к крещениям уже к началу 1950-х гг. их количество удалось либо сократить, либо ограничить, замедлив прирост общин ЕХБ. Так, если на 1 апреля 1949 г., по подсчетам уполномоченного СДРК по Брянской области, в 31 общине ЕХБ числилось около 3170 верующих, то к середине 1954 г. в 29 зарегистрированных общинах — 2250 чел., в середине 1955 г. — 2350. При этом в 1947 г. через водное крещение в общины ЕХБ Брянщины было принято около 500 чел., в 1948 г. — 700—800 чел., в 1949 г. — 240 чел., в 1950 г. — 166 чел., в 1951 г. — 44, в 1952 г. — 30, в 1953 г. — 27, в 1954 г. — 44; в Калининской области в 1948 г. — 98 чел., в 1949 г. — 69, в 1950 г. — 39, в 1951 г. — 89, в 1952 г. — 38, в 1953 г. — 14, в 1954 г. — 54, в 1955 г. — 69, в 1956 г. — 73; в Орловской области в 1947 г. — 67 чел., в 1948 г. — 90, в 1949 г. — 52, в 1951 г. — 55, в 1952 г. — 67, в 1953 г. — 68, в 1954 г. — 89, в 1957 г. — 59, в 1958 г. — 58, в 1959 г. — 42. В Смоленской области в 1948 г. в шести зарегистрированных общинах ЕХБ насчитывалось 355 членов, а в 1954 г. — 318, при этом в 1951 г. было крещено 17 чел., в 1952 г. —

[229] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 717. Л. 21; Оп. 4. Д. 666. Л. 33.
[230] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 682. Л. 8, 13.
[231] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 692. Л. 12 об.; Д. 693. Л. 76; Оп. 4. Д. 428. Л. 21; Д. 682. Л. 7.

8, в 1954 г. — 21[232]. Обрядов других видов совершалось еще меньше. Так, например, пресвитер Радогощской общины ЕХБ (Брянская область) говорил уполномоченному СДРК, что в его общине 3 года не было венчаний, а одна из его дочерей заявила, что не хочет быть верующей, так как среди ЕХБ «молодежи из мужчин не имеется, и она боится, что не выйдет замуж». То же было и в других общинах[233].

Однако, несмотря на серьезное ужесточение требований к соблюдению законодательства о культах, руководство СДРК отмечало прозелитизм клира ЕХБ, отличавший его от духовенства других конфессий[234]. Кроме клириков в общинах ЕХБ выделялись верующие, повседневно проповедовавшие по месту жительства, работы и в общественных местах. Для привлечения новых членов ЕХБ использовали индивидуальные беседы, организовывали молодежные вечера, прогулки, экскурсии, хоровые, музыкальные и другие кружки, театрализованные богослужения, выставки сельхозпродуктов в Дни урожая в молитвенных домах, помощь нуждающимся деньгами и трудом и др.[235] Подчеркивались усилия по привлечению в общины молодежи, которую актив ЕХБ «стремился отвлечь от участия в общественной жизни и культурно-просветительной деятельности…»

Итогом активности ЕХБ в масштабе СССР, по официальной оценке, стал рост числа неофитов, составивший с начала 1950-х гг. около 100 тыс. чел., что обеспечило десятикратный прирост членов ЕХБ по сравнению с дооктябрьским периодом. Этому способствовало и возвращение в 1955—1956 гг. из заключения большого количества духовенства[236]. Однако в Центральном Нечерноземье, по данным СДРК, рост числа верующих ЕХБ отмечался лишь в немногих областях. Так, если в общинах ЕХБ Брянской области на 1 апреля 1949 г. насчитывалось 3170 членов, то на 1 января 1960 г. — 3259, в

---

[232] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 657. Л. 73; Д. 658. Л. 12; Д. 659. Л. 51; Д. 660. Л. 10; Д. 661. Л. 20; Д. 693. Л. 71; Д. 695. Л. 34; Д. 696. Л. 2[а]; Д. 697. Л. 8; Д. 800. Л. 124; Д. 804. Л. 2; Д. 806. Л. 2 ; ГАСО. Ф. Р-985. Оп. 2. Д. 16. Л. 6, 18; Д. 19. Л. 27; Д. 25. Л. 11.
[233] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 659. Л. 59—60.
[234] Там же. Д. 659. Л. 77; Д. 663. Л. 71.
[235] Там же. Д. 801. Л. 70; Д. 802. Л. 3; Д. 804. Л. 43; Д. 805. Л. 6.
[236] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 428. Л. 26, 27, 28, 30.

Калужской — 779 чел. (1952 г.) и 515 чел. (1967 г.), в Смоленской — 361 чел. (1949 г.) и 452 чел. (1961 г.), в Рязанской — 135 чел. (1946 г.) и 195 чел. (1965 г.), то в Калининской — 378 чел. (1949 г.) и 894 чел. (на 1 января 1957 г.) (в 2,3 раза), в Орловской — 702 чел. (1948 г.) и 1358 чел. (1960 г.) (в 1,9 раза)[237]. Однако нужно признать, что данная статистика учитывала только членов зарегистрированных общин (так, в Орловской области к концу 1950-х гг. кроме 1,3 тыс. членов легальных общин ЕХБ насчитывалось еще более 260 членов нелегальных)[238].

Легализация располагала русских протестантов к тому, чтобы быть лояльными советской власти или, по крайней мере, чтобы власть воспринимала их таковыми. Уполномоченный СДРК по Рязанской области в середине 1946 г. сообщал, что верующие зарегистрированных общин «в большинстве случаев хорошо работают в колхозе и лояльно относятся к мероприятиям Правительства»[239]. Проповедник незарегистрированной Дмитриевской группы ЕХБ (Орловская область) утверждал: «Я голосую за новую Программу партии, голосую за коммунизм, так как идеи коммунизма — святые, они позаимствованы из Священного Писания». Другой верующий ЕХБ заявлял уполномоченному СДРК: «Коммунисты и верующие стремятся навести порядок на земле, чтобы на всем земном шаре люди жили в мире и дружбе, уважали и помогали друг другу»[240]. Изучая в конце 1948 г. настроения в общинах ЕХБ, уполномоченный СДРК по Орловской области отмечал, что внешне их члены старались быть лояльными, однако скрывали недовольство местной властью, которая «не разрешала им свободно молиться». При этом дети многих из них посещали культпросветучреждения, были пионерами и комсомольцами, а смерть Сталина орловские баптисты оплакивали наравне со многими другими советскими людьми[241]. Местная власть вела себя по отношению к «сек-

---

[237] Подсчитано по: ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 49. Л. 46 ; ГАКО. Ф. Р-883. Оп. 19. Д. 329. Л. 15 ; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 658. Л. 12; Д. 665. Л. 27; Д. 697. Л. 6; Д. 798. Л. 57; Д. 806. Л. 2 ; ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 3. Л. 66; Д. 98. Л. 11, 12, 13, 14 ; ГАСО. Ф. Р-985. Оп. 2. Д. 16. Л. 6, 18; Д. 41. Л. 20.
[238] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 805. Л. 4.
[239] Там же. Д. 658. Л. 15; Д. 883. Л. 24.
[240] Там же. Д. 805. Л. 25; Оп. 4. Д. 428. Л. 30.
[241] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 799. Л. 14; Д. 800. Л. 21, 79.

тантам» настороженно. Уполномоченный СДРК по Калининской области сообщал в начале 1956 г.: «На местах проявляется какая-то боязнь ближе подойти к верующим, чувствуется какая-то отгороженность от них. Среди верующих есть хорошие производственники, есть руководители колхозных бригад, но их сторонятся…»[242]

Сокращение возможностей участвовать в легальных богослужениях деформировало канонические формы легальной церковной жизни, заставляя верующих и духовенство преодолевать рамки черты легальности. Так, скудное благосостояние большинства прихожан, дефицит культового имущества стимулировали появление полуподпольных кустарных промыслов по изготовлению свеч и церковной утвари[243]. Запрет в 1948 г. традиционных для сельской местности крестных ходов внутри прихода и богослужений вне храмов приводил к профанации этой обрядности. В Калужской, Великолукской, Рязанской областях инициаторы их проведения собирали деньги и заказывали в церквах обедни с молебнами, где получали воду, с которой сами выходили в поле[244]. Невозможность принять участие в традиционном крестном ходе обусловливала большое стечение населения к похоронным процессиям со священником[245]. Тульское епархиальное управление запретило это, а 5 июня 1959 г. архиепископ Тульский и Белевский вообще запретил клиру служить в домах верующих всенощные и панихиды[246].

Настоятели и церковные советы организовывали близ храма «ночлежные дома» для прихожан из дальних деревень, использовали под ночлег притвор храма, где служки беседовали с ними, объясняли значение религиозных праздников, приглашали на следующие богослужения, принимали заказы на требы. «Отдельные священники» слабых приходов Калининской области выезжали в отдаленные населенные пункты, останавливались у знакомых и в их домах устраивали крестильные пункты, причащали и исповедовали, служили

---

[242] Там же. Д. 696. Л. 10.
[243] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1023. Л. 10; Д. 1129. Л. 16; Д. 1346. Л. 34—35; Д. 1478. Л. 23; Д. 1581. Л. 6—7; Д. 1675. Л. 11; Д. 1689. Л. 24.
[244] ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 327. Л. 21 ; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 888. Л. 41; Д. 1367. Л. 22.
[245] ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 26. Л. 35 ; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 38. Л. 46; Д. 627. Л. 53; Д. 1023. Л. 40.
[246] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1868. Л. 28—29.

молебны, не спрашивая разрешения ни органов власти, ни членов семьи, чьих детей крестили, за что три священника были сняты с регистрации и три предупреждены[247]. В с. Степаньково Ляховского района Владимирской области священник Раина в 1960 г. купил магнитофон, записал на нем церковную службу своего отца-священника, добавив записи церковных хоров, «стал проводить “службу” при открытых окнах в своей квартире, куда сходилось много народа»[248].

Изоляционистские тенденции в сочетании с эффектом раскрестьянивающей политики, последствиями войны, миграцией в города, прогрессом советской культуры заставляли и многие старообрядческие общины приспосабливать к меняющимся условиям вероучение и обрядность. Малое количество мужчин в общинах обусловило во многих из них переход руководящей роли к женщинам, из числа которых избирались наставницы, духовницы, совершавшие таинства крещения и покаяния (последнее — только у женщин). Уходила в прошлое важная для старообрядческой культуры традиция обучения молодежи основам вероучения через чтение и толкование канонических книжных текстов. Книжное знание в сознании лидеров общин заменялось устными апокрифами, испытавшими значительное влияние фольклорной традиции, смысл сакральных книжных сюжетов редуцировался до сферы обыденного[249].

Церковные историки старообрядчества полагают, что после начала хрущевской антирелигиозной кампании жизнь старообрядческой церкви характеризовалась застойными тенденциями: не открывались новые приходы, отдельные храмы были закрыты не только вследствие отсутствия клириков, но и способных нести клиросную службу мирян. Распространенным стало обслуживание нескольких приходов одним священником. Пытавшиеся по-

---

[247] Там же. Д. 1757. Л. 13; Д. 1857. Л 4; Д. 1877. Л. 4; Д. 1961. Л. 5, 11.
[248] Там же. Д. 1857. Л. 4.
[249] *Смилянская Е. Б.* Женское служение в старообрядческой общине конца XX века (из наблюдений полевого археографа) // Одиссей: человек в истории, 2013 : Женщина в религиозной общине: Запад / Восток. М., 2014. С. 90—114 ; *Белякова Е. В.* Женщина в православии … С. 91.

мочь угасающим приходам отстранялись[250]. Приспособление вероучения, обрядности, быта старообрядцев к переменам в окружающей действительности отмечалось и советскими авторами[251].

Адаптироваться к ограничительной политике власти стремились и легальные общины ЕХБ. В крупной Калининской общине за 1949—1954 гг. собралось 90 «приближенных», ожидавших водного крещения. Осуществить обряд долгое время не удавалось из-за смещения главного пресвитера, который по совместительству выполнял обязанности ее пресвитера, а также из-за затянувшейся регистрации нового молитвенного дома. В 1954 г. крещение 25 чел. состоялось в «примитивном баптистерии» и прошло, по словам уполномоченного СДРК, «без осложнений»[252].

Таким образом, если в конце XIX — начале XX вв. в деятельности прихода выделялись религиозная, религиозно-праздничная, нравственно-воспитательная, школьно-образовательная, хозяйственная функции, а также функция культурной адаптации, то на протяжении изучаемого периода под действием черты легальности легальный приход стал лишь местом совершения разрешенных обрядов. Более того, политика по усилению «разреженности» церковной сети, неравномерность распределения малого количества действующих храмов и молитвенных домов по большой территории сделала сложным выполнение даже минимума требований культа. Религиозность большинства прихожан в лоне легальных церквей в большинстве случаев сводилась к исполнению обрядов, обозначавших основные события в жизни верующего (в традиционном для Центрального Нечерноземья православии — крещения, венчания, отпевания, иногда — причастия), редкому посещению праздничных богослужений. Прочие проявления религиозности оказались в пограничной зоне или были запрещены.

---

[250] *Мануил (Чибисов)*, игумен. Белокриницкая иерархия … С. 274 ; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 664. Л. 9; Д. 695. Л. 26; Д. 696. Л. 13.

[251] *Катунский А. Е*. Старообрядчество. М., 1972. С. 111—116 ; *Миловидов В. Ф*. Современное старообрядчество. М., 1979. С. 60—92.

[252] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 695. Л. 7.

4.3. Формы религиозности сельского социума за рамками легальности

Стремление власти удержать в черте легальности всплеск религиозных настроений высветил распространенность на селе Центрального Нечерноземья и немалого числа верующих, собиравшихся для молитвы явочным порядком. Хотя мотив противопоставления государству и легальной церкви не был для них обязательным[253], нелегальность богослужений часто вела за рамки богослужебного канона. Контролируя клир, государство использовало его для борьбы с феноменом, который применительно к православной культуре можно определить как «народное православие», а к верующим прочих конфессий — как «народная вера»[254]. Представляется, что большинство верующих села, не отличаясь религиозной активностью и не будучи знакомы ни с законодательством о культах, ни с религиозными канонами, при удовлетворении религиозных потребностей исходило из иной системы координат, нежели власть и легализованные церковные иерархии. Для них коллективные моления явочным порядком, часто без зарегистрированного духовенства, считавшиеся государством нелегальными, а легализованными церквами, зачастую неканоничными (или «сектантскими»), означали богослужение, отвечающее повседневным потребностям и доступное в географическим и материальном отношениях. Представляется актуальным поэтому рассмотреть этот пласт религиозности деревни.

Рассмотрим сначала формирование его основных институтов. Действительно, потребность в «своем» богослужении существовала и в дореволюционные годы, подчас выражаясь в неканоничных формах[255]. В условиях атеистического государства ее удовлетворение, как и вполне каноничной «религиозности», было затруднено. Одним из адекватных обстановке способов преодоления этой проблемы стали молитвенные собрания явочным поряд-

---

[253] *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб» … С. 12, 14, 233—234.

[254] *Панченко А. А.* Исследования в области народного православия : Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998. С. 17—37 ; *Смилянская Е. Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики : Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003.

[255] *Шевцова В. Ф.* Православие в России накануне 1917 г. С. 103, 172—212, 221, 333 ; Русские Рязанского края. Т. 2. С. 227, 256—260.

ком, именовавшиеся в официальных документах «подпольными» и «нелегальными». Хотя нелегальная религиозная деятельность ими не исчерпывалась, к подпольным молитвенным домам и их клиру население обращалось изо дня в день. Уже в середине 1940-х гг. глава СДРПЦ Г. Г. Карпов подчеркивал связь сдерживания регистрации храмов РПЦ с распространением нелегальных богослужений, бороться с которыми было сложнее, чем контролировать активность легального прихода[256]. В августе 1948 г. он обратился к К. Е. Ворошилову с предложением открыть «некоторое количество» церквей, так как «нелегальное отправление обрядов» может привести «только к укреплению религиозности», разработать совместно с МГБ и МВД СССР меры по ликвидации нелегальных молитвенных домов[257].

Одна из причин этого обращения состояла в том, что во второй половине 1940-х гг. уполномоченные СДРПЦ столкнулись с многочисленными случаями богослужений «скрытников» (незарегистрированных священников), бывших монахов и монахинь, «монашек» (монашествующих в миру), самосвятов (мирян, самочинно совершавших религиозные обряды)[258] и, соответственно, с подпольными приходами, количество которых порой превышало количество зарегистрированных. Так, в Ярославской области насчитывалось 158 чел. незарегистрированного духовенства, в Брянской и Тульской — по 50 чел., десятки человек — в Орловской[259]. Ситуация была столь серьезной, что специально изучалась в 1945 и 1946 гг. Синодом, полагавшим единственным введение института разъездных священников, о чем ходатайствовал перед СДРПЦ, но получил отказ[260].

Взаимоотношения власти с церковными иерархами и верующими других конфессий на почве доступности богослужений были еще более напря-

---

[256] *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб» … С. 119—122.
[257] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 6. Л. 94—95.
[258] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 45. Л. 38—39; Д. 172. Л. 25—26; Д. 204. Л. 71; Д. 485. Л. 34 ; ГАТО. Ф. П-177. Оп. 12. Д. 42. Л. 88; Д. 88. Л. 33 об. ; Русские Рязанского края. Т. 2. С. 253.
[259] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 34. Л. 144; Д. 44. Л. 32 об.; Д. 45. Л. 39; Д. 48. Л. 1 об., 188—189, 202; Д. 50. Л. 176, 209 об.; Д. 197. Л. 15; Д. 342. Л. 10, 41; Д. 650. Л. 51—52; Д. 1266. Л. 7 ; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 252. Л. 249, 250.
[260] *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь и верующие … С. 81 ; *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб» … С. 174—175.

женными. В первые послевоенные годы многими уполномоченными СДРК отмечались открытые выпады против советской власти активистов ИПХ, пятидесятников, баптистов. Так, в конце декабря 1945 г. в Красногорском районе Брянской области некий «брат Пимен» из Гомельской области БССР «вел агитацию о том, чтобы сектанты не участвовали в выборах в Верховный Совет СССР, не голосовали за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, что после регистрации советские органы будут репрессировать сектантов и их вожаков». Агитация за отказ от регистрации общин ЕХБ отмечалась и в других районах области[261]. В Рязанской области часть верующих, подпав под влияние ИПХ, была настроена резко антисоветски и во всех мероприятиях власти — «заем, колхоз, собрания и т. д.» — усматривала «действие антихриста»[262]. О большом количестве нелегального клира, «сектантов», бродячих монахов, которые вели антисоветскую агитацию, сообщало весной 1948 г. в ЦК ВКП(б) УМГБ по Тульской области. ЕХБ, адвентисты, пятидесятники и старообрядцы уличались в агитации против «признания легальных церквей», за бойкотирование проводимых ими мероприятий, в распространении слухов о якобы скором роспуске колхозов, смене правительства, неизбежности войны с США и Англией[263]. В начале 1946 г. в колхозах Орловской области отмечались случаи отказа верующих ЕХБ от работы, непосещения предвыборных собраний, голосования, проведения в рабочее время молитвенных собраний[264]. В режимной Владимирской области против иоаннитов (части ИПХ) были приняты «радикальные меры пресечения их тайной деятельности»[265].

Для контроля за соблюдением черты легальности власти активно привлекали легализованные церкви, используя их настороженное отношение к народной религиозности. Так, в вопросе о том, кто и какие обряды православного культа может совершать, иерархи РПЦ в послевоенные годы при-

[261] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 657. Л. 4.
[262] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 3. Л. 12—13.
[263] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 6. Л. 249, 251.
[264] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 798. Л. 3—4.
[265] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 666. Л. 2 об.

держивались установлений дореволюционной поры. Знаток богослужебного канона РПЦ С. В. Булгаков различал «по полномочию и благодати священнодействия» епископов, пресвитеров и диаконов. Первые определялись как «полновластные и независимые» совершители богослужения всех видов, вторые — зависимые от них, но могущие совершать все службы и таинства (кроме священства, евхаристию — только на освященном епископом антиминсе, миропомазание — посредством им же освященной мирры). Диаконы были обязаны прислуживать епископам и пресвитерам, но не могли вести богослужение самостоятельно. Из таинств РПЦ лишь крещение могло совершаться мирянами (даже женщинами), но только в отсутствие клириков вплоть до псаломщика. Богослужения заштатных священников допускались только с согласия приходского священника и разрешения епархии[266]. Таким образом, богослужения всех самосвятов, а также заштатного духовенства, не имевшего на это разрешения иерархов РПЦ[267], считались нарушением канона. Государство учитывало это, используя легальную РПЦ в борьбе с нелегальной религиозностью. В определенной мере подобный курс реализовывался и в отношении других конфессий: так лидеры ВСЕХБ под давлением власти, как уже было показано, предписывали общинам ЕХБ воздерживаться от водного крещения молодежи, проводить его только летом и в уединенных местах, и т. д.

Тем не менее с середины 1940-х до конца 1950-х гг. подпольные приходы и их клир не ощущали централизованного давления. Видимо, власти тогда не воспринимали их как серьезную угрозу, хотя в первые послевоенные годы СДРПЦ рекомендовал уполномоченным бороться с незарегистрированным духовенством «через местные органы», но последние часто проявляли «безразличное отношение ко всяким видам религиозной деятельности»[268]. С

---

[266] *Булгаков С. В.* Настольная книга для священно-церковно-служителей … С. 736—748, 973—976.

[267] А. Л. Беглов отмечает массовую практику выдачи патриархией и епархиальными архиереями в 1944—1945 гг. указов не имевшим официальной регистрации, но желающим получить приход священникам, дававших право совершать богослужения в домах верующих, чтобы эти священники инициировали ходатайства об открытии церквей. См.: *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб» … С. 195—197.

[268] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 342. Л. 42; Д. 627. Л. 9; Д. 650. Л. 30.

1958 г. сворачивание нелегальных богослужений вписывается в общий курс на «окончательную» ликвидацию религиозности.

Столкновения власти и верующих на почве нелегальной религиозности остро проявились в первые послевоенные годы в Рязанской области. Уже в начале 1945 г. уполномоченный СДРПЦ информировал Совет о богослужениях незарегистрированных священников и «других лиц» в домах мирян, несмотря на 19 открытых церквей. В конце 1945 г. наряду с 37 легальными церквами он насчитывал около 100 «нелегальных молитвенных точек». Тамошнее духовенство неохотно шло служить в открытые церкви из-за высокого налогообложения. Значительная его часть не признавала патриарха и архиепископа Рязанского, называя их «красными», о чем было известно руководству области, требовавшему борьбы с нелегальным клиром и запретившему открытие церквей[269]. Фиксируя снижение посещаемости 12 сельских храмов, уполномоченный СДРПЦ отмечал распространение нелегальных молитвенных домов: в конце 1949 г. их действовало около 190 с 200 духовниками, на 1 июня 1950 г. — 120, а к началу 1951 г. — 40—60, что объяснялось притоком в область духовенства из заключения или в поисках вакантного прихода[270]. Эти сообщения оказались явно несвоевременными на фоне критики Совета со стороны ЦК ВКП(б) в 1948—1949 гг., сопровождавшей переход контроля над сферой государственно-церковных отношений от госструктур к отделу пропаганды и агитации ЦК, а также смещения в 1948 г. одного за другим двух первых секретарей Рязанского обкома ВКП(б) за провалы в сельском хозяйстве[271]. В 1951 г. с ревизией работы уполномоченного СДРПЦ в Рязань прибыли инспекторы СДРПЦ, уделившие особое внимание сообщениям о подпольных молельнях. Их отчет был нацелен на распределение ответственности за промахи в борьбе с подпольной религиозностью между СДРПЦ и рязанским руководством. Начав с утверждения о спаде в области «интереса к церкви», чиновники Совета констатировали, что в значительном

[269] Там же. Д. 34. Л. 81; Д. 48. Л. 153—154; Д. 346. Л. 168.
[270] Там же. Д. 504. Л. 141; Д. 781. Л. 9—10.
[271] ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945—1953 / сост. В. В. Денисов, А. В. Квашонкин, Л. Н. Малашенко, А. И. Минюк, М. Ю. Прозумещиков, О. В. Хлевнюк. М., 2004. С. 170—172, 178—183.

числе храмов это незаметно из-за «бесконтрольности» клира. Уполномоченный обвинялся в содействии «росту церковных организаций» и завышении данных о нелегальных молельнях[272]. На деле эти обвинения вряд ли можно считать справедливыми: уполномоченный был членом ВКП(б) с марта 1917 г., уже в 1920-е гг. выступал с антирелигиозными лекциями, весь предвоенный период находился на партийно-советской работе[273]. В отличие от сведений уполномоченного, к 1951 г., по мнению авторов отчета, в области проживало около 70 заштатных священников и лишь кое-где существовали «как бы постоянные дома, где периодически собираются верующие и проводятся церковные службы»[274]. Причинами распространения незарегистрированного клира назывались «слабая политико-просветительная работа» и узаконение подпольных молелен налогообложением. В обкоме ВКП(б) проверяющих заверили, что инициированное ими снятие уполномоченного будет обсуждено на бюро. СДРПЦ поддержал выводы ревизии[275]. После этого в 1952 г. в Москву пошли рапорты рязанских властей о «значительной работе» по обложению заштатного духовенства налогами, арестах «занимавшихся антисоветской деятельностью», в результате которых около 20 заштатных клириков присоединились к патриаршей РПЦ[276].

Но все эти меры не устраняли основных причин подпольных богослужений, в частности, административного ограничения количества легальных церквей. Чтобы затушевать проблему, с начала 1950-х гг. уполномоченные перестают приводить обобщенные данные по подпольным молельням. Во второй половине 1950-х гг. новый уполномоченный СДРПЦ по Рязанской области вновь сообщал Совету о заштатных священниках, бывших монахинях, самосвятах, которые исполняли требы, служили литургии в кре-

---

[272] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 10. Л. 20; Д. 497. Л. 38, 200, 203—204 ; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 781. Л. 41, 43, 49.
[273] *Гераськин Ю. В*. Русская православная церковь, верующие, власть … С. 56.
[274] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 781. Л. 47—48. Наличие в Рязанской области послевоенных лет большого количества подпольных молелен, заштатного духовенства и самосвятов подтверждается материалами этнографических экспедиций. См.: Русские Рязанского края. Т. 2. С. 237—241, 254—256, 260—263.
[275] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 497. Л. 205, 209; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 781. Л. 53.
[276] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 781. Л. 9—10.

стьянских домах и часовнях[277]. О том же сообщали уполномоченные СДРПЦ других областей[278].

СДРК использовал черту легальности более гибко: подталкивая «сектантские» общины к регистрации, он получал возможность учитывать нелегальные, хотя не все из них попадали в итоговую сводку. В ряде районов Рязанской области в 1946 г., наряду с подпольными молитвенными домами верующих РПЦ, действовали и незарегистрированные «сектантские» общины. Из них две наиболее крупные и компактные СДРК разрешил зарегистрировать, одну малочисленную и не имевшую своего помещения — «распустить», а прочие — изучать до дальнейших указаний[279]. 11 октября 1946 г. уполномоченный СДРК получил указание, из которого следовало, что «общих стандартных мер воздействия» против подпольных молелен нет. Рекомендовалось учитывать «местные условия»: количество верующих, степень их религиозности, «политическую целесообразность». В случае отказа в регистрации следовало, кроме предупреждения о незаконности нелегальных собраний, воздействовать на их участников «по линии административных органов», «использовать налоговый аппарат», зарегистрированный клир, «прикреплять» верующих к ближайшей зарегистрированной общине и т. п. Совет подчеркивал, что «элементы», на которые это не повлияет, «как политически враждебные» перестанут быть «объектами работы» уполномоченного[280]. Подобным образом действовали уполномоченные в Калининской, Орловской, Смоленской областях[281]. На 1 апреля 1951 г. в 10 областях Центрального Нечерноземья было выявлено 13 незарегистрированных групп старообрядцев и 55 — ЕХБ, на 1 января 1952 г. — 16 и 45 групп соответственно[282].

---

[277] Там же. Д. 1260. Л. 28; Д. 1367. Л. 8, 22; Д. 1778. Л. 11.
[278] ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 594. Л. 32 ; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 34. Л. 149; Д. 50. Л. 297—298; Д. 482. Л. 15, 51; Д. 485. Л. 4; Д. 500. Л. 32; Д. 765. Л. 50; Д. 777. Л. 25, 42; Д. 784. Л. 51; Д. 907. Л. 49; Д. 1130. Л. 11; Д. 1239. Л. 99, 100; Д. 1256. Л. 19; Д. 1361. Л. 44; Д. 1555. Л. 8—9 ; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 387. Л. 221, 223—224.
[279] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 833. Л. 6, 15, 20.
[280] Там же. Д. 833. Л. 51 ; ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 3. Л. 27, 32.
[281] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 692. Л. 49; Д. 693. Л. 6—7, 15, 37, 64—65, 74, 75—76, 78; Д. 695. Л. 9; Д. 798. Л. 4, 13—20, 24, 25, 65; Оп. 4. Д. 235. Л. 17 ; ГАСО. Ф. Р-985. Оп. 2. Д. 16. Л. 19.
[282] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 235. Л. 8, 10, 14, 17—18, 33, 36, 41, 47. 60; Д. 238. Л. 9, 11, 16, 18—19, 22, 33, 36.

Как и православное духовенство, клир ЕХБ также разделился в вопросе о связи с нелегальными общинами. Часть его регулярно бывала в них и совершала богослужения, считая это «своим долгом по вере»[283]. Распространенным в первые послевоенные годы было нарушение общинами и даже старшими пресвитерами ЕХБ требований ВСЕХБ и СДРК ограничить молитвенные собрания стенами молитвенных домов. Однако в Калининской области в 1947, 1948 гг. в ряде общин ЕХБ праздник урожая прошел не только с угощениями и в присутствии гостей из других общин и неверующих, но и на подворьях колхозников-баптистов. По наблюдениям уполномоченного по Орловской области, с точки зрения внутреннего распорядка 10 подпольных общин ЕХБ ничем не отличались от зарегистрированных: в них проводились молитвенные собрания, был выбран клир, исполнительные органы, ревкомиссии и т. п. Все общины, а не только зарегистрированные, получали журнал ВСЕХБ «Братский вестник», который читали даже неграмотным. После того, как старшему пресвитеру ЕХБ было запрещено посещать незарегистрированные общины без разрешения, количество его выездов в районы сократилось вдвое, но зато выросла переписка. То же самое наблюдалось и в Калужской области[284].

В то же время следует отметить, что, как и священнослужители РПЦ и РПСЦ, клир ЕХБ не мог игнорировать требования противодействовать влиянию нелегального духовенства, особенно пятидесятников, воспринимавшихся многими лидерами ЕХБ как угроза целостности общин[285]. В 1958 г. старшие пресвитеры ЕХБ на местах получили письма ВСЕХБ «О «пророках и пророчицах», «Об иноязыках» с указаниями не допускать к проповедям заезжих проповедников[286]. В Ливенском районе Орловской области при попытке пятидесятнического проповедника отколоть верующих ЕХБ они сами

[283] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 692. Л. 107—108; Д. 799. Л. 40.
[284] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 692. Л. 49; Д. 804. Л. 32; Д. 805. Л. 5, 7—8 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 49. Л. 41.
[285] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 693. Л. 5; Д. 696. Л. 38; Д. 799. Л. 61.
[286] Там же. Д. 804. Л. 24.

ему заявили: «Не дергайте готовые снопы, а приобретайте себе последователей из мирской среды»[287].

Распространенной была ситуация, когда к крупной легальной общине тяготели несколько мелких групп в отдаленных населенных пунктах, члены которых бывали на ее богослужениях от случая к случаю. В остальное время они собирались на молитву друг у друга по очереди, перенося место собраний по мере его обнаружения властями[288]. В деревнях Гусь-Хрустального района Владимирской области баптизм, как считал уполномоченный СДРК, уже в 1945 г. приобретал «искаженную форму», так как верующие не стремились создать общины, а устраивали собрания «в виде почитания “старцев”». Один них, отбывший срок за антисоветскую деятельность, заявил уполномоченному, что собираться они не прекратят, так как «верующие без религиозного общения друг с другом обходиться не могут». Верующие ЕХБ из Кировского района для участия в обряде хлебопреломления посещали легальные молитвенные дома Хоркинской и Осташковской общин, а рядовые богослужения — на дому у членов группы[289]. После выезда из пос. Селижарово лидера незарегистрированной группы ЕХБ ее собрания, раньше проводившиеся по домам верующих, прекратились. На расспросы уполномоченного те отвечали: «У нас в поселке остались верующие только неграмотные женщины, некому руководить собраниями». Ближайшая община была слишком далеко: «Вдвоем-втроем соберемся и побеседуем, а то при выезде к родственникам и по другим делам…»[290]

Тесная связь зарегистрированного клира с незарегистрированными общинами была характерна и для части старообрядческого духовенства[291]. Архиепископ старообрядческой церкви Иринарх в 1945 г. выдал священнику церкви г. Иванова как благочинному грамоту, уполномочивавшую его совершать обряды в населенных пунктах, где зарегистрированных общин не

---

[287] Там же. Д. 800. Л. 65.
[288] ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 49. Л. 11.
[289] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 692. Л. 49; Д. 693. Л. 6—7, 15, 37, 64—65, 74—76, 78; Д. 694. Л. 4, 9; Д. 695. Л. 2; Д. 696. Л. 16—17; Д. 805. Л. 9; Д. 806. Л. 4; Д. 833. Л. 27; Оп. 4. Д. 666. Л. 14.
[290] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 695. Л. 51.
[291] Там же. Д. 696. Л. 39—40; Д. 833. Л. 27.

было. Сходным образом поступал благочинный старообрядческой церкви в г. Костроме. Православный клир северных районов Калужской области объезжал верующих с молебнами, в том числе — и дома старообрядцев[292]. Старообрядцы Коломны и ее окрестностей собирались по домам членов общины и ездили на богослужения в старообрядческие храмы с. Алешина Егорьевского района, Москвы, Рязани[293]. В д. Шода Костромского района Костромской области в середине XX в. сложился монашеский скит, учтенный СДРК как незарегистрированная община. Хотя его обитательницы вели уединенную жизнь, как местные уроженки они были связаны родственными и другими связями с местным населением, поддерживали контакты не только с общинами своей области, но и Москвы и Брянской области. Ряд лет скит окормлялся старообрядческим духовенством[294]. Уполномоченные СДРК полагали единственным способом борьбы с такими собраниями адресное «усиление идейно-воспитательной работы»[295].

Фактором активизации и размежевания легальных и нелегальных общин являлось освобождение из заключения религиозных активистов в середине 1940-х и в 1956—1957 гг. Стремясь увеличить количество членов незарегистрированных общин за счет миссионерской деятельности, старший пресвитер ЕХБ по Калининской области уже в конце 1940-х гг. ставил вернувшихся из заключения баптистов во главе незарегистрированных общин ЕХБ, заявляя на возражения уполномоченного СДРК, что они «отбывали сроки “за дело божие”»[296]. Возвратившийся из заключения житель пос. Бежичи Брянской области призывал членов общин ЕХБ выходить из ВСЕХБ и бороться за создание самостоятельных общин и религиозного центра. Под его влиянием от Бежицкой общины ЕХБ откололось около 50 верующих. Действовали и

---

[292] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 682. Л. 8, 19 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 49. Л. 7 ; *Осипов В. И.* «Благословлю Господа на всяко время…» … С. 183.
[293] *Михайлов С. С.* История старообрядчества г. Коломна и его окрестностей. Коломна, 2013. С. 103—104.
[294] *Воронцова Е. В., Сундукова Д. А*. Старообрядческий скит в советской деревне: (не)заметное присутствие // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2020. Вып. 88. С. 83—102.
[295] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 695. Л. 9.
[296] Там же. Д. 692. Л. 108.

другие «раскольники»[297]. Такие подпольные общины еще в большей степени, чем легальные, тяготели к самоизоляции. Так, посещенный в середине 1958 г. уполномоченным СДРК по Брянской области на дому проповедник Комаричской группы пятидесятников от ответов на вопросы «о его религиозной деятельности» отказался, заявив, что «фамилию не спрашивайте — Бог знает, отбывал за веру заключение, хорошо знаю об установленной якобы за его домом слежке, но нарушений законов советской власти не делаю, собираемся верующие, молимся Богу и никто нам это не запретит». Руководимая им группа собиралась на молитву по воскресеньям, но всякий раз — в новых местах[298].

Другие пятидесятники, напротив, открыто заявляли о себе даже представителям власти. Одни из лидеров орловских пятидесятников на вопрос уполномоченного, почему его группа не хочет объединиться с общиной ЕХБ, как об этом ранее договорились в общесоюзном масштабе, ответил: «Как не может учение Ленина объединиться с другим учением противоположного направления, так и пятидесятники не могут объединиться с ЕХБ»[299]. Репрессии против лидеров нелегальных религиозных групп подчас вызывали всплеск их самоорганизации, помощь находившимся под следствием и осужденным[300]. Другим импульсом активизации, радикализации подпольных общин становилось выдавливание их за черту легальности. Так, даже после ареста лидеров иеговистов в Максатихинском районе, по мнению уполномоченного СДРК по Калининской области, в их группе оставались верующие, имевшие авторитет. Одна из иеговисток утверждала, что они «не признают наемных слуг Божиих, т. е. пресвитеров», высказывала разочарованность ЕХБ: «Евангельские только молятся в своих молитвенных домах. Богу нужны не молитвы, а дела. Молитвенные дома не доносят до народа слово Божие. Я была у родственников в Сибири. Там народ не знает, что такое Биб-

[297] Там же. Д. 662. Л. 4, 26, 80—81; Д. 663. Л. 28; Д. 665. Л. 9.
[298] Там же. Д. 663. Л. 86—87.
[299] Там же. Д. 805. Л. 21.
[300] Там же. Д. 659. Л. 202; Д. 798. Л. 67; Д. 804. Л. 9—10, 33; Д. 805. Л. 22.

лия. И у нас молитвенные дома находятся на 60 и больше километров один от другого»[301].

Подпольный молитвенный дом был не только порождением политики ограничения легально действующих церквей, но и адаптацией церковного канона под повседневные религиозные потребности, о чем свидетельствует его топография и воспроизводившиеся практики. На фоне легальных церквей он выделялся большей территориальной доступностью, дешевизной и широким спектром выполняемых треб. Его клир не только крестил, отпевал, причащал, служил литургии[302], но и выполнял обряды, за которые зарегистрированное духовенство снимали с регистрации: молебны о дожде или, напротив, «бездождии», «об уничтожении червя на полях», «об урожае», освящал посевы и скот, служил панихиды на братских могилах, в «святых местах», «снимал порчу», «изгонял бесов», «врачевал». Можно согласиться с мнением, что активность подпольного молитвенного дома в немалой степени зависела от авторитетности его лидера, готового объединить верующих и взять на себя обязанности священника, антирелигиозного настроя местной власти[303].

Большинство нелегальных молелен, посещенных уполномоченными СДРПЦ в 1950-е гг., представляли собой более или менее просторные частные дома, служба в которых велась с участием хора, часто — в сокращенной форме. Их внутреннее убранство формировалось в складчину и было скудным[304]. Таким был молитвенный дом в с. Доброводье Севского района Брянской области, действовавший в 1944—1951 гг. после закрытия церкви, которая при немцах располагалась в сельской школе. Ежегодно община переводила «храм» в другой дом. Богослужение велось трижды в неделю и по религиозным праздникам. Евангелие читала 25-летняя жительница села с 7-

---

[301] Там же. Д. 696. Л. 19—22, 26, 48—50; Д. 697. Л. 1—2, 24—25.

[302] Видимо, в каких-то случаях уполномоченные Совета принимали за литургию чтение самосвятами акафистов — гимнографических произведений в честь Христа, Богородицы и святых, при исполнении мирянами являющихся частной домашней молитвой, не равнозначной литургии. См.: Практическое руководство при совершении приходских треб. Сост. свящ. Н. Сильченков. Изд. 5-е, испр., печат. по изд. 1888 г. СПб., 1994. С. 103 [Электронный ресурс] : сайт «Типикон. Страница игумена Корнилия». URL: http://typikon.ru/books/treby.pdf (дата обращения: 15.06.2015).

[303] Русские Рязанского края. Т. 2. С. 241.

[304] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1157. Л. 25; Д. 1367. Л. 8, 22—23; Д. 1478. Л. 16; Д. 1581. Л. 6—7.

классным образованием под пение женского хора. Утварь «церкви» состояла из большой иконы, медного настольного креста, подсвечника и Евангелия[305]. В селе Мощеном Орловской области, напротив, богослужения проходили на кладбище «по церковному уставу», но без духовенства, сопровождаясь пением хора, как и в пос. Солодча Рязанской области, где верующие собирались в приспособленном здании, в Кинешемском районе Ивановской области — в землянке близ с. Введенье. Верующие сел Тимирязево и Черсево Владимирской области в конце 1950-х гг. молились без священника в снятых с регистрации храмах, а в ряде сел Московской области — около них[306].

Примерно так же выглядели нелегальные молитвенные дома старообрядцев, в которых отчетливо проявлялась профанация обрядности. В д. Закромский хутор Кромского района Орловской области действовала община старообрядцев старопоморского толка, 16 чел. которой, руководимые 72-летней местной жительницей, вели «монастырский образ жизни», не совершали бракосочетаний, крещений, похорон. В общине жила память о довоенных годах, противоборстве с приезжавшими «старообрядческими миссионерами» и гордость за свою общину как «новый Иерусалим», так как только в нем и на Соловках «правильно веровали в Бога». Среди соблюдавшихся запретов был отказ от мяса, алкоголя, курения, пользования одной посудой с иноверцами. Общинники «по священному писанию почитали царя и власть», на молитвенные собрания являлись в длинных черных пальто старинного покроя. Если раньше отлученный, но желающий присоединиться к общине произносил покаяние и уставщик накладывал на него пост, то в конце 1940-х гг. из-за отсутствия духовенства члены общины «приносили покаяние в своих грехах сестра сестре». Молитвенные собрания проходили за чтением Псалтыри, агиографии и молитв. Мужчин и молодежи на них не было[307].

Летом 1954 г. уполномоченным СДРК по Орловской области была обследована группа скопцов из 15 женщин (называвших себя «белыми голубя-

[305] Там же. Д. 759. Л. 41; Д. 1157. Л. 25; Д. 1367. Л. 8, 22—23; Д. 1478. Л. 16; Д. 1581. Л. 6—7.
[306] Там же. Д. 1256. Л. 19; Д. 1367. Л. 8; Д. 1469. Л. 59—60; Д. 1555. Л. 6; Д. 1558. Л. 37.
[307] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 799. Л. 5, 14—16; Д. 800. Л. 159.

ми») в д. Кнубрь Орловского района. Кнубрьские скопцы вели замкнутый образ жизни, не общались не только с колхозниками, но и с родственниками, но считались зажиточными: трудоспособные «на колхозных работах стремились быть примером для других», пунктуально уплачивали налоги и поставки. Большинство жило с приемными детьми родственников и готовилось принять еще несколько девушек. Молодежь работала на Орловской трикотажной фабрике, подвергаясь насмешкам работниц, которые называли их «монашками», «вековухами». Молитвенные собрания были редки и проходили в доме одной из «сестер». Община поддерживала связь с единоверцами из Орла и Кромского района. Вступающие в общину лишь приносили клятву об отречении от родителей и воздержании от мирских соблазнов, особенно брака. Некоторые посещали ближайшую православную церковь, приглашали ее священника, чтобы он отслужил молебен о дожде[308].

«Центром» скопчества области был дом шофера пожарной команды завода «Трансмаш» в г. Орле. Имея личную машину, он курсировал между группами скопцов в Орловском и Кромском районах и «проводил с ними свои молитвенные сборы». Отличием скопцов от прочих «сектантов» уполномоченный СДРК считал их уединенность, общение только с единоверцами, «ненависть к веселью», «взгляд на мирскую жизнь как на преступные действия», заманивание в «секту» молодых родственников посулами оставить в наследство имущество за безбрачие и т. д. Больших общин скопцов («кораблей») в области не отмечалось. Несмотря на «неавторитетность» скопцов среди местных («большинство колхозников осуждают скопцов за изуверскую деятельность»), отмечались обращения к ним за помощью («купить или позаимствовать каких-либо продуктов или денег»), в чем скопцы не отказывали. К 1960 г. в области было выявлено шесть групп скопцов в количестве 110 чел.[309]

[308] Там же. Д. 800. Л. 136—139.
[309] Там же. Д. 800. Л. 47—50; Д. 806. Л. 7—8.

В Кромском районе действовала группа ИПХ — тихоновцев, попавших в поле зрения власти из-за отказа голосовать на довыборах депутатов в местные Советы и не пускавших детей в школу. Группа состояла из единоличников и жила доходами от приусадебного хозяйства, кустарных промыслов и работ по найму. Нежелание голосовать они объясняли тем, что «не голосовали и при царе», как не ходили и не ходят в церковь из-за того, что «там попы сквернословят, они развратники и пьяницы». Семья ИПХ в пос. Герой жила в доме с заколоченными окнами, в которых были проделаны небольшие глазки. В отличие от скопцов, группа ИПХ пользовалась некоторым сочувствием «отсталой части» колхозников, помогавших ей материально[310]. В конце 1950-х гг. ИПХ были выявлены также в других районах области, а рост их числа в области связывался с освобождением из заключения их активистов[311].

Нелегальные богослужения в частных домах могли продолжаться десятилетиями. Так, ликвидировать «деятельность» монахини Евлампии и сплотившегося вокруг нее «монастыря» в с. Разрытом Мглинского района Брянской области пытались три сменявших друг друга уполномоченных СДРПЦ в 1947—1959 гг. В 1958 г. уполномоченный СДРПЦ оценил «деятельность вокруг имени Евлампии как вредную и требующую всяческих ограничений», предложив воздействовать на верующих убеждением и административно. СДРПЦ высказался за помещение Евлампии в больницу или инвалидный дом и привлечение организаторов «монастыря» к ответственности[312]. По информации Смоленского УКГБ, в 1957 г. в Вязьме действовало так называемое «монашеское подворье» из семи бывших монахинь, к одной из которых за «гаданиями» обращалось население[313].

Неканоничное в религиозных практиках сельского населения тесно переплеталось с каноном РПЦ и присутствовало даже в зарегистрированных храмах, что позволяет говорить об определенной «эластичности» отношения легальной РПЦ к части треб мирян, особенно если они были связаны с «чу-

[310] Там же. Д. 800. Л. 147, 164—165; Д. 801. Л. 43.
[311] Там же. Д. 805. Л. 22; Д. 806. Л. 8.
[312] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 172. Л. 26; Д. 1023. Л. 85; Д. 1346. Л. 42; Д. 1554. Л. 1—3, 5—6.
[313] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 387. Л. 307—308.

десами» и «знамениями». До 1917 г. иерархи РПЦ не подвергали сомнению возможность чудес вообще, хотя неоднозначно относились к некоторым требам, разграничивая «веру» и «суеверие», часто понимая под последним претензии мирян на личное созерцание чудесного или непосредственный контакт с ним[314]. Богослужебный обиход РПЦ включал храмовые и внехрамовые богослужения (требы), совершаемые «по нужде одного или нескольких лиц, во время, определяемое обстоятельствами их жизни»[315]. В дореволюционных «Требниках» (использовавшихся и в послевоенные годы) присутствовали обряды по случаю стихийных бедствий, «изгнания бесов», «снятия порчи», против падежа скота от «чародейства» и т. д.[316], однако нередким было их запрещение или призывы клиру «не устраивать вновь, кроме обычных» и «отправлять с осмотрительностью» и особого разрешения архиерея[317].

Выявленные случаи реакции епархиального руководства на исполнение легальным духовенством обрядов, связанных с «народным православием» и подвергавшихся из-за этого серьезной редукции, с одной стороны, позволяют согласиться с А. Л. Бегловым в том, что епископат РПЦ стремился принять подпольные приходы в лоно РПЦ, так как в них происходил «упадок традиционной церковной культуры», «трансформация богослужебных обычаев церковного подполья во внецерковные практики» по схемам народного пра-

---

[314] *Шевцова В. Ф.* Православие в России накануне 1917 г. С. 330, 332.

[315] *Никольский К.*, прот. Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. Репр. воспр. 7-го изд. 1907 г. М., 2008. С. 122.

[316] Требник митрополита Петра Могилы. Репр. воспр. изд. 1646 г. : в 3 ч. Часть третья требника : Различные воследования, молебны и молитвы, в различные потребы и нужды по времени и по потребе употребляемы, в себе содержащие. Київ, 1996. С. 308—403 ; Новая скрижаль или объяснение о церкви, о литургии и о всех службах и утварях церковных Вениамина, архиепископа Нижегородского и Арзамасского. Репр. воспр. 17-го изд. 1908 г. М., 1999. С. 272, 275. В дореволюционных изданиях есть и указания на официальное запрещение использования Требника Петра Могилы, что, впрочем, не останавливало духовенство от «отчиток» «бесноватых» даже в Москве. См.: *Краинский Н. В.* Порча, кликуши и бесноватые как явления русской народной жизни / предисл. акад. В. М. Бехтерева. Новгород, 1900. С. 174—175, 215. Современное переиздание этих молитв для духовенства РПЦ: Последования молебные об избавлении от духов нечистых. М., 1999 ; Требник. СПб., 1995. С. 173.

[317] *Никольский Н. М.* История русской церкви / науч. ред., автор вступ. статьи и коммент. Н. С. Гордиенко. 3-е изд. М., 1983. С. 233 ; *Шевцова В. Ф.* Православие в России накануне 1917 г. С. 201—212, 291—293 ; *Чистяков П. Г.*: 1) Почитание местных святынь в советское время: паломничество к источнику в Курской Коренной пустыни в 1940-е — 1950-е гг. // Религиоведение. 2006. № 1. С. 38, 47 ; 2) Почитание чудотворных икон в современном православии (Бронницкий список Иерусалимской иконы Богоматери) // Религиозные практики в современной России / под ред. К. Русселе и А. Агаджаняна. М., 2006. С. 214, 217 ; Практическое руководство при совершении приходских треб. С. 95 ; *Никольский К.*, прот. Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. С. 841—842.

вославия, ведущим к сектантству[318]. С другой, выступая против нарушения богослужебного канона, епископат объективно смыкался с курсом СДРПЦ на ограничение «пограничных» с «народным православием» зон каноничной религиозности. В одной из таких зон, как видно, продолжали жить вера в «бесовские силы» и способы избавления от них посредством «отчитки» священником или колдуном[319]. Несмотря на то что Синод указом от 13 мая 1773 г. запретил духовенству «отчитывать» «кликуш» (людей с «порчей», как считалось в народе), которых, по мнению его чиновников, следовало считать обманщицами, кликушество являлось массовым явлением вплоть до начала XX в.[320] В дореволюционные годы психиатры насчитывали на селе десятки тысяч кликуш, а само кликушество определяли как «обыденное явление народной жизни»: проявление «сомнамбулизма» вследствие поддерживаемой монастырями веры в «порчу» и «одержимость бесами» на фоне тяжелых условий жизни[321]. Кликушество встречалось и в послевоенные годы, формируя запрос на соответствующие требы[322]. Главы епархий за «отчитки» переводили священников в другие приходы или удаляли из епархии, а уполномоченные СДРПЦ снимали их с регистрации[323].

Переплетение элементов «народного православия» с каноничным церковным обиходом раздражало не только епископов РПЦ, стремящихся не провоцировать власти, но и зарегистрированных священников. В самосвятах они видели конкурентов, а в пользовавшихся их услугами — суеверных[324].

---

[318] *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб» … С. 194—207, 209.

[319] О многочисленных народных верованиях, связанных со смертью, болезнями или несчастьями, причиненными нечистой силой, способах избавиться от них при помощи священника или знахаря см.: Русский демонологический словарь / авт.-сост. Т. А. Новичкова. СПб., 1995. С. 49—52, 54—55, 57, 67—68, 78, 88, 143, 169, 173—174, 179, 204, 205—206, 238—242, 256, 258—259, 265—266, 267, 314, 401—402, 433—434, 598, 599, 607, 612 ; *Токарев С. А*. Религиозные верования восточно-славянских народов XIX — начала XX века / отв. ред. проф. С. И. Ковалев. Изд. 2-е. М., 2012. С. 148, 153—154.

[320] Русский демонологический словарь. С. 239.

[321] *Краинский Н. В*. Порча, кликуши и бесноватые … С. 208, 212—243 ; Русские Рязанского края. Т. 2. С. 509—510.

[322] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1260. Л. 28. Д. 1475. Л. 4—5. В литературе отмечается значительное распространение обычая «проползания» под святыней или ее «оползания», совершавшегося для избавления от какой-либо болезни или бедствия, как части «народного православия». См.: *Панченко А. А*. Исследования в области народного православия … С. 112—115.

[323] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 887. Л. 98—100; Д. 1481. Л. 3; Д. 1660. Л. 11; Д. 1675. Л. 18; Д. 1686. Л. 4; Д. 1773. Л. 3, 12; Д. 1778. Л. 12 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 1035. Л. 3.

[324] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 907. Л. 49; Д. 1478. Л. 18; Д. 1555. Л. 9; Д. 1578. Л. 20.

Как уже говорилось, в конце 1950-х гг. архиереи РПЦ, следуя решениям Синода и патриарха, принятым под давлением власти, запрещали зарегистрированному духовенству выполнение и вполне каноничных обрядов, вытесненных за грань легальности[325].

Другим следствием усилий власти по сворачиванию подпольной религиозности стал внутренний кризис в ВСЕХБ. Его проявлением (наряду с существованием нелегальных общин) явилось создание Инициативной группы и позже на ее основе — оппозиционного руководству ВСЕХБ Совета церквей ЕХБ, протестовавшего против черты легальности. Этот кризис был отчасти купирован введением постановлением СДРК № 21 от 16 октября 1965 г. процедуры автономной регистрации баптистских общин независимо от признания ими религиозных властей и авторитетов, числа верующих и наличия молитвенного дома. Каждая из общин могла легально существовать без подчинения религиозному центру, чем наносился удар по СЦ ЕХБ[326]. В областях Центрального Нечерноземья Инициативную группу поддержал ряд нелегальных общин баптистов Рязанской и Тульской областей[327].

В начале 1960-х гг., выполняя серию антирелигиозных постановлений, власти вновь провели негласный учет незарегистрированных религиозных групп. Если к январю 1948 г. в СССР, по неполным данным, было учтено 241 незарегистрированное объединение ЕХБ (14,1 тыс. участников), то к началу 1962 г. — 1728 зарегистрированных (170,5 тыс. чел.) и 1189 (32,2 тыс. чел.) незарегистрированных объединений, 5170 зарегистрированных и 985 чел. незарегистрированных клириков[328]. На 1 января 1962 г. в РСФСР, кроме состоящих на регистрации 2305 церквей и молитвенных домов РПЦ, действовало 684 (29,63 %) нелегальных, в том числе в Центральном Нечерноземье — 27[329]. На 1 января 1964 г. здесь насчитывалось 9 незарегистрированных религиозных объединений старообрядцев и 98 — ЕХБ, а также 5 объединений

---

[325] Там же. Д. 1686. Л. 28—29; Д. 1778. Л. 3 ; ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 9. Д. 933. Л. 9; Д. 1035. Л. 8.
[326] ГАРО. Ф. 5629. Оп. 1. Д. 98. Л. 3 ; *Никольская Т. К.* Русский протестантизм … С. 201—215, 240.
[327] ГАРО. Ф. 5629. Оп. 1. Д. 64. Л. 34—34 об. ; *Крючков Г. К.* Великое пробуждение XX века … С. 25.
[328] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 428. Л. 19, 20, 23.
[329] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 288. Л. 42.

ИПХ, 10 — пятидесятников, 2 — иеговистов, 2 — адвентстов, 3 — скопцов. На рубеже 1960—1970-х гг. был зафиксирован распад групп ИПХ в Рязанской, Тульской и Орловской областях, а в других регионах их состав заметно сократился[330].

Относительно малое количество подпольных молелен по сравнению с серединой 1940-х гг., когда СДРПЦ и СДРК еще не испытывали прессинга партийных структур и ориентировали уполномоченных на тщательный их учет, объясняется как объективными причинами — обострением общего кризиса традиционной духовной культуры села Центрального Нечерноземья по мере индустриализации сельхозпроизводства, ухода старшего поколения деревенских жителей, помнивших «малую» духовную традицию и пытавшихся ей следовать, нарастанием эффекта миграции в города, прогресса официальной культуры, так и усилением борьбы с любыми проявлениями религиозности как с элементами конкурирующей культуры, занижением ее масштабов по идеологическим соображениям.

Разделив религиозность деревни на легальную и нелегальную, власть обострила тягу сельских жителей Центрального Нечерноземья к богослужению, адаптированному под будничные потребности. Подпольные молитвенные дома послевоенных лет расширяли возможности для этого. Доступность, возможность совершить запрещенный и / или неканоничный обряд определяли их популярность и «законность» наравне с легальными храмами. Власть вела борьбу с подпольными молельнями и их клиром. Ее особенностью было долгое отсутствие централизованных мер прямого принуждения. Восстановив ситуацию синодального периода, когда РПЦ враждебно относилась к «народному православию» как средоточию неканоничных религиозных практик[331], государство уничтожало сложнодосягаемый для него пласт религиозности, опираясь в том числе и на легальную РПЦ, сначала медленно, а с 1958 г. все быстрее нивелируя многообразие духовной культуры деревни. В

---

[330] *Демьянов А. И.* Истинно православное христианство : Критика идеологии и деятельности. Воронеж, 1977. С. 42—43.

[331] *Чистяков П. Г.* Почитание чудотворных икон … С. 214, 217.

меньшей степени это касалось протестантских церквей с изначально более простой обрядностью, что, однако, не отменяло использование властью их легальной иерархии для подавления внутреннего инакомыслия и ряда ответвлений русского протестантизма, целиком выдавленных за грань легальности.

4.4. Метаморфозы культа региональных и местных святынь

Почитание святынь (водных источников, деревьев и других ландшафтных объектов, чудотворных икон, мощей, могил праведников и т. п.) было распространено в российской деревне в XIX в. и ранее[332] (в основном — у православных и старообрядцев). Высказываются разные мнения о функциях святынь в религиозной культуре. Согласно одному из них они являются символами малой родины, аккумулирующими коллективную память и локальную идентичность[333]. Такой взгляд позволяет приблизиться к пониманию обстоятельств и динамики трансформации почитания святынь в контексте феномена подпольной религиозности села Центрального Нечерноземья середины 1940-х — начала 1960-х гг.

Рассмотрим сначала ключевые институты культа региональных и местных святынь. Продолжительное время власть не вводила тотальный запрет внехрамовых богослужений, который поставил бы вне закона и значительную часть их культа. Постановление от 9 апреля 1929 г. допускало их, но только по особому и каждый раз вновь получаемому разрешению местной власти за две недели до церемонии[334]. Однако в конце 1920-х гг. выдача таких разрешений была прекращена, введен запрет на вынос священных пред-

---

[332] *Громыко М. М., Буганов А. В.* О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 137—155 ; Русские Рязанского края. Т. 2. С. 293—297, 327—330, 353—354 ; *Цеханская К. В.* Иконопочитание в русской традиционной культуре : дис. … д-ра ист. наук. М., 2005. С. 360.

[333] *Любимова Г. В.* Почитаемые места в народно-православной картине мира сельского населения Сибири // Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX—XX вв. / отв. ред. Е. Ф. Фурова. Новосибирск, 2006. С. 43.

[334] Русская Православная Церковь и коммунистическое государство … С. 259—260.

метов из храма[335]. «Возбуждение суеверия в массах» обманом и в корыстных целях преследовалось по ст. 123 УК РСФСР 1926 г. В военные годы внехрамовые богослужения под открытым небом оживилась. Власти предпочитали не замечать их, хотя в феврале 1944 г. СДРПЦ предписал не допускать крестных ходов (за исключением части богослужений), молений в поле и в «почитаемых верующими местах», освящений общественного скота, панихид на братских могилах, литургий вне храмов и т. п.[336]

Ужесточение политики в отношении святынь произошло в результате общего охлаждения государственно-церковных отношений в 1948—1949 гг. 27 июня 1948 г. СДРК запретил крестные ходы и молебны на полях вовсе и «рекомендовал» сделать это Синоду, 28 августа 1948 г. указавшему епархиям на их недопустимость[337]. Единственным разрешенным богослужением вне храма остался крестный ход на Пасху. В 1949 г. вне закона оказывается традиционный крещенский крестный ход (отныне воду следовало освящать в церковной ограде)[338]. Несколько лет после запрета крестных ходов и молебнов на полях не осведомленные о нем местные власти выдавали зарегистрированным священникам разрешения, а потом верующие стали звать самосвятов, служили молебен самостоятельно или в церкви[339].

После актуализации запрета внехрамовых богослужений в 1949 г. отчеты уполномоченных СДРПЦ пополнились «свидетельствами нарушения советского законодательства о культах», к которым было отнесено и около 60 случаев паломничества к святым местам (почти все — на территории РСФСР)[340]. 29 апреля 1953 г. в ЦК КПСС поступила докладная записка с предложением разработать план ликвидации «святых источников», к которым существовало паломничество, но отдел пропаганды и агитации ЦК в от-

---

[335] *Чистяков П. Г.* Религиозные практики в СССР: крестные ходы и молебны в 1920—1940-е гг. // История : электронный научно-образовательный журнал. 2013. Вып. 7 (23). URL: http://mes.igh.ru//s207987840000625-6-1 (дата обращения: 28.02.2015).

[336] *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб» … С. 186.

[337] *Чистяков П. Г.* Религиозные практики в СССР …

[338] *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб» … С. 186—187 ; *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь и верующие … С. 136.

[339] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 476. Л. 39, 40, 57, 74; Д. 482. Л. 40; Д. 500. Л. 32; Д. 650. Л. 30. 781; Д. 887. Л. 92; Д. 888. Л. 41; Д. 889. Л. 50; Д. 895. Л. 4; Д. 917. Л. 24.

[340] «Добиться закрытия так называемых “святых мест”». С. 120.

зыве на нее рекомендовал региональным парторганизациям ограничиться собственными мерами[341]. Об оживлении паломничества как о «религиозных предрассудках и суевериях» шла речь в постановлении ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. Хотя оно не требовало ликвидации паломничеств административным путем, на местах его поняли в этом смысле, что вылилось в «перегибы» и потребовало одергивания «местных организаций»[342]. У. Хун объясняет отсутствие прямого давления власти на паломничества в 1944—1954 гг. нежеланием сталинского руководства компрометировать себя в свете использования РПЦ в геополитических интересах, отношением к паломничествам как к паровому клапану, разряжавшему ситуацию в деревне и в целом как к безопасному явлению из-за того, что большинство его участников — пожилые женщины[343].

Общесоюзная кампания по ликвидации паломничества была открыта постановлением Президиума ЦК КПСС от 28 ноября 1958 г.[344] К этому времени сеть почитавшихся сакралий была серьезно подорвана. Традиционно объектами почитания верующих сельской местности были святыни в храмах, монастырях, домах мирян, ландшафтные объекты (преимущественно водные источники). Многократно ниже дореволюционной была численность зарегистрированных церквей, вобравших часть уцелевших почитаемых икон и других реликвий. Еще более заметный ущерб понесли часовни. В начале XX в. в центральных губерниях Европейской России наряду с 10 243 приходскими церквами РПЦ существовало 4704 часовни[345], отличавшиеся отсутствием алтаря и тем, что в них не совершалась литургия, а лишь читались молитвы и акафисты. К 1953 г. в Калининской области еще сохранялись сотни из них, пустовавшие или использовавшиеся под хозяйственные нужды, а в 1955 г.

---

[341] *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 349.

[342] КПСС в резолюциях … Т. 8. С. 446—450 ; *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь и верующие … С. 154—160.

[343] *Хун У.* С иконами и песнопениями, или епископ, сбежавший от своих прихожан : Массовые паломничества в России эпохи Сталина и Хрущева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3—4 (20). С. 243—244.

[344] «Добиться закрытия так называемых “святых мест”». С. 125—126.

[345] Подсчитано по: *Шевцова В. Ф.* Православие в России накануне 1917 г. С. 172 ; Смоленская епархия [Электронный ресурс] : сайт «Древо. Открытая православная энциклопедия». URL: http://drevo-info.ru/articles/9619.html (дата обращения: 11.11.2014).

было выявлено 34 «пункта», в которых верующие несколько раз в год собирались для молитвы без духовенства[346]. Богослужения в редких уцелевших часовнях или там, где они когда-то были, фиксировались и в других областях[347].

Еще в 1920-е гг. в стране были закрыты сотни монастырей[348] — средоточия почитаемых реликвий и центры паломничества. Если в 1907 г. только в 10 центральных епархиях РПЦ их насчитывалось 248, то к 1938 г. в РСФСР не осталось ни одного, а в октябре 1945 г. остались два (в Курской и Псковской областях)[349]. В 1946 г. возобновилась литургия в Троице-Сергиевой лавре[350]. К 1950 г. легализованных скитов и монастырей не было в Ярославо-Костромской и Московской епархиях РПСЦ[351].

Малым было количество доступных для почитания мощей святых, привлекавших верующих, несмотря на запрет в 1919—1920 гг.[352] К 1946 г. в краеведческих музеях, Музее истории религии и атеизма в Ленинграде, Киево-Печерской лавре находились 245 национализированных мощей. Вопреки резко отрицательному отношению председателя СДРПЦ Г. Г. Карпова к передаче даже их части РПЦ, более десяти особо чтимых было возвращено, в том числе мощи Сергия Радонежского[353].

К середине 1940-х гг. была существенно деформирована и традиция почитания икон общерусского значения и местночтимых. До революции у РПЦ не было твердых правил, по которым икона могла быть признана чудо-

---

[346] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1244. Л. 40; Д. 1351. Л. 14.

[347] *Кометчиков И. В.* «Заветы социализма» … С. 246 ; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 482. Л. 23—24, 91—92; Д. 1256. Л. 19.

[348] *Васильева О. Ю.* Судьбы русских монастырей в XX веке // Монашество и монастыри в истории России XI—XX века : исторические очерки / отв. ред. Н. В. Синицына. М., 2002. С. 332—336.

[349] Подсчитано по: Православные монастыри Российской империи. Полный список всех 1105 ныне существующих в 75 губерниях и областях России (и 2 иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин / сост. Л. И. Денисов. М., 1908. С. XI—XII ; *Васильева О. Ю.* Судьбы русских монастырей в XX веке. С. 336, 338.

[350] *Андроник (Трубачев)*, игумен. Закрытие Троице-Сергиевой лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918—1946 гг. М., 2008. С. 297.

[351] *Мануил (Чибисов)*, игумен. Белокриницкая иерархия … С. 368.

[352] Русская Православная Церковь и коммунистическое государство … С 59, 60.

[353] *Андроник (Трубачев)*, игумен. Закрытие Троице-Сергиевой лавры. С. 297 ; *Одинцов М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма … С. 343, 344 ; *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь и верующие … С. 93—94 ; *Семенко-Басин И. В.* Святость в русской православной культуре XX века : История персонификации. М., 2010. С. 96—107; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1664. Л. 25; Д. 1773. Л. 32—35.

творной. Духовенство и миряне часто считали таковыми иконы, не признанные РПЦ. Существовало мнение, что почитаемые иконы имелись в каждом приходе и деревне[354]. Несмотря на то что более правильно говорить не о сохранении верующими конкретной деревни «того самого» «явленного» образа, а скорее памяти о нем, выражавшей стремление иметь «свою» покровительницу и религиозный праздник, следует признать, что советская эпоха пробила в этой памяти значительные бреши. Например, если в конце XIX в. 298 из 802 церквей Рязанской епархии были связаны с именем Николая Чудотворца и почти все его резные иконы считались чудотворными, то в 1947 г. зарегистрированных церквей в области осталось 85[355]. Перечни «официально» чтимых чудотворных икон публиковались в церковных календарях, издаваемых РПЦ МП, и не превышали 250[356].

Таким образом, в послевоенные годы сеть «вещественных» сакралий была несопоставима с дореволюционным периодом. Ее в значительной мере уничтожили катастрофические для села события первой половины XX в., борьба с религиозностью и разрушение структур РПЦ и старообрядческих церквей. Распад сети сакралий, как и былой приходской сети и традиционной системы расселения, таким образом, неизбежно ударял и по традиции местного религиозного праздника, которая в значительной степени был вытеснена властью за черту легальности. С устранением его литургической части, состоявшей из богослужения в храме, крестного хода, молебна и праздничного колокольного звона, стиралась коллективная память о сельском святилище. Забвение престольного праздника после закрытия церкви подтверждается и воспоминаниями современников. Нередко это происходило под давлением председателей колхозов, боровшихся с прогулами[357]. Деревне остава-

---

[354] *Шевцова В. Ф.* Православие в России накануне 1917 г. С. 285—287.

[355] Русские Рязанского края. Т. 2. С. 397, 404 ; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 180. Л. 22[а]—25.

[356] Православный церковный календарь. 1945 г. С. 39—40 ; Православный церковный календарь на 1949 г. С. 59—60 ; Православный церковный календарь на 1952 г. С. 51—52 ; Православный церковный календарь на 1953 г. С. 61—62 ; Православный церковный календарь на 1956 г. С. 65—66 ; Православный церковный календарь на 1957 г. С. 70—71.

[357] *Севастьянова А. А.* Жизнь в центре рая : Советский райцентр 50-х — 60-х годов XX века. М., 2008. С. 108—110 ; Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / сост. и обраб. Е. М. Ковалев. М., 1996. С. 66.

лась мирская составляющая праздника: праздничное застолье, гулянье и обычай «гостевания» (чествование в гостях родственников и ответные визиты)[358]. Органическая связь между литургической и мирской частями утрачивалась, он становился поводом для отдыха, что подчеркивали многие уполномоченные СДРПЦ по итогам командировок в сельские районы[359].

Запрещая богослужения за пределами храма, закрывая многие из них и прерывая тем самым их основу — коллективную память о священном месте, власть вновь отводила РПЦ и ее духовенству известную по синодальному периоду роль в преодолении ряда феноменов народной религиозности. В этих условиях епархиальные власти требовали от клира избегать пограничных зон каноничности, в том числе участия в сельских религиозных праздниках за пределами храма под предлогом несоответствия этой традиции богослужебному канону[360]. Для большинства верующих оказалось почти невозможным дальнее паломничество, распространенное в дореволюционные годы. Основной формой почитания стало поклонение уцелевшим региональным и местным сакралиям, для борьбы с которым государство использовало традиционно враждебное отношение иерархов РПЦ к тем, что не вписывались в церковный обиход. Так, еще со времен петровской церковной реформы РПЦ МП считала суеверием поклонение любым местным святыням (в том числе чудотворным иконам в крестьянских домах), они изымались или изолировались, подозреваемые в слухах о «чудесах» преследовались[361].

Суммирование данных о региональных и местных святынях интересующего периода дает основание утверждать, что, несмотря на значительное сокращение количества сакралий, традиция их почитания в деревне Цен-

---

[358] *Тульцева Л. А*. Престольный праздник в картине мира (мироколице) православного крестьянина // Православная жизнь русских крестьян XIX—XX веков : Итоги этнографических исследований / отв. ред. Т. А. Листова. М., 2001. С. 134, 143, 146—156 ; Голоса крестьян … С. 65—70.

[359] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 181. Л. 50—50 об.; Д. 197. Л. 16; Д. 204. Л. 77; Д. 635. Л. 36—37; Д. 765. Л. 101; Д. 889. Л. 61; Д. 1346. Л. 18.

[360] *Кометчиков И. В*. «Заветы социализма» … С. 238—261.

[361] *Чистяков П. Г*.: 1) Отражение почитания местных святынь в архивах Русской Церкви (по материалам Центрального исторического архива Москвы) // Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее / под ред. А. Б. Безбородова. М., 2005. С. 283—287 ; 2) Почитание местных святынь в советское время … С. 38, 43—44 ; *Шевцова В. Ф*. Православие в России накануне 1917 г. С. 291, 314—331 ; *Платонов Е. В.* Почитаемые родники в XIX в.: роль «хранителя святыни» в формировании культа // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 163, 165—166, 169 ; Русские Рязанского края. Т. 2. С. 293—294.

трального Нечерноземья продолжала жить, хотя и была деформирована по сравнению с дореволюционной эпохой, став одной из форм преодоления введенной властью черты легальности. В этом убеждают различия в статусе святынь, которые можно разделить на «новообретенные» (культ «обновившихся» икон, «новообретенных» святых источников, вера в «чудесные явления» и т. п.) и сакралии, имевшие длительную традицию почитания (святые источники, чтимые иконы и мощи).

Святыни первого типа свидетельствовали о сохранении в сознании верующих села Центрального Нечерноземья способности к моделированию сакрального и демонстрации силы веры в условиях роста числа неверующих и атеизма. Проявлением этого можно считать так называемые обновившиеся иконы, то есть те, на которых произошло освежение изображения. До революции обновления воспринимались предзнаменованиями больших бед или радостей[362]. Подобным же образом религиозное сознание реагировало на это и в послевоенные годы. Местные власти изымали обновившиеся иконы, брали под стражу «соучастников» обновления, активизировали пропагандистскую работу в местностях, где оно происходило[363].

Аналогично начиналось поклонение ландшафтным объектам, особенно водным источникам (традиционно в их культе важную роль играла вода, считавшаяся носительницей божественной благодати[364]). С одной стороны, оно воспроизводило обычные для народного православия практики, а с другой — испытывало деформации из-за несоблюдения «нормальных» условий почитания. Для их сети также была характерна фрагментарность. Так, этнографические исследования выявили свидетельства почитания верующими Рязанской области 101 источника и 8 озер, большинства — с дореволюционного

---

[362] Русские Рязанского края. Т. 2. С. 438—439 ; *Шевцова В. Ф.* Православие в России накануне 1917 г. С. 294.

[363] В этом свете интересно указание на обычай мыть божницу перед большими праздниками и выливать воду в переднем углу, который существовал в русской деревне в XIX—XX вв. См.: *Цеханская К. В.* Иконы в народной жизни // Православная жизнь русских крестьян XIX—XX веков. С. 307 ; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 508. Л. 2—4, 12—14; Д. 657. Л. 1, 6, 37—39; Д. 1787. Л. 18 ; ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 34. Л. 10 ; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132; Д. 285. Л. 96, 99.

[364] Русские Рязанского края. Т. 2. С. 293.

времени, а в 1953 г. уполномоченный СДРПЦ — десяти[365]. Частое отсутствие поблизости действующей церкви и чудотворной иконы, посредством которых устанавливался контакт с сакральным, восполнялось купанием в источнике, выпиванием воды и забиранием ее с собой. На источниках «сектанты и церковники» устраивали исцеления «больных и грешников», заставляя их пить «святую» воду и обливаться ею[366]. Материалы о «новообретенных» святынях говорят об утилитарных мотивах паломничества (чаще всего — стремлении излечиться от заболеваний, узнать судьбу[367], принять участие в богослужении под открытым небом, совершить требу, недоступную из-за отдаленности легального храма или неканоничную), значительном количестве паломников, профанированном характере богослужений, проводимых заштатными или самозванными священниками.

Сходные деформации религиозных практик и мотивы их совершения просматриваются в почитании региональных и местных святынь с дореволюционной традицией. Всплеск паломничеств к водным источникам отмечался в 1946 г. в связи с засухой. Уполномоченный СДРК по Рязанской области в середине 1946 г. отметил, что из-за засухи «кликушествующий элемент» распространяет слухи, что это «Божье наказание», а «народ толпами от мала до велика выходит в поле и к водным источникам для совершения богослужения». При этом во всех населенных пунктах, где были «сектантские организации», проводились «молитвенные собрания, посвященные дождю»[368]. В Калужской области как целебный был известен источник св. Тихона близ бывшего монастыря Успения Пресвятой Богородицы — Калужской Свято-Тихоновой Пустыни. В начале 1950-х гг. накануне и в день св. Тихона его посещали около 10 тыс. паломников. Летом 1953 г., когда власти выставили заслоны, поток паломников составил 2 тыс. чел., в 1954 г. — около 3 тыс., в

[365] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1043. Л. 10, 18—21 ; Русские Рязанского края. Т. 2. С. 295.
[366] *Чистяков П. Г.* Почитание местных святынь в советское время … С. 41 ; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 781. Л. 31; Д. 911. Л. 34; Д. 1043. Л. 31—32; Д. 1266. Л. 15.
[367] Русские Рязанского края. Т. 2. С. 314—320.
[368] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 883. Л. 28.

1955 г. — 1,5 тыс., в 1958 г. — около 4 тыс.[369] В то же время не обнаруживалось массового паломничества к закрытой в феврале 1918 г. Свято-Введенской Козельской Оптиной Пустыни, имевшей до революции всероссийскую известность. Причинами этого, как представляется, могли быть расположение в 1949—1959 гг. на ее территории детского дома, в 1959—1988 гг. — училища по подготовке механизаторов[370], наличие в Козельском районе двух зарегистрированных церквей[371]. В Орловской области местами массового паломничества были 14 родников и колодцев в семи районах[372].

В дореволюционные годы широкое распространение имел обычай посещения иконами населенных пунктов в форме крестного хода[373]. В послевоенные годы верующие вынуждены были совершать паломничества в действующий храм или в частный дом, где они хранились[374]. Эта традиция жила в г. Тутаеве Ярославской области, куда на праздник иконы Спаса «поклониться» ей в городской собор прибывало несколько тысяч паломников. Крестьянки с. Радовицы Рязанской области ездили молиться «своему Николе» в церковь с. Туголес Московской области, икона которого ранее хранилась в Николо-Радовицком монастыре недалеко от их села[375].

С 1945 по начало 1960-х гг. СМ СССР, ЦК ВКП(б), СДРПЦ, региональные власти неоднократно инициировали учет незарегистрированных церквей, молелен, часовен, обслуживающего их незарегистрированного духовенства и самосвятов. В 1949 г. их было обнаружено около 60[376]. Указания о сборе данных о подпольных приходах содержались в постановлении СМ

---

[369] ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 594. Л. 34; Оп. 9. Д. 49. Л. 23, 53; Д. 327. Л. 89; Д. 728. Л. 14—15.
[370] Мужской монастырь Свято-Введенская Козельская Оптина Пустынь (ставропигиальный) [Электронный ресурс] : сайт Калужской митрополии РПЦ МП. URL: http://eparhia-kaluga.ru/kaluzhskaja-eparhija/monastyri/optina-pustyn.html (дата обращения: 28.06.2015).
[371] ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.
[372] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 781. Л. 10; Д. 911. Л. 33; Д. 1039. Л. 9—13, 15—16; Д. 1147. Л. 18.
[373] *Шевцова В. Ф.* Православие в России накануне 1917 г. С. 299—307 ; Русские Рязанского края. Т. 2. С. 348—349 ; *Цеханская К. В*. Иконопочитание в русской традиционной культуре. С. 369—370, 372—382.
[374] *Чистяков П. Г*. Религиозные практики в СССР …
[375] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 921. Л. 51 ; Русские Рязанского края. Т. 2. С. 376—373, 401, 404.
[376] «Добиться закрытия так называемых “святых мест”». С. 120 ; ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 81. Л. 25—26, 28—30, 35, 47.

СССР от 17 февраля 1955 г. № 259 и циркулярном письме СДРПЦ № 52 от 11 марта 1955 г.[377]

Началом общесоюзной кампании по «окончательной» ликвидации паломничества к «святым местам» стало принятие 28 ноября 1958 г. Президиумом ЦК КПСС постановления «О мерах по прекращению паломничества к так называемым “святым местам”», выполнение которого затронуло и ряд областей Центрального Нечерноземья[378]. В литературе отмечается, что эта была единственная акция хрущевского руководства в отношении религии, не вызвавшая однозначно отрицательной реакции у иерархов РПЦ, поскольку святые места воспринимались ими как угроза религиозной культуре[379]. После принятия постановления патриархия направила в епархии письмо с призывом разъяснять верующим недопустимость паломничества к святым местам[380]. На основании этого архиепископ Тульский и Белевский запретил духовенству освящение воды под открытым небом по просьбам верующих. То же потребовали от благочинных и настоятелей главы Орловско-Брянской, Калининской и Кашинской епархий[381]. Приходское духовенство нередко саботировало такие указания, так как они шли вразрез с религиозностью большинства прихожан: паломничество к водному источнику часто было связано с почитанием сакралии, хранящейся в зарегистрированной церкви[382].

К ликвидации продолжительное время существовавших «святых» источников и борьбе с паломничеством местные власти подходили системно. Действиям по разрушению культовых сооружений, ограждению, затоплению или хозяйственному использованию прилегающей территории предшествовало наблюдение, опросы местных жителей и священников, лекционные мероприятия, активизация пропагандистской работы и деятельности учреждений культуры. Нередко между активистами и верующими шла борьба: одни

---

[377] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1244. Л. 42—43.
[378] «Добиться закрытия так называемых “святых мест”». С. 125—126.
[379] *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб» … С. 240—241 ; *Чумаченко Т. А*. Государство, православная церковь и верующие … С. 186.
[380] *Чумаченко Т. А*. Государство, православная церковь и верующие … С. 187.
[381] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1659. Л. 27; Д. 1664. Л. 26; Д. 1686. Л. 29; Д. 1689. Л. 21.
[382] Там же. Д. 1659. Л. 28; Д. 1689. Л. 34.

засыпали источник, а вторые вновь его очищали и восстанавливали[383]. Живучесть традиции паломничества к «святым источникам» объяснялась не в последнюю очередь малым количеством действующих храмов и крайне ветхим их состоянием: нередко «святой источник» присваивал функцию храма[384].

У местных святынь, часовен, а также в приходах зарегистрированных храмов чиновники регулярно фиксировали присутствие знахарей, «шарлатанов», «пророков», «целителей» и других сельских маргиналов — представителей «народной медицины». Все они соглашались на совершение обрядов, за которые зарегистрированный клир снимали с регистрации[385].

Таким образом, культ региональных и местных святынь в послевоенной деревне Центрального Нечерноземья поддерживался потребностью верующих в доступном (как в географическом и материальном отношениях, так и с точки зрения духовного опыта) сакральном месте / времени, хранил память о локальной духовной идентичности. Однако изменения в жизни села в послевоенные годы, запрет подпольной религиозности трансформировали культ святынь, вытесняли большинство из них в подполье и заставляли преодолевать рутину запрета. Там, где фрагменты дореволюционной сети святынь сохранялись, они часто приобретали функции близкого и доступного храма, в большинстве случаев отсутствовавшего, став местом не только праздничной молитвы, но и совершения разрешенных и запрещенных треб, в какой-то степени компенсировавшим узость легальной обрядности. В начале исследуемого периода религиозное сознание деревни демонстрировало способность не только поддерживать сохранившиеся культы, но и генерировать новые, что воспринималось властью как вызов атеистической политике. В борьбе с ними использовалось традиционно неоднозначное отношение церковных иерархов и части зарегистрированного духовенства к почитанию местных святынь, видевших в них угрозу каноническому церковному обихо-

[383] Там же. Д. 650. Л. 53; Д. 759. Л. 95; Д. 781. Л. 10; Д. 911. Л. 33; Д. 1039. Л. 9—16; Д. 1043. Л. 10; Д. 1049. Л. 27; Д. 1151. Л. 30; Д. 1475. Л. 12; Д. 1567. Л. 60—61; Д. 1659. Л. 25—27; Д. 1664. Л. 25—26; Д. 1672. Л. 45, 63—64, 69; Д. 1675. Л. 35—36; Д. 1773. Л. 18—19; Д. 1787. Л. 27, 56.
[384] Там же. Д. 1773. Л. 18—19.
[385] Там же. Д. 650. Л. 52; Д. 759. Л. 101; Д. 887. Л. 98—100; Д. 1130. Л. 9—10, 12; Д. 1240. Л. 53; Д. 1260. Л. 28—29; Д. 1775. Л. 21; Д. 1778. Л. 11.

ду и легальному приходу. Важность этой борьбы, оформленной как «устранение нарушений законодательства о культах», определялась задачами «окончательного» сворачивания традиционной духовной культуры деревни. Форсированное устранение фрагментов былой сети сакралий совпало с радикальным сокращением числа зарегистрированных храмов в конце 1950-х — начале 1960-х гг. и способствовало окончательному размыванию «малой» духовной традиции деревни Центрального Нечерноземья.

Заключение

Проведенное исследование показало, что в повседневных взаимоотношениях власти и сельского социума Центрального Нечерноземья на протяжении 1945 — начала 1960-х гг. в сферах хозяйственной, политической жизни, культуры и религиозности усиливались начала «регулярного» бюрократического господства, шло приспособление институтов власти к функционированию в условиях мирного времени. Этот процесс характеризовался неравномерностью контроля власти над разными сферами жизни сельского населения, формированием застойных явлений в большинстве из них, высокой латентной конфликтностью с доминированием приспособительного поведения деревни, понижавшей эффективность политики утверждения в аграрном строе государственного капитализма. В изучаемом регионе он имел ряд особенностей.

Из всех изученных сфер жизни деревни наименьший прогресс контроля власти отмечается в ключевой для нее хозяйственной сфере. Несмотря на закрепление и усовершенствование созданной в довоенные годы системы учета основных экономических ресурсов и рабочей силы, выраженной в бухгалтерском и статучете, концентрации все большей их части в колхозах, совхозах и МТС, а после реформы МТС и начала массовой совхозизации — в госхозах — при их сокращении на подворьях населения, отладку обеспечивавших поземельные отношения систем учета земли и землепользований, повинностей деревни, паспортной системы, попытки детальной регламентации организации и оплаты труда в сельском хозяйстве и отходничестве, усиление контроля за финансами посредством государственной бюджетной и ценовой политики, процесс регламентации хозяйственной жизни нарушался рядом инициированных властью преобразований. Важнейшими из них стали замена решений сентябрьского пленума ЦК КПСС (1953 г.) об интенсификации сельского хозяйства староосвоенных районов курсом на освоение целины, форсированное проведение реформы МТС и совхозизация, директивное сво-

рачивание травопольной системы земледелия, повсеместное внедрение посевов кукурузы и бобовых и др. Все это стало факторами пробуксовки аграрной политики в хозяйственной сфере на началах рационализации и бюрократизации.

Гораздо более выраженным разрастание контроля власти над сельским социумом было в политической сфере. Дефицит трудовых ресурсов деревни, не компенсировавшийся ни ростом их человеческого капитала, ни прогрессом механизации и электрификации сельхозпроизводства, обусловил длительное доминирование на селе внеэкономического принуждения, институциализированного еще в довоенные годы. Большое значение в этой связи приобрела отладка институтов политической власти. Весь изучаемый период происходила оптимизация системы административно-территориального деления, структуры и штатов парт- и госаппарата регионального и районного звена, их актива и номенклатуры, структуры и штатов низовых советских органов, сети первичных парторганизаций деревни к потребностям управления экономикой. Принципами их функционирования являлись сверхцентрализация непосредственной власти над деревней в парт- и госорганах региона и сельского района, доминирование в их работе хозяйственной повестки, концентрация на как можно более точном учете хозяйственных и административно-политических ресурсов подведомственной территории, деление всего населения на категории по принципу безусловной лояльности советскому строю и т. п. Однако для воплощения таких черт «тоталитарного синдрома», как «тотальный террор» и «тотальная «пропаганда», у власти долгое время не хватало материальных, кадровых и административных ресурсов. Ее институты на селе середины 1940-х – середины 1950-х гг. функционировали, скорее, как звенья архаичной администрации, нежели тоталитарный бюрократический аппарат.

Действительное же «оповседневнивание» контактов власти с сельским населением на основе бюрократизации происходит лишь в конце 1950-х – начале 1960-х гг. как ответ на рост капитализации сельского хозяйства реги-

она. К началу 1960-х гг. без существенных изменений сохраняются все основные институты непосредственной политической власти над деревней, сложившиеся в 1930-е гг., в их функционировании сворачиваются только наиболее одиозные и излишние в изменившихся условиях практики (например, такая черта чрезвычайщины, как институт уполномоченных, тотальная проверка на лояльность биографий принимаемых на работу и т. д.) «Оповседневнивание» функционирования низовых советских органов и первичных парторганизаций окончательно делает их инструментами в руках сначала надпрозводственного менеджмента региона, района, а затем — и протобуржуазии деревни.

Разрастание политического контроля в форме бюрократизации стало неизбежной и настойчиво продвигаемой верховной властью тенденцией, подстегиваемой дефицитом капиталовложений и хронической нехваткой трудовых ресурсов. Во многом поэтому, а также вследствие роста масштабов, усложнения отраслевой структуры сельхозпроизводства к концу 1950-х гг. постепенно бюрократизируются как сами институты политической власти, так и их функционирование. Залогом успешности политического руководства индустриализованным сельским хозяйством региона, района становится не столько политическое, сколько специализированное образование чиновников, их умение не только говорить на «партийном языке», но и квалифицированно маневрировать большими объемами материальных ресурсов и рабочей силы.

В самосознании представителей регионального и районного парт- и госруководства происходит поворот от «комиссарства» и «партизанщины» военных и первых послевоенных лет к деловой респектабельности. На «деловой стиль» переводится рутина работы регионального и районного партаппарата: в начале 1960-х гг. в практику входят регламенты рассмотрения вопросов повестки дня, оптимизируется работа с кадровыми номенклатурами, их объемы существенно сокращаются, подбор все большей доли начальников на селе перепоручается руководителям колхозно-совхозного производства. Ин-

ститут уполномоченных сужается до небольшого перечня ключевых руководящих работников областного и районного аппарата, выезжающих на село только в момент настоящих авралов. Основная тяжесть повседневной работы по руководству деревней ложится на плечи штатного аппарата партийных и советских органов, которая отныне в полной мере становится его рутиной. Объем политической власти хозяйственного руководства увеличивается как формально (путем его включения в составы бюро и секретариатов партийных органов, исполкомы Советов), так и за счет наделения все новыми и новыми полномочиями по фактическому распоряжению хозяйственными ресурсами в ходе реформы совнархозов, разделения регионального и районного звена власти и управления по отраслевому принципу. В начале 1960-х гг. влияние могущественной сельской протобуржуазии деревни все сильнее теснит политическую власть представителей надпроизводственного менеджмента.

Не менее заметным был прогресс контроля власти в сфере культуры. Важной его предпосылкой стала стабильность идеологии, пронизывавшей все сферы монополизированного символического насилия: без изменений остались все базовые конструкции: концепции диктатуры пролетариата, морально-политического единства советского общества как его движущей силы, тезис о КПСС как ядре всех общественных и государственных организаций, и т. д.

Локомотивом этого процесса стал значительный рост доступности для деревни основных институтов советской культуры — прежде всего периодической печати, радио, кино, лекционной пропаганды, а с конца 1950-х — начала 1960-х гг. и телевидения при практически полной подконтрольности их власти. По показателям охвата сельского населения СМИ и кинофикацией Центральное Нечерноземье к началу 1960-х гг. постепенно приближалось к показателям среднеразвитых стран Запада. Наиболее «застойным», «оповседневненным» институтом культуры на селе как с точки зрения состояния материальной базы, так и разнообразия форм работы с населением являлись сельские культпросветучреждения. Можно сказать, что к началу 1960-х гг.

благодаря созданию и отладке относительно стройной системы воздействия, практически закрытой от проникновений извне, власть в целом успешно реализовала монополию на легитимное символическое насилие в формах информирования людей о текущих событиях, организации их досуга, бывшую прямой проекцией ее господства в политической сфере.

Практически полностью подконтрольной власти была и сфера религиозности — единственная частично легализованная сфера смыслов вне официальной идеологии. Основным рычагом ее контроля стала введенная в 1929 г. черта легальности, главным проводником которой в изучаемый период являлись СДРПЦ и СДРК с их уполномоченными в регионах. Посредством черты легальности феномены религиозности были поделены на допускавшиеся и поставленные вне закона. Смысл поворота Советского государства к религиозным организациям и верующим 1943—1944 гг. состоял, прежде всего, в установлении контроля власти над этой сферой посредством специально созданных «регулярных» институтов. Закулисной особенностью их функционирования было применение ими не только административных мер, но и авторитета легализованных церквей. Контроль за общинами легализованных конфессий стал регулярным, а проявления нелегальной религиозности были идентифицированы, типизированы и помещены под негласный надзор. Именно успешность контоля сферы религиозности обусловила отказ государства от тотального запрета религии и религиозных организаций, поскольку они более не представляли для него экзистенциальной угрозы.

Таким образом, при сопоставлении прогресса институтов власти между изученными сферами жизни деревни выясняется, что наиболее «оповседневненным» был контроль власти над сферой политической жизни и в наиболее тесно связанных с ней идеологией сферах культуры и религиозности, а наименее — в хозяйственной сфере.

Степень прогресса контроля власти в изученных сферах оказалась обратно пропорциональна активности и успешности попыток его преодоления сельским социумом. Так, наибольшее преодоление контроля власти произо-

шло в наименее «оповседневненной» хозяйственной жизни. Стержнем этого преодоления можно считать феномен социального иммунитета — систему приспособительного поведения сельского социума по отношению к разрушительным для его уклада жизни сторонам власти и ее политики. В структуре социального иммунитета можно выделить, как минимум, два пласта, бывших источниками поведенческих стратегий в отношении институтов власти и особенностей их функционирования в хозяйственной сфере. Наиболее глубоким пластом выступал доколхозной опыт, в котором продолжали жить нормы «моральной экономики». Именно к нему восходили такие социальные практики, как переделы земель приусадебного фонда при его нехватке в колхозах в соответствии с «общинными» представлениями о справедливости, требования дополнительного обложения налогами дворов, в которых были отходники, в пользу работавших в колхозе, уравнительное распределение работы и ее оплаты в колхозе и т. п. Этот пласт как наиболее консервативный был прежде всего направлен на сохранение общинных традиций как способов коллективной самоорганизации деревни для удовлетворения хозяйственных требований власти.

Пласт социального иммунитета, сформировавшийся в условиях колхозного строя, был более и прежде всего приспособленным к интересам сформировавшихся в колхозный период страт деревни. К нему можно отнести такие социальные феномены, как махинации с колхозной землей, материальными ценностями, хлебоприемными документами и другой отчетностью о выполнении повинностей перед государством, саботаж их выполнения, «черные кассы» колхозов, борьба за выгодные должности в колхозных администрациях, эксплуатация в своих интересах сложной сельхозтехники и транспорта, домогательство выплат и льгот от власти в адресованных ей письмах и т. д. Многие из выявленных стратегий поведения в рамках этого пласта социального иммунитета были доступны почти исключительно представителям конкретных страт, специализировавшихся на работе с капиталами определенного рода (так, рабочей аристократии была доступна сложная сельхозтех-

ника и автотранспорт, бухгалтерам известна система учета и отчетности сельхозпроизводства, плановикам — особенности его планирования, зоотехникам — правила выбраковки скота и т. д.).

К началу 1960-х гг. преодоление сельским социумом контроля власти в форме многих феноменов социального иммунитета стало неактуальным, в чем отразилась как его неспособность противостоять централизации, специализации, профессионализации, бюрократизации власти, так и непоследовательность аграрной политики хрущевской эпохи. Раньше всего неактуальным, с социальной точки зрения, стал доколхозный пласт социального иммунитета: так, введение ежемесячного авансирования деньгами колхозников сделало невыгодными многие формы уравнительного распределения и оплаты труда в общественном хозяйстве, административные препоны ведению хозяйства на подворье, невыгодная в сравнении с городскими заработками конъюнктура колхозного рынка обусловили рост отказов от приусадебных участков, т. д.

Пласт поведения, выработанный представителями отдельных страт в колхозный период, был более устойчив, хотя и он постепенно становился пережитком (так, из-за расширения возможностей более выгодного заработка вне сельского хозяйства стало в принципе невыгодно захватывать несколько соток приусадебной земли и вообще вести «многоотраслевое» хозяйство на личном подворье, вследствие более плотного контроля власти за колхозными финансами сократился масштаб «черных касс», а, следовательно — и возможности нелегального материального стимулирования ряда категорий колхозников, и т. д.). В то же время сам по себе социальный иммунитет деревни как форма преодоления рутины власти оказался неистребим, ярко проявил свой активный, «наступательный» по отношению к аграрному курсу, характер, значительно повлиял на взаимоотношения власти и деревни Центрального Нечерноземья.

Весь изучаемый период власть смотрела на проявления социального иммунитета как на нарушение закона, что неудивительно, ведь он девальви-

ровал ее усилия по как можно более плотной регламентации деревенской жизни. Это отразилось в идеологии, праве, административной рутине, культ-просветработе, осмыслении истории села в советской исторической науке. Напротив, для населения социальный иммунитет стал важнейшим средством улучшить свое материальное и социальное положение. Поэтому сомнительным выглядит и тезис о единодушии между властью и сельским населением Центрального Нечерноземья по поводу основных параметров строя – другой центральный постулат концепта «диктатуры пролетариата», «тоталитарной модели» и теории индустриализма. Капитализация сельского хозяйства Центрального Нечерноземья сопровождалась формированием иерархии новых социальных страт деревни и их повседневных взаимоотношений друг с другом и властью, которые шли на смену «общинным» повседневным взаимодействиям. Вместо «моральной экономики» раннеколхозного периода, ориентированной на одновременное обеспечение потребностей власти и выживания большинства «тяглого» населения, каждая из страт пыталась установить собственный консенсус с рутиной власти, вырабатывала свои стратегии активной адаптации («социальный иммунитет»), избегая при этом жесткой конфронтации. Стратегии нижних страт были нацелены на сохранение базовых характеристик их статуса, высших – на конвертацию статусных преимуществ в различные блага и обеспечение выгодной социальной мобильности, активное «встраивание» в систему государственного капитализма на селе.

Необходимость противостояния многообразным проявлениям социального иммунитета заставляла власть тратить колоссальные ресурсы на поддержание в деревне хотя бы элементарного порядка (как она его понимала), адаптировать к его преодолению структуру, штаты, функционирование своих органов и подконтрольных им структур, разрабатывать и внедрять хотя бы отчасти парировавшее его проявления законодательство, затратные по издержкам и сомнительные по результатам программы оптимизации системы расселения и т. д. Все это существенно понижало эффективность институтов власти, было одной из главных причин ее неспособности решить десятилети-

ями копившиеся проблемы колхозно-совхозной экономики: относительно низкую эффективность, нарастающую миграцию из деревни наиболее активной и работоспособной части ее жителей, периодические авралы при проведении основных сельхозработ, повысить недостаточный по сравнению с потребностями уровень развития энергетической, транспортной, социальной и другой инфраструктуры. В основе всего этого, в конечном счете, лежал недостаточный уровень контроля бюрократии в экономической сфере, погруженной в борьбу с социальным иммунитетом деревни и другими формами преодоления рутины.

Гораздо больший прогресс контроля власти в политической сфере, чем в хозяйственной, обусловил сравнительно небольшое распространение протеста сельского социума как формы преодоления прессинга власти, если понимать под ним демонстрацию открытого несогласия, стремление и готовность к жесткой конфронтации с ней. Это делало протест в принципе бесперспективным и опасным для протестующих, особенно в эпоху хрущевской «оттепели», когда плотность низовых структур власти на селе Центрального Нечерноземья существенно возросла, деревня впервые стала полностью охватываться сетью первичных парторганизаций, соблюдалась формальная сторона функционирования низовых советских структур и т. д. Все это часто позволяло власти оперативно выявлять протестующих и глушить протест. На протяжении изучаемого периода большинство жителей села усвоили границы дозволенного и стремились их не пересекать, что трактовалось властью как важный показатель «морально-политического единства».

Формами преодоления контроля власти в политической сфере стало приспособление деревни к формальным нормам и функционированию низовых политических институций, нацеленное прежде всего на их использование в собственных интересах. Здесь процветали формализм, непотизм, кумовство, двоемыслие, очковтирательство, попытки манипулирования официальным дискурсом и структурами вышестоящей власти, самоснабжение и т. п., апробированные еще в довоенные годы, а в послевоенный период ставшие

рутинными, как и обусловившая их появление рутина власти. Центральная власть безуспешно пыталась купировать это реформами регионального и районного аппарата, мобилизациями городских коммунистов для работы в деревне, усилением ротации руководящих кадров, более тщательным отбором в партию, а в первые послевоенные годы — чистками ее рядов и других официальных структур от проштрафившихся. Устойчивость способов преодоления рутины власти в политической сфере и столь же стабильный набор мер борьбы с ней, многие из которых были в ходу еще в предвоенные годы, свидетельствовали о «застое» в политической сфере вследствие достижения баланса контроля власти и форм его преодоления деревней.

В преодолении контроля власти в сфере культуры сельский социум также черпал социальные практики из двух пластов своего опыта. Более глубоким из них была традиционная культура, заполнявшая не занятые советской культурой пространства и порой конкурировавшая с ней в силу неразвитости институтов последней в конкретной местности. Но в изучаемый период традиционная культура уже утратила свою целостность и бытовала в таких отдельных элементах, как традиция кулачных боев между жителями отдельных селений в дни религиозных праздников, обычай гостевания, гуляний молодежи «по хатам» с азартными играми, гаданиями, старинными танцами и песнями, доживала в обрывках старых свадебных обрядов и т. п. К концу изучаемого периода большинство подобных феноменов исчезло, не выдержав конкуренции с институтами и практиками советской культуры.

Пласт, сформировавшийся в период колхозного строя, составили практики, производные от институтов советской культуры и в определенной мере ей противостоявшие: незаконное изготовление радиоаппаратуры и несанкционированный выход в эфир, слушание передач зарубежных радиостанций, просмотр запрещенных к показу на селе зарубежных кинофильмов и т. п. Стоит отметить и растущую дифференциацию основных страт сельского населения по степени доступности идущих от власти «культурных благ»: чем выше была страта, к которой принадлежал тот или иной сельский житель,

тем выше в среднем для него была их доступность, особенно, таких передовых, по меркам изучаемого периода, как кино, радио и телевидение. При этом, как уже говорилось, практически полное доминирование институтов советской культуры, их выраженный прогресс на селе к концу 1950-х — началу 1960-х гг. на основе роста доступности, особенно СМИ и кино, позволял власти сравнительно легко блокировать попытки преодолевать рутину советской культуры, держать их в узких рамках, что также вело к закостенению этой сферы жизни деревни.

Сходным образом протекало преодоление контроля власти и в сфере религиозности, где сельский социум также задействовал как глубинный пласт своей духовной культуры, так и наслоения колхозного времени. Феноменами, происходившими из глубинного пласта, являлись все формы религиозности, оказавшиеся после 1929 г. за чертой легальности (для православных и старообрядцев — петиции власти об открытии храмов, традиция паломничества к святым местам, культ сакралий, не признанных таковыми легализованными церквами, несанкционированные богослужения вне стен храма, для ЕХБ — свободное совершение обряда водного крещения как основной способ евангелизации, для всех распространенных в деревне Центрального Нечерноземья конфессий — традиции благотворительности, монашества, рукодельных, библейских и других кружков при религиозных общинах, почти любые формы передачи религиозной традиции детям и юношеству и др.). Все они сразу и однозначно были отнесены к нарушениям советского законодательства о культах и методично искоренялись, если о них становилось известно.

Новациями преодоления контроля власти в сфере религиозности послевоенной эпохи стало значительное распространение самозванного клира и подпольных молитвенных собраний (для запрещенных конфессий последнее стало единственной формой существования), приспособление к сложившимся условиям инфраструктуры легальных общин, переход ряда важных функций по сохранению религиозной традиции в религиозных общинах женщи-

нам (особенно заметное — у протестантов и старообрядцев), и др. Однако, как и в сфере культуры, успехи контроля над религиозностью были настолько очевидными, что это привело к застою в религиозности, нивелированию даже того спектра ее форм, которые существовали в середине 1940-х гг., затуханию, самоизоляции многих общин, маргинализации и преследованию властью многих активных верующих, дифференциации населения по критерию религиозности в зависимости от социальной страты: чем выше она была, тем ниже в среднем была выраженность религиозности, стремления «держаться старины».

«Сплавление» рутины власти и ее преодоления деревней Центрального Нечерноземья оформилось в образ их повседневных взаимоотношений, в котором к началу 1960-х гг., по терминологии Б. Вальденфельса, «разжижение» повседневности в хозяйственной сфере сосуществовало с «застоем» в политической сфере, сферах культуры и религиозности. Именно в этих трех последних сферах контроль власти над деревней был наибольшим. Основным же генератором новаций становится хозяйственная сфера.

Неудивительно поэтому, что важнейшими проявлениями неравномерности контроля власти над селом стал переток существенной части энергии сельского социума в наименее регламентированную хозяйственную сферу на грани и за пределами капитализированного сельского хозяйства, нивелирование былого многообразия взаимодействий власти и деревни в целом, их редукция к формальным контактам в рамках рутины официальных институтов, существенное снижение уровня доверия людей власти, выразившиеся в росте социальной апатии на селе, ускорении миграции в города, запустении тысяч сельских населенных пунктов, кризисе культуры деревни в заключительные десятилетия советской эпохи.

Условные сокращения

ВСЕХБ — Всесоюзный Совет евангельских христиан-баптистов

ВС РСФСР — Верховный Совет РСФСР

ВС СССР — Верховный Совет СССР

ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов

ГАБО — Государственный архив Брянской области

ГАДНИКО — Государственный архив документов новейшей истории Калужской области

ГАКО — Государственный архив Калужской области

ГАНИСО — Государственный архив новейшей истории Смоленской области

ГАОО — Государственный архив Орловской области

ГАРО — Государственный архив Рязанской области

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ГАСО — Государственный архив Смоленской области

ГАТО — Государственный архив Тульской области

ГДР — Германская Демократическая Республика

ЕХБ — евангельские христиане-баптисты

ЖАКТ — жилищно-арендное кооперативное товарищество

ЖКХ — жилищно-коммунальное хозяйство

ЗАГС — запись актов гражданского состояния

ИПХ — истинно православные христиане

ИТР — инженерно-технические работники

КГБ при СМ СССР — Комитет государственной безопасности при СМ СССР

КП РСФСР — Коммунистическая партия РСФСР

КПК при ЦК КПСС — Комиссия партийного контроля при ЦК КПСС

КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза

ЛПХ — личное подсобное хозяйство

МГК РСФСР — Министерство государственного контроля РСФСР

МП — Московский патриархат

МСХ РСФСР — Министерство сельского хозяйства РСФСР

МСХ СССР — Министерство сельского хозяйства СССР

МТС — машинно-тракторная станция

Наркомторг СССР — народный комиссариат торговли СССР

НКЗ СССР — Народный комиссариат земледелия СССР

НКС СССР — Народный комиссариат связи СССР

НРА — Народная Республика Албания

НРБ — Народная Республика Болгария

облфо — финансовый отдел исполнительного комитета областного Совета депутатов трудящихся

ОК ВКП(б) — областной комитет ВКП(б)

ОРС — отдел рабочего снабжения

ПВС РСФСР — Президиум Верховного Совета РСФСР

ПВС СССР — Президиум Верховного Совета СССР

ПНР — Польская Народная Республика

райзо — земельный отдел исполнительного комитета районного Совета депутатов трудящихся

райпо — районное потребительское общество

райфо — финансовый отдел исполнительного комитета районного Совета депутатов трудящихся

РАН — Российская академия наук

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

РГАЭ — Российский государственный архив экономики

РДК — районный Дом культуры

РИК — исполнительный комитет районного Совета депутатов трудящихся

РК ВКП(б) — районный комитет ВКП(б)

РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия

РПСЦ — Русская православная старообрядческая церковь

РПЦ МП — Русская православная церковь Московского патриархата

РТС — ремонтно-техническая станция

СДРК — Совет по делам религиозных культов при СМ СССР

СДРПЦ — Совет по делам Русской православной церкви при СМ СССР

СМ СССР — Совет Министров СССР

СРР — Социалистическая Республика Румыния

СУ – Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР, издаваемое НКЮ

СФРЮ — Социалистическая Федеративная Республика Югославия

ТЦДНИ — Тверской центр документации новейшей истории

УМВД — Управление Министерства внутренних дел

УМГБ — Управление Министерства государственной безопасности

УРС — Управление рабочего снабжения

ФРГ — Федеративная Республика Германия

ЦГА Москвы — Центральный государственный архив г. Москвы

ЦДНИ ГАЯО — Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области

ЦК ВКП(б) — Центральный Комитет ВКП(б)

ЦК КПСС — Центральный Комитет КПСС

ЦПА ИМЭЛ при ЦК КПСС — Центральный партийных архив Института К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина при ЦК КПСС

ЦРУ — Центральное разведывательное управление Федерального правительства США

ЧССР — Чехословацкая Советская Социалистическая Республика

Источники и литература

Источники

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. А-259. Совет Министров РСФСР. Оп. 6.

Ф. А-339. Министерство государственного контроля РСФСР. Оп. 1.

Ф. А-385. Верховный Совет РСФСР. Оп. 46.

Ф. А-374. Центральное статистическое управление при СМ РСФСР. Оп. 1, 10, 11, 30, 31, 32а.

Ф. А-495. Министерство кинематографии РСФСР. Оп. 1.

Ф. А-501. Министерство культуры РСФСР. Оп. 1.

Ф. А-534. Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при СМ РСФСР. Оп. 1.

Ф. А-561. Общество по распространению политических и научных знаний РСФСР. Оп. 1.

Ф. Р-5446. Совет Министров СССР. Оп. 63, 85.

Ф. Р-6903. Государственный комитет по телевидению и радиовещанию при СМ СССР (Гостелерадио СССР). Оп. 7.

Ф. Р-6991. Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Оп. 1—4.

Ф. Р-7523. Верховный Совет СССР. Оп. 41, 58, 75, 89.

Ф. Р-9547. Общество по распространению политических и научных знаний СССР. Оп. 1.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)

Ф. 2329. Министерство культуры СССР. Оп. 10.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ)

Ф. 5. ЦК КПСС:

Оп. 15. Отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б)-КПСС (1948—1956 гг.).

Оп. 16. Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)-КПСС (1948—1956 гг.).

Оп. 34. Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР (1956—1962 гг.).

Оп. 36. Отдел культуры ЦК КПСС (1955—1962 гг.).

Ф. 77. Отдел организационно-партийной работы (сводные статистические материалы о составе КПСС). Оп. 1.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 17. ЦК ВКП(б):

Оп. 122. Организационно-инструкторский отдел (1939—1946 гг.). Управление по проверке партийных органов (1946—1948 гг.).

Оп. 125. Управление пропаганды и агитации (1938—1948 гг.).

Оп. 132. Отдел пропаганды и агитации (1948—1953 гг.).

Ф. 556. ЦК КПСС по РСФСР:

Оп. 14. Отдел партийных органов ЦК КПСС по РСФСР (1954—1962 гг.).

Оп. 15. Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР (1956—1962 гг.).

Оп. 22. Сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС по РСФСР (1954—1956 гг.).

Ф. 611. Институт массового заочного обучения партийного актива при ЦК ВКП(б) (ИМЗО). Оп. 1, 3.

Ф. М-1. ЦК ВЛКСМ. Отдел пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ. Оп. 32.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

Ф. 1562. Центральное статистическое управление при СМ СССР. Оп. 11, 33, 37, 41, 69, 324, 327, 329, 337.

Ф. 2324. Народный (государственный) банк РСФСР. Оп. 26, 27.

Ф. 7480. Всесоюзный сельскохозяйственный банк (Сельхозбанк). Оп. 4, 5.

Ф. 9476. Совет по делам колхозов при СМ СССР. Оп. 1, 2.

Государственный архив Брянской области (ГАБО)

Ф. П-1649. Брянский областной комитет ВКП(б). Оп. 1.

Ф. Р-6. Исполнительный комитет Брянского Областного Совета депутатов трудящихся. Оп. 3.

Ф. Р-2201. Управление сельского хозяйства исполнительного комитета Брянского Областного Совета депутатов трудящихся. Оп. 9.

Ф. Р-2224. Уполномоченный Совета по делам колхозов при СМ СССР по Брянской области. Оп. 1.

Ф. Р-2416. Прокуратура Брянской области. Оп. 1а, 2а.

Ф. Р-2889. Уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Брянской области. Оп. 1.

Государственный архив Владимирской области (ГАВО)

Ф. П-870. Владимирский областной комитет КПСС. Оп. 1—3, 64, 67, 70.

Ф. П-2365. Владимирский сельский областной комитет КПСС. Оп. 1, 3.

Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО)

Ф. П-15. Бабынинский районный комитет КПСС. Оп. 24, 42.

Ф. П-25. Малоярославецкий районный комитет КПСС. Оп. 23, 33.

Ф. П-27. Мосальский районный комитет КПСС. Оп. 23, 24, 27, 38.

Ф. П-28. Думиничский районный комитет КПСС. Оп. 35.

Ф. П-30. Мещовский районный комитет КПСС. Оп. 5.

Ф. П-32. Тарусский районный комитет КПСС. Оп. 11.

Ф. П-34. Кировский районный комитет КПСС. Оп. 27.

Ф. П-40. Спас-Деменский районный комитет КПСС. Оп. 1.

Ф. П-41. Хвастовичский районный комитет КПСС. Оп. 1, 11.

Ф. П-42. Куйбышевский районный комитет КПСС. Оп. 16, 18.

Ф. П-51. Дугнинский районный комитет КПСС. Оп. 29.

Ф. П-53. Юхновский районный комитет КПСС. Оп. 2.

Ф. П-55. Калужский областной комитет КПСС. Оп. 8, 9.

Ф. П-1226. Первичная организация КПСС УВД Калужского облисполкома. Оп. 1.

Ф. П-2101. Лев-Толстовский районный комитет КПСС. Оп. 20.

Ф. П-2264. Калужский областной комитет ВЛКСМ. Оп. 8, 13, 24.

Ф. П-6878. Калужский сельский областной комитет КПСС. Оп. 1.

Государственный архив Калужской области (ГАКО)

Ф. Р-412. Комитет партийно-государственного контроля Калужского обкома КПСС и облисполкома. Оп. 1.

Ф. Р-431. Исполнительный комитет Тарусского районного Совета депутатов трудящихся Калужской области. Оп. 1.

Ф. Р-883. Исполнительный комитет Калужского областного Совета депутатов трудящихся. Оп. 16—19.

Ф. Р-1156. Исполнительный комитет Ульяновского районного Совета депутатов трудящихся Калужской области. Оп. 2.

Ф. Р-1296. Исполнительный комитет Медынского районного Совета депутатов трудящихся Калужской области. Оп. 1.

Ф. Р-3261. Калужский областной торговый отдел. Оп. 1.

Ф. Р-1456. Колхоз им. Володарского Сушкинского сельсовета Калужского района Калужской области. Оп. 1.

Ф. Р-1626. Прокуратура Калужской области. Оп. 2.

Ф. Р-3032. Исполнительный комитет Хвастовичского районного Совета депутатов трудящихся Калужской области. Оп. 3

Ф. Р-3449. Калужский областной финансовый отдел. Оп. 1.

Ф. Р-3469. Статистическое управление Калужской области. Оп. 1.

Ф. Р-3500. Калужский областной суд. Оп. 2.

Ф. Р-3501. Уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Калужской области. Оп. 1.

Государственный архив Орловской области (ГАОО)

Ф. П-52. Орловский областной комитет КПСС. Оп. 2—7, 323.

Ф. Р-3660. Отдел Орловской областной администрации по связям с религиозными и общественными организациями. Оп. 1.

Государственный архив Рязанской области (ГАРО)

Ф. П-3. Рязанский областной комитет КПСС. Оп. 3, 4.

Ф. П-6589. Рязанский сельский областной комитет КПСС. Оп. 1.

Ф. Р-3251. Исполнительный комитет Рязанского областного Совета депутатов трудящихся. Оп. 9.

Ф. Р-5629. Уполномоченный Совета по делам РПЦ при СМ СССР по Рязанской области. Оп. 1.

Государственный архив Смоленской области (ГАСО)

Ф. Р-985. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Смоленской области. Оп. 1, 2.

Ф. Р-2361. Исполнительный комитет Смоленского областного Совета депутатов трудящихся. Оп. 9.

Ф. Р-2637. Комитет партийно-государственного контроля Смоленского сельского обкома КПСС и облисполкома. Оп. 1.

Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО)

Ф. 6. Смоленский областной комитет КПСС. Оп. 1—4.

Ф. 45. Духовщинский районный комитет КПСС. Оп. 2.

Ф. 89. Смоленский областной комитет ВЛКСМ. Оп. 1.

Ф. 240. Смоленский сельский областной комитет КПСС. Оп. 1.

Государственный архив Тульской области (ГАТО)

Ф. П-15. Воловский районный комитет КПСС. Оп. 3.

Ф. П-16. Дубенский районный комитет КПСС. Оп. 4.

Ф. П-39. Липицкий районный комитет КПСС. Оп. 1.

Ф. П-43. Одоевский районный комитет КП РСФСР. Оп. 1.

Ф. П-163. Тульский сельский обком КПСС. Оп. 1.

Ф. П-177. Тульский областной комитет КПСС. Оп. 12—16, 18, 19, 30, 31, 32, 34, 35, 39, 40, 55.

Ф. П-188. Тульский областной комитет ВЛКСМ. Оп. 1.

Ф. П-1642. Суворовский районный комитет КП РСФСР. Оп. 1.

Ф. П-2322. Чекалинский районный комитет КПСС. Оп. 1, 3.

Ф. Р-2248. Управление сельского хозяйства исполнительного комитета Тульского областного Совета депутатов трудящихся. Управление землеустройства и севооборотов. Оп. 6.

Ф. Р-2640. Исполнительный комитет областного Совета депутатов трудящихся Тульской области. Оп. 2.

Ф. Р-3020. Территориальный орган Федеральной службы Государственной статистики по Тульской области. Оп. 12.

Ф. Р-3421. Тульский областной комитет народного контроля. Оп. 1, 2.

Ф. Р-3484. Прокуратура Тульской области. Оп. 1.

Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ)

Ф. 147. Тверской областной комитет КП РСФСР. Оп. 3—6.

Ф. 632. Калининский сельский обком КПСС. Оп. 1.

Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы)

Ф. 3. Московский обком ВКП(б). Оп. 52, 54.

Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО)

Ф. 272. Ярославский областной комитет КПСС. Оп. 224—228.

Ф. 870. Ярославский областной комитет народного контроля. Оп. 2.

Ф. 1209. Уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по Ярославской области. Оп. 1.

Периодические издания

«Братский вестник» — журнал ВСЕХБ.

Ведомости Верховного Совета СССР. Издание Верховного Совета СССР.

«За коммуну» — газета Сухиничского РК КПСС и исполнительного комитета Сухиничского районного Совета депутатов трудящихся Калужской области (1945—1962 гг.).

«Знамя» — газета Калужского обкома КПСС и Калужского областного Совета депутатов трудящихся (1945—1961 гг.).

«Колхозник» (с 1956 г. — «Ленинское знамя») — газета Медынского РК КПСС и исполнительного комитета Медынского районного Совета депутатов трудящихся Калужской области (1945—1962 гг.).

«Колхозница» (с 1950 по 1962 г. — «Вперед») — газета Юхновского РК КПСС и исполнительного комитета Юхновского районного Совета депутатов трудящихся Калужской области (1945—1962 гг.).

«Колхозный труд» (с 1960 г. — «Знамя коммунизма», с 1962 г. — «К коммунизму») — газета Перемышльского РК КПСС и исполнительного комитета Перемышльского районного Совета депутатов трудящихся Калужской области (1945—1962 гг.).

«Куйбышевский стахановец» (с 1954 по 1962 г. — «Красное знамя») — газета Куйбышевского РК КПСС и исполнительного комитета Куйбышевского районного Совета депутатов трудящихся Калужской области (1945—1962 гг.).

«Культурно-просветительная работа» — ежемесячный журнал Министерства культуры РСФСР (1945—1962 гг.).

«Орловская правда» — газета Орловского обкома ВКП(б) и Орловского областного Совета депутатов трудящихся (1945—1961 гг.).

«Партийная жизнь» — ежемесячный журнал ЦК ВКП(б).

«Партийное строительство» — ежемесячный журнал ЦК ВКП(б).

«Правда» — ежедневная газета МК и ЦК КПСС.

«Рабочий путь» — газета Смоленского обкома ВКП(б) и Смоленского областного Совета депутатов трудящихся (1945—1961 гг.).

«Распространение печати» — ежемесячный бюллетень Центрального управления распространения и экспедирования печати Министерства связи Союза ССР.

Опубликованные источники

«Великая книга дня…» : Радио в СССР : документы и материалы / сост. Т. М. Горяева. — М. : РОССПЭН, 2007. — 1040 с., ил.

«Добиться закрытия так называемых “святых мест”» // Источник : Документы русской истории. — 1997. — № 4. — С. 120—129.

«Проявлять бдительность, своевременно пресекать антисоветские выпады духовенства» : Доклад председателя Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР В. А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных. 1960 г. (публ. М. И. Одинцова) [Электронный ресурс] : сайт Общероссийской общественной организации «Российское объединение исследователей религии». URL: http://rusoir.ru/president/president-works/president-works-118/ (дата обращения: 26.07.2015).

40 лет образования Калужской области : юбилейный статистический сборник. — Калуга : Облстатупр.,1984. — 138 с.

XIII съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, 15—18 апреля 1958 года : стенографический отчет. — М. : Молодая гвардия, 1959. — 360 с.

XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии(б), 10—21 марта 1939 г. : стенографический отчет. — М. : Госполитиздат, 1939. — 743 с.

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, 14—25 февраля 1956 года : стенографический отчет : [в 2 т.]. — М. : Госполитиздат, 1956. — Т. 1. — 640 с.

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза : 17—31 октября 1961 года : стенографический отчет : [в 3 т.]. — М. : Госполитиздат, 1962. — Т. 1. — 608 с.

Административно-территориальное деление на 1 июля 1945 г. с приложением изменений с 1 июля по 31 декабря. — Изд. 3-е. — М. : Упр. издательств и полиграфии исполкома Ленгорсовета, 1945. — 502 с.

Административно-территориальное деление Союза ССР и список важнейших населенных пунктов с хронологическим перечнем постановлений об изменении границ губерний, областей и республик с 1917 г. по 1929 г. — Изд. 8-е. — М. : изд. НКВД РСФСР, 1929. — 323 с.

Административно-территориальное деление союзных республик на 1 января 1947 г. — Изд. 5-е, доп. — М. : Известия Советов деп. Трудящихся СССР, 1947. — 488 с.

Административно-территориальное деление союзных республик. Январь 1965 г. — М. : Известия Советов деп. Трудящихся СССР, 1965. — 708 с.

Богослужебные указания на 1950 год. Для священно-церковнослужителей (январь — 23 марта). — М. : Московская патриархия, 1949. — 176 с.

Богослужебные указания на 1954 год. Для священно-церковнослужителей. — М. : Московская патриархия, 1953. — 350 с.

Богослужебные указания на 1955 год. Для священно-церковнослужителей. — М. : Московская патриархия, 1954. — 324 с.

Богослужебные указания на 1956 год. Для священно-церковнослужителей. — М. : Московская патриархия, 1955. — 280 с.

Брежнев Л. И. Ленинским курсом : речи, приветствия, статьи, воспоминания : в 9 т. — М. : Политиздат, 1970—1982.

Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза, 27 января — 5 февраля 1959 года : стенографический отчет : [в 2 т.]. — М. : Госполитиздат, 1959. — Т. 1. — 592 с.

Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги : сборник документов и материалов / сост. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков ; авторы коммент.

В. Б. Жиромская, Я. Е. Володарский, И. Н. Киселев, Н. А. Араловец. — М. : РОССПЭН, 2007. — 320 с.

Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик : статистический сборник / сост. Г. В. Дарков, И. И. Горчев, В. Д. Пасекова, Н. А. Иванова ; общ. ред. Н. В. Гаретовского. — М. : Финансы, 1966. — 224 с.

Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик 1966—1970 гг. : (статистический сборник). — М. : Финансы, 1972. — 232 с.

Государственный бюджет СССР на четвертую и пятую пятилетки (1946—1950 и 1951—1955 гг.) : статистический сборник / отв. ред. Г. Дундуков. — Л. : Госфиниздат, 1957. — 136 с.

Государственный бюджет СССР : статистический сборник. — Ч. 2 : 1938—1950 гг. / сост. С. А. Голованов ; общ. ред. А. В. Бачурина. — М. : Госфиниздат, 1955. — 178 с.

Данные о количестве награждений орденами и медалями СССР за период 1918—1964 гг. // Источник : Документы русской истории. — 1998. — № 3 (34). — С. 132—157.

Действующие расчетные ставки и порядок оплаты на конно-ручных работах в растениеводстве в совхозах, конных заводах, селекционных и опытных станциях, питомниках, учебных и других хозяйствах Министерства сельского хозяйства Союза ССР / ред. М. С. Мансурова. — М. : изд. МСХ СССР, 1950. — 16 с.

Денежная реформа в СССР 1947 года : документы и материалы / сост. Л. Н. Доброхотов, В. Н. Колодежный, В. С. Пушкарев, В. Н. Шепелев. — М. : РОССПЭН, 2010. — 792 с.

Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917—1957 гг. : сборник документов : в 4 т. — Т. 3 : 1946—1952 гг. — М. : Госюриздат, 1958. — 704 с.; Т. 4 : 1953—1957 гг. / сост. В. Н. Малин, А. В. Коробов. — М. : Гос. издат. полит. Лит., 1958. — 864 с.

Заготовительные цены на сельскохозяйственные продукты. — Изд. 2-е, перераб. — М. : Заготиздат, 1945. — 328 с.

Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг. — М. : Гос. издат. полит. лит., 1946. — 96 с.

Закон РСФСР от 16 июля 1968 г. «О сельском, поселковом Совете депутатов трудящихся» [Электронный ресурс] : «Библиотека правовых актов Союза Советских Социалистических Республик». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6855.htm (дата обращения: 16.06.2022).

Закон СССР от 1 марта 1941 г. «О подоходном налоге с колхозов». URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=17015 (дата обращения: 19.09.2014).

Законодательство о религиозных культах : (сборник материалов и документов). — Изд. 2-е, доп. / под ред. В. А. Куроедова, А. С. Панкратова ; сост. Г. Р. Гольст, Д. М. Ночвин. — М. : Юрид. лит., 1971. — 210 с.

Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам от 12 сентября 1958 г. «О недостатках научно-атеистической пропаганды» [Электронный ресурс] : сайт Общероссийской общественной организации «Российское объединение исследователей религии». URL: http://rusoir.ru/03print/02/239/index.html (дата обращения: 02.06.2015).

Земельный фонд Союза ССР по состоянию на 1 ноября 1959 года. Составлен по отчетам союзных республик. — М. : [б. и.], 1960. — 585 с.

Земельный фонд Союза ССР по состоянию на 1 ноября 1965 года. Составлен по отчетам союзных республик. — М. : [б. и.], 1966. — 487 с.

Инструкции ЦК ВКП(б): О проведении выборов руководящих партийных органов. Об учете членов и кандидатов ВКП(б). О порядке передвижения членов и кандидатов в члены ВКП(б) из одной партийной организации в другую. О членских взносах членов и кандидатов партии. — М. : тип. им. Сталина, 1948. — 56 с.

Инструкция Наркомзема СССР и Центрального статистического управления Госплана СССР для составления документов и ведения книг по простой схеме счетоводства в колхозах. Утверждена СНК СССР 31 января 1939 г. — Петрозаводск : Союзоргучет, 1939. — 44 с.

Инструкция Наркомзема СССР и Центрального статистического управления Госплана СССР для составления документов и ведения книг по сокращенному колхозному счетоводству. Утверждена СНК СССР 31 января 1939 г. — Вологда : Красный Север, 1941. — 26 с.

Инструкция об учете членов и кандидатов в члены КПСС (Утверждена ЦК КПСС 13 марта 1957 года). — М. : [б. и.], 1957. — 40 с.

Инструкция об учете членов и кандидатов в члены КПСС (Утверждена ЦК КПСС 7 августа 1962 года). — М. : [б. и.], 1962. — 24 с.

Инструкция об учете членов и кандидатов в члены КПСС (Утверждена ЦК КПСС 7 августа 1962 года, частичные изменения внесены 2 июля 1966 года). — М. : [б. и.], 1966. — 32 с.

Инструкция об учете членов и кандидатов ВКП(б) (Утверждена ЦК ВКП(б) 23 ноября 1939 г.). — М. : Профиздат, 1941. — 40 с.

Инструкция об учете членов КПСС и партийной статистике // Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 23—37.

Информационный бюллетень о предварительных итогах работы совхозов МСХ РСФСР за 1966 год. — М. : ЦНТИ Госкомзага, 1966. — 228 с.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) : краткий курс / под ред. комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б). — М. : Правда, 1938. — 351 с.

История колхозного права : Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР 1917—1958 гг. : в 2 т. / рук. колл. сост. Н. Д. Казанцев. — Т. 1. — М. : Госюриздат, 1959. — 517 с.; Т. 2. — М. : Госюриздат, 1958. — 539 с.

История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов : в 7 т. — Т. 1 : Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко ; отв. сост. И. А. Зюзина. — М. : РОССПЭН, 2004. — 728 с.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР / отв. за вып. К. А. Орехов. — М. : Госстатиздат, 1963. — 456 с.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР : (сводный том). — М. : Госстатиздат, 1962. — 284 с.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. — Т. 1 : Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. — М. : Госстатиздат, 1972. — 176 с.

Калининская область за годы восьмой пятилетки (1966—1970 гг.) в цифрах : статистический сборник / под ред. И. А. Шлыкова, А. И. Деменкова, А. С. Мочалова. — Вологда : Статистика, 1971. — 254 с.

Калужская область за 50 лет : статистический сборник. Калуга : Облстатупр., 1967. — 167 с.

Колхозная жизнь на Урале. 1935—1953 / сост. Х. Кесслер, Г. Е. Корнилов. — М. : РОССПЭН, 2006. — 912 с.

Конституции и конституционные акты РСФСР (1918—1937 гг.) / под общ. ред. А. Я. Вышинского. — М. : Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. — 300 с.

КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986) : в 16 т. — 9-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. А. Г. Егорова и К. М. Боголюбова. — М. : Политиздат, 1983—1990.

Крамола : Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953—1982 : Рассекреченные документы Верховного Суда и Прокуратуры СССР / под ред. В. А. Козлова и С. В. Мироненко ; отв. сост. О. В. Эдельман при участии Э. Ю. Завадской. — М. : Материк, 2005. — 429 с.

Краткий справочник по примерным нормам выработки и расценкам в трудоднях на основные работы в колхозах Тульской области / отв. за вып. К. П. Медведева. — Тула : изд. газ. «Коммунар», 1959. — 134 с.

Кремлевский кинотеатр. 1928—1953 : документы. — М. : РОССПЭН, 2005. — 1120 с.

Культурно-просветительная работа на селе : Сборник материалов в помощь работникам сельских культурно-просветительных учреждений. — М. : Московский рабочий, 1950. — 430 с., ил.

Материалы к отчету исполкома Ярославского областного Совета депутатов трудящихся за 1940—1947 гг. — Ярославль : Яросл. Облиздат., 1947. — 142 с.

Материалы к отчету о работе исполнительного комитета Ярославского областного Совета депутатов трудящихся за 1948 год на V сессии областного Совета депутатов трудящихся, март 1949 г., Ярославль. — Ярославль : Яросл. Облиздат., 1949. — 104 с.

Материалы о состоянии производительности и оплаты труда в совхозах РСФСР за 1968 год. — М. : ВНИИСХТ, 1970. — 268 с.

Материалы по культурно-просветительской работе : сборник. — М. : Советская Россия, 1959. — 301 с.

Методическое пособие по упорядочению организации оплаты труда в колхозах / отв. за вып. З. К. Ерзина. — М. : ОТИ треста «Оргсельстрой», 1965. — 144 с.

На «краю» советского общества : Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945—1960-е гг. / авт.-сост. Е. Ю. Зубкова, Т. Ю. Жукова. — М. : РОССПЭН, 2010. — 816 с.

Народное образование, наука и культура : статистический сборник. — М. : [б. и.], 1970. — 442 с.

Народное хозяйство Брянской области (1966—1970 гг.) : статистический сборник / под ред. М. С. Нечаенко. — Брянск : СКМП СУ Брянск. Обл., 1972. — 344 с.

Народное хозяйство Брянской области : статистический сборник. — Орел : Госстатиздат, 1958. — 196 с.

Народное хозяйство Владимирской области (1944—1988 гг.) : юбилейный статистический сборник / под общ. ред. В. Н. Охапкина. — Ярославль : Верхневолжск. кн. изд., 1984. — 118 с.

Народное хозяйство Ивановской области : статистический сборник / под ред. П. В. Белякова. — Иваново : Госстатиздат ЦСУ СССР, Ивановское обл. отд-е, 1962. — 228 с.

Народное хозяйство Костромской области : статистический сборник. — Иваново : Ивановское отд-е изд. «Статистика», 1969. — 222 с.

Народное хозяйство Орловской области : статистический сборник / под ред. К. В. Бакиной. — Орел : отд-е изд. «Статистика», 1967. — 230 с.

Народное хозяйство РСФСР в 1956 году : статистический ежегодник. — М. : Госстатиздат, 1957. — 262 с.

Народное хозяйство РСФСР в 1958 году : статистический ежегодник. — М. : Госстатиздат, 1959. — 508 с.

Народное хозяйство РСФСР в 1960 году : статистический ежегодник. — М. : Госстатиздат, 1961. — 572 с.

Народное хозяйство РСФСР в 1961 году : статистический ежегодник. — М. : Госстатиздат, 1962. — 605 с.

Народное хозяйство РСФСР в 1962 году : статистический ежегодник. — М. : Госстатиздат, 1963. — 608 с.

Народное хозяйство РСФСР в 1963 году : статистический сборник. — М. : Статистика, 1964. — 600 с.

Народное хозяйство РСФСР в 1964 году : статистический ежегодник. — М. : Статистика, 1965. — 576 с.

Народное хозяйство РСФСР в 1965 году : статистический ежегодник. — М. : Статистика, 1966. — 616 с.

Народное хозяйство РСФСР в 1967 году : статистический сборник. — М. : Статистика, 1968. — 648 с.

Народное хозяйство РСФСР в 1970 году : статистический сборник. — М. : Статистика, 1971. — 488 с.

Народное хозяйство РСФСР в 1980 году : статистический сборник. — М. : Статистика, 1981. — 406 с.

Народное хозяйство Рязанской области : статистический сборник / под ред. Г. И. Строгова. — М. : Госстатиздат, 1958. — 156 с.

Народное хозяйство Рязанской области : статистический сборник / под ред. И. С. Мальцева. — М. : Статистика, 1967. — 184 с.

Народное хозяйство Смоленской области в 1970 году : статистический сборник. — Смоленск : Статистика, 1972. — 198 с.

Народное хозяйство Смоленской области : статистический сборник / под ред. И. С. Мальцева. — Смоленск : Смоленское кн. изд., 1958. — 160 с.

Народное хозяйство Смоленской области : статистический сборник / гл. ред. Д. Г. Артемьев. — М. : Госстатиздат, 1963. — 238 с.

Народное хозяйство СССР в 1959 году : статистический ежегодник. — М. : Госстатиздат, 1960. — 510 с.

Народное хозяйство СССР в 1961 году : статистический ежегодник. — М. : Госстатиздат, 1962. — 606 с.

Народное хозяйство Тульской области : статистический сборник / отв. ред. В. М. Кучеров. — Тула : Приокское кн. изд., 1967. — 368 с.

Народное хозяйство Тульской области : статистический сборник / пред. редкол. А. А. Серегин. — Тула : Приокское кн. изд., 1973. — 304 с.

Наследие. — Вып. 1 : Религия — общество — государство: институты, процессы, мысль. — Кн. 1 : История государственно-конфессиональных отношений в России (X — начало XXI века) : хрестоматия : в 2 ч. / сост. Ю. П. Зуев ; под общ. ред. Ю. П. Зуева, В. В. Шмидта. — Ч. 2 : XX — начало XXI века. — М. : ИД «МедиаПром», 2010. — 288 с.

Незанятое население РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.) : в 2 т. — Т. 1. — М. : [б. и.], 1971. — 540 с.

Нормы выработки и оплата труда в колхозах : Сборник материалов для колхозов Смоленской и Орловской областей. — М. : Сельхозгиз, 1943. — 124 с.

Нормы выработки и оплата труда в совхозах. — М. : Сельхозгиз, 1959. — 206 с.

О бюджетных правах Союза ССР, союзных республик и местных Советов депутатов трудящихся / сост. А. В. Калитеевская, Н. А. Николаева, С. В. Поленина ; отв. ред. Ф. И. Калинычев. — М. : Гос. изд. юрид. лит., 1963. — 342 с.

О культе личности и его последствиях : Доклад первого секретаря ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущева XX съезду КПСС // Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 3. — С. 128—170.

О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах : Постановление Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 г. № 1259. — М. : Сельхозгиз, 1948. — 224 с.

О партийном хозяйстве. — М. : ОГИЗ : Госполитиздат, 1944. — 66 с.

Образование и развитие СССР (в документах) / отв. ред. А. П. Косицын. — М. : Юрид. лит., 1973. — 736 с.

Обращение работников культуры Московской области и социалистические обязательства работников культуры Воронежской области. — М. : Госкультпросветиздат, 1957. — 14 с.

Овечкин В. В. Районные будни // *Овечкин В. В*. Собрание сочинений : в 3 т. — Т. 2. — М. : Худож. Лит., 1989. — С. 5—370.

Оплата труда в совхозах : сборник материалов по оплате труда и нормам выработки в совхозах / отв. ред. П. И. Федоров. — М. : изд. МСХ РСФСР, 1960. — 464 с.

Оплата труда в совхозах РСФСР / сост. П. М. Емельянов. — М. : Россельхозиздат, 1967. — 382 с.

Организация труда и заработная плата в совхозах : сборник постановлений и приказов. — М. : изд. «Совхозная газета», 1948. — 268 с.

Основные показатели развития органов социального обеспечения РСФСР за 1979 год : сборник статистических материалов. — М. : МСО РСФСР, 1980. — 104 с.

Основные технико-экономические показатели механизации и электрификации совхозов РСФСР за 1971 год. — М. : [б. и.], 1972. — 42 с.

Основные экономические показатели колхозов и совхозов в 1961—1966 гг. — М. : [б. и.], 1967. — 294 с.

Основные экономические показатели по производительности и оплате труда колхозов РСФСР за 1961—1968 годы : в 3 ч. — М. : [б. и.], 1969. — Ч. 1. — 258 с.; Ч. 2. — 259—492 с.; Ч. 3. — 493—757 с.

Отчет советской сельскохозяйственной делегации о поездке в Англию и Швецию в 1956 году. — М. : изд. МСХ СССР, 1957. — 200 с.

Памятка депутата местного Совета. — Калуга : Калужская тип. упр. по печати облисп., 1965. — 16 с.

Памятка налоговому агенту «О порядке проведения налоговыми агентами учета хозяйств, начисления налогов и ведения учета и отчетности». — Молотов : Звезда, 1941. — 20 с.

Партийное хозяйство : сборник документов и материалов. — М. : Московский большевик, 1945. — 76 с.

Пенсионное обеспечение СССР : сборник официальных материалов. — Изд. 2-е, доп. и перераб. — М. : Госюриздат, 1960. — 402 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. —

Т. 6 : Владимирская губерния. Тетр. II (последняя). — СПб. : изд. Центр. Стат. Ком. МВД, 1904. — 234 с.

Т. 15 : Калужская губерния. Тетр. II (последняя). — СПб. : изд. Центр. Стат. Ком. МВД, 1903. — 240 с.

Т. 18 : Костромская губерния. — СПб. : изд. Центр. Стат. Ком. МВД, 1903. — 264 с.

Т. 24 : Московская губерния. — СПб. : изд. Центр. Стат. Ком. МВД, 1905. — 550 с.

Т. 29 : Орловская губерния. — СПб. : изд. Центр. Стат. Ком. МВД, 1904. — 260 с.

Т. 35 : Рязанская губерния. — СПб. : изд. Центр. Стат. Ком. МВД, 1903. — 260 с.

Т. 40 : Смоленская губерния. — СПб. : изд. Центр. Стат. Ком. МВД, 1904. — 258 с.

Т. 43 : Тверская губерния. — СПб. : изд. Центр. Стат. Ком. МВД, 1904. — 262 с.

Т. 44 : Тульская губерния. — СПб. : изд. Центр. Стат. Ком. МВД, 1904. — 244 с.

Т. 50 : Ярославская губерния. — СПб. : изд. Центр. Стат. Ком. МВД, 1904. — 234 с.

Печать в СССР в 1956 и 1957 годах : статистические материалы. — М. : изд. Всесоюз. Кн. палаты, 1958. — 192 с.

По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. — Вып. 9 : Балансы Государственного банка СССР (1922—1990 гг.) / сост. Ю. И. Кашин, В. В. Миков ; науч. ред. Ю. И. Кашин. — М. : ОАО тип. «Новости», 2010. — 164 с.;

По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. — Вып. 10 : Кредитование и расчеты в 1926—1951 годах (ведомственные материалы) / сост. Ю. И. Кашин, Т. В. Козлова ; отв. ред. Ю. И. Кашин. — М. : ОАО тип. «Новости», 2010. — 160 с.

По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. — Вып. 13 : Госбанк СССР и Минфин СССР в процессе мобилизации и использования сбережений населения (ведомственные материалы) / сост. Ю. И. Кашин, Т. В. Козлова ; отв. ред. Ю. И. Кашин. — М. : ОАО тип. «Новости», 2012. — 204 с.

Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945—1953 / сост. О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, А. П. Кошелева, А. И. Минюк и др. — М. : РОССПЭН, 2002. — 656 с.

Положение о нормах выработки и оплате труда комбайнеров, помощников комбайнеров и трактористов на уборке зерновых культур комбайнами в совхозах и в других сельскохозяйственных предприятиях системы Министерства совхозов мясной и молочной промышленности. — М. : типолит. Мин-ва мясн. И молоч. пром. СССР, 1947. — 7 с.

Положения о сельских Советах депутатов трудящихся : (сборник официальных текстов). — М. : Госюриздат, 1959. — 194 с.

Положение о Союзе евангельских христиан-баптистов в СССР. М., 1960. [Электронный ресурс] : сайт «Русский баптист». URL: http://www.rusbaptist.stunda.org/dop/scecb/polozen.htm (дата обращения: 12.06.2023).

Попов В. П. «Второй и важнейший этап» (об укрупнении колхозов в 50-е — начале 60-х годов) // Отечественные архивы. — 1994. — № 1. — С. 27—50.

Попов В. П. Крестьянство и государство (1945—1953) : сборник документов. — Париж : ИМКА-Пресс, 1992. — 298 с.

Попов В. П. Неизвестная инициатива Хрущева (о подготовке указа 1948 г. о выселении крестьян) // Отечественные архивы. — 1993. — № 2. — С. 31—38.

Попов В. П. Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953 гг.). — М. : Прометей, 1993. — 204 с.

Посевные площади СССР : в 2 т. : статистический сборник. — М. : Госстатиздат, 1957. — Т. 1 : [Посевные площади зерновых культур по автономным республикам, краям и областям за 1950—1956 гг.]. — 515 с.; Т. 2 : [Технические культуры, картофель, овоще-бахчевые и кормовые культуры]. — 503 с.

Последние письма Сталину. 1952—1953 гг. : Реконструкция документального комплекса / сост. Г. В. Горская, М. С. Астахова, В. Дённингхаус, Е. Е. Кириллова, А. С. Кочетова. — М. : РОССПЭН, 2015. — 542 с.

Последования молебные об избавлении от духов нечистых. — М. : Фонд «Благовест», Подворье Троице-Сергиевой Лавры, 1999.

Постановление ВЦИК от 16 октября 1924 г. «Положение о сельских Советах» [Электронный ресурс] : сайт «Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2207.htm (дата обращения: 16.06.2022).

Постановление ВЦИК от 6 апреля 1928 г. «О введении в действие Положения о краевых (областных), окружных и районных съездах Советов и их испол-

нительных комитетах» [Электронный ресурс] : сайт «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 03.06.2022).

Постановление СМ РСФСР от 25 февраля 1966 г. № 197 «О мерах по устранению излишеств в отводе земель для строительства и других несельскохозяйственных целей» URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6376.htm (дата обращения: 24.09.2020).

Православный церковный календарь. 1945 г. — М. : изд. Моск. патриархии, [б. г.]. — 64 с.

Православный церковный календарь на 1949 г. — М. : изд. Моск. патриархии, [б. г.]. — 80 с.

Православный церковный календарь на 1952 год. — М. : изд. Моск. патриархии, [б. г.]. — 86 с.

Православный церковный календарь на 1953 г. — М. : изд. Моск. патриархии, [б. г.]. — 68 с.

Православный церковный календарь на 1956 г. — М. : изд. Моск. патриархии, [б. г.]. — 72 с.

Православный церковный календарь на 1957 г. — М. : изд. Моск. патриархии, [б. г.]. — 78 с.

Православный церковный календарь на 1965 г. — М. : изд. Моск. патриархии, [б. г.]. — 80 с.

Практические указания по анализу годовых отчетов колхозов за 1946 год отделениями и уполномоченными Сельхозбанка и отделениями Госбанка, выполняющими операции Сельхозбанка. — М., изд. и тип. Госфиниздата, 1947. — 19 с.

Примерные нормы выработки и единые расценки в трудоднях основных сельскохозяйственных работ в колхозах. — 2-е испр. и доп. изд. / сост. М. А. Гусев, Л. Г. Чекунова. — Кострома : Костромское кн. изд., 1955. — 88 с.

Примерные нормы выработки и расценки работ в трудоднях на новые работы в колхозах, не предусмотренные постановлением Совета Министров СССР

от 19 апреля 1948 года / отв. за вып. Н. Латышев. — Брянск : Брянский рабочий, 1955. — 20 с.

Примерные Положения о работе Советов культуры при колхозах (совхозах), районных отделах культуры и областном управлении культуры. — Калуга : Калужская тип. облполиграфиздата упр. культуры, 1963. — 7 с.

Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). — М. : Госполитиздат, 1947. — 590 с.

Региональная политика Н. С. Хрущева и местные партийные комитеты. 1953—1964 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, М. Ю. Прозуменщиков, В. Ю. Васильев, Й. Горлицкий, Т. Ю. Жукова, В. В. Кондрашин, Л. П. Кошелева, Р. А. Подкур, Е. В. Шевелева. — М. : РОССПЭН, 2009. — 774 с.

Резолюции XVII съезда ВКП(б). 26 января — 10 февраля 1934 г. — М. : Партиздат, 1934. — 62 с.

Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944—1952 : сборник документов : в 2. Т. — Т. 1 : 1944—1946 / отв. ред. О. В. Лавинская, В. В. Захаров ; сост. К. М. Гринько, Е. В. Полторацкая ; при участии С. Дальке и М. Уля. — М. : РОССПЭН, 2019. — 877 с.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : Сборник документов за 50 лет : в 16 т. / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. — Т. 4 : 1953—1961 годы. — М. : Политиздат, 1968. — 783 с.; Т. 5 : 1962—1965 годы. — М. : Политиздат, 1968. — 750 с.

Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. : сборник документов / сост. О. Ю. Васильева, И. И. Кудрявцев, Л. А. Лыкова / пред. редкол. Серии И. Соловьев. — М. : Издательство Крутицкого подворья : Общество любителей церковной истории, 2009. — 765 с., ил.

Русская Православная Церковь в советское время (1917—1991) : Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер : в 2 кн. — М. : Пропилеи, 1995. — Кн. 2. — 464 с.

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917—1941 : документы и фотоматериалы / отв. ред. и автор вступ. Статьи Я. Н. Щапов ;

отв. сост. и автор статей перед разд. О. Ю. Васильева ; сост. А. С. Масальская, И. Н. Селезнева, М. Е. Алексашина. — М. : Изд. Библейско-Богословского института Святого апостола Андрея, 1996. — 352 с.

Сборник законов РСФСР и указов Президиума Верховного Совета РСФСР. 1938—1946 гг. — М. : изд. «Известия Советов деп. Труд. СССР», 1946. — 74 с.

Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 — июль 1956 гг.) / под ред. канд. юрид. наук Ю. И. Мандельштам. — М. : Госюриздат, 1956. — 500 с.

Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству : в 3 т. / под общ. ред. В. А. Болдырева. — Т. 1 — М. : Госюризат, 1957. — 840 с.; Т. 2. — М. : Госюриздат, 1958. — 924 с.; Т. 3. — М. : Госюриздат, 1958. — 664 с.

Сборник решений по сельскому хозяйству / сост. К. И. Орлянкин. — М. : Сельхозиздат, 1963. — 672 с.

Сборник руководящих материалов по клубной работе. В помощь сельским клубным работникам. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М. : Госкультпросветиздат, 1951. — 56 с.

Сборник руководящих материалов по культурно-просветительной работе. — М. : Госкультпросветиздат, 1947. — 140 с.

Сборник ставок налога с оборота по товарам, вырабатываемым в РСФСР. — М. : [б. и.], 1961. — 226 с.

Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941—1942 гг. / сост. Е. Прудинский, К. Кудрин, С. Виленский ; общ. ред. Н. И. Пономарева. — Л. : Ленингр. Газ.-журн. И кн. изд., 1942. — 271 с.

Сборник циркуляров, положений и инструкций по учету и распределению членов РКП(б). — М. : тип. ЦК РКП(б), 1922. — 30 с.

Северная Америка. США. Канада : экономико-статистический справочник / автор введ. И сост. Л. С. Демидова и В. А. Назаревский. — М. : Мысль, 1969. — 302 с.

Сельские населенные пункты РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 года) : в 2 т. — Т. 1. — М. : [б. и.], 1972. — 466 с.

Сельское хозяйство европейских социалистических стран : экономико-статистический сборник / редкол.: В. И. Сторожев, Е. В. Рудаков, С. А. Мелин. — М. : [б. и.], 1969. — 616 с. — (Бюллетень научной информации).

Сельское хозяйство СССР : статистический сборник. — М. : Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960. — 666 с.

Сельское хозяйство СССР : статистический сборник. — М. : Статистика, 1971. — 824 с.

Сельское хозяйство США : (статистический сборник) / отв. за вып. В. И. Назаренко. — М. : печат.-множ. Произв. ВНИЭСХ, 1973. — 186 с.

Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства РСФСР, издаваемое НКЮ. — М. : Совет. Законодательство, 1931.

Советская жизнь. 1945—1953 / сост. Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецова, А. И. Минюк, Л. А. Роговая. — М. : РОССПЭН, 2003. — 720 с.

Состав семей, доходы и жилищные условия рабочих и служащих РСФСР : статистический сборник по материалам единовременного выборочного обследования за сентябрь 1967 года / под ред. А. И. Парфеновой. — М. : [б. и.], 1969. — 388 с.

Социалистические страны и страны капитализма в 1960 году : статистический сборник / рук. колл. сост. Л. М. Цырлин. — М. : Госстатиздат, 1961. — 460 с.

Социалистические страны и страны капитализма в 1961 году : статистический сборник / рук. колл. сост. Л. М. Цырлин. — М. : Госстатиздат, 1962. — 590 с.

Социалистические страны и страны капитализма в 1965 году : статистический сборник / рук. колл. сост. Л. М. Цырлин. — М. : Госстатиздат, 1966. — 896 с.

Социальная политика СССР в послевоенные годы 1947—1953 гг. : документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. — М. : РОССПЭН, 2020. — 718 с.

Справочная книга директора совхоза : в 2 т. — 2-е изд., испр. — Т. 1 / под ред. М. А. Абросимова. — М. : Сельхозгиз, 1953. — 880 с.

Справочник агента по заготовкам сельскохозяйственных продуктов. — Вып. 1 / сост. В. Я. Левин, З. Т. Чухарько ; под ред. В. В. Немыкина. — М. : Заготиздат, 1949. — 158 с.

Справочник агента по заготовкам сельскохозяйственных продуктов. — Вып. 2 / ред. Н. И. Ключникова. — М. : Заготиздат, 1950. — 160 с.

Справочник для бухгалтеров совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий / сост. Д. К. Бондаренко, Д. Г. Васильев, Н. К. Никольский. — М. : Сельхозиздат, 1961. — 360 с.

Справочник партийного работника / сост. Секретариатом ЦК РКП. — [Вып. 1]. — М. : Госиздат, 1921. — 216 с.

Справочник партийного работника. — Вып. 2. — М. : изд. отд. ЦК РКП, 1922. — 336 с.

Справочник партийного работника. — Вып. 3. — М. : Красная новь, 1923. — 304 с.

Справочник партийного работника. — Вып. 5 : 1925 г. — М. ; Л. : Госиздат, 1926. — 574 с.

Справочник партийного работника. — Вып. 6 : 1927 г. Ч. 1. — М. ; Л. : Госиздат, 1928. — 766 с.

Справочник партийного работника. — Вып. 7. Ч. 1. — М. ; Л. : Госиздат, 1930. — 600 с.

Справочник партийного работника. — Вып. 8. — М. : Партиздт, 1934. — 886 с.

Справочник партийного работника. — Вып. 1 / редкол. В. Н. Малин и др. — М. : Госполитиздат, 1957. — 611 с.

Справочник партийного работника. — Вып. 2 / редкол. В. Н. Малин и др. — М. : Госполитиздат, 1959. — 839 с.

Справочник партийного работника. — Вып. 3 / редкол. М. Т. Ефремов и др. — М. : Госполитиздат, 1961. — 835 с.

Справочник партийного работника. — Вып. 4 / редкол. В. Н. Малин и др. — М. : Госполитиздат, 1963. — 726 с.

Справочник партийного работника. — Вып. 5 / редкол. В. Н. Малин и др. — М. : Политиздат, 1964. — 446 с.

Справочник по оплате труда в машинно-тракторных станциях / ред. Н. П. Трофимов. — М. : изд. МСХ СССР, 1948. — 80 с.

Справочник по оплате труда и нормированию в колхозах / отв. за вып. К. Слепцова. — Орел : Орловское кн. изд., 1960. — 168 с.

Справочник председателя исполкома сельского Совета депутатов трудящихся / сост. Я. М. Котов. — Калуга : изд. газеты «Знамя», 1949. — 237 с., ил.

Справочник председателя колхоза / рук. авт. колл. И. М. Ихтейман. — М. : РГИЗ : Сельхозгиз, 1941. — 608 с.

Справочник районного прокурора / под общ. ред. В. М. Бочкова. — М. : Госюриздат, 1942. — 736 с.

Справочник секретаря первичной партийной организации / ред. комис.: М. Т. Ефремов, Я. В. Сторожев, В. М. Чураев. — М. : Госполитиздат, 1960. — 600 с.

Сталин И. В. Вопросы ленинизма. — Изд. 11-е. — М. : ОГИЗ, Госполитиздат, 1947. — 611 с.

Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. — Изд. 5-е. — М. : Госполитиздат, 1950. — 208 с.

Сталин И. В. Сочинения : в 13 т. — М. : Госполитиздат, 1946—1952.

Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930—1953 / под общ. ред. А. Н. Яковлева ; сост. А. И. Кокурин, Ю. Н. Моруков. — М. : МДФ, Материк, 2005. — 568 с.

Товарищ комсомол : Документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ (1918—1968) : в 2 т. Т. 2 : 1941—1969 / сост. В. Десятерик, В. Криворученко, В. Сулемов, Н. Трущенко, Р. Чекрыжова. — М. : Молодая гвардия, 1969. — 606 с.

Требник. — СПб. : изд. Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1995. — 310 с.

Требник митрополита Петра Могилы. — Репр. Воспр. изд. 1646 г. : в 3 ч. — Київ : Інформаційно-видавничий центр Української Православної церкви, 1996.

Тульская областная организация КПСС в цифрах. 1917—1984 : статистический сборник. — Тула : Приокск. кн. изд., 1986. — 141 с.

Указания о порядке проведения инвентаризации и восстановления колхозного счетоводства в колхозах, освобожденных от немецко-фашистской оккупации (утверждены зам. Наркома земледелия СССР Пензиным 25 марта 1943 г.) / отв. за вып. И. Д. Бараночников. — М. : изд. Наркомзема СССР, 1943. — 8 с.

Указания по практическому применению новых типовых положений об оплате труда рабочих, руководящих работников, специалистов и служащих совхозов, племенных и конных заводов и других государственных предприятий сельского хозяйства системы Министерства совхозов РСФСР. — М. : [б. и.], 1961. — 134 с.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 августа 1948 г. «О подоходном налоге с колхозов». URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16234;fld=134;dst=100051;rnd=0.33350583693487146 (дата обращения: 19.09.2014).

УК РСФСР 1926 г. [Электронный ресурс] : сайт Wikisource — «Свободная библиотека». URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_Кодекс_РСФСР_редакции_1926/Редакция_11.01.1956 (дата обращения: 12.06.2015).

УК РСФСР от 27 октября 1960 г. первая редакция (без изменений и дополнений) [Электронный ресурс] : сайт «Левоневский Валерий Станиславович».

URL: http://pravo.levonevsky.org/kodeksru/uk/19601027/index03.htm (дата обращения: 12.06.2015).

Финансы СССР : статистический сборник. — М. : Госстатиздат, 1959. — 306 с.

Финансы СССР : статистический сборник. — М. : Госстатиздат, 1962. — 334 с.

Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР : [6 т.]. — М. : Госюриздат, 1949. — Т. 1 : 1917—1927 гг. — 516 с.; Т. 3 : 1930—1934 гг. — 520 с.

Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР : в 6 т. / сост. Л. И. Газиянц, И. О. Козлова, Ю. И. Мочек, Н. А. Ноткина и др. ; общ. рук. колл. сост. и ответ. Ред. В. А. Болдырев. — М. : Госюриздат, 1959. — Т. 1 : 1917—1928 гг. — 662 с.; Т. 2 : 1929—1939 гг. — 496 с.; Т. 5 : 1954—1956 гг.— 702 с.; Т. 6 : 1957 г. — 808 с.

Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства : в 8 т. — М., 1962—1964.

ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945—1953 / сост. В. В. Денисов, А. В. Квашонкин, Л. Н. Малашенко, А. И. Минюк и др. — М. : РОССПЭН, 2004. — 496 с.

Ярославская область за 50 лет в цифрах : статистический сборник / под ред. М. С. Авдонина. — Ярославль : Верхне-Волжское кн. изд., 1967. — 80 с.

Ярославская область : краткий статистический сборник. — Ярославль : Ярославское кн. изд., 1957. — 96 с.

Мемуары

Абрамов И. Я. Как это было. — Смоленск : Смоленская гор. Тип., 2005. — 107 с.

Блынский А. С. Далекое и близкое. — Брянск : Обл. полиграф. объединение, 2005. — 384 с., ил.

Бородин М. Е. Время, действия, лица : воспоминания. — Белгород : Белгородская обл. тип., 2011. — 424 с., ил.

Воспоминания о себе и о своей работе в годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы Д. И. Зайцева [Электронный ресурс] : сайт Чернского районного историко-краеведческого музея им. Н. А. Вознесенского]. URL: https://rikm-chern.tls.muzkult.ru/news/90574681?ysclid=leock6opjo479851240 (дата обращения: 28.02.2023).

Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / сост. и обраб. Е. М. Ковалев. — М. : Аспект Пресс, 1996. — 414 с.

Горбацевич Д. Два месяца в гостях у колхозников : (Заметки американского туриста). — Нью-Йорк : [б. и.], 1967. — 160 с.

Гришин В. В. От Хрущева до Горбачева : Политические портреты пяти генсеков и А. Н. Косыгина : мемуары / ред.-сост. Ю. П. Изюмов. — М. : АСПОЛ, 1996. — 336 с.

Еремин А. Е. От станка до Верховного Совета : (Из воспоминаний). — Кострома : ФГУИПП «Кострома», 2003. — 168 с., ил.

Зайцев М. С. О времени и о себе. — Смоленск : [б. и.], 2009. — 118 с.

Игрунов Н. С. И после нас зеленая трава : История моя и наша. — Белгород : Истоки, 2006. — 560 с., ил.

Карнаухов С. В. Старая площадь : Наблюдения и раздумья бывшего работника аппарата ЦК КПСС. — М. : Патриот, 2006. — 479 с.

Клименко И. Е. Думы о былом : Размышления о времени, о людях, о себе. — 6-е доп. изд. — Смоленск : Союз журналистов Смоленской обл., 2005. — 568 с.

Кондрашов Д. И. От прошлого к будущему : О времени и о себе. — М. : ФГУП изд. «Известия», 2018. — 640 с.

Мазаев А. В. Все в памяти моей… : воспоминания секретаря обкома по селу : История моя и наша. — Рязань : изд. ГУП РО «Рязанская областная типография», 2011. — 492 с.

Мариничева (Оленева) Г. А. История Рогожского поселка — центра старообрядчества : (воспоминания). — М. : [б. и.], 2021. — 112 с.

Мацкевич В. В. Что мы видели в США и Канаде : Впечатления участников советской сельскохозяйственной делегации 1955 г. — М. : Госполитиздат, 1956. — 240 с.

Размолодин М. Л. Эпизоды из жизни и деятельности Ф. И. Лощенкова : интервью с бывшим первым секретарем Ярославского обкома КПСС. — Ярославль : изд. ТОО «Лия», 1995. — 176 с.

Синицын И. Е. Андропов вблизи : Воспоминания о временах «оттепели» и «застоя». — М. : ИИК «Рос. Газета», 2004. — 480 с.

Смеляков Н. Н. Деловая Америка : (Записки инженера). — 2-е изд., доп. — М. : Политиздат, 1970. — 415 с.

Торопов В. Ф. Незабываемое : Записки председателя облисполкома. — Ярославль : Верхняя Волга, 2001. — 176 с.

Федотов И. П. Встать! Суд идет! — М. : ООО информац.-издат. группа «Титул», 2006. — 334 с.

Черепанов И. М. Моя судьба — в судьбе Отечества. — М. : Современные тетради, 2001. — 128 с.

Шевелуха В. С. С верой и надеждой : публицистические рассказы. — 2-е изд., доп. и перераб. — М. : Колос, 1995. — 336 с.

Эвельсон Е. Судебные процессы по экономическим делам в СССР (шестидесятые годы). — London : Overseas Publications Interchange Ltd, 1986. — 372 с.

Ячменцева Е. И. Воспоминания о времени и о себе. — Рыбинск : Цитата Плюс, 2017. — 224 с.

Литература

Исследования

Абросенко К. П. О социалистическом перевоспитании крестьянства. — М. : ОГИЗ, 1949. — 137 с.

Авторханов А. Г. Технология власти [Электронный ресурс] : сайт «Библиотека Максима Мошкова». URL: http://www.lib.ru/POLITOLOG/AWTORHANOW/tehnologiq.txt (дата обращения: 10.07.2015).

Агарев А. Ф. Трагическая авантюра : Сельское хозяйство и крестьянство Рязанской области в 1937—1970 гг. : документы, события, факты. — Рязань : Русское слово, 2010. — 656 с., ил.

Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке / отв. ред. В. А. Ильиных. — Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2008. — 308 с.

Азовкин И. А. Местные Советы в системе органов власти. — М. : Юрид. лит., 1971. — 272 с.

Аксененок Г. А. Право государственной собственности на землю в СССР. — М. : Юриздат, 1950. — 306 с.

Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953—1964 гг. — М. : РОССПЭН, 2004. — 488 с.

Александров П. О путях постепенного перехода от социализма к коммунизму. — М. : Моск. рабочий, 1954. — 52 с.

Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. — М. : Политиздат, 1991. — 400 с.

Алымов С. С. П. И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920—1950-е годы. — М. : ИЭА РАН, 2006. — 278 с.

Амвросов А. А. От классовой дифференциации к социальной однородности общества. — М. : Мысль, 1972. — 295 с.

Андреева И. Частная жизнь при социализме : Отчет советского обывателя / предисл. Р. Кирсановой. — М. : Новое литературное обозрение, 2009. — 344 с., ил.

Андроник (Трубачев), игумен. Закрытие Троице-Сергиевой лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918—1946 гг. — М. : Изд. Совет РПЦ, 2008. — 432 с., ил.

Анисимов Н. И. Развитие сельского хозяйства в первой послевоенной пятилетке. — М. : Госполитиздат, 1952. — 136 с.

Анисимов Н. И. Советское крестьянство. — Изд. 2-е. — М. : Молодая гвардия, 1947. — 184 с.

Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Культура и быт колхозников Калининской области. — М. : Наука, 1964. — 352 с.

Апанасенок А. В. «И на демонстрацию ходили, и куличи святили»: пасха в СССР позднесталинского и хрущевского периодов // Провинциальные научные записки. — 2021. — № 2 (14). — С. 5—12.

Арендт Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю. Б. Мишкенене, Л. А. Седова ; послесл. Ю. Н. Давыдова ; под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Попова. — М. : ЦентрКом, 1996. — 672 с.

Арон Р. Демократия и тоталитаризм / пер. с фр. Г. И. Семенова. — М. : Текст : лит.-изд. студия «РИФ», 1993. — 303 с.

Арсенкин В. К. Кризис религиозности и молодежь : Методологические аспекты исследования / отв. ред. В. Д. Тимофеев. — М. : Наука, 1984. — 263 с.

Арутюнян Ю. В. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929—1957 гг. : (Формирование кадров массовых квалификаций) М. : изд. АН СССР, 1960. — 342 с.

Арутюнян Ю. В. Опыт социологического изучения села. — М. : изд. МГУ, 1968. — 104 с.

Арутюнян Ю. В. Особенности и значение нового этапа развития сельского хозяйства СССР // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР : Материалы научной сессии, состоявшейся 18—21 апреля 1961 г. в Москве / отв. ред. М. П. Ким ; редкол.: Ю. В. Арутюнян, В. П. Данилов, И. Е. Зеленин. — М., 1963. — С. 392—426.

Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. — М. : изд. АН СССР, 1963. — 460 с.

Арутюнян Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР. — М. : Мысль, 1971. — 376 с.

Афанасенков В. О. Модернизация животноводства в послесталинский период: противоречия и дилеммы аграрной политики Н. С. Хрущева // Крестьяноведение. — 2021. — Т. 6. — № 2. — С. 166—171.

Ахмадиева Н. В. Колхозное крестьянство Башкирской АССР в 1945—1965 гг. / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. — Уфа : Гилем, 2008. — 176 с.

Байбурин А. К. Введение паспортной системы в СССР // Статус документа: окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? / под ред. И. М. Каспэ. — М. : Новое литературное обозрение, 2013. — С. 75—102.

Бакунин А. В. История советского тоталитаризма : в 2 кн. Кн. 2 : Апогей / отв. ред. С. П. Постников. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 1997. — 224 с.

Бакшеева Е. Б. Политика Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР в 1943—1965 гг.: ее особенности и проявления на Дальнем Востоку РСФСР // DIXI-2012: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сборник научных трудов. — Вып. 3 / под науч. ред. А. Ю. Завалишина. — Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2012. — С. 9—23.

Беглов А. Л. В поисках «безгрешных катакомб» : Церковное подполье в СССР. — М. : Изд. Совет Русской Православной Церкви : Арефа, 2008. — 352 с.

Безнин М. А. Землепользование крестьянского двора в Российском Нечерноземье в 1950—1965 гг. // История СССР. — 1990. — № 3. — С. 27— 40.

Безнин М. А. Колхозное население в Российском Нечерноземье в 1950—1965 гг. — Вологда : [б. и.], 1990. — 22 с.

Безнин М. А. Крестьянская базарная торговля в Нечерноземье в 50-е — первой половине 60-х гг. // История СССР. — 1991. — № 1. — С. 69—85.

Безнин М. А. Крестьянская торговля на рынках Нечерноземья в 1950-е — 1965 гг. : в 3 ч. — Вологда : [б. и.], 1990. — Ч. 1. — 74 с.; Ч. 2. — 70 с.; Ч. 3. — 60 с.

Безнин М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье, 1950—1965 гг. — М. ; Вологда : ВГПИ, 1991. — 256 с.

Безнин М. А. Крестьянский двор Российского Нечерноземья в 1950—1965 гг. // Отечественная история. — 1992. — № 3. — С. 16—29.

Безнин М. А. Хозяйство крестьянского двора в Российском Нечерноземье 1950—1965 г. — Вологда : [б. и.], 1989. — 90 с.

Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России 1930—1980-х годов. — М. : ЛЕНАНД, 2014. — 608 с.

Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России в 1930—1960-е годы : тезисы научного доклада. — Вологда : Легия, 2003. — 36 с.

Безнин М. А., Димони Т. М. К вопросу о подходах в изучении основных этапов социально-экономической трансформации советской России от аграрного к капитализированному обществу // Вестник Томского государственного университета. История. — 2020. — № 66. — С. 13—21.

Безнин М. А., Димони Т. М. Коллективная капиталистическая собственность в институциональном устройстве России 1930—1980-х гг. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2020. — Т. 13. — № 4. — С. 186—201.

Безнин М. А., Димони Т. М. Крестьянство и власть в России в конце 1930-х — 1950-е годы // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.) : Материалы Международной конференции, Москва, 14—15 июня 1994 г. — М. : РОССПЭН, 1996. — С. 155—166.

Безнин М. А., Димони Т. М. Личное подсобное хозяйство как индикатор отмирания аграрного общества в России // Вопросы истории. — 2019. — № 12 (1). — С. 84—96.

Безнин М. А., Димони Т. М. «Надпроизводственный» менеджмент в советской экономике (1930—1980-е гг.) // Вопросы истории. — 2020. — № 10 (2). — С. 42—60.

Безнин М. А., Димони Т. М. Первоначальное накопление капитала в Советской России: приглашение к научной дискуссии // Вопросы истории. — 2020. — № 7. — С. 22—42.

Безнин М. А., Димони Т. М. Повинности российских колхозников в 1930—1960-е гг. // Отечественная история. — 2002. — № 2. — С. 96—111.

Безнин М. А., Димони Т. М. Протобуржуазия в сельском хозяйстве России 1930—1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни). — Вологда : Легия, 2008. — 56 с.

Безнин М. А., Димони Т. М. Советская протобуржуазия: генезис высшего класса российского общества // Новейшая история России. — 2019. — Т. 9. № 2. — С. 437—453.

Безнин М. А., Димони Т. М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х — 1960-е гг.) // Отечественная история. — 1999. — № 3. — С. 81—99.

Безнин М. А., Димони Т. М., Гулин К. А. Экономический строй России 1950—1980-х годов. — Вологда : ВоГУ, 2021 — 256 с.

Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В. Повинности российского крестьянства в 1930—1960-х гг. — Вологда : Вологодский НКЦ ЦЭМИ РАН, 2001. — 141 с.

Белов В. Сельское хозяйство на пути подъема // Калужская область за сорок лет / ред. колл. А. К. Сургаков, В. М. Косачев, В. В. Соловьев, Н. А. Рыбин и др. — Калуга : изд. газ. «Знамя», 1957. — С. 167—171.

Белякова Н. А. Власть и религиозные объединения в «позднем» СССР: проблема регистрации // Отечественная история. — 2008. — № 4. — С. 124—130.

Белякова Н. А., Добсон М. Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР. 1940—1980-е гг. : исследование и источники. — М. : Индрик, 2015. — 512 с.

Бенедиктов И. А. Развитие сельского хозяйства в послевоенный период. — М. : Госполитиздат, 1947. — 80 с.

Бененсон В. И. Техминимум для заведующего оперативным учетом райуполнаркомзага / под ред. Г. Г. Петрова. — 3-е доп. изд. — М. : Заготиздат, 1945. — 80 с.

Бердинских В. А. Речи немых : Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. — М. : Ломоносовъ, 2011. — 328 с.

Бердинских В. А. Русская деревня: быт и нравы. — М. : Ломоносовъ, 2013. — 266 с.

Бердинских В. А., Бердинских И. В., Веремьев В. И. Система спецпоселений в Советском Союзе 1930—1950-х годов / науч. ред. И. Л. Жеребцов. — Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. — 244 с.

Бессонова О. Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. — Новосибирск : ИЭиОПП, 1997. — 76 с.

Бессонова О. Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. — Новосибирск : ИЭиОПП, 1999. — 152 с.

Бикейкин Е. Н. Аграрная модернизация и развитие сельского хозяйства Среднего Поволжья: 1953—1991 гг. (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР) / науч. ред. В. А. Юрченков. — Саранск : НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2017. — 448 с., ил.

Бирман И. Я. Экономика недостач. — New York : Chalidze publications, 1983. — 740 с.

Блок М. Апология истории или ремесло историка / пер. с фр. Е. М. Лысенко ; примеч. А. Я. Гуревича. — М. : Наука, 1973. — 233 с.

Богданов А. К. Vox populi : Фольклорные жанры советской культуры. — М. : Новое литературное обозрение, 2009. — 368 с., ил.

Богденко М. Л. Совхозы СССР, 1951—1958. — М. : Политиздат, 1972. — 280 с.

Божичко В. В. Послевоенная повседневность колхозников Рязанской области по материалам жалоб во власть. 1945—1955 гг. // Вестник архивиста. — 2019. — № 1. — С. 79—88.

Божичко В. В. Районные газеты как источник сведений о повседневной жизни колхозников в 1946—1948 гг. (на материалах Рязанской области) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект) : сборник материалов международной

научной конференции / под общ. ред. В. А. Временко, отв. ред. С. В. Степанов. — СПб. : Культ.-просвет. Товарищество, 2018. С. 232—237.

Бокарев Ю. П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970—1980-е годы. — М. : Наука, 2007. — 380 с.

Бокарев Ю. П. Теория модернизации и экономические реформы в России // Информационно-аналитический бюллетень. — 2009. — № 7. — С. 7—32.

Бокарев Ю. П. Теория модернизации и экономическое развитие // Уральский исторический вестник. — 2017. — № 4 (57). — С. 25—35.

Болотов С. В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е — 1950-е годы. — М. : изд. Крутицкого подворья : Общество любителей церковной истории, 2011. — 315 с.

Бондарев В. А. Фрагментарная модернизация послеоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х — начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья / отв. ред. А. П. Скорик. — Ростов н/Д. : изд. СКНЦ ВШ, 2005. — 580 с.

Бондаренко С. Я., Малахов Р. А., Перебинос Ю. А. Провинциальное чиновничество на Европейском Севере России в 1918 — начале 1950-х годов / науч. ред. М. А. Безнин. — Вологда : Книжное наследие, 2009. — 326 с.

Борисов Ю. С., Вылцан М. А., Зеленин И. Е. Колхозное крестьянство в строительстве коммунизма : Материал для обсуждения на сессии по истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. — М. : Знание, 1961. — 48 с.

Борьба КПСС за укрепление союза рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции (1941—1985 гг.) / под ред. В. Т. Анискова. — Ярославль : ред.-изд. отдел ЯрГУ, 1987. — 116 с.

Боченков В. В. Старообрядчество советской эпохи : Епископы Русской Православной старообрядческой Церкви, советский период (1918—1991 гг.) : библиографический словарь. — М. : Вече, 2019. — 320 с., ил.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. : в 3 т. — 2-е изд. — Т. 1 : Структуры повседневности. / пер. с фр. Л. Е. Куббеля ; вступ. Статья Ю. Н. Афанасьева. — М. : Весь мир, 2006. — 592 с.

Бромберг Л. М., Широков В. Г. Борьба партии за восстановление и развитие социалистического народного хозяйства в послевоенный период (1945—1953 гг.) // Вопросы истории КПСС. — 1963. — № 1. — С. 76—85.

Бугай Н. Ф. 20—40-е гг.: депортации населения с территории Европейской России // Отечественная история. — 1992. — № 4. — С. 37—49.

Бугай Н. Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30-х — 40-х гг. // История СССР. — 1989. — № 6. — С. 135—144.

Будаев Д. И., Рябков Г. Т. История сельского хозяйства и крестьянства Западного региона РСФСР. Конференция в Смоленске // История СССР. — 1978. — № 5. — С. 219—221.

Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей : (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства). — Репр. Воспр. изд. 1913 г. — М. : изд. отдел Моск. Патриархата, 1993. — 1773 с., XXIII.

Бурдье П. Практический смысл / пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко ; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. — СПб. : Алетейя ; М. : Институт экспериментальной социологии, 2001. — 562 с.

Бурдье П. Социальное пространство и генезис «классов» // Социология социального пространства / пер. с фр., отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. — С. 14—48.

Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // THESIS. — 1993. — № 2. — С. 137—150.

Бурдье П. Социология политики / пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. — М. : Socio-Logos, 1993. — 336 с.

Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология : электронный журнал [сайт: www.ecsoc.hse.ru]. — 2002. — Т. 3. — № 5. — С. 60—74.

Вавулинская Л. И. Колхозное крестьянство и государственная политика в середине 1940-х — конце 1950-х годов (на материалах Карелии). — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2010. — 235 с.

Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // СОЦИО-ЛОГОС : Социология, антропология, метафизика. — Вып. 1 : Общество и сферы смысла : пер. с англ., нем., фр. / сост., общ. ред. и предисл. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова. — М. : Прогресс, 1991. — С. 39—50.

Васильева О. Ю. Судьбы русских монастырей в XX веке // Монашество и монастыри в истории России XI—XX века : исторические очерки / отв. ред. Н. В. Синицына. — М. : Наука, 2002. — С. 332—342.

Вебер М. Хозяйство и общество : очерки понимающей социологии : в 4 т. / пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. — Т. 1 : Социология — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 445 с.; Т. 4 : Господство. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 542 с.

Вдовин А. И., Дробышев В. З. Социальная психология и некоторые вопросы истории советского общества // История СССР. — 1971. — № 5. — С. 24—41.

Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире : пер. с англ. / сост. Т. Шанин ; под ред. А. В. Гордона. — М. : Изд. группа «Прогресс» : Прогресс-Академия, 1992. — 432 с.

Великий подвиг партии и народа — массовое освоение целинных и залежных земель : сборник документов и материалов / отв. ред. И. М. Волков ; сост. С. Р. Левина, О. М. Слоним, З. А. Троицкая. — М. : Наука, 1979. — 439 с.

Венжер В. Г. Исторические закономерности развития колхозного строя при социализме и в период развернутого строительства коммунизма // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР : Материалы научной сессии, состоявшейся 18—21 апреля 1961 г. в Москве / отв. ред.

М. П. Ким ; редкол.: Ю. В. Арутюнян, В. П. Данилов, И. Е. Зеленин. — М. : изд. АН СССР, 1963. — С. 370—390.

Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х годов / отв. ред. И. Е. Зеленин. — М. : Наука, 1992. — 222 с.

Викентьев А. И. Очерк развития народного хозяйства СССР (1951—1958 гг.). — М. : Госполитиздат, 1959. — 243 с.

Виноградский В. Г. «Голоса снизу»: дискурсы сельской повседневности. — М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2017. — 320 с.

Виноградский В. Г. «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. — Саратов : изд. Саратовского института РГТЭУ, 2009. — 292 с.

Виноградский В. Г. Протоколы колхозной эпохи. — Саратов : изд. Саратовского института РГТЭУ, 2012. — 216 с.

Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина : Коллективизация и культура крестьянского сопротивления : пер. с англ. — М. : РОССПЭН : Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. — 366 с.

Вишневский А. Г. Серп и рубль : Консервативная модернизация в СССР. — 2-е изд. — М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. — 430 с.

Власть и общество в истории России : сборник статей. — М. : АИРО-XXI, 2012. — 208 с.

Власть и общество в СССР: политика репрессий (20—40-е годы) / под ред. В. П. Дмитренко, Г. Б. Куликова, Л. В. Ярушина. — М. : ИРИ РАН, 1999. — 360 с.

Власть и общество России. XX век : сборник научных трудов / под ред. В. П. Попова, А. Ф. Киселева, С. В. Мищенко. — М. ; Тамбов : изд. ТГТУ, 1999. — 354 с.

Власть и оппозиция : Российский политический процесс XX столетия / рук. проекта В. В. Журавлев ; авт. колл.: Ю. В. Аксютин, О. В. Волобуев, А. А.

Данилов, В. В. Журавлев, С. В. Кулешов и др. — М. : РОССПЭН, 1995. — 400 с.

Волков И. М. Деревня СССР в 1945—1953 гг. в новейших исследованиях историков (конец 1980-х — 1990-е годы) // Отечественная история. — 2000. — № 6. — С. 115—124.

Волков И. М. Засуха, голод 1946— 1947 гг. // История СССР. — 1991. — № 4. — С. 3—19.

Волков И. М. Колхозное крестьянство СССР в первые послевоенные годы (1946—1950 гг.) // Вопросы истории. — 1970. — № 6. — С. 3—19.

Волков И. М. Некоторые вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства в первые послевоенные годы // История СССР. — 1973. — № 1. — С. 3—19.

Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы : Колхозы СССР в 1946—1950 гг. — М. : Наука, 1972. — 293 с.

Волков И. М., Данилов В. П., Шерстобитов В. П. Проблема истории советского крестьянства // История СССР. — 1977. — № 3. — С. 3—18.

Вопросы колхозного строительства / под ред. И. Д. Лаптева, В. П. Дьяченко, А. А. Караваева. — М. : Госполитиздат, 1951. — 488 с.

Вопросы научного атеизма. — Вып. 25 : Атеизм, религия, церковь и история СССР / отв. ред. П. К. Курочкин. — М. : Мысль, 1980. — 341 с.

Воронцова Е. В., Сундукова Д. А. Старообрядческий скит в советской деревне: (не)заметное присутствие // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. — 2020. — Вып. 88. — С. 83—102.

Восленский М. С. Номенклатура : Господствующий класс Советского Союза / предисл. М. Джиласа. — 1-е совет. Изд. — М. : МП «Октябрь» : Советская Россия, 1991. — 622 с.

Вылцан М. А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945—1958 гг.). — М. : Мысль, 1976. — 263 с.

Гаврилюк Ф. Я. Бонитировка почв. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — Ростов н/Д. : изд. Ростовского ун-та, 1978. — 227 с.

Галлямова А. Г. Социальный мир в советской и постсоветской деревне: от открытой конфронтации к скрытому фрондерству (на примере Татарской АССР) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2020 год : Социальный мир деревни X—XXI вв.: земельные собственники / землевладельцы и земледельцы / отв. ред. А. А. Горский, В. В. Кондрашин. — Воронеж : Изд.-полигр. Центр «Научная книга», 2020. — С. 141—153.

Гарвардский проект: рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне / сост., общ. ред. и вступ. Статья О. В. Будницкого и Л. Г. Новиковой. — М. : РОССПЭН, 2018. — 493 с.

Геллер М. Я. Машина и винтики : История формирования советского человека. — М. : МИК, 1994 [Электронный ресурс]. URL: http://www.twirpx.com/file/625928/ (дата обращения: 10.07.2015).

Геллер М. Я., Некрич А. М. История России 1917—1995 : в 4. Т. Т. 1 : Утопия у власти 1917—1945. — М. : МИК : Агар, 1996 [Электронный ресурс] : сайт «Библиотека Якова Кротова». URL: http://www.krotov.info/history/11/geller/gell_20a.html#_Toc86078752 (дата обращения: 10.07.2015).

Герасимов Н. В. Культпросветработа в Ярославской области в годы 4-й пятилетки // Краеведческие записки. — Ярославль : Ярославский обл. краевед. Музей, 1957. — Вып. 2.— С. 135—153.

Гераськин Ю. В. Борьба со «святыми источниками» в Рязанской области (1948—1970 гг.) // Вопросы истории. — 2008. — № 3. — С. 148—152.

Гераськин Ю. В. Взаимоотношения Русской Православной Церкви, общества и власти в конце 30-х — 1991 гг. (на материалах областей Центральной России). — М. : МПГУ, 2008. — 479 с.

Гераськин Ю. В. К вопросу о поддержке Русской Православной Церкви населением в период «хрущевских гонений» (по материалам Рязанской области) // Отечественная история. — 2007. — № 4. — С. 95—102.

Гераськин Ю. В. Подача ходатайств об открытии храмов в 1940—1950-е годы как способ отстаивания конституционного права на свободу вероисповедания

// Вестник Челябинского государственного университета. История. — 2008. — Вып. 24. — № 15. — С. 132—138.

Гераськин Ю. В. Русская православная церковь, верующие, власть (конец 30-х — 70-е годы XX века). Рязань, 2007 [Электронный ресурс] : сайт «Бесплатная электронная библиотека (Авторефераты, диссертации, методички, учебные программы, монографии)». URL: http://www.diss.seluk.ru/monografiya/732803-1-yuv-geraskin-russkaya-pravoslavnaya-cerkov-veruyuschie-vlast-konec-30-h-70-e-godi-veka-monografiya-ryazan-2007-bbk-86372-g37-p.php (дата обращения: 24.03.2015).

Городник Г. И. Дорогами новых традиций. — М. : Политиздат, 1964. — 143 с.

Гинзбург К. Мифы — эмблемы — приметы: морфология и история / пер. с итал. и послесл. С. Л. Козлова. — М. : Новое издательство, 2004. — 348 с.

Гинзбург К. Сыр и черви : Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. — М. : РОССПЭН, 2000. — 202 с.

Глезерман Г. Е. Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР. — М. : Госполитиздат, 1949. — 419 с.

Глумная М. Н., Изюмова Л. В. Денежные платежи северного крестьянства в 1930-х — начале 1950-х гг. // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории / отв. ред. М. А. Безнин. [Вып. 1]. — Вологда : Легия, 2000. С. 52—77.

Голиков А. Г., Круглова Т. А. Источниковедение отечественной истории /под общ. ред. проф. А. Г. Голикова. — М. : РОССПЭН, 2000. — 440 с.

Горбачев О. В. На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946—1985 гг.) и советская модель урбанизации. — М. : МПГУ, 2002. — 158 с.

Горбачева Р. М. Быт колхозного крестьянства. — Ставрополь : кн. издат., 1969. — 136 с.

Горбачев О. В., Кометчиков И. В., Филимонов В. Я. История крестьянства Западного региона России (1941 — середина 1980-х годов) / под ред. докт. ист.

наук В. Я. Филимонова. — Калуга: Калужский государственный институт развития образования, 2017. — 632 с.: ил.

Гордиенко Н. С. Основы научного атеизма. — М. : Просвещение, 1988. — 304 с.

Государственная аграрная политика в России XX века в контексте модернизационного процесса / науч. ред. М. А. Безнин, Т. М. Димони. — Вологда : ВГПУ : Русь, 2006. — 190 с.

Грегори П. Политическая экономия сталинизма / под ред. А. М. Маркевича ; пер. с англ. И. Кузнецова, А. Маркевича. — М. : РОССПЭН, 2006. — 400 с.

Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. — М. : Паломник, 2000. — 543 с.

Грушин Б. А. Институт общественного мнения «Комсомольской правды» // Мониторинг общественного мнения. — 2003. — № 1. — С. 60—74.

Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений : Проблемы методологии исследования общественного мнения. — М. : Политиздат, 1967. — 400 с.

Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения : Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина : в 4 кн. — Кн. 1 : Эпоха Хрущева. — М. : Прогресс-Традиция, 2001. — 624 с.

Гудков Л. Д. Амнезия или стерилизация больного прошлого? Образ сталинизма в общественном мнении России // История сталинизма: жизнь в терроре : Социальные аспекты репрессий : Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18—20 октября 2012 г. / сост. А. Сорокин, А. Кобак, О. Кувалдина. — М. : РОССПЭН, 2013. С. 6—20.

Гусаков А. Д., Дымшиц И. А. Денежное обращение и кредит в СССР. — М. : Госфиниздат, 1951. — 308 с.

Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество : избранное. — М. : Эксмо, 2008. — 1200 с.

XX век и сельская Россия / под ред. Х. Окуда. — Токио : CIRJE-R-2, 2005. — 392 с.

XX съезд КПСС в контексте российской истории / отв. ред. А. С. Сенявский. — М. : ИРИ РАН, 2012. — 220 с.

Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология : Актуальные проблемы веберовского социологического учения. — М. : Мартис. 1998. — 510 с.

Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы : СССР в первые послевоенные годы. — М. : РОССПЭН, 2001. — 303 с.

Данилов В. П. Изучение истории советского крестьянства // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС : История СССР / гл. ред. Н. М. Дружинин. — М. : изд. АН СССР, 1962. — С. 449—492.

Дашкова Т. Брак и сервис, сыр и черви… : Советская повседневность и все, все, все… // НЛО. — 2011. — № 4. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2011/4 (дата обращения: 01.09.2023 г.)

Дегтярев И. В. Земельный кадастр. — М. : Колос, 1979. — 463 с.

Демографическая ситуация и расселение населения в сельской местности РСФСР. — М. : МФГО, 1986. — 82 с.

Демьянов А. И. Истинно православное христианство / науч. ред. А. И. Клибанов. — Воронеж : изд. Воронеж. Гос. ун-та, 1977. — 152 с.

Денисов Ю. П. Кадры председателей колхозов в 1950—1958 гг. // История СССР. — 1971. — № 1. — С. 38—57.

Денисов Ю. П. Развитие колхозной демократии (1946—1970). — Ростов н/Д. : изд. Ростов. ун-та, 1975. — 192 с.

Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России : Нечерноземье в 1960—1980-е годы / отв. ред. В. В. Кабанов. — М. : ИРИ РАН, 1996. — 215 с.

Денисова Л. Н. Невосполнимые потери: кризис культуры села в 60—80-е годы. — М. : Наука, 1995. — 182 с.

Дённингхаус В., Савин А. «Смотришь, и Мане, и Тане какой-то “Знак Почёта” попадает» : Брежневская «индустрия» награждений и советское общество // Российская история. — 2014. — № 2. — С. 127—149.

Дергунов В. А. О главной производительной силе деревни. — Горький : Волго-Вятское кн. изд., 1972. — 192 с.

Деятельность КПСС по повышению культурно-технического уровня тружеников села / под ред. проф. В. Б. Островского. — Саратов : изд. Саратов. Ун-та, 1979. — 274 с.

Деятельность КПСС по развитию союза рабочего класса и колхозного крестьянства на современном этапе (по материалам партийных организаций Северного Кавказа) / отв. ред. В. В. Криводед. — Краснодар : [б. и.], 1970. — 160 с.

Джилас М. Новый класс. — Нью-Йорк : Прегер, 1961. — 243 с.

Диалектический материализм / под общ. ред. Г. Ф. Александрова. — М. : Госполитиздат, 1953. — 439 с.

Димони Т. М. Модернизация аграрной экономики на Европейском севере России в 1930-х — первой половине 1960-х гг. // Российская история. — 2009. — № 3. — С. 194—204.

Димони Т. М. Политика экономической модернизации сельского хозяйства России в 1930-е — первой половине 1960-х гг. // Государственная аграрная политика в России XX века в контексте модернизационного процесса / науч. ред. М. А. Безнин, Т. М. Димони. — Вологда : Русь, 2006. — С. 39—77.

Димони Т. М. Эволюция поземельных отношений в России второй половины XX века // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. — Вып. 3 / редкол.: О. В. Артемова, М. А. Безнин (главный редактор), М. Н. Глумная, Т. М. Димони, Л. В. Изюмова, Ф. Я. Коновалов. — Вологда : Легия, 2002. — С. 44—52.

Добсон М. Холодное лето Хрущева : Возвращенцы из ГУЛАГа, преступность и трудная судьба реформ после Сталина / пер. с англ. Д. А. Благова. — М. : Политич. энцикл., 2014. — 295 с.

Долгих Ф. И. Коммунистическое воспитание и преодоление религиозных пережитков. — М. : Воениздат, 1961. — 92 с.

Дома народного творчества России: ретроспектива и современность : исторические очерки / ред.-сост. Л. А. Богуславская. — М. : Государственный Российский Дом народного творчества, 2009. — 492 с., ил. — (Сохранение и развитие нематериального культурного развития народов России ; кн. 1).

Дубоносов Д. И. Деятельность Коммунистической партии по восстановлению и развитию сельского хозяйства (1945—1950 гг.) / отв. ред. В. М. Резванов. — Ростов н/Д. : Молот, 1970. — 156 с.

Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год. Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X—XXI вв. — М. ; Самара : Самарский ун-т, 2015. — 511 с.

Ельчанинова О. Ю. Сельское население Среднего Поволжья в период реформ 1953—1964 гг. — Самара : Научно-техн. Центр, 2006. — 175 с.

Ефимов Н. И. Советский образ жизни. — М. : изд. Агентства печати «Новости», 1983. — 69 с.

Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского электрозавода в советском обществе 1920—1930-х гг. — М. : РОССПЭН, 2000. — 352 с.

Журавлев С. В. К переосмыслению советского прошлого : новые источники и методы исследования. — М. : РАГС, 2011. — 136 с.

Журавлев С. В., Гронов Ю. Мода по плану : История моды и моделирования одежды в СССР, 1917—1991. — М. : ИРИ РАН, 2013. — 496 с., ил.

Журавлев С. В., Мухин М. Ю. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии. 1928—1938 гг. — М. : РОССПЭН, 2004. — 240 с.

За рамками тоталитаризма : Сравнительные исследования сталинизма и нацизма / под ред. М. Гейера и Ш. Фицпатрик ; пер. с англ. В. И. Матузовой, Л. Е. Сидиковой, Г. И. Германенко, С. В. Шулятьева. — М. : РОССПЭН, 2011. — 679 с.

Заватски В. Евангелическое движение в СССР после Второй мировой войны. — М. : ИЦ-Гарант, 1995. — 559 с.

Задкова Т. Ю. Колхозная деревня Мордовии в условиях «оттепели» (1953—1964) / науч. ред. В. А. Юрченков. — Саранск : НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2010. — 272 с., ил.

Зайцев Н. А., Пучнина О. Е. Концепт «конвергенции» в истории мысли и в политике // Наука в современном мире: взгляд молодых ученых : Материалы VIII Международной научно-практической конференции. — Грозный : ЧГПУ, 2022. — С. 234—238.

Закович Н. М. Советская обрядность и духовная культура / отв. ред. Е. К. Дулуман. — Киев : Наукова думка, 1980. — 221 с.

Зарубежная литература по истории советского общества : информационный бюллетень. — М. : [б. и.], 1958. — № 2. — 49 с.; М. : [б. и.], 1959. — № 5. — 79 с.

Зберовская Е. Л. Юные колхозники советской деревни в конце 1940-х — начале 1950-х гг. (на примере Красноярского края) // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития : Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ. — Красноярск : КГАУ, 2022. — Ч. 2. — С. 715—717.

Здоров А. А. Государственный капитализм и модернизация Советского Союза (к вопросу о классовой природе советского общества). Одесса, 1998 [Электронный ресурс] : сайт skunksworks.net URL: http://www.skunksworks.net/doc/politik/zdorov-goscapsu.php (дата обращения: 15.08.2023).

Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. — М. : ИРИ РАН, 2001. — 302 с.

Зеленин И. Е. Общественно-политическая жизнь советской деревни 1948—1958 гг. — М. : Наука, 1978. — 245 с.

Зеленин И. Е. Общественно-политическая жизнь советской деревни в период социализма (некоторые итоги разработки и задачи исследования темы) // История СССР. — 1982. — № 4. — С. 20—34.

Зеленин И. Е. Совхозы СССР в 1941—1950 гг. — М. : Наука, 1969. — 344 с.

Земельное право / под ред. Н. Д. Казанцева, А. А. Рускола. — М. : Госюриздат, 1949. — 416 с.

Земсков В. Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический аспект) // История СССР. — 1991. — № 5. — С. 151—165.

Земсков В. Н. К вопросу о репатриации советских граждан 1944—1951 гг. // История СССР. — 1990. — № 4. — С. 26—41.

Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930—1954 гг.) // Отечественная история. — 1994. — № 1. — С. 118—147.

Зима В. Ф. «Второе раскулачивание» (аграрная политика конца 40-х — начала 50-х гг.) // Отечественная история. — 1994. — № 3. — С. 109—125.

Зима В. Ф. Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия / отв. ред. В. П. Дмитренко. — М. : ИРИ РАН, 1996. — 265 с.

Зима В. Ф. Голод, медицина, власть: 1946—1947 годы // Отечественная история. — 2008. — № 1. — С. 117—126.

Зима В. Ф. Менталитет народов России в войне 1941—1945 годов. — М. : ИРИ РАН, 2000. — 278 с.

Зима В. Ф. Послевоенное общество: голод и преступность (1946—1947 гг.) // Отечественная история. — 1995. — № 5. — С. 45—59.

Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность [Электронный ресурс] : сайт, посвященный А. А. Зиновьеву. URL: http://www.zinoviev.ru/ru/zinoviev/zinoviev-kommunism.pdf (дата обращения: 10.07.2015).

Зонтиков Н. А. Старообрядческий епископ Геронтий (Лакомкин): крестный путь святителя / под ред. А. В. Соловьевой ; Воспоминания; Духовное завещание / епископ Геронтий (Лакомкин) / подгот. к публ. А. В. Соловьевой. — Кострома : ДиАр, 2015. — 384 с.

Зоц В. А. Культура. Религия. Атеизм. — М. : Политиздат, 1982. — 158 с.

Зубкова Е. Ю. Кадровая политика и чистки в КПСС (1945—1956) // Свободная мысль. — 1999. — № 3. — С. 117—127; № 4. — С. 96—110; № 6. — С. 112—120.

Зубкова Е. Ю. Мир мнений советского человека, 1945—1948 годы: по материалам ЦК ВКП(б) // Отечественная история. — 1998. — № 3. — С. 25—39.

Зубкова Е. Ю. О «детской литературе» и других проблемах нашей исторической памяти // Исторические исследования в России : Тенденции последних лет / под ред. Г. А. Бордюгова. — М. : АИРО-XX, 1996. — С. 156—161.

Зубкова Е. Ю. Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 г. // Отечественная история. — 1995. — № 3. — С. 90—100.

Зубкова Е. Ю. Общество и реформы. 1945—1964 / под общ. ред. Г. А. Бордюгова. — М. : Изд. центр «Россия молодая», 1993. — 200 с.

Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. — М. : РОССПЭН, 1999. — 229 с.

Иванов Г. И. Социальная сущность теории конвергенции. — М. : Политиздат, 1975. — 202 с.

Иванов Н. С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х годов — 50-е годы) // Судьбы российского крестьянства / отв. ред. Ю. Н. Афанасьев. — М. : РГГУ, 1995. — С. 416—435.

Иванова Г. М. На пороге «государства всеобщего благосостояния» : Социальная политика в СССР (середина 1950-х — начало 1970-х гг.) — М. : ИРИ РАН, 2011. — 282 с.

Иванова Г. М. Советская школа в 1950—1960-е годы. — М. : Моск. время, 2018. — 430 с.

Игнатовский П. А. Социально-экономические изменения в советской деревне. — М. : Наука, 1966. — 392 с.

Изменение образа жизни колхозного крестьянства в условиях развитого социализма / науч. ред. В. И. Бовш. — Минск : Наука и техника, 1983. — 128 с.

Измозик В. С., Лебина Л. Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве (социально-архитектурное микроисторическое исследование). 1920—1930-е годы. — СПб. : Крига, 2010. — 248 с.

Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. — Вып. 1 : Советский период / отв. ред. А. Л. Нарочницкий. — М. : Наука, 1978. — 342 с.

Ильиных В. А. Звезда и смерть сибирского травополья // Крестьяноведение. — 2016. — Т. 1. — № 1. — С. 93—121.

Ильиных В. А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х — начало 1950-х гг. / отв. ред. А. А. Николаев. — Новосибирск : ГУП РПО СО РАСХН, 2004. — 167 с.

Ильиных В. А. Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы // Российская история. — 2012. — № 1. — С. 130—141.

Иосиф Виссарионович Сталин : (краткая биография). — М. : Госполитиздат, 1944. — 79 с.

Иосиф Виссарионович Сталин : краткая биография. — 2-е изд., доп. и испр. / сост. Г. Ф. Александров, М. Р. Галактионов, В. С. Кружков, М. Б. Митин, В. Д. Мочалов, П. Н. Поспелов. — М. : Госполитиздат, 1948. — 244 с.

Иоффе Л. Г. Техминимум для агентов по заготовкам мясомолочных продуктов. — М. : Заготиздат, 1947. — 60 с.

Исаченко С. Несокрушимый союз рабочего класса и колхозного крестьянства. — М. : Моск. рабочий, 1954. — 48 с.

Истер Дж. М. Советское государственное строительство : Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России / пер. с англ. Т. Н. Саранцевой. — М. : РОССПЭН, 2010. — 255 с.

Исторический материализм / под общ. ред. В. Ф. Константинова. — М. : Госполитиздат, 1950. — 747 с.

История баптизма : сборник. — Вып. 1 / сост. и предисл. С. Н. Санников. — Одесса : ОБС : Богомыслие, 1996. — 496 с.

История государственного управления в России / под общ. ред. Р. Г. Пихои. — М. : изд. РАГС, 2003. — 348 с.

История евангельских христиан-баптистов России : 145 лет крещения первого русского баптиста. 130 лет Российского Союза евангельских христиан-баптистов. — 2-е изд., перераб. и доп. / сост. М. В. Иванов, А. В. Синичкин. — М. : Информ Принт, 2012. — 190 с.

История Калужского края. 9—11 классы. Учебное пособие. В 2-х ч. Часть 2 / А. С. Аникеев, И. Б. Белова, И. Н. Берговская и др. — М. : Просвещение, 2023. — 239 с., ил.

История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А. Б. Безбородов, науч. ред. Н. В. Елисеева. — М. : РОССПЭН, 2014. — 671 с.

История КПСС : в 6 т. / пред. редкол. П. Н. Федосеев. — Т. 5, кн. 2 : Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период укрепления и развития социалистического общества 1938—1959 гг. / рук. редкол. Тома А. Д. Педосов. — М. : Госполитиздат, 1980. — 691 с.

История повседневности : сборник научных работ / ред. колл. Б. И. Колоницкий, М. М. Кром, В. В. Лапин, А. Н. Цамутали ; отв. ред. выпуска М. М. Кром. — СПб. : изд. Европейского ун-та в С.-Петербурге : Алетейя, 2003. — 208 с.

История социалистической экономики СССР : в 7 т. / отв. ред. И. А. Гладков. — Т. 6 : Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма 1946 — начало 1960-х годов. — М. : Наука, 1980. — 589 с.

Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / под общ. ред. А. К. Соколова. — М. : РОССПЭН, 2004. — 743 с.

Кабанов П. И. Очерки культурно-просветительной работы в СССР в послевоенные годы. 1945—1953 / отв. ред. В. Е. Быстров. — М. : Госкультпросветиздат, 1955. — 133 с.

Калужский край в XX веке / И. Б. Белова и др.; редколл. М. А. Казак, В. Я. Филимонов, Д. Э. Миронов. — Калуга : Калужский государств. институт модернизации образования, 2014. — 416 с., ил.

Карелин Е. Г. Региональный механизм власти и управления Западной области Советской России (1917—1937 гг.). — М. : РОССПЭН, 2014. — 422 с., ил.

Карягина Л. В. Информационное пространство учетных партийных документов и возможности его использования (по материалам РГАНИ) // Делопроизводство. — 2012. — № 1. — С. 112—115.

Касьяненко В. И. Роль КПСС в формировании социалистического образа жизни. — М. : Политиздат, 1979. — 279 с.

Касьяненко В. И. Советский образ жизни : История и современность. — М. : Политиздат, 1985. — 282 с.

Каторгин И. И. Борьба Коммунистической партии за восстановление и развитие социалистического народного хозяйства в послевоенные годы. (1945—1953 гг.). — М. : изд. ВПШ и АОН, 1959. — 92 с.

Катунский А. Е. Старообрядчество. — М. : Политиздат, 1972. — 120 с.

Кедров Н. Г. М. А. Безнин в галерее историков-марксистов // Петербургский исторический журнал. — 2019. — № 2. — С. 261—281.

Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России : Современная историография : пер. с англ. — 2-е изд., перераб и доп. — М. : РОССПЭН, 2009. — 328 с.

Киран Р., Кенни Т. Продавшие социализм: теневая экономика в СССР. — М. : Алгоритм, 2010. — 309 с.

Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. — Изд. 3-е, перераб., расширен. и илл. — М., 2014.

Клибанов А. И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. — М. : Наука, 1973. — 256 с.

Клифф Т. Государственный капитализм в России. — [Б. м.], 1991. — 286 с.

Клюско Е. М. Культурно-досуговая деятельность населения России (май 1945—1985 гг.) : Теоретико-методологический и исторический аспекты. — 3-е изд. — М. : МГУКИ, 2007. — 161 с.

Ковалевский Б. П. Укрепление союза рабочего класса и колхозного крестьянства в период строительства коммунизма (1959—1970 гг.) (на материалах Украинской ССР). — Киев : Наукова думка, 1972. — 324 с.

Кодин Е. В. «Гарвардский проект». — М. : РОССПЭН, 2003. — 208 с.

Кодин Е. В. Поздний сталинизм в оценках российской политической эмиграции (на примере Мюнхенского института по изучению СССР: 1950—1972 гг.) // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945—1953 гг. : Материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4—6 декабря 2014 г. — М. : РОССПЭН, 2015. — С. 36—44.

Козлов А. В. Неизвестный СССР : Противостояние народа и власти 1953—1985 гг. — М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2006. — 448 с.

Козлов В. Ф., Смирнова А. Г., Смирнова К. А. Культурное наследие московского старообрядчества (XVIII—XXI вв.) : научно-информационная база данных [Электронное сетевое издание]. — М. : Институт Наследия, 2023. — 233 с.

Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи : Голоса из хора. — М. : ИФ РАН, 1996. — 216 с.

Козлова Н. Н. Советские люди : Сцены из истории. — М. : изд. «Европа», 2005. — 544 с.

Кознова И. Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства / отв. ред. С. А. Никольский. — М. : ИФ РАН, 1999. — 207 с.

Кознова И. Е. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. — М. : РОССПЭН, 2016. — 463 с.

Коллектив колхозников : социально-психологическое исследование / под ред. В. Н. Колобановского ; рук. авт. колл. И. Т. Левыкин. — М. : Мысль, 1970. — 287 с.

Колхозное право / под ред. проф. Н. Д. Казанцева и доц. А. А. Рускола. — М. : Госюриздат, 1950. — 368 с.

Комаров А. С. Евангельские христиане-баптисты в системе государственно-религиозных отношений в СССР: 1944—1963 гг. // Евразия: духовные традиции народов. — 2012. — № 3. — С. 194—200.

Комаров Д. Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. — Смоленск : Свиток, 2015. — 368 с., ил.

Кометчиков И. В. Будни аппарата сельских РК ВКП(б) и райисполкомов Центрального Нечерноземья в 1945—1953 гг. // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». — 2014. — Вып. 60. —№ 12 (341). — С. 66—73.

Кометчиков И. В. Будни и реформы сельсоветов Центрального Нечерноземья 1945 — начала 1960-х гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». — 2015. — № 2 (65). — С. 11—16.

Кометчиков И. В. Бывшие партизаны в механизме управления на Западе РСФСР (1942 — конец 1940-х гг.) // Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны : Материалы III международной научной конференции. 20 мая 2022 г., г. Вязьма. — Смоленск : Свиток, 2022. — С. 96—107.

Кометчиков И. В. Власть и общество в освобожденных районах Калужского края (конец 1941 — 1945 гг.) // Суровые сороковые… : Калужский край в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. / И. В. Кометчиков и др. ; редкол.: В. Я. Филимонов, К. В. Чеченков, Д. Э. Миронов. — Калуга : КГИРО, 2015. — С. 192—247.

Кометчиков И. В. Выпуск, распространение и доступность газет на селе Центрального Нечерноземья 1945 — начала 1960-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2014. — № 4 (42). — Ч. 2. — С. 101—107.

Кометчиков И. В. «Дайте нам секретаря, который был бы с народом»: десталинизация партийной власти в сельских районах Центрального Нечерноземья

(1953 — начало 1960-х гг.) // Новый исторический вестник. — 2014. — № 4 (42). — С. 76—88.

Кометчиков И. В. «Для окончательного разминирования районов, освобожденных от оккупации, ГКО постановляет…»: эволюция подходов власти к разминированию деревни Запада РСФСР (1940-е — середина 1950-х гг.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. — 2020. — № 1 (53). — С. 71—82.

Кометчиков И. В. «Заветы социализма»: трансформация религиозного праздника на селе Центрального Нечерноземья в середине 1940-х — начале 1960-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2015. — № 2 (33). — С. 238—261.

Кометчиков И. В. «Институт уполномоченных» на селе Центрального Нечерноземья середины 1940-х — начала 1960-х гг. // Вестник Пермского университета. Серия «История». — 2014. — № 4 (27). — С. 125—139.

Кометчиков И. В. Кино в культуре повседневного досуга деревни Центрального Нечерноземья РСФСР середины 1940-х — начала 1960-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2014. — № 1 (39). — Ч. 2. — С. 90—96.

Кометчиков И. В. Клубные учреждения в культуре повседневного досуга села Центрального Нечерноземья 1945—1953 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2014. — № 12 (50). — Ч. 3. — С. 106—112.

Кометчиков И. В. Клубные учреждения в повседневном досуге села Центрального Нечерноземья середины 1950-х — начала 1960-х гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 «История. Регионоведение. Международные отношения». — 2014. — № 6 (30). — С. 20—29.

Кометчиков И. В. Лекционная пропаганда на селе Центрального Нечерноземья 1945 — начала 1960-х гг.: организация и функционирование // Историче-

ские, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2014. — № 7 (45). — Ч. 1. — С. 80—87.

Кометчиков И. В. Мобилизации провинциальной бюрократии для работы на селе Центрального Нечерноземья в середине 1950-х — начале 1960-х гг.: замысел и результаты // Известия Смоленского государственного университета. — 2014. — № 2 (26). — С. 183—191.

Кометчиков И. В. «Мы едем сеять, а не разминировать»: местная власть и организация сплошного разминирования Калужской области // Российская история. — 2023. — № 3. — С. 62—77.

Кометчиков И. В. «На то я чекист, чтоб обвести райком партии»: как поссорились первый секретарь райкома и начальник райотделения госбезопасности (Смоленская область, 1945—1946 годы) // Новый исторический вестник. — 2019. — № 2 (60). — С. 77—107.

Кометчиков И. В. «Нам надо было оставаться в Германии…»: настроения репатриантов в западнорусской деревне середины 1940-х гг. // Studia internationalia : Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X—XX вв. г. Брянск, 1—3 июля 2015 г. / редкол.: С. И. Михальченко, А. А. Чубур. — Брянск : РИО БГУ, 2015. — С. 306—313.

Кометчиков И. В. Номенклатура РК КПСС в механизме управления селом Центрального Нечерноземья середины 1940-х — начала 1960-х гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». — 2014. — № 4 (60). — С. 22—30.

Кометчиков И. В. Об одной пропагандистской кампании. Всесоюзный поход комсомола и молодежи за культуру (1958—1960) в Центральном Нечерноземье // Свободная мысль. — 2014. — № 1 (1643). — С. 157—172.

Кометчиков И. В. Повседневные взаимоотношения власти и деревни Центрального Нечерноземья (1945 — начало 1960-х гг.) — СПб.: Дмитрий Буланин, 2025. — 624 с., ил.

Кометчиков И. В. Председатель и колхозники в Центральном Нечерноземье середины 1940-х — начала 1960-х гг.: трансформация взаимоотношений // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». — 2015. — № 2. — С. 43—57.

Кометчиков И. В. Привилегии номенклатуры Центрального Нечерноземья: попытки модернизации и восприятие населением (конец 1950-х — начало 1960-х гг.) // Известия Смоленского государственного университета. — 2015. — № 2 (30). — С. 242—250.

Кометчиков И. В. «Продовольственные затруднения» в западнорусской деревне 1942—1945 гг. (по материалам перлюстрации частной корреспонденции военной цензурой НКГБ СССР) // Вторая мировая война: история и историческая память : Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию начала Второй мировой войны / под общ. ред. Ю. В. Родовича. — Тула : ТГПУ, 2019. — С. 94—102.

Кометчиков И. В. Радио в буднях села Центрального Нечерноземья середины 1940-х — начала 1950-х гг.: доступное и недоступное // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2014. — № 1 (39). — Ч. 1. — С. 109—115.

Кометчиков И. В. Радиофикация села Центрального Нечерноземья в 1953 — начале 1960-х гг.: политика и культура повседневного досуга // Вестник Брянского государственного университета. — 2015. — № 2. — С. 165—168.

Кометчиков И. В. Региональная власть и деревня Центрального Нечерноземья в хлебозаготовительных кампаниях 1945—1953 гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. — 2018. — № 2 (26). — С. 136—154.

Кометчиков И. В. Религиозность в сельских приходах РПЦ Центрального Нечерноземья середины 1940-х — начала 1960-х гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX—XXI веков : Материалы международной

научной конференции, г. Иваново, 18—19 марта 2015 г. / отв. ред. А. А. Корников : в 2 ч. — Иваново : изд. ИвГУ, 2015. — Ч. 1. — С. 151—158.

Кометчиков И. В. Сельские первичные организации КПСС Центрального Нечерноземья середины 1940-х — начала 1960-х гг.: численность, состав, функционирование // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2014. — № 11 (49). — Ч. 1. — С. 107—114.

Кометчиков И. В. Советские праздники и обряды на селе Центрального Нечерноземья 1945 — начала 1960-х гг.: распространение и рецепция населением // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2014. — № 2 (40). — Ч. 2. — С. 98—108.

Кометчиков И. В. Справедливое землепользование в контексте «социального иммунитета» колхозного села Центрального Нечерноземья 1945 — начала 1960-х гг. // Научная школа профессора М. А. Безнина : Сборник научных материалов, посвященный 60-летию профессора Михаила Алексеевича Безнина / редкол.: Т. М. Димони (отв. ред.) и др. — Вологда : Сад-огород, 2014. — С. 131—140.

Кометчиков И. В. Традиция якутальства как грань «социального иммунитета» калужской деревни и борьба с ней в 1930-е — начале 1960-х гг. // Антропологический форум. — 2014. — № 20. — С. 240—340.

Кометчиков И. В. Тульская областная партийная школа — кузница руководящих кадров (1943—1960 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. — 2022. — Т. 28. — № 2. — С. 63—69.

Кометчиков И. В. Тульское «рязанское» дело: тульское чиновничество в борьбе за «большое мясо» 1959—1960 гг. // Российская история. — 2022. — № 4. — С. 218—231.

Кометчиков И. В. «Хозяин района»: эволюция властного статуса первых секретарей сельских райкомов КПСС Центрального Нечерноземья в середине 1940 — начале 1960-х гг. // Социальные процессы, власть и общество России

в XX веке: общероссийский и региональный ракурс / гл. ред. М. А. Безнин. — Вологда : ВоГУ, 2018. — С. 126—139.

Конышев Д. Н. Государственная политика ограничения подсобного хозяйства (конец 1950-х — начало 1960-х гг.) // Российская история. — 2011. — № 3. — С. 102—111.

Кораблино — село русское / отв. ред. и рук. авт. колл. проф. В. И. Селиванов. — М. : Советская Россия, 1961. — 176 с.

Кордонский С. Г. Ресурсное государство. — М. : REGNUM, 2007. — 108 с.

Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России. — М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. — 216 с.

Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения. Ноябрь 1917 г. — декабрь 1991 г. — М. : РГГУ, 1994. — 418 с.

Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизм действия // Вопросы истории. — 1993. — № 7. — С. 25—38.

Коркоценко Д. И., Куликов В. И. Коммунистическая партия в борьбе за дальнейшее развитие сельского хозяйства 1948—1958 гг. — М. : Высшая школа, 1974. — 135 с.

Корягин В. И., Иоффе Л. Г. Техминимум для агента по организации и технике заготовок картофеля и овощей. — Изд. 4-е, испр. и доп. — М. : Заготиздат, 1946. — 40 с.

Костяшов Ю. В. Повседневность послевоенной деревни. Из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946—1953 гг. — М. : РОССПЭН, 2015. — 263 с., ил.

Коткин С. Новые времена : Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте // Мишель Фуко и Россия / под ред. О. Хархордина. — СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге ; М. : Летний сад, 2001. — С. 238—214.

Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. — 2001. — № 3. — С. 121—139.

Краев М. А. Победа колхозного строя в СССР. — М. : Госполитиздат, 1954. — 720 с.

Краинский Н. В. Порча, кликуши и бесноватые как явления русской народной жизни / предисл. Акад. В. М. Бехтерева. — Новгород : Губ. Тип., 1900. — 243 с.

Крапивин М. Ю. Советские органы государственной безопасности православные религиозные объединения в годы Великой Отечественной войны: обзор руководящих документов центрального аппарата НКВД-НКГБ СССР // Военная история России : Материалы XV Международной военно-исторической конференции / под ред. М. А. Королевой, В. А. Носова, С. А. Пищулина. — СПб. : СПб ГБУ «Дзержинец», 2022. — С. 226—233.

Красильников Ю. Д. Культурно-просветительная деятельность развитого социалистического общества. — М. : МГИК, 1983. — 79 с.

Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком: развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. — М. : РОССПЭН, 1998. — 148 с.

Крестьянство в годы упрочнения и развития социалистического общества 1945 — конец 1950-х гг. / отв. ред. И. М. Волков // История советского крестьянства : в 5 т. — Т. 4 / отв. ред. В. П. Шерстобитов. — М. : Наука, 1988. — 395 с.

Криводед В. В. КПСС и колхозное крестьянство в 1945—1959 гг. / отв. ред. И. И. Алексеенко. — Ростов н/Д. : изд. Ростов. ун-та, 1984. — 192 с.

Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Повседневный мир советского человека 1920—1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. — Ростов н/Д. : изд. ЮНЦ РАН, 2011. — 360 с.

Крючков Г. К. Великое пробуждение XX века. 1961—2006. — [Б. м.] : Христианин, 2008. — 512 с.

Кудров В. М. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Наука, 2003. — 306 с.

Кукушкин Ю. С., Тимофеев Н. С. Самоуправление крестьян в России (XIX — начало XXI в.). — М. : изд. МГУ, 2004. — 208 с.

Култышев С. С. Рост рядов партии в 1945—1950 гг. // Вопросы истории КПСС. — 1958. —№ 2. — С. 57—72.

Культурное обслуживание трудящихся Нечерноземной зоны. Вопросы теории и практики / сост. Л. С. Лаптева. — М. : НИИ культуры, 1981. — 139 с.

Культурное развитие сибирской деревни / отв. ред. Н. Я. Гущин. — Новосибирск : Наука, Сиб. Отд-е, 1980. — 383 с., ил.

Культурно-просветительная работа в СССР / под ред. Т. А. Ремизовой. — М. : Просвещение, 1974. — 272 с.

Куницын И. А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. — М. : Православное дело : Отчий дом, 2000. — 462 с.

Курляндский И. А. Власть и религиозные организации в СССР (1939—1953 гг.) : исторические очерки. — СПб. : Петроглиф, 2019. — 376 с.

Курляндский И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922—1953 гг.). — М. : Кучково поле, 2011. — 720 с.

Куроедов В. А. Религия и церковь в Советском государстве. — М. : Госполитиздат, 1981. — 264 с.

Куропаткин А. И. Вопросы экономики и сельскохозяйственного труда в СССР. — М. : Госполитиздат, 1952. — 340 с.

Лаврентьев Д. М. Развитие союза рабочего класса и колхозного крестьянства в условиях строительства коммунизма. — М. : Знание, 1967. — 45 с.

Лактионов И. Д. КПСС в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов в послевоенный период. — Челябинск : Челябинский рабочий, 1962. — 52 с.

Лапшина Г. Е., Пикин А. С. Торжество колхозного строя. — М. : Сельхозгиз, 1960. — 318 с.

Лебедева Л. В. Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены. — М. : РОССПЭН, 2009. — 183 с., ил.

Лебина Н. Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля, Ленинград, 1950—1960-е годы. — СПб. : Победа, 2015. — 481 с., ил.

Лебина Н. Б. Черно-белая красная свадьба // Теория моды: одежда, тело, культура. — 2014. — № 32. — С. 212—232.

Лебина Н. Б. Энциклопедия банальностей : Советская повседневность: контуры, символы, знаки. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. — 444 с., ил.

Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы : Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. — 340 с., ил.

Левин М. Номенклатура — Arcanum Imperii // Куда идет Россия? : Общее и особенное в современной России / под общ. ред. Т. И. Заславской. — М. : Аспект-Пресс, 1997. — С. 69—76.

Левин М. Советский век / пер. с англ. В. Новикова, Н. Копелянской. — М. : изд. «Европа», 2008. — 680 с.

Левыкин И. Т. Некоторые методологические проблемы изучения психологии крестьянства. — Орел : ОГПИ, 1970.

Левыкин И. Т. Теоретические и методологические проблемы социальной психологии на опыте изучения психологии колхозного крестьянства. — М. : Мысль, 1975. — 256 с.

Лейбович О. Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40—50-х гг. — 2-е изд., испр. — М. : РОССПЭН, 2008. — 295 с.

Лейбович О. Л. Модернизация в России (к методологии изучения современной отечественной истории). — Пермь : ЗУУНЦ, 1996. — 157 с.

Лейбович О. Л. Реформа и модернизация в 1953—1964 гг. — Пермь : изд. Пермского ун-та : ТОО ЗУУНЦ, 1993. — 182 с.

Лепешкин А. И. Советы — власть народа. 1936—1967. — М. : Юрид. лит., 1967. — 375 с.

Лившин А. Я., Орлов И. Б. Власть и общество : Диалог в письмах. — М. : РОССПЭН, 2002. — 208 с.

Литовкин Е. В. Восстановление и развитие культурно-просветительной работы Рязанской области в послевоенный период. — Рязань : РЗИ (ф) МГУКИ, 2004. — 209 с.

Литовкин Е. В. Культурно-просветительная работа России послевоенного периода в историко-педагогическом контексте. — М. : МГУКИ, 2004. — 352 с.

Ломшин В. А. Крестьянство и власть Мордовии в послевоенный период (1946 — середина 1950-х годов). Саранск : НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2008. — 374 с.

Лосев А. В. Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за развитие сельского хозяйства (1946—1964 гг.). — Воронеж : изд. Воронежского ун-та,1965. — 336 с.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре : Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). — Изд. 2-е. — СПб. : Искусство-СПб, 2011. — 413 с., ил.

Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. — СПб. : Искусство-СПб, 2002. — 769 с.

Лукьянов А. И. Развитие законодательства о советских представительных органах власти : (Некоторые вопросы истории, теории и практики). — М. : Юрид. лит., 1978. — 352 с.

Лэмперт Н. Сигналы снизу : Жалобы населения и злоупотребления при государственном социализме. — М. : Прогресс, 1988. — 228 с.

Любимова Г. В. Почитаемые места в народно-православной картине мира сельского населения Сибири // Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX—XX вв. / отв. ред. Е. Ф. Фурова. — Новосибирск : изд. Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. — С. 33—49.

Людтке А. История повседневности в Германии : Новые подходы к изучению труда, войны и власти / пер. с нем. И англ. К. А. Левинсона и др. ; общ. ред. и предисл. С. В. Журавлева. — М. : РОССПЭН, 2010. — 271 с., ил.

Людтке А. Что такое история повседневности? : Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история : ежегодник, 1998/1999 / отв. ред. К. М. Андерсон, Л. И. Бородкин. — М. : РОССПЭН, 1999. — С. 77—100.

Маздоров В. А. История развития бухгалтерского учета в СССР (1917—1972 гг.). — М. : Финансы, 1972. — 318 с.

Мазур Л. Н. Вещи в материальной культуре советского крестьянства Среднего Урала 1920—1960-х гг.: опыт реконструкции пространства повседневности // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки / авт.-сост. Е. А. Воронцова ; отв. ред. Д. М. Бондаренко, Д. Н. Маслюженко. — М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва), 2020. — С. 421—441.

Мазур Л. Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX — XX век) / науч. ред. О. В. Горбачев. — Екатеринбург : изд. Уральского ун-та, 2012. — 472 с.

Мазур Л. Н., Горбачев О. В. Советские фильмы о деревне: опыт исторической интерпретации художественного образа. — М. : Полит. энцикл., 2022. — 349 с.

Малафеев А. Н. История ценообразования в СССР (1917—1963 гг.). — М. : Мысль, 1964. — 440 с.

Мамяченков В. Н. Доходы, расходы и потребление колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946—1950 гг.) — Екатеринбург : изд. Уральского гос. экон. ун-та, 2020. — 260 с.

Маннинг Т. Р. Бельский район, 1937 год / пер. с англ., общ. ред. и сост. Е. В. Кодина. — Смоленск : СГПУ, 1998. — 126 с.

Мануил (Чибисов), игумен. Белокриницкая иерархия в 1846—1988 гг.: этапы истории. — Кострома : ДиАр, 2017. — 464 с.

Маркова О. Н. Сфера официального досуга советских людей в 1960-е гг.: дихотомия коллективного и индивидуального (на материалах Саратовской области) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. — 2020. — Т. 20. — Вып. 2. — С. 223—227.

Маркс К. Капитал. Т. 1 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. — Т. 23. — М. : Госполитиздат, 1960. — 908 с.

Марченко А., прот. Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР. — М. : изд. Крутицкого подворья : Общество любителей церковной истории, 2010. — 324 с.

Масалимов С. Г., Ямалов М. Б., Ахмадиева Н. В. Село Башкортостана в 1945—2000 годы / под общ. ред. М. Б. Ямалова. — Уфа : Восточный ун-т, 2003. — 256 с.

Масловский М. В. Советская модель модерна в современной исторической социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2012. — Т. 15. — № 6. — С. 75—86.

Масловский М. В. Теории исторической макросоциологии и социально-политические трансформации в России и СССР в первой половине XX века. — Н. Новгород : изд. ННГУ, 2003. — 123 с.

Матюха И. Я. Статистика бюджетов населения. — М. : Статистика, 1967. — 248 с.

Меньковский В. И. История и историография : Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов. — Минск : БГУ, 2007. — 358 с.

Меньковский В. И., Уль К., Шабасова М. А. Советский Союз 1930-х годов в англоязычной историографии. — Сыктывкар : Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2013. — 222 с.

Меркулов А. В. Советская политическая система в оковах культа личности / под общ. ред. В. А. Родионова. — М. : Социум, 1998. — 74 с.

Мерцалов В. С. Трагедия российского крестьянства (анализ колхозной системы). — [Frankfurt a/M] : Посев, [1948]. — 118 с.

Методическое пособие по исполнению бюджета района / отв. за вып. Н. Гаретовский. – М.: Госфиниздат,1962. – 240 с.

Мизес Л., фон. Социализм : Экономический и социологический анализ : пер. с англ. — М. : Catallaxy, 1994. — 414 с.

Миловидов В. Ф. Современное старообрядчество. — М. : Мысль, 1979. — 126 с.

Милохин Д. В., Сметанин А. Ф. Коми колхозная деревня в послевоенные годы 1946—1958 : Социально-экономические аспекты развития / отв. ред. А. А. Попов. — М. : Наука, 2005. — 292 с.

Миронов Б. Н. История СССР с социологической точки зрения: о книге А. Г. Вишневского «Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР» // Социальная история : ежегодник, 2000 / отв. ред. К. М. Андерсон, Л. И. Бородкин, А. К. Соколов. — М. : РОССПЭН, 2000. — С. 327—342.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) : в 2 т. — 2-е изд., испр. — Т. 2. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. — 568 с., ил.

Митрохин Л. Н. Баптизм: история и современность : (философско-социологические очерки). — СПб. : изд. Рус. Христиан. Гуманит. Ин-т, 1997. — 478 с.

Михайлов С. С. История старообрядчества г. Коломна и его окрестностей. — Коломна : Старообрядческая община храма Николы на Посаде в г. Коломна, 2013. — 208 с.

Михайловский А. Ю. Провинциальные церковные приходы во второй половине 1940-х гг. // Вопросы истории. — 2010. — № 6. — С. 143—145.

Мозохин О. Б. Право на репрессии : Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918—1953). — Жуковский ; М. : Кучково поле, 2006. — 480 с.

Мозохин О. Б. Статистика репрессивной деятельности органов безопасности СССР [Электронный ресурс] : сайт «Исторические материалы». URL: http://istmat.info/node/255 (дата обращения: 18.11.2015).

Морехина Г. Г. Борьба Коммунистической партии за восстановление и развитие народного хозяйства в послевоенный период (1946—1953 гг.). — М. : Знание, 1955. — 40 с.

Москаленко А. Т. Пятидесятники. — М. : Госполитиздат, 1973. — 200 с.

Москаленко В. А., Артамошин Ю. Н. Правда о христианских сектах. — М. : изд МО СССР, 1963. — 142 с.

Мохов В. П. Региональная политическая элита России (1945—1991 гг.). — Пермь : Пермск. Книжн. Изд., 2003. — 238 с.

Мужской монастырь Свято-Введенская Козельская Оптина Пустынь (ставропигиальный) [Электронный ресурс] : сайт Калужской митрополии РПЦ МП. URL: http://eparhia-kaluga.ru/kaluzhskaja-eparhija/monastyri/optina-pustyn.html (дата обращения: 02.09.2023).

Мы порвали с религией (рассказы бывших верующих). — Изд. 2-е., доп. и испр. — М. : Воениздат, 1963. — 507 с.

Нарский И. В. Жизнь в катастрофе : Будни населения Урала в 1917—1922 гг. — М. : РОССПЭН, 2001. — 632 с.

Население России в XX веке : исторические очерки : в 3 т. / отв. ред. Ю. А. Поляков. — Т. 2 : 1940—1959. — М. : РОССПЭН, 2001. — 416 с.; Т. 3, кн. 1 : 1960—1979. — М. : РОССПЭН, 2005. — 304 с.

Наука и религия : (Сборник стенограмм лекций, прочитанных на Всесоюзном совещании-семинаре по научно-атеистическим вопросам) / гл. ред. П. Н. Федосеев, М. М. Шейнман. — М. : Знание, 1957. — 430 с.

Наухацкий В. В. Модернизация сельского хозяйства и российская деревня 1965—2000 гг. — Ростов н/Д. : РГЭУ «РИНХ», 2003. — 200 с.

Нахимовский А. Д. Устная история снизу. Материалы к устной истории русских крестьян в XX веке // Крестьяноведение. — 2021. — Т. 6. — № 1. — С. 91—125.

Никитаева Е. Б. Исчезающая деревня // Судьбы российского крестьянства / отв. ред. Ю. Н. Афанасьев. — М. : РГГУ, 1995. — С. 436—462.

Никитина Г. Я. История культурно-досуговой деятельности. — М. : МГУКИ, 1998. — 65 с.

Никифоров Ю. Н. Комбайн «Ярославец» на «бюрократических полях» поздней советской эпохи // Российская история. — 2021. — № 3. — С. 168—181.

Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905—1991 годах. — СПб. : изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. — 353 с.

Никольский К., прот. Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. — Репр. Воспр. 7-го изд. 1907 г. — М. : Издательский совет РПЦ, 2008. — 879 с., XV.

Никольский Н. М. История русской церкви / науч. ред., автор вступ. Статьи и коммент. Н. С. Гордиенко. — 3-е изд. — М. : Политиздат, 1983. — 448 с.

Новая скрижаль или объяснение о церкви, о литургии и о всех службах и утварях церковных Вениамина, архиепископа Нижегородского и Арзамасского. — Репр. Воспр. 17-го изд. 1908 г. — М. : изд. Правосл. Братства Святителя Филарета Митрополита Моск., 1999. — 305 с., XXV.

О советском социалистическом обществе / под ред. Ф. Константинова, М. Каммара, Г. Глезермана. — М. : ОГИЗ : Госполитиздат, 1948. — 550 с.

Обзор современного состояния и основные направления развития механизации сельского хозяйства в десятой пятилетке. — М. : [б. и.], 1974. — 52 с.

Оболенский К. П. Государственные заготовки сельскохозяйственных продуктов в СССР. — М. : [б. и.], 1951. — 28 с.

Овсепян Р. П. История новейшей отечественной журналистики / под ред. Я. Н. Засурского. — М. : изд. МГУ, 1999. — 256 с.

Одинцов М. И. «Вы примете силу, когда сойдёт на вас Дух Святой…» : История Пятидесятнической церкви в России. XIX—XX вв. — СПб. : РОИР, 2012. — 498 с.

Одинцов М. И. Государственно-церковные отношения в истории советского общества // Религия, общество и государство в XX веке : Материалы конференции, Москва. 22—25 октября 1991 г. / отв. ред. Я. Н. Щапов. — М. : ИИ СССР АН СССР, 1991. С. 51—57.

Одинцов М. И. Государство и церковь в России: XX век. — М. : Луч, 1994. — 171 с.

Одинцов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917—1953 гг. — М. : РОССПЭН, 2014. — 424 с.

Одинцов М. И. Хождение по мукам // Наука и религия. — 1990. — № 8. — С. 19—21; 1991. — № 7. — С. 2—3.

Окладной Г. М. Рост культурно-технического уровня колхозного крестьянства. — Харьков : Харьковское обл. изд., 1958. — 360 с.

Опыт историко-социологического изучения села «Молдино» / под ред. В. Г. Карцова. — М. : Московский рабочий, 1968. — 453 с.

Опыт российских модернизаций XVIII—XX века / отв. ред. В. В. Алексеев. — М. : Наука, 2000. — 246 с.

Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. — М. : изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. — 317 с.

Орловская и Севская епархия [Электронный ресурс] : сайт Брянской епархии Брянской митрополии РПЦ МП. URL: http://www.bryansk-eparhia.ru/eparhialnoe-upravlenie/istoriya-eparhii/sevskaya-eparhiya/orlovskaya-i-sevskaya-eparhiya (дата обращения: 11.11.2014).

Осипов В. И. «Благословлю Господа на всяко время…» : Боровск старообрядческий. — Боровск : Музей истории и культуры старообрядчества, 2021. — 364 с.

Осмыслить культ Сталина / ред.-сост. Х. Кобо. — М. : Прогресс, 1989. — 656 с.

Осокина Е. А. О социальном иммунитете, или критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления // История сталинизма: ито-

ги и проблемы изучения : Материалы международной научной конференции. Москва, 5—7 декабря 2008 г. — М. : РОССПЭН, 2011. — С. 387—406.

Островский А. Б. Старообрядцы и православные в русском сельском социуме. Вторая половина XIX—XX век : Формы общения. Ритуальная специфика : этнографические очерки. — СПб. : Нестор-История, 2011. — 280 с., ил.

Островский В. Б. Колхозное крестьянство СССР : Политика партии в деревне и ее результаты. — Саратов : изд. Саратовского ун-та, 1967. — 329 с.

Очерки истории исторической науки в СССР : в 5 т. — Т. 5 / отв. ред. М. В. Нечкина, зам. Гл. ред. Е. Н. Городецкий. — М. : Наука, 1985. — 605 с.

Очерки по историографии советского общества / гл. ред. П. А. Жилин. — М. : Мысль, 1965. — 599 с.

Павлов В. Г. Правда о баптистах : Очерк истории, церковного устройства и принципов баптистских общин // Альманах по истории русского баптизма. — Изд. 2-е / сост. М. С. Каретникова. — СПб. : Библия для всех, 1999. — С. 220—272.

Павлова И. В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. — Новосибирск : изд. СО РАН, 2001. — 460 с.

Панченко А. А. Исследования в области народного православия : Деревенские святыни Северо-Запада России. — СПб. : Алетейя, 1998. — 325 с.

Папков С. А. «Поздний сталинизм» и крестьянство: репрессивные кампании 1946—1953 годов в Сибири // История сталинизма: репрессированная российская провинция : Материалы международной научной конференции. Смоленск, 9—11 октября 2009 г. / под ред. Е. В. Кодина. — М. : РОССПЭН, 2011. — С. 237—245.

Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева ; под ред. М. С. Ковалевой. — М. : Аспект Пресс, 1998. — 270 с.

Парыгин Б. Д. Общественное настроение. — М. : Мысль, 1966. — 327 с.

Парыгин Б. Д. Социальная психология как наука. — Изд. 2-е. — Л. : изд. ЛГУ, 1967. — 208 с.

Парыгин Б. Д. Что такое социальная психология. — Л., 1965. — 39 с.

Патнэм Р. Чтобы демократия сработала : Гражданские традиции в современной Италии. — М. : Ad Marginem, 1996. — 288 с.

Перелыгин А. И. Русская Православная Церковь на Орловщине в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. — 1995. — № 4. — С. 126—136.

Перелыгин А. И. Русская Православная Церковь в Орловском крае (1917—1953 гг.). — 2-е изд., доп. — Орел : изд. тип. «Труд», 2008. — 216 с.

Пиналов С. А., Чернявский Г. И., Виноградов А. П. История культпросветработы в СССР. — Киев : Вища школа, 1983. — 262 с.

Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. 1945—2005 : в 3 т. — Т. 1 : 1945—1964. — М. : Новый хронограф, 2009. — 456 с., ил.

Платонов Е. В. Почитаемые родники в XIX в.: роль «хранителя святыни» в формировании культа // Этнографическое обозрение. — 2014. — № 5. — С. 162—175.

Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. — М. : РОССПЭН, 2006. — 240 с.

Политика раскрестьянивания в Сибири. — Вып. 3 : Налогово-податное обложение деревни. 1946—1952 гг. / отв. ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. — Новосибирск : изд. НГУ, 2003. — 262 с.

Политическая экономия / под ред. К. В. Островитянинова, Д. Т. Шепилова, Л. А. Леонтьева, И. Д. Лаптева и др. — М. : Госполитиздат, 1954. — 639 с.

Полх П. П. «Страсти по урожайности» (система организаций и учреждений, контролировавших сбор продуктов растениеводства в послевоенную эпоху, на региональном уровне: на материалах Калининградской области) // Социально-экономические явления и процессы. — 2016. — Т. 11. — №. 12. — С. 159—168.

Поляков Ю. А., Писаренко Э. И. Исторические аспекты изучения советского образа жизни (к постановке вопроса) // Вопросы истории. — 1978. — № 6. — С. 3—14.

Полян П. М. Жертвы двух диктатур : Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : РОССПЭН, 2002. — 894 с., ил.

Полян П. М. Не по своей воле… : История и география принудительных миграций в СССР. — М. : ОГИ, 2001. — 326 с.

Попов В. П. Большая ничья : СССР от Победы до распада. — М. : изд. НЦ ЭНАС, 2005. — 216 с.

Попов В. П. Государственный террор в Советской России 1923—1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. — 1992. — № 2. — С. 20—31.

Попов В. П. Крестьянские налоги в 40-е годы // Социологические исследования. — 1997. — № 2. — С. 95—107.

Попов В. П. Паспортная система в СССР (1932—1976) // Социологические исследования. — 1995. — № 8. — С. 3—13. — № 9. — С. 3—13.

Попов В. П. Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е гг. // Социологические исследования. — 1995. — № 12. — С. 3—15.

Попов В. П. Сталин и проблемы экономической политики после Великой Отечественной войны (1946—1953). — Изд. 2-е, испр. — М. : изд. РАГС, 2002. — 158 с.

Попов В. П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. — 2001. — № 3. — С. 61—76.

Попов В. П. Хлеб как объект государственной политики в СССР в 1940-е годы // Отечественная история. — 2000. — № 2. — С. 49—66.

Попов В. П. Экономическая политика советского государства 1946—1953 гг. — Тамбов : изд. ТГТУ, 2000. — 222 с.

Попов В. П. Экономическая политика Советского государства 1946—1950 гг. — Тамбов : изд. ТГУ, 2000. — 220 с.

Попов Г. Х. Блеск и нищета административной системы. Экономика, политика, литература. — М. : ПИК, 1990. — 240 с.

«По решению правительства Союза ССР…» : [Депортация народов : документы и материалы] / [сост., авторы введ., коммент. Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов]. — Нальчик : изд. центр «Эль-Фа», 2003. — 928 с.

Поршнев Б. Д. Социальная психология и истории. — Изд. 2-е, доп. и испр. — М. : Наука, 1979. — 232 с.

Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке : пер. с англ. — М. : Республика, 1995. — 511 с.

Правовое положение социальных слоев российской деревни: советское и постсоветское общества / гл. ред. проф. Т. М. Димони. — Вологда, 2011. — 112 с.

Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII—XX веках : этнографические исследования и материалы / отв. ред. О. В. Кириченко, Х. В. Поплавская. — М. : Наука, 2002. — 469 с., ил.

Православная жизнь русских крестьян XIX—XX веков : Итоги этнографических исследований / отв. ред. Т. А. Листова. — М. : Наука, 2001. — 363 с., ил.

Православные монастыри Российской империи. Полный список всех 1105 ныне существующих в 75 губерниях и областях России (и 2 иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин / сост. Л. И. Денисов. — М. : изд. А. Д. Ступина, 1908. — 984 с., XII, ил., табл.

Праздники на селе : сборник статей. — М. : Советская Россия, 1958. — 115 с.

Практическое руководство при совершении приходских треб. Сост. свящ. Н. Сильченков. — Изд. 5-е, испр., печат. По изд. 1888 г. СПб., 1994 [Электронный ресурс] : сайт «Типикон. Страница игумена Корнилия». URL: http://typikon.ru/books/treby.pdf (дата обращения: 15.06.2015).

Проблемы истории советского крестьянства : сборник статей / отв. ред. М. П. Ким, зам. Отв. ред. И. М. Волков. — М. : Наука, 1981. — 349 с.

Прозоров П. А. Новое и старое в сознании колхозного крестьянства. — М. : ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1960. — 20 с.

Пронькина А. В. Национальные модели массовой культуры США и России: культурологический анализ. — Рязань : Рязанский гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2009. — 156 с.

Псурцев Н. Д. Пути развития радио в СССР // 70 лет радио : научно-технический сборник / под ред. А. Д. Фортушенко. — М. : Связь, 1965. — С. 5—10.

Пушкарева Н. Л. «История повседневности» как направление исторических исследований [Электронный ресурс] : сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы «Перспективы». URL: http://www.perspektivy.info/misl/koncept/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskih_issledovanij_2010-03-16.htm (дата обращения: 09.07.2015).

Пыжиков А. В. Истоки доктрины строительства коммунизма в СССР // Вестник РАН. — 2004. — № 74. — С. 246—249.

Пыжиков А. В. Политические преобразования в СССР (50—60-е гг.). — М. : ООО «Квадрат С», 1999. — 305 с.

Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». — М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. — 511 с., ил.

Пыжиков А. В. Хрущевские эксперименты в правоохранительной сфере (конец 1950-х — начало 1960-х годов) // Вопросы истории. — 2006. — № 4. — С. 103—110.

Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология : электронный журнал [сайт: www.ecsoc.hse.ru]. — 2002. — Т. 3. — № 4. — С. 20—32.

Радченко А. В. Государственный военный монополистический капитализм в СССР: Ленин, Сталин, Хрущев, Горбачев и другие. — М. : [б. и.], 2003. — 84 с.

Развитие советской экономики / под ред. А. А. Арутиняна, Б. Л. Маркуса. — М. : Гос. соц.-экон. изд., 1940. — 664 с.

Развитие социалистической экономики СССР в послевоенный период / ред. И. А. Гладков. — М. : Наука, 1965. — 600 с.

Религия и церковь в современную эпоху / редкол. Л. Н. Великович, В. И. Гараджа и др. — М. : Мысль, 1976. — 328 с.

Репина Л. Р. Историческая наука на рубеже XX—XXI века: социальные теории и историографическая практика. — М. : Кругъ, 2011. — 560 с.

Рольф М. Советские массовые праздники / пер. с нем. В. Т. Алтухова. — М. : РОССПЭН, 2009. — 439 с.

Романовский Н. В. Лики сталинизма. — М. : РАГС, 1995. — 227 с.

Романченко В. Я., Ножкина И. А., Шмыгина О. Н. О некоторых методологических подходах к определению сущности и содержания советской социальной политики в деревне (период реформ 1950—1980-х гг.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. — 2019. — № 2 (50). — С. 71—83.

Ростоу В. В. Стадии экономического роста / пер. с англ. — Нью-Йорк : изд. Фр. Прегер, 1961. — 240 с.

Руденко Л. Д. Социально-демографические процессы в деревне: 1946—1951 гг. (на материалах Ярославской области). Ярославль : ЯрГУ, 2005. —175 с.

Руководители Смоленской области (1917—1991 годы) : биографический справочник / Н. Г. Емельянова, Г. Н. Мозгунова, А. В. Баркова и др. — Смоленск : ИП Флиманкова И. А., 2008. — 208 с., ил.

Русская деревня в рассказах ее жителей / под ред. Л. Л. Касаткина. — М. : АСТ-ПРЕСС, 2009. — 512 с.

Русские Рязанского края : в 2 т. / отв. ред. С. А. Иникова. — М. : Индрик, 2009. — Т. 2.— 748 с., ил.

Русское народно-поэтическое творчество против религии и церкви / сост., вступ. Статья и примеч. Л. В. Домановского и Н. В. Новикова, отв. ред. В. П. Вильчинский. — М. ; Л. : изд. АН СССР, 1961. — 292 с.

Рыбаков А. Г. Судьба саратовской деревни. Исторический очерк села Тепловка. — Саратов : изд. Саратовского ун-та, 1994. — 104 с.

Рывкина Р. В. Образ жизни сельского населения. — Новосибирск : Наука, 1979. — 255 с.

Рязанское село Кораблино : (История, экономика, быт, культура, люди села) / рук. авт. колл. проф. В. И. Селиванов. — Рязань : Касимовская тип. Рязань-полиграфиздата, 1957. — 437 с. — (Ученые записки РГПУ ; т. 18).

Савинский С. Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии : в 2 ч. — Ч. 2 : (1917—1967 гг.). — СПб. : Библия для всех, 2001. — 442 с., ил.

Самодеятельное художественное творчество в СССР : Очерки истории. 1930—1950-е гг. : в 2 кн. — Кн. 1 / ред. С. Ю. Румянцев, А. П. Шульпин. — М. : Гос. институт искусствознания, 1995. — 302 с.

Самодеятельное художественное творчество в СССР : Очерки истории. Конец 1950-х — начало 1990-х гг. / ред. Л. П. Солнцева, М. В. Юнисов. — СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. — 469 с.

Сарнов Б. М. Наш советский новояз : Маленькая энциклопедия реального социализма. — М. : Материк, 2002. — 600 с., ил.

Сахаров А. Д. Конвергенция, мирное сосуществование // 50/50 : Опыт словаря нового мышления / под общ. ред. М. Ферро, Ю. Н. Афанасьева. — М. : Прогресс : Editions «Payo», 1989. — С. 13—19.

Сахаров А. Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе // *Сахаров А. Д.* Тревога и надежда : статьи, письма, выступления, интервью : в 2 т. — Т. 1 : 1958—1986. — М. : Время, 2006. — С. 67—120.

Севастьянова А. А. Советский райцентр 50-х—60-х годов XX века. — М. : Древлехранилище, 2008. — 136 с., ил.

Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории / отв. ред. М. А. Безнин. — [Вып. 1]. — Вологда, Легия, 2000. — 120 с.; Вып. 2. — Вологда : Легия, 2001. — 140 с.; Вып. 3. — Вологда, Легия, 2002. — 136 с.; [Вып. 4]. — Вологда, Легия, 2003. — 141 с.

Село Вирятино в прошлом и настоящем: опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. — М. : изд. АН СССР, 1958 [Электронный ре-

сурс] : сайт «Исторические материалы». URL: http://istmat.info/node/25141 (дата обращения: 21.07.2015).

Сельская молодежь : социологический очерк / сост. И. Т. Левыкин. — М. : Советская Россия, 1970. — 160 с.

Семенко-Басин И. В. Политика в отношении церкви и возвращение мощей верующим в 1940-е годы // Российская история. — 2010. — № 2. — С. 170—175.

Семенко-Басин И. В. Святость в русской православной культуре XX века : История персонификации. — М. : РГГУ, 2010. — 291 с.

Сенявский С. Л. Социальная структура советского общества в условиях развитого социализма (1961—1980 гг.). — М. : Мысль, 1982. — 351 с.

Сергеев С. С. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов и укрепление мелких сельскохозяйственных артелей. — Изд. 2-е, доп. и испр. — М. : Сельхозгиз, 1951. — 248 с.

Сивакова И. В. Пенсионное обеспечение за особые заслуги перед государством // Право и политика. — 2016. — № 5 (197). — С. 632—641.

Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. — М. : РОССПЭН, 1996. — 333 с.

Симуш П. И. Некоторые проблемы изучения образа жизни советской деревни // История СССР. — 1983. — № 3. — С. 3—19.

Симуш П. И. Социальный портрет советского крестьянства. — М. : Политиздат, 1976. — 319 с.

Синелина Ю. Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. — 2001. — № 7. — С. 89—96.

Скорик А. П., Бондарев В. А. Теория фрагментарной модернизации: постулаты и исторический ландшафт [Электронный ресурс] : интернет-издание pandia.ru. URL: http://pandia.org/text/78/214/92989.php (дата обращения: 16.08.2015).

Служение Отечеству : Руководители Костромской губернии и области 1778—2008 гг. : историко-биографические очерки / отв. ред. А. М. Белов. — Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. — 296 с., ил.

Смилянская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики : Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. — М. : Индрик, 2003. — 482 с.

Смилянская Е. Б. Женское служение в старообрядческой общине конца XX века (из наблюдений полевого археографа) // Одиссей: человек в истории, 2013 : Женщина в религиозной общине: Запад / Восток. — М. : Наука, 2014. — С. 90—114.

Смоленская епархия [Электронный ресурс] : сайт «Древо. Открытая православная энциклопедия». URL: http://drevo-info.ru/articles/9619.html (дата обращения: 11.11.2014).

Смоленская область : очерки экономической географии / А. И. Антоненков, Г. Я. Дралюк, В. И. Коровин, В. Д. Смирнов, М. Я. Степанова. — Смоленск : Смоленское кн. изд., 1959. — 340 с.

Смоленщина советская / П. С. Степанов, С. К. Магидов и др. — М. : Моск. рабочий, 1967. — 240 с.

Смыкалин А. С. Парадоксы «двойного» законодательства в СССР // Вопросы истории. — 2012. — № 12. — С. 61—70.

Советская деревня в первые послевоенные годы 1946—1950 / отв. ред. И. М. Волков. — М. : Наука, 1978. — 511 с.

Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940—1985 / под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. — М. : Вариант, 2008. — 373 с., ил.

Советский образ жизни: сегодня и завтра / сост. В. И. Добрынина. — М. : Молодая гвардия, 1976. — 255 с.

Советский простой человек : Опыт социального портрета на рубеже 90-х / авт. колл.: А. А. Голов, А. И. Гражданкин, Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, Н. А.

Зоркая, А. Г. Левинсон, Л. А. Седов ; науч. рук. и отв. ред. Ю. А. Левада. — М. : Мировой океан, 1993. — 300 с.

Советское зазеркалье : Иностранный туризм в СССР в 1930—1980-е годы / В. Э. Багдасарян, И. Б. Орлов, Й. Й. Шнайдген, А. А. Федулин, К. А. Мазин. — М. : ФОРУМ, 2007. — 256 с.

Советы за 50 лет / гл. ред. С. Ф. Найда. — М. : Мысль, 1967. — 495 с.

Современное состояние экономического соревнования СССР и США / отв. за вып. В. М. Кудров. — М. : [б. и.], 1967. — 64 с.

Современные буржуазные теории о слиянии капитализма и социализма (критический анализ) / отв. ред. М. Б. Митин. — М. : Наука, 1970. — 243 с.

Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. — 1992. — № 5. — С. 4—16.

Согрин В. В. Клиотерапия и историческая реальность: тест на совместимость : Размышление над монографией Б. Н. Миронова «Социальная история России периода империи» // Общественные науки и современность. — 2002. — № 1. — С. 144—160.

Соловьев А. В. Еще раз об общественном строе СССР : электронное издание. — [Б. м.] : Левый поворот, 2010.

Соловьев А. В. На чем «погорела» советская власть? — [Б. м. : б. и.], 2010.

Соловьев А. В. Общественный строй России — вчера, сегодня, завтра : (Короткие ответы на острые вопросы). — Кострома : [б. и.], 1994. — 47 с.

Соловьев А. В. Советский директор: собственник или наемный работник? : электронное издание. — [Б. м.] : Левый поворот, 2010.

Социалистическая обрядность и атеистическое воспитание : (Опыт работы по внедрению соц. Обрядности в Одесской обл.) / подгот. В. Брудный. — М. : [б. и.], 1985. — 37 с.

Социалистический образ жизни / ред. М. Н. Руткевич, Г. Е. Глезерман, С. С. Вишневский. — М. : Политиздат, 1980. — 319 с.

Социалистический образ жизни и новый человек / под общ. ред. А. И. Арнольдова, Э. А. Орловой. — М. : Политиздат, 1978. — 207 с.

Социалистический образ жизни : политико-экономический справочник / под общ. ред. С. С. Вишневского, сост. В. В. Пошатаев — М. : Политиздат, 1986. — 335 с.

Социально-классовые отношения в советском обществе / редкол. Ю. А. Поляков (отв. ред.), В. П. Дмитренко, Е. И. Пивовар. — М. : изд. ИИ СССР АН СССР, 1984. — 142 с.

Социально-экономические преобразования в Воронежской деревне (1917—1967). — Воронеж : изд. ВГУ, 1967. — 345 с.

Социальный облик колхозной молодежи : По материалам социологических обследований 1938 и 1969 гг. / отв. ред. В. Е. Полетаев ; колл. авторов: А. В. Безруков, Г. Т. Журавлев, В. Е. Полетаев, Л. В. Рутес, В. А. Устинов. — М. : Мысль, 1976. — 294 с.

Спиридонов В. Г. Партийный учет и партийное хозяйство. — Изд. 2-е, доп. — М. : Воениздат, 1977. — 76 с.

Спутник атеиста / под ред. В. Е. Титова. — М. : Политиздат, 1959. — 545 с.

СССР: аграрная политика и региональные особенности ее реализации (1922—1991) / отв. ред. О. А. Сухова. — Пенза : изд. ПГУ, 2022. — 764 с.

Сталинизм и российская провинция: смоленские архивные документы в прочтении зарубежных и российских историков / под общ. ред. Е. В. Кодина. — Смоленск : СПГУ, 1999. — 312 с.

Староверов В. И. Город или деревня : Наше общество сегодня и завтра. — М. : Политиздат, 1972. — 87 с.

Староверов В. И. Советская деревня на этапе развитого социализма. — М. : Политиздат, 1976. — 143 с.

Староверов В. И. Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма. — М. : Наука, 1978. — 326 с.

Староверов В. И. Социально-демографические проблемы деревни: методология, методика, опыт анализа миграции сельского населения. — М. : Наука, 1975. — 287 с.

Стирание классовых различий в условиях развитого социализма / под ред. В. Г. Венжера. — М. : изд. ИЭ АН СССР, 1980. — 109 с.

Столяр М. Советская смеховая культура. — Киев : Стилос, 2011. — 304 с.

Струмилин С. Г. Очерки социалистической экономики СССР (1929—1959 гг.). — М. : Госполитиздат, 1959. — 419 с.

Судьбы российского крестьянства / общ. ред. Ю. Н. Афанасьева, науч. ред. Н. А. Ивницкий. — М. : РГГУ, 1996. — 624 с.

Суровцева Е. В. Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е — 1980-е гг.). — М. : АИРО-XXI, 2010. — 128 с.

Сухова О. А. Аграрная политика и смена технологических укладов в СССР: проблемы соответствия // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. — 2022. — № 4. — С. 9—19.

Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания : Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX века) по материалам Среднего Поволжья. — М. : РОССПЭН, 2008. — 677 с.

Сухова О. А. Итоги общинной революции и перспективы аграрной модернизации в СССР в конце 1920-х годов: стадия термидора или ребрендинг мобилизационных проектов? // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. — 2019. — № 1. — С. 193—201.

Сухова О. А. Колхозная система и рефеодализация колхозной экономики в 1930-е — начале 1950-х гг.: пределы и возможности источниковедческого анализа // Вестник архивиста. — 2018. — № 4. — С. 1020—1037.

Сыров В. Н. О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты). URL: http://xn--90agtfjot8f.xn--p1ai/index.php/stati/155-o-statuse-i-strukture-povsednevnosti-metodologicheskie-aspekty (дата обращения: 10.07.2015).

Тамбовцев И. В. О качественных изменениях в жизни и психологии крестьянства в ходе коммунистического строительства // Новое в жизни колхозного крестьянства : Материалы научно-теоретической конференции в Старожи-

ловском районе / под ред. И. В. Тамбовцева. — М. : Моск. рабочий, 1967. — С. 6—30.

Ташпеков Г. А. Российское крестьянство как субъект политики в XX веке. — Саратов : изд. центр «Наука», 2007. — 258 с.

Теряева А. П. Вопросы организации и оплаты труда в колхозах. — М. : изд. АН СССР, 1954. — 272 с.

Тишков И. А. Борьба Коммунистической партии за восстановление и развитие социалистического сельского хозяйства в послевоенный период (1945—1953 гг.) : Материалы к лекциям по курсу «История КПСС». — М. : Высшая школа, 1960. — 124 с.

Токарев С. А. Религиозные верования восточно-славянских народов XIX — начала XX века / отв. ред. проф. С. И. Ковалев. — Изд. 2-е. — М. : кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 168 с.

Толмачева Р. П. Колхозы Урала в 50-е годы / под ред. И. М. Волкова. — Томск : изд. Томского ун-та, 1981. — 190 с.

Толмачева Р. П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946—1950 гг.) / под ред. И. М. Волкова. — Томск : изд. Томского ун-та, 1979. — 222 с.

Томилин В. Н. Государство и колхозы 1946—1964 гг. / науч. ред. О. М. Вербицкая. — М. : АИРО-XXI, 2021. — 448 с.

Томилин В. Н. Кампания по освоению целинных и залежных земель в 1954—1959 гг. // Вопросы истории. — 2009. — № 9. — С. 81—93.

Томилин В. Н. Машинно-тракторные станции и колхозы Центрального Черноземья в 1946—1958 годах: неравномерное партнерство // Отечественная история. — 2006. — № 5. — С. 103—108.

Томилин В. Н. Наша крепость : Машинно-тракторные станции Черноземного центра России в послевоенный период: 1946—1958 гг. — М. : АИРО-XXI, 2009. — 400 с.

Тоталитаризм в Европе XX века : Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / рук. авт. колл. Я. С. Драбкин, Н. П. Комолова. — М. : Памятники исторической мысли, 1996. — 540 с.

Тоталитаризм, что это такое? : Исследования зарубежных политологов : сборник статей, обзоров, рефератов, переводов : в 2 ч. — Ч. 2 / Л. Н. Верченов, Ю. И. Игрицкий. — М. : ИНИОН, 1993. — 202 с.

Трапезников С. П. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. — М. : Мысль, 1965. — 616 с.

Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос : в 2 т. — Т. 2 : Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. — М. : Мысль, 1967. — 622 с.

Троцкий Л. Д. Преданная революция : Что такое СССР и куда он идет. — [Б. м.] : Public Domain, 1936.

Турсунбаев А. Б. Освоение целинных и залежных земель и их роль в подъеме сельского хозяйства СССР // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР : Материалы научной сессии, состоявшейся 18—21 апреля 1961 г. в Москве / отв. ред. М. П. Ким ; редкол.: Ю. В. Арутюнян, В. П. Данилов, И. Е. Зеленин. — М. : изд. АН СССР, 1963. — С. 427—434.

Тюрина А. П. Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства. 1946—1958. — М. : Наука, 1973. — 310 с.

Угринович Д. М. Введение в религиоведение. — Изд. 2-е, доп. — М. : Мысль, 1985. — 273 с.

Уледов А. К. Актуальные проблемы социальной психологии. — М. : Мысль, 1981. — 93 с.

Уледов А. К. Структура общественного сознания : теоретико-социологические исследования. — М. : Мысль, 1968. — 324 с.

Уроки дает история / под общ. ред. В. Г. Афанасьева, сост. А. А. Ильин. — М. : Политиздат, 1989. — 414 с.

Федоров А. Н. Перестройка партийных органов Урала в 1948—1949 гг. // Вестник ЮурГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2005. — № 7 (47). — С. 104—107.

Фигатнер Ю. Ю., Коржихина Т. П. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. — 1993. — № 7. — С. 25—38.

Филатов С. В. О проблеме реализации права на отдых колхозных крестьян СССР // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2021. — № 8 (135). — С. 51—53.

Филатов С. В. Реализация Указа 1948 г. о выселении крестьян на Дону // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2022. — № 8 (147). — С. 58—61.

Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР. 1940—1960-е годы: история, теория и практики. — СПб. : изд. Европейского университета в С.-Петербурге : Европейский дом, 2008. — 544 с.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм : Социальная история советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. Л. Ю. Пантина. — М. : РОССПЭН, 2001. — 336 с.

Фицпатрик Ш. Срывайте маски! : Идентичность и самозванство в России XX века : пер. с англ. — М. : РОССПЭН, 2011. — 375 с.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне : Социальная история советской России в 30-е годы: деревня : пер. с англ. — М. : РОССПЭН, 2001. — 412 с.

Фукуяма Ф. Доверие : Социальные добродетели и путь к процветанию. — М. : ООО «Издательство АСТ» : ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 730 с.

Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. — 1990. — № 3. — С. 84—118.

Фуров В. Г. Забота КПСС о повышении благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства (1953—1959 гг.) : На материалах Алтайского края, Новосибирской и Омской областей. — М. : ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1960. — 176 с.

Фэйнсод М. Смоленск под властью Советов / пер. с англ. Л. А. Кузьмина, вступ. Статья и ред. Е. В. Кодина. — Смоленск : ТРАСТ-ИМАКОМ, 1995. — 496 с.

Хайек Ф. А., фон. Дорога к рабству : пер. с англ. — М. : Новое издательство, 2005. — 264 с.

Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время : в 3 т. — Т. 1 : Экономика СССР в конце 1930-х — 1987 год. — Новосибирск : НГТУ, 2008. — 516 с.

Хасянов О. Р. Повседневная жизнь советского крестьянства периода позднего сталинизма. 1945—1953 гг.: на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей. — М. : Полит. энцикл., 2018. — 359 с.

Хлевнюк О. В. Центр и регионы в советской политической системе. Позднесталинская и хрущевская модели регионализации // Власть и общество в условиях диктатуры: исторический опыт СССР и ГДР / сост. Р. Ю. Болдырев, Б. Бонвеч, отв. ред. Р. Ю. Болдырев. — Архангельск : Поморский ун-т, 2009. — С. 224—232.

Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Холодный мир : Сталин и завершение сталинской диктатуры / пер. с англ. Глав 1, 2, 6 А. А. Пешкова. — М. : РОССПЭН, 2011. — 231 с., ил.

Холмс Л. Социальная история России: 1917—1941 / пер. с англ. Л. А. Вертоградовой, А. П. Захаровой, отв. ред. А. В. Лубский, В. Н. Рябцев. — Ростов н/Д. : изд. Ростовского ун-та, 1994. — 144 с.

Христофоров В. С. К истории церковно-государственных отношений в годы Великой Отечественной войны // Российская история. — 2011. — № 4. — С. 172—177.

Хун У. С иконами и песнопениями, или епископ, сбежавший от своих прихожан : Массовые паломничества в России эпохи Сталина и Хрущева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2012. — № 3—4 (20). — С. 232—256.

Цалкин Г. Организация работы налогового инспектора. — М. : Госфиниздат, 1955. — 148 с.

Цыпин В. А. История Русской Церкви. XX век. — Сергиев Посад : [б. и.], 2006. — 199 с.

Чибисов А. В. Условия существования древлеправославной церкви в СССР (1950—1988 годы) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. —2011. — № 3. — С. 258—262.

Чигринов Г. А. Некоторые вопросы развития сельскохозяйственного производства Нечерноземной зоны РСФСР во второй половине 40—50-х годов // История СССР. — 1982. — № 4. — С. 116—124.

Чижикова Л. Н. Социалистические преобразования в культуре и быту колхозного крестьянства Кубани. — М. : [б. и.], 1961. — 32 с.

Чистяков П. Г. Отражение почитания местных святынь в архивах Русской Церкви (по материалам Центрального исторического архива Москвы) // Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее / под ред. А. Б. Безбородова. — М. : РГГУ, 2005. — С. 283—287.

Чистяков П. Г. Почитание местных святынь в советское время: паломничество к источнику в Курской Коренной пустыни в 1940—1950-е гг. // Религиоведение. — 2006. — № 1. — С. 38—49.

Чистяков П. Г. Почитание чудотворных икон в современном православии (Бронницкий список Иерусалимской иконы Богоматери) // Религиозные практики в современной России / под ред. К. Русселе и А. Агаджаняна. — М. : Новое издательство, 2006. С. 214—227.

Чистяков П. Г. Религиозные практики в СССР: крестные ходы и молебны в 1920—1940-е гг. // История : электронный научно-образовательный журнал. — 2013. — Вып. 7 (23). URL: http://mes.igh.ru//s207987840000625-6-1 (дата обращения: 28.02.2015).

Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь и верующие. 1941—1961 гг. — М. : АИРО-XX, 1999. — 248 с.

Чумаченко Т. А. Правовая база государственно-церковных отношений в 1940-е — первой половине 1960-х годов: содержание, практика применения, эволюция // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». — 2008. — Вып. 24. — № 15. — С. 138—149.

Чумаченко Т. А. Совет по делам Русской православной церкви и его уполномоченные в условиях новой церковной политики власти (1958—1964 гг.) // Церковь и государство в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты : Опыт России и Европы / отв. ред. И. А. Филимонова. — М. : кн. дом «Либроком», 2011. — С. 8—34.

Чупрынин И. М. Повышение культурно-технического уровня колхозного крестьянства. — Томск : Томское кн. изд., 1962. — 70 с.

Шаврин В. А. Местные бюджеты СССР. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Госфиниздат, 1946. — 224 с.

Шевцова В. Ф. Православие в России накануне 1917 г. / пер. с англ. Е. Итэсь, В. Шевцовой, отв. ред. Д. М. Буланин. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. — 488 с., ил.

Шестаков В. А. Политика Н. С. Хрущева в аграрной сфере: преемственность и новации // Отечественная история. — 2006. — № 6. — С 106—119.

Шестаков В. А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е — середине 60-х годов. — М. : Наука, 2006. — 296 с.

Шкаровский М. В. Крест и свастика : Нацистская Германия и Православная церковь. — М. : Вече, 2007. — 512 с.

Шкаровский М. В. Последняя атака на Русскую Православную церковь // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал : [в 2 т.] / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. — М. : РГГУ, 1997. — (Россия. XX век ; кн. 4). — Т. 2 : Апогей и крах сталинизма. — С. 328—399.

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943—1964 годах : От «перемирия» к новой войне. — СПб. : Деан : Адиа-М, 1995. — 216 с.

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве : Государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 годах. — М. : Крутицкое Патриаршее подворье : Общество любителей церковной истории, 1999. — 399 с.

Шоль Е. И. «Прослойка», или истоки революций и перестроек. — М. : изд. МАИ, 1996. — 104 с.

Шохова Л. 18 лет ГУЛАГа из жизни епископа Ивана Федотова. — [Б. м.] : Воскресенье, 1992. — 192 с.

Штудер Б., Унфрид Б. Советские партийные кадры. Практика идентификации и дискурсы в Советском Союзе 1930-х гг. / пер. с нем. И. А. Золотарева. — М. : РОССПЭН, 2011. — 247 с.

Шуклецов В. Т. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов и подъем материального состояния колхозного крестьянства в 1953—1957 годах (по материалам Новосибирской области). — М. : изд. ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1960. — 66 с.

Щевьев А. А. Микроистория села: взаимодействие старообрядческой и «мирской» культур и социальные отношения (с. Коровка XVII—XX вв.). — Рязань : Концепция, 2014. — 136 с.

Щюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. — 2003. — Т. 3. — № 2. — С. 3—34.

Экономическая преступность в СССР: от Хрущева до Горбачева (проблемы детерминации, масштабы, формы и особенности государственного противодействия) / В. П. Пашин, С. В. Богданов, С. Г. Емельянов, О. П. Зюбан. — Курск : Юго-Зап. Гос. ун-т, 2012. — 371 с.

Элиас Н. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история / пер. с нем. А. П. Кухтенкова, К. А. Левинсона, А. М. Перлова, Е. А. Прудниковой, А. К. Судакова. — М. : Языки славянской культуры, 2002. — 368 с.

Элиас Н. О процессе цивилизации : социогенетические и психогенетические исследования : в 2 т. — Т. 1 : Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада / пер. А. М. Руткевич. — М. ; СПб. : Университетская книга, 2001. — 332 с.

Юинг Е. Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. / пер. с англ. Д. А. Благова. — М. : РОССПЭН, 2011. — 359 с.

Юхименко Е. М. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. — 280 с.

Юхименко Е. М. Старообрядчество : История и культура. — М. : Криница, 2016. — 851 с., ил.

Яблоков И. Н. Социология религии. — М. : Мысль, 1979. — 182 с.

Ядов А. Г. Укрепление союза рабочего класса и колхозного крестьянства на современном этапе (1953—1960 гг.). — Л. : [б. и.], 1960. — 48 с.

Ярославский Е. М. Библия для верующих и неверующих. — Изд. 11-е. — М. : Госполитиздат, 1962. — 408 с.

Яхновская С. В. Государственное регулирование личных подсобных хозяйств в 1953—1964 гг. // Вопросы истории. — 2012. — № 9. — С. 98—104.

Очерки истории региональных парторганизаций

Очерки истории Брянской организации КПСС / отв. ред. В. А. Смирнов. — Тула : Приокское изд., 1968. — 436 с.

Очерки истории Владимирской организации КПСС / отв. ред. С. И. Сурниченко. — Ярославль : Верхне-Волжское кн. изд., 1967. — 455 с.

Очерки истории Владимирской организации КПСС / отв. ред. С. И. Сурниченко. — Изд. 2-е, доп. — М. : 1972. — 550 с.

Очерки истории Калининской организации КПСС / пред. редкол. В. И. Смирнов. — М. : Моск. рабочий, 1971. — 712 с.

Очерки истории Калужской организации КПСС / общ. ред. А. Ф. Сладкова. — Тула : Приокское изд., 1967. — 410 с.

Очерки истории Костромской организации КПСС / отв. ред. М. И. Синяжников, зам. Отв. ред. Б. Л. Миловидов. — Ярославль : Верхне-Волжское кн. изд., 1967. — 404 с.

Очерки истории Московской организации КПСС. 1883—1965. — М. : Моск. рабочий, 1966. — 768 с.

Очерки истории Орловской организации КПСС / отв. ред. Н. Е. Афанасьев. — Тула : Приокское изд., 1967. — 340 с.

Очерки истории Рязанской организации КПСС 1938—1965 / науч. ред. Н. С. Приезжев. — М., 1974. — 541 с.

Очерки истории Смоленской организации КПСС / пред. редкол. Н. И. Калмык, науч. ред. И. Д. Красильников. — М. : Моск. рабочий, 1970. — 574 с.

Очерки истории Тульской организации КПСС / отв. ред. Н. И. Шмараков. — Тула : Приокское изд., 1967. — 637 с.

Очерки истории Тульской организации КПСС : в 2 кн. — Изд. 2-е, перераб. и доп. / отв. ред. И. Х. Юнак, зам. Отв. ред., рук. авт. колл. Н. Т. Марков. — Кн. 2 : 1937—1983.— Тула : Приокское изд., 1984. — 360 с., ил.

Очерки истории Ярославской организации КПСС. 1938—1965. / науч. ред. В. Т. Анисков. — Ярославль : Верхне-Волжское кн. изд., 1990. — 237 с.

Словари и справочники

Боченков В. В. Старообрядчество Калужского края. — Ржев : Парадигма, 2014. — 512 с.

Корсаков С. Н. Тверские руководители (1917—1991): партия, Советы, комсомол. — Тверь : Буквица, 2002. — 124 с.

«Подражайте вере их» : 40 лет пробужденному братству : в 2 ч. — М. : Христианин, 2001. — 384 с.

Подпольные молодежные организации, группы и кружки (1926—1953 гг.) : справочник / отв. ред. В. С. Христофоров ; сост. И. А. Мазус при участии Е. И. Мазус и Н. Н. Михалевой. — М. : Возвращение : Гос. музей ГУЛАГа, 2014. — 368 с.

Политическая энциклопедия : в 2 т. / рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин ; пред. науч.-ред. совета Г. Ю. Семигин. — Т. 2. — М. : Мысль, 1999. — 701 с.

Политический словарь / под ред. Г. Александрова, М. Гальянова и Н. Рубинштейна. — М. : Госполитиздат, 1940. — 671 с.

Русский демонологический словарь / авт.-сост. Т. А. Новичкова. — СПб. : Петербургский писатель, 1995. — 640 с.

Финансово-кредитный словарь : в 2 т. / гл. ред. В. П. Дьяченко. — Т. 1. — М. : Финансы, 1961. — 664 с.; Т. 2. — М. : Финансы, 1964. — 688 с.

Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б) : историко-биографический справочник / авт.-сост. Ю. В. Горячев. — М. : Граница, 2015. — 1008 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Акифьева Н. В. Колхозное крестьянство Урала (1959—1970 гг.) : дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. — Свердловск, 1987. — 266 с.

Арутюнов Э. К. Российская деревня на завершающем этапе индустриальной модернизации (1953—1985 гг.) : автореф. Дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 — Отечественная история. — М., 2006. — 32 с.

Бикейкин Е. Н. Аграрная модернизация и развитие сельского хозяйства Среднего Поволжья: 1953—1991 гг. (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР) : автореф. Дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 — Отечественная история. — Саранск, 2017. — 47 с.

Брусиловская Л. Б. Культура повседневности эпохи «оттепели»: метаморфозы стиля : автореф. Дис. … канд. культурологии: 24.00.02. — М., 2000. — 26 с.

Вербицкая О. М. Колхозное крестьянство РСФСР в 1946—1950 гг. : (Численность, состав, трудовая активность) : дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. — М., 1981. — 281 с.

Горбачева Р. М. Формирование новых черт быта колхозного крестьянства (по материалам социологических исследований в Ставропольском крае) : дис. … канд. филос. наук: 09.00.00. — М., 1967. — 230 с.

Дрындин В. Л. Попытки реформирования аграрной и промышленной сфер РФ (1953—1964 гг.) в контексте специфики отечественной истории : автореф. Дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 — Отечественная история. — Оренбург, 2004. — 464 с.

Ельчанинова О. Ю. Сельское население Среднего Поволжья в период реформ 1953—1964 гг. : автореф. Дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 — Отечественная история. — Самара, 2004. — 24 с.

Иванов Н. С. Колхозное крестьянство центральных областей Нечерноземной зоны РСФСР в 1951—1958 гг. : дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. — М., 1983. — 246 с.

Ковригина С. В. Повседневная жизнь крестьянства Восточной Сибири в 1945—1953 гг. (на материалах Приангарья) : автореф. Дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. — Иркутск, 2009. — 32 с.

Кометчиков И. В. Крестьянство и власть в 1945—1953 гг. (на материалах областей Центрального Нечерноземья РСФСР) : автореф. Дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 — Отечественная история. Калуга, 2005. — 22 с.

Лаптенок В. Д. О преодолении пережитков капитализма в сознании колхозного крестьянства : дис. … канд. филос. наук: 09.00.00. — Минск, 1958. — 363 с.

Ломшин В. А. Крестьянство и власть Мордовии в послевоенный период (1946 — середина 1950-х годов) : автореф. Дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 — Отечественная история. — Саранск, 2003. — 28 с.

Люшин С. А. Обеспечение материального благосостояния колхозного крестьянства СССР : дис. … канд. экон. наук: 08.00.00. — М., 1955. — 260 с.

Надькин Т. Д. Аграрная политика советского государства и крестьянство в конце 1920-х — начале 1950-х гг. (по материалам Мордовии) : автореф. Дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 — Отечественная история. — Саранск, 2007. — 46 с.

Некрасов А. А. Становление и этапы развития англо-американской советологии : дис. … канд. ист. наук: 07.00.02, 07.00.09. — Ярославль, 2001. — 180 с.

Никитаева Е. Б. Социальные проблемы села в 1960—70-е гг. (на материалах Центрального района России) : дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. — М., 1994.

Новиков Н. Н. Основные факторы формирования коллективизма у колхозного крестьянства : (На материале конкретного социально-психологического

исследования, проведенного в Ярославской, Костромской и Рязанской областях) : дис. … канд. пед. наук: 13.00.00 — Ярославль, 1967. — 190 с.

Пинаева Д. А. Колхозное крестьянство Чувашии в 1953—1985 гг.: исторический опыт и уроки : автореф. Дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 — Отечественная история. — Чебоксары, 2008. — 24 с.

Попов В. П. Колхозное крестьянство Центральных областей Нечерноземной зоны РСФСР в 1959—1970 гг. : дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. — М., 1982. — 285 с.

Сафонов Д. А. Личные приусадебные хозяйства сельского населения Дальнего Востока РСФСР (1945—1953 гг.) : автореф. Дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. — Отечественная история. — Хабаровск, 2014. — 26 с.

Субботин Д. А. Реализация аграрной политики советского государства в 1953—1964 гг. на территории Среднего Поволжья (на материалах Ульяновской области) : дис. … канд. ист. наук: 5.6.1 — Отечественная история. Ульяновск, 2023. — 319 с.

Тарасов Ю. Н. Основные черты образа жизни колхозного крестьянства на этапе развитого социализма : дис. … канд. филос. наук: 09.00.09. — М., 1979. — 219 с., ил.

Федоров А. Н. Функции и кадровый состав партийных органов Урала в первые послевоенные годы : автореф. Дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 — Отечественная история. — Челябинск, 2006. — 26 с.

Филатов С. В. Партийно-государственная аграрная политика и уровень жизни колхозного крестьянства в 1950-е — начале 1960-х гг. (по материалам бюджетных обследований крестьянства Ростовской области и Краснодарского края) : автореф. Дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 — Отечественная история. — Ростов н/Д., 2006. — 26 с.

Хасянов О. Р. Повседневная жизнь советского крестьянства в послевоенное время. 1945—1953 гг. : (На материалах Ульяновской и Куйбышевской областей) : дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 — Отечественная история. — Самара, 2017. — 459 с.

Цеханская К. В. Иконопочитание в русской традиционной культуре : дис. … д-ра ист. наук: 07.00.07 — Этнография, этнология и антропология. — М., 2005. — 446 с.

Шлыкова О. В. Колхозы Нижнего Поволжья в период аграрных реформ в середине 1950-х — середине 1960-х годов : (На материалах Саратовской и Волгоградской областей) : автореф. Дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 — Отечественная история. — Саратов, 2011. — 23 с.

Шустов А. К. Политическое просвещение колхозного крестьянства : (Из опыта работы Костромской партийной организации в 1959—1962 гг.) : дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. — Л., 1963. — 335 с.

Яхновская. С. В. Государственные аграрные преобразования 1953—1964 гг. и личное подсобное хозяйство колхозного крестьянства (по материалам Московской области) : дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 — Отечественная история. — Коломна, 2015. — 319 с.

Литература на иностранных языках

Bauer R. A. The New Man in Soviet Psychology. — Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1952. — 229 p.

Bellis P. Marxism and the USSR : The Theory of Proletarian Dictatorship and Marxist Analysis of Soviet Society. — New York : Palgrave Macmillan, 1979. — 267 p.

Brzezinski Z. The Permanent Purge : Politics in Soviet Totalitarianism. — Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1956. — 256 p.

Cohn E. The Paradox of Party Discipline in the Khrushchev-Era Communist Party // Communist parties revisited : Sociocultural Approaches to Party Rule in the Soviet Bloc, 1956—1991 / ed. By R. Bergien, J. Gieseke. — New York : Berghahn, 2018. — P. 23—45.

Eaton C. B. Daily Life in the Soviet Union. — Westport ; London : Greenwood Press, 2004. — 322 p.

Edele M. Stalinist Society 1928—1953. — New York : Oxford University Press, 2011. — 368 p.

How Russia is ruled / rev. ed. M. Fainsod. — Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1970. — 700 p.

Friedrich C. J., Brzezizinski Z. K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. — 2nd ed. / revised by C. J. Friedrich. — Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1965. — XIII, 438 p.

Gill G. Khrushchev and Systemic Development // Khrushchev and khrushchevism / ed. By M. Mccauley. — London : Macmillan Press, 1987. — P. 30—45.

Hale-Dorrell A. Corn Crusade. Khrushchev's Farming Revolution in the Post-Stalin Soviet Union. — New York : Oxford University Press, 2009. — 328 p.

Harris S. E. Communism on Tomorrow Street. Mass Housing and Everyday Life after Stalin. — Washington, D. C. ; Baltimore : Woodrow Wilson Center Press, 2012. — 394 p.

Harrison M. One Day We Will Live without Fear : Everyday Lives under the Soviet Police State. — Stanford : Hoover Institution Press, 2016. — 254 p.

Inkeles A. Public opinion in Soviet Russia : A Study in mass Persuasion. — Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1951. — 379 p.

Inkeles A. Social Change of Soviet Russia. — Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1968. — 478 p.

Inkeles A., Bauer R. A. The Soviet Citizen : Daily Life in a Totalitarian Society. — Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1959. — XII, 536 p.

Johnston T. Being Soviet Identity, Rumour, and Everyday Life under Stalin 1939—1953. — New York, 2011.

Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. — Berkeley : University of California Press, 1995. — 640 p.

Leonard C. S. Agrarian Reform in Russia : The Road from Serfdom. — New York : Cambridge University Press, 2010. — 402 p.

Moore B., Jr. Terror and Progress USSR : Some Sources of Change and Stability in the Soviet Dictatorship. — Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1954. — 262 p.

Nicolaus M. Restoration of Capitalism in the USSR. — Chicago : Liberator Press, 1975. — 202 p.

Smith G. A. E. Agriculture // Khrushchev and khrushchevism / ed. By M. Mccauley. — London : Macmillan Press, 1987. — P. 95—117.

Smolkin V. A sacred Space Is Never Empty : A history of Soviet Atheism. — Princeton : Princeton University Press, 2018. — 340 p.

Strauss E. Soviet Agriculture in Perspective : A Study of its Successes and Failures. — London : George Allen and Unwin Ltd, 1969. — 328 p.

Sutcliffe B. M. The Prose of Life Russian Women Writers from Khrushchev to Putin. — Madison : The University of Wisconsin Press, 2009. — 212 p.

Totalitarian Dictatorship : New Histories / ed. By D. Baratieri, M. Edele and G. Finaldi. — New York : Routledge, 2014. — 267 p.

Ulam A. B. The New Face of Soviet Totalitarianism. — Cambridge : Harvard University Press, 1963. — 236 p.

Volin l. A Century of Russian Agriculture : From Alexander II to Khrushchev. — Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1970. — 646 p.